

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1958

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК
ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

1 (63)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

Генкер

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1958

Вяч. Иванов

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЯ ХЕТТСКОГО ТЕРМИНА PANKU- «СОБРАНИЕ»

(Окончание *)

4. *Функции хеттского собрания (panku-)*. Двухязычный документ Хаттусилиса I представляет особый интерес для изучения истории хеттского собрания не только потому, что из него можно извлечь рассмотренные выше данные о составе панкуса, но и потому, что в нем говорится и о функциях панкуса. В конце документа определяются обязанности будущего царя — Мурсилиса. Ему вменяется в обязанность следующее (НАВ, III, 59—61, §§ 21—22; сохранился в основном только хеттский текст, от аккадского варианта дошло лишь несколько слов): $\text{u-a-aš-du-ul ku-e-ēl-qa [a-u] t-ti na-aš-šu DINGIR}^{LIM}\text{-ni ku-iš-ki ri-ra-an u-a-aš-ti na-aš-ma ut[-tar]k[u-iš-ki [ku-]it-ki te-iz-zi nu-[z]a pa-an-ku-un EGIR-pa ru-nu-uš-ki}$ «(если) ты [увид]ишь чей-либо проступок (чью-либо провинность) или (если) кто-нибудь перед богом провинится или (если) [к]то-нибудь [ка]кое-нибудь сл[ово] скажет, то (в каждом случае) ты спрашивай панкус». Из этого явствует, что полномочия панкуса были очень широки: царь должен был спрашивать о мнении панкуса в случае чьих-либо провинностей (преступлений), чьих-либо слов (видимо, имеются в виду речи преступного характера с точки зрения царя) и дел, которые могут рассматриваться, как провинность перед богом.

Зоммер считал возможным рассматривать этот текст как свидетельство главным образом религиозных функций панкуса¹. Мысль о том, что панкус имел важные религиозные функции, может быть доказана рассматриваемыми ниже данными религиозных текстов, но в документе Хаттусилиса I «провинность перед богом» выступает лишь как одна из трех категорий провинностей, относительно которых следует спрашивать панкус.

* См. ВДИ, 1957, № 4 (см. там названия работ, на которые в данной части статьи ссылки даются в сокращенной форме).

¹ Sommer — Falkenstein, НАВ, стр. 183; 186; 211. Интерпретация этого текста в исследовании Зоммера представляется во многих отношениях натянутой. Слово u-aš-du , употребленное в цитированной фразе, имеет не только значение «(религиозный) грех», но и «провинность, преступление» (ср. Friedrich, HW, стр. 249). Нет оснований для того, чтобы считать, что в цитированном тексте речь идет обязательно о богохульственном «слове» (т. е. речах), а не вообще о преступных речах. Не является доказанным также и предположение Зоммера об исключительном характере панкуса, который якобы уже при Хаттусилисе мог заниматься только провинностями наиболее важных лиц (это можно считать справедливым лишь по отношению к значительно более позднему царствованию Телепинуса).

Поэтому нет оснований рассматривать панкус как только «культовую общность» (Kultgemeinschaft)²; такое ограниченное понимание функций панкуса противоречит как только что цитированному перечислению случаев, в которых царь должен спрашивать мнение этого собрания, так и тому обстоятельству, что сам Хаттусилис (как позднее Телепинус) обратился к панкусу (и сановникам) с речью о назначении наследника и взаимоотношениях царя и его подданных (т. е. с речью отнюдь не религиозного содержания, хотя в ней и содержатся краткие указания на религиозные обязанности царя).

За приведенным местом билингвы Хаттусилиса следует предложение, которым заканчивается раздел о функциях панкуса: *ni EME[-aš-ša] EGIR-ra ra-an-ga-u-i-pat u[a]-ha-an-za e-eš-du* «и речь (язык) да будет (каждый раз) обращена (буквально: повернута) к панкусу» (НАВ, III, 61—62, аккадский текст сильно поврежден). Это предложение может быть понято двояко: 1) или (что всего вероятнее³) перед панкусом должно происходить обсуждение указанных провинностей, или 2) имеется в виду только последняя часть предыдущего предложения («если кто-нибудь какое-нибудь слово скажет»); в этом случае текст следовало бы понять так: панкусу нужно сообщить об этом «слове» (этой речи). Второе толкование менее вероятно, так как дальше о панкусе ничего уже не говорится, поэтому это (последнее) предложение должно иметь более общий характер. Маловероятно, что раздел о функциях панкуса кончался деталью, по существу повторяющей предыдущее предложение, так как там уже говорилось, что панкус нужно спрашивать по поводу «слова». Следовательно, это предложение нужно понимать скорее всего как указание на необходимость обсуждения преступлений и провинностей перед панкусом.

Предложенная выше интерпретация тех мест билингвы Хаттусилиса, где говорится о роли панкуса, вполне согласуется с данными более позднего древнехеттского текста — документа Телепинуса. Этот документ, как и «завещание» Хаттусилиса, следует считать обращением царя к панкусу. Телепинус, как и Хаттусилис, обращается (во второй части

² Sommer — Falkenstein, НАВ, стр. 186.

³ Так понимают этот текст Götzе, Kleinasien, стр. 80, и Delaporte, Les hittites, стр. 172. Нard у, ук. соч., стр. 199, переводит: let the tongue (i. e. decision?) be turned back to the assembly «путь язык (т. е. решение?) будет повернут назад к собранию», но передача EGIR-ra в данном случае посредством *back* «назад» ошибочна. Интерпретация данного предложения в духе гипотезы о религиозном характере панкуса, данная в монографии Зоммера (Sommer — Falkenstein, НАВ, стр. 184—185), представляется совершенно необоснованной. Зоммер видит в этом предложении пожелание об отвращении гнева богов от панкуса. При этом остается недоказанным, почему ЕМЕ «язык» следует понимать обязательно как «злой язык», из-за которого гнев богов может обрушиться на весь панкус. Зоммер ссылается на употребление ЕМЕ в значении «(злой) язык, дурная речь» в ритуальных текстах, в частности, в сочетании *rangazaš* ЕМЕ, которое он понимает как «язык одного человека, осквернившего ЕМЕ панкус». В действительности же из ритуальных текстов следует, что *rangazaš* ЕМЕ означает «язык целой совокупности людей» (см. ниже), а не «одной личности» (Einzelperson), как думает Зоммер. ЕМЕ не обязательно употребляется в хеттских текстах в значении *idalu* ЕМЕ «злой язык»; это слово может обозначать речь, слова разного рода, например, слова человека, обращающегося с молитвой к богам (KUB, VI, 45, III, 21—22). Ошибочно и понимание Зоммером *arra* (в сочетании с глаголом *raḥnu-*) в этом предложении: учитывая тесную связь этого предложения с предшествующим, можно считать бесспорным, что *arra* в обоих предложениях употребляется в одной и той же функции. Употребление *arra* в первом предложении для обозначения повторяемости действия было правильно отмечено самим Зоммером, переводящим его «каждый раз». Но именно поэтому лишается смысла предлагаемый Зоммером перевод *arra raḥnu-* во втором предложении, тем более невероятный, что этот перевод требовал бы расчленения дательного падежа *rangarī* как формы со значением отложительного падежа.

документа) к аудитории во 2-м лице множественного числа. Собранию, к которому он обращается, Телепинус предписывает быть панкусом (Tel., II, 47, § 30) и судить преступников. Из этого же текста известно, что панкус при Телепинусе функционировал еще до составления данного документа (так как в это время три преступника были осуждены панкусом). Нет оснований думать, что состав панкуса от случая к случаю менялся. Поэтому не подлежит сомнению, что собрание, которое Телепинус призывает быть панкусом, было панкусом и в то время, когда к нему обращался Телепинус ⁴.

Сопоставляя эти тексты, имеющие много общего и в содержании ⁵, и в структуре ⁶, можно установить некоторые характерные черты обращений древнехеттских царей к панкусу. Оба памятника в значительной степени посвящены проблеме наследования престола⁷. Вместе с тем в них очерчиваются юридические функции панкуса и его взаимоотношения с царем в будущем. Документ Телепинуса иллюстрирует функции панкуса и конкретным примером, рассказывая о деле трех преступников, повинных в убийствах и приговоренных к смерти панкусом (§ 26, II, 27—28)⁸. Поскольку далее сообщается, что царь заменил смертный приговор более легким, можно считать, что в данном случае речь идет именно о таком совещании царя с панкусом по поводу преступлений, которое предусмотрено в билингве Хаттусилиса.

Дело Тануваса, Тахарваилиса и Тарухсуса — представителей знатных родов, осужденных панкусом, — Телепинус рассматривает в качестве очень важного прецедента, который в дальнейшем должен определять права панкуса. Обращаясь к панкусу, Телепинус говорит, что Танувас, Тахарваилис и Тарухсус «должны быть знаком» перед панкусом, когда панкус будет судить знатных сановников (II, § 33). По документу Телепинуса панбусу предоставляется право судить высших должностных лиц. Надо думать, что это не было нововведением по сравнению с

⁴ Предположение, что Телепинус обращается к созванному им собранию, высказывал Стеревант, но он не отождествлял это собрание (assembly) с панкусом (см. Sturtevant and Bechtel, A Hittite chrestomathy, стр. 198). Более близка к изложенной выше точке зрения мысль И. М. Дьяконова и И. М. Дунаевской, которые считают документ Телепинуса законом, принятым в панкусе (ЗВАХ, II, стр. 254; 292; к сожалению, в этой работе не учтены связи документа Телепинуса с документом Хаттусилиса). В одной из последних работ Гютербока дается новый перевод цитаты из документа Телепинуса, также исходящий из мысли о том, что Телепинус обращается к панбусу (C ü t e r b o s k, The authority and law..., стр. 19).

⁵ Ср. выше о тождестве употребляемых в обоих памятниках формул, относящихся к врагам царя, пощаженым им. Следует также отметить, что рассказ о восстании, имевшем место при Хаттусилисе, наличествует и в документе Хаттусилиса (НАВ, §§ 12—13), и в памятнике Телепинуса (§ 7). В обоих текстах рассказы о смутах и междоусобице приводятся для того, чтобы обосновать требование об объединении подданных — членов панкуса под властью царя, а также для мотивировки устанавливаемого порядка наследования. Ср. также содержащееся в обоих документах требование, чтобы царь читал таблицы наказа, оставляемого его предшественником.

⁶ Ср. H. G. Güterbock, Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babylonern und Hethitern, II, ZA, N. F., X (1938), стр. 99.

⁷ Относительно изменения выборного характера власти хеттского царя в эпоху Телепинуса ср. И в а н о в, ук. соч., стр. 49. Бездоказательно утверждение Перуцци, будто панкус, созданный (?) Телепинусом, имел il compito specifico di fare rispettare la legalità nei casi controversi per la successione al trono «особую задачу заставлять уважать законность в спорных случаях престолонаследия» (G. Peruzzi, Storia e civiltà degli hittiti, Napoli, 1950, стр. 47). В тексте Телепинуса нет оснований для этой гипотезы.

⁸ Вопрос о функциях панкуса в эпоху Телепинуса подробно рассматривался в ряде работ советских историков. Поэтому в настоящей статье автор касается этого вопроса лишь в той мере, в какой это необходимо для сопоставления текста Телепинуса с другими источниками, не освещавшимися в нашей исторической литературе.

эпохой Хаттусилиса I, так как Хаттусилис обязывал царя спрашивать мнение панкуса обо всех преступлениях, следовательно, и о преступлениях, совершенных высшими сановниками. Но в период, предшествовавший воцарению Телепинуса, преступления, совершаемые представителями высшей знати, оставались безнаказанными; фактически высшие сановники перестали быть подсудными панкусу (что было логическим следствием неравноправия членов панкуса и высшей знати, отмечаемого уже во время Хаттусилиса I, см. выше). Стремясь положить конец непрерывным дворцовым переворотам, Телепинус возрождает старинные права панкуса. Панкусу предписывается судить знатных сановников подобно тому, как были осуждены Танувас, Тахарваилис и Тарухсус. Поскольку высшие посты занимали обычно родственники царя, это означало, что панкус имел право судить представителей царского рода. Но в то же время панкус должен был обезопасить ближайших родственников царя от возможных посягательств царя на их жизнь (Tel., II, § 30, 46)⁹.

Телепинус сам подчеркивает различие между временем, предшествовавшим его воцарению («прежде крови становилось много»), и последующим периодом, когда должен действовать закон об ответственности царя за убийство его братьев и сестер. Поэтому мысль о том, что закон о подсудности царя был нововведением Телепинуса, является вполне обоснованной¹⁰. Но из документа Телепинуса следует только, что подсудность царя панкусу отсутствовала в эпоху перед вступлением на престол Телепинуса. Как явствует из исторической (первой) части документа Телепинуса, правление первых царей древнехеттского периода (кончая Мурсиллисом I — преемником Хаттусилиса) Телепинус рассматривал как образец как во внутренней, так и во внешней политике. Анализ документа Хаттусилиса I позволяет высказать гипотезу о том, что положение о подсудности царя панкусу (в случае, если царь посягал на своего брата или сестру) было нововведением для эпохи Телепинуса, но вместе с тем возвращением к старым обычаям, действовавшим еще при первых хеттских царях.

В билингле Хаттусилиса вслед за заявлением Хаттусилиса о лишении сына его сестры титула «лабарны» (царя) излагаются (довольно подробно, с сохранением чрезвычайно любопытной образности этого «плача») жалобы матери отстраненного наследника. За этими жалобами следуют оправдания Хаттусилиса, который, во-первых, указывает на вред, который принес бы его подданным и сановникам (т. е. его слушателям) отстраненный наследник и его родственники, во-вторых, подробно описывает, как милостиво он (царь) обошелся с преступным племянником, подарив ему после его отстранения «много полей, много быков (и) много овец» (далее в этом месте употребляется формула «пусть он ест и пьет», о которой речь шла выше). Если учесть, что данный памятник является обращением Хаттусилиса I к панкусу, то станет ясно, что Хаттусилис оправдывается перед панкусом, утверждая, что он не причинил зла сыну своей сестры. Аналогичный спор между Хаттусилисом и другой его ближайшей родственницей («дочерью») разворачивается в связи с рассказом о восстании, в котором была замешана эта родственница царя. Эта родственница царя, виновная в государственном преступлении, тем не менее ведет себя очень независимо и требует, чтобы царь выделил ей больше иму-

⁹ Поскольку в указанном месте панкус призывается сказать царю, что «это — дело крови!», следует сравнить это место с § 49 того же текста, где говорится, что царь не должен решать «дела крови».

¹⁰ Этой точки зрения придерживался такой выдающийся ученый, как В. Н г о z n y, Die älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens, Prag, 1943, стр. 162.

щественных ценностей, чем он был намерен дать ей. За этим снова следуют оправдания царя. Эти факты показывают, что в эпоху Хаттусилиса взаимоотношения царя и его ближайших родственников подлежали обсуждению перед панкусом (ср. разобранное выше предложение «язык да будет обращен к панкусу»). Не могло идти и речи о том, чтобы царь убил неугодных ему родственников. Высшим наказанием для родственников царя было нечто вроде «почетной ссылки»: им выделялись дворцы, земли, скот и предоставлялась возможность «есть и пить» (т. е. пользоваться всеми благами).

После царствования Хаттусилиса I положение меняется. Ожесточенная борьба за власть между представителями знатных родов, царскими родственниками и свойственниками привела к тому, что убийство царя или его родственников стало обычным явлением. Телепинус стремился положить конец длительному периоду царубийств и актов кровной мести. С этой целью он восстановил древний обычай, по которому взаимоотношения царя с его братьями и сестрами контролируются панкусом. Но вместе с тем был введен и новый закон, продиктованный изменившимися условиями: за убийство брата или сестры царь отвечал своей головой. По существу этот новый закон был продолжением тех же древних установлений, но с тем отличием, что в древности убийство царем его родственников было бы фактом исключительным или вовсе невероятным.

5. *Употребление существительного ranku- в хеттских текстах религиозного содержания и вопрос о религиозных функциях ranku-*. Религиозные памятники позволяют сопоставить употребление ranku- в качестве прилагательного с употреблением ranku- в качестве существительного в сходном контексте, а именно в сочетании с существительным, обозначающимся идеограммой EME (хеттское lala) ¹¹ «язык». Ввиду того, что употребление ranku- в качестве прилагательного должно было предшествовать субстантивации этого прилагательного, целесообразно начать рассмотрение этих сочетаний с тех случаев, где ranku- — прилагательное.

Прилагательное ranku- в форме родительного падежа единственного числа rangauaš в ряде случаев употребляется в качестве определения к существительному (в форме род. пад. ед. ч.), сочетающемуся с EME и показывающему, о чем языке (т. е. о чем злоречии) говорится в данном ритуале. В двух случаях имеется в виду злоречие (дурной язык, дурное мнение) всего рода (семьи) или же всех родов (семей), соответственно ranku- употребляется в сочетаниях rangauaš hanšannaš EME-an «язык целого (совокупного) рода (семьи)» (KUB, 4, IV, 9 + HT, 6, пер., 17), rangauaš MAŠ^{HI.A} EME-an «язык целого (совокупного) рода (или «совокупных родов», так как идеограмма MAŠ «род» употреблена здесь с показателем множественности HI.A) (KUB, IX, 4, IV, 13). Эти случаи представляют особый интерес потому, что связь терминов ranku- «род» и ranku- позволяет считать употребление прилагательного ranku- в качестве определения рода весьма архаичным (см. ниже).

В другом случае речь идет о «языке» еще более обширной совокупности людей: DUMU.LÚ.GÁL.LU rangauaš EME «язык всего (совокупного) человечества» (KUB, XII, 58 = Tun., 38). Последний пример оказывается особенно поучительным потому, что наряду с цитированным выражением, где ranku- является прилагательным, в том же риту-

¹¹ О хеттском lala «язык» см. H. O t t e n, Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen, В., 1953, стр. 77, прим. 83; H. O t t e n, Bib. Or. VIII (1951), № 6, прим. 9 на стр. 225; E. L a r s e n, RAss, XLVIII (1954), №1, стр. 46; ср. о родственном палайском слове A. K a m m e n h u b e r, OLZ, 1954, стр. 231; Г. А. К а п а н ц я н, Ar. Or., XXII (1954), № 4, стр. 510.

але Туннави в сходном контексте ranku- употребляется в качестве существительного. Рассмотрим подробнее этот случай.

Данный религиозный текст посвящен ритуальному очищению человека, который был до этого осквернен. Важнейшие с точки зрения хеттской религии понятия перечисляются при этом в такой последовательности: кто-то сделал его нечистым перед судом богов (*PA-NI DINGIR*^{MES} ku-iš-ki ra-ar-ra-ah-ta «перед богами кто-то сделал нечистым» — Tun., II, § 18,31—32), перед судом мертвых (ag-ga-an-da-aš ku-iš-ki pi-ra-an ra-ar-ra-ah-ta «перед мертвыми кто-то сделал нечистым» — Tun., II, 32—33), перед судом человечества (*PA-NI DUMU.LÚ.GÁL.LU* ku-iš-ki ra-ar-ra-ah-ta «перед человечеством кто-то сделал нечистым» — II, 33). Затем тот, ради кого совершается ритуал, освобождается от «дурной нечистоты, колдовства (и) виновности» (i-da-lu ra-ar-ra-tar al-ua-an-za-tar a-aš-ta-ja-ra-tar — Tun., II, § 19,36). После этого вновь перечисляются (в той же последовательности) боги, мертвые (души мертвых) и человечество. Оскверненный освобождается от последствий того, что он был сделан перед ними нечистым: от «гнева бога» (*ŠA DINGIR-LI* kar-pi-in — II, 37, § 19), «страха мертвых» (ag-ga-an-ta-aš... ha-tu-ga-tar — II, § 19, 37) и, наконец, от «дурного языка всего (соединенного, совокупного — rangauaš) человечества»: *ŠA DUMU.LÚ.GÁL.LU* ma-aš-ši-kán ra-an-ga-u-ua-aš i-da-lu-un EME-an da-aš-ki-mi «и его (ее) я избавляю от дурного языка (злоречия) всего человечества» (Tun., II, 38—39).

Далее в том же ритуале вновь говорится об освобождении от дурной нечистоты (оскверненности), колдовства и виновности и об избавлении от гнева богов, страха мертвых и дурного отношения человечества: na-at ar-ḥa tar-[n]a i-da-lu ra-ar-ra-tar al-ua-za-a-a-tar a-aš-ta-ja-ra-tar *DINGIR*^{MES}-aš kar-pi-in ag-ga-an-ta-aš ha-tu-ga-tar *DUMU*-la-an-na-aš ḥu-i-ra-ja-ta-an na-at ar-ḥa tar-na «и устрани это! Дурную оскверненность, колдовство, виновность, гнев богов, страх мертвых, злое отношение человечества¹², — устрани это!» (Tun., II, § 22,57—60). Наконец, «дурная нечистота, колдовство и виновность» (idalu papratar aluazatar aštajatar — Tun., § 31, III, 39—40) перечисляются еще раз, причем за этим перечислением вновь следует «гнев богов» (*DINGIR*^{MES}-aš kar-pi-in). Но за этим перечислением, повторяющимся в одинаковом контексте третий раз, следует EME «язык» в сочетании не с rangauaš *DUMU.LÚ.GÁL.LU* «всего человечества» (в значении «язык всего человечества»), как до этого, а в сочетании с родительным падежом единственного числа **существительного** ranku-: ra-an-ga-u-ua-aš EME-an (Tun., III, § 31,42)¹³.

Сходство всего окружения, в котором в двух параллельных местах ритуала Туннави употребляется rangauaš *DUMU.LÚ.GÁL.LU* EME и rangauaš EME, не позволяет сомневаться в том, что значения этих двух выражений очень близки. По-видимому, существительное ranku- в этом кон-

¹² Полное тождество этого текста (Tun., II, 57—60) предыдущему аналогичному тексту (Tun., II, 36—39) не позволяет сомневаться в том, что ḥuiraḥatt- синонимично idalu EME «злой язык». Поэтому можно с большей определенностью говорить о значении этого слова, чем это делалось до сих пор (ср. неуверенный перевод F r i e d r i c h, HW, I, стр. 71).

¹³ Одним из недостатков рассуждений Зоммера о выражении rangauaš EME (S o m m e r—F a l k e n s t e i n, НАВ, стр.138) является то, что он не учитывал контекста (в широком понимании). Поэтому Зоммер не заметил, что место этого выражения в перечислениях определяется иерархией религиозных понятий, что доказывается рассмотренным выше текстом.

тексте выступает в значении «целая очень обширная совокупность людей»; соответственно rangauš EME означает «язык целой обширной совокупности людей». Правильность такого перевода подтверждается и тем, что в одном ритуальном тексте говорится о волшебном изображении «языка всех» (hu-u-ma-an-da-aš EME-an — KUB, XXIV, 12, II, 6); здесь *humanteš* «все» выступает в качестве синонима существительного *pankuš* «обширнейшая совокупность людей, включающая всех»¹⁴.

Необходимо обратить внимание на то, что в выражении rangauš EME (которое очень часто употребляется в ритуальных текстах¹⁵), *panku-* означает совокупность людей, мнение которой имеет очень большое значение: «(злая) речь этой совокупности людей» (rangauš EME) в ряде текстов в перечислениях занимает второе место — вслед за гневом богов (DINGIR^{MEŠ} -aš kar-pi-in)¹⁶. В этом отношении употребление *panku-* в религиозных текстах сближается с употреблением *panku-* в качестве названия собрания, мнение которого определяет судьбу человека.

Зоммер считал, что в религиозных текстах речь идет о панкусе, т. е. о *panku-* в значении социального термина¹⁷. Эту гипотезу в той форме, в которой ее изложил Зоммер, принять нельзя. Зоммер полагал, что выражение rangauš EME означает «язык (речь) одного члена панкуса, осквернившего весь панкус» и навлекшего на панкус несчастья (гнев богов). Но анализ контекста, в котором употребляется это выражение, показывает ошибочность такой интерпретации: в действительности rangauš EME означает «язык» (речь) целой совокупности людей, очень обширной (ср. параллельное «язык всего человечества», см. выше). Зоммер думал, что один человек навлекает кару (гнев богов) на весь *panku-* (панкус); но анализированный выше текст ритуала Туннави показывает, что, наоборот, человек становится ритуально нечистым «перед божеством и перед всем человечеством» и поэтому боится гнева богов и злой речи *panku-*. Таким образом, сочетание rangauš EME следует истолковывать совсем не так, как предлагает Зоммер. Однако мысль о том, что *panku-* в этом выражении может быть связано с *panku-* «панкус, народное собрание», заслуживает внимания.

При ритуальном очищении (см. выше) человека освобождают от гнева богов, перед которыми он стал нечистым, и от дурного языка всего человечества, перед которым он стал нечистым; позднее речь идет об освобождении от гнева богов и от дурной (злой) речи *panku-* — обширной совокупности людей. Если сопоставить это с предписанием Хаттусилса I о необходимости советоваться с панкусом по поводу провинностей перед божеством, то очень частая в ритуальных текстах связь «гнева богов» с дурной речью панкуса (т. е. с речью панкуса, направленной про-

¹⁴ Ср. выше о синонимичности *humant-* и *panku-* в конце перечислений и в применении к населению целой страны.

¹⁵ К случаям употребления этого выражения, указанным Зоммером (S o m m e r — F a l k e n s t e i n, НАВ, стр. 138), в настоящее время следует прибавить следующие места текстов, опубликованных в 1953 г.: KUB, XXXV, 80, I, 10 и 13; KUB, XXXV, 146, III, 3 (в тексте KUB, XXXV, 80, I, 10 засвидетельствована партитивная аппозиция: ra-an-ga-u-da-az EME-az «от языка *panku-*», ср. аналогичную конструкцию во фрагменте Во 3290, приведенном в кн. O t t e n, Zur... Bestimmung des Luvischen, прим. 83 на стр. 77).

¹⁶ См., KUB, IX, 4, II, 8; KUB, IX, 34, IV, 8; ср. также и рассмотренный выше текст, Tun., III, § 31.

¹⁷ S o m m e r — F a l k e n s t e i n, НАВ, стр. 138 и 186. Эта точка зрения не подвергалась обсуждению в научной литературе. В работах зарубежных хеттологов в этом вопросе господствует полная неясность. Так, в последней книге Оттена *panku-* в ритуальных текстах в сочетании с EME переводится то в соответствии с концепцией Зоммера (O t t e n, ук. соч., стр. 77, прим. 83), то просто как «толпа, множество (людей)» (там же, стр. 93).

тив того, кто провинился перед божеством) становится вполне понятной. Согласно воззрениям хеттов, «совершивший преступление считался ритуально нечистым» (ЗВАХ, II, стр. 101, прим. 2); поэтому упоминание панкуса — юридической инстанции — в религиозном тексте, описывающем ритуал очищения, является закономерным. Сушестввенно также и то, что (злая) речь панку- представляла опасность не только для отдельного человека, но и для целого селения (URU), как это следует из ритуалов, где селение (или город) освобождается от злой речи панку-: *ma-a-an URU-an iš-ḫa-na-aš li-in-ki-ja-aš ra-an-ga-u-ḫa-aš la-la-aš a-ni-ja-mi* «когда я совершаю (обряд для очищения) города (селения) от крови (кровявого дела) клятвопреступления (злого) языка панку-¹⁸». В этом ритуале город (селение) освобождается от преступлений и от (злой) речи панку-, вызванной этими преступлениями. Поэтому можно думать, что панку- в данном случае выступает в качестве названия юридической инстанции, от решения которой зависела судьба селения. Наиболее веским доводом, говорящим в пользу такой интерпретации выражения *paṅḡaḡaš EME* «язык панку-», является употребление параллельного сочетания *paṅḡaḡaš IGI^{HI.A}* «глаза обширной совокупности людей (=панкуса)».

«Глаза» (*IGI^{HI.A}*) употребляются в ритуальных текстах в значении, очень близком к *EME* «язык», как об этом свидетельствует следующее место: *i-da-lu-uš-ḫa-aš-ša-an an-tu-u-ḫa-ah-za i-da-lu-uš EME-aš i-da-a-la-ḫa IGI^{HI.A}-ḫa* «дурной (злой) человек, дурной (злой) язык, дурные (злые) глаза» (KUB, XII, 44, III, 6—8). Здесь объединяется зло, связанное с дурной речью, и зло, идущее от глаза, дурного глаза. Поэтому значение сочетания *paṅḡaḡaš EME* должно быть близко к значению сочетания *paṅḡaḡaš IGI^{HI.A}*. Значение сочетания *paṅḡaḡaš IGI^{HI.A}* выясняется из следующего ритуального текста: *ar-ḫa-ma-at-ši-kán da-ah-ḫu-un SAL.ŠU.GI na-at-ši-kán ar-ḫa an-šu-un KUR-e-an-da-aš tar-ku-ḫa-an-da IGI^{HI.A}-ḫa LUGALSAL.LUGAL URU-aš Éad-da-aš an-na-aš LÚ^{MEŠ} RA-BU-TIM LÚ^{MEŠ} HA-AZ-ZI-IA-AN-NI LÚ^{MEŠ} ma-ni-ja-ah-ḫi-ja-aš EN-aš LÚ^{MEŠ} DUMU.É. GAL tar-ku-ḫa-an-da IGI^{HI.A}-ḫa da-ah-ḫu-un pa(n)-ga-u-ḫa-aš ma-ni-in-ku-ḫa-an-da tar-ku-ḫa-an-da IGI^{HI.A} ŠA É-TI SAG.DÌM.ÌR^{MEŠ} tar-ku-ḫa-an-da IGI^{HI.A}-ḫa da-ah-ḫu-un* «я избавила его от этого (буквально «я взяла это прочь от него»). Я, старая женщина [действующее лицо многих хеттских ритуальных текстов], стерла это с него: страны гневный¹⁹ взгляд; царя (и) царицы, города, родительского дома, знатных (людей), главного в городе²⁰, правителя страны, господина, „сынов дворца“ гневный взгляд, панкуса пристальный гневный взгляд, служителей дома гневный взгляд я взяла (убрала)» (KUB, XXIV, 13, III, 18—23 = HT, 94). Из контекста следует, что в сочетании *paṅḡaḡaš IGI^{HI.A}* панку- следует понимать как общественный термин; это подсказывает перечисление рядом с «глазами панкуса» «глаз» (*IGI^{HI.A}*), т. е. «взглядов» различных должностных лиц, царя и царицы и т. п. В осо-

¹⁸ KUB, XXX, 35, I, 1; ср. также аналогичный текст Bo 3290 (фрагмент, приведенный в кн. O t t e n, ук. соч., стр. 77, прим. 77).

¹⁹ Перевод *tarkuḡanda* «гневный» обоснован А. Goetze, Hittite *tarkuwa(i)*, «Language», XV (1939), № 2, стр. 118—119.

²⁰ А. Goetze, The Hittite ritual of Tunnawi, переводит *LÚ^{MEŠ} HA-AZ-ZI-IA-AN-NI* «мэр» («the mayor»), но этот перевод является крайней модернизацией хеттского общественного устройства.

бенности показательно то, что «взгляду панкуса» предшествует «взгляд сынов двorca», которые, как показывает документ Телепинуса и фрагмент 2 Во TU, 10 β, входили в состав панкуса. Существенно также и то, что перечисление начинается со «взгляда страны»²¹. Судя по этому тексту, panku- и в ритуальных текстах могло иметь значение «панкус, собрание».

Наряду с сочетаниями pangauš IC^{III.A} и pangauš EME в хеттских сакральных текстах засвидетельствовано выражение pangauš TI-tar «жизнь целой совокупности людей»²². Ввиду того, что выражение pangauš TI-tar «жизнь panku-» часто встречается в текстах предсказаний²³, представляется целесообразным сопоставить с употреблением panku- в этом выражении другие случаи употребления существительного panku- в текстах, где описываются предсказания. Существительное panku- очень часто встречается в хеттских текстах, описывающих предсказания оракула «действия» (KIN)²⁴. Предсказания этого оракула давались после бросания жребия²⁵. В соответствующих ритуальных церемониях большую роль играл panku-. При описании предсказания оракула KIN сообщается, что panku- дал невыгодное (для спрашивающего) решение: pan-ku-uš-za KAP-la-tar HUL-lu-ia ME-aš (KBo, II, 6, III, 25) «panku- дал неблагоприятное решение (буквально: неблагоприятность) и зло»²⁶. Эта формулировка напоминает о юридических функциях панкуса и о выражениях «(злой) язык panku-» и «гневный взгляд panku-» в рассмотренных выше ритуальных текстах. Употребление существительного panku- аналогично употреблению слова LUGAL-uš «царь» в том же тексте оракула KIN (KBo, II, 6, 1, 22): LUGAL-uš-za ZAG-tar ... ME-aš «царь дал благоприятное решение»²⁷. Из сопоставления двух приведенных мест следует, что panku- в этом тексте употребляется в значении инстанции, решение которой может быть соотнесено с решением царя. Но нельзя думать, что в текстах оракула KIN речь идет о юридических инстанциях в буквальном смысле слова.

²¹ Ср. выражение pankuš^{URU}Hatti «панкус страны Хатти=вся (совокупная) страна Хатти».

²² В тексте KUB, XXXV, 146, II, 3 употребляется также выражение того же типа pangauš huššil, но о значении этого выражения судить нельзя, так как неизвестно значение слова huššil в данном тексте, см. Weinger, OLZ, 1954, № 7 8, стр. 297; о значении слова huššil ср. Goetze, The Hittite ritual of Tunlawi, стр. 67—68; Friedrich, HW, I, стр. 77; в пользу предположения о заимствованном характере этого слова говорят его фонетические особенности, ср. чередования huššili-/huššuli-(O t t e n, Bib. Or., VIII, № 6, стр. 227, прим. 20); ср. Telepinu-/Telepinu- и т. п.

²³ См. об этом Goetze, JCS, I (1947), № 1, стр. 87; Friedrich, HW, I, стр. 96. Гётце переводит это выражение «life of the pankus», Фридрих — «Leben der Gemeinschaft».

²⁴ Ср. о тексте KUB, XXXVI, 46,7 — E. Lagroche, OLZ, 1956, стр. 421.

²⁵ Толкование A. Götze, Kleinasien, München, 1933, стр. 141, принятое G. Furlani, La religione degli hittiti, Bologna, 1936, стр. 136; ср. также Friedrich, HE, II, стр. 75; оригинальную, но фантастическую интерпретацию оракула KIN (основанную в целом на описании Гётце) дает M. Riemerschneider, Augengott und heilige Hochzeit «Fragen zur vorgeschichtlichen Religion», I, Lpz, 1953, стр. 199 и стр. 162, прим. 1.

²⁶ В первые годы исследования хеттского языка Зоммер ошибочно принял в этом предложении (и другом, ему аналогичном) форму им. пад. pankuš за форму род. пад. (F. Sommer, Hethitisches, II, Lpz, 1922, стр. 17—18, прим. 1). Стеревант в 1951 г., со ссылкой на эту работу Зоммера тридцатилетней давности, говорил о редкой форме род. пад. на -uš и пробовал даже дать ей сравнительно-историческое объяснение: E. H. Surtelvant and A. Hahn, A comparative grammar of the Hittite language, I, New Haven, 1951, стр. 86. Ср. аналогичную ошибку в Friedrich, HW, стр. 157.

²⁷ ZAG-tar «благоприятность» — противоположность KAP-la-tar «неблагоприятность» в текстах, относящихся к оракулам. Установлено F. Hrozny, Hethitische Keilschrifttexte aus Boghazköi, Lpz, 1919, стр. 35, прим. 7.

Как уже указывалось в научной литературе, *panku-* и *царь* в текстах оракула KIN выступают во время бросания жребия²⁸. Из различных хеттских источников известно, что *царь* лично принимал участие в самых разнообразных религиозных церемониях, празднествах, гаданиях²⁹. Поэтому надо думать, что и в гаданиях оракула KIN отражены эти религиозные функции царя. Поскольку *pankuš* наряду с царем участвует в гаданиях этого оракула, в текстах оракула KIN можно видеть отражение особых религиозных функций древнего собрания. В текстах оракула KIN существительное *pankuš* обычно сочетается с глаголом ME-aš «дал»; часто в этих текстах параллельно употребляются существительные *pankuš* и LUGAL-uš. Исключительный интерес представляет то, что в тексте оракула KIN — KUB, VI, 3, 13, 17 в аналогичном сочетании с LUGAL-uš «царь» и ME-aš «дал» употреблено существительное *pankur* «род». Чередование родственных существительных *pankur* и *pankuš* в параллельных текстах оракула KIN показывает, что значение *pankuš* в этих текстах было близко к значению *pankur* «род»³⁰. Поэтому можно предположить, что в текстах оракула KIN отражены религиозные функции собрания (*pankuš*) рода (*pankur*). В указанном тексте оракула KIN слово *pankur* «род» употребляется вместе со словом TI-tar «жизнь» (KUB, VI, 3, 13, 17), что можно сопоставить с выражением *panḡaḡaš TI-tar* «жизнь *panku-*», часто употребляющимся в текстах предсказаний (см. выше). Это сопоставление показывает, что *panḡaḡaš TI-tar* могло иметь значение «жизнь всего рода, племени, всего данного общества».

Полный параллелизм выражений *panḡaḡaš EME* «язык *panku-*», *panḡaḡas IGI.Ḫ.Ḫ* «глаза (взгляд) *panku-*», *panḡaḡas TI-tar* «жизнь *panku-*», равно как и употребление этих словосочетаний в текстах близких жанров, делают вероятным тождество значений *panku-* во всех этих сочетаниях. Выражение *panḡaḡaš ḫanšannaš EME* «язык целого рода» показывает,

²⁸ G ö t z e, Kleinasion, стр. 141; Furlani, La religione degli hittiti, стр. 136. И Гётце, и Фурлани считают, что речь идет о *панкусе-собрании* (l'assemblea «собрание» у Фурлани). Ср. также M. R i e m s c h n e i d e r, ук. соч., стр. 199.

²⁹ F u r l a n i, La religione degli hittiti, стр. 114; ЗВАХ, II, стр. 291—292. О религиозных функциях хеттского царя ср. также R. D u s s a u d, Les religions des hittites et des hourrites, des phéniciens et des syriens² («Mana. Introduction à l'histoire des religions. Les anciens religions»), P., 1949, стр. 350—351.

³⁰ Ср. И в а н о в, Социальная организация..., стр. 47. Параллелизм в употреблении слов *pankur* и *panku-* в текстах оракула KIN ранее не отмечался в научной литературе; на употребление слова *pankur* в данном тексте обратил внимание Фридрих в одной из своих ранних работ (ZA, N. F., I, Hft 3, 1924, стр. 184), но эта его статья написана задолго до того, как была установлена связь между словами *pankur* и *panku-*. Впервые связь этих слов была предположена А. Г ö t z e, Über die hethitische Königsfamilie, Ar. Or., II (1930), № 1, стр. 161, но он (как и все другие зарубежные ученые, занимавшиеся вопросом о родстве данных слов) не обратил внимания на то, что оба эти слова являются социальными терминами. Против гипотезы Гётце выступил Зоммер, который ошибочно предположил для слова *pankur* исходное значение «часть тела, связанная с размножением» (S o m m e r — F a l k e n s t e i n, НАВ, стр. 76 и 241), не заметив того, что связь социальных терминов *pankuš* «собрание» и *pankur* «род» доказывается текстом билингвы Хаттусилдса (см. И в а н о в, Социальная организация..., стр. 46—47). Не занимаясь семантическим анализом связи этих слов и Э. Б е н в е н и с т, Индоевропейское именное словообразование, М., 1956, стр. 62, который, однако, дал верную интерпретацию их морфологического соотношения. Следует отметить, что из-за недоразумения является ссылка на Бенвениста в статье А. К а m m e n h u b e r, Zur Genese der hethitischen-r/-n- Heteroclitica, «Corolla linguistica. Festschrift F. Sommer», Wiesbaden, 1955, стр. 105. Э. Бенвенист не только не говорит об отсутствии морфологических параллелей в индоевропейском (как ошибочно утверждает А. Камменхубер), а показывает архаичность данного типа именных основ, приводя, между прочим, древнеармянские факты, особенно близкие к хеттским, ср. армянск. *barjġ* «высокий» (из **bhrġhur*), *barjġnk*^c (из **bhrġhun-*), хеттск. *parku* (из **bhrġhu*) «высокий» и совершенно родственное хеттск. *pankur* (из **bhrġhur*), *pankun-aš* (из **bhrġhun-*) и *panku-* (из **bhrġhu-*).

что и в сочетаниях с ЕМЕ panku- могло употребляться, когда речь шла о совокупности членов рода. Как явствует из текстов, в которых употребляется выражение pangauš ЕМЕ, имелась в виду «(дурная, злая) речь, неблагоприятный приговор всего рода, племени, всей данной общественной группы». Такой приговор выносился на собрании рода, племени, всего данного общества, чем объясняется рассмотренное выше употребление выражений pangauš ЕМЕ и pangauš IGI^{III.A} в хеттских ритуалах. С такой интерпретацией значения pankuš в хеттских текстах религиозного содержания согласуется и употребление этого существительного в текстах оракула KIN³¹.

Рассмотренные выше факты проливают свет и на другие случаи употребления pankuš в ритуалах. В тех случаях, когда pankuš в ритуалах не сочетается с ЕМЕ «язык», это существительное употребляется в значении «совокупность людей, занимающихся ритуальными церемониями; совокупность всех, участвующих в совершении обряда»³². Часто panku- обозначает совокупность поющих или восклицающих во время богослужения. Так, в хеттских молитвах Мурсилиса II дважды повторяется стереотипная формула: nu ra-an-ku-uš a-ra-a-at e-eš-du hal-za-a-i «и совокупность всех участвующих в совершении обряда восклицает: „Да будет так!“»³³. Но panku- может относиться и к тем, кто совершает ритуальные действия, например, в недавно опубликованном ритуальном тексте (KUB, XXXV, 1, пер. 3 = LTU, стр. 9) ra-an-ku-uš i-ia-at-ta-[ri] «все участвующие в совершении обряда ид[ут] (выступ[ают])»...³⁴. В этом значении panku- может быть противопоставлено одному³⁵, двум (KUB, XXXV, 1, 36, IV) или трем (KUB, XV, 8, II, 11) людям, исполняющим особые функции при богослужении. Такие случаи показывают, что pankuš обозначал большую совокупность участвующих в обряде³⁶. Особый интерес представляет опубликованный в 1953 г. текст KUB, XXXV, 136, IV, где приводятся ритуальные песнопения, которыми обменивается pankuš и два человека, носящих название LU^{MEŠ} GAL-ŠU.NU «их начальники, главные над ними»³⁷.

³¹ Хеттские тексты оракулов имеют много общего с ритуальными текстами, ср. напр., замечания О т т е н а (Bib. Or., VIII, № 6, 229) о хеттском памятнике, в котором сочетаются черты текста оракула и ритуала.

³² НТ, 39, об., 4; KUB, XII, 8, II; III, 4; KUB, XXV, 36, II, 10; 14; 37, II, 21; 38, 5, 8; 11 и др. Ср. употребление baḥu- в «Ригведе» в следующих сочетаниях: baḥavas vīrḡas «многочисленные певцы, молящиеся» (RV, II, 18, 3), baḥavas maṇiṣīdas «многочисленные молящиеся (те, кто возносит молитву во время жертвоприношения)» (RV, IX, 85,3; IX, 72,2) и baḥavas páras «многочисленные мужи (совершающие жертвоприношение)» (RV, X, 107, 3).

³³ Издание О. R. G у r n e y, Hittite prayers of Mursili II, «University of Liverpool, Annals of archaeology and anthropology», XXVII (1940), стр. 34 и 36, А, IV, 18—19; В, II, 18—19; С, III, 43.

³⁴ Поэтомu слишком узок перевод panku- «хор» в текстах такого рода, данный Гётце («the chorus» — A. G o e t z e, Hittite ritual of Tunawī, стр. 33) и принятый Вернером (W e r n e r, OLZ, 1954, стр. 297). Вернее перевод G у r n e y, Hittite prayers of Mursili II, стр. 35, 37, 116: «The congregation», но этот термин в английском языке имеет значения, слишком тесно связанные с христианским культом (как русское «паства»). Для перевода хеттского термина желательно выбрать более точный эквивалент, не называющий чуждых хеттскому обществу ассоциаций.

³⁵ F r i e d r i c h, Zu AO 24, 3, ZA, NF, II (1925), стр. 279.

³⁶ О количестве лиц, определяемых термином pankuš в ритуальных текстах, могут дать понятие археологические данные: согласно G у r n e y, The Hittites, стр. 145—147 и стр. 143—147, рис. 9, 10, вся совокупность участвующих в обряде («congregation») располагалась во внутреннем дворе богазкейских храмов площадью от 200 до 500 м².

³⁷ Ср. аналогичное сочетание терминов GAL.ŠU.NU и pank[uš] во фрагменте 164/к (LTU, стр. 115), найденном во время раскопок 1952 г.

* * *

В свете рассмотренных выше фактов можно предположить, что употребление хеттского существительного *pankuš* в ритуальных текстах связано с древними *sancta gentilitia* — религиозными празднествами, в которых принимала участие вся совокупность (*pankuš*) членов рода (*pankur*). Как данные текстов исторического (политического) содержания, так и данные религиозных текстов свидетельствуют о том, что *panku-* обозначало собрание членов определенной общественной группы (первоначально рода, а затем и больших общественных единиц), имевшее юридические и религиозные функции.

Можно предположить, что *panku-* еще задолго до создания первых письменных памятников часто употреблялось в значении «совокупный, соединенный (о социальной единице — роде или племени)». Этим бы можно было объяснить, с одной стороны, образование от него существительного архаичного гетероклитического типа *pankur* «род», с другой стороны, субстантивированное употребление слова *panku-* в значении «родовое или племенное собрание», позднее «народное собрание». Высказанная гипотеза подтверждается данными древнейших хеттских текстов, показывающих, что связь значений *pankur* «род» и *pankuš* «народное собрание (собрание воинов)» ощущалась еще в эпоху Хаттусилиса I³⁸. Таким образом, лингвистическое исследование позволяет подтвердить высказанную в трудах ряда советских историков мысль о том, что *pankus* был пережитком собрания, характерного для родового строя³⁹.

В исторических, политических и юридических документах Нового царства термин *panku-* «собрание» не встречается. К новохеттскому периоду могут быть отнесены лишь некоторые религиозные памятники, в которых *panku-* употребляется в значении, близком к значению «собрание (рода, всего общества)». Но, во-первых, эти памятники сохраняют многие архаичные черты, в частности, их язык близок к древнехеттскому. Во-вторых, в этих памятниках имеются в виду прежде всего религиозные функции *panku-* «собрания (рода, племени)». Между тем, известно, что учреждения, восходящие к родовым, могут продолжать функционировать в качестве религиозных товариществ долгое время после того, как они лишаются политического значения. Поэтому данные религиозных текстов не могут быть использованы для доказательства существования *pankus* как политического органа в новохеттский период.

Необоснованной является гипотеза Э. Стертеванта, считавшего обращением к *pankus* автобиографию Хаттусилиса III — одного из царей новохеттского периода. По мнению Стертеванта, «хотя документ... не обращен явно к этому органу, трудно понять, какую другую цель он мог бы иметь»⁴⁰. В действительности же автобиография Хаттусилиса III имеет явно выраженную религиозную цель — прославление богини Иштар⁴¹. Но эта религиозная цель обусловлена целью политической: Хаттусилис III, прославляя Иштар, прославляет вместе с тем самого себя — любимца и избранника этой богини. Все поступки Хаттусилиса оправ-

³⁸ См. И в а н о в, ук. соч., стр. 47.

³⁹ В. В. Струве, История древнего Востока, 1941, стр. 250 (раздел о хеттском царстве написан М. А. Коростовцевым); Струве, О «гуманности» хеттских законов, стр. 19—20; Никольский, Реформа хеттского царя Телепина, стр. 51—57; Д. Г. Редер, Военная демократия в странах древнего Востока, УЗ МОПИ, XIV (1950), стр. 125; И. М. Дьяконов, ЗВХ, II, стр. 291; В. И. Авдиев, История древнего Востока, 1953, стр. 333.

⁴⁰ Sturtevant and Bechtel, A Hittite chrestomathy, стр. 84.

⁴¹ Ср. В. В. Струве, Хеттское общество как тип военного рабовладельческого общества, ИГАИМК, 97 (1934), стр. 67, прим. 28.

дываются тем, что он их совершал согласно воле Иштар. Хаттусилис в своем документе стремится также обеспечить и для своих потомков выгоды (в том числе и материальные выгоды — освобождение от налогов ⁴²), связанные с тем, что отправление культа Иштар должно стать фамильной привилегией семьи Хаттусилиса III ⁴³. В этом документе с необычайной отчетливостью выражена мысль о тесной связи царя с божеством, чуждая древнейшему хеттскому обществу ⁴⁴. Поэтому автобиография Хаттусилиса III не только не служит доказательством существования панкуса в этот период, но свидетельствует о новом понимании роли царя. Отсутствие термина *panku-* «государственное собрание» в новохеттских памятниках следует связать с тем, что в результате социально-экономического развития хеттского рабовладельческого государства характер власти царя изменился. Если число древнехеттских памятников, дошедших до нас, сравнительно невелико, а среднехеттские тексты (за исключением нескольких надписей) вовсе не сохранились, то о новохеттском периоде можно составить очень полное представление благодаря наличию многообразных документов. Невероятным поэтому было бы предположение, что слово *pankuš* случайно оказалось незасвидетельствованным в новохеттских текстах. Несомненным представляется вывод, что это слово уже не употреблялось в том значении, в каком оно встречается в билингве Хаттусилиса I и документе Телепинуса. Это было связано с отмиранием народного собрания ⁴⁵.

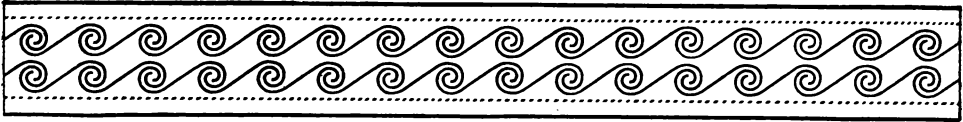
⁴² См. A. G ö t z e, *Neue Bruchstücke zum großen Text des Hattušiliš*, Lpz, 1930, стр. 48.

⁴³ Ср. G ü t e r b o c k, *Die historische Tradition...*, стр. 94—95.

⁴⁴ Для исследования роли царя в хеттском обществе значительный интерес представляет молитва о царе, исследованная A. G o e t z e, *JCS* I, № 1, стр. 90—91.

⁴⁵ К такому же выводу приходят в своих последних работах G u r n e y, *The Hittites*, стр. 69 и G ü t e r b o c k, *Authority and law...*, стр. 19. Безосновательна гипотеза М. Римшнейдер о том, что, хотя название исчезло, «судебная коллегия» сохранилась (R i e m s c h n e i d e r, *Die Welt der Hethiter*, стр. 51): ссылка на «анналы (?) Хаттусилиса в этом месте книги дает основание предположить, что Римшнейдер спутала автобиографию Хаттусилиса III с билингвой Хаттусилиса I.

В. В. Шлеев

К ИСТОРИИ ВАНСКОГО ЦАРСТВА (УРАРТУ)
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
VII вв. до н. э.

Из истории Урарту последних трех десятилетий VIII и почти всего VII века до н. э. сравнительно часто привлекал внимание специалистов только небольшая, приближенная десятилетний период, когда развертывалась особенно напряженная борьба между Урарту и Ассирией¹. Вся же остальная история государства Урарту этого времени более, чем за столетие, до сих пор была известна лишь в общих чертах². Поэтому представляется целесообразным на основе имеющихся материалов попытаться более подробно осветить некоторые вопросы истории государства Урарту этого времени, вызывающие подчас серьезные разногласия среди урартоведов.

1. УРАРТУ И ЗАКАВКАЗЬЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ РУСЫ,
СЫНА САРДУРИ

В завоевательной политике государства Урарту как первой, так и начала второй половины VIII в. до н. э., заметное место занимали районы Закавказья. Прочно закрепившись в Айратской долине еще во время правления царя Аргишти I (786—764), урартийцы в годы правления сына Аргишти, царя Сардури II (764—735) совершают многочисленные походы в более северные районы, вплоть до берегов озера Чалдыр и озера Севан.

¹ См., напр. Б. Б. П и о т р о в с к и й, Урартское государство во второй половине VIII в. до н. э., ВДИ, 1939, № 1, стр. 65—78; о н ж е, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 103—128; в этих работах имеются многочисленные ссылки на специальные труды иностранных ученых по данному вопросу; см. также Г. А. М е л и к и ш в и л и, Наира-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 276—295; А. А. Б а р а м и д з е, Из истории ассиро-урартских взаимоотношений в последней четверти VIII в. до н. э. Автореферат диссертации, Тбилиси, 1954. Среди более новых зарубежных работ, посвященных специально данному вопросу, отметим следующие: А. S a f r a s t i a n, Rusas — Sargon battle (714 B. C.) in the light of topography, III, «Massis», 5, стр. 17—21; U. A. R i g g, Sargons Eighth military campaign, JAOS, 62 (1942), 2. Некоторые сведения о взаимоотношениях Урарту и Ассирии во время правления царя Саргона II можно найти также в недавно открытых материалах ассирийского архива в Нимруде — см. С. I. G a d d, Inscribed prisms of Sargon II from Nimrud, «Iraq», XVI (1954), 2, стр. 173—201.

² Некоторых событий в истории урартского государства VII в. касаются в своих статьях Г. А. М е л и к и ш в и л и (Сообщения АН Груз. ССР, XI, № 10, 1950) и И. М. Д љ а к о н о в (ВДИ, 1951, № 2).

Из летописи Сардури II известно, что в 50—40-х гг. VIII в. до н. э. одним из объектов неоднократных набегов урартских войск были районы озера Севан. Здесь урарты захватывали и разрушали крепости, сжигали поселения, угоняли скот, уводили в рабство население (УКН, 155-D, F; УКН, 156-D1 + D2). На одни «страны», правители которых изъявляли покорность, накладывалась дань (УКН, 155-F), другие, по всей вероятности, опустошались до конца, причем вместе с населением уводились в рабство и местные правители (УКН, 160). Однако в источниках нет указаний на то, что урартские завоеватели уже в 50—40-х гг. VIII в. прочно закрепились на берегах Севана. В районе озера нет урартских крепостей, построенных при Аргишти или Сардури, а в клинописных памятниках нет свидетельств того, что уже в это время побережье Севана было включено в состав Ванского царства. Завоевание и прочное освоение этих территорий даже для урартских войск, по своей организации и вооружению стоявших на высоком уровне³, было делом весьма нелегким.

Клинописные тексты времени Сардури II сообщают о неоднократных походах урартских войск против одних и тех же стран, что является ярким подтверждением решительного и упорного сопротивления со стороны местного населения. Когда после очередного набега урартские войска уходили, местное население, получив некоторую возможность оправиться, вновь восстанавливало свою независимость, и урартам через некоторое время опять приходилось совершать поход против непокорных стран. Самое большее, чего смогли добиться здесь урарты во времена Сардури, это признание со стороны отдельных местных правителей, называемых в урартских текстах царями (например, со стороны царя страны Уеликухи — Нидини), гегемонии Урарту и обязательства выплачивать дань (УКН, 155-F).

Однако при первом же удобном случае, каким без сомнения явилось жестокое поражение, нанесенное Ванскому царству Ассирией в 735 г. до н. э., население Уеликухи, по всей вероятности, попыталось освободиться от этих обязательств. Подобным же образом, используя военные затруднения Ванского царства на южных и юго-западных границах, повидимому, поступили и другие присеванские области.

Перед Русой I, сыном Сардури⁴, с самого начала его правления, таким образом, встала задача не только восстановить прежнее положение Ванского царства в присеванском районе, но и предотвратить в дальнейшем попытки освобождения населения этих областей от урартской власти. Решения этой задачи можно было добиться только путем постройки здесь крепостей — опорных пунктов власти урартского государства⁵. И действительно, только в годы правления Русы I в присеванском районе

³ См. Б. Б. П и о т р о в с к и й, Кармир-блур, III, Ереван, 1955, стр. 24—46; ср. С. М. Б а ц и е в а, ВДИ, 1953, № 2, стр. 25—27; М е л и к ш в и л и, Наири-Урарту, стр. 360—361.

⁴ Мы не можем согласиться с Г. А. М е л и к ш в и л и (см. ВДИ, 1954, № 1, стр. 248; «Наири-Урарту», стр. 277—278), считаем, что Сардури II стал жертвой государственного переворота, в результате которого, опираясь на поддержку определенной партии урартской аристократии, на престол вступил его сын Руса I. Доводы, выдвинутые в свое время Б. Б. П и о т р о в с к и м (ВДИ, 1939, № 1, стр. 68) против гипотезы об узурпации престола Русой I, действительны и в данном случае, поэтому более вероятной мне представляется мысль, что Руса I стал правителем Ванского царства после естественной смерти Сардури (учитывая достаточно длительное время правления последнего). Нельзя исключить и гипотезу о том, что Сардури мог добровольно или под определенным давлением, еще при своей жизни, передать власть сыну.

⁵ В. В. Ш л е е в, Урартские крепости Закавказья и проблемы их изучения. Автореферат диссертации, М., 1954, стр. 11.

появляются урартские крепости — «город бога Халди» и «город бога Тейшебы». Точного указания на время построения этих крепостей мы в источниках не имеем ⁶, но с достаточной уверенностью можем предположить, что они были сооружены в конце 30-х или в первую половину 20-х гг. VIII в. до н. э., то есть в первый период правления царя Русы, сына Сардури ⁷. Возможность широких завоевательных операций и строительство крепостей в районе Севана во второй период правления Русы I, когда требовалось напряжение всех сил государства не только для борьбы против внешних врагов (киммерийцев и ассирийцев), но и для подавления восстаний наместников, представляется нам мало вероятной.

По-видимому, прежде других стран западного и южного побережья Севана, после почти двадцатилетней упорной борьбы, окончательно покорена была страна Уеликухи, расположенная в центральной части западного побережья (совр. Нор-Баязетский район Арм. ССР). Из текста обнаруженной здесь надписи (УКН, 265) ясно видно, что теперь страна Уеликухи не только терпит военное поражение и подвергается беспощадному ограблению, как было в предшествующие времена, но прочно включается в состав Ванского царства. Местный правитель был взят в плен и обращен в рабство. В этот район был назначен урартский наместник, резиденцией которого и должна была служить мощная крепость города бога Халди, о построении которой сообщается в надписи. Остатками крепостных сооружений урартского Закавказского города бога Халди являются обнаруженные на холме Бердиглук, господствующем над современным городом Нор-Баязетом, кладки древних стен, из которых происходит камень с упомянутой выше урартской надписью. Этот важнейший пункт урартской власти в районе Севана, к сожалению, до сих пор не подвергался систематическим археологическим раскопкам, в силу чего многие существенные вопросы истории завоевания урартами севанского побережья не могут быть пока достаточно выяснены. Однако некоторые отдельные наблюдения, полученные при разведках, и в частности обнаруженный здесь еще И. И. Мещаниновым сравнительно-небольшой «однородный культурный слой мощностью в 65 см, в верхние пласты которого врезаются уже армянские погребения» ⁸, — позволяют высказать предположение о сравнительно кратковременном функционировании этой крепости.

Другим урартским центром в присеванском районе была «крепость бога Тейшебы», о построении которой мы находим сообщение в урартской клинообразной надписи, высеченной на скале у юго-западного побережья Севана, между сел. Цовинар (быв. Келагран) и Неркин-Алучалу. Надпись эта (УКН, 266), а также расположенные над ней, на скале, развалины урартской крепости, называемые местным населением Ода-берд (Змеиная крепость), о братили на себя внимание уже давно, хотя широкие

⁶ Если не считать этим указанием не достаточно ясное выражение *me-ši-ni šá-a-li* (УКН, 266, стк. 14), перевод которого вызывает разногласия специалистов, см., например, Гр. К а л а н ц я н, Халдская надпись из Келанкрана, Эривань, 1931, стр. 11; И. И. М е щ а н и н о в, Восточное Закавказье времен халдских завоеваний, ВДИ, 1937, № 1, стр. 77; П и о т р о в с к и й, Урарту, стр. 100; Г. А. М е л и к ш в и л и, ВДИ, 1953, № 4, стр. 218 (УКН, 266).

⁷ См. В. В. Ш л е е в, Урартские крепости Закавказья и проблемы их изучения (текст диссертации в Гос. б-ке им. В. И. Ленина), М., 1954, стр. 218, 271. К подобным же выводам относительно датировки этих событий одновременно с нами пришли Г. А. М е л и к ш в и л и, Наври-Урарту, стр. 268, и А. А. Б а р а м и д з е, ук. соч., стр. 10.

⁸ И. И. М е щ а н и н о в, Циклопические сооружения Закавказья, ИГАИМК, XIII, вып. 4—7 (Л., 1932), стр. 10.

археологические раскопки здесь до сих пор не проводились⁹. Текст надписи, неоднократно издававшийся, дает ценнейшие материалы для характеристики завоевательной политики Урарту в присеванском районе в первые годы правления Русы, сына Сардури. Еще М. В. Никольский на основании ее изучения выдвинул ряд положений, отчасти не утративших своего значения и поныне¹⁰.

Проделанная в дальнейшем большая работа по обследованию и изучению текста этой надписи как путем снятия новых эстампажей, так и непосредственной работы над подлинником¹¹, а также находка упомянутой выше урартской надписи из Нор-Баязета, помогли уточнить не только чтение самой Одзабердской надписи, но и местоположение ряда упоминаемых в ней стран, разделенных на две группы. Теперь уже не вызывает сомнений, что не только страна Аркукини, как думал М. В. Никольский, но и все четыре страны первой группы, упоминаемые в Одзабердской надписи — Адахуни, Уеликухи, Луерухи, Аркукини, — есть страны западной и южной части севанского побережья¹². Три страны из этой группы, а именно, Уеликухи, Луерухи и Аркукини, — определенно локализируются местными урартскими победными надписями (УКН, 265; УКН, 160—161) в присеванском районе (см. карту). Страна Уелику-

⁹ Лишь в 1932 г. сотрудниками ГАИМК, а затем в 1934 г. экспедицией Гос. Эрмитажа было проведено более или менее систематическое обследование этой крепости с небольшими раскопочными работами (см. Б. Пиотровский и Л. Гюзальян, Крепости Армении доурартского и урартского времени, «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6, стр. 57; они же, Kyklopische Festungen am Südufer des Sewanesees, «Сборник кружка по изучению древнего Востока при Гос. Эрмитаже», 1933, № 1/8, стр. 39—51). Отчет о работе экспедиции Гос. Эрмитажа на Одзаберде в 1934 г. не опубликован. Отдельные сведения о работах этой экспедиции содержатся в различных трудах Б. Б. Пиотровского.

¹⁰ М. В. Никольский, Клинообразные надписи Закавказья (МАК, V), М., 1896, стр. 122—127.

¹¹ О работе по обследованию и изучению Одзабердской надписи см. Пиотровский, Урарту, стр. 99—100; П. Н. Ушаков, ВДИ, 1946, № 2, стр. 39—42.

¹² См. работы Гр. Капаняна, И. И. Мещанинова, И. Фридриха, Б. Б. Пиотровского, П. Н. Ушакова, Г. А. Меликишвили.

хи—в районе Нор-Баязета, Луерухи-Луехухи-Луипруни—где-то в районе сел. Адамхан, наконец Аркукини к западу от сел. Цовак (Загалу).

Единственной страной, среди упомянутых в первой группе, не имевшей точной локализации в местных надписях, была Адахуни, стоящая в Одзабердской надписи в начале перечня всех стран этой группы. Б. Б. Пиотровский, а за ним и Г. А. Меликишвили, полагавшие, что в Одзабердской надписи присеванские страны первой группы перечислены соответственно завоевательному движению урартского войска, т. е. с севера на юг по западному побережью, а затем с запада на восток по южному, считали, что страна Адахуни находилась севернее Уеликухи в районе сел. Лчашен (Ордакля)¹³. Это предположение кажется мне неубедительным. Район сел. Лчашен, где Б. Б. Пиотровский ранее склонен был локализовать страну Адахуни, им самим в более поздней работе, согласно находящейся там надписи (УКН, 134), определен, как страна города Кехуни¹⁴. В той же надписи упоминаются и другой пункт — город Иштикунив, а в летописи Аргишти (УКН, 128-А2) — еще и город Алишту, тоже, по-видимому, находящиеся в районе северо-западного побережья Севана. Трудно предполагать, что здесь же находилась еще и страна Адахуни, имени которой мы не встречаем ни в надписи из Лчашена, ни в летописи Аргишти.

Для локализации страны Адахуни существенное значение имеет тот контекст, в котором она упоминается в урартских надписях. В Одзабердской надписи, как уже отмечалось, эта страна стоит в одной группе с тремя другими странами (Уеликухи, Луерухи, Аркукини), локализуемыми местными надписями на западном и южном побережье Севана. Именно это обстоятельство является некоторым основанием для того, чтобы включать Адахуни в число присеванских стран.

Для более точной локализации этой страны, как мне кажется, некоторый материал дает летопись Сардури (УКН, 155-Г). Так, повествуя о походе урартских войск в присеванский район, который, по мнению Г. А. Меликишвили, был предпринят, примерно, в 740—739 г., летопись, после рассказа о покорении страны Уеликухи (УКН, 155-Г, стк. 15—21), сообщает о новом, отдельном походе против расположенной в юго-восточной части побережья Севана страны Аркукини (УКН, 155-Г, стк. 21—26). Во время этого похода, по свидетельству летописи, урартские войска побеждают страны Аркукини, Адахуни, Луипруни, Эшума, Камнив, Куалбани, Ухуни, Териани, захватывают с боем 20 крепостей и 120 поселений, разоряют «страны», разрушают крепости, сжигают поселения, угоняют в плен жителей. Весьма показательно, что среди упомянутых здесь «стран», локализация которых определена по местным надписям, мы встречаем только Аркукини и Луипруни, т. е. «страны», расположенные в юго-восточной и юго-западной части побережья Севана. «Страны» западного и северо-западного побережья, например, Уеликухи, здесь не упоминаются. Это дает основание полагать, что летопись в данном месте сообщает только о походе против «стран» южного побережья Севана. Помещение Адахуни, при перечислении побежденных стран в тексте летописи, между Аркукини и Луипруни, наводит на мысль, что и в действительности страна Адахуни располагалась между этими странами, т. е. в центральной части южного побережья Севана.

Эти соображения подкрепляются наблюдениями над самой местностью центральной части южного побережья озера Севан. Как я имел возможность заметить во время поездки в 1949 г. по этому району, горы здесь спуска-

¹³ Пиотровский, Урарту, стр. 101; Меликишвили, ВДИ, 1954, № 1, стр. 225; он же, Наири-Урарту, стр. 69.

¹⁴ Пиотровский, Кармир-блур, II, Ереван, 1951, стр. 52.

ются к побережью широкими пологими террасами, и в озеро Севан впадает значительное число небольших речек. Местность представляется весьма удобной для земледелия¹⁵. По всей вероятности, в древности она была плотно заселена, на что указывают значительные могильники, и занимала немаловажное положение среди других присеванских стран. Характерно также, что эта местность, представляющая собой центральную часть совр. Мартунинского р-на Арм. ССР, отличается по природным условиям от соседних, примыкающих с запада и востока территорий. Однако именно она и оказывается белым пятном при предложенной Б. Б. Пиотровским локализации присеванских стран¹⁶ на основании данных Одзабердской надписи, найденной как раз на восточной границе этой области.

Учитывая все эти обстоятельства, я склонен присоединиться к Г. А. Капанцяну, который еще в 1931 г. считал, что Адахуни далеко не случайно названа в Одзабердской надписи первой среди четырех главных стран присеванского района¹⁷. Этим урартский писец нарочито хотел выделить на первый план ту страну, на территории которой была высечена надпись. Таким образом, страну Адахуни нужно, видимо, локализовать в центральной части южного побережья Севана, на территории современного Мартунинского р-на Арм. ССР, а в районе Одзаберда, по всей вероятности, усматривать восточную границу этой страны.

Тексты Нор-Баязетской и Одзабердской надписей (УКН, 265—266), результаты обследования крепостей, связанных с этими надписями, а также наблюдения за характером местности, где они располагались, наводят на мысль и о некотором различии функций, выполняемых одновременно существовавшими урартскими укреплениями на холме Берди-глух («город бога Халди») и на Одзаберде («город бога Тейшебы»).

«Город бога Халди» представляется мне административным центром всего завоеванного урартами Севанского района. Здесь помещался урартский наместник, здесь был сооружен храм бога Халди («Ворота бога Халди»). Сама крепость на холме Берди-глух по своим размерам была более значительна, чем Одзабердская крепость, и к тому же имела систему сторожевых укреплений. Наконец, район западного побережья Севана, где располагался «город бога Халди», находился ближе к Айратской долине, надежно освоенной урартами, был связан с ней несколькими путями. Это обстоятельство, конечно, также учитывалось урартами, строившими свои опорные пункты в вновь завоевываемых областях. «Город бога Тейшебы», напротив, по моему мнению, являлся крайним форпостом урартской власти в районе Севана, крепостью, защищавшей границы захваченных урартами территорий. На это, прежде всего, указывает его положение именно в той части южного побережья Севана, где кончается низменная полоса и горные отроги подходят почти к самому

¹⁵ В этом районе, на полях к западу от Одзабердской крепости Б. Б. Пиотровский нашел обломок обсидианового вкладыша серпа, что дало ему возможность предположить, в связи с отсутствием здесь древнего поселения, наличие в этой местности и в древности обрабатываемых полей (см. П и о т р о в с к и й, Урарту, стр. 196—197).

¹⁶ Локализация в этом районе страны Кумерухи, будто бы упоминаемой в Одзабердской надписи (см. П и о т р о в с к и й, Урарту, стр. 101), является плодом недоразумения. Сам Б. Б. Пиотровский в своих работах, приводя текст Одзабердской надписи («Урарту», стр. 100; ВДИ, 1939, № 1, стр. 69), правильно отказался от старого ошибочного чтения имени третьей страны в первой группе стран, как Кумерухи, и принял новое, правильное ее чтение — Луерухи. Однако буквально на следующей странице той же самой книги, а затем и в последующих своих работах (Б. Б. П и о т р о в с к и й, Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 103; он же, Кармир-блур, I, 1950, стр. 11) он без достаточных оснований возвращается к неправильному чтению имени этой страны.

¹⁷ Гр. К а п а н ц я н, Халдская надпись Русы I..., стр. 8.

побережью. В Одзабердской надписи нет сведений о построении здесь храма, о назначении сюда наместника; нет сведений в урартских клинописях и о построении крепостей восточнее этого пункта. Самые следы пребывания урартских войск восточнее Одзаберда, по имеющимся в настоящее время материалам, ограничиваются только победной надписью Сардури у сел. Цовак (УКН, 161), тогда как расположенная здесь же крепость не может быть с достаточным основанием отнесена к урартским укреплениям.

Таким образом, следует признать, что в последней четверти VIII в. до н. э. граница захваченных урартами территорий проходила по южному побережью Севана и крепость «города бога Тейшебы» являлась урартским опорным пунктом почти на этой границе. Восточнее «города бога Тейшебы», в гористом районе между Одзабердом и сел. Цовак, располагалась крайняя из завоеванных урартами стран — Аркукини, а еще далее на восток и по побережью Севана, уже на север, в Мазринской (Гилльской) равнине находилась страна Уртехины, до которой доходили еще войска Сардури (УКН, 161), но о завоевании которой нет упоминания в тексте Одзабердской надписи.

Существенной проблемой историко-географического порядка, которая возникает при изучении Одзабердской надписи, является локализация упомянутых здесь 19 стран — Гуркумели, Шанатуаини, Териушаини, Ришуаини, (?) зуаини, Ариаини, Замани, Иркиматарни, Элаини, Эриелтуаини, Аидаманиуни, Гуриаини, Алзирани, Пируаини, Шилаини, Уидуаини, Атезаини, Эриаини, Азмерунини, — объединенных во вторую группу (УКН, 266, стк. 6—13). Установление точного местоположения этих стран до сих пор вызывает значительные затруднения.

Имеется мнение, разделяемое рядом исследователей, что эти 19 стран располагались к востоку и северо-востоку от озера Севан, в горах Малого Кавказа, частично на современной территории Азербайджанской ССР¹⁸.

Однако до сих пор, несмотря на поиски, в районах к востоку и северо-востоку от озера Севан не обнаружено никаких урартских клинописей, а зафиксированные так называемые циклопические крепости по всем своим признакам являются местными, а не урартскими постройками¹⁹. Кроме того, среди 19 стран второй группы Одзабердской надписи нет упоминания «страны» Уртехины (см. УКН, 161), по всей вероятности, граничившей с востока со «страной» Аркукини. Все это возбуждает сомнения относительно продвижения урартских войск на восток и северо-восток от сел. Цовак (Загалу).

Совсем мало убедительными кажутся мне высказывавшиеся отдельными исследователями предложения рассматривать Одзабердскую надпись как сводную летопись урартских завоеваний по всему Закавказью²⁰, или даже, как сообщение о всех походах в течение одного года правления царя Русы, сына Сардури²¹. Против этих предложений, как мне кажется, прежде всего свидетельствует самый текст надписи. Так, при всех разногласиях в переводах выражений *i-na-ni ar-ti-ni su-i-ni-a[ni]* (стк. 5),

¹⁸ Например, Мещанинов, ВДИ, 1937, № 1, стр. 76; Ушаков, ВДИ, 1946, № 2, стр. 41—42.

¹⁹ И. Джафар-заде, Циклопические сооружения Азербайджана, Т. Аз. ФАН СССР, 55 (1938), стр. 5—54. В работе приведены описания и планы обследованных автором циклопических сооружений Азербайджана, а также карта их распространения.

²⁰ М. В. Никольский, МАК, V, стр. 123—126.

²¹ Выдвинувший эту точку зрения Б. П. Петровский, ВДИ, 1939, № 1, стр. 69, указывал на возможность сопоставлений ряда стран Одзабердской надписи со странами, упоминающимися в ассирийских и других урартских текстах: Замани = ассир. Бит-Замани, Алзирани = ассир. Алзи, Гуриаини = Куриани летописи Сардури.

и i-ša-ni ap-ti-ni su-i-ni-a-ni ŠADU ba-ba-ni-a [k]u-gu-ni-e (стк. 12—13), очевидно, что оба эти выражения определяют какую-то связь, как первой, так и второй группы «стран» Одзабердской надписи с озером (su-i), в данном случае с озером Севан. Таким образом, ясно, что предположения о локализации каких-либо «стран» второй группы вне пределов Закавказья или даже и в его пределах, но на большом расстоянии от севанского района, находятся в противоречии с указанием надписи.

Кроме того, ни в одной из так называемых местных урартских надписей нет сводных описаний побед урартских войск над странами, находящимися на значительном расстоянии друг от друга, и, тем более, на противоположных границах государства. Такие описания встречаются только в царских летописях, находившихся в Тушше. Положение «города бога Тейшебы» (Одза-берд), расположенного на северной окраине государства, который был пограничной крепостью, даже не резиденцией наместника (!), едва ли создавало особые условия для составления именно здесь, на берегах Севана, сводной летописи походов урартских войск на различных границах, хотя бы и за один год.

Наконец, Г. А. Капанян предлагал помещать все эти 19 стран в районе Севана, считая их мелкими единицами, входящими в четыре основные крупные присеванские области. Однако и эта гипотеза имеет свои уязвимые места, особенно в свете предлагаемого И. Фридрихом²² и в основном принимаемого И. И. Мещаниновым и Г. А. Меликишвили²³ перевода соответствующих мест Одзабердской надписи (стк. 5 и 12—13), — «по эту сторону озера» и «по ту сторону озера». Принятие этого перевода открывает возможность размещения 19 «стран» второй группы не только в районах западного и южного побережья Севана, но также и к востоку и северу от этого озера.

Окончательное решение данного вопроса, как мне представляется, зависит не только от прогресса в чтении урартских текстов, но и от развертывания широких обследовательских археологических работ вокруг Севана, которые могут обнаружить новые памятники, и в частности урартские победные надписи.

Рассмотренные выше материалы, касающиеся урартских завоеваний в Закавказье во второй половине VIII в. до н. э., как нам кажется, позволяют утверждать, что закрепление урартской власти на берегах оз. Севан и постройка в этом районе урартских крепостей относятся к первой половине правления Русы I. Очевидно также, что в эти годы было основано и новое урартское наместничество в присеванском районе, центром которого был «город бога Халди». Связывать эти события с предполагаемой Б. Б. Пиотровским реформой урартского административного управления в Закавказье, произведенной после нападения на Урарту киммерийцев и подавления мятежа наместников, нет достаточных оснований.

2. ВОПРОС ОБ УРАРТСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЕ В КОНЦЕ VIII в. до н. э.

Уже на начальном этапе изучения материалов, полученных при раскопках Кармир-блур, Б. Б. Пиотровский выдвинул предположение, что г. Аргиштихинили, являвшийся при царях Аргишти и Сардури (VIII в. до н. э.), по его мнению, единственным урартским административным центром в Закавказье, при Русе, сыне Сардури (конец VIII в.), потерял это свое

²² J. F r i e d r i c h, Die urartäische Inschrift von Kolagran, «Acta Jutlandica», IX (1937), стр. 518—536.

²³ М е щ а н и н о в, ВДИ, 1937, № 1, стр. 75—77; М е л и к и ш в и л и, ВДИ, 1953, № 4, стр. 218.

значение, пришел в упадок²⁴. Этот упадок Аргиштихинили, по мнению Б. Б. Пиотровского, был связан с мероприятиями центрального урартского правительства, направленными против чрезмерного усиления власти урартских наместников на окраинах царства, и в первую очередь, с реформой административного управления, выразившейся в разукрупнении единого урартского наместничества в Закавказье.

Однако сведения письменных источников о системе урартского административного управления в Закавказье чрезвычайно скудны²⁵. В надписях конца VIII века, связанных с Закавказьем, только один раз упоминается урартский наместник (L^UEN.NAM, ассир. *bêl-pahâti*), назначенный в «город бога Халди» (УКН, 265), но, как было показано выше, обозначение урартского наместничества в районе Севана в конце 30-х и первой половине 20-х гг. VIII в. следует связывать не с разукрупнением общезакавказского наместничества (до этого времени присеванский район не был включен в состав Урартского государства), а с прочным завоеванием этих мест, с постройкой здесь урартских крепостей.

В выяснении вопроса о характере урартской власти в Закавказье существенную роль могут сыграть материалы, полученные в последние годы, и в частности исследования крепости Ирпуни. Становится все более и более ясным, что кроме Аргиштихинили даже в Айрататской долине в первой половине VIII в. до н. э. существовали другие крупные урартские центры, например, построенная в конце 80-х или в начале 70-х гг. VIII в. до н. э., на четвертом или пятом году правления царя Аргишти²⁶, крепость Ирпуни, откуда снаряжались походы в район озера Севан²⁷.

Не случайно о построении Ирпуни в летописи Аргишти (УКН, 128, А2, стк. 13—22) повествуется непосредственно вслед за сообщением о походе против страны города Кихуни, находящейся в районе северо-западного побережья озера Севан. Эти два события, по-видимому, были тесно связаны между собой и под «вражеской страной», для усмирения которой был построен Ирпуни, как записано и в летописи Аргишти и в надписи, найденной на месте этого города (УКН, 138), следует подразумевать еще непокоренные урартами племена, жившие к северу от Ирпуни и на берегах Севана. Месторасположение Ирпуни у начала дороги, ведущей из Айрататской долины к побережью Севана, на которой были найдены урартские победные надписи (УКН, 131 и 134), давно уже наводило ученых на мысль о непосредственной связи Ирпуни (Арин-берда) с урартскими завоевательными походами в присеванский район²⁸. Вместе с тем достаточно знаменателен сам факт упоминания о постройке Ирпуни в летописи Аргишти. Вероятно, сооружению этой крепости на северных гра-

²⁴ С. В. Тер-Аветисян и Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, ИАИрм. ФАН СССР, 1940, № 4—5, стр. 161—162. Это мнение см. и в целом ряде других, более поздних трудов Б. Б. Пиотровского, откуда оно попало в учебник (см., например, В. И. Авдиев, История древнего Востока, М., 1953, стр. 477).

²⁵ О системе административного деления Урартского государства—см. Меликишивили, Наири-Урарту, стр. 357—359. Имея в виду сообщение ассирийских источников о наличии в Урарту одних и тех же крупных областей, как до похода Саргона 714 года, так и во время этого похода, Г. А. Меликишвили (ВДИ, 1953, № 3, стр. 111—112) также оспаривает мнение Б. Б. Пиотровского о реформе по разукрупнению административных областей Урарту в последней четверти VIII в.

²⁶ В датировке времени правления царя Аргишти I я придерживаюсь точки зрения Г. А. Меликишвили (см. ВДИ, 1954, № 1, стр. 227), хотя недавно И. М. Дьяконовым была сделана попытка внести здесь некоторые коррективы (см. ВДИ, 1956, № 2, стр. 68—70).

²⁷ См., например, Г. А. Меликишвили (ВДИ, 1953, № 3, стр. 112); он же, Наири-Урарту, стр. 260; И. М. Лосева, Раскопки урартской крепости города Ирпуни, СВ, 1955, № 3, стр. 145.

²⁸ Никольский, МАК, V, стр. 98.

ницах государства придавалось очень большое значение, так как упоминания о постройках отдельных крепостей, да еще и с некоторыми подробностями, в летописях урартских царей встречаются довольно редко.

Занимая площадь около 6 га на вершине Арин-берда и, быть может, включая некоторые территории рядом с холмом, Ирпуни²⁹ имел большой храм бога Халди, с арсеналом при нем (u-gi-iš-hu-si-ni «дом оружия»), где хранились не только бронзовые щиты с названием этого города, но и другие votивные бронзовые предметы с именами урартских царей VIII века (шлемы, колчаны, панцирь, наконечники стрел, бронзовые чаши)³⁰.

То, что на votивных бронзовых предметах, найденных на Кармир-блуре, встречается только название Ирпуни и нет названия какой-либо другой урартской крепости VIII века, например, Аргиштихинили³¹, а также территориальная близость Ирпуни к Кармир-блuru, позволяют думать, что подавляющее большинство предметов этого рода, изготовленных в VIII в. до н. э., попало в Тейшебаини именно из Ирпуни. Эти предметы не являлись вещами повседневного употребления, а, очевидно, имели культовое предназначение. Показательно, что большинство из них датируется как раз тем периодом, когда Ирпуни находился в расцвете и играл важную роль в походах урартских войск в район Севана.

Наряду с Ирпуни, среди урартских центров VIII века, находившихся в Айратской долине, важное место занимал и Аргиштихинили. О сооружении Аргиштихинили сообщают не только строительная надпись, найденная в г. Октемберян (прежде с. Сардарабад) (УКН 137), но и текст летописи царя Аргишти (УКН, 127, стб. IV, стк. 70—74; УКН, В2, стк. 39—43), относящийся, по мнению Г. А. Меликишвили, к 11-му году правления этого царя (ВДИ, 1953, № 3, стр. 232), т. е. примерно к середине 70-х гг. VIII в.

Таким образом, получается, что Аргиштихинили был построен на шесть лет позже, чем Ирпуни, в то время, когда Айратская долина была окончательно завоевана, а занимавшие соседние области враждебные племена, грозившие набегами, уstraшены и приведены в покорность.

Показательно, что о построении Аргиштихинили сообщается именно в связи с мирной деятельностью урартских завоевателей в Айратской долине, в частности, в связи с проведением оросительных каналов, устройством садов и виноградников³². Естественно, что деятельность, связанная с эксплуатацией природных богатств и населения Айратской долины, одной из плодороднейших долин Армянского нагорья, могла развиваться только при условии надежной защиты этого района в военном отношении. Организации обороны этого района и были, по-видимому, посвящены те шесть лет, которые отделяют время основания Ирпуни от времени построения Аргиштихинили.

Однако имеющиеся пока источники не дают оснований утверждать, как это делает Г. А. Меликишвили, что Аргиштихинили имел в деле освоения Айратской долины меньшее значение, нежели Ирпуни, и что если в VIII в. в Айратской долине и существовал один административный центр, то это был, по-видимому, не Аргиштихинили,

²⁹ Разбор всех опубликованных (к 1954 году) и некоторых найденных нами в 1948—1949 гг. материалов из Ирпуни см. в нашей работе «Урартские крепости Закавказья и проблемы их изучения» (текст диссертации в Гос. б-ке им. В. И. Ленина в Москве).

³⁰ П и о т р о в с к и й, Кармир-блур, II, стр. 49—64; он же, Кармир-блур, III, стр. 8 слл.

³¹ Ср. П и о т р о в с к и й, Кармир-блур, II, стр. 9.

³² На это обстоятельство впервые обратил внимание Г. А. М е л и к и ш в и л и (см. ВДИ, 1953, № 3, стр. 112).

а именно Ирпуни³³. Специальное сообщение о постройке Аргиштихинили в царской летописи, находившейся в столице Ванского царства, свидетельствует, что урарты придавали этому факту не менее важное значение, чем основанию Ирпуни. В годы, когда строится Аргиштихинили, перед урартской государственной властью в Закавказье наряду с задачами завоевательными встают задачи хозяйственной эксплуатации захваченных районов, и, по всей вероятности, преимущественному их осуществлению должен был служить урартский центр Аргиштихинили.

Что же касается возможностей существования одного или нескольких урартских административных центров в Закавказье, и в частности в Айраратской долине, в годы правления Аргишти и Сардури, то, несмотря на сравнительно скудные данные, имеющиеся пока для решения этого вопроса, более вероятным мне кажется последнее предположение. Действительно, рассмотренные выше материалы, характеризующие Ирпуни, показывают, что на протяжении VIII в. это город играл весьма важную роль в планах урартских завоеваний Севанского района. Вполне вероятно, что другой подобный же центр находился где-либо у начала пути из Айраратской долины на северо-запад в страну Эриахи, вверх по течению реки Касах, через Апаранское ущелье. Пока еще недостаточно обследованные развалины древних крепостей близ сел Арагац и Агавнатун Эчмиадзинского р-на, которые в свое время связывались Т. Тороманяном с урартским строительством, могут быть остатками именно такого центра³⁴.

Возможно также, что урартская крепость находилась и в районе селений Талиш-Шамиран. В 1912 г. в урочище Ванка-Хараб была найдена урартская надпись (УКН, 172-В). «Ясно, — писал Г. Овсепян в письме к Н. Я. Марру, — что в эпоху клинописи здесь была крепость, и можно ожидать появления еще других клинообразных надписей. Крепость продолжала существовать и в христианский период»³⁵. Из сел. Талиш дорога по южному и западному склонам горы Арагац ведет к Ленинанкану, т. е. в район древней страны Эриахи. Конечно, до систематического археологического обследования остатков крепостей близ сел. Арагац, Агавнатун и Талиш, до возможного обнаружения там клинообразных надписей, дающих материал для точной датировки, трудно утверждать, что там действительно находились урартские крепости VIII века до н. э., однако, даже не принимая их в расчет, ограничившись материалами Ирпуни и Аргиштихинили, очевидно, что представление о Аргиштихинили, как основном и единственном урартском административном центре Закавказья, действительно устарело³⁶. Что же касается вопроса о наличии каких-либо твердых данных, позволяющих утверждать, что в VIII в. до н. э. при царях Аргишти и Сардури в Закавказье или хотя бы в Айраратской долине существовало одно большое урартское наместничество с центром в Аргиштихинили, которое при Русе I подверглось разукрупнению, то ответ на этот вопрос, по нашему, мнению, только один — такие данные в настоящее время отсутствуют.

Существенное значение для рассматриваемого вопроса имеют также более точные определения датировок некоторых источников и отдельных

³³ Г. А. М е л и к ш в и л и, ВДИ, 1953, № 1, стр. 28; № 3, стр. 112; о н ж е, Наири-Урарту, стр. 260.

³⁴ Т. Т о р о м а н я н, Материалы по истории армянской архитектуры, Ереван, 1942, стр. 33—35, рис. 29, 30 (на арм. языке); «Исторические памятники Армянской ССР. III. Вагаршапатский район», Ереван, 1938 (карта); газ. «Коммунист», Ереван, 30. 4. 1955 г.

³⁵ Цитирую по статье И.И. М е щ а н и н о в а в ИАН, VII сер., ООИ, 1932, № 4. На наличие урартской крепости в этом районе обращал также внимание Т. Т о р о м а н я н, ук. соч., стр. 34—40.

³⁶ М е л и к ш в и л и, ВДИ, 1953, № 3, стр. 112.

исторических событий. Говоря об урартской административной реформе, Б. Б. Пиотровский обычно ограничивается тем, что датирует ее временем правления Русы, сына Сардури. Между тем его же ссылки на то, что эта реформа была своеобразным ответом центрального урартского правительства на мятеж, поднятый против царя Русы военачальниками и наместниками, на тот мятеж, о котором подробно рассказывают донесения ассирийских разведчиков из Куюнджикского архива³⁷, как мне кажется, позволяют внести в вопрос датировок этих событий большую точность.

В свое время специально рассматривая материалы Куюнджикского архива, Б. Б. Пиотровский обоснованно отверг мнение Олмстэда о том, что все письма из этого архива, касающиеся Урарту, надо датировать временем не ранее 710 г. до н. э. Б. Б. Пиотровский («Урарту», стр. 104—108) показал, что в этом архиве, наряду с письмами, относящимися ко времени после построения Дур-Шаррукина (710 г.), когда в Урарту уже правил Аргишти II, сын Русы, хранились и письма-донесения более раннего времени. Вместе с тем, в последние годы было высказано мнение о возможности отнесения отдельных писем из этого архива также и ко времени правления ассирийских царей Тиглатпаласара III и Салманасара V (АВИИУ, стр. 336). Не оспаривая этого мнения в целом, так как мне неизвестна его аргументация, я, однако, позволю себе не согласиться с И. М. Дьяконовым в датировке временем конца правления Тиглатпаласара III одного из писем, сообщающего как раз о восстании наместников в Ванском царстве (НАВЛ, № 646; АВИИУ, 50, 1). В этом отрывке разведывательного донесения нет точных указаний на то, кому оно адресовано, какой ассирийский областеначальник его составлял, и о каком урартском царе идет речь, но зато в тексте упомянут некий Ша-Ашшур-дуббу, который известен также как эпоним 707 года (АВИИУ, 39). Среди писем Куюнджикского архива имеются и несколько писем самого Ша-Ашшур-дуббу царю Саргону (АВИИУ, 50, 32—33), которые, судя по приводимым в них сведениям (постройка Дур-Шаррукина), должны быть отнесены к концу правления этого царя.

Таким образом, более вероятным представляется, что упомянутый выше отрывок разведывательного донесения (АВИИУ, 50, 1), где Ша-Ашшур-дуббу фигурирует в качестве областеначальника, также относится ко времени правления Саргона. Исходя из всего изложенного, я полагаю, что подавляющее большинство писем Куюнджикского архива (если не все?) и в частности донесения, касающиеся борьбы Урарту против киммеров и мятежах внутри страны, составлены уже после вступления на престол Саргона II, т. е. после 722 г.³⁸. В этой связи надо также учесть, что один из основных ассирийских агентов-разведчиков Ашуррисуа, в письмах которого мы находим сообщения о мятежах в Урарту (АВИИУ, 50, 11—13), по-видимому, жил и после смерти Саргона³⁹. Уточняя датировку материалов Куюнджикского архива, можно с достаточным основанием относить те восстания наместников, о которых сообщают доку-

³⁷ П и о т р о в с к и й, Кармир-блур, II, стр. 8.

³⁸ В связи с уточнениями даты начала правления Русы I (735—733 гг. до н. э.) и датировки некоторых писем из Куюнджикского архива (АВИИУ, 50, 1), я не могу согласиться с И. М. Дьяконовым (см. «Всемирная история», т. I, М., 1955, стр. 522) в том, что из сохранившихся донесений ассирийских шпионов в Урарту известны обстоятельства начала царствования Русы I. Датировки материалов Куюнджикского архива касается в своих работах и молодой грузинский урартовед А. Барамидзе, справедливо датирующий те документы, где сообщается о войнах урартов против киммеров и о восстаниях наместников, примерно 718—715 гг. до н. э., см. А. Барамидзе, ук. соч., стр. 11; о н ж е, К вопросу о датировке проникновения киммерийцев в Переднюю Азию, Сообщ. АН Груз. ССР, XVI, № 8 (1955), стр. 647—654.

³⁹ П и о т р о в с к и й, Урарту, стр. 106.

менты этого архива, ко времени между 722—714 гг. до н. э.⁴⁰, и, следовательно, если административная реформа управления, как полагает Б. Б. Пиотровский, являвшаяся ответом именно на эти восстания, была действительно проведена, то и эту реформу надо датировать примерно тем же самым временем.

Однако имеющиеся в настоящее время сведения по истории Урарту того периода, когда государство было занято борьбой с киммерийцами на северо-западе и с ассирийцами на юго-востоке, делают весьма сомнительным предположение, что центральное урартское правительство в эти годы могло уделять большое внимание внутренним реформам. Сведений о реформах нет и в донесениях ассирийских шпионов, рассказывающих о событиях внутренней жизни Урарту этого периода. Реформированием системы административного управления правители Урарту могли бы заниматься только в предшествующие, более спокойные в отношении внешних событий годы (т. е. в первую половину правления Русы, сына Сардури), но, как было показано выше, все имеющиеся материалы не содержат достаточных оснований для этого предположения.

Важным аргументом, который выдвигается в защиту мнения, что реформа урартского административного управления была действительно проведена в последней четверти VIII в., является упадок ряда урартских центров VIII века, наблюдаемый именно в конце этого века, а также сооружение урартских центров VII века уже на новых местах.

Однако нынешнее состояние наших знаний об исторических судьбах многих урартских центров часто не дает возможности точно ответить на вопрос о том, когда и при каких условиях пришли в упадок, а затем и окончательно пали многие из них. Так, например, то обстоятельство, что в развалинах ряда крепостей (Ирпуни, Хайкаберд), где найдены надписи с именами урартских царей VIII века, также обнаружены и стрелы «скифского» типа, датируемые концом VII—VI вв., ясно свидетельствует о существовании этих крепостей в каком-то виде и в VII—VI вв., т. е. вплоть до окончательного падения государства Урарту⁴¹. Не будет ничего невероятного, если при дальнейших раскопках здесь будут найдены также надписи с именами урартских царей VII века. Вместе с тем некоторые уже известные клинописные материалы также свидетельствуют о продолжении существования отдельных урартских центров VIII века на тех же самых местах и в VII в. Так, столица Ванского царства — Тушпа, несмотря на устройство новой царской резиденции Русахинили на Топрах-кала, и в VII в., судя по тексту кешиш-гёльской надписи, продолжала существовать на своем прежнем месте. По всей вероятности, как показывает надпись времени царя Русы III, сына Эримены, до самого конца VII в. продолжала существовать построенная еще в первой половине VIII в. урартская крепость на Армавир-блуре. Если бы реформа урартского административного управления действительно была проведена в последней четверти VIII в., то исследователи должны были бы встретиться с теми новыми центрами, которые были построены в годы правления царя Русы, сына Сардури, при проведении этой реформы в жизнь. Но таких

⁴⁰ Вполне возможно, что мятежи имели место в Урарту и после разгрома войск Сардури II ассирийцами, во второй половине 30-х гг., однако кроме известной по ассирийским сообщениям надписи на статуе Русы I в Мусасире, никакими другими источниками об этих событиях мы пока не располагаем. Не исключено также, что некоторые документы Куюнджикского архива сообщают о мятежах, которые происходили в Урарту уже после смерти Русы I, при его сыне Аргишти II.

⁴¹ При раскопках Ирпуни в 1956 г., как мне любезно сообщил Б. Б. Пиотровский, была найдена милетская монета, датируемая концом VI — началом V в.; это дает основание думать, что эта крепость в перестроенном виде функционировала и после падения государства Урарту.

центров до сих пор не обнаружено, а воздвигнутые уже на новых местах урартские крепости VII века могут свидетельствовать о каких-то изменениях во внутренней политике Урарту только этого времени (т. е. VII в.), хотя для определения конкретного характера этих изменений наука пока что данными не располагает.

В свете имеющихся фактов нельзя отрицать упадка некоторых урартских центров, начавшегося с конца VIII в., но его объяснение, по моему, надо искать не в весьма сомнительной, не подтвержденной никакими источниками⁴² реформе урартского административного управления в последней четверти VIII в., а в реальном военном разгроме Урарту ассирийскими войсками в 714 г.⁴³

В длительной борьбе с Ассирией Урартское государство истощило свои ресурсы и уже не могло более в столь широких масштабах вести те завоевательные войны, которые оно с успехом проводило в предшествующие годы. Именно в связи с этим, как мне представляется, урарты прекращают продвижение на север, прекращают свою завоевательную деятельность на берегах Севана и в прилегающих районах. Правда, ни ассирийские, ни урартские источники пока что ничего не сообщают о событиях конца VIII — начала VII вв. до н. э. в Закавказье. Слабая изученность таких важных для этого времени памятников, как построенные в последней четверти VIII в. урартские крепости севанского района, также лишает нас возможности достаточно твердо опираться здесь и на археологические материалы.

Однако сопоставление ряда известных нам фактов политической истории Урарту с пока еще весьма скудным археологическим материалом все же, как мне кажется, позволяет сделать некоторые предварительные выводы и по этому вопросу. Так, весьма показательно, что до сих пор не только на такой окраине Ванского царства, как севанское побережье, но и в Айратской долине не обнаружено надписей с именем преемника Русы I, урартского царя Аргишти II (713—685 гг. до н. э.). Сохранившиеся урартские клинообразные надписи (УКН, 275—277) с именем этого царя (всего только три надписи) все происходят из центральных областей Урарту, причем две из них (УКН, 275 и 276) рассказывают о строительных работах, проводимых в районах, наиболее пострадавших от ассирийских войс⁴⁴.

Восстановление разрушений, причиненных центральной части Урартского царства сокрушительным походом ассирийских войск, по-видимому, привлекало основные силы правителей Урарту на рубеже VIII—

⁴² Ссылка Б. Б. Пиотровского на то, что урартская административная реформа была проведена «по примеру Ассирии» (Изв. Арм. ФАН СССР, 1940, № 4-5, стр. 162), в данном случае ничего не доказывает.

⁴³ Обусловленность упадка мощи Урарту в VII в. тем поражением, которое оно потерпело в борьбе с Ассирией во второй половине VIII в. (и в частности в 714 г.), отмечал еще И. И. Мещанинов (ВДИ, 1937, № 1, стр. 76). Что же касается более общих социально-экономических и политических причин упадка Урартского государства, результатом которых, в конечном счете, явились и военные поражения, то на них я специально останавливался в своей работе «Урартские крепости Закавказья и проблема их изучения» (см. автореферат, М., 1954, стр. 14—16, и текст диссертации в Гос. б-ке им. В. И. Ленина в Москве). См. также Барамидзе, ук. соч., стр. 15—16.

⁴⁴ Пиотровский, Урарту, стр. 129—130. Приводимую Г. А. Меликишвили двустрочную надпись на глиняной булле с Кармир-блур (УКН, 277а), сохранившую только отчество «сына Русы», по моему мнению, вероятнее относить не к Аргишти II, сыну Русы, а к урартскому царю Сардури III, сыну Русы, упомянутому в летописи Ашшурбанипала (АВВИУ, 72, X, 40—50). С этим согласен и Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 59.

VII вв. до н. э. и этим должно быть объяснено ослабление внимания к районам Закавказья.

При подобных условиях, учитывая постоянные свободолюбивые стремления покоренных племен, не может казаться невероятным предположение о том, что именно в это время, на рубеже VIII—VII вв. до н. э., в районе Севана вместе с урартскими крепостями пала сравнительно недавно, после длительной борьбы, установленная там урартская государственная власть.

Небольшое количество твердо связанных с урартской материальной культурой находок, обнаруженных в этих крепостях, как среди подъемного материала, так и при раскопках (Одза-берд), а также сравнительно небольшой толщины урартский культурный слой этих крепостей не опровергают, а скорее подкрепляют это предположение.

Показательно также, что в севанском районе наиболее поздними среди обнаруженных урартских надписей являются надписи времени правления Русы, сына Сардури (УКН, 265—266). Среди подъемного материала, а также при разведочных раскопках Одза-берда, в противоположность Кармир-блур и Арин-берду, не встречено характерных бронзовых стрел «скифского» типа, что дало бы возможность отодвинуть дату падения присеванских крепостей к рубежу VII—VI вв. до н. э. При осмотре сохранившихся на поверхности остатков крепостей и при разведочных раскопках не были замечены следы пожаров или другие какие-либо ясные свидетельства военного штурма. Конечно, они вполне могут быть обнаружены при систематических раскопках, однако в настоящее время, наряду с предположением о падении этих крепостей под ударами восставшего против урартской власти местного населения, имеет право на существование и гипотеза о том, что урартские гарнизоны, узнав о поражении в борьбе с Ассирией и о самоубийстве царя Русы, чувствуя непрочность своего положения и оторванность от основных опорных баз, сами ушли на юг, в Айратратскую долину.

Таким образом, могли быть сокращены и чрезвычайно растянутые коммуникации урартских войск, что в условиях тяжелого военного положения Ванского царства этого времени играло далеко не последнюю роль. Наконец, принятие какой-либо из этих гипотез о времени и условиях падения урартской государственной власти в районе Севана помогает достаточно удовлетворительно объяснить, например, причину утраты крепостью Ирпуни ее прежнего положения. Истощенное в борьбе с Ассирией Урартское государство на рубеже VIII—VII вв. до н. э. лишилось возможности активных наступательных действий и на своих северных границах. Естественно, что прежнее значение Ирпуни, как основной операционной базы для походов на север в район Севана, утрачивается и крепость приходит в упадок. Окончательное падение урартской власти в районе Севана могло только ускорить этот процесс, так как теперь отпала необходимость в поддержании регулярных связей с урартскими присеванскими крепостями, которые, по-видимому, осуществлялись через Ирпуни.

Однако Б. Б. Пиотровский считает, что упадок Ирпуни и перенесение из города и других урартских центров (в частности из Аргиштихинили?) вотивных предметов VIII века в ту крепость, где они были обнаружены (в Тейшебаини), связаны с реформой административного управления Урарту в последней четверти VIII в. до н. э.⁴⁵ Возражающий ему Г. А. Меликишвили выдвигает предположение о том, что «предметы из других урартских крепостей могли оказаться в Тейшебаини скорее по другим при-

⁴⁵ П и о т р о в с к и й, Кармир-блур, II, стр. 9.

чинам — вследствие того, что эти крепости подверглись разгрому врагами раньше Тейшебаини; часть спасенного от врагов имущества этих крепостей, по-видимому, была доставлена в Тейшебаини. Этот разгром соседних урартских крепостей мог произойти не только в самом конце существования Урартского царства, но и раньше, например в конце VIII в. — во время крупных вторжений киммеро-скифов»⁴⁶. Наиболее уязвимым местом этих предположений является то, что они удовлетворительно не объясняют, где же находились предметы из урартских крепостей, пришедших в упадок вследствие реформы (Б. Пиотровский) или подвергшихся разгрому врагов (Г. Меликишвили) на протяжении 50 с лишним лет, с конца VIII в. до н. э. до того времени, когда был построен Тейшебаини, т. е. примерно до середины VII в.

Это особенно существенно в отношении предметов из Ирпуни, который находился в непосредственной близости от Тейшебаини, в силу чего мысль о каком-либо промежуточном пункте их хранения кажется весьма мало вероятной.

Вернее всего, что эти предметы находились в Ирпуни вплоть до того времени, когда был построен Тейшебаини, куда они и были перенесены непосредственно со своего первоначального места. Что же касается возможности перенесения в Тейшебаини предметов из других, ранее павших под ударами врагов крепостей, но не в VIII в., а только во второй половине VII или начале VI века⁴⁷, то для положительного или отрицательного решения этого вопроса в настоящее время почти не имеется данных. Та единственная бронзовая чаша, на которой имеется надпись, датированная, как полагает Г. А. Меликишвили, не временем Русы I, сына Сардури, а временем правления его внука Русы II, сына Аргишти (УКН, 285), могла попасть в Тейшебаини при самых различных обстоятельствах. Если даже согласиться, что упомянутый в тексте надписи на этой чаше «малый город царя Русы» действительно является тем городом, о построении которого сообщает надпись из Маку (УКН, 280), то пока что нет никаких сколько-нибудь твердых оснований считать, что этот последний город пал прежде, чем Тейшебаини⁴⁸.

Завершая рассмотрение некоторых вопросов истории Урарту конца VIII—первой половины VII века, я должен коснуться и еще одного пункта, который, как мне кажется, до сих пор освещался неверно.

Уже со времен работ Леманн-Гаупта и Белька в урартоведении получило широко распространение представление о том, что в годы правления Русы, сына Сардури, резиденция урартских царей с Ванской скалы была перенесена на Топрах-кала. Леманн-Гаупт ссылаясь на этот перенос царской резиденции, как на важный аргумент, подкрепляющий его мнение об узурпации Русой, сыном Сардури, престола Ванского царства⁴⁹. Б. Б. Пиотровский, соглашавшийся с тем, что царская резиденция была перенесена на Топрах-кала в VIII в., считал, однако, что после тех разрушений, которые причинили ассирийские войска Тиглатпалассара поселению около Ванской скалы, этот перенос был вполне естественен⁵⁰. Позднее он был склонен ставить этот перенос царской резиденции в какую-то связь с

⁴⁶ Предположение Г. А. Меликишвили о разгроме Ирпуни и других урартских крепостей Закавказья киммеро-скифами (?) в конце VIII в. до н. э. (ВДИ, 1953, № 3, стр. 111) лишено достаточных оснований также и потому, что бронзовые стрелы так называемого «скифского» типа из Ирпуни, как и из Кармир-блур, являются датирующим материалом конца VII—VI века до н. э.

⁴⁷ Эту возможность Г. А. Меликишвили почему-то не предусматривает.

⁴⁸ Ср. Меликишвили, ВДИ, 1953, № 3, стр. 111.

⁴⁹ С. F. L e h m a n n-H a u p t, Armenien, II, 2, 1931, стр. 461; 685; 855.

⁵⁰ П и о т р о в с к и й, Урарту, стр. 95—96.

той реформой управления, которую, по его мнению, провел Руса, сын Сардури⁵¹.

Однако, вопреки установившемуся в урартоведении взгляду⁵², я полагаю, что перенос царской резиденции с Ванской скалы на высоты Топрах-кала и сооружение Русахинили, произошло не в последней четверти VIII в. до н. э., а в VII в. до н. э., при Русе, сыне Аргишти. Приводя различные доводы в защиту мнения о переносе урартской царской резиденции в VIII в. до н. э. на Топрах-кала, сторонники данного предположения, как это ни странно, не приводили никаких аргументов, связанных непосредственно с материалами, обнаруженными на самом холме. Между тем материалы с Топрах-кала свидетельствуют против этого мнения. Так, например, самыми ранними надписями, найденными на этом холме, дающими его *terminus post quem*, являются надписи на бронзовом щите (УКН, 282) и на глиняной табличке (УКН, 286), содержащие имя царя Русы, сына Аргишти (685—645 гг. до н. э.). Весь остальной материал, как надписи, так и различные предметы, возможно относятся к еще более позднему времени. Это надписи на бронзовых щитах и других предметах с именем царя Русы, сына Эримены (УКН, 289—296), стрелы так называемого скифского типа, датируемые концом VII — VI в. и т. д. Характерно, что произведения искусства, обнаруженные на Топрах-кала в довольно значительном количестве, также и по стилистическим признакам должны быть датированы VII в. до н. э.⁵³

Итак, уже археологические данные, роль которых в выяснении вопроса о времени переноса царской резиденции с Ванской скалы на Топрах-кала до сих пор не учитывалась, решительно ставят под сомнение, если не опровергают полностью, принятую для этого события дату — последняя четверть VIII в. до н. э. В недавнее время в выяснении этого вопроса на помощь археологии пришла и эпиграфика.

Весьма важным, если не решающим, аргументом в пользу мнения о переносе царской резиденции на Топрах-кала в последней четверти VIII в. до н. э. до сих пор считали текст стелы, найденной к востоку от Вана, около искусственного озера Кешиш-гэль (УКН, 268), повествующий о сооружении этого озера и о проведении от него каналов для города Русахинили, построенного царем Русой. Правда, эта стела, будучи отломана в верхней части, сохранив имя царя Русы, не сообщала имени его отца, однако Бельк, Лемани-Гаупт, а за ними и подавляющее большинство других исследователей считали, что верхней частью этой стелы является камень круглой формы, найденный в Ване, с клинообразной надписью, содержащей полностью имя Русы, сына Сардури (УКН, 267)⁵⁴.

Однако работавший над сводом урартских надписей Г. А. Меликишвили, сопоставляя надписи на кешиш-гэльской стеле (УКН, 268) и на хранящемся ныне в Гос. музее Грузии круглом камне из Вана (УКН, 267), обратил внимание на то, что «знаки в данных надписях имеют отличную друг от друга форму»⁵⁵. В надписи из Вана (УКН, 267) употреблен

⁵¹ П и о т р о в с к и й, Кармир-блур, II, стр. 8—9.

⁵² Ср. например, Б. Б. П и о т р о в с к и й, Государство Урарту, в кн. «Очерки истории СССР», М., 1956, стр. 208; М е л и к и ш в и л и, Наира-Урарту, стр. 271; N. A d o n t z, Histoire d'Arménie, P., 1946, стр. 240.

⁵³ Б. Б. П и о т р о в с к и й, Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа, ТОВЭ, I (Л., 1939), стр. 60.

⁵⁴ L e h m a n n-H a u p t, Armenien, II, 1, стр. 193, сл.; Г. В. Ц е р е т е л и, Урартские надписи Музея Грузии, Тбилиси, 1939, стр. 60; В. Б е л ь к, в основном разделяя эту точку зрения, все же в некоторых работах (ВВГАЕУ, 1899, стр. 613; 1901, стр. 305—306) высказывал некоторые сомнения в ее абсолютной достоверности.

⁵⁵ ВДИ, 1953, № 4, стр. 219.

так называемый «урартский» вид письма, характерный для урартских надписей VIII в., тогда как в кешиш-гёльской стеле использована господствующая в урартских надписях VII века «ассирийская» форма знаков⁵⁶. Эти указания весьма компетентного специалиста-кунеолога, имевшего к тому же возможность проверить свои выводы в одном случае на подлиннике надписи, а в другом — на очень хорошем эстампаже, представляются мне весьма важными для решения рассматриваемого вопроса. Сам Г. А. Меликишвили, опираясь на свое наблюдение о различии формы знаков в этих надписях, а также утверждая, что «нет ничего общего между надписями № 267 и № 268 и по содержанию», ставит вопрос о принадлежности этих надписей разным памятникам⁵⁷. Эти соображения Г. А. Меликишвили косвенно в какой-то мере могут быть еще подкреплены и тем, что камни с этими надписями происходят из разных мест, отстоящих друг от друга на расстоянии около 20 км. Перенос камня на такое расстояние, особенно из района Кешиш-гёль в Ван, где имеется достаточно подобного материала из древних построек самого этого города, также представляется маловероятным.

Таким образом, решительно отвергая, вслед за Г. А. Меликишвили, возможность принадлежности этих двух надписей одному памятнику, мы вновь поднимаем вопрос о датировке кешиш-гёльской стелы.

Если не считать эпиграфических признаков — «ассирийской» формы знаков, которые, являясь господствующими в урартских надписях VII века, встречаются наряду со знаками «урартской» формы и в конце VIII века⁵⁸, то прямых указаний для датировки в самом этом памятнике мы не найдем. Он мог бы принадлежать времени Русы I, но, как отмечает и Г. А. Меликишвили, он может относиться и к VII в., ко времени Русы II, сына Аргишти⁵⁹. Тем не менее я полагаю, что сопоставление сведений, сообщаемых этой надписью, с текстом глиняной таблетки, найденной на Топрах-кала (УКН, 286), в которой также сообщается о строительных работах в Русахинили⁶⁰, а также с археологическими материалами из самого этого пункта дает возможность более уверенно датировать кешиш-гёльскую надпись VII веком до н. э. Эта датировка кешиш-гёльской надписи, наряду с другими приведенными выше данными, как мне представляется, надежно подкрепляет мнение о том, что и перенос царской резиденции с Ванской скалы на Топрах-кала произошел не в VIII, а в VII в. до н. э., в годы правления Русы, сына Аргишти.

Точный перевод текстов кешиш-гёльской стелы (УКН, 268) и таблетки из Топрах-кала (УКН, 286) в настоящее время затруднителен, однако совершенно очевидно, что оба эти документа сообщают о строительных работах, связанных с новой резиденцией урартских царей — Русахинили. Что же касается общего содержания топрах-калинской таблетки (УКН, 286), то не исключена возможность видеть в ней как раз документ, прямо свидетельствующий о построении Русахинили при царе Русе,

⁵⁶ ВДИ, 1953, № 1, стр. 248.

⁵⁷ ВДИ, 1953, № 4, стр. 219—220. Говоря о возможности того, что кешиш-гёльская надпись может принадлежать также и времени Русы II, сына Аргишти, Г. А. Меликишвили все же в своем своде надписей и в позднее вышедшей книге «Наири-Урарту», стр. 270—271, предпочитает оставлять ее среди надписей времени Русы I, сына Сардури.

⁵⁸ ВДИ, 1953, № 1, стр. 248.

⁵⁹ ВДИ, 1953, № 4, стр. 220.

⁶⁰ Текст этой таблетки, поступившей в Берлинский музей, до сих пор полностью не издан, и до недавнего времени истолковывался неправильно. Наиболее правильно, по моему мнению, общий смысл этого текста передает Г. А. Меликишвили (ВДИ, 1953, № 4, стр. 235).

сыне Аргишти, в то время, когда «Сагаштара, царь Ишкугулхи, пошел в (на) страну Мана»⁶¹.

Было ли связано построение Русахинили и других урартских центров, сооруженных в VII в. до н. э. при Русе, сыне Аргишти (например, Тейшебаини), с реформами административного управления или еще с какими-либо мероприятиями, при имеющихся в настоящее время данных, точно установить нельзя.

Резюмируя проведенный разбор материалов по ряду проблем истории Ванского царства (Урарту), я прихожу к следующим общим выводам.

1. В настоящее время нет достаточных оснований для утверждения о том, что в первой половине VIII в. до н. э. в Закавказье существовало одно крупное урартское наместничество, и тем более, нет данных для того, чтобы центром этого наместничества считать Аргиштихинили.

2. В первые годы правления Русы, сына Сардури (примерно до 722 г.), урарты продолжают свои завоевания в Закавказье (и в частности в районе Севана). Для того чтобы предотвратить попытки местного населения к освобождению от урартской власти, они теперь сооружают здесь свои крепости, назначают сюда наместника, впервые включая, таким образом, присеванские «страны» в состав Урартского государства.

3. Освещающие некоторые важные вопросы истории Урарту (мятежи наместников, войны с киммерами и др.) материалы так называемого Куянджикского архива следует датировать, в основном, временем правления ассирийского царя Саргона (722—705 гг.) и, таким образом, большинство упоминающихся в них событий относить к последним годам правления урартского царя Русы, сына Сардури, и к началу правления его сына Аргишти.

4. Рубежом между первым и вторым периодами истории Урарту является не весьма сомнительная, не подтверждающаяся никакими данными реформа административного управления в годы правления Русы, сына Сардури, а действительные события конца VIII века, связанные с жестоким поражением, которое Урарту потерпело в борьбе с Ассирией. С этим связано и прекращение урартских завоевательных походов на север и утрата в VII в. некоторыми основанными в VIII в. центрами их прежнего значения.

5. Перенос резиденции царей Урарту с Ванской скалы на Топрах-кала произошел не при Русе I, в VIII в., а при его внуке Русе II, сыне Аргишти, в VII в. до н. э. Точные причины этого переноса, а также причины сооружения ряда новых центров в различных частях Урартского государства нам пока неизвестны, хотя и не исключена возможность, что они были связаны с какими-либо внутренними мероприятиями урартских правителей этого времени.

⁶¹ М е л и к и ш в и л и, ВДИ, 1953, № 4, стр. 235.

Ю. В. Откупщиков

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АФИН 438—431 гг. В СВЕТЕ ТРАГЕДИЙ ЭВРИПИДА

Творчество Эврипида неразрывно связано с политической жизнью Греции второй половины V века до н. э. Трагедии поэта — один из самых интересных источников, помогающих полнее восстановить исторические события этой эпохи.

Греческая трагедия играла далеко не последнюю роль в идеологической борьбе своего времени. При этом Эсхил, Софокл, Эврипид и другие поэты не только отражали борьбу политических партий в Афинах, но и активно воздействовали на широкие массы афинских граждан.

Известно, что в греческой комедии V века вопросы современной политики могли ставиться открыто, политические деятели выступали на сцене нередко под их собственными именами, поэт в парабасе имел возможность непосредственно обратиться к гражданам с тем или иным политическим советом.

В отличие от комедии, трагический поэт был, как правило, скован рамками мифологического сюжета. Опыт изображения на трагической сцене современных поэту событий (Фриних «Взятие Милета», Эсхил «Персы») не получил широкого распространения в Афинах.

Однако оставаясь (в сюжетном плане) в рамках мифологических преданий, греческая трагедия все же не порывала с современностью. Наиболее злободневные вопросы политики, религии и философии ставились на сцене на протяжении всего V века.

Своеобразное отношение и взаимосвязь между старыми мифологическими сюжетами и актуальной современной проблематикой — одна из самых характерных особенностей греческой трагедии периода ее расцвета.

В литературе об Эврипиде вполне основательно принято считать, что поэт в своем творчестве был выразителем интересов средних землевладельцев Аттики. Его политический идеал — землевладелец-автург, ярко обрисованный трагиком в пьесе «Орест» (ст. ст. 916—922)¹. Эти слои населения не были заинтересованы в войне со Спартой, во время которой их поля должны были подвергнуться опустошениям. Рассматривая Эврипида, в основном, как выразителя интересов этих средних слоев², можно лучше, как нам кажется, понять внешнеполитическую направленность ряда трагедий поэта.

¹ Ср. также Suppl., v. v. 238—245.

² О рационализме Эврипида и о его взаимоотношениях с Аристофаном говорить в рамках настоящей статьи нет возможности.

Первые трагедии Эврипида были поставлены в 455 г. Однако о политической направленности ранних произведений поэта можно судить, в основном, лишь по незначительным фрагментам этих утерянных трагедий.

В 438 году в Афинах была поставлена трагедия Эврипида «Телеф». Афинам только что, после девятимесячной осады, с большим трудом удалось покорить отложившийся Самос³ — одного из самых могущественных афинских союзников. Война против Самоса (440—439 гг.) сопровождалась ожесточенной борьбой партий внутри Афин, причем важную идеологическую роль в этой борьбе играл афинский театр. Как раз в это время в Афинах был принят закон, запрещающий выводить на сцену должностных лиц под их собственными именами. Этот закон, ограничивающий критику внутренней и внешней политики государства, имел силу в Афинах и в год постановки «Телефа». Будучи направлен против комедии, он, однако, тем самым усиливал политическое значение трагедии, которая в рамках мифологического сюжета могла пропагандировать идеи, расходившиеся с официальной политикой государства.

Самосская война вскрыла глубокие противоречия, существовавшие между Афинами и союзниками. Вопрос об отношении к союзникам был одним из самых острых политических вопросов. Речь шла не о том, следует или не следует эксплуатировать союзников. Эксплуатация велась и при господстве аристократии, и в годы правления умеренной демократии, и при Клеоне и его сторонниках. Вопрос был о формах и степени эксплуатации. Ожесточенные дебаты по этим вопросам, имевшие место в афинском народном собрании после покорения отложившихся митиленян (427 г.), подробно описаны Фукидидом⁴. Радикальная демократия открыто признавала насильственный характер своей власти над союзниками⁵. Умеренные демократы стояли за более мягкие формы управления — не столько из соображений гуманности, сколько из расчетов на то, что такое управление будет более эффективным и выгодным⁶. И если даже в самый разгар Пелопоннесской войны, накануне прихода к власти радикальной демократии во главе с Клеоном — верх одержали противники жестоких репрессий⁷, то тем более сильной должна была быть, очевидно, в Афинах оппозиция против суровых средств усмирения Самоса. Ибо в те годы (годы господства умеренной демократии) афиняне еще любили представлять себя не только спасителями материковой Греции, но и освободителями Ионии от персидского ига. Лишь позднее получил распространение взгляд на союзников как на население, отвоеванное афинянами у персов, а на форок союзников — как на дань, отнятую у варваров⁸. Усиление эксплуатации союзников, начавшееся приблизительно со времени покорения Самоса⁹, насильственные меры, применяемые по отношению к государству, отложившемуся от Афинского морского союза, должны были найти определенный резонанс и в творчестве Эврипида, живо откликнувшегося на все злободневные политические события своего времени.

³ Th u c., I, 115,2 — 117,3.

⁴ Th u c., III, 36—49.

⁵ Об этом говорит, например, Клеон у Фукидида (III, 37,2) в год покорения Митилены.

⁶ Представителем этой точки зрения в «Истории» Фукидида (III, 42—48) является Диодот.

⁷ Th u c., III, 36,3.

⁸ См., например, Aristoph., Vesp., v. v. 1098—1100. О постепенном усилении власти афинян, о подчинении силой (вопреки договорам) союзных государств говорит Аристофель в «Политике» (III, 8, 4).

⁹ За 50 лет — со времени Аристида до времен Клеона — форок был увеличен почти в 3 раза: при Аристиде он был равен 460 талантам, при Перикле доходил до 600, а в 20-х гг. V века — до 1300 талантов (Pl u t., Aristid., 24).

К сожалению, от трагедии «Телеф», в которой поэт должен был, очевидно, так или иначе откликнуться на самосские события, до нас дошло всего 32 небольших фрагмента, составляющих в общей сложности 58 стихов (т. е. 4—5% всей трагедии). И все же с помощью ряда античных авторов сюжет «Телефа» в общих чертах можно восстановить¹⁰. Анализ сюжета и сохранившихся фрагментов должен в какой-то мере осветить и интересующий нас вопрос.

Телеф, сын Геракла и Авги, стал царем Мисии незадолго до того, как греки — на пути в Трою — разорили эту страну, приняв ее за троянскую землю. Телеф со своим войском изгнал греков из страны, но во время битвы был ранен в бедро Ахиллом. Рана долго не заживала. Обратившись к оракулу, Телеф узнал, что вылечить рану можно только тем оружием, которым она была нанесена. Ахилл, ранивший Телефа своим копьем, находился в это время в Аргосе среди греческого войска, которое после поражения, нанесенного ему в Мисии, вынуждено было вернуться назад и собиралось с силами для второго похода под Трою.

Действие трагедии начинается с того момента, когда Телеф под видом нищего появляется в Аргосе. Переодетый в лохмотья мисийский царь встречает здесь Клитемнестру и завоевывает ее симпатию. Между тем греки, первый поход которых против Трои закончился неудачно из-за поражения в Мисии, считают Телефа не только своим врагом, но и изменником. Он, будучи сам греком, стал воевать против греческого войска, выступившего в поход на варваров! Телеф, неузнанный под рубищем нищего, слышит эти обвинения. Возмущенный несправедливостью греков, которые первыми напали на его землю, Телеф-«нищий» выступает перед всей греческой ратью с речью, в которой он защищает царя Мисии (т. е. — самого себя). Однако речь эта не убеждает греков; «нищего» обвиняют в том, что он поносит все государство:

ἄπασαν ἡμῶν τὴν πόλιν κακοῖροθεῖ.

— «он осыпает бранью все наше государство» (fr. 713).

Наконец, Одиссей заявляет, что перед войском — не нищий, а шпион мисийского царя. Тогда Телеф, схватив (возможно, при содействии Клитемнестры) малолетнего сына Агамемнона — Ореста, бежит к алтарю, открывает свое настоящее имя и говорит о причине своего прихода в Аргос. В случае отклонения его просьбы, Телеф угрожает убить Ореста. Опять следуют (на сей раз уже открытые) обвинения в измене. Царь Мисии убедительно доказывает, что войну начал не он, а сами греки, что каждый на его месте также стал бы защищать свою страну от нападения. Войско и Ахилл соглашаются излечить Телефа, с условием, чтобы он присоединился к ним и отправился под Трою. Но Телеф отказывается, ссылаясь на то, что его жена — троянская царевна. Трагедия заканчивается излечением Телефа, который был вынужден за это (возможно, по велению божества) указать грекам путь к Трою.

Совершенно ясно, что важное место в этой трагедии Эврипида занимали вопросы внешней политики. Эврипид, как это нам известно из сохранившихся его трагедий, как правило, писал произведения, неразрывно связанные с конкретной современной ему политикой Афинского государства. Какое же идейное воздействие на граждан мог иметь «Телеф» Эврипида в 438 г.?

¹⁰ N u g., Fab., 101; L i b a n., Declam., V, 8; A p p o l o d., Epit., III, 17. Реконструкция сюжета дана F. G. Welcker, Die griechische Tragödie, 1839, стр. 477 слл.; J. A. Hartung, Euripides restitutus, Hamburg, 1843—1844, т. I, стр. 196 сл.; W. N. Bates, Euripides, a Student of Human Nature, Philadelphia, 1930, стр. 294—297.

Обвинение самосцев в измене «общегреческому делу» имело широкое распространение в Афинах накануне постановки «Телефа». Правда, Фукидид не останавливается подробно на событиях, последовавших вслед за покорением острова. Но нужно полагать, что судьба побежденных решалась в афинском народном собрании в присутствии послов с Самоса¹¹. Эти послы¹² могли вполне резонно заявить, что отложение Самоса было вызвано вмешательством Афин в его внутренние дела (вплоть до захвата острова вооруженными силами афинян). Такая аргументация, поддерживаемая сторонниками умеренной внешней политики в Афинах, могла вызвать протест среди агрессивных кругов афинян:

ἄπασαν ἡμῶν τὴν πόλιν κακοῖροθεῖ

По-видимому, подобные обвинения были обычными в афинском народном собрании. Их бросали в лицо тем, кто, выступая против агрессивной политики, стремился в той или иной степени умалить вину противников Афинского государства¹³.

В приведенном fr. 713 кто-то из греков, в ответ на оправдания Телефа, заявляет, что тот поносит весь наш город. Спрашивается, какой город? Возможно, перед нами — анахронизм, так как Телеф в своих ответных обвинениях, вероятно, «поносит» все греческое войско, собравшееся в Аргосе из самых различных государств, а не один город. Анахронизмы у Эврипида обычно вызываются политическими соображениями, когда поэт стремится перенести в мифологические времена учреждения и обычаи своего времени, когда он намекает на современные ему события. В государстве, о котором идет речь в данном фрагменте, нетрудно увидеть современные поэту Афины¹⁴.

Поэт показывает в трагедии правоту Телефа, рисует образ этого героя в положительном свете. Это можно считать твердо установленным, так как если бы Телеф был отрицательным характером, то в пьесе не было бы трагической ситуации, и торжество Телефа в исходе действия шло бы вразрез со всей известной нам практикой греческой трагедии¹⁵.

Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что трагедия «Телеф» в условиях политической борьбы Афин 438 г. выражала интересы тех кругов, которые стояли за более мягкие формы управления союзниками, за предоставление большей самостоятельности членам союза, за более умеренную эксплуатацию подчиненных Афинам государств.

В свете такого понимания трагедии находят свое определенное место и отдельные дошедшие до нас фрагменты из нее.

Возможно, что в какой-то связи с обвинениями самосцев в персофильстве находится fr. 717:

*«Σύλλητες ὄντες βαρβάρους δουλεύσομεν;
«Будучи эллинами, мы станем рабами варваров?»»¹⁶*

¹¹ В аналогичном случае — после покорения отложившегося Лесбоса (427 г.) — в народном собрании присутствовали митиленские послы (Th u s., III, 36,3), при которых и решалась участь их сограждан.

¹² А если их в Афинах не было, то в защиту самосцев могли выступать противники жестоких репрессий по отношению к побежденным.

¹³ Интересно отметить, что в «Ахарнях» Аристофана (в сцене, пародирующей соответствующее место из «Телефа») хор именно этими словами обвиняет «отложившегося» от Афин Дикеополя (ст. 577).

¹⁴ Даже если Телеф «поносит» один город (Аргос) — и в этом можно видеть намек на Афины.

¹⁵ А р и с т о т е л ь в «Поэтике» (гл. XIII) пишет, что подобный случай (переход отрицательного характера от несчастья к счастью) является наименее трагичным.

¹⁶ О связях Самоса с Персией (во время его отложения от Афин) сообщает Фукидид (I, 115,4—5).

В тесной связи с основной политической направленностью «Телефа» находились, по-видимому, и «пацифистские»¹⁷ мотивы, характерные для этой трагедии. Правда, Телеф, в конце концов, указывает грекам путь под Трою. Но эта формальная концовка, как и в ряде сохранившихся трагедий Эврипида¹⁸, не может заслонить того факта, что Телеф отказывается принять участие в войне против Трои. Отказ Телефа вызвал, по-видимому, споры среди греческого войска. Так, например, fr. 721 содержит слова, брошенные кем-то (а, быть может, и самим Телефом) Менелаю:

ἴθ' ὅποι χρῆσεις· οὐκ ἀπολοῦμαι
τῆς σῆς Ἑλένης εἵνεκα

«Отправляйся куда хочешь, а я не буду умирать из-за твоей Елены».

Троянская война, как война из-за Елены,— это мотив, особенно характерный для «пацифистских» трагедий Эврипида (ср. трагедии «Троянки» и особенно «Елена»). С этим мотивом мы сталкиваемся уже в одной из самых ранних трагедий поэта.

Таким образом, можно предположить, что трагедия «Телеф» была в какой-то мере направлена против усиленно подготовлявшейся агрессивными кругами афинской демократии войны со Спартой.

Изложенная нами трактовка «Телефа» — прямо противоположна толкованию Риббека¹⁹ и Нестле²⁰, которые считают, что острие этой трагедии было направлено против Спарты. Характерно, что Риббек относит к антиспартанским трагедиям также «Андромаху», «Троянок» и «Елену», из которых последние две — явно «пацифистские» пьесы. Нестле же сам был вынужден признать, что сохранившиеся фрагменты лишь в очень слабой степени дают основание предполагать неблагоприятный тон по отношению к Спарте в данной трагедии²¹.

Может ли выступление против войны со Спартой и защита самосцев расцениваться как поддержка аристократической партии в Афинах? Конечно, нет.

Правда, инициаторами отложения Самоса от Афин были самосские аристократы. Однако нельзя ставить знак равенства между афинскими и самосскими аристократами. Кроме того, Самос отложился не во время длительного аристократического правления, а только после того, как афиняне изгнали с Самоса аристократов, а те, вернувшись назад, подняли восстание²². Без поддержки значительной части населения (в том числе — и части демократов) аристократы Самоса не смогли бы организовать девятимесячную оборону государства. Именно поэтому, в аналогичном случае с отложением Лесбоса, Клеон утверждал, что без поддержки митиленских демократов аристократы не смогли бы поднять восстание против Афин²³.

Защита интересов союзного государства на афинской сцене отнюдь еще не означала защиты интересов афинской аристократии. Точно так же против войны со Спартой (даже после ее начала) выступали не только

¹⁷ Этот термин употребляется в настоящей статье весьма условно. Разумеется, «пацифизм» Эврипида существенно отличается, например, от современного буржуазного пацифизма.

¹⁸ Ср., например, «Ион», где заключительное примирение отнюдь не говорит о том, что в этой трагедии прославляется Аполлон.

¹⁹ O. R i b b e c k, Euripides und seine Zeit. Progr. Bern., 1860, стр. 23.

²⁰ W. N e s t l e, Euripides, der Dichter der griechischen Aufklärung, Stuttgart, 1901, стр. 315.

²¹ Nestle, ук. соч., стр. 315 со ссылкой на fr. 722 и 723.

²² Th u c., I, 115, 4—5.

²³ Th u c., III, 39, 6.

аристократы, но и широкие слои свободного землевладельческого населения Аттики — что нашло свое наиболее яркое выражение в комедиях Аристофана²⁴.

Недовольство усиленной эксплуатацией союзников и подготовкой войны со Спартой чувствуется и в других трагедиях Эврипида, написанных до 431 г.

По-видимому, незадолго до начала Пелопоннесской войны в Афинах была поставлена трагедия «Беллерофонт»²⁵. Краткая реконструкция сюжета этой трагедии вместе со сжатым и убедительным анализом ее идейного содержания дана проф. И. М. Тронским:

«„Если боги совершают позорные поступки, они не боги“, — говорится в одном из фрагментов в трагедии „Беллерофонт“. Герой этой трагедии, усомнившись из-за зла, царящего на земле, в самом существовании богов, пытается подняться к небу на крылатом коне, чтобы проверить свои сомнения. Во время полета Беллерофонт падает и разбивается. Кажется бы „нечестивца“ постигла кара, но Беллерофонт умирает мужественной смертью, твердо уверенный в своем благочестии. Возбуждая симпатию к злосчастному герою, Эврипид косвенным образом подтверждает благочестивый характер его сомнений, а тем самым и их основательность»²⁶.

Несомненно, центральное место в идейном содержании этой трагедии занимают религиозно-философские вопросы. Однако сохранившиеся фрагменты дают основание предполагать, что и политические мотивы играли в ней немаловажную роль.

Что заставило Беллерофонта усомниться в существовании богов? Несправедливость, которую он видел вокруг себя. Причем, фрагменты 288, 295 и 297 говорят о том, что это была не отвлеченная, а конкретная политическая несправедливость. И если Эврипид в ходе действия трагедии показывает основательность сомнений героя, то, естественно, в трагедии с особой убедительностью должны были звучать те политические предпосылки, из которых Беллерофонт исходил в своих сомнениях.

В чем же, конкретно, усматривал Беллерофонт несправедливость окружающей его политической жизни?

Фрагменты 295, 297 и 298 говорят о том, что честные, справедливые люди побеждаются людьми несправедливыми, дурными. Только последние получают почести.

Но наиболее важным для понимания трагедии «Беллерофонт» является fr. 288.

Герой решительно отрицает существование богов:

φησὶν τις εἶναι θεῶν ἐν οὐρανῷ θεοὺς;
ὄμμι εἰσίν, ὄμμι εἰσ'...

(fr. 288, v. v. 1—2)

«Говорят, что на небе существуют боги? Нет, их нет!» Обращаясь к зрителям, он предлагает им самим разобраться этот вопрос (ст. 4—5). Доводы Беллерофонта, опирающегося на факт царящей в мире несправедливости, целиком заимствованы из политической жизни:

«Я утверждаю, что тирания убивает и лишает имущества многих (граждан), и нарушители договоров опустошают города. И совершающие

²⁴ Ср. В. Я р х о, Аристофан, М., 1954, стр. 33—42 и др.

²⁵ «История греческой литературы», изд. АН СССР, 1946, относит дату постановки этой трагедии к 432—431 гг. (стр. 404). С полной определенностью можно утверждать лишь то, что эта трагедия была поставлена до 425 г. (см. Aristoph., Acharn., v. v. 426—429).

²⁶ И. М. Т р о н с к и й, История античной литературы, Л., 1951, стр. 150.

подобное — более счастливы, чем те, кто изо дня в день, никому не мешая, почитает богов»²⁷.

Бряд ли тирания, о которой идет речь в данном отрывке, напоминала сидящим в театре афинянам о тирании Писистрата и его сыновей: все это было в далеком прошлом, да и мало вяжется с упоминанием в той же фразе о нарушении договоров (клятв) и опустошении городов.

В те годы, когда Афины, готовясь к войне, покоряли силой всякий отложившийся от них город, когда велась осада Потидеи и был усмирен ряд более мелких городов Халкидики²⁸, в Греции был широко распространен взгляд на власть афинян как на тиранию. Не случайно Фукидид в своей «Истории» заставляет Клеона открыто заявить, что 'αρχή афинян — это τυραννίς (III, 37, 2; см. также, I, 122, 3 и I, 124, 3).

Покорение отложившихся от Афин городов сопровождалось обычно массовыми убийствами и конфискацией имущества у большого количества граждан (ср. κτείνειν τε πλείστους χρημάτων τ' ἀποστερεῖν). Это сопоставление можно считать достаточно основательным, если учесть, что здесь же, в данном отрывке, говорится об опустошении городов нарушителями клятв. Очевидно, что речь здесь идет о союзных городах, которые, по свидетельству Аристотеля, были усмирены афинянами силой, вопреки договору²⁹.

Таким образом, приведенный отрывок³⁰ в конкретной политической обстановке кануна Пелопоннесской войны должен был звучать как осуждение политики насильственного подавления союзников, проводимой теми слоями афинской демократии, которые толкали государство к войне.

«Мне известны небольшие города, почитающие богов,— говорится далее в том же фрагменте 288,— они подчиняются более крупным и нечестивым (городам), побежденные более многочисленным войском»³¹.

Этот отрывок — еще одно свидетельство в пользу приведенной выше трактовки политического содержания «Беллерофонта»³².

Следовательно, политическая несправедливость, приведшая Беллерофонта к религиозному скепсису, обретает свою конкретную форму в несправедливой насильственной политике Афин по отношению к союзникам.

²⁷ φῆμι ἐγὼ τυραννίδα
κτείνειν τε πλείστους χρημάτων τ' ἀποστερεῖν
ἄρκους τε παραβαίνοντας ἐκπορθεῖν πόλεις
καὶ ταῦτα δρῶντες μᾶλλον εἰς εὐδαίμονες
τῶν εὐσεβούντων ἰσυχὴ καθ' ἡμέραν (fr. 288, v. v. 5—9).

²⁸ Th u c., I, 59—61 и далее; I, 65, 3.

²⁹ Aristot, Polit., III, 8, 4.

³⁰ Находясь в неразрывной связи с основной проблематикой трагедии, этот отрывок не может рассматриваться как случайное рассуждение героя. Выраженные в нем мысли — основные в идейном плане трагедии, их справедливость подтверждается всем ходом ее действия.

³¹ πόλεις τε μικρὰς οἶδα τιμώσας θεούς,
αἱ μείζονων κλύουσι δυσσεβέστερον
λόγῃς ἀριθμῷ πλείονος κρατούμεναι.

³² Ср. С. Я. Лурье, История античной общественной мысли, М.—Л., 1929, стр. 217, где последний отрывок рассматривается как выпад против афинской политики по отношению к союзникам. Это, однако, не совсем вяжется с основной трактовкой трагедии, в которой С. Я. Лурье видит попытку Эврипида доказать несостоятельность каких бы то ни было религиозных сомнений; если неверны скептические выводы Беллерофонта, то вряд ли верны и те предпосылки, на основании которых он к ним пришел.

Итак, несмотря на всю малочисленность дошедших до нас фрагментов «Телефа» и «Беллерофонта», реконструкция сюжета этих трагедий и анализ отдельных отрывков позволяют сделать некоторые выводы о политической направленности раннего творчества Эврипида. Правда, выводы, основанные на анализе столь небольшого количества фрагментов утерянных пьес,—всего лишь гипотеза. Но эта гипотеза отчасти может быть проверена на материале дошедшей до нас трагедии 431 года «Медея».

Трагедии Эврипида «Медея» и «Филоклет» были поставлены в Афинах за несколько месяцев до начала Пелопоннесской войны, когда лакедемское войско уже стояло у границ Аттики.

На первый взгляд трудно себе представить трагедию, более далекую от политики, чем «Медея». Но несмотря на то, что основная идейная проблематика этой трагедии весьма мало связана с вопросами внешней политики Афин, анализ «Медеи» все же может вскрыть ее определенные политические тенденции.

Одной из главных экономических причин, приведших государства Греции к Пелопоннесской войне, явилась, как известно, борьба Афин и Коринфа за преобладание на западных рынках. Пока экспансия Афин распространялась на восток, не затрагивая жизненных интересов Коринфа на западе, последний был настроен довольно миролюбиво по отношению к своему торговому конкуренту. Во время восстания Самоса (440—439 гг.), когда восставшие обратились за помощью к Пелопоннесскому союзу, именно Коринф настоял на том, чтобы отказать в помощи Самосу³³.

Когда же против Коринфа поднялась его собственная колония Керкира, вошедшая в состав Афинского морского союза, когда торговые интересы коринфского союзника Мегар были сильно ущемлены мегарской псефисмой, когда афиняне начали осаду отпавшей от них колонии Коринфа Потидеи, Коринф стал сначала требовать прекращения агрессивных актов со стороны Афин, а затем — после отказа афинян — повел среди членов Пелопоннесского союза агитацию за открытие военных действий против Афин. В то же время дипломатические переговоры между пелопоннессцами и афинянами не прекращались до самого последнего момента, и до последних дней сохранялась надежда на то, что конфликт будет урегулирован мирным путем.

Война или мир?— весной 431 года этот вопрос стоял в центре всей политической и общественной жизни Афин. Эврипид, всегда живо откликавшийся на важнейшие события своего времени, вряд ли мог обойти этот вопрос в своих трагедиях 431 года.

И действительно, уже самый выбор мифа в трагедии «Медея» не был, по всей вероятности, случайным. Во всяком случае, ни выбор мифа, ни его конкретная разработка не считались случайными уже в античности.

В схолиях к «Медее»³⁴ сохранилось одно интересное сообщение, которое косвенно подтверждается также свидетельствами Элиана³⁵. Оказывается, некоторые философы и Пармениск (источник достаточно древний и надежный) писали, что Эврипид, будучи подкуплен коринфянами, представил в своей трагедии дело так, будто бы детей Медеи убили не жители Коринфа (как гласила традиционная версия), а сама Медея³⁶.

³³ Thuc., I, 40, 5; 41, 2.

³⁴ Σ Med. ad v. 9.

³⁵ Ael., Var. hist., V, 21.

³⁶ В схолиях даже называется сумма — 5 талантов (ὡς ἄρα πάντε τάλαντα λαβὼν παρὰ Κορινθίων Εὐριπίδης μεταγάγει τὴν σφαγὴν τῶν παιδῶν ἐπὶ τὴν Μηδείαν). Элиан сообщает, что Эврипид внес изменения в миф по просьбе коринфян (rogantibus Corinthiis), не упоминая о подкупе. Нужно отметить, что это свидетельство имело широкое хождение среди философов (πολυαίως τις λέγεται — говорится о нем в указанном месте схолий к «Медее»).

Можно ли приведенные свидетельства считать абсолютно достоверными? Вероятно, нет. И все же, вряд ли здесь перед нами только «нелепый анекдот»³⁷, «невероятная фантазия»³⁸, «посмертная клевета»³⁹. С одной стороны, признавая данное сообщение простым «анекдотом», мы рискуем объявить нелепым вымыслом слишком много ценных свидетельств античных авторов. С другой стороны, если даже перед нами, действительно, анекдот, мы должны выяснить причину его возникновения, которая может нам дать материал не менее ценный, чем содержание самого анекдота.

По-видимому, если не вдаваться в другую крайность и не видеть в подкупе Эврипида коринфянами действительно имевший место факт⁴⁰, — приведенному сообщению древних авторов можно будет дать вполне приемлемое объяснение.

Что, собственно говоря, сделал Эврипид в «Медее»? Он коренным образом изменил господствующую в его время версию мифа об убийстве детей Медеи коринфянами. По этой версии коринфяне убили детей Медеи, мстя ей за смерть своего царя и его дочери⁴¹. Другая распространенная версия говорила о том, что коринфяне убили детей Медеи, не желая, чтобы над ними имели власть потомки варваров (дети Ясона и Медеи)⁴². В том и другом случае детей Медеи убивали коринфяне. Эти представления укрепились настолько прочно, что коринфяне вплоть до римского завоевания ежегодно приносили жертвы убитым, а своих детей облачали в черные одежды и стригли им волосы⁴³. Рассказ Эвмела о том, что Медея погубила своих детей бессознательно, надеясь сделать их бессмертными, не имеет прямой связи с событиями в Коринфе. Версия же Креофила (Дидим в *Σ Med. ad v. 264*), по которой детей убили родственники Креонта, а затем распустили слух, что их убила сама Медея, — позднейшего происхождения⁴⁴.

Итак, Эврипид впервые представил дело так, что детей убивают не коринфяне, а сама Медея⁴⁵. Важное политическое значение такой переработки мифа можно полностью оценить только в том случае, если вспомнить, в какой исторической обстановке была произведена эта переработка и какое важное политическое значение имел миф для афинянина V века до н. э.

Возьмем для примера миф о Деметре и Триптоleme. В IV в. до н. э., во время переговоров со Спартой, афинянин Каллий доказывал спартамцам, что они не должны опустошать поля Аттики, ибо Триптолем посвятил в элевсинские мистерии первыми из иностранцев их сограждан Геракла и Диоскуров и первым же пелопоннесцам подарил злак Деметры⁴⁶.

³⁷ Th. Bergk, *Griechische Literaturgeschichte*, III, B., 1884, стр. 505, прим. 117.

³⁸ L. Page, *Introduction to the ed. of «Medea»*, Oxf., 1938, стр. XXV.

³⁹ И. Ф. Анненский, *Миф и трагедия Геракла* (Театр Эврипида, II, М., 1917), стр. 100.

⁴⁰ Как это делает, например L. Séchan, *La légende de Médée*, REG, XV (1927), стр. 253.

⁴¹ Paus., II, 3, 6.

⁴² *Σ Med. ad v. v. 9 et 264*.

⁴³ Paus., II, 6, 7.

⁴⁴ W. Schmid — O. Stählin, *Geschichte der griechischen Literatur*, III, München, 1940, стр. 357, прим. 9.

⁴⁵ Одно время считалось, что приоритет в изображении на сцене Медеи — убийцы детей принадлежит Неофрону. Так считали, например, Bergk (ук. соч., III, стр. 505) и H. Weil (в изд. «Медеи» — Р., 1899). В последнее время анализ языка, стиля и метра фрагментов Неофрона позволил довольно твердо установить, что его «Медея» относится к IV в. до н. э. (см. Schmid — Stählin, ук. соч., III, стр. 380; P. Narsis, *Handbook of Classical Drama*, L., 1944, стр. 172 и, особенно, Page, ук. соч., стр. XXIV—XXVI).

⁴⁶ Xenoph., *Hell.*, VI, 3, 6. Ссылками на отдельные мифы во время переговоров избилуют также сочинения Геродота и Фукидида.

Исократ в «Панегирике», рассказывая о том, что Деметра дала предкам афинян дары, которыми те поделились с остальными эллинами, пытается обосновать этим права Афин на гегемонию в Греции⁴⁷. Аргосцы же, как сообщает Павсаний, доказывали, что Триптолем был сыном аргосца⁴⁸.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что мифологические события рассматривались греками как исторические, что мифом они стремились обосновать те или иные политические права, что миф был важным идеологическим средством политической борьбы. Аристотель в «Реторике» рассказывает, что афиняне при обосновании своих прав на Саламин ссылались на свидетельство Гомера (кстати, на стих, который, по сообщению Диогена Лаэртского, был вставлен Солоном), а тенеосцы в споре с жителями Сигея опирались на стихи Периандра⁴⁹. Таким образом, не только устный миф, но и письменно засвидетельствованное его изложение у поэтов приобретало важное политическое значение.

Поэтому ясно, что когда Эврипид, по существу, снял с коринфян обвинение в тяжком «историческом» преступлении (в тот момент, когда между Афинами и Коринфом должна была вот-вот разразиться война!), — его «Медее» могла расцениваться военной партией Афин только как, по меньшей мере, «непатриотическая» трагедия. По-видимому, именно в это время возникли неофициальные обвинения Эврипида в подкупе. Обвинения эти вероятнее всего исходили от тех кругов афинян, которые выступали за войну против Коринфа и Спарты, и вряд ли они могли быть «посмертной клеветой», т. е. появиться много лет спустя, когда самый вопрос об отношениях между Афинами и Коринфом потерял свою остроту и стал полузабытым фактом далекого прошлого. Обвинения Эврипида в подкупе, по-видимому, клевета. Но не в этом дело. Главное — в том, что «Медее» вызвала эти обвинения, свидетельствуя этим, как она была воспринята в Афинах.

Возможно, что Эврипид при изменении мифа о Медее руководствовался, главным образом, соображениями иного характера, не задумываясь над политическими последствиями этого изменения. И все же трагедии «Телеф», «Беллерофонт» и «Филоктет», самый выбор в 431 г. мифа о Медее в Коринфе для разработки в трагедии, а также ряд других соображений (о них — ниже) заставляют предполагать, что Эврипид писал «Медее», сознательно рассчитывая на то политическое воздействие, которое она и имела на афинян.

Благожелательное отношение к Коринфу в то время, когда военная партия в Афинах всячески стремилась разжечь в гражданах ненависть к этому городу, не могло в 431 г. означать ничего иного, кроме стремления к мирному урегулированию конфликта.

Характерен также и тот факт, что образы коринфян в «Медее» даны в довольно мягких тонах, хотя самое положение Креонта и его дочери в драматическом конфликте трагедии давало поэту полную возможность изобразить их в резко отрицательном свете (ср., например, образ Креонта в «Медее» Сенеки).

Не менее знаменательным является полное отсутствие выпадов против коринфян в «Медее» Эврипида⁵⁰, хотя в рамках этой трагедии подобные вы-

⁴⁷ Isocr., Panegy., 46.

⁴⁸ Paus., I, 14, 2.

⁴⁹ Aristot., Rhet., I, 15.

⁵⁰ Этот факт слишком бросается в глаза. А. Бёк полагал, в связи с этим, что до нас дошел второй, исправленный вариант «Медее» и что в первом варианте, поставленном в 431 г., было много резких выпадов против коринфян («ut credam, in priore editione multa fuisse in Corinthios acerbius dicta» — A. Boeckh ius, Graecae tragoediae principum, Heidelbergae, 1808, стр. 169). Это предположение А. Бёка — маловероят-

пады можно было бы вложить в уста героев в полном соответствии с художественной правдой, не загромождая действия многочисленными, не связанными с ним высказываниями. Это обстоятельство является особенно странным у Эврипида, который очень часто прибегает к политическим выпадам против врагов даже там, где это не совсем уместно по ходу действия.

В связи с изложенным выше пониманием политической направленности «Медеи», особый интерес приобретает известная сцена с Эгеем и следующая за ней песня хора, прославляющая Аттику. Об уместности или неуместности сцены с Эгеем в эврипидовской «Медее» было немало споров. Мнения резко разделились. Большинство ученых считает эту сцену неуместной, недостаточной мотивированной, даже — позднейшей вставкой поэта⁵¹. Самый факт возникновения проблемы «уместности» сцены с Эгеем, как нам представляется, говорит о том, что она не совсем «уместна» в «Медее», во всяком случае — в ней не все логично и понятно.

Почему Эгей отказывается сразу же взять с собой Медею? Ведь она обещает ему найти средство от бездетности, а тем самым делает ненужным путешествие в Трезен! Кроме того, путешествие Эгея в Трезен должно закончиться его женитьбой на дочери Питтея Этре. Это совершенно не вяжется с бегством Медеи в Афины, которое, согласно мифу, относится к тому времени, когда у Эгея был уже сын от Этры (Тезей).

Почему Эгей требует, чтобы Медея сама нашла средство уйти из Коринфа? Ведь ее там ничто не задерживает, ее даже высылают оттуда⁵², а о том, что последующее убийство Креонта и его дочери может воспрепятствовать бегству Медеи из Коринфа — Эгей даже и не подозревает!

Еще Веклейн в своем издании «Медеи» отметил (со ссылкой на Фатера) сходство между оговорками Эгея (ст. 723—724) и осторожной формой, в которой у Фукидида были выражены условия союза с Керкирой⁵³. В одной из сравнительно новых работ было отмечено много близких по своему содержанию мест у Эврипида и Фукидида⁵⁴. В частности, в этой работе говорится о сходстве в речах коринфян и керкирян (Thuc., II, 32 сл.), с одной стороны, Медеи и Ясона — с другой⁵⁵.

Эти факты говорят о том, что Эврипид живо интересовался политическими событиями 433—432 гг. и что они нашли свое отражение в «Медее», поставленной в 431 г., особенно — в сцене с Эгеем.

но. Было бы странным, если бы Эврипид после нарушения Никиева мира (чему в течение ряда лет активно содействовал Коринф) вздумал бы заняться пересмотром своей трагедии — с целью... реабилитировать коринфян. Скорее можно предположить обратное. Впрочем, гипотеза А. Бёка признания в научном мире не получила.

⁵¹ В работах последнего времени защитником уместности сцены с Эгеем выступил М. П о л е н ц (Die griechische Tragödie, Lpz, 1930, II, стр. 72), противником — Бете. Последний считает, что мотивировка путешествия Эгея в Трезен к Питтею «притянута за волосы», так как оракул велел афинскому царю как можно скорее спешить домой, а Эврипид заставил его отправиться в Трезен только для того, чтобы он мог в Коринфе встретиться с Медеей (E. B e t h e, Medea-Probleme, «Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Gesellsch. d. Wissensch. zu Leipzig», LXX, 1918, I, стр. 6).

⁵² B e t h e, ук. соч., стр. 6. Впрочем вывод Бете о том, что сцена с Эгеем — позднейшая вставка, не имеет достаточных оснований.

⁵³ Thuc., I, 44, 1. См. Euripides. Ausgewählte Tragödien, Erkl. von Wecklein, I, Lpz, 1874, стр. 86 (прим. к ст. 723 сл.). Отмечая это сходство, Веклейн не делает из этого никаких выводов.

⁵⁴ J. H. Finley, Euripides and Thucydides («Harvard Studies in Cl. Phil.», XLIX, 1938, стр. 23—68).

⁵⁵ Finley, ук. соч., стр. 32—33. Финлей приводит также много других интересных примеров. Его цель — доказать, что речи у Фукидида не являлись чистым вымыслом их автора. Трагедии Эврипида для него — не объект анализа, а только материал для доказательства своих положений. Поэтому никаких выводов относительно «Медеи» Эврипида Финлей не делает.

Эгей подробно (ст. 723—729) говорит о том, что Медея сама должна покинуть Коринф. Тогда, приняв ее в Афинах, он не нарушит норм права (*δίκαιός ὤν* — ст. 724). Это место, как говорилось выше, не очень вяжется с положением вещей в трагедии и живо напоминает стремление афинян, заключив договор с Керкирой, формально не нарушить условия мирного договора с пелопоннесцами⁵⁶. Разумеется, сходство между речами у Фукидида и отдельными местами из «Медеи» Эврипида не может быть достаточно близким, а тем более — текстуально точным. Речи у Фукидида, как известно, воспроизводились историком приблизительно — на память⁵⁷, а Эврипид вообще не воспроизводил в «Медее» политических речей своего времени. Эти речи лишь оказали более или менее сильное влияние на аргументацию его героев и на трагедию в целом. К тому же для нас не так важно отметить самый факт сходства между отдельными местами эврипидовской «Медеи» и событиями, предшествовавшими ее постановке. Гораздо важнее выяснить, какое отношение к этим событиям могла вызвать постановка «Медеи» на афинской сцене.

Здесь весьма показательным является отношение Эгея к Коринфу, подтверждающее данную выше трактовку этой трагедии. Когда Медея рассказывает о намерении Ясона вторично жениться, Эгей резко отрицательно характеризует как поступок Ясона (*ἔργον ἀσχηστόν* — ст. 695), так и его самого (*ἔστιν κακός* — ст. 699). Затем он спрашивает Медею, кто выдает свою дочь за Ясона. Медея отвечает:

Κρέων, ὃς ἄρχεται τῆσδε γῆς⁵⁸ Κορινθίας]

«Креонт, который правит в этой Коринфской земле» (ст. 702). Ни Медея, ни Эгей не бросают ни одного слова упрека, не употребляют ни одного отрицательного эпитета по адресу Креонта и коринфян. Когда Медея сообщает афинскому царю, что Креонт изгоняет ее из Коринфа, тот лишь спрашивает: *ἔξ δ' ἴξσω*; «И Ясон позволяет?» (ст. 707).

Наконец, Эгей прямо заявляет Медее, что он не хотел бы ссориться с Коринфом, не хотел бы брать на себя ответственность, увозя ее с собой из этого города:

ἀναίτιος γὰρ καὶ ξένοις εἶναι θέλω

«Ведь я хочу быть невиновным и по отношению к чужеземцам (коринфянам)» (ст. 730).

Характерно также и то, что Медея, по существу, обманывает Эгея, когда берет с него клятву. Вряд ли Эгей собирался оказывать в своем городе покровительство детоубийце. Он просто хотел приютить у себя изгнанницу, не подозревая даже о намерениях Медеи в Коринфе. Причем, Эгей делает это не из «рыцарских» побуждений (как это пытается представить большинство исследователей), а из соображений своей личной выгоды: Медея обещала избавить его от бездетности⁵⁸. Поэтому вряд ли в несколько простоватом, хотя и приветливом Эгее следует видеть предшественника мудрого и благородного Тезея последующих трагедий Эврипида, а в самой «Медее» — прославление покровительства, оказанного Афинами слабым государствам.

⁵⁶ Ср. оговорки в речи послов Керкиры (Т h u с., I, 34,1; 35, 1; 36,1), ссылки коринфян на договор (Т h u с., I, 40, 4), а также сравнение Веклейна ст. 723—724 «Медеи» с Т h u с., I, 44, 1.

⁵⁷ Т h u с., I, 22, 1.

⁵⁸ Интересно в этом плане отметить, что вся речь послов Керкиры опиралась именно на соображения выгоды, которую получают Афины, приняв Керкиру в морской союз (см. Т h u с., I, 32, 1; 33, 1; 36, 1—3). О τὸ συμφέρον и τὸ δίκαιον в речах послов Керкиры и Коринфа, а также в «Медее» Эврипида — см. Finley, ук. соч., стр. 32—33.

В литературе неоднократно (и совершенно справедливо) отмечалось, что известная песня хора в «Медее» (ст. 824 слл.), воспевающая Аттику, имеет своей целью прославление родного города поэта. Однако не обращалось никакого внимания на то, как прославляется Аттика в этой песне и что именно в ней прославляется. А между тем, эти особенности дают интересный материал для понимания политической направленности «Медее». В отличие от ряда последующих трагедий Эврипида, в которых прославляется военная мощь Афин, славные подвиги предков, покровительство, оказанное слабым и гонимым, — хор «Медее» совершенно не касается этих моментов, хотя, казалось бы, покровительство, оказанное Эгеем Медее, могло бы послужить для этого хорошим поводом.

Хор в «Медее» воспекает природные красоты Аттики, прославляет эту страну как цветущую, не подвергавшуюся опустошениям (*ἰερὰς χώρας ἀπορρήτου* — ст. 825—826). В 431 г., когда лакедемонское войско стояло у границ Аттики, а Перикл намеревался, собрав граждан в стенах города, отдать всю страну на разграбление врагу, слово *ἀπορρήτου* никак не могло говорить о неприступности Аттики, ибо ее никто даже и не собирался, в случае войны, защищать.

Эти стихи могли лишь напомнить афинянам о грозящей опасности опустошения Аттики; воспевая же природные красоты неопустошенной родной страны, поэт как бы призывал граждан сохранить ее таковой, что было возможно только в случае сохранения мира.

В песне хора не только ничего не говорится об Афинах и их покровительстве, оказанном слабым государствам (что звучало бы весьма актуально в начале 431 года), но открыто порицается покровительство, оказанное Эгеем Медее:

«Как... (такая) страна примет (к себе) детоубийцу, нечестивую (женщину)?»⁵⁹.

В связи со всем вышеизложенным, не исключена возможность, что здесь перед нами — политический намек: упрек поэта по адресу внешней политики Афин, — быть может, даже связанный с принятием Керкиры в Афинский морской союз⁶⁰. Хотя последнее — не больше, чем гипотеза.

Наконец, говоря о хоре в «Медее», следует отметить еще одну незначительную деталь, вырисовывающуюся на общем фоне благожелательного отношения к Коринфу. Эта деталь слабее воспринимается при чтении, но при постановке в афинском театре весной 431 года она должна была оказать свое воздействие на зрителей.

Хор коринфских женщин воспекает Аттику в тот момент, когда между Афинами и Коринфом со дня на день готовы были начаться военные действия. Этот хор как бы символизировал собою мир между двумя государствами и был тесно связан со всей политической направленностью трагедии в целом.

Таким образом, конкретная разработка мифа о Медее в Коринфе, коренное изменение сюжета в этом мифе, отсутствие отталкивающего изображения коринфян и выпадов против них, сцена с Эгеем и хор, воспевающий мирную Аттику, — все это свидетельствует об оппозиционной направленности «Медее» Эврипида по отношению к агрессивной политике Афин.

⁵⁹ πῶς . . . χώρα τὰν παιδοκτετῆραν ἔξει, τὰν οὐχ ὀσίαν. . . ; (ст. 846—850).

⁶⁰ То обстоятельство, что афиняне, заключив союз с Керкирой, сражались на стороне последней против коринфян, послужило, как сообщает Фукидид (I, 55, 2), первым поводом к войне между Афинами и Пелопоннесским союзом. О «нечестивых» действиях Керкиры Эврипид мог получить сведения не только из речей явно пристрастных коринфских послов. Во время одного из морских сражений керкиряне, одержав победу над коринфским флотом, перебили значительную часть пленных (Th u s., I, 30, 1) — что вряд ли встретило одобрение в Афинах (особенно, среди противников войны). Как известно, против убийства пленных Эврипид выступил вскоре после начала Пелопоннесской войны (в трагедии «Гераклиды»).

Подобная трактовка политической концепции «Медееи» прямо противоположна известным нам толкованиям этой трагедии. Большинство исследователей считает «Медеею» аполитичной трагедией. Так, например, Виламовиц пишет: «Эврипид не вмешивается в политические дебаты... (Здесь) нет ни слова ни за, ни против войны, ни за, ни против Спарты и пелопоннесцев»⁶¹. Витковский в своей «Греческой трагедии» пишет по поводу «Медееи»: «Политических намеков в пьесе нет, несмотря на то, что она была поставлена в год, когда началась Пелопоннесская война. В ней нет ни слова ни против Спарты, ни за нее, ни против войны, ни за войну, нет никакого намека ни на современные, ни на прошлые отношения между Коринфом и Афинами»⁶².

В тех исследованиях, где все-таки говорится о политической тенденции «Медееи», последнюю видят в поддержке агрессивной политики Афин. Единственный, по сути дела, аргумент в пользу этого — наличие в «Медеее» песни хора, в которой воспевается Аттика. Так, например, Мэррей считает, что Эврипид в этой песне хора «откликнулся на призыв Перикла»⁶³. Пейдж в издании «Медееи» (Oxf., 1938) рассматривает эту трагедию как восхваление могущества Афин (ст. 7—8). По его мнению «в этот период поэт еще рассматривает Афины как предводителя и спасителя Эллады» (стр. 8). Примерно в таком же плане рассматривается «Медеея» и в других работах, где хотя бы вкратце затрагивается вопрос об отношении ее к внешней политике Афин⁶⁴.

Подобное толкование «Медееи», опирающееся, как уже говорилось, почти исключительно на одну песню хора (и, отчасти, на сцену с Эгеем), вызывает ряд сомнений и у самих сторонников этого толкования. Так например, Поленца особенно смущает слово *ἄπορρήτου* (ст. 826): Неужели, спрашивает Поленца, Эврипид воображал, что вражеское войско может быть удержано на границах Аттики?⁶⁵. Ответа на поставленный вопрос он не дает. Этот ответ пытается дать Виламовиц, толкующий всю песню хора в «Медеее» символически: враг не может разорить Аттику, ибо ее цветы и плоды — это цветы и плоды афинской поэзии и афинской мысли»⁶⁶.

Вот как натянуто приходится толковать Эврипида, если исходить из той предпосылки, что поэт поддерживает военные устремления Афин!⁶⁷

Одновременно с «Медееей» весной 431 года в Афинах была поставлена и другая трагедия Эврипида «Филоктет». Эта трагедия была, по-видимому, специально посвящена разработке политических вопросов, главным образом, актуальнейшей проблеме дня — проблеме войны и мира.

Сюжет эврипидовского «Филоктета», в общих чертах, может быть восстановлен не столько на основании анализа сохранившихся фрагментов⁶⁸, сколько с помощью пересказов у Гигина (fab. 192) и Диона Хрисостома

⁶¹ Wilamowitz-Möllerndorff, Griechische Tragödien, B., 1926, т. 3, стр. 192.

⁶² S. Witkowski, Tragedja grecka, Lwów, 1930, т. 2, стр. 37. Ср. также W. Christ, Geschichte d. griech. Literatur, München, 1912, ч. 1, стр. 357 и др.

⁶³ G. Murray, Euripides and his Age, L., 1926, стр. 91—92 (см. также изд. 1948 г.).

⁶⁴ Cm. Bergk, ук. соч., III, стр. 501; G. Schmidt, Qua ratione Euripides res sua aetate gestas adhibuerit in Heraclidis..., Hallis Sax., 1881, стр. 30; И. Ф. Анненский, Трагическая Медеея (Театр Эврипида, т. I, М., 1906, стр. 230); H. Steiger, Euripides, seine Dichtung und seine Persönlichkeit, Lpz, 1912, стр. 110; Schmidt — Stählin, ук. соч., III, стр. 364; Pohlenz, ук. соч., I, стр. 272—273, 371; Harsch, ук. соч., стр. 171; E. Delebecque, Euripide et la guerre du Péloponnèse, P., 1951, стр. 61—64.

⁶⁵ Pohlenz, ук. соч., I, стр. 273.

⁶⁶ Wilamowitz-Möllerndorff, ук. соч., стр. 193.

⁶⁷ Что, отчасти, делает и Виламовиц (ук. соч., стр. 194).

⁶⁸ Их до нас дошло всего 16 (в общей сложности — 34 строки).

(Ор., 52,59)⁶⁹. Последний сравнивает трагедию Эврипида «Филоктет» с одноименными трагедиями Эсхила и Софокла, отмечая отличительные особенности каждой из них.

В отличие от «Филоктета» Софокла, хор эврипидовской трагедии состоит из жителей Лемноса (Ор., 52, 6—7). Герой трагедии Эврипида имеет помощника — одного из местных граждан Актора (52, 8). Афина изменяет внешний облик Одиссея с той целью, чтобы Филоктет не мог узнать его (52, 13). Одиссеей является на остров не с Неоптолемом (как у Софокла), а с Диомедом (52,14). Вслед за греками на Лемнос к Филоктету является посольство из Трои, которое стремится привлечь его на свою сторону (52,13), так как прорицатель Елен предсказал, что Троя может быть взята только с помощью лука и стрел Филоктета. Встретившись с Филоктетом (еще до прибытия троянских послов), Одиссей выдает себя за грека, бежавшего из-под Трои от козней Одиссея, который, погубив Паламеда, теперь якобы преследует его друзей (Ор., 59, 6—10). Филоктет негодует на Одиссея, выражая сочувствие «беглецу» (Ор., 59,9—10). Вот в основном почти все, что нам известно об этой трагедии. Сохранившиеся фрагменты ничего нового, по существу, не дают. В самых общих чертах сюжет эврипидовского «Филоктета» совпадает с сюжетом одноименной трагедии Софокла. Но разработка сюжета дана в обеих трагедиях различно. Если в центре трагедии Софокла стоит конфликт нравственного порядка, то у Эврипида основное внимание уделено, по-видимому, политическому конфликту. Это отчасти подтверждает и Дион Хрисостом, говоря, что построение трагедии у Эврипида — в противоположность простым конструкциям Эсхила — отличается сложностью и исключительно большой ролью, которую играет в ней красноречие⁷⁰, судя по сюжету — политическое. В этом находят свое объяснение и те особенности, которые отличают трагедию Эврипида от трагедий Эсхила и Софокла, посвященных разработке того же сюжета.

Прежде всего, троянское посольство введено Эврипидом, по-видимому, для того, чтобы дать в трагедии широкое место политическим дебатам. Той же цели отчасти служит и изменение внешности Одиссея, который не имел бы, в противном случае, возможности вести споры на политические (или любые другие) темы с враждебно настроенным по отношению к нему Филоктетом. Почти определенно можно сказать, что центральное место в «Филоктете» Эврипида занимал тот момент, когда к герою явилось троянское посольство и он, по-видимому, выслушивал речи обеих сторон (агон), т. е. речи греков (Одиссей, Диомед) и троянцев. Эта сцена в 431 г. должна была живо напомнить зрителям те многочисленные посольства, которые неоднократно являлись в Афины накануне Пелопоннесской войны. Особенно много общих черт мы имеем здесь с теми событиями, которые относятся ко времени, когда афиняне выслушивали в народном собрании речи послов Керкиры и Коринфа, в которых каждое из этих государств стремилось склонить Афины на свою сторону⁷¹.

К сожалению, о заключительной части трагедии нам почти ничего неизвестно. Ясно только, что в конце концов Филоктет отправился в вой-

⁶⁹ Все места, относящиеся к «Филоктету» Эврипида, приведены у Наука в III томе его издания трагедий поэта (Lpz, 1869, стр. 216 слл.). Реконструкция сюжета дана у Велкера (ук. соч., стр. 512 слл.), Гартунга (ук. соч., т. I, стр. 348 слл.) и Бейтса (ук. соч., стр. 278—281).

⁷⁰ ἡ τε τοῦ Εὐριπίδου σύνεσις... ὡσπερ ἀντίστροφός ἐστι τῆ τοῦ Ἀισχύλου [ἀπλότῃτι — addit Reiskius], πολιτικωτάτῃ καὶ ῥητορικωτάτῃ οὕσα «И построение у Эврипида... является как бы противоположным простоте Эсхила, будучи весьма политичным и риторичным» (Dio Chrys., Or., 52, 11).

⁷¹ Thuc., I, 32—43.

ско под Трою — в полном соответствии с традиционным мифом. Политические споры обоих посольств и Филоктета возможны были лишь при условии отказа последнего от участия в войне на той или другой стороне. Большинство зрителей в Афинах, естественно, с недоброжелательством относилось к посольству Трои, которая являлась их врагом как в мифологическом, так и в историческом плане. Но и Одиссей, с самого начала решивший действовать путем обмана, не мог внушить доверия ни Филокету, ни зрителям. Характерно, что в трагедии особо подчеркивалась низость Одиссея в деле с Паламедом (Dio Chr., Or., 59, 8—9) — это было бы неуместным в случае «патриотической» (т. е. агрессивной) направленности трагедии. Основной тон пьесе задавал, по-видимому, Филоктет, всячески отказывавшийся от войны.

Аргументация спорящих сторон нашла слишком слабое отражение в сохранившихся фрагментах. Некоторый интерес в этом отношении представляет лишь фрагмент 791:

μακάριος ὅστις εὐτυχῶς οἶκος μένει.
ἐν γῆ δ' ὁ φόρτος, καὶ πάλιν ναυτίλλεται.

«Блаженным является всякий, кто, будучи счастливым, остается дома. Груз — на земле, а (он) снова занимается мореплаванием».

Фрагмент — довольно темный по содержанию; не совсем ясно, о ком идет речь. Возможно, что здесь осуждаются мореплавание и морская торговля, содержится призыв к тому, чтобы оставаться дома, на своей земле ⁷². Весной 431 года, когда все население Аттики вынуждено было покинуть насиженные места и собраться в городе, когда план будущей войны предусматривал полное разорение Аттики и снабжение Афин морем, подобные слова, осуждающие морскую торговлю, могли выражать, по-видимому, недовольство внешней политикой Афин.

К сожалению, ни этот весьма неясный фрагмент, ни другие фрагменты из «Филоктета» не проливают достаточно яркого света на интересующую нас проблему.

«Филоктет» Эврипида, вероятно, заканчивается тем, что герой вместе с Одиссеем и Диомедом отправлялся в лагерь греков под Трою. Трудно представить, каким образом конфликт в этой трагедии можно было бы разрешить без вмешательства *deus ex machina*. Если в «Филоктете» Софокла героя не могло склонить даже благородство Неоптолема, то вряд ли в трагедии Эврипида к этому могла привести хитроумная ложь Одиссея ⁷³. Впрочем, в любом случае внешняя концовка могла и не соответствовать направленности всей трагедии — что даже является характерной особенностью значительной части трагедий Эврипида ⁷⁴. Поэтому вряд ли на том основании, что Филоктет отправлялся на войну под Трою, следует делать вывод о военной тенденции этой трагедии ⁷⁵, ибо Филоктет, в соответствии с мифом, должен был отправиться под Трою, как Орест должен был убить свою мать.

⁷² Ср. осуждение мореплавания в начальных стихах «Медей» (v. v. 1—7).

⁷³ Правда, некоторые исследователи считают, что Одиссей без помощи *deus ex machina* побудил Филоктета ехать под Трою (см., например, S c h m i d — S t ä h l i n, ук. соч., III, стр. 375). Решающего значения для понимания трагедии этот момент не имеет, хотя он и не безразличен для приведенного нами толкования «Филоктета».

⁷⁴ Например, «Ион», «Орест», «Беллерофонт» — в религиозном плане. В связи с этой особенностью трагедий Эврипида (касаясь их отношения к религии и мифологии) И. М. Т р о н с к и й (ук. соч., стр. 150) пишет: «Его трагедии зачастую построены таким образом, что внешний ход действия приводит как будто к торжеству богов, но зрителю внушается сомнение в их нравственной правоте».

⁷⁵ Ср. W i l a m o w i t z - M ö l l e n d o r f f, ук. соч., т. 3, стр. 191.

Таким образом, несмотря на крайнюю отрывочность наших сведений о политической направленности творчества Эврипида до начала Пелопоннесской войны (431 г.), анализ «Медеи», а также отчасти фрагментов «Телефа», «Беллерофонта» и «Филоктета» дает основание сделать на этот счет некоторые выводы.

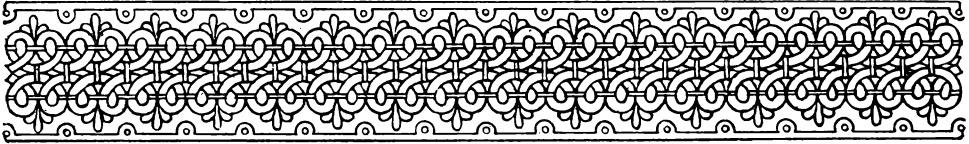
Прежде всего, в трагедиях Эврипида, поставленных до 431 г., мы встречаем отрицательное отношение к войне, готовившейся в течение 30-х гг. V века.

Затем, в отдельных трагедиях выражалось недовольство политикой Афин по отношению к союзникам, — что находилось в тесной связи с «пацифистской» направленностью этих трагедий.

Наконец, выступление против войны и против усиления эксплуатации союзников было, по существу, направлено также и против радикальной демократии Афин, толкавшей государство на путь войны со Спартой.

Все эти факты говорят о том, насколько ожесточенной была политическая и идеологическая борьба в Афинах накануне Пелопоннесской войны, а также о том, что Эврипид не только в конце войны, но и перед ее началом выступал против агрессивной внешней политики Афин, против развязывания кровопролитной войны между двумя могущественнейшими государствами Греции V века до н. э.

Н. Н. Залесский

ЭТРУСКИ В ЛИГУРИИ

В античной традиции, дошедшей до нас, имеются лишь отрывочные известия по рассматриваемому вопросу. Одним из наиболее информированных авторов в области лигурийской проблемы является Катон, но и он (как это видно из сохранившихся фрагментов) признавал многое сомнительным и неясным. Так, во фрагменте 45 «Начал», сохраненном (с искажениями) одним из дополнителей комментатора Сервия (In Aen., X, 179), сказано: «Катон в „Началах“ заявляет, что ему неизвестно, кто такие владели г. Пизой до прихода этрусков, но что он нашел указания, согласно которым Тархон, происходящий от Тиррена, postquam ꝑ eorundem sermonem sererit, основал Пизу, хотя до этого эту же область занимали некие тевтаны, говорившие по-гречески» (мы оставили без перевода место, не поддающееся эмендации). Таким образом Катон нашел в своих источниках указание на основание Пизы этрусками. Это была традиция этрусского происхождения, приписывающая герою Тархону, уже осмысленному в качестве основателя всего двенадцатиградия, также и основание городов за пределами собственно Этрурии; сказание было, видимо, эллинизировано, в него была включена одна из легенд о колонизации Италии греческими героями. Производит впечатление, что Катон не склонен был придавать веры этому сказанию о неких тевтанах¹ как первичных основателях Пизы, но, вместе с тем, он, видимо, считал, что у этрусков должны были быть здесь какие-либо предшественники².

Помимо заметки, основанной на Катоне, комментарий к Энеиде содержит еще заметку, взятую из каких-то иных источников, но также сообщающую о «тевах», некогда населявших город. К сожалению, текст рукописей, видимо, безнадежно испорчен, а его исправление Даниэлем вряд ли может считаться надежным. Однако поскольку была сделана попытка использовать этот текст для выяснения этимологии названий городов Пизы и Луны, он представляет некоторый интерес³.

¹ В. Р а с е, *Pisa nella storia e nell' arte*, Milano, 1929, стр. 5 сл., считает, возможно справедливо, что это последнее указание вовсе не принадлежит Катону, а попало в комментарий из какого-то иного источника.

² F r. A l t h e i m, *Der Ursprung der Etrusker*, Baden-Baden, 1950, стр. 26, следуя за Норденом, видит здесь со стороны Катона *docta ignorantia*: Катон не желал упоминать о лигурах как древнейших обладателях города.

³ Перевод исправленного текста таков: «Другие утверждают, что жителями этого города были тевты и самый город был назван Тевтой. Город затем лидийцы назвали „Пизой“, что на их языке означает „исключительная гавань“; поэтому данному городу по гавани было дано название „Луна“ (?). Версия эта является в сущности именно той разновидностью предания, которой пользовался Катон: тевтаны и тевты, как считает A l t h e i m, ук. соч. стр. 26 сл., имеют отношение к Пизе в области Элиды, откуда, согласно нижеприведимому преданию, и вышли колонисты, основавшие Пизу.

Если Катон не сообщает ничего достоверного о древнейших обитателях местности, где позднее была основана Пиза, то лучшую информированность обнаруживают те авторы, которым известно предание о некогда широко распространении лигурийских племен по средней Италии вообще. Утверждают, что даже такие города, как Популония⁴ и Агилла (Цере)⁵ некогда были населены лигурами. То же самое сообщает Ликофрон и о Пизе⁶. Нет оснований сомневаться в правдивости этого известия.

В рассматриваемом месте комментария Сервия представлено и еще одно известие, касающееся происхождения Пизы, которое, конечно, стоит особняком и от Катона, и от сказания о тевтанах, «говорящих по-гречески», это — упоминание о наличии в этой местности некоего *Phocida oppidum*. Некоторые исследователи⁷, вопреки этимологии этого эпитета, усматривают здесь указание на наличие в этой местности фокейской колонии, основанной в IV в., когда фокейцы из Массалии держали в своих руках все побережье северной части Тирренского моря (см. ниже, стр. 69). Если это и так, то данное известие, во всяком случае, к древнейшей истории города Пизы не относится. Оно относится к периоду упадка этрусского могущества.

Пизанские сказания вплетены в канву эпопеи Энея, поскольку Пиза числится среди этрусских городов, посылающих помощь троянцам (см. ниже). Не служит ли это доводом в пользу того, что фокейцы имели какое-то отношение к созданию этого города? Ведь Ф. Бёмер, автор новейшего исследования легенды об Энее в Италии⁸, допускает, что это сказание распространили там фокейцы, бывшие долгое время с этрусками в дружественных отношениях. Однако у Вергилия находим также указание на связь Пизы не с Малой Азией, а с Пизой в Пелопоннесе (см. ниже). Наконец, следует отметить⁹, что ряд исследователей связывает название *Phocis*, *Phocidis*, в согласии с его этимологией, с мифическим эпонимом Фокиды, который был сизифидом, т. е. был одним из героев Пелопоннеса.

Таким образом, комментарий к Энеиде не содержит никаких данных о местном населении. Однако и помимо Ликофрона (Тимей) сохранились сообщения, из которых вытекает, что для историографии и мифографии эллинистической эпохи Пиза была городом, основанным на лигурийской земле.

Псевдоаристотелевский трактат *De mirabilibus auscultationibus* — произведение, возникшее в настоящем своем виде в позднее время, — несомненно, содержит легендарный, анекдотический материал, сложившийся еще в эпоху эллинизма, и поэтому его указание, что устье р. Арн находится в стране лигуров (*De mirab. auscult.*, 94), также должно быть принято во внимание. Также свидетельство Трога — Юстина¹⁰, что Пиза находится в стране лигуров, основано на данных литературы эллинизма.

У Вергилия в «Энеиде» (X, 175 слл.) в перечислении отрядов этрусских городов, пославших помощь Энею, упомянута и тысяча копейщиков, посланных Пизой под предводительством вещего Азиласа, гаруспика и авгура. Упоминание это доказывает, что Пиза фигурировала в этрусских сказаниях, которые были поставлены в связь со сказанием об Энее, но

⁴ S o l i n., III, 3, и S e r v., in Aen. X, 172

⁵ L u s o r h o n., v. 1240 слл.

⁶ v. 1355 слл. — Первоисточником Ликофрона в обоих случаях должен быть Тимей.

⁷ Например, P a s e, Pisa..., стр. 5.

⁸ F r. B ö m e r, Rom und Troia, Untersuchungen zur Frühgeschichte Roms, 1951 (цит. по рец. P. B o u a n e, REA, LIV, 1952, стр. 109 слл.).

⁹ См. A l t h e i m, ук. соч., стр. 26.

¹⁰ I u s t i n., XX, I, 11. Предание это также приписывает Пизе греческое происхождение, но конспект не содержит уточнения о том, откуда были родом эти греки

делать отсюда вывод в пользу раннего основания этого города, конечно, нельзя. Указанное место «Энеиды» не содержит никакого замечания об исконном населении этих мест (лигурах), зато оно содержит упоминание о причастности греков к основанию этого города, по расположению своему — этрусского, но по происхождению — алфейского. Перед нами новый вариант сказания о греческом происхождении Пизы, миф, видимо, этимологический, основанный на созвучии названия с Пизой в Пелопоннесе. Версия эта, несомненно, была распространенной. Мы находим ее и у Страбона, как выше обнаружили ее следы в комментарии Сервия.

О Пизе Страбон (V, 2,5, стр. 222), во-первых, сообщает, что город этот основан выходцами из Пизы в Пелопоннесе: часть воевавших под Троей пизанцев будто бы попала к берегам Италии и одни из них основали Метапонт, другие Пизу; во-вторых, он приводит сказание, из которого видно, что местные жители (к сожалению, не уточнено, о ком тут идет речь) рано вынуждены были принимать меры против наводнений, которыми грозили реки Арн и Авсар; в-третьих, сообщается, что город некогда процветал благодаря плодородию земли и наличию строевого леса, который в те времена употреблялся для кораблестроения; в-четвертых, указывается, что пизанцы были из числа более воинственных тирренов (автор, вопреки вышесказанному им, не отвергает того, что город был этрусским) и что пизанцев тревожили рядом находящиеся дурные соседи — лигуры (ценное замечание о борьбе с лигурами и о сохранении, стало быть, этими последними независимости).

Кроме того, следует отметить, что из замечаний Страбона вытекает, что границей между Этрурией и Лигурией является р. Магра и что географ относит область Пизы к Этрурии.

Также и Плиний Старший¹¹ относит этот город к Этрурии; что в основе этого указания нет анахронизма (перенесение на более раннее время административного деления Италии времен Августа), вытекает из сведений, сообщаемых авторами двух периплов IV века — Псевдо-Скилака и Псевдо-Скимна. Согласно первому, земля тирренов начинается от местности Антии¹². Последний современные исследователи отождествляют с массалийской колонией Антиподем, которая по указанию Псевдо-Скимна была в начале IV в. восточным форпостом массалийцев¹³. Если даже считать сомнительной эту границу этрусских владений, столь далеко вынесенную на запад, то во всяком случае Псевдо-Скилак относит к Этрурии район города Луны, к северу от которого и протекает река Магра.

¹¹ P l i n ., NH, III, 58. В другом месте П л и н и й (NH, XIV, 39) сообщает, что Пиза обладает сортом лозы, именуемой *pariana*. Это название происходит, как указывает W. S c h u l z e, Zur Gesch. Lat. Eigennamen, B., 1904, стр. 207 сл., от gentilicia этрусского происхождения. Этрусская эпиграфика дает в Клузии форму *parna* (CIE, 594).

¹² P s. S c y l a x, Periopl., GGM, I, 17 сл., однако, называет границей не р. Магра, а местность "Αντιον, нахождение которой точно неизвестно, но предположительно она, судя по указаниям перипла, находилась даже севернее гор. Луны и р. Магры. Об этом см. E. B a n t i, L' ager lunensis e l' espansione etrusca a nord dell' Arno, SE, V (1931), стр. 165 сл. и N. L a m b o g l i a, I limiti dell' espansione etrusca nel territorio dei liguri, SE, X (1936), стр. 146. L a m b o g l i a, ук. соч., стр. 144, относит перипл Псевдо-Скилака ко второй половине IV в., а B a n t i, ук. соч., стр. 181, — к первой.

¹³ P s. S c y m n., Periopl., GGM, I, 216 сл., дает сведения об Антиполе, относящиеся к началу IV в. Видимо, Никае и Монек были основаны позднее. Ср. однако H. P h i l i p p, Nicaea, RE, п/т. XXXIII, стб. 168 сл., а также о н же, Mas-salia, RE, XIV, стб. 2131 сл. Этот автор сомневается в том, чтобы из признания Антиполя крайним пунктом массалийских владений на востоке в IV в. можно было сделать вывод, что все побережье восточнее его находилось в руках этрусков. Заметим предварительно, что новейшие археологические открытия, во всяком случае, свидетельствуют о каком-то проникновении этрусков на лигурийское побережье. О теории, отождествляющей Антии с Антиподем, см. ниже, стр. 65 и сл.

Следует, однако, отметить, что другие авторы о принадлежности г. Луны дают противоречивые сведения. Луну относят к Этрурии, помимо перипла, Птолемей, а из римских писателей Лукан, но другие поздние писатели — Мела, Персий, Ювенал и Стефан Византийский относят Луну к Лигурии. К сожалению, все эти указания не могут быть использованы для решения вопроса о том, лигурам или этрускам принадлежал район Луны в более раннее время, до установления римского владычества, так как эти авторы историей лигуро-этрусских отношений не занимались и, видимо, указывают на то деление, которое было в римское время. Некоторые (Марциал и Статий) настолько безразличны к употреблению этниконов, что называют Луну то лигурийским, то этрусским городом.

Мы располагаем еще указанием Полибия (II, 16), который сообщает, что лигуры вдоль морского побережья живут до города Пизы — первого города Этрурии на западном направлении. Однако это указание Полибия относится к более позднему времени, так как в другом месте¹⁴ историк, видимо, начинал территорию Этрурии с р. Магры (то есть значительно западнее), где расположен город Луна.

Важное указание об этом последнем дает Ливий (XLI, 13). Сообщая под 177 годом о выводе римской колонии Luna и об ассигнации земель, он поясняет, что «эта земля была взята у лигуров, а до лигуров принадлежала этрускам».

Таким образом мы располагаем известием, что область г. Луны, соседняя с областью Пизы, была отнята у этрусков лигурами. Предполагают¹⁵, и это вполне приемлемо, что данное контрнаступление лигуров в местность к северу от р. Арна относится к IV в., когда этруски были стеснены борьбой с римлянами, а последним нападения лигуров на север Этрурии были выгодны. Но вывод в Луну римской колонии, наоборот, привел к новому укреплению в Луне этрусского элемента, о чем можно судить, во-первых, по утвердившемуся в позднейшее время прозванию города — Luna Etrusca и, во-вторых, по памятникам этрусской архитектуры, введенным уже в римское время¹⁶.

О том, что в долине р. Магры и в горах над г. Пизой во II в. до н. э. жили лигурийские племена апуанов, мы узнаем из других мест того же Ливия (XXXIX, 2,5 и 32; XL, 1,3).

Важным дополнением к Ливию может служить замечание Страбона (там же), что Луна — отличнейшая гавань, которой воспользовались владычествовавшие на море люди. Под этими владыками моря возможно иметь в виду прежде всего этрусков; отнести же это замечание к лигурам, как пытались сделать некоторые исследователи¹⁷, значит сделать предположение явно неправдоподобное. Владыками моря в этом районе могли быть в доримское время только этруски, либо фокейцы.

Вышеуказанными скудными данными, касающимися только двух приморских центров, и исчерпываются известия античных писателей по интересующему нас вопросу. И все же из них можно сделать весьма существенный вывод. Необходимо признать прочно засвидетельствованным самый факт проникновения этрусков в приморские районы Пизы — Луны, причем авторитетность предания значительно увеличивается тем, что здесь представлены две, если не три традиции: Псевдо-Скилак и Страбон представляют греческую, Катон и Ливий римскую, причем Катон, видимо, был знаком

¹⁴ См. Strabo, V, 2, 5, p. 222.

¹⁵ Ср., однако, U. Formentini, Perla storia preromana del pago (pagus=tularu?), SE, III (1929), стр. 65 сл.

¹⁶ Ср. A. Bonacelli, La natura e gli Etruschi, SE, II (1928), стр. 432; см. ниже, стр. 63.

¹⁷ Так, Banti, L'ager lunensis..., стр. 166, прим. 1.

с этрусским преданием, а Ливий представляет анналистическое предание¹⁸.

М. Буффа¹⁹ собрал 29 надписей, обнаруженных на территории Лигурии, но из этих надписей, начертанных этрусским алфавитом, далеко не все могут считаться бесспорно этрусскими. Вряд ли можно с полной уверенностью утверждать, что в отличие от других племен Италии лигуры не заимствовали у этрусов их алфавит и знаки чисел, а также имена личные²⁰. Кроме того, некоторые из надписей принадлежат позднему времени и не могут служить надежным источником для истории периода этрусского преобладания. К тому же эти немногочисленные памятники обнаружены на ограниченной территории, преимущественно в зоне морского побережья (так, например, надписи № 10—21 происходят из района Луны).

Надпись этрусским алфавитом, найденные в Симье (римский *Semel-lum*), местности в окрестности Ниццы, долгое время считались подложными²¹, да и в настоящее время вряд ли можно быть уверенным в их подлинности, судя по опубликованным данным об их находке.

В надписи на обломке черепицы²² читаем *pulfn*, что легко восполняется как *pulfna* (известный в Этрурии гентилиций). Фамилия *pulfna petis* известна в районе Клузия²³.

На таком же обломке: *vil XL/:lein*. Было предложено объединить этот фрагмент с предыдущим, читая *ril* и переводя: «Пульфений прожил сорок лет». Что касается *lein*, то его можно сближать с встречающимся в этрусских надгробиях словом *leine*, впрочем неизвестного значения²⁴.

На терракотовом фрагменте, ныне утраченном, читалось:

misu.../... luxum.../ kem...

Предложены были толкования: 1) «Я погребение (*su..* восстанавливается как *suŕi*) Лукумния Кемена» или 2) «Я погребение лукумона Кемела (название города)»²⁵.

На фрагменте сосуда с изображением Венеры стоит *turan calli...* На Фабретти (СИ, suppl. III, стр. 41) эта надпись произвела настолько отрицательное впечатление, что он стал считать подделкой не только ее, но и три другие, открытые раньше. Признаком неумелой подделки Фабретти считал форму *calli...*, так как эпитет богини любви *καλλινηκος* передается на этрусском *calanice*. Однако в настоящее время *calli* пытаются сблизить с формой *galle*, дважды встречающейся в надписях, найденных в районе Вероны²⁶.

Все найденные в Симье надписи, если они подлинные, датируются III веком и, если даже согласимся с Баттисти²⁷, что на основании их можно

¹⁸ Ср. Banti, *L'ager lunensis...*, стр. 179 сл.

¹⁹ M. Buffa, *Iscrizioni etrusche nel territorio del popolo ligure*, «Memorie dell'Accademia Lunigianese di Scienze», XV (1934), вып. 1. Издание это было нам недоступно, о нем см. библиографическую заметку G. Bonamici, SE, VIII (1934), стр. 369 сл.

²⁰ Что некоторые из этих надписей могут быть лигурийскими, допускает L. Banti, *Una fuseruola con iscrizione a caratteri etruschi*, SE, VIII (1934), стр. 437 сл.

²¹ См. LamboGLia, ук. соч., стр. 148 слл.

²² Буффа неправильно, как указывает LamboGLia, там же, прим. 4, говорит о камне.

²³ См. Schulze, ук. соч., стр. 207. О вновь найденной надписи из Клузия с формой *pulfnal* см. G. Bonamici, *Rivista di epigrafia etrusca*, SE, II (1928), стр. 585 слл.

²⁴ LamboGLia, ук. соч., стр. 149, прим. 1, указывает, что автор этого толкования неизвестен.

²⁵ Толкования того же неизвестного автора.

²⁶ S. Mazzarino, *Sociologia del mondo etrusco...*, «Historia», VI (1957), вып. 1, стр. 100, прим. 5. Следует иметь в виду, что материал, на котором сделана указанная надпись,— римского времени (см. LamboGLia ук. соч., стр. 149 сл. и прим. 1 к стр. 150).

²⁷ Battisti, SE, XII (1938), стр. 364

признать наличие в этой области, принадлежавшей тогда массалийцам и лигурам, торговой фактории этрусков, то остается открытым вопрос, можно ли допустить существование такого поселения в более раннее время; кроме того, нельзя сделать никаких заключений о численности этой этрусской колонии и о правовом положении ее основателей среди местного населения.

На ткацком челиоке, найденном в Генуе в могильнике у *Porta Soprana*, IV века, стоит надпись: *laplaisas*. Банти²⁸ не исключает возможности, что надпись этруская: *la = lar θ* или *laris, plaisas* — известный в Этрурии гентилиций. Однако Банти допускает, что надпись может быть и лигурийская. Ламболия указывает²⁹ также на возможность чтения *lar θia plaisani*. Гентилиций *plaisane* встречается в Клузии³⁰. Во всяком случае из находки этой надписи на столь незначительном предмете нельзя делать вывода о наличии в IV веке в районе Генуи этрусского владычества. Следует иметь в виду, что это — гавань, которая подвергалась внешним воздействиям. Бонфанте, учитывая археологические данные, допускает существование в Генуе этрусской фактории, позднее уничтоженной³¹.

В 1953 г. в центре старой Генуи было найдено днище сосуда местного производства с надписью *larī(s?)*³². Памятник, найденный в слое с фрагментами греческой керамики, датируется IV в. до н. э. Это ценное подтверждение проникновения этрусков в этот район.

Надписи, найденные в Луне и ее окрестностях, составляют довольно значительную группу, но не все эти тексты могут быть признаны этрускими.

Надпись на архаической статуе-стеле, найденной у местечка *Zignago* в районе города Луна: *mezunemus*, обычно принимают за этрусскую, хотя и были сделаны попытки интерпретировать ее как кельтскую. Никаких аналогий этрусская эпиграфика не дает и наиболее правильно при современной степени знаний оставить вопрос о принадлежности этого памятника открытым³³.

На аналогичном памятнике, найденном у местечка *Filetto*, читается *vezaruagus*; принадлежность этой надписи к этрусскому языку столь же недоказана, как и предыдущей³⁴.

Надпись *mi larθurus* на сосуде буккоро V—IV вв. (*graffito*) найдена у *Querceta* к северо-востоку от г. Пизы; аналогичная надпись: *mi larθrus* — в области г. Сиены; нестяженная форма встречается в надписи из Перузии: *la. tite. larθurus. felcinatial*. Гентилиций *larθru* от *larθur*³⁵ встречается в тексте из Волатерр.

Некоторый ономастический материал, нам полезный, можно извлечь из латинских надписей.

Надпись *CIL, XI, 1420* сл. содержит имя фабриканта арретинской посуды, который, однако, судя по его *cognomen*'у, происходит из Пизы и носит несомненно этрусский гентилиций³⁶ — *L. Rasinius Pisanus*.

Конечно, остается невыясненным весьма существенный момент: с какого времени эта семья Расиниев проживала в Пизе; ведь весьма возможно, что

²⁸ Banti, *Una fuseruola...*, стр. 437.

²⁹ N. Lamboglia, *Rivista di epigrafia etrusca*, SE, XXIII (1954), стр. 397 сл.

³⁰ См. Schulze, *ук. соч.*, стр. 185.

³¹ О работе Bonfante и упомянутых археологических данных см. ниже, стр. 63. *Mazzarino*, *ук. соч.*, стр. 103, идет дальше, утверждая, что история города Генуи начинается этой этрусской или этрускизирующей надписью.

³² Lamboglia, там же.

³³ Ср. Banti, *L'ager lunensis...*, стр. 175.

³⁴ Ср. Banti, там же.

³⁵ Schulze, *ук. соч.*, стр. 84, 200 и др.

³⁶ См. Schulze, стр. 91 сл.

они обосновались там уже в римское время и, таким образом, не имеют отношения к древним этруским колонистам.

Считая излишним приведение здесь всех имен пизанцев, имеющих этрусские аналоги, ограничимся приведением двух случаев, в которых имеются аналогии не только в Этрурии, но и в других зонах этрусской колонизации.

Таков Petronius (CIL, XI, 1449), гентилиций наличный также в Бононии³⁷, в тексте игувинских таблиц (petruni — II a, 21), в Пицене, в г. Аскуле (C. Petronius Etruscus — CIL, IX, 5226). Такова Tertia Agathonis liberta (CIL, XI, 1482). Шульце (стр. 48 слл.) считает, что наряду с чрезвычайно многочисленными, особенно в императорскую эпоху, личными именами, произведенными от числительных порядковых, встречаются имена, которые, несмотря на созвучие с тем или другим числительным, имеют иную этимологию. С именем пизанки Тертии Шульце (стр. 242) сближает Tertius надпись из Бононии (CIL, XI, 789), Tertaus из Окрикула в Умбрии (CIL, XI, 4092), Tertineo из Фалерий Новых (CIL, XI, 3156'a = CIE, 8343). Однако в собственно Этрурии можно указать лишь на латинскую надпись из Перузии: Tertia S. f. Salvia (CIE, 3348).

Для района Генуи имеется эпитафический памятник, важный для истории аграрных отношений. По мнению некоторых он имеет отношение и к нашей теме. Это решение третейского суда по тяжбе между городом Генуей и сельской общиной (pagus), именуемой Langenses Veiturii (CIL, I, 199, бронзовая таблица из Polcèvera). У. Форментини в исследовании по истории италийского пага в доримское время считал³⁸, что данный акт — памятник лигурийского права, интерпретированного римской юриспруденцией. Аналогично и толкование Э. Серени³⁹. Заслуживает, однако, внимания и точка зрения Мазарино⁴⁰, который считает, что таблица из Польчеверы, таблица из Велии с ее топонимом Tullare, сближаемым с этрусским tular «граница», надписи из окрестностей Вероны, где pagus Arusnatum еще при римлянах сохранял некоторые этрусские культы, что все эти памятники говорят о древней пагальной организации, но с изменениями, внесенными в период этрусского преобладания. Те отношения между городом Генуей и сельской общиной, о которых говорится в упомянутом решении, стали возможны, утверждает Мазарино, только благодаря тому, что этрусски содействовали распространению у лигуров городской культуры. Бесспорно, в ряде областей средней и северной Италии, оказавшихся в зоне этрусской колонизации, градостроительство и лимитация полей испытали на себе влияние этрусских libri rituales, но что касается района Генуи, то из-за крайней скудости источников нам представляется необоснованным приписывать поселившимся там этрускам столь значительное воздействие на местное население.

Таковы эпитафические данные. Помимо них для нашей темы важное значение могли иметь взаимосвязи этрусского языка с лигурийским, но проблема эта остается областью совершенно недоступной для заключений, основанных на реальных данных, так как лигурийский язык — область еще более темная, чем язык этрусский. Мы указывали на поддерживаемую рядом исследователей гипотезу, что лигурийский, о котором можно судить в основном лишь по позднему диалекту лепонтских надписей, принадлежал к одному лингвистическому стратуму с этрусским⁴¹, но, во-первых,

³⁷ P. Ducati, Storia di Bologna, Bologna, 1928, стр. 309.

³⁸ Formentini, ук. соч., стр. 51 слл.

³⁹ E. Sereni, Comunità rurale dell'Italia antica, Roma, 1955 (реф. А. И. Немировский, ВДИ, 1956, № 3, стр. 87 слл.).

⁴⁰ Mazzarino, ук. соч., стр. 99—104.

⁴¹ См. Н. Н. Залеский, Этрускология за рубежом, ВДИ, 1956, № 4, стр. 74.

эта лигуро-этруская общность пока что покоится не на фактах, а главным образом на презумпции существования в Средиземноморье родственных неиндоевропейских языков и, во-вторых, эта общность, если она не выдумка, для изучения вопроса об этрусском влиянии и колонизации ничего не дает.

Для нашей темы интересны данные топонимические ⁴², но при наличных возможностях лингвистического анализа трудно дать заключения, которые бы не вызывали сомнений, являются ли долатинские топонимические данные результатом этрусской экспансии или же эти названия восходят к языковым данным, унаследованным от еще более древнего лигурийского населения этого района ⁴³.

Для нас представляют интерес следующие данные: название реки Arnus ⁴⁴, видимо, лигурийского происхождения, но наличие омофонических образований в нескольких, и притом различных, языках делает этническую принадлежность этого слова загадочной. Вряд ли можно быть уверенным в том, что название притока р. Арна Реса действительно произошло от этрусского гентилиция *resna* ⁴⁵. Загадочными являются и названия населенных пунктов, расположенных к северу от этой реки. Римскому городу Лусса предшествовали какие-то поселения, но принадлежали ли они лигурам или этрускам и какого происхождения название этого города, остается неясным.

Если обратиться к топонимике пизанского района, то из нее может быть выделен слой, определенно не латинского происхождения. Это прежде всего название самого городского центра Pisa и ряд других данных современной топонимики, как то: Avane, Cāvane, Alene, Vaghera, Arme, Lacerano, Bientina, Cascina и другие. Однако при современном уровне знания навряд ли можно уточнить, каково их происхождение: этрусское или лигурийское ⁴⁶.

Современные лингвисты, также как и древние авторы, связывают название Пизы с Эгейдой. Алессио ⁴⁷ производит его от основы *iis- с эгейскими связями: πῖσος «луг», что соответствует характеру местности, где расположен город. Но он допускает и сближение с *Pis-augum*, видя в этих названиях средиземноморские субстратные явления. Происхождение названия Pisa следует считать неустановленным ⁴⁸.

Усматривают также признаки этрусского влияния в топонимике долин, орошаемых реками Serchio, Lima и Ombrone ⁴⁹, но если эти данные сопоставить с топонимикой таких специфических этрусских местностей, как

⁴² См. C. Battisti, *Per le studio dell'elemento etrusco nella toponomastica italiana*, SE, I (1927), стр. 327 слл.

⁴³ Примером подобных колебаний в заключениях исследователей может служить толкование, которое дается названию Palmaria (в районе древней Луны). Согласно Форментини, который примыкает к Schulze, ук. соч., стр. 207, название это происходит от этрусского гентилиция *parmni*, *parmnial*, но Pascali, SE, V (1931), стр. 563 сл., производит его от лигурийского *balma*, объясняя, однако, переход звонкого в глухой этрусским влиянием.

⁴⁴ Battisti, ук. соч., стр. 332 слл. и G. Devoto, *Gli Etruschi nel quadro dei popoli italici antichi*, «Historia», VI (1957), вып. 1, стр. 24.

⁴⁵ Этимологию эту предлагает Pieri (см. у Battisti, ук. соч., стр. 343, прим. 2).

⁴⁶ Данные почерпнуты у A. R. Tonio, *Le condizioni fisiografiche della zona deltizia Arno-Serchio durante il periodo etrusco*, SE, III (1929), стр. 343. Нельзя признать, чтобы замечания по этому вопросу Devoto, ук. соч., стр. 25, вносили что-то новое.

⁴⁷ Alessio, SE, XXIII, стр. 490.

⁴⁸ Vanti, *Pisae*, RE, п/т. XL (1950), стб. 1755.

⁴⁹ Материал этот собран Pieri в ряде работ. Мы воспользовались сводкой, которую дает Vanti, *L'ager lunensis* ..., стр. 176 слл.

верхнее течение Арна и других, то необходимо отметить, что число названий, которым может быть приписано этрусское происхождение, невелико. Приведем некоторые из тех названий, которые не вызывают сомнений у исследователей. В долине Serchio это — Avane, Vercina, Verciola. В районе Пистои (долина Ombrone) — Artimino, Cupano, Martinana, Rofano, Saturnana, Saturnanise, Tavona, Verrone. За пределами этой ограниченной зоны на территории Лигурии указывают на некоторые наименования, которые могут быть признаны этрусскими, но они тонут среди названий, которые отличны от топонимики современной Тосканы и которым может быть приписано лигурийское или кельтское происхождение. Видимо, справедливо указание современных исследователей на то, что ряд названий, происходящих от гентилициев этрусского происхождения, обязан своим появлением, например, в районе Луны, не этрусской, а позднейшей римской колонизации, поскольку гентилициии римских граждан отличаются, как известно, своим этрускизмом. Кроме того, нельзя исключать и того, что некоторым топонимам этого района, возможно, ошибочно приписывают древнее происхождение⁵⁰.

Если только *gorgia toscana* действительно, как считают многие, обязана своим происхождением соответствующей особенности произношения этрусского языка, то не случайно, что северная граница этой *gorgia* совпадает с зоной распространения к северу от Арна топонимики этрусского типа⁵¹.

Были сделаны попытки доказать этрусское происхождение названия г. Луна⁵², несмотря на, казалось бы, его несомненно латинское происхождение. Созвучие однако может вводить в заблуждение, это доказал в ряде случаев Шульце. *Luna* сближали со второй частью таких названий этрусских городов, как *rip-luna* и *vet-luna*, но наличие подобного названия в ряде стран Европы и даже в Африке делает это предположение совершенно неубедительным. Выше мы уже указывали на невозможность опереться в данном случае и на указания Сервия, ввиду безнадежной порчи текста. Попытка подкрепить эмендированный текст этого автора данными современной топонимики Тосканы также неудачна, так как приводимые названия относятся не к гаваням, а к пунктам, отдаленным от моря, между тем предполагается, что у Сервия *Luna* истолковывалось как этрусское слово со значением «гавань».

Для нашей задачи известный интерес представляют антропоморфные стелы, найденные в районе города Луны⁵³. Сюда относятся, во-первых, две стелы с вышеприведенными надписями, которые считают этрусскими, что, как указывалось, сомнительно, а также ряд позднее открытых ана-

⁵⁰ См. *Vanti*, *L'ager lunensis...* стр. 177, прим. 2 с ссылкой на специальную работу Formentini. Судя по рецензии *G. Battisti*, SE, V, стр. 663, работа Форментини об этрусско-римской топонимике района Специи (район древней Луны) стоит не на должном научном уровне: Форментини приписывает ряду названий селений происхождение от этрусских гентилициев, хотя, как думает Баттисти, вероятней их происхождение от итальянских имен нарицательных. Следует, однако, заметить, что неучет подобной возможности вообще является слабым местом всех работ о переживаниях древности в современной или средневековой топонимике.

⁵¹ Так, *Vanti*, ук. соч., стр. 178. За этрусское происхождение *gorgia* высказываются, например, *C. Merlo*, *Lazio Sannita ed Etruria Latina*, SE, I (1927), стр. 303 слл. *C. Battisti*, *Aspirazione etrusca e gorgia toscana*, SE, IV (1930), стр. 249 слл.

⁵² См. *Vanti*, ук. соч., стр. 168 слл. со ссылкой на специальную работу Buffa.

⁵³ *U. Formentini*, *Sulle statue - stele della Lunigiana in relazione con i problemi villanoviano ed etrusco*, SE, I (1927), стр. 61; см. *R. Battaglia*, *Sulla distribuzione geografica delle statue - menhirs. Contributo all'etnologia dei liguri*, SE, VII (1933), стр. 11 слл.

логичных памятников. Памятники эти, типа менгиров⁵⁴, вызвали разные догадки у исследователей как о назначении (надгробия или идолы?), так и об этнической принадлежности создателей этих памятников. Однако, несомненно, мнение о кельтском происхождении как этих надписей, так и всей группы этих памятников не может быть принято. Также как и аналогичные памятники, найденные на территории Франции, эти стелы уже в силу своей большой древности должны быть приписаны какому-то иному племенному элементу. Если даже исходить из признания теории автохтонного происхождения этрусков, допускающей наличие некоего протоэтрусского населения на севере Италии, то все же придется констатировать⁵⁵, что стелы района Луны отличаются своей примитивностью не только от стел этрусских с изображением человеческой фигуры, или подковообразных фельзинских, но и от стел периода «Виллановы» настолько, что трудно настаивать на наличии здесь генетической связи⁵⁶. С другой стороны, вся эта группа стел, как считают⁵⁷, не может быть связана и с могильниками а cassetta, которые, видимо, являются лигурийскими (о них ниже). Во всяком случае приписывание этих столь архаических памятников этрускам, жившим в Лигурии будто бы чуть ли не с периода энеолита, представляется совершенно неправдоподобным⁵⁸.

Если исключить район Фезул, то количество памятников несомненно этрусских к северу от р. Арна окажется незначительным. Имеются некоторые памятники, свидетельствующие о пребывании этрусков в области городов Лукка и Пиза.

В провинции Лукка в местности Madonna di Campo у Ponte a Moriano среди развалин какой-то постройки были обнаружены бронзовые статуэтки этрусской работы архаического типа⁵⁹. Однако существует мнение⁶⁰, что местность эта была первоначально лигурийской, хотя до сих пор отсутствуют археологические данные, которые бы подтвердили правильность этого предположения.

На территории г. Пизы, а также у San Rossore (на северном берегу Арна, вниз по течению) имели место находки краснофигурных ваз греческой работы, а также фрагментов греческой керамики IV века; этрусского типа урны, которым приписывалось происхождение из г. Пизы, на самом деле были найдены где-то в окрестностях⁶¹. В низине Padule di Bientina, к юго-востоку от Лукки были обнаружены три кремационных погребения, в одном из которых оссуарием служил краснофигурный кратер начала IV века, аналогичный тем сосудам, которые были найдены в могильнике Чертозы в Болонье и в могильнике Valle Trebba (осушенная лагуна у г. Спины); сосуд этот аттической или, быть может, южноиталийской

⁵⁴ См. таблицы к статьям Formentini и Battaglia.

⁵⁵ Так Formentini, ук. соч., стр. 65 сл. Для Battaglia эта теория, очевидно, совершенно чужда, он о ней даже не упоминает.

⁵⁶ Battaglia, ук. соч., стр. 11, ставит в связь с лигурийскими менгирами не только виллановианские стелы типа Арноальди, но и фельзинские в форме подковы (стр. 22), однако вряд ли здесь можно предполагать наличие сколько-нибудь значительного влияния со стороны лигурийского населения падаиской области на этрусков и умбров, установивших там свое господство.

⁵⁷ Formentini, ук. соч., стр. 68.

⁵⁸ Formentini, ук. соч., стр. 61, совершенно неосновательно приписывает Ливию, что он, будто бы, имел в виду подэтрусками Лигурии этот народ, создавший там статуи-менгиры. Приписывать Ливию знакомство с архаическими памятниками Лигурии достаточно странно. Отрицает гипотезу Форментини и Banti, L'ager lunensis... , стр. 173 сл.

⁵⁹ D. Levi, Rassegna degli scavi e delle scoperte 1925—1926, SE, I (1927), стр. 493.

⁶⁰ Так, A. Solari, Intorno alla etnografia di Lucca, «Miscellanea Lucchese in onore di S. Bongi», Lucca, 1926, стр. 3—9 (цит. по SE, I, 1927, стр. 555).

⁶¹ Banti, Pisae, стб. 1757 сл.

работы, имитировавшей аттическую⁶². Все это, конечно, достаточно скудный материал для суждения в пользу этрусской экспансии в этих местах. Конечно, находки греческой керамики являются существенным признаком этрусизма погребений, но нельзя отвергать и того, что греческую керамику в Италии находят и в погребениях таких мест, в которых этрусков никогда не было.

Были также интересные находки к с.-в. от Пизы. В 1861 г. у потока Vossatoio было обнаружено значительное количество цинерариев, амфор и других предметов погребального инвентаря, которые вызвали противоречивые суждения у тогдашних специалистов: этрусские, лигурийские, «неолитические», римские погребения. Утрата этих находок препятствует повторному изучению этих материалов.

Также к с.-в. от г. Пизы у жел.-дор. станции Querceta (Seravezza) в местности il Baraglino в прошлом веке (видимо, до 1880 г.) была сделана находка, значение которой оценено лишь сравнительно недавно⁶³, когда памятники из частных рук попали в пизанский музей. Это предметы, относящиеся к кремационному захоронению: цинерарий с крышкой из черного *impasto* и два сосуда буккеры, из которых на одном приведенная выше этруская надпись. Вещи эти датируются IV веком, хотя они могут быть и древнее. Конечно, это лишь одно погребение, и на основании такого материала невозможно говорить еще о колонизации края этрусками, а лишь об оседании там отдельных семейств. Во всяком случае, это несомненно этрусские вещи и погребение этрусское. Этрусская стела была найдена у Castiglioncello⁶⁴. У Rosignano в местности Monte alla Rena обнаружены разрушенные погребения с фрагментами погребального инвентаря этрусско-римского периода⁶⁵. Столь позднее происхождение существенно снижает значение этой находки для решения поставленного вопроса.

Что касается территории Лигурии за пределами указанных районов, то там было найдено значительное количество погребений своеобразного типа а *cassetta*. Последняя обычно сложена из шести каменных плит и содержит оссуарий из терракоты и довольно бедный инвентарь. Памятники эти датируются начиная с VI в. и кончая временем римской колонизации. На основании этих данных возможно сделать лишь один вывод: никаких существенных изменений в обряде погребения населения Лигурии за этот весьма продолжительный срок не произошло. Никаких погребений, которые можно было бы приписать этрусским колонизаторам, в этих районах не обнаружено. Правда, один из специалистов обнаружил⁶⁶ в лигурийском могильнике района Луны, у современного местечка A megliа два погребения, которые, судя по богатству инвентаря (золотые и серебряные украшения), носят, как будто, этрусские черты (также кремация, но без каменных ящиков), однако два погребения не вносят существенного изменения в общую картину, а кроме того, эта местность приморская, служившая в древности гаванью, и погребения этого могильника не могут быть датированы раньше III в., а это последнее обстоятельство лишает эти памятники для нашей темы существенного значения.

Находки предметов этрусского производства можно ожидать не только в могильниках Луны, но и в лигурийских могильниках глухих местностей,

⁶² Все эти данные почерпнуты из статьи В. Р а с е, Nuove scoperte archeologiche nel Padule di Bientina, SE, IV (1930), стр. 143 слл., который отмечает (стр. 148) скудность этих находок.

⁶³ А. Neppi Modona, Di un antico ritrovamento etrusco a Querceta (Seravezza) e del suo valore storico, SE, VI (1932), стр. 525 слл. О находке 1861 г. см. там же.

⁶⁴ «Notizie degli scavi», 1924, стр. 157 слл.

⁶⁵ SE, X (1937), стр. 376.

⁶⁶ Работа Podestá известна мне по указаниям В а n t i, L'ager lunensis..., стр. 13.

казалось бы мало связанных с внешним миром. В Alta Versilia в районе Seravezza было найдено погребение обычного типа а cassetta, в котором обнаружен килик этрусской работы ⁶⁷. Однако по таким данным можно утверждать лишь наличие торговых сношений с Этрурией, причем позднего времени, так как это погребение датируется уже II в.

Дополнить эти указания следует упоминанием о терракотовых фронтонах, фрагменты которых были найдены на территории римской Луны. Милани, издатель этих памятников этрусского стиля, допускал, что часть этих рельефов может быть датирована первой половиной III в. и принадлежит храму, воздвигнутому еще этрусками, а остальные фрагменты относятся к храму, воздвигнутому уже римской колонией. Однако позднейшие исследователи все эти памятники относят к римскому времени ⁶⁸.

Для истории борьбы между лигурами и этрусками не лишена значения находка лигурийского укрепленного центра на Monte Castellaro у Pignone, в провинции Специя ⁶⁹.

Недавно были опубликованы ⁷⁰ четыре фрагмента каррарского мрамора с рельефными изображениями цветов лотоса и т. п., которым приписывалось происхождение из Луны, причем издатель определял стиль этих памятников как ионизирующий, т. е. относил их к VI в. до н. э. Нечего говорить о том, насколько наличие подобных памятников имело бы важное значение для истории Луны, но, к сожалению, правильность подобного толкования этих рельефов подвергается критике ⁷¹, которую вряд ли можно игнорировать.

На основании находок в Генуе аттической и итальянской керамики (в частности, этрусско-кампанской), ткацкого челнока с этрусской, видимо, надписью и предметов из бронзы, найденных в могильнике вместе с местной керамикой, можно заключить о том, что лигурийское население в этих местах имело с этрусками сношения в V—IV вв., но, конечно, подобный материал, особенно, ввиду отсутствия указаний традиции, не может служить надежным подтверждением наличия там этрусского владычества или хотя бы этрусского населения ⁷². Бонфанте, ссылаясь на мнение Мингазини, недавно высказался в пользу существования в Генуе этрусской фактории в период времени с 480 по 350 г., когда она была разрушена лигурами, участь, от которой греческие колонии побережья Галлии были спасены вмешательством римлян ⁷³. Интересно сопоставить эти данные с находками в Симье (у Ниццы), которые, как отмечалось, видимо, доказывают существование там в III веке этрусской фактории ⁷⁴. В пользу существования на побережье Лигурии этрусских поселений западнее

⁶⁷ Doro L e v i, Una tomba a incinerazione dell' Alta Versilia, SE, VI (1933), стр. 529 слл.

⁶⁸ Подробнее B a n t i, L'ager lunensis..., стр. 166 слл., которая склоняется к мнению Дукати, что оба храма были воздвигнуты около 177 г., времени основания римской колонии. Единственным несомненно этрусским памятником, который был найден на территории этого города, являются резные камни, но ввиду легкой транспортабельности эти памятники не могут служить доказательством существования этрусского периода в истории этого города. Знаменитый впоследствии мрамор Луны (каррарский) этрускам был совершенно неизвестен (см. L. B a n t i, Antiche lavagazioni nelle cave lunensi, SE, V, стр. 486) за исключением, конечно, некоторых памятников I века (например, урна П. Волумния в известной перузинской усыпальнице).

⁶⁹ «Archeologischer Anzeiger», 1942, стр. 291.

⁷⁰ U. F o r m e n t i n i, Rilievi lunensi d'arte ionicizzante, SE, XXI (1950—1951), стр. 117 слл.

⁷¹ A. S t e n i c o, A proposito dei presunti «Rilievi lunensi d'arte ionicizzante», SE, XXII (1953), стр. 365 слл.

⁷² Об этом генуэзском материале см. L. B a n t i, SE, VIII, стр. 437 слл.

⁷³ G. B o n f a n t e, Iscrizione della fuseruola di Genova, SE, XXII (1953), стр. 427.

⁷⁴ См. выше, стр. 56 сл.

р. Магры недавно появились новые данные. Это результаты раскопок в районе, ближайшем к Массалии, но относящихся ко времени более раннему, чем возвышение этой фокейской колонии. У Saint Blaise, где позднее был важный опорный пункт массалийцев, помимо архаической греческой керамики, свидетельствующей о сношениях с Ионией, было найдено много черепков буккоро, сосудов, датируемых 580—530 гг.⁷⁵. Аналогичные находки сделаны и в других местах этого района. Это свидетельствует о непосредственных сношениях с Этрурией и делает вероятным существование этрусских факторий на побережье Лигурии. Найдены и фибулы типа Certosa. Находка у Vix во Франции (окрестности г. Chatillon-sur-Seine) необычайно богатого галльского погребения второй половины VI века дала громадный (1,65 м) бронзовый кратер художественной работы, возможно, происходящий из этрусской мастерской, как и найденные там же ойнохой и два котла. Пролегал ли торговый путь через Альпы или эти вещи попали через Массалию, вопрос, занимающий специалистов⁷⁶; во всяком случае, бесспорно, что этруская торговля с Галлией в VI в. была значительной и проникновение этрусков на побережье Лигурии подтверждается.

Вопрос об этрусско-лигурийских связях и об экспансии этрусков к северу от течения р. Арн затрагивался рядом исследователей. К. О. Мюллер⁷⁷ утверждал, что районы Лукки и Луны были первоначально этрусскими, но были затем, около 360 г., то есть в период больших кельтских вторжений, завоеваны лигурами. Позднейшие авторы стали на иную позицию, более отвечающую данным предания, Так, Ниссен⁷⁸, например, говорит об этрусской экспансии к северу от Арна в период наивысшего могущества, когда этрусски колонизировали паданскую область. Затем этот автор признает, что лигуры-апуаны отняли обратно эту территорию между реками Магра и Арн, но он даже не сообщает, когда это произошло. Таким образом исследователи прошлого века касались этой проблемы, которая нуждается в специальном исследовании, только поверхностно.

Де Санктис вообще считает, что нельзя признать этрусскую экспансию к северу от Арна, пока не будут обнаружены археологические данные, подтверждающие наличие этрусков в этом районе в большей степени, чем это можно сделать на основании нескольких случайно найденных греческих сосудов⁷⁹. Однако другие исследователи, и в том числе авторы более новых работ, придерживаются того мнения, что этрусски владели известной территорией к северу от р. Арн в VI и V вв., утратив ее после битвы при Сентине (как видим датировка контрнаступления лигуров дается различная); таково мнение Солари, Пайса и Дукати. Аналогичные мнения встречаем и у тех авторов, работы которых мы использовали в предшествующем изложении, негативные высказывания принадлежат незначительному меньшинству. Для оценки этой литературы необходимо учесть, что работы эти, хотя и затрагивают основную проблему, но посвящены все трактовке частных вопросов. Работа Форментини посвящена преимущественно рассмотрению вещественных памятников района Луны. Однако в другой работе этот автор затрагивает и проблемы общего порядка. Го-

⁷⁵ H. R o l l a n d, A propos des fouilles de Saint Blaise. La colonisation préphocéenne. — Les étrusques. Le domaine de Marseille, REA, LI (1949), № 1—2, стр. 83 слл.

⁷⁶ R. B l o c h et R. J o f f r o y, L'alphabet du cratère de Vix, «Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes», sér. III, XXVII (1953), вып. 2, стр. 175 слл.; ср. рецензии на работы J. Delapierre, M. Carcopino и других в REA, LVII (1955), № 3—4, стр. 322 слл. и 353 слл.

⁷⁷ K. O. M ü l l e r — W. D e e c k e, Die Etrusker, 1², Stuttgart, 1877, стр. 98.

⁷⁸ H. N i s s e n, Italische Landeskunde, B., II, 1902, стр. 282 сл.

⁷⁹ G. D e S a n c t i s, Storia dei Romani, Torino, т. I, 1907, стр. 440 сл.

вора о загадочном Антии, Форментини пытается истолковать значение этого центра как границы между зонами этрусской и массалийской таласократий. Он допускает даже существование некоторого договора, определявшего условия торгового сосуществования на море обеих сторон⁸⁰.

Работа Баттисти посвящена преимущественно италийской топонимике, но отчасти касается и материалов занимающего нас района. Паче, как и Пайс, писал об истории Пизы в древности. Истории этого города посвящен и труд Тосканелли⁸¹, в котором, насколько можно судить по той краткой рецензии, которая только и была нам доступна, автор ставит весьма интересную проблему об отношении города Пизы к двенадцатиградю Этрурии: Пиза, как и Популония, не были в числе «XII народов». Автор усматривает признаки зависимости Пизы от Волатерр, города-государства, истории которого он уделяет внимание, но остается неясным, на основании каких данных автор утверждает, что Пиза была колонией Волатерр. Как нам представляется, единственный довод, который можно привести, это сопредельность территорий этих двух городов.

Банти, проработавшая в данной области больше других, в одной из своих статей трактует вопрос об экспансии этрусков на север, но опять-таки на ограниченном материале, преимущественно касающемся района г. Луны, истории которой она позднее посвятила специальное исследование⁸², где продолжает отстаивать наличие в VI—V вв. этрусской экспансии между реками Серкьо и Магра. Следует, однако, отметить, что вопрос этот продолжал быть дискуссионным до недавнего времени. Маджи, рецензировавший эту работу о Луне, наоборот, считал, что скудость археологических источников, свидетельствующих об этруском влиянии, не позволяет говорить об этрусской экспансии: редкие находки этрусских вещей в районе между Генуей и р. Серкьо говорят только о преходящих связях. Луна, в частности, не была этрусским городом, хотя этрусское культурное влияние прослеживается в созданной здесь римской колонии.

Так же, как и ранее отмеченные работы, статья Ламболья (ук. соч., стр. 151 сл.) не охватывает всего материала и затрагивает лишь некоторые вопросы. Следует отметить, что он считает этрусский элемент в Ницце (Симье) случайным. Работа эта интересна тем, что ее автор пытается пролить свет на участие лигуров в международных делах Средиземноморья: лигуры, утверждает он (там же), как союзники карфагенян должны были быть в дружественных отношениях с этрусками. Генуя как гавань была разноплеменным центром: там были представлены греки, этруски, карфагеняне, о чем говорят археологические памятники; но в основе это было лигурийское поселение. Владычество этрусков над Лигурией Ламболья вообще отвергает, но допускает наличие этрусского культурного влияния, размеры которого, однако, при скудных источниках невозможно определить в достаточной мере. Останавливается Ламболья и на теории⁸³, согласно которой, в результате сличения данных Псевдо-Скилака и Псевдо-Скимна, допускается отождествление загадочного Антия⁸⁴ с Антиполем, нынешним Антибом на французской Ривьере, Антия, от которого, согласно Псевдо-Скилаку, начинается земля тирренов, а это

⁸⁰ U. F o r m e n t i n i, Questioni di archeologia lunense, Mem. Acc. Lunig. G. Capellini, IV (1923), стр. 120 слл. (цит. по статье Б а н т и, SE, V, 1931, стр. 182).

⁸¹ N. T o s c a n e l l i, Pisa nell'antichità dalle età preistoriche alla caduta dell'impero romano, Pisa, три тома (1933—4) (цит. по рец. А. Neppi Modona, SE, VII, 1933, стр. 468 слл. и IX, 1955, стр. 455).

⁸² Работа L. B a n t i, Luna, 1937, известна нам только по рец. M a g i, SE, XI, стр. 505 сл.

⁸³ Эту теорию см. у А. В е r t h é l o t, Les ligures, RA, II (1933), стр. 245 слл.

⁸⁴ Об Антии см. выше, стр. 54.

приводит к утверждению, что лигуры в VI и V вв. будто бы жили только между Роданом и Варом, и лишь в результате упадка этрусского могущества под натиском кельтов лигуры продвинулись на территорию, которая затем и получила от них название.

Ламболя, признавая, что в нашей традиции имеются некоторые загадочные замечания, которые приводят к подобным предположениям, справедливо считает, что подобное допущение решительно не находит никакого подтверждения в данных археологии и потому является неприемлемым. О локализации Антия Ламболя в более ранней работе высказывался за то, что его следует искать лишь несколько севернее р. Магра, там, где вдоль побережья жило лигурийское племя тигуллов⁸⁵.

Из авторов новейших работ, которые были нам доступны, вопроса об этрусской экспансии в данном районе касается Альтгейм⁸⁶. Он признает, что ко времени максимального распространения их могущества в конце VI в. этруски вторглись в район севернее р. Арн и заняли всю местность до подножья Апеннин, дойдя до местности, где происходит слияние Арна и Лимы. С кельтским вторжением и падением этрусского могущества эти земли были утрачены, сначала до р. Серкьо, а затем до Арна. Ни о каком завоевании горных районов речи нет.

Следует далее остановиться на теориях, отстаивающих существование в северной Италии какого-то древнего протоэтрусского населения.

Традиция содержит лишь сведения о том, что этрускам на побережье Лигурии принадлежали города Пиза и Луна. Кроме того, о первом сообщается, что он был основан легендарным Тархоном, а о втором, что его затем отняли у этрусков лигуры. Никаких намеков на то, что этруски составляли древнейшее население этих мест, в традиции нет.

Данные эпиграфики, топонимики, археологии определенно говорят против подобного допущения. Упомянутые менгиры действительно памятники загадочные с точки зрения их этнической принадлежности, но у сторонников этрусизма этих памятников мы не нашли убедительных доводов в пользу их мнения; все же другие вещественные памятники, обнаруженные в Лигурии, свидетельствуют о том, что эта область существенно отлична от Этрурии, памятники же, которые могут быть признаны этрускими, там редки и встречаются лишь на ограниченной территории.

Теория позднего продвижения лигурийских племен в этот район, о которой мы упоминали, не находит опоры ни в одном виде источников.

Из скудных наших данных можно извлечь мало сведений о причинах продвижения этрусков в эти места. Можно лишь считать несомненным, что проникновение этрусков в Лигурию находилось в какой-то связи с их экспансией в паданскую область: занятие земель к северу от Арна для этого явилось необходимым условием, особенно это нужно сказать о районе Фезул, столь богатым памятниками этрусской культуры, начиная с VII—VI вв. Район этот расположен на коммуникациях с Фельзиной, где фезуланское влияние обнаруживается на ряде памятников. Кроме того, необходимо признать, что, помимо плодородных земель речных долин, этрусков привлекало побережье Лигурии с его хорошими гаванями. Продолжающиеся находки этрусских надписей на побережье Лигурии, находки этрусских изделий в районе Массалии доказывают, что в VI в., до возвышения Массалии, весь этот район входил в сферу этрусских торговых сношений.

⁸⁵ N. L a m b o g l i a, La prima fase delle guerre romano-liguri (238—230 a. C.), «Collana storica-archeologica della Liguria occidentale», I, 6 (1930—1932), (цит. по рец. A. N. M., SE, VIII, 1934, стр. 457).

⁸⁶ F. A l t h e i m, Italien und Rom, II³, Amsterdam — Leipzig, 1944, стр. 254 и 258.

Для датировки начала этрусской экспансии к северу от Арна легендарная традиция ничего дать не может. Сказания об основании Пизы Тархом, об участии пизанцев в походе на помощь Энею для решения этого вопроса бесполезны. Продвижение этрусков к северу от низовьев Арна нужно поставить в связь с занятием района Фезул и долины реки Умбро, подводящим к горным проходам северных Апеннин, хотя и невозможно утверждать, что продвижение этрусков вдоль побережья Лигурии началось одновременно с началом колонизации паданской области. Данные археологические района Пизы, которые могут быть связаны с пребыванием здесь этрусков, скудны и случайны. Здесь положение исследователя совершенно иное, чем при изучении вопроса о колонизации этрусками района Фельзины и некоторых других мест северной Италии. Найденная в пизанской области греческая керамика IV века никак не может быть отнесена к началу этрусского периода, если даже и считать ее признаком проникновения сюда этрусков. То же следует сказать и об изделиях этрусской работы, датировемых также, как мы отмечали, IV веком. Находка в районе Лукки «архаического» типа статуэток этрусской работы, во-первых, лишена точной датировки и, во-вторых, нахождение там таких портативных изделий скорее может служить доказательством наличия торговых сношений с Этрурией, чем этрусской колонизации края. Само собою, что изделия, датировемые III и II вв., находку которых в разных пунктах приморской Лигурии мы отмечали, ничего не дают для выяснения начала этрусского периода. Они лишь свидетельствуют о бытовании там этрусского элемента или о сохранении торговых связей с Этрурией в позднее время. В силу этого исследователь при определении времени начала этрусской экспансии к северу от низовьев Арна может опереться лишь на данные находок этрусской керамики у S. Blaise и на данных ранних памятников Фезул, Мисы (Marzabotto) и Фельзины, причем последние имеют значение лишь косвенных источников. Вывод тот, что начало экспансии относится к VI в., то есть ко времени наиболее интенсивной деятельности этрусков в средней и северной Италии. Таково мнение всех авторов, которые не отвергают самого факта проникновения этрусков в Лигурию.

Что касается путей проникновения, то, судя по весьма скудным данным археологии и топонимики, проникновение происходило по течению притока нижнего Арна (древнее название его неизвестно). Этот поток вытекал из ныне осушенного озера Lago di Bientina (к ю.-в. от Лукки). Также по течению Авсера (ныне Serchio) и его притока Lima (древнее название неизвестно). Горных районов экспансия, видимо, вовсе не коснулась и там продолжали жить независимые лигурийские племена. Что касается самого побережья Лигурии, то здесь, как указывают ⁸⁷, в начале античного периода природные условия были весьма трудными: болотистый характер низин должен был чрезвычайно затруднять их освоение. Возможно предположить, что появление этрусков в таких сравнительно отдаленных от Этрурии местах, как Луна (залив нынешней Специи?), Генуя, Никея — Цеменелум, — объясняется морскими сношениями, а не систематическим продвижением вдоль побережья.

Из каких мест Этрурии исходила эта колонизация, это вопрос, на который нельзя дать даже такого относительно ясного ответа, как в отношении паданской области или Кампании, или даже Лация: эпиграфические памятники мало что дают, археологические материалы настолько случайны, что на основании их никаких выводов вообще сделать нельзя, а то, что сохранилось от легендарного античного предания, по данному вопросу прямых

⁸⁷ Tonio, ук. соч., стр. 343 сл.

указаний не содержит. Только Плиний⁸⁸ своим замечанием о *vitis pariana* в Пизе позволяет предполагать, что клузийский род *raipa* имел отношение к созданию этого центра.

Из приведенного выше скудного просопографического материала заслуживает быть отмеченным следующее: гентилиций *pulfna* на надписи из Симье (Цеменелум) достаточно распространен в Этрурии и, в частности, известен в Клузии, но надпись эта ненадежная и, во всяком случае, очень поздняя; надпись *plaisas* из Генуи также поздняя, имеющая (если это действительно этрусский гентилиций) аналогии в собственно Этрурии; *larthurus* — несомненный этрусский гентилиций на надписи из *Querceta* в районе Пизы, которому аналогии имеются в Сиене, Перузии и Волатеррах. На основании таких данных утверждать что-либо об исходных центрах колонизации было бы неправильным. Мнение Тосканелли, что Волатерры играли здесь руководящую роль, насколько мы можем судить, — гипотеза, лишённая оснований.

Лучше всего засвидетельствовано предание о владычестве этрусков в Пизе, хотя, как мы указывали, ни традиция, ни другие источники не позволяют определить сколько-нибудь точно время, когда этруски там обосновались. Как мы пытались показать, этруски должны были застать в этом районе лигурийское население. Нам представляется правильным мнение Паче⁸⁹, согласно которому занятие этого района этрусками следует оценивать как укрепление политического могущества этрусков, имевшее следствием распространение изделий этрусской индустрии при сохранении основного лигурийского слоя населения. Напомним, однако, что до сих пор находки этрусских памятников были самыми скудными, и поэтому ни об интенсивности влияния этрусков, ни о пределах зоны этого влияния ничего в точности сказать нельзя.

Судя по достаточно ясному замечанию Страбона, территория, контролируемая пизанцами, была невелика⁹⁰, поскольку в непосредственной близости находились лигурийские племена, совершавшие на пизанцев нападения. Однако по свидетельству того же автора, благодаря плодородию земли, город был в цветущем состоянии. Пизанцы создали ряд гидравлических сооружений. Судя по указанию Плиния, культура винограда в области Пизы, как и в других местах Северной Италии, была введена этрусками. Своим процветанием Пиза этрусского времени была также обязана морскому могуществу, о котором сообщает Страбон и которое нашло отражение в легенде, сохранённой Вергилием. К сожалению, наша скудная традиция не сохранила никаких конкретных данных о деятельности пизанского флота, хотя активность этрусков у побережья всей Лигурии, подтверждаемую эпиграфическими и археологическими данными, трудно представить без участия в ней пизанцев. Что касается политического устройства Пизы, то о нем нам ничего неизвестно, кроме того, что она первоначально находилась под управлением царей, обладавших военной и жреческой властью. Об этих пизанских царях, воинах и теократах, как и в других центрах Этрурии и колониальной периферии, в Пизе сохранялось лишь смутное воспоминание в легендах. Таков упоминаемый у Вергилия Азилас. Вряд ли было бы правильным считать, что указание на Тархона как основателя города может быть использовано как доказательство того, что Пиза была одним из суверенных городов Этрурии⁹¹. Доволь-

⁸⁸ См. выше, стр. 54.

⁸⁹ Ра с е, ук. соч., стр. 5 сл.

⁹⁰ См. выше, стр. 54. Так и *Banti*, п/т. XL, стб. 1755 сл.

⁹¹ См. выше, стр. 52 и 65. Упоминаемый в *CIL*, XI, 1432 *praetor Etruriae V Pisis*, однако, свидетельствует о причастности Пизы к «федерации» городов Этрурии при империи.

но обильны, но, конечно, неясны, ненадежны указания на причастность греков к колонизации района Пизы или к созданию самого города: тут и сказание о неких говорящих по-гречески тевтанах или тевтах, бывших первичными основателями города, который, согласно одной версии, и носил название Тевта, тут и сказание об основании города жителями Пизы в Пелопоннесе, участниками троянской войны, и предание о наличии здесь некоего *Phocida orpidum*, которое, быть может, свидетельствует скорей о наличии здесь фокейской фактории, чем о колонии, связанной с сизифидом Фоком, героем-эпонимом Фокиды. Из всех этих указаний на наличие в этом районе какого-то греческого поселения наиболее правильно сделать тот вывод, что устье Арна было в сфере деятельности фокейцев-массалиотов, но, как мы указывали выше, наши сведения о колонизации фокейцами побережья Лигурии настолько скудны, что кроме гипотезы, предложенной Форментини, о существовании сфер влияния этрусской и фокейской талассократий, вряд ли что-либо можно сказать еще. Единственно, что мы можем заметить, это, что взаимоотношения этрусков и фокейцев на море не могли оставаться неизменными, и если в IV в. побережье Лигурии держали в руках фокейцы из Массалии, то позволительно сомневаться, чтобы так обстояло дело и в VI—V вв. и чтобы этруски допустили основание города фокейцами в устье Арна. Здесь мы попадаем в область истории борьбы на море у берегов Италии, в которой в VI в. участвовали греки, карфагеняне, этруски. Несомненно, что потеря фокейцами Корсики после битвы при Алалии (538 г. до н. э.) не могла не отразиться и на положении у берега Лигурии. Поэтому мы полагаем, что если в предании о *Phocida orpidum* есть зерно исторической правды, то существование такого поселения можно отнести лишь ко времени упадка этрусской мощи. Продвижение фокейцев (массалиотов) к востоку от Антиполя, видимо, относится лишь к IV в. (см. выше), и это подтверждает нашу точку зрения, что фокейцы могли появиться у устья Арна лишь в это время, когда талассократия этрусков пришла в упадок. Следует также иметь в виду, что и лигуры должны были играть какую-то роль в той борьбе на море, которая происходила у их берегов. Однако прав ли Ламболья, утверждающий (ук. соч., стр. 147), что лигуры в качестве союзников карфагенян должны были быть в дружелюбных отношениях с этрусками? Лигуры неоднократно упоминаются в качестве наемников (но не союзников) карфагенян⁹², начиная со времени похода Ксеркса в Грецию и кончая I Пунической войной, после которой лигуры-наемники приняли участие в известном восстании. Кроме того, лигуры в качестве наемников Агафокла упоминаются⁹³ вместе с тирренами. Из этих сообщений невозможно сделать какие-либо выводы о взаимоотношениях лигуров и этрусков. Можно только считать, что уже в начале V в. лигуры находились в сфере деятельности карфагенян. Можно также предполагать, что эта вербовка лигуров проводилась через посредство этрусков, владевших в то время рядом пунктов на побережье. Судя по приведенному месту Страбона, отношения между пизанцами и лигурами, сохранившими независимость, были враждебными, что, видимо, особенно характерно для времени упадка могущества этрусков. Как и в других центрах колониальной периферии, в Пизе существовало и неэтрусское, лигурийское население, но нам ничего не известно о том, каково было положение этой группы жителей.

Относительно города Луны как города, некогда бывшего в руках этрусков и вероятно ими созданного, говорит Ливий, не указав, однако, сколько продолжительно было там владычество этрусков. Позднейшие авторы, как

⁹² Diod., XI, 1, 5; XVI, 73, 3; XXV, 2, 2.

⁹³ Diod., XXI, 3, 1 и 2.

отмечалось, сообщают о принадлежности Луны противоречивые сведения, но это не имеет существенного значения, так как авторы периплов подтверждают, что эта часть побережья была некогда в этрусских руках. Данные эпиграфики, археологии, хотя и скудные, подтверждают эти свидетельства. Находки надписей на непонятном, но неэтрусском языке, говорят за наличие здесь какого-то иноязычного, очевидно, лигурийского населения. Этимология названия города остается загадочной. История этого центра скрыта от нас. Темен и вопрос о местонахождении этой этрусской Луны. Находился ли этот город на месте позднейшей римской колонии, где было обнаружены лишь остатки терракотовых облицовок двух храмов в этрусском стиле, но воздвигнутых уже римской колонией? Не следует ли отождествлять этрусскую Луну с *Portus Lunae*? Но и месторасположение этой гавани лишь предположительно может быть отождествлено с бухтой современной Специи. Если границей служила река Магра, то бухта эта оказывается к западу от этой линии. Однако, судя по указаниям Страбона, этрусскую Луну нужно искать, видимо, здесь. Географ, имея в виду доримское время, говорит, что этой гаванью пользовались «владычествующие на море». Кого имел в виду Страбон, об этом высказывались разные мнения. Мы склоняемся к мнению Банти, что под владыками можно тут подразумевать либо этрусков, либо массалиотов. Полагаем, что одинаково возможно и то, и другое, причем греки и этруски могли в зависимости от соотношения сил на море сменять друг друга и даже сосуществовать. Аналогичные случаи содружества на побережье Адриатики и Кампании делают такое предположение весьма правдоподобным.

Вообще, о побережье Лигурии, как объекте этрусской колонизации или торговой деятельности, можно судить, за отсутствием данных в нашей фрагментарной традиции, лишь по данным других видов источников.

Помимо района Луны памятники этрусской эпиграфики и археологии встречаются в Генуе и в Симье (район Ниццы); на основании этих данных можно предполагать наличие этрусских факторий в Генуе в V—IV вв. и в Симье в III в., причем оказывается невозможным определить, когда возникли эти фактории, какую роль они играли среди местного населения (лигурийского) и каковы были их взаимоотношения с фокейцами из Массалии, колонизовавшими частично побережье Лигурии; проблема эта, как сказано, может быть решена лишь при получении новых данных. Вообще, можно лишь предположить⁹⁴, что этрускам временно удалось в какой-то степени овладеть побережьем, откуда, однако, они затем были изгнаны или, если и продолжали там жить, то уже не имея власти над этими территориями (положение, напоминающее состояние греческого населения на побережье Кампании после самнитского завоевания).

Что же касается долины р. Серкьо и ее притока Лимы, то следы пребывания здесь этрусков или наличия там их влияния весьма ограничены, чтобы составить себе сколько-нибудь ясное понятие о значении в этом районе этрусского элемента.

Происхождение города Лукка и этимология его названия остаются неустановленными, хотя наличие там этрусского влияния и засвидетельствовано для раннего времени, если судить по находке архаического типа статуэток.

Все изложенное побуждает сделать следующий вывод.

Этруски основали города Пизу и Луну на лигурийском побережье, возможно, на местах уже ранее существовавших поселений. Они владели побережьем до р. Магры, а, возможно, в период наивысшего своего мо-

⁹⁴ Так B a n t i, ук. соч., стр. 189.

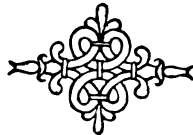
гущества в VI в. и далее на запад, хотя археологические находки в Генуе, в Симье (Ницца) не дают оснований для заключений о том, какую роль играл там этрусский элемент: если в упомянутых местах и существовали поселения этрусков, то пока что нет возможности определить даже время их возникновения. Во всяком случае в VI в. побережье вплоть до района Массалии было зоной торговой деятельности этрусков.

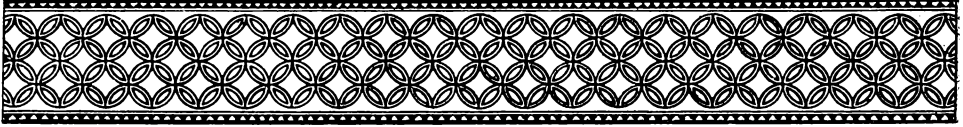
Нет оснований говорить о колонизации этрусками горных внутренних районов Лигурии.

Мы почти ничего не можем сказать о политическом строе основанных этрусками поселений, о взаимоотношениях с местным населением и массалиотами. Бесспорно, что взаимоотношения эти подвергались изменениям. Можно утверждать, что талассократии этрусков в этом районе в IV в. пришла на смену талассократия Массалии. О политике Карфагена в этих краях можно констатировать лишь то, что карфагеняне в V и IV вв. вербовали здесь наемников. Быть может, тут играли какую-то посредническую роль этруски.

О позднейших судьбах этрусского элемента в этих местах мы знаем лишь то, что продвижение лигурийских племен (очевидно, из-за натиска кельтов), а также рост могущества Массалии почти уничтожили этрусский элемент на побережье Лигурии. Луна была захвачена, а Пиза должна была отражать натиск соседних лигурийских племен.

Вмешательство римлян предотвратило полное уничтожение этрусского элемента, так же как и уничтожение лигурами колоний массалиотов Монека и Никеи. Замечательно, что римская колония Луна была украшена храмами этрусского стиля, это — памятник, доказывающий сохранение этрусского культурного влияния.

Проф. М. А. Индра

Bhargava municipal college, Simla

КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВА ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У АШОКИ*

В одном из своих поучений, которое входит в наскальный эдикт № VI Ашока Приядаршин провозгласил: «Я полагаю, что мне следует стремиться ко благу всех людей. И что нет для меня дела более важного, чем творить благо всему народу». Далее в том же поучении он замечает: «Всякий час, в любом месте, обедаю ли я, нахожусь ли я в покоях жен, или во внутренних покоях, совершаю ли я туалет, еду ли верхом или гуляю в саду — везде советники должны сообщать мне о делах народа. Везде буду я внимать им».

За этим стремлением творить добро не скрывается желание добиться славы или какой-либо другой мирской выгоды. Творить добро всему народу — просто долг государя. Ашока сам отвечает на вопрос: «Почему я поступаю так, как сказал перед этим?». «Знайте, что я хочу исполнить мой долг перед всеми живыми существами, я хочу принести им немного счастья здесь, в этом мире, и помочь им достигнуть блаженства в будущем».

В наскальном эдикте № X, решительно отвергая стремление к славе, он говорит: «Государь Приядаршин, возлюбленный богов, не думает, что слава и почет в этой жизни представляют большую ценность для жизни будущей. Все, чего он хочет, это, чтобы все люди постигли „дхарму“ и следовали бы ей в жизни».

Из этого ясно, что концепция государства общественного благополучия в Индии была развита императором Ашокой еще 2200 лет назад. Более того, гораздо раньше, в ведическую эпоху, эта концепция была выражена в понятии «рамараджья», которое так блестяще изложил царский наставник Бхишма Питамаха в своем прощальном поучении, произнесенном на смертном одре.

Концепция общественного блага возникла у Ашоки после покорения Калинги. До этого он был жестоким монархом, политика которого имела лишь одну цель — расширение своей империи. В наскальном эдикте № XIII упоминается, что в войне за Калингу «около 150 000 человек было уведено в плен, 100 000 убито и во много раз большее число людей по-

* Печатаю статью проф. М. А. Индра, редакция считает необходимым заметить, что при характеристике деятельности Ашоки больший учет социального и экономического развития Индии той эпохи мог бы обеспечить более глубокое разъяснение проблемы. В этой связи в одном из ближайших номеров журнала будет опубликована статья, посвященная соответствующему кругу вопросов.

гибло, оставив сотни тысяч вдов и сирот». Эти ужасные последствия вызвали у Ашоки глубокое раскаяние и угрызения совести. С тех пор он решил: «... Если бы даже сотой или тысячной доле того числа людей, которое было истреблено, погибло или попало в плен в Калинге, пришлось подвергнуться той же участи, то это теперь вызвало бы великое сожаление Возлюбленного богов».

Затем он решительно провозглашает: «Отныне для Возлюбленного богов „дхармавиджая“¹ (завоевание любовью и справедливостью) есть самая великая победа. Такую победу одержал Возлюбленный богов над всеми племенами у границ его владений: в стране Антийоки — правителя яванов, живущих в восьмистах „йоджнах“², а также над четырьмя другими правителями, такими как Турамайя (Птоломей II Филадельф, царь Египта, 285—247 гг. до н. э.), Антикопа (Антигон Гонат, царь Македонии, 300—250 гг. до н. э.) и Алика Сундар (Александр, царь Эпира, 272—255 гг. до н. э.)... Пусть знают мои сыновья и внуки, что не следует им никогда побеждать мечом. Они должны знать, что единственно правильная победа, это победа „дхармы“, ибо то, что завоевано „дхармой“ ведет к дальнейшей дружбе и любви».

В Артхашастре Каутильи (кн. 12, гл. 1) перечисляются три типа завоевания («виджайи»): 1) «дхармавиджая» — когда справедливый завоеватель удовлетворяется простым почтением со стороны правителей, подчиненных его власти; 2) «лобхавиджая»³ — когда алчный завоеватель стремится лишь ограбить и захватить добычу в побежденной стране; 3) «асуравиджая»⁴ — когда завоеватель, подобный демону, упивается резней и избиванием своих врагов.

В эпическую эпоху существовали жертвоприношения «ашвамедха» и «раджасуя»⁵, совершавшиеся после «дигвиджайи»⁶, когда собрание царей без борьбы признавало свою зависимость от верховного повелителя.

В надписях Ашоки нет упоминаний о подобных жертвоприношениях, однако его «дхармавиджая» определенно предполагает достижение победы без кровопролития. Эти завоевания не были проявлениями грубой силы. Они пробуждали в людях стремление к взаимному согласию и гармонии. Ашока добился неожиданных результатов в подобных завоеваниях и оказался в состоянии совершать их даже за пределами своей страны, ибо он удовлетворялся тем, что во всех побежденных им землях люди следовали его наставлениям в «дхарме»: «Даже там, куда не проникают посланцы Возлюбленного богов, даже там люди, услышав об указе Возлюбленного богов, основанном на „дхарме“, и о его указаниях о том, как соблюдать „дхарму“, следуют и будут следовать ей».

Фактически «дхармавиджая» была основой концепции общественного благополучия у Ашоки. С ее помощью он овладел не только телами своих подданных, но даже их мыслями и сердцами. Это было поистине чудесное достижение, эффект которого проник и за пределы его страны. Мировая история не знает примера подобного «дхармавиджайе» завоевания, неотразимое влияние которого получило бы столь широкое распространение.

Имеющийся в нашем распоряжении эпиграфический материал позволяет выделить три основные черты социальной политики Ашоки. Первая из них заключается в том, что государство должно проявлять отеческую

¹ «Дхармавиджая» — завоевание с помощью распространения буддизма (перев.).

² «Йоджана» — мера длины, равная четырем «крошам» (15—17 км) (перев.).

³ «Победа алчности» (перев.).

⁴ «Победа демонов» (перев.).

⁵ «Ашвамедха» и «раджасуя» — жертвоприношения, совершавшиеся при принятии императорского титула (перев.).

⁶ «Завоевание мира» (перев.).

заботу о благополучии народа. В Калингском эдикте № XI Ашока прямо говорит: «Все люди — мои дети (Śarve manushya mama graja). Подобно тому, как я желаю моим собственным детям всех благ и радостей в этом и в том мире, так я желаю того же (счастья и радостей в этой и последующей жизни) всем людям».

Для обеспечения общественного благополучия государство должно было принять на себя отеческую роль по отношению к подданным, так как оно должно заботиться не только о материальном благе своего народа. Государство должно также следить за моральным и духовным состоянием подданных, обеспечивая им надлежащее воспитание и подходящую социальную обстановку.

Ашока стремился, чтобы народ говорил: «Государь наш отец. Он заботится о нашем благополучии так же, как о своем. Мы для него подобны его собственным детям» (Калингский эдикт, II).

Теория отеческой заботы государства находилась в соответствии с учениями предшествующих политических мыслителей. Сама этимология слова graja⁷ показывает, что оно означает «потомство», «потомок», а термин pīra («царь», «повелитель») употреблялся для обозначения того, кого считали отцом народа. Ачарья Чанакья высказывает ту же мысль: «Счастье государя заключается в счастье его подданных. Его благополучие — их благополучие. Интересы народа должны быть интересами самого государя. У него не может быть никаких эгоистических интересов» (Архашастра, I, гл. 19). Согласно этому положению, правитель должен полностью отказаться от своей индивидуальности и слиться с народом. Это возможно только тогда, когда он считает себя отцом, а народ своим потомством.

Второй важной чертой политики общественного благополучия Ашоки было назначение таких должностных лиц, которые были бы готовы к самопожертвованию и служению обществу. Назначая их, он прямо говорил: «Вы поставлены служить благу многих людей. Добейтесь привязанности этих людей. Они подобны вашим детям» (Калингский эдикт, I).

Во многих других наскальных эдиктах и надписях на колоннах упоминаются должностные лица — «прадешика», «раджук», «юкта» и «раштрика», занимавшие различные административные посты. Среди них наибольшее значение имели «раджук». Они соответствовали современным чиновникам районного масштаба. Специальное предписание им содержит эдикт на колонне: «Эти „раджук“ должны выполнять свои обязанности искренне, не становясь добычей себялюбия и страха, неся благополучие и счастье людям и делая им добро». В том же эдикте проводится сравнение должностного лица с нянькой: «Подобно тому, как отец, вверив свое дитя п р и л е ж н о й няньке, испытывает уверенность в том, что она будет заботиться о ребенке и охранять его должным образом, так же и я, вручив свой народ высшим должностным лицам, называемым „раджук“, верю, что они будут честно стремиться к его счастью и благополучию».

Как бы ни были искренни правители страны в своих добрых намерениях, как бы ни были они воодушевлены мыслью об общественном благе, оно не может быть достигнуто, если должностные лица их погрязли в себялюбии, лишены чувства долга и одержимы страхом. Необходимо, чтоб чиновники общества были бескорыстны, бесстрашны и преданы долгу; только тогда может быть достигнуто подлинное общественное благополучие. Ашока прекрасно понимал значение этой мысли и положил ее в основу своей государственной политики.

Ашока предписывал своим чиновникам лично посещать все районы страны и вступать в прямой контакт с людьми, чтобы знать их нужды.

⁷ «Народ» (перев.).

Наскальные эдикты в Еррагуди и Рупнахте сообщают, что сам император проводил 256 дней в году в разъездах по стране и лично наблюдал за осуществлением своих благотворительных мероприятий. Он приказывал должностным лицам вступать в личный контакт с людьми, так как был уверен, что «тот, кто ленив и легко устает, не может добиться успеха в управлении государством. Они должны быть постоянно в разъездах и удовлетворять нужды народа прямо на месте» (Калингский эдикт, I).

В связи с этим Ашока уделял особое внимание двум моментам. Во-первых, должностные лица, имея дело с народом, должны поддерживать *vyavahara samata*, или равенство перед законом. Иными словами, никто не должен быть выше закона, будь то принц или нищий. Чиновникам надлежало следить за точным соблюдением закона. Во-вторых, соблюдение *danda-samata*, или «равенства наказания» (эдикт на колонне, IV). За одинаковым преступлением должно следовать одинаковое наказание, независимо от социального положения преступника. В судопроизводстве нетерпимо пристрастие. В этой связи имеется точное указание императора:

«Судебные чиновники должны постоянно и бдительно следить за отправлением правосудия. Ни один невинный не должен пострадать, ни один виновный не должен избежать наказания вследствие судебной ошибки» (Калингский эдикт, I).

И снова Ашока предупреждает должностных лиц против пяти людских пороков, которые могут поколебать их честность и беспристрастие, то есть против зависти, праздности, жестокости, поспешности в действиях и неопытности. Завистливые и ленивые чиновники не могут преуспевать в достижении народного блага. Там же (Калингский эдикт, I) должностным лицам рекомендуется избегать жестокости (*akarkasha*) и злобы (*achanda*), быть великодушными и доброжелательными (*shlakshnaramba*), решая общественные дела.

Третьей характерной особенностью государственной политики Ашоки было утверждение религиозной терпимости. Император предоставил всем свободу вероисповедания, свободу проповеди и отправления религиозных обрядов. «Царь Приядаршин лично оказывал почтение приверженцам всех сект (*rashandhas*) дарами и другими знаками уважения. Он желал укрепить дух последователей всех религий».

В наскальном эдикте XII Ашока излагает следующие пять правил религиозной терпимости: 1) воздержанность в речах — корень религиозной терпимости; 2) каждому следует уважать и почитать свою религию; 3) нужно избегать поношения веры других; 4) никто не должен походя говорить о других религиях, если нет в этом необходимости; 4) если же такая необходимость возникнет, о людях другой веры следует говорить с должным почтением. «Поступая таким образом,— говорится в эдикте далее,— человек поистине возвеличивает свою собственную религию и помогает также людям других религий. Действуя иначе, человек оскорбляет свою веру и наносит ущерб вере других». Ашока твердо верил, что *samavaaya eva sadhu* «истинное согласие всех религий достойно похвалы». Он желал развития всех религий и способствовал их распространению.

Следуя этому принципу своей государственной политики, Ашока, сам последователь Будды, не ущемлял интересы приверженцев других сект. Напротив, он всячески помогал им в отпращивании их религиозных обрядов. Пещерные эдикты Приядаршина и его внука Дасаратхи изобилуют упоминаниями о том, что «адживикам» и «ниргрантам» (джайнским монахам) были подарены пещеры в горах Кхалитака и других местах, чтобы они жили там в период дождей. Все это подтверждает, что веротерпимость была основной чертой государственной политики Ашоки.

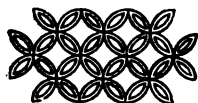
Из истории Индии хорошо известно, что Ашока совершал добрые дела не только в своей собственной обширной империи, но и за ее границами. Исходя из вышеизложенных основ государственной политики, он не делал различий между своими подданными и всем человечеством и даже всеми живыми существами. В наскальном эдикте II содержится убедительное доказательство гуманизма его государственной политики: «Повсюду в землях, покоренных государем Приядаршином, Возлюбленным богов, а также за границами его владений, в землях Чолов, Пандьев, Сатьянутров, Кратпутров, Тамрапарни, в государствах царя яванов Антийоки и других царей, соседей Антийоки, повсюду Приядаршин учредил больницы для людей и лечебницы для животных. Для этого ввозились и выращивались лечебные травы, пригодные для людей и скота».

В седьмом эдикте на колонне дается подробное перечисление других общественно полезных дел, предпринятых императором: 1) баньяны были посажены вдоль дорог, чтобы дать тень путникам и животным; 2) повсеместно насаждались манговые рощи; 3) через каждые пол-кроши были вырыты колодцы с чистой питьевой водой; 4) были построены дома для отдыха путников; 5) для удобства людей и животных в ряде мест были сооружены бассейны.

Однако Ашока не удовлетворяется этими многочисленными достижениями и добавляет: «Все эти приятные и удобные вещи не более, как мелочь. Я хочу сделать гораздо больше, я хочу, чтобы все люди были счастливы, чтобы они следовали путем „дхармы“, исполненные преданности и веры».

В этом же эдикте есть упоминание о специальных должностных лицах «дхарма-махаматра», которые, выражаясь современным политическим языком, могут быть названы чиновниками ведомства общественного благосостояния. Они несли ответственность за благосостояние всех людей, включая домохозяев, аскетов, нищих, вдов, сирот, работников, монахов и родственников царя. В их обязанности входила также раздача милостыни из казны и наблюдение за моральным состоянием всех слоев общества. Они должны были следить, чтобы никому без нужды не причинялся вред несправедливым арестом или содержанием под стражей (bandhan), чтобы никто не был казнен (badna) без суда и следствия (наскальный эдикт V).

Все эти акты общественного блага звучат очень современно. Тем не менее, они являлись частью детально разработанной государственной политики, проводившейся Ашокой 2200 лет назад. Государство, которое не предпринимает таких же или подобных действий, направленных к общественному благу, не может быть названо государством общественного благополучия. В свободной Индии «колесо дхармы» Ашоки заняло достойное место на национальном знамени, символизируя волю и решимость нации построить государство общественного благополучия в своей стране. Та же мысль выражена в основных принципах новой Конституции. Сможем ли мы воплотить в жизнь идеи Ашоки о государстве общественного благополучия?

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

К ТОЛКОВАНИЮ ДАННЫХ ПАПИРУСА ВИЛЬБУРА О ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ И НАЛОГООБЛОЖЕНИИ В ЕГИПТЕ ВРЕМЕНИ РАМЕССИДОВ

Выяснение характера земельных отношений в странах древнего Востока, а следовательно и в Египте, имеет большое принципиальное значение для советской исторической науки. К сожалению, отсутствие необходимых источников часто затрудняет проведение исследований в этой области. Тем большую ценность приобретает недавно изданный А. Гардинером папирус Вильбура¹. Как уже отмечалось в советской исторической печати², этот документ дает чрезвычайно любопытные сведения самого различного характера о социальных, прежде всего земельных, отношениях в эпоху Рамессидов.

Папирус найден сравнительно недавно — в 1928 г., и в 1934 г. куплен Бруклинским музеем на средства американского египтолога Вильбура. Папирус, достигающий более 10 м в длину, в большей своей части, в так называемом тексте «А»³, сообщает об обмере земли, произведенном в 4-й год правления Рамсеса V, в июле-августе 1158 г. до н. э.⁴ Здесь зафиксированы результаты измерений левобережных земель Среднего Египта, начиная от Гелиополя и Крокодилополя к югу примерно на 146 км с захватом Фаюмского оазиса.

Измерения, зафиксированные в тексте «А» папируса, были произведены в течение 23 дней главным образом во 2-м месяце периода *ажет* в четырех топографических секторах, располагавшихся один близ другого в направлении с севера на юг⁵. Папирус, по-видимому, представляет собой окончательную сводку первоначальных сведений, добытых измерителями. Сохранился папирус неполностью — в нем нет ни начала, ни конца.

¹ A. Gardiner, *The Wilbour Papyrus, I—IV*, Oxf., 1941—1952 (далее Gardiner, WP).

² См. И. М. Лурье, Рабы-держатели храмовой земли, ВДИ, 1955, № 1, стр. 16—26; он же, рец. на издание папируса Вильбура, ВДИ, 1955, № 1, стр. 102—107.

³ А. Гардинер считает, что текст папируса состоит из двух частей («А» и «В»). Текст «А» занимает лицевую и частично оборотную сторону папируса (125 столбцов), текст «В» записан на оборотной стороне (25 столбцов). Текст «В», по предположению Гардинера, был составлен раньше текста «А», но затем переписан на оборотной стороне папируса Вильбура уже после составления текста «А».

⁴ По вычислениям Черного, сообщаемым Гардинером, упоминаемое в папирусе 15-е число 2-го месяца периода *ажет* в 4-м году правления Рамсеса V соответствует 23 июля 1158 г. (см. Gardiner, WP, II, стр. 10).

⁵ Как предполагает Н. W. Fairman, JEA, 39 (1953), стр. 119, в папирусе фиксируется сбор налога со второго летнего урожая, так как налог с первого урожая должен был бы взиматься на несколько месяцев раньше, в мае. Однако возможно, что здесь идет речь о вторичной переписи земель, произведенной уже после того, как был снят урожай и налог собран.

В тексте «А» зафиксированы различные земельные участки, находившиеся в индивидуальном частном пользовании или владении, которые были расположены главным образом на территории храмов.

Последовательность, в которой упоминаются храмы, в общем соответствует порядку их перечисления в папирусе Гарриса — сначала идут фиванские храмы, затем гелиопольские, мемфисские и, наконец, различные более мелкие храмы и святилища. Тот или иной комплекс расположенных в одном районе земель находился под контролем особого чиновника — жреца или представителя светской власти. Во второй части (текст «В») в суммированном виде перечисляются особые царские владения, обозначенные термином «земли фараона *xata*». В тексте «В» дается наименование храма (или царского хозяйства), указывается ответственное лицо и затем — цифровое определение общей площади «*xata*-земли фараона», находящейся в данной местности.

Иногда в тексте «В» отмечается, что на землях *xata* сидели служилые люди «шарданы». В качестве осуществляющих руководство над отдельными землями *xata* называются самые разнообразные лица (многие из них встречаются и в тексте «А»), как жрецы, так и светские чиновники. Эта часть папируса Вильбура поддается толкованию с большим трудом⁶.

Что касается термина *xata*, то он, как показал Гриффиз (PSBA, XIV, 415), происходит от египетского слова тысяча (h^3) и означает тысячу квадратных локтей (10×100), что составляет 10 арур. Его специфическое значение как технического термина для обозначения определенного вида царской земли установил еще Шпигельберг⁷. Гардинер, основываясь на данных папируса Вильбура, полагает, что «земли фараона *xata*», возможно, представляли собой земли, переданные фараоном храмам лишь во временное владение. Кроме того, в тексте папируса Вильбура употребляется и другой термин, обозначающий вид земли, — *mine*, значение которого еще более темно⁸; для выяснения смысла этого термина мало дает и папирус Вильбура; Гардинер полагает только, что это какой-то вид царской земли, управляемой таким же образом, как и земля *xata*⁹.

Все записи в тексте «А» в соответствии с тем, что измерение проводилось по четырем топографическим секторам, подразделяются на четыре секции. Кроме того, в связи с особенностями самих записей, Гардинер различает среди них три типа фиксации земель, обозначаемых соответственно буквами «А», «В», «С». Впрочем, в самом папирусе Вильбура эти типы записей встречаются попеременно без всякой системы. В качестве основания для подразделения текста «А» Гардинер взял наличие или отсутствие в строках каждого соответствующего параграфа этого текста особого выражения со словом рѣ «разделять», «доля» (имеется в виду особый вид зернового налога). В тех случаях, когда строка с упоминанием того или иного надела, находящегося в распоряжении какого-нибудь земледельца, содержит непосредственно в самой себе рядом с именем земледельца слово рѣ, Гардинер называет параграф, в который входит данная строка, «долевым» параграфом. Если же термин рѣ употребляется только в самостоятельных, отдельных строках вне непосредственной текстуальной инкорпорации в строку с записью о земельном участке¹⁰, то в этом случае Гардинер считает, что мы имеем дело

⁶ В особенности трудно разобраться в принципе построения сложных статистических выкладок. Смысл документа затемняют многочисленные вставки и приписки красными чернилами.

⁷ W. S p i e g e l b e r g, Rechnungen aus der Zeit Setis I, Strassburg, 1896, стр. 38.

⁸ Wb, II, 43: Art Gewässer. Landgut.

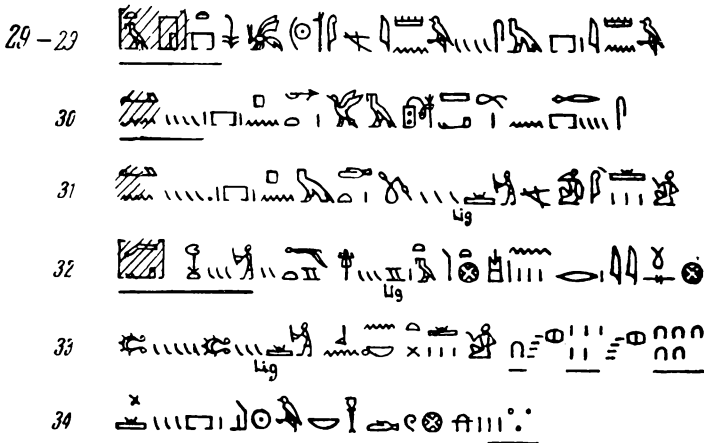
⁹ В тексте «А» встречается всего лишь 18 параграфов, упоминающих «земли фараона *xata*», и 7 параграфов, в которых речь идет о «землях фараона *mine*». Кроме того, в тексте «А» имеются параграфы, в которых идет речь о землях, принадлежавших светским владельцам, например царским гаремам. Однако таких параграфов в тексте «А» незначительное меньшинство.

¹⁰ При этом в строке, в которой упоминается земельный участок, норма «долевого» обложения никак не фиксируется.

со строкой «недолевого» параграфа. К третьему типу кадастровых записей текста «А» Гардинер относит те записи «долевых» параграфов, в которых хотя и употребляется слово р̄ḥ в отдельных самостоятельных строках, однако в большинстве случаев непосредственно за указанием имени земледельца и размеров его участка имеются цифровые показатели относительно взимания «долевого» налога.

Второй вид кадастровых записей текста «А» Гардинер назвал записью типа «А». Он встречается исключительно в «недолевых» параграфах. Первый и третий типы кадастровых записей Гардинер соответственно обозначил буквами «В» и «С». Они оба встречаются исключительно в «долевых» параграфах. Поясним, что имеется здесь в виду, соответствующими примерами.

Тип «А» «недолевого» параграфа

«(29) [Святит]ище (т. е. заупокойный храм) даря Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Мериамона, [ж. з.]н., в доме Амона (храм в Мединет-Абу.—И. С.) (30). Владение этого дома, управляемое писцом свитков фараона, [ж. з.]н. (31) Владение этого дома под наблюдением (букв. „в руке“.—И. С.) контролера Меришу. (32) [Изме]рение к северо-востоку от селения Иунришес. (33) Земельный участок земледельца Бененкет — 10 (арур), (по) 5 хар, (всего) 50 хар; (34) доля (р̄ḥ) дома Осириса, владыки Абидоса, $3\frac{3}{4}$ хар»¹¹.

Как мы видим, кроме общей суммы налога, поступающего с участка, эксплуатируемого земледельцем Бененкет, которая достигала 50 хар зерна¹², долей храма Осириса являются $3\frac{3}{4}$ хар. Эта доля зафиксирована в специальной строке (34); в строке же 33-й, в которой упоминается Бененкет и его участок, никаких указаний на выделение «долевого» налога не содержится.

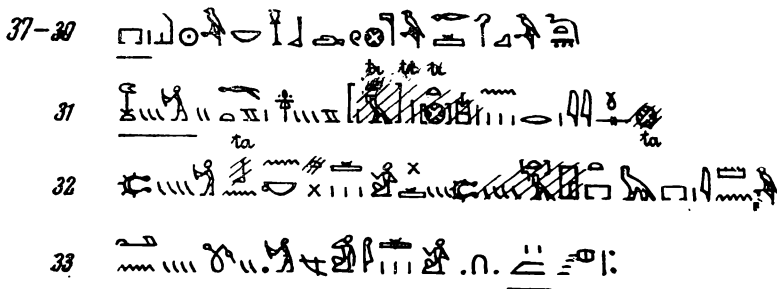
¹¹ А § 64, 29, 29—34. Иероглифы, написанные красной краской, в транскрипции подчеркнуты, а в переводе отмечены жирным шрифтом.

¹² Эта цифра получается от перемножения 10 арур, содержащихся в наделе Бененкет, на обычную наиболее распространенную норму налогового обложения в размере 5 хар с одной артуры земли. Обратим внимание на то, что в иероглифическом тексте нет прямого указания на обложения именно в «харах». Здесь стоит знак

который можно понимать и как *нет* (18, 17 л), и как *хар* (72, 68 л). В противоположность Черному, Гардинер считает, что в папирусе Вильбура имеются в виду «хары», так как знак дробной меры (°) типичен только для хар и именно он встречается в тексте (например, А 29, 34).

По терминологии Гардинера мы имеем здесь запись типа «А» «недолевого» параграфа. Приведем примеры для двух других типов.

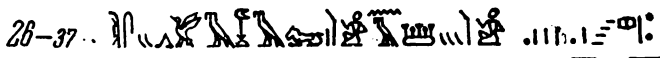
Тип «В» «долевого» параграфа

«(30) Дом Осириса, владыки Абидоса, великого бога, правителя вечности. (31) Измерение к северо-востоку от [селения] Иунришес. (32) Земледелец Бененкет; доля (за) земли святилища в доме Амона. (33) Владение под наблюдением контролера Меришу — 10 (арур), $2\frac{1}{2}$ (аруры), (по) $1\frac{2}{4}$ хар»¹³.

В приведенном параграфе слово р̄ входит непосредственно в 32-ю строку и стоит рядом с именем земледельца Бененкет. Перед нами тип отчисления «В» «долевого» параграфа. Переходим к последнему типу записей текста «А».

Тип «С» «долевого» параграфа

«Спутник Пахар (из числа) шарданов — 3 (аруры), 1 (арура), (по) $1\frac{2}{4}$ хар»¹⁴.

В данном случае, хотя и не упоминается термин р̄, однако непосредственно рядом с именем земледельца следует цифровое указание на выделение доли урожая ($1\frac{2}{4}$ хар).

Таковы те три типа кадастровых записей, которые выделяет Гардинер в тексте «А».

Из приведенных примеров ясно видно сходство всех трех типов записей между собой, сходство, превалирующее над отличающими их чертами. Приведенная выше запись типа «А» «недолевого» параграфа и запись типа «В» «долевого» параграфа в сущности толкуют об одном и том же. В обоих случаях имеется в виду один и тот же земледелец Бененкет, располагающий участком в 10 арур; в обоих случаях упоминается один и тот же «дом» (т. е. храм) Осириса; указывается, что измерения производились к северо-востоку от селения Иунришес. Перед нами, несомненно, дважды зафиксированный участок земли земледельца Бененкет. Как показал Гардинер, почти всегда для записи типа «А» возможно найти параллельную запись типа «В», толкующую о том же самом земельном участке¹⁵.

¹³ А § 87, 37, 30—33. Следует отметить, что в записях типа «В», в противоположность записям типа «А», только две последние цифры выделены красными чернилами.

¹⁴ А § 59, 26, 37. Так же, как и в записях типа «В», первая цифра (цифра 3) написана черными чернилами, остальные — красными.

¹⁵ Наряду с общими чертами имеются в этих записях, конечно, и отличительные признаки. Однако они касаются прежде всего характера расположения числовых показателей норм налогового обложения. Так, в приведенной нами записи типа «А» отдельно отмечается общий размер налога с участка земли в 10 арур, достигающий 50 хар. Отдельно же указывается и доля храма Осириса $3\frac{3}{4}$ хар. В записи же типа «В» фиксируется только доля храма Осириса.

Гардинеру удалось подметить и доказать на многочисленных примерах, что размер долевого обложения в записях типа «А» всегда составляет 7,5% от общей суммы налога, образующегося при перемножении количества арур «высокой» земли *каит* в том или ином участке на норму налогового обложения по 5 *хар* с 1 аруры¹⁶.

Что же касается параллельной строки записи типа «В», то в ней 7,5% общего налога всегда образуется от перемножения постоянной стандартной меры в $1\frac{2}{4}$ *хар* зерна на $\frac{1}{4}$ часть размера участка. Именно это явление и фиксируется в трехчленных цифровых записях всех строк типа «В». Например: 10 (арур), $2\frac{1}{2}$ (аруры) (по $1\frac{2}{4}$ *хар*).

Суммируя все вышеизложенное, Гардинер вывел следующую формулу. Если за *n* принять число арур земли *каит* во всем участке, то $\frac{n}{4} \times 1\frac{2}{4}$ (*хар*) = 7,5% от 5 *n* (*хар*) или $\frac{n}{4} \times 1\frac{2}{4}$ (*хар*) = $\frac{3}{40} \times 5$ *n* (*хар*). Первая половина формулы отражает характер цифровой записи в строках типа «В», вторая половина — соответствует содержанию записей в строках типа «А» «недолевых» параграфов (эта формула справедлива только для земель *каит*). Таким образом, подтверждается почти полное тождество записей типа «А» и «В». Если мы теперь сравним строки записей типа «В» и «С», то ясно заметим большое сходство между ними (в обоих случаях приводится в качестве стандартной меры « долевого » обложения $1\frac{2}{4}$ *хар*¹⁷. В итоге получается, что все три типа кадастровых записей текста «А» папируса Вильбура весьма похожи или полностью совпадают между собой. Отличия касаются чисто технической стороны переписи, вытекающей из того факта, что налог поступает различным хозяйственно-административным организациям.

Таковы те выводы относительно характера записей текста «А» папируса Вильбура, к которым пришел А. Гардинер и которые нам казалось необходимым изложить, прежде чем приступить к анализу данного документа по существу.

Начнем этот анализ с изучения записей типа «С». Приведем перевод нескольких строк подобного типа. «(33) Измерение к северо-западу от Сахтуабиб. (34) Откормщик скота Небнех — 5 (арур), $\frac{1}{4}$ (аруры), (по) $1\frac{2}{4}$ *хар*. (35) Воин Сетхемхеб — 3 (аруры), $\frac{1}{2}$ (аруры), (по) $1\frac{2}{4}$ *хар*. (36) Начальник конюшни Амонниутнахт — 5 (арур), $\frac{1}{2}$ (аруры), (по) $1\frac{2}{4}$ *хар*. (37) Носитель штандарта Сетх[ем]хеб — 6 (арур), $\frac{1}{2}$ (аруры), (по) $1\frac{2}{4}$ *хар*. (38) Начальник конюшни Ранофр — 10 \perp 15 (арур), $\frac{1}{4}$ (аруры), (по) $1\frac{2}{4}$ *хар*¹⁸. (39) Писец Папу — 10 \perp 15 (арур), $\frac{1}{4}$ (аруры), (по) $1\frac{2}{4}$ *хар*.

(40) Измерение к западу от места этого. (41) Начальник дома Усермаатра, (участок земли), в руке земледельца Уарер — 50 \perp 15 (арур), $\frac{1}{4}$ (аруры), (по) $1\frac{2}{4}$ *хар*. (42) Начальник воинов *тухаир* Рамсесунебнофр — 50 \perp 15 (арур), $\frac{1}{4}$ (аруры), (по) $1\frac{2}{4}$ *хар*. (43) Носитель штандарта шарданов Тинри — 10 \perp 5 (арур), $\frac{1}{4}$ (аруры), (по) $1\frac{2}{4}$ *хар*. (44) Подаренная земля под управлением пер[во]го жреца [Амона] — 50 (арур).

(45) Измерение к северо-западу от дома Птахмеса. (46) Поселянка Мутмутеф — 10 \perp 15 (арур), $\frac{1}{2}$ (аруры), (по) $1\frac{2}{4}$ *хар*. (47) Поселянка Такари — 20 \perp 5 (арур), $\frac{1}{2}$ (аруры), (по) $1\frac{2}{4}$ *хар*. (48) Доля Амона Чафского, (участок земли) в руке зем[ледель]ца Несиа[мона] — 5 (арур), 1 (арура), (по) $1\frac{2}{4}$ *хар*¹⁹.

Как мы видим, здесь перечисляются небольшие участки земли, находившиеся, по-видимому, в распоряжении тех лиц, имена которых стоят в начале каждой отдельной строки. Если бы мы привели еще ряд аналогичных записей типа «С», то было бы

¹⁶ 5 *хар* с 1 аруры — наиболее часто встречающаяся норма налогового обложения. Существовали и другие нормы: $7\frac{2}{4}$ и 10 *хар*. По норме 5 *хар* с 1 аруры облагались «высокие» земли *каит*, не орошаемые естественным разливом Нила.

¹⁷ $1\frac{2}{4}$ *хар* равна 1 *ипет*, т. е. $1\frac{2}{4}$ *хар* соответствует 1 *хар* и 2 *ипет*.

¹⁸ Наше понимание знака \perp и вообще всех числовых записей в строках типа «С» мы разьясим в другом месте.

¹⁹ А § 58, 27, 33—48.

видно, что в них так же, как и в приведенных выше строках, в большинстве случаев выступают лица административного и обслуживающего персонала храмов или центральной власти — писцы, жрецы, военные поселенцы, чиновники и т. п. Десятки раз упоминаются «начальники конюшни» ($h\dot{r}i\ \dot{h}w$); «воины» ($w'w$), «корабельные воины» ($n_3\ h'w\ h_3$), «наемники-шарданы» ($\dot{s}rdn$), колесничие (kt). Кроме того, встречаются участки, принадлежащие «жрецам» ($w'b$), «ткачам» ($\dot{s}ht$: — 46, 27), «медникам» (92, 33), «ремесленникам» ($hmww$ — 82, 11), «бальзамировщикам» (wt — 74, 42), «пастухам» ($mn'w$), «земледелцам» ($hwtu$) и даже рабам (hm).

Но на каких основаниях эти лица распоряжаются данными участками земли? В папирусе неоднократно встречаются указания на то, что участок земли, принадлежащий какому-нибудь лицу из числа упомянутых в записях типа «С», находится в распоряжении другого лица. Так, например: «Начальник конюшни Резиденции Панахт, (участок земли) в руке у обрабатывающего шардана Пахевирану — 3 (аруры), 1 (арура), (по) $1\frac{1}{4}$ хар» (А § 134, 51, 47—48). «Воин Патаксбтсет[х, у обрабаты]вающего пастуха Усерпехефа — 3 (аруры), $\frac{1}{2}$ (аруры), (по) $1\frac{1}{4}$ хар» (А § 134, 52, 2—3). «Первый колесничий его величества, ж. з. н., Педжет, (участок земли) в руке писца Аи — 20 \perp 5 (арур), 1 (арура), (по) $1\frac{1}{4}$ хар» (А § 68, 31, 39—40). «Первый жрец Амона, (участок земли) в руке земледельца Кенири — 500 локтей» (А § 70, 32, 51). «Царский сын Рамсесуамонхерпехеф, (участок земли) в [руке] земледельца Сетха — 20 \perp 5 (арур), 1 (арура), (по) $1\frac{1}{4}$ хар» (А § 86, 37, 14—15). «Первый жрец Амона-Ра, царя богов, Рамсесунахт, (участок земли) [в руке] писца Май — 10 \perp 15 (арур), $\frac{1}{4}$ (аруры), по $1\frac{1}{4}$ хар» (А § 85, 36, 32—33). «Писец Сетнахт, (участок земли) в руке поселянки Хевити — 10 \perp 5 арур, $\frac{1}{4}$ аруры, (по) $1\frac{1}{4}$ хар» (А § 134, 52, 22).

Во всех наших примерах, по-видимому, имеется в виду земельная аренда. В начале каждой строки указывается действительный хозяин участка, затем отмечается, что земля фактически находится «в руке» другого человека. В качестве сдающих в аренду выступают более привилегированные лица: «первый жрец Амона» (А § 85, 36, 32), «начальник конюшни Резиденции» (А § 134, 51, 47), «первый колесничий его величества» (А § 68, 31, 39—40). Арендующими же являются: простой «воин-шардан» (А § 134, 51, 47—48), «пастух» (А § 134, 52, 2—3), «поселянка» (А § 134, 52, 22)²⁰.

Что имущественное положение лиц, сдающих землю в аренду, и арендаторов резко различно, видно не только из их социального положения, но и по другим данным папируса Вильбура. Многие из сдающих землю в аренду, несомненно, располагались рядом участков. Тождество хозяев отдельных участков подтверждается совпадением их имен и титулов, но все же здесь возможны ошибки, поэтому особенно важны те сведения, которые дают записи типа «А» и «В».

Особенно следует обратить внимание на записи типа «А», в которых иногда даются длинные списки участков, принадлежавших одному и тому же лицу (каждая строчка в подобном случае начинается словами: $\dot{h}t...f$ «его участок земли»)²¹. Так, вполне вероятно, что в § 12 упоминается «земледелец»²² Хаа (стк. 10, 21), которому принад-

²⁰ Обратим внимание, что в аренду сдаются обычно очень небольшие участки или, во всяком случае, как мы увидим в дальнейшем при определении сущности записей типа «С», неплодородные и потому низко облагаемые наделы.

²¹ В некоторых строках (например, § 71, 33,3; § 216, 76, 46) наименование земледельца отсутствует, упоминается только контролер храма, ответственный за какой-либо комплекс участков, им непосредственно не используемых для своего личного хозяйства. Однако имена земледельцев могли не выписываться по многим причинам — по небрежности писца или потому, что это не имело значения при налоговых расчетах. Что касается выписывания только имени контролера, то это можно объяснить тем, что контролер был ответственным за какой-либо комплекс земель наравне с непосредственно им распоряжавшимся земледельцем (см. Gardiner, WP, VII, стр. 65—70).

²² Термином $hwtu$ «земледелец», несомненно, часто обозначались различные служилые люди, получившие земельный надел.

лежало (если суммировать все участки, начинающиеся словами—«его участок земли») в общей сложности не меньше 160 арур. Интересно отметить, что один из возможно принадлежавших ему участков был равен 42 арурам (стк. 10, 48). Точно так же возможно, что в строках 11, 34 — 12, 19 перечисляются участки, которые все принадлежали «земледельцу» Иоа, что составляло в сумме более 217 арур, причем один из участков равен 45 арурам (стк. 11, 34). В стк. 29,20 зафиксирован участок жреца Панехси, равный 55 арурам. В ст. 34, 4—34,6 упоминается часть земель какого-то другого Панехси, состоявших из разных по качеству участков, в сумме равных 110 арурам. В стк. 63,4 зафиксирован участок в 50 арур, в стк. 62,40 — участок в 60 арур, в стк. 92,34 — участок в 70 арур, входящий в комплекс участков, принадлежавших «земледельцу» Анхериаутефу, в стк. 20,27 упоминается участок в 80 арур, которым, несомненно, распоряжался «земледелец» Гори. Следует отметить, что у этого Гори было значительно больше земли, чем 80 арур, так как ему принадлежали еще многие другие участки: в § 42 (стк. 19,44) зафиксирован участок Гори, равный 20 арурам; в § 43 (стк. 20,3) речь идет о другом участке того же Гори, равном 10 арурам; в § 45 (стк. 20,18) отмечен участок Гори в 30 арур. В стк. 20,20—20,22 (что подтверждается соответствующей записью типа «В» — стк. 2х + 14) также упомянуты участки земледельца Гори, дающие в сумме 45 арур. Если же суммировать все участки «земледельца» Гори, то они составят земельный массив, равный 215 арурам (см. стк. 19,42—20, 33)²³.

Наилучшим подтверждением правильности толкования записей типа «А», в которых, по нашему мнению, зафиксированы земли весьма зажиточных людей, является сопоставление данных папируса Вильбура с показаниями других источников второй половины Нового царства. Так, в Луврском папирусе № 3171²⁴ выступают три состоятельных земледельца — Маху, Аменмос и Небуф: Маху выплачивает налог в размере 1000 *xap*, а Аменмос — в размере 1421 *xap*. Если считать, как показывает папирус Вильбура, что наиболее распространенная норма обложения равна 5 *xap* с 1 аруры, то окажется, что земледелец Маху имел 200 арур земли, а земледелец Аменмос — более 284 арур. Аналогичен по содержанию папирус Британского музея № 10447²⁵, в котором сообщается о сборе зерна на заупокойный культ Рамсеса II (сбор для его статуи). В нем говорится о том, что только остаточная часть налога, собираемого с двух земледельцев, равна 800 *xap*.

Наличие в эпоху XIX и XX династий довольно крупных держателей храмовой земли является бесспорным фактом. Не случайно в записях типа «С» папируса Вильбура, наряду с наделами пастухов и ремесленников, встречаются наделы также и жрецов, и высокопоставленных чиновников, вплоть до «визиря». Последние, конечно, располагали десятками и сотнями арур. Естественно, что подобные значительные земельные массивы могли обрабатываться рабами или арендаторами. О последнем и сообщали приведенные нами выше строки записей типа «С».

Попытаемся выяснить ближе, на каких основаниях распоряжались участками храмовых земель те лица, о которых идет речь в папирусе Вильбура. Гардинер (WP, II, стр. 55) предполагает, что упоминаемые в записях типа «С» люди по своему положению «мало чем отличались от частных владельцев». И действительно, ряд признаков говорит как будто в пользу этого предположения.

В записях типа «С» нередки указания на то, что тот или иной участок земли эксплуатируется совместно с братом или сестрой: «Жрец Сетнахт вместе с братом его — 10 \square 5 (арур), $\frac{1}{2}$ (аруры), (по) $1\frac{1}{4}$ *xap*»²⁶. «Поселянка Тасакет вместе с братом ее — 5 (арур), $\frac{1}{2}$ (аруры), (по) $1\frac{1}{4}$ *xap*»²⁷. «Поселянка Сетет вместе с братом ее — ... $\frac{1}{2}$ (аруры) (по) $1\frac{1}{4}$ *xap*»²⁸. «Жрец Сетхат вместе с братом его — 10 \square 5 (арур),

²³ Конечно, столь большие земельные комплексы принадлежали особо привилегированным «земледельцам». Средний же размер большинства участков ограничивался 5,10,15 и 20 арурами (см. Gardiner, WP, II, стр. 72).

²⁴ См. Spiegelberg, Rechnungen..., табл. 18.

²⁵ См. A. H. Gardiner, Ramesside administrative documents, L., 1948.

²⁶ A § 69, 32, 41. ²⁷ A § 84, 36, 23. ²⁸ A § 84, 36, 24.

1 (арура), (по) $1\frac{2}{4}$ хар»²⁹. «Спутник Пак[а]ха (из числа) шарданов вместе с братом его — 10 \lfloor 5 (арур), 2 (аруры), (по) $1\frac{2}{4}$ хар»³⁰. Кроме того, некоторые сравнительно многочисленные записи показывают, что земельные наделы наследовались, например: «Воин Себекемхоб, который умер, (участок земли) из рук сына его — 3 (аруры), $\frac{1}{4}$ (аруры), (по) $1\frac{2}{4}$ хар»³¹; «Поселянка Чао, которая умерла, (участок земли) в руке сына ее — 5 (арур), 1 (арура), (по) $1\frac{2}{4}$ хар»³².

Однако наследование права распоряжения участком земли даже женщинами еще не является доказательством того, что это право распоряжения идентично с правом частного владения или собственности. Как известно, в кодексе Хаммураби (§§ 28—29) оговорено, что в случае пленения «редума» или «баирума» право землепользования переходит к его сыну, если «сын его может нести повинность» своего отца, или «если сын его малолетен» — частично к его матери³³.

Эта параллель заставляет обратить особое внимание на тот факт, что в папирусе Вильбура «поселянки» (*ḥnt*), распоряжающиеся участками земли, упоминаются в одном ряду с воинами, жрецами и чиновниками, и к тому же в этих случаях слово *ḥnt* детерминируется знаком мужчины (!), а не женщины³⁴. Не исключено, что здесь идет речь о наследовании женщинами права условного землепользования. Во всяком случае, того, что дает в этом отношении папирус Вильбура, недостаточно для доказательства положения Гардинера о частном землевладении на участках храмовой земли, зафиксированных в этом папирусе. Более того, в некоторых документах эпохи Рамесидов, весьма схожих с записями типа «С» папируса Вильбура, имеются доказательства условности прав «земледельцев» на их участки.

Так, в небольшом отрывке папируса Саллье I говорится: «...Даны мне 30 арур земли, производящих корм для лошади фараона, ж. з. н., которая находится под моим наблюдением (букв. — „в руке моей“ — *И. С.*). И вот, смотри! Отняты (земли) у меня (и) переданы начальнику дома Неджему из Святыни царя Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра, ж. з. н., в доме Амона. И сказано: „Когда это письмо дойдет до тебя, ты повели поторопиться вернуть эти 30 арур земли начальнику конюшни Амонемуиу, сыну Амонемипета, из Великой конюшни Рамсеса Мериамона, ж. з. н., из Резиденции. Спеши, спеши в тот же час“»³⁵.

Здесь перед нами не частный владелец земли, но условный служилый землепользователь. Вероятно, что и упоминаемые папирусом Вильбура служилые люди, среди которых много «начальников конюшни», также нередко были всего лишь условными пользователями наделов. Нужно, однако, оговориться, что строгое соблюдение условности держания земли практически могло нередко нарушаться, в особенности в период правления Рамесидов, при которых контроль центральной власти за точным соблюдением правил служилого землепользования, несомненно, ослабел; служилое землепользование становилось, очевидно, наследственным и превращалось в базу формирования мелкого и среднего частного землевладения на территориях верховных владельцев (например, храмов или царя).

Так, в надписи времени XIX династии относительно земельной тягбы между потомками начальника транспортного судна Неши один из наследников заявил: «Со (времени) царя Небпехтира (Яхмоса I), который [дал *x* арур земли] в качестве дара моему отцу (предку) Неши, со [времени] царя Небпехтира эти земли [переходят] [?] от одного к другому впло[ть до настоящего] (времени)»³⁶.

²⁹ А § 118, 44, 19. ³⁰ А § 118, 44, 32.

³¹ А § 134, 53, 4.

³² А § 145, 57, 37.

³³ См. ЗВАХ, ч. 1, стр. 231.

³⁴ А § 58, 27, 46—47; § 84, 36, 23—24; § 145, 57, 37.

³⁵ Пап. Саллье, I, 9, 2—9,5 (А. Н. Gardiner, *Late-Egyptian miscellanies*, Bruxelles, 1937, стр. 87).

³⁶ А. Н. Gardiner, *The inscription of Mes*, Lpz, 1905, № 4, стр. 42.

Однако нам представляется, что эти наследственные земли еще далеко не были частной собственностью. Как известно, показателем наличия частной земельной собственности является свобода отчуждения земли³⁷. Но в Египте даже документы позднего ливийско-саисского времени не дают возможности говорить о полной свободе распоряжения землей. Напротив, из этих источников видно, что весьма частые сделки купли-продажи земли (за деньги) заключались, однако, обычно среди небольшого круга лиц, связанных с храмами (жрецов, чиновников, военных поселенцев и т. п.). Так, в надписи от 16 года Сиамона и покупатель и продавцы являются жрецами одного и того же храма Птаха³⁸. В завещании Иувалота верховный жрец Амона покупает землю у людей, живущих на территории храма Амона, в частности, у жреца-«уаба» Амона Несихонса³⁹. В документе времени Танутамона писцу Амона Текеннефу продается земля, принадлежавшая ранее «певце при дворе Амона»⁴⁰. Многие демотические документы сообщают о сделках с землей, заключаемых между жрецами-«водоносами» некрополя. Деловые документы иудейской колонии в Элефантине говорят о земельных взаимоотношениях лишь между членами этой колонии.

Таким образом, продажа земли во всех отмеченных случаях совершалась как бы в пределах одного объединяющего и продавцов и покупателей коллектива, одного фискально-административного центра. При такой купле-продаже, по-видимому, верховный владделец или собственник (храм, фараон) в фискальном отношении ничего не терял. Менялись только частные владельцы, но не характер фискальных отношений. На место владельца-продавца появлялся владелец-покупатель, зависящий, однако, в административно-фискальном отношении от того же центра (обычно храма), что и прежний хозяин земли.

Источники, таким образом, дают возможность предполагать, что отношения частного характера в земледелии развивались в Египте как бы в рамках традиционных крупных административно-хозяйственных центров (в сфере фискального подчинения этим центрам) при сохранении за этими центрами верховного права владения землей и сохранении верховного права собственности на эту землю за фараоном. Это явление, конечно, нуждается еще в специальном изучении. Интересно было бы сравнить его с теми особенностями сделок купли-продажи земли, которые существовали в других странах древности.

Поэтому в применении к древнеегипетскому обществу, как нам кажется, можно говорить только о длительном наследственном праве частного владения землей, но не о земельной собственности. Продавцы и покупатели земельных участков не обладали, по-видимому, полной свободой распоряжения землей, характерной для частной земельной собственности.

Правда, в папирусе Вильбура можно найти намеки на отчуждение земли, напоминающее куплю-продажу. Так, в строке типа «С» № 23, 14 (А § 54) сообщается:

23-14

«Писец Тхутинофр; [участок земли?], который приобрел для себя (?) писец Аменхотпу—100 (локтей) незасеянных»⁴¹. Аналогичны по содержанию строки 23,17; 23, 18; 24,12;

³⁷ См. К. Маркс, Капитал, т. III, ч. II, стр. 628 (изд. 1953 г.): «...земельный собственник может поступать с землей подобно тому, как всякий владделец товара — со своим товаром». Ср. В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 286: «Действительная... свобода такой собственности немыслима без свободы купли-продажи земли».

³⁸ Изд. Н. M u n i e r, «Recueil Champollion», P., 1922, стр. 361—362.

³⁹ ÄZ, 35 (1897), стр. 14, стк. 8.

⁴⁰ Ann. Serv., VII (1907), стр. 226.

⁴¹ G a r d i n e r, WP, II, стр. 77. В таком контексте это выражение встречается, как будто, только в папирусе Вильбура.

32,47. Однако это место настолько трудно для интерпретации, что трудно сказать, идет ли здесь речь о купле-продаже или субаренде.

Посмотрим теперь, что может дать папирус Вильбура для выяснения вопроса о характере налогового обложения.

В записях типа «В», в которых определяется норма особого «долевого» налога, обычно выделяются красными чернилами два последних числа. Перемножение этих чисел в подавляющем большинстве случаев дает норму долевого обложения, равную по величине 7,5% от общей налоговой суммы, фиксируемой в соответствующей записи типа «А». При этом почти всегда второе число записи типа «В» определяет размер $\frac{1}{4}$ части всего участка, обозначаемого первым числом записи типа «А» (за исключением особых случаев, о которых см. ниже), а третье число записи типа «В» — это постоянная стандартная мера «долевого» обложения, равная $1\frac{2}{4}$ хар.

Таким образом, «долевому» обложению подлежит, как правило, только $\frac{1}{4}$ часть участка. Вопрос о сущности этого явления Гардинером не был окончательно разрешен и потому стал предметом специального исследования Фэрмена (JEA, 39, стр. 121—122). Последний высказал предположение, что второе число в записях типа «В» всегда показывает количество подлежащей долевному обложению земли *нехеб* (низменных участков) даже тогда, когда весь участок состоит исключительно из земли *каит* (высоких участков), в два раза менее качественной, чем земля *нехеб*⁴². В последнем случае, однако, числовые показатели якобы являются результатом бухгалтерской фикции и потому в действительности обложению подлежит не $\frac{1}{4}$, а $\frac{1}{2}$ часть всего участка, но не по норме $1\frac{2}{4}$ хар, а по норме $\frac{3}{4}$ хар с одной аруры, т. е., как полагает Фэрмен, по той норме, которая применялась при обложении земли *каит*.

Фэрмен полагает, что именно такова была норма обложения земли *каит*, исходя из следующего рассуждения: так как второе число в записях типа «В» выражает, по его мнению, количество земли *нехеб*, то в тех случаях, когда речь идет только о земле *каит*, оно должно было фактически замещаться числом, выражающим количество последней, то есть числом, в два раза большим и, следовательно, норма в $1\frac{2}{4}$ хар должна была быть соответственно в два раза уменьшена: $\frac{1}{4}$ всего участка $\times 1\frac{2}{4}$ хар = $\frac{1}{2}$ всего участка $\times \frac{3}{4}$ хар.

К этому выводу Фэрмен пришел, сравнивая «долевое» обложение земли *каит* с «долевым» обложением участков, целиком состоящих из земли *нехеб* (естественно, что в этом случае второе число в записях типа «В» также выражает площадь земли *нехеб*). Это сравнение было сделано главным образом на основе того толкования некоторых параллельных записей в текстах «А» и «В», которое дает им Фэрмен.

Как мы уже отмечали, в тексте «А» записи типа «А» и «В» часто говорят об одном и том же участке земли. Фэрмен обратил внимание на то, что иногда в качестве третьей соотносительной записи можно привести ту или иную строку из второй части папируса Вильбура — текста «В». В самом деле, подобные соответствия имеются между строками 74, 35—36; 64, 35—37 (текст «А») и 23, 31—32 (текст «В»).

Строка 74, 35—36 (запись типа «А» текста «А»)

«Измерение к югу от Сапа. Его участок земли — 10 (арур), (по) 5 хар, (всего) 50 хар».

Строка 64, 36—37 (запись типа «В» текста «А»)

«Измерение к югу от Сапа. Земледелец Несиамон; доля (за) земли фараона, [ж. з.] н., хата под его наблюдением — 10 (арур), $2\frac{1}{2}$ (аруры) (по) $1\frac{2}{4}$ хар».

⁴² В папирусе Вильбура упоминаются три основных типа земли: земля *нехеб*, облагаемая по норме 10 хар с одной аруры, земля *тени* («старая»), облагаемая по норме $7\frac{2}{4}$ хар с одной аруры, и земля *каит* («высокая»), облагаемая по норме 5 хар с одной аруры.

Строка 23, 32 (текст «В»)

«Поля. Район к югу от Сапа. Поля дома Амона Чаина — (земли) *каит* арур 20, всего (земли) *каит* 5 (арур), составляющих $2\frac{1}{2}$ (аруры)».

Во всех строках речь идет об одном и том же участке, причем последнее число строки 23, 32 (текст «В») по величине совпадает со вторым числом строки 64, 37 (запись типа «В» текста «А»). В довершение сходства в обоих случаях числа выписаны красными чернилами. Так как в строках 23, 32 (текст «В») последнее число, равное $2\frac{1}{2}$, является мерой земли *нехеб*, то, следовательно, по мнению Фэрмена, и в записи типа «В» второе число, также равное $2\frac{1}{2}$, является мерой земли *нехеб*. Однако, если в строке 23, 32 действительно последнее число является приведенной мерой к земле *нехеб*, то в строке 64, 37 (запись типа «В» текста «А») это совершенно не обязательно предполагать. Поэтому надо думать, что числовые совпадения двух записей текстов «А» и «В» ($2\frac{1}{2}$ и $2\frac{1}{2}$) являются только случайными и что, таким образом, умозаключение Фэрмена не обосновано.

Подлинные числовые совпадения можно обнаружить, если сравнить два предпоследних числа строки 23, 32 (текст «В») с двумя первыми числами строки 64, 37.

Мы видим, что хотя в первом случае числа в два раза больше, чем во втором примере, однако в каждой строке соотношение чисел одно и то же — 4 к 1 (10 к $2\frac{1}{2}$ или 20 к 5). Именно здесь, а не в случайном сходстве по величине последнего числа строки 23,32 со вторым числом строки 64,37, следует искать доказательство тождественности этих строк вообще.

Если же мы к этому еще добавим, что в строке 23, 32 речь идет о 20 и 5 арурах земли *каит*, а в строке 64, 37 первое число 10 также определяет количество арур земли *каит*, то станет ясно, что и второе число этой строки ($2\frac{1}{2}$) также определяет площадь земли *каит*. Почему же в строке 23, 32 все числа увеличены по сравнению с числами строки 64, 37? В самом факте увеличения нет ничего удивительного. Числовые записи текста «В» очень сложны, однако бесспорно, что в них суммируются участки земли фараона *хата*, иногда записанные в тексте «А» в разбросанном виде. Понятно, что в тексте «В» получаются в результате более крупные числа, чем в соответствующих разделах текста «А». (Труднее объяснить, почему неоднократно встречается увеличение чисел именно в два раза.)

Для примера сравним две параллельные строки: строку 39, 12—14 (запись типа «В» текста «А») и строку 22, 12 (текст «В»).

Строка 39, 12—14

«Измерение к юго-востоку от Иидху. Землевладелец Пахар; доля (за) землю фараона *хата*, [ж. з.]н., под наблюдением жреца Мерибпаирасет — 20 (арур), 5 (арур) по $\frac{1}{4}$ *хар*».

Строка 22, 12

«Район к северо-востоку от Иидху. Земля этого [дома] — [земли] *каит* арур 40, всего [земли] *каит* [арур] 10».

Мы наблюдаем опять те же самые соотношения, что и в приведенных выше строках 23, 32; 64, 37, а именно, в одном случае 20 арур и 5 арур (соотношение 4 к 1) в другом — 40 арур и 10 арур (соотношение 4 к 1).

Таким образом, можно прийти к заключению, что гипотеза Фэрмена основана на недоразумении, а разбираемый им материал свидетельствует о том, что в записях типа «В» (текст «А») второе число обозначает $\frac{1}{4}$ часть всего участка, выраженного в земле *каит*. Это и естественно, так как папирус Вильбура не дает никаких оснований считать, что нормой долевого обложения с земли *каит* была меньшая мера, чем $\frac{1}{4}$ *хар*. Как 5 *хар* с 1 аруры, так и $\frac{1}{4}$ *хар* с 1 аруры — это в одинаковой степени нормы обложения «высокой» земли *каит*.

Но Фэрмен, несомненно, был прав, обратив внимание на те случаи обложения «долевым» налогом, когда участок состоял из нескольких, разных по качеству земель.

Естественно, что при этом нарушалась предложенная Гардинером формула соотношений параллельных записей типа «А» и «В», так как она рассчитана только по отношению к землям одного качества *каит*.

Фэрмен предложил для разъяснения этих случаев следующую формулу. Если под «а» считать $\frac{1}{4}$ часть площади земли, когда или весь участок состоит только из земли *нехеб*, или разнокачественные участки приведены к площади земли *нехеб*, то общая сумма «долевого» налога «Т» будет равна $2(a \times 1\frac{1}{4})$.

Казалось бы, что из этой формулы напрашивается вывод, что нормой «долевого» обложения земли *каит* является $1\frac{1}{4}$ хар, что и отмечается в папирусе Вильбура. Однако Фэрмен, увлекшись ложным сходством некоторых числовых записей текста «В» со вторым числом записей типа «В» текста «А», как мы видели, сделал другой вывод, вследствие чего нормой «долевого» обложения земли *каит* оказалась мера в $\frac{3}{4}$ хар, а техника обложения земли *каит* совсем другой, чем та, которая применялась для земли *нехеб*.

Формула Фэрмена тесно связана с известной нам формулой Гардинера, справедливой для земли *каит*, в чем легко убедиться, произведя в ней некоторые преобразования. Выведенная Гардинером формула $\frac{n}{4} \times 1\frac{1}{4} = 7,5\%$ от 5 п, где п — количество арур *каит* во всем участке, предусматривает только тот случай, когда весь участок состоит из однокачественной земли *каит*, облагаемой по норме 5 хар с 1 аруры площади. Но как будет выглядеть эта же формула, если участок распадается на различные по качеству отрезки, облагаемые по норме не только 5 хар с 1 аруры, но и по $7\frac{1}{4}$ хар и 10 хар?

Как уже упоминалось выше, земли *каит*, *тени* и *нехеб* относятся друг к другу по своей ценности в папирусе Вильбура как 5 : 7,5 : 10, или, иначе, как 1 : 1,5 : 2. Это соотношение показывает, что земля *нехеб* ценнее земли *каит* в два раза, а земля *тени* ценнее земли *каит* в полтора раза. Под «ценностью» здесь подразумевается урожайность. Земля *каит* принимается по своей ценности (т. е. урожайности) за единицу. Это означает, что для того, чтобы при обложении только по одной норме по 5 хар с 1 аруры все разнокачественные земли были обложены по фактическому урожаю, нужно соответственно увеличить количество земли *тени* в полтора раза, а количество земли *нехеб* — в два раза.

Подобное приведение необходимо, чтобы цифровые выражения в формуле отражали только площадь земли одного качества *каит*, так как постоянная стандартная мера «долевого» обложения в $1\frac{1}{4}$ хар в папирусе Вильбура применялась исключительно по отношению к землям *каит*. Учитывая все это, мы можем вывести следующую формулу, обозначив «п» количество земли *каит*, «т» — количество земли *тени*, «б» количество земли *нехеб*.

Вместо выражения $\frac{п}{4}$ мы записываем: $\frac{1п + 1,5т + 2б}{4}$, где в числителе учитывается вся площадь участка, состоящего из разных по качеству отрезков. При этом все они по своему качеству как бы приведены к земле *каит* — основному типу земель, перечисляемых в папирусе Вильбура. В правой части формулы Гардинера (7,5% от 5п) мы также сделаем соответствующую поправку. Вместо «5п» запишем общую сумму всех налогов, собираемых с разных земель по различным нормам обложения. Эта запись будет выглядеть так: $5п + 7,5т + 10б$. Размер «долевого» налога от этой суммы по-прежнему должен составлять 7,5%, т. е. он должен быть равен 7,5% от $5п + 7,5т + 10б$.

Запишем теперь общую формулу

$$\frac{1п + 1,5т + 2б}{4} \times 1\frac{1}{4} хар = 7,5\% \text{ от } 5п + 7,5т + 10б.$$

Эта формула предусматривает уже земли самого различного качества, а не только земли *каит*. Точность ее можно проверить на многочисленных примерах.

Следует, однако, иметь в виду тот факт, что в строках типа «В» размер разнока-

качественного участка, как правильно отметил Фермен, определяется обычно из расчета $\frac{1}{4}$ части однокачественной земли *негеб*, к которой приводится действительная площадь. При этом равенство формулы, естественно, нарушается, так как все ее элементы, прежде всего норма «отчисляемого» налога $1\frac{1}{4}$ хар с 1 аруры, предусматривают землю *каит*, в два раза менее качественную, чем земля *негеб*. Возникают так называемые особые, как будто-то бы «аномальные», случаи обложения «долевым» налогом, остающиеся необъясненными до конца Гардинером (стк. 34, 38—40, 28, 10—12; 83, 26—29, 86, 3—5; 39, 19—22, 22, 12—13; 29, 4—7, 24, 14—16; 94, 38—41, 86, 33—34 и некоторые другие). В действительности, однако, ничего «аномального» здесь нет. В строке типа «А» сообщается настоящая норма «отчисляемого» обложения, в строке типа «В» дается как будто другая норма, но если ее умножить на соответствующий коэффициент, равный 2, тождество двух половин формулы опять восстанавливается. Эта поправка иногда не выписывалась в папирусе Вильбура, так как, по-видимому, она сама собой подразумевалась.

По этой причине записи строк типа «А» сохраняют свой прежний вид: $5n + 7,5t + 10b$, и 7,5% от общей суммы для « долевого » налога. Записи же строк типа «В» выглядят так:

$$\frac{1n + 1,5t + 2b}{\frac{2}{4}} \times 1\frac{1}{4} \text{ хар, или иначе: } \frac{0,5n + 0,75t + 1b}{4} \times 1\frac{1}{4}.$$

Для того чтобы восстановить тождество, нужно увеличить левую часть, т. е. «аномальные» числовые записи типа «В», в два раза.

Иначе говоря, «аномальные» случаи обложения отпадают сами собой, если в окончательный итог налоговой записи строк типа «В» внести соответствующий коэффициент, равный 2. Этот коэффициент показывает, что нормой « долевого » обложения земли *негеб* должна была быть мера в два раза большая, чем $1\frac{1}{4}$ хар, так как последняя рассчитана только по отношению к землям *каит*.

Следовательно, для преобразования «аномальных» числовых записей необходимо иметь в виду следующие формулы.

Тип «В»	I формула	Тип «А»
	$\frac{0,5n + 0,75t + 1b}{4} \times 1\frac{1}{4} \text{ хар} \neq 7,5\% \text{ от } 5n + 7,5t + 10b.$	

Тип «В»	II формула	Тип «А»
	$\frac{0,5n + 0,75t + 1b}{4} \times 1\frac{1}{4} \text{ хар} \times 2 = 7,5\% \text{ от } 5n + 7,5t + 10b^{43}.$	

⁴³ Проанализируем для примера какую-нибудь «аномальную» запись с помощью этой формулы. Возьмем запись 24,6 (тип «В»). Мы там обнаружим следующие числовые показатели: 40 (арур), $6\frac{1}{4}$ (арур), (по) $1\frac{1}{4}$ хар. Как мы видим, $6\frac{1}{4}$ (арур) вовсе не составляют $\frac{1}{4}$ часть от первого числа. Обратимся к параллельной записи типа «А» (стк. 29, 5—6). Она выглядит так: 20 (арур земли *тени*), (по) $7\frac{1}{4}$ хар, (всего) 150 хар и другой участок — 20 (арур земли *каит*), (по) 5 хар, (всего) 100 хар. Каким образом получилось число $6\frac{1}{4}$ в записи типа «В»? Это число должно образоваться при подстановке цифр в «аномальную» формулу $\frac{0,5n + 0,75t + 1b}{4}$. Произведем

подстановку и убедимся, что это действительно так: $\frac{10 + 15}{4} = \frac{25}{4} = 6\frac{1}{4}$ (10 — это 0,5n, т. е. 0,5 участка в 20 арур земли *каит*; 15 — это 0,75t, т. е. 0,75 участка в 20 арур земли *тени*). Если мы перемножим $6\frac{1}{4}$ на $1\frac{1}{4}$ хар, мы определим « долевого »

Если группу $\frac{0,5n + 0,75t + 16}{4}$, выражающую $\frac{1}{4}$ часть площади всего участка, приведенного к земле *нехеб*, обозначить буквой «а», а группу $7,5\%$ от $5n + 7,5t + 106$, соответствующую общей сумме «долевого» налога, — буквой «Т», то I формула примет вид: $T = 2(a \times \frac{1}{4})$, т. е. это будет формула, которую предложил Фэрмен.

Следует, однако, иметь в виду, что Фэрмен придает ей иной смысл, чем тот, который она выражает в действительности. Для Фэрмена «а» как $\frac{1}{4}$ часть всего участка может быть применима только по отношению к земле *нехеб*. Если же речь идет исключительно о земле *каит*, то тогда нужно сначала выразить весь участок в виде участка земли *нехеб* (т. е. уменьшить его в два раза), а затем уже $\frac{1}{2}$ новой величины подвергнуть обложению по норме $\frac{1}{4}$ *хар* с одной аруры (ЖЕА, 39, стр. 122). В сущности, по Фэрмену, формула $T = 2(a \times \frac{1}{4})$ должна принять следующий вид:

$T = (\frac{a}{2} \times \frac{1}{4})$, где «а» = $\frac{1}{2}$ всего участка земли *каит*, а знаменатель 2, стоящий под «а», указывает, что нормой «долевого» обложения одной аруры земли *каит* якобы была величина не $\frac{1}{4}$ *хар*, а в $\frac{3}{4}$ *хар*. Но все это рассуждение основано на недоразумении: Фэрмен не замечает, что норма в $\frac{1}{4}$ *хар* рассчитана как раз для земель *каит* и потому достаточно в формуле $T = 2(a \times \frac{1}{4})$ отбросить коэффициент 2 (который показывал только, что нормой долевого обложения с земли *нехеб* была величина не в $\frac{1}{4}$ *хар*, а в $\frac{3}{4}$ *хар*), чтобы сразу получить вполне нормальную формулу для обложения земли *каит*: $T = (a \times \frac{1}{4})$, где а — это $\frac{1}{4}$ часть площади всего участка, состоящего исключительно из земли *каит*.

Формула $T = (a \times \frac{1}{4})$, будет в таком случае точно соответствовать формуле Гардинера и предложенной нами выше формуле $\frac{1n + 1,5t + 26}{4} \times \frac{1}{4}$ *хар* = $7,5\%$ от $5n + 7,5t + 106$. Однако преимущество последней будет заключаться в том, что с ее помощью можно определять величину «долевого» обложения с земель любого качества, а не только земель *каит*. Итак, приведенные нами формулы показывают, что выделение $\frac{1}{4}$ части участка земли *каит* или *нехеб* (фактически урожая, так как сам факт приведения земель различного качества к земле *нехеб* свидетельствует о том, что здесь имеется в виду урожайность земли) было не случайным явлением.

Мы видим, что во всех случаях, говорится ли о земле *каит*, о земле *тени* или *нехеб*, «долевому» обложению подлежит $\frac{1}{4}$ часть всего урожая.

Таким образом, в записях типа «В» речь идет не о произвольном разграничении земель по их качеству, как, в сущности, думает Гардинер, не о простой математической бухгалтерской, иногда фиктивной калькуляции, как полагает Фэрмен, но о неизменном и, по-видимому, обусловленном самой сущностью «долевого» обложения правилом — об обложении только $\frac{1}{4}$ части всего урожая «долевым» налогом.

Несомненно, это важный факт, однако разъяснение его, по-видимому, станет возможным только в результате дополнительного изучения. Очевидно, для этого необходимо сначала решить вопрос о том, кому платился основной налог. Гардинер считает, что он поступал в царскую казну⁴⁴. И. М. Лурье (ВДИ, 1956, № 1, стр. 106)

налог в размере $\frac{9}{8}$ *хар*. Однако это еще не окончательная величина долевого обложения. Согласно формуле, она должна быть в два раза больше, т. е. составить $\frac{18}{4}$ *хар* (при перемножении на коэффициент 2 по формуле $\frac{0,5n + 0,75t + 16}{4} \times \frac{1}{4} \times 2 = 7,5\%$ от $5n + 7,5t + 106$). Определим размер отчисляемого обложения по первой части настоящей формулы, исходя из записи 29, 5—6. Произведем подстановку и получим: $7,5\%$ от $100 + 150$, т. е. $7,5\%$ от $250 = \frac{18}{4}$. Как видим, числовые выражения соотносительных «аномальных» строк типа «А» и «В» совпадают. И так во всех так называемых «аномальных» случаях.

⁴⁴ Выдвинутая Гардинером в конце исследования папируса Вильбура (WP, II, стр. 108) вторая гипотеза о том, что в папирусе отмечаются лишь количества зерна, подлежащие обложению, но не сам налог, мало вероятна.

склоняется к мысли, что налог взимался в пользу храма, названного в заголовке каждого параграфа папируса Вильбура. Мы думаем, что основной и «долевой» налоги являлись достоянием единого дарско-храмового хозяйства, внутри которого они распределялись между царскими и храмовыми ведомствами.

Конечно, наша гипотеза требует для своего обоснования специального большого исследования, так как она затрагивает чрезвычайно сложный вопрос о том, в каких отношениях находились между собой царские и храмовые владения в эпоху Рамесидов ⁴⁵.

Как мы уже отмечали, Гардинер установил следующую взаимозависимость тождественных записей типа «А» и «В». В первых указывается прежде всего основной получатель налога (обычно это храмы), полностью выписывается вся сумма налога и лишь в заключение указывается долевое отчисление для какого-то особого получателя. В других записях во главу угла ставится прежде всего не основной получатель, и именно поэтому указывается только то количество зернового налога, которое поступает к нему. Таким образом, записи типа «В» являются своего рода разъяснением к записи типа «А», разъяснением, учитывающим интересы неосновного получателя налога.

Как предположил Гардинер, последние были не владельцами, но религиозными и хозяйственными центрами, получающими некоторую часть налогов с земель, в сущности им не принадлежавших (возможно, они в какой-то степени участвовали в управлении этими землями) ⁴⁶.

«Долевой налог» выплачивал непосредственный хозяин участка (т. е. тот, за кем он числился в папирусе), причем этот налог был для него дополнительной повинностью, так как не входил в общую сумму основного налога, отчислявшегося храму и царю. В пользу такого предположения говорят следующие данные.

В папирусе Анастаси V (27_{3.17}) сохранилось письмо-жалоба земледельца на несправедливое дополнительное, «долевое» обложение (употребляется слово рḥ): «Также относительно одного моего „спутника“, который пришел, чтобы сообщить мне, сказав: „вы сделали для меня многочисленное обложение в зерне, в качестве доли за мои земли, которые находятся в области поселения Раи. Каковы ваши действия? Я тот, кого вы отыскали, чтобы выделить его из числа всех владельцев налога. Очень хорошо. Я спутник фараона, ж. з. н., и я припаду к ногам его (букв. „стану под ногами его“). Я не буду обращаться к вам, приходя, чтобы изложить вам свои заявления. Я самостоятельно (букв. „один“) обращусь (букв. „приблизжусь“) (к фараону?)“».

Для толкования этого текста большое значение имеет то, как переводить встречающееся в нем выражение *m rḥ* «в качестве доли» (стк. 27₄). По-видимому, здесь идет речь о таком же «долевом» налоге, что и в папирусе Вильбура. А если это так, то смысл приведенного выше отрывка папируса Анастаси V становится вполне определенным — в нем речь идет о «земледельце» — служилом человеке, который жалуется на тяготы «долевого» налогообложения. Ясно, что эта жалоба могла иметь реальный смысл только в том случае, если «долевое» налогообложение являлось дополнительной повинностью для земледельца. Если бы, как думает Гардинер, «долевой» налог входил в общую сумму собранного со всего участка налога, то тогда, естественно, для земледельца не имело бы никакого смысла протестовать против чрезмерно большой нормы «долевого» обложения. Его интересов это несколько бы не затрагивало. Между тем мы видим из приведенного выше письма, что «земледелец» был весьма обеспокоен величиной обложения. Следовательно, оно могло являться только дополнительной надбавкой.

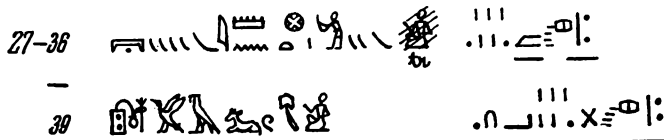
⁴⁵ «Долевой» налог засвидетельствован, кроме папируса Вильбура, также и некоторыми другими документами эпохи Рамесидов. В частности, о нем говорится в записях на обрывках кожи из Луврского собрания. (G a r d i n e r, *Ramesse administrative documents*, Pap. № XXI).

⁴⁶ «Долевой» налог мог поступать не только в местные номовые центры, но и к различным лицам и ведомствам, как светским, так и храмовым.

К такому выводу можно прийти и на основе анализа записей типа «С» текста «А» папируса Вильбура, сущность которых помогает определить преобразованная нами формула Гардинера.

В основном среди этих записей различаются два следующих варианта:

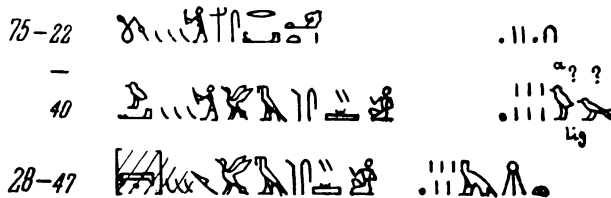
I

(27,36) «Начальник конюшни Амонниутнахт; 5 (арур), $\frac{1}{2}$ (аруры), (по) $1\frac{2}{4}$ (*xap*)».

(27,39) «Писец Пау; 10_5 (арур), $\frac{1}{4}$ (аруры), (по) $1\frac{2}{4}$ (*xap*)».

II

(75,22) «Контролер Усерхат; 2,10 (локтей)».

(75,40) «Воин Панехси; 6 (локтей) безводных».

(28,47) «Начальник конюшни Панехси; 5 (локтей) сухих».

Между этими двумя вариантами имеются совершенно определенные различия. Первый вариант очень похож на записи типа «В». В нем единицей измерения служат аруры, два последних числа выделены красной краской, указывается стандартная мера «долевого» обложения в $1\frac{2}{4}$ *xap* с одной аруры. Разница состоит лишь в том, что второе число, выделенное красной краской, составляет не $\frac{1}{4}$, а меньшую часть от первого числа (в строке 27,36 $\frac{1}{2}$ составляет $\frac{1}{10}$ часть от 5). Непонятен, кроме того, знак \perp (Гардинер выдвигает ряд предложений относительно смысла этого знака, ни одно из которых не может быть принято как окончательное).

Думаем, однако, что все эти особенности могут быть поняты по аналогии с «аномальными» записями типа «В». По-видимому, здесь также имеется в виду приведение каких-то земель, отличных от *каит*, к земле *нехеб*, т. е. в нашем примере в строке 27,36 $\frac{1}{2}$ аруры — это, по-видимому, $\frac{1}{2}$ аруры земли *нехеб*, дающей такой же урожай, что и 5 арур действительной площади участка. Иначе говоря, налогообложение 5 арур участка, состоящего из земли неизвестного нам качества, равно налогообложению $\frac{1}{2}$ аруры земли *нехеб*. По-видимому, знак \perp также говорит о каком-то приведении (недаром в тексте «В» равноценный ему знак «*tí*» постоянно употребляется перед суммированием числовых показателей).

Таким образом, нам кажется, что первый вариант записей «С» аналогичен записям типа «В» и отличается от них лишь краткостью и тем, что имеет дело с землей более низкого качества, облагаемой по меньшей норме, чем 5 *xap* с одной аруры земли *каит*. То, что здесь действительно фиксируются очень малоценные по качеству участки, подтверждается характером второго варианта записей типа «С». В них нет выделенных красной краской цифр, единицей измерения площади обычно служат не аруры, а квадратные локти ($\frac{1}{100}$ часть аруры), измеренные участки очень невелики и обычно нахо-

дятся в плохом состоянии, о них часто говорится как о «безводных» (*wšr*), «сухих» (*mšwt*), «заброшенных» (*wsf*) и т. п.

Непонятны двойственные записи размеров некоторых участков, например, в строке 75, 22; так как здесь употреблены только черные чернила, то вряд ли прав Гардинер, выдвигающий гипотезу, что одно из двух чисел указывает облагаемую часть всего участка. По-видимому, это просто указание на разное качество или разное использование подобных клочков земли.

Малый размер участков, а также указание на то, что они находятся в плохом состоянии (а то и вовсе не используются), по-видимому, привело к исключению их из числа облагаемых «долевым» налогом (в противоположность первому варианту записей типа «С»).

Особо следует, однако, отметить, что во всех записях типа «С» упоминаются только отдельные землепользователи (или землевладельцы), но не крупные владетельные центры, такие, как храмы. Между тем, если бы «долевой» налог выплачивался из общей суммы собранного со всего участка налога, то это было бы тягостным только для получателя основного налога. В этом случае в записях «С» должны были бы упоминаться получатели основного налога, а не отдельные земледельцы, как это имеет место в действительности. Следовательно, записи типа «С», прямо указывающие на отдельных земледельцев как на ответственных за выплату «долевого» налога, подкрепляют наше предположение о том, что «долевой» налог был **дополнительной** повинностью для земледельцев.

Суммируем теперь известные нам данные о налоговых записях в папирусе Вильбура.

1. В записях типа «А» указывается как сумма основного налога (фиксируется вся площадь земли), так и величина особого, так называемого «долевого» налога.

Получается запись такого типа (если принять весь надел равным 10 арурам, а норму налогового обложения — 5 *xap* с одной аруры): «10 (арур), (по) 5 *xap*, (всего) 50 *xap*. Доля дома бога (имя рек) — $3\frac{3}{4}$ *xap*» (т. е. 7,5% от 50 *xap*).

2. В записях типа «В» имеется в виду прежде всего получатель «долевого» налога, и потому упоминается только он один. Кроме того, здесь указывается, каким образом раскладывался данный налог; отмечается как весь участок (обычно выраженный в земле *kaum*), так и $\frac{1}{4}$ часть его, урожай с которого подлежит этому обложению. Вся сумма отчисления, однако, не определяется. Получается запись такого типа: «Дом бога (имя рек). Земледелец (имя рек), доля (за) храма (однако не данного „дома бога“.— И. С.)— 10 (арур), $2\frac{1}{2}$ (аруры), (по) $1\frac{2}{4}$ *xap*».

3. В записях типа «С» указывается, что вся тягость дополнительного «долевого» обложения ложится лишь на плечи непосредственного хозяина участка. Получается запись такого типа: «Земледелец (имя рек). Участок земли „X“, (по) $1\frac{2}{4}$ *xap*».

И. А. Стучевский

ЭВОЛЮЦИЯ *ḏḏmḏrā* В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ ЕГИПТЕ В СВЕТЕ P. Rev. L. и PP. TEVT. 703 и 5

Изучение царских монополий в эллинистическом Египте, одной из которых была *ḏḏmḏrā*, имеет большое принципиальное значение в современной исторической науке, поскольку оно выясняет характер царского хозяйства Птолемеев. В буржуазной историографии собран и систематизирован по этому вопросу значительный материал. Но модернизаторская точка зрения на сущность птолемеевских монополий предreshала анализ конкретных отношений или способствовала частичной замене анализа более или менее подробными описаниями¹.

¹ Среди зарубежной историографии, касающейся вопроса о птолемеевских монополиях, см.: U. Wilcken, Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, т.

Следует отметить, что среди реакционной части буржуазных историков в разное время предпринимались попытки дискредитировать государственное плановое хозяйство на материале истории древнего Востока и эпохи эллинизма². Таким образом, вопросы эллинистического государственного хозяйства, частью которого были птолемеевские монополии, являются не только актуально научной, но и политической проблемой.

Между тем в советской историографии царские монополии эллинистического Египта пока кратко освещены только в учебниках и в отдельных научно-популярных изданиях³. В пока единственной монографии по эпохе эллинизма А. Б. Рановича⁴ специального исследования о птолемеевских монополиях не имеется. Предлагаемая вниманию читателей статья задумана как скромная попытка приступить к частичному заполнению этого пробела.

Как известно, перед тем как переходить к широким обобщениям, всегда необходимо исследовать составные части проблемы. Такой составной частью вопроса об организации и функционировании птолемеевских монополий вообще и всего царского хозяйства эллинистического Египта является история *ἰθουσιπρά* — тема данной статьи. Следует отметить, что еще в начале нашего века выдающийся русский папиролог М. М. Хвостов одним из первых приступил к систематическому изучению текстильного производства и торговли в греко-римском Египте. Его известная монография на эту тему начала печататься в Ученых записках Казанского университета с января 1912 г., а в 1914 г. вышла отдельной книгой⁵. М. М. Хвостов исследовал свой предмет в эво-

I, часть 1, Lpz.—В., 1912, стр. 245 сл., и библиография на стр. 239; Cl. P r é a u x, *L'économie royale des Lagides*, Bruxelles, 1939, стр. 61 сл. и библиография на стр. 577 сл.; M. R o s t o v t z e f f, *SEHWH*, т. I, Oxf., 1941, стр. 268 сл., стр. 300 сл.; библиографию см. т. III, стр. 1388 сл. (в примечаниях); F. M. H e i c h e l h e i m, *Recent Discoveries in ancient economic History*, «Historia», II, 1953, стр. 129 сл.; Cl. P r é a u x, *Sur les origines des monopoles des Lagides*, «Chronique d'Égypte», 1954, № 58, стр. 312 сл. Обзор птолемеевских монополий в истории права см.: R. T a u b e n s c h l a g, *The Law of greco-roman Egypt in the light of the Papyri 332 B C — 640 A D*, Warszawa, 1955, стр. 384 сл.; 469 сл., 658 сл. и библиография в примечаниях.

² M. R o s t o v t z e f f, *The Foundations of Social and Economic Life in Egypt in Hellenistic times*, «Journal of Egypt. Arch.», VI, 1920, стр. 161 сл., где он впервые выступил с так называемой теорией «этатизма», в которой на примере эллинистического Египта пытался доказать пагубность государственного регламентирования хозяйства. См. также F. M. H e i c h e l h e i m, *Wirtschaftsgeschichte des Altertums*, Leiden, 1938, I—II. В предисловии к этой работе автор отмечает, что на примере государственного планового хозяйства, существовавшего, по его мнению, в древности на Востоке, он намерен вести идеологическую борьбу против государственной плановой системы хозяйства в наши дни. В послевоенной буржуазной историографии о чертах социализма в государственном хозяйстве отдельных эллинистических стран говорит, например, в своем известном труде J. P i r e n n e, *Les grands courants de l'histoire universelle*, I, *Des origines à l'islam*, 1950, P., стр. 234.

³ А. И. Т ю м е н е в, *История античных рабовладельческих обществ*, М.—Л., 1935, стр. 128 сл.; С. И. К о в а л е в, *История античного общества, эллинизм*, Рим, Л., 1936, стр. 24 сл.; В. С. С е р г е е в, *История древней Греции*, М., 1939, стр. 315 сл.; изд. 1948 г., стр. 410 сл.; И. Л у р ь е, К. Л я п у н о в а, М. М а т ь е, Б. П и о т р о в с к и й, Н. Ф л и т н е р, *Очерки по истории техники древнего Востока*, М.—Л., 1940, стр. 247 сл.; «Эллинистическая техника» — сборник статей под ред. акад. И. И. Т о л с т о г о, М.—Л., 1948. См. статью М. И. М а к с и м о в о й, *Техника текстильной промышленности*, стр. 250—251.

⁴ А. Б. Р а н о в и ч, *Эллинизм и его историческая роль*, М.—Л., 1950, стр. 200 сл.

⁵ М. Х в о с т о в, *Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте*. 1. *Текстильная промышленность в греко-римском Египте*, Казань, 1914 г. Об *ἰθουσιπρά* см. стр. 44—73.

люция от фараоновских времен до времени Диоклетиана. Он собрал, сгруппировал и проанализировал большой материал источников, известных в то время. В буржуазной историографии докторская диссертация М. М. Хвостова и до настоящего времени осталась одной из наиболее серьезных работ по текстильному производству в греко-римском Египте. Но, разделяя с большинством своих коллег модернизаторские взгляды на историю древнего мира, М. М. Хвостов, как и другие его современники, считал эпоху эллинизма периодом развития от феодализма фараоновских времен к капитализму. По вопросу о текстильной монополии М. М. Хвостов считал, что, исходя из источников, которыми обладали исследователи в начале XX в., допустимо говорить о существовании в эллинистическом Египте только «монополизации торговли льняными тканями», да и то, возможно, неполной. Производство же было частным (там же, стр. 72—73). А производство и торговля шерстью вообще не были монополизированы (стр. 94—95). Хотя в пределах эпохи эллинизма М. М. Хвостов и не отметил каких-либо изменений в льняной монополии, но он справедливо подчеркнул общую тенденцию в сторону развития частно-собственнических отношений в торговле льняными тканями, особенно выявившуюся, по его мнению, только в римское время.

Почти одновременно с монографией М. М. Хвостова в западноевропейской историографии вышла книга Т. Рейля, посвященная ремеслам эллинистического Египта. Описывая целый ряд ремесел, Т. Рейль на нескольких страницах уделяет специальное внимание и текстилю⁶. Не предлагая в этом разделе чего-либо нового по сравнению с работой М. М. Хвостова, монография Т. Рейля уступает ей тем, что для доказательств своих положений он привлекает документы эллинистического, римского и византийского периодов, не учитывая того, что последние моложе первых почти что на тысячу лет⁷. Недостаток папирусных данных мог до некоторой степени оправдывать статический подход к теме со стороны ученых начала XX века.

Но и в дальнейшем исследователи, разбирая вопросы функционирования текстильной монополии, нередко считают возможным привлекать документы без строгого соблюдения хронологической последовательности. Так, например, Ф. М. Хайхельхейм в своей насыщенной папирусными материалами статье о текстильной монополии в 31 томе RE⁸, не находит в всем протяжении почти 300-летнего существования эллинистического Египта какой-либо эволюции в этой области. В пределах изучаемого периода он оперирует данными разных веков и разных отраслей текстильного производства (ἐπιτήρα, ὀφοντήρα, στύλιον).

Подробное описание различных особенностей существования текстильной монополии содержится в капитальной монографии Клер Прео о царском хозяйстве Лагидов⁹. Как и другие исследователи, она обращает внимание на то, что, наряду с льняной монополией, в государстве Птолемеев все время существовал довольно значительный слой частных предпринимателей, а производство и торговля шерстью не регламентировались. Исходя из положения, что в государстве Птолемеев происходил процесс развития от царского, восходящего к фараоновским временам, права собственности к частному праву, исследователь тем не менее пользуется документами, не всегда достаточно учитывая время, когда они были изданы. Поэтому обстоятельная картина, нарисованная Кл. Прео, также имеет элементы статичности.

Краткая характеристика текстильной монополии имеется также в монументальной обобщающей работе Р. Таубеншлага «Право греко-римского Египта в свете папирусов, 332 до н. э.—460 н. э.»¹⁰. Он рассматривает производство и торговлю льняными

⁶ Th. Reil, Beiträge zur Kenntnis des Gewerbes im hellenistischen Ägypten, Borna — Leipzig, 1913, стр. 5 сл., стр. 93 сл., стр. 97 сл.

⁷ Там же, стр. 97 сл., стр. 108 сл. и др.

⁸ RE, т. 31, s. v. Monopole, стб. 175—181, 1933, Stuttgart.

⁹ P r é a u x, L'économie royale des Lagides, стр. 93—116.

¹⁰ R. Taubenschlag, The Law of greco-roman Egypt in the light of the Papyri 332 B C—640 A D, т. II, Warszawa, 1948, стр. 85 сл., и второе издание, исправ-

и шерстяными изделиями на особенно широкой источниковедческо-историографической основе. Он также отмечает, что производство и торговля льняными изделиями находились под строгим контролем государства: гораздо меньший контроль был за производством и торговлей шерстью. Таубеншлаг указывает на большое распространение ткачей, выступающих как частные собственники. Свой краткий очерк Р. Таубеншлаг заключает соображениями о том, что в римский период государственные монополии, очевидно, были отменены.

Я остановился только на некоторых выдающихся работах, в которых в большей или меньшей степени исследовалась рассматриваемая в данной статье проблема, и тех точках зрения, которые в основном определили ее понимание в современной буржуазной науке.

Таким образом, изучая льняную монополию, буржуазные исследователи отмечают ее неполный характер, выражавшийся в постоянном наличии целого слоя частных ремесленников-ткачей, и тенденцию развития этой монополии в сторону усиления частного предпринимательства, особенно проявившуюся в римское время. Понимают они этот процесс как сочетание и преодоление феодального наследия капиталистическими отношениями и только с этой предвзятой точки зрения анализируют приводимые ими интересные документальные данные, уделяя большое внимание юридической форме.

В советской историографии *ἰθουληρία* пока специально не изучалась. Краткие сведения о ней имеются только в отдельных уже упоминавшихся выше учебниках по истории древнего мира и в научно-популярных изданиях по истории техники¹¹.

Документальные данные, имеющиеся в настоящее время в распоряжении исторической науки, дают возможность в большей степени, чем это используется до сих пор, изучить в эпоху эллинизма особенности *ἰθουληρία* в их эволюции. По возможности точный хронологический подбор папирусных документов имеет здесь решающее значение.

Основными обобщающими источниками, содержащими важные сведения о льняной монополии и о положении ткачей этой монополии в эллинистическом Египте, как известно, являются: Податной Устав царя Птолемея II Филадельфа от 259—258 гг. до н. э.¹² (P. Rev.-SB/Bh.1, стб. 81—107) и P. Tebt. 703, стк. 87—117, документ конца III в. до н. э. или, точнее, обнародованный, как я полагаю, между 216 и 208 годами до н. э.¹³ Третьим обобщающим источником, содержащим краткие, но важные сведения по истории льняной монополии и о положении льноткачей в эллинистическом Египте, является P. Tebt. 5, стк. 62—64, 168—177, 231—251, изданный в 118 г. до н. э.¹⁴ Наибольшее значение среди них следует признать за P. Tebt. 703, так как Податной Устав в разделе о текстильном ремесле и торговле дошел до нас в очень поврежденном виде, а P. Tebt. 5 дает только несколько, хотя и очень важных, указаний по изучаемому вопросу. Эти три документа общеегипетского значения являются вехами, вокруг которых полезно попытаться сгруппировать другие относящиеся к *ἰθουληρία* отдельные документы частного содержания. Таким образом можно будет проследить изменения, происходившие в практике льняной монополии, и изменения в положении льноткачей в разные периоды существования эллинистического Египта.

ленное и дополненное: «The Law of Ptolemy-roman Egypt...», в одном томе, Warszawa, 1955, стр. 670 сл. (здесь же в примечаниях см. библиографию).

¹¹ В своей известной монографии об эллинизме А. Б. Ранович уделил льняной монополии только $7\frac{1}{2}$ строк, указав в сноске на монографию М. М. Хвостова. Р а н о в и ч, Эллинизм, стр. 202.

¹² Revenue Laws of Ptolemy Philadelphus, ed. by B. P. Grenfell and an introduction by J. P. Mahaffy, Oxf., 1896; изд. 2: Jean Bingen, Pap. Rev Laws (новое издание с индексом), Sammelbuch, Beiheft № 1, Göttingen, 1952.

¹³ The Tebtunis Papyri, т. III, ч. 1, L., 1933, стр. 66 сл.; ВДИ, 1947, № 1, стр. 249 сл.

¹⁴ The Tebtunis Papyri, т. I, L., 1902. См. введение и комментарии к P. Tebt. 5, стр. 17 сл.

Как известно, льняное производство было одним из древнейших и очень распространенных в Египте. Меновая торговля с соседними и более отдаленными странами также издавна практиковалась. Судя по известиям Геродота (II, 105; III, 47) и другим источникам, египетские льняные ткани и изделия из них поступали в Грецию еще в Саисский период и в более позднее время. Птолеми усвоили практику фараонов и номархов, накапливавших в своих складах запасы продуктов, сырья и ремесленных изделий для нужд армии, флота и чиновников, а также для внутренней и преимущественно внешней торговли.

Податной Устав Птолемея II Филадельфа знакомит нас с учреждением птолемеевских монополий, с их организацией в середине III в. до н. э. и с целями, которые преследовало при этом правительство. Как и другие важнейшие отрасли производства в эллинистическом Египте, *ἄθωνηρά* была тесно связана с сельским хозяйством. Изучая содержание всего Податного Устава¹⁵, можно установить, что с первых же шагов законодательного оформления царские монополии отличались друг от друга по своей организации и по степени монополизации производства и торговли. Единства организационных форм и функционирования не было и впоследствии. Текстильная монополия в Податном Уставе включает в себя изделия из льна, шерсти и конопли (*ἄθωνηρά, ἔριηρά, στύππιον*), но в дальнейшем и эти отрасли потеряли свое первоначальное организационное единство. Возможно, что уже и в Податном Уставе были зафиксированы некоторые различия в их положении, но фрагменты Устава не дают на это прямого ответа.

Изучая структуру *ἄθωνηρά*, как она сохранилась в отрывках Устава, можно установить ее сходство с организацией масляной монополии — *ἐλαϊκή*. Поскольку лен являлся также сырьем для выработки растительного масла, то районы маслоделия и ткачества частично совпадали. О производстве льняного семени как монополизированном производстве говорится в 39,7 стб. Устава и, вполне возможно, в другом восстановленном месте тоже упоминалось льняное семя (стб. 55,6). Хотя в расписании посевов масличных культур по номам (Устав, стб. 60—72) лен не упомянут, но в предыдущих столбцах, содержащих уточнения и дополнения к закону об *ἐλαϊκή* (стб. 57, 19 = 59,22), среди других масличных растений, возделывание которых регулировалось правительством, упоминается и лен. Если сравнивать правила, которыми регулировалась масляная монополия, с нормами, принятыми для текстильной монополии (фрагменты стб. 87—107), то мы найдем достаточно сходных выражений и терминов, которые указывают на то, что посев льна регулировался с учетом потребностей текстильной монополии, что были установлены количества льна-сырца, сдаваемого производителями откупщикам под контролем эконома и антиграфейса (стб. 96), а также и то, что существовали твердые цены на лен-сырец и на текстильные изделия: полотняные ткани, хитоны и др. вещи (стб. 98). В стб. 91—93 речь идет о запрещении или ограничении ввоза тканей из-за границы, а также о доставке местного *ἄθωνιον* в Александрию. Запрещение ввоза определенных материй из-за границы, несомненно, преследовало цель — продать местные монополизированные изделия по возможно более высоким ценам. Подобным же ограничениям в ввозе, как известно, подвергалось и заграничное растительное масло (стб. 52). В столбце 103 правительство устанавливает расписание твердых продажных цен одновременно на изделия из льна, конопли и шерсти (*τὴν [τιμῆν] τῶν [β]υσσίνων καὶ τῶν στύππειων καὶ ἐρικῶν*), рассматривая их как принадлежащие к одной текстильной монополии.

Что большие массы льняной ткани и пакли в ближайшие десятилетия после издания Податного Устава были сосредоточены в птолемеевской казне, можно заключить из сообщения Полибия (V, 89,3) о том, что Птолемей III отослал пострадавшим от землетрясения родосцам в числе различных даров: *στύππειον τρισχίλια, ἄθωνιον*

¹⁵ Помогает нам в этом и второе исправленное и дополненное издание текста P. Rev., осуществленное J. Bingen'ом в 1952 г. См. также Bingen, Contribution au texte du papyrus des Revenue-Laws, «Chronique d'Égypte», 1949, № 47, стр. 113—122.

ἰστός τρισχίλιος. О ткани для парусов идет речь и в фрагменте Податного Устава (стб. 94) τὸν ἰστὸν (δρ) κε τὰλ [. . .¹⁶]. О столь больших запасах шерсти в казне источники не упоминают. Очевидно, во время оформления монополий в период издания Податного Устава, хотя лен, конопля и шерсть были объединены в одну текстильную монополию, основным объектом монополии остался лен. О производстве канатов и грубой ткани из конопля пока достаточных сведений нет, и этой отрасли текстильной монополии в данной статье мы касаться не будем.

Более новое и менее распространенное в Египте производство шерсти, по-видимому, с самого начала было затронуто монополией в гораздо меньшей степени. Сбыт египетских шерстяных изделий на внешнем рынке не мог по своим размерам сравниться со сбытом изделий из льна. Восточное Средиземноморье имело другие старые прославленные центры производства шерстяных изделий, с которыми египетская шерсть не могла успешно конкурировать. Внутри страны шерстяные ткани потребляли главным образом греки и македоняне и другие пришлые или эллинизированные меньшинства. Поэтому правительство не было заинтересовано в строгом выполнении первоначально распространявшегося и на шерсть указа о монополизации ее выделки или продажи. Другое дело монополия льна. Древнейшее производство в Египте, оно было широко распространено и имело хороший сбыт как внутри страны, так и за ее пределами. Кроме того, льняные ткани в большей степени, чем шерсть, были нужны для армии и флота.

Основываясь главным образом на хорошо сохранившейся части Податного Устава, посвященной учреждению монополии растительного масла (стб. 49) части P. Tebt. 703, регулирующей функционирование ὀβολιτρά в конце III в. до н. э., на основании ранее изданных положений (стк. 87—117), а также на основании отдельных частных документов (напр., P. Ent. 5 = P. Magd. 36), можно установить, что при учреждении монополии частично были конфискованы ткацкие станки, а те станки, которые были оставлены у ткачей, тщательно зарегистрированы и находились на учете у эконома. Царские мастерские вырабатывали различные льняные ткани под надзором эконома. Продолжали существовать частные мастерские отдельных ткачей (P. P. Hibeh. 51 и 67; P. Ent. 5) и мастерские при храмах и на дарственных землях. На последние указывают отдельные папирусы из архива Зенона (напр., PSI, 599). Таким образом, производство в льняной монополии было сосредоточено в царских и частных мастерских. Этим льняная монополия отличалась от монополии растительного масла, выработка которого была сосредоточена исключительно в царских мастерских, если не считать того, что храмам было разрешено в течение двух месяцев в году вырабатывать для храмовых потребностей особое сезамовое масло (Податный Устав, стб. 51). Более громоздкое оборудование при относительно низкой квалификации работников-маслоделов дало возможность Птолемаем сконцентрировать все производство масла в царских мастерских. Этого не удалось полностью достичь в ткацком ремесле ввиду большей портативности ткацкого оборудования и значительно более высокой ремесленной квалификации ткачей, рассеянных по стране и работавших на дому или в мелких мастерских. При введении льняной монополии владельцы ткацких мастерских не сразу примирились со своим новым положением. На храмовых землях мастерские не выполняли обязательного правительственного заказа на виссон, а ткали по частным заказам. Кроме того, они избегали платить взимаемый в серебряной монете сбор за право ткать виссон. Это видно из P. Tebt. 702 — служебного письма, посланного около 260 г. до н. э. вышестоящим чиновником, очевидно, местному эконому (начало письма не сохранилось). Неподчинение было упорным. Чиновник безуспешно писал несколько раз.

По всей стране, подобно регулированию посева других масляных растений, регулировался и посев льна. Но он регулировался особо — для нужд ὀβολιτρά, что видно из фрагмента Податного Устава (стб. 87) и отдельных PCZ: P. Lille, I, 31; P. Petrie, II, 28, стб. V и др. В этом отношении интересен P. Tebt. 769, по-видимому, от 237—

¹⁶ Cp. Wilcken, Grundzüge. . ., I, стр. 245 и 254, Ostraka, 1, стр. 266.

236 гг. до н. э. Довольно фрагментированный папирус содержит длинное прошение одного предпринимателя (начало прошения не сохранилось, и нам неизвестно его имя), по-видимому, откупщика посевов льна на царской земле, так как с урожая на этой земле полагался натуральный платеж в казну — ἐκφόριον. Как видно из содержания прошения, диойкет ежегодно устанавливал размеры площади посевов льна и, в частности, в данном году увеличил площадь на 1550 арур. Разведение льна было важной отраслью сельского хозяйства, особенно интересовавшей царскую казну. На это неоднократно указывает автор прошения, который несколько лет занимался организацией разведения льна на царской земле силами крестьян, которым из казны выдавались заимообразно средства на покупку семян. Урожай льна давал продукцию двух родов: масличные семена и волокна. Цены на льняное волокно, несмотря на предписание в Податном Уставе фиксировать их (стб. 103), практически даже через три десятка лет после его издания были далеко не всегда и не везде фиксированы. Возможность предполагать это дает P. Tebt. 769, в котором сообщается, по какой цене было продано такое-то количество волокна. Более ранние документы из архива Зенона (напр., PCZ. 59470) свидетельствуют, что льноволокно продавалось из δωρεά по нефиксированным ценам за пределы δωρεά. Льноволокно производили на своих участках и клерухи (напр., PP. Lille, 31; 33; 34; 36; 37). Производство льняных тканей через два-три десятилетия после издания Податного Устава было рассредоточено, кроме царских эргастериев, в частных мастерских в различных населенных пунктах χῶρα. Но в 228—227 гг. до н. э. ткачи, изготовлявшие разные сорта полотна, сдавали готовую продукцию в царскую казну по установленным ценам, что видно из P. P. Hibeh. 67 и 68. Могли ли они после сдачи определенного количества и ассортимента тканей в казну продавать остальную ткань частным образом? По-видимому, могли теоретически, поскольку они сами покупали сырье. Но практически такую продажу не всегда можно было осуществить из-за возросших требований царской казны. Это видно из P. Ent. 5 — документа, приблизительно синхронного двум предыдущим. Требования казны были так велики, что два владельца льноткацкой мастерской в городе Крокодилополисе в прошении на царское имя просили разрешить им перестройку мастерской, чтобы иметь возможность сдать предписанное им количество тканей для обязательной продажи в казну. Таким образом, мастерская работала не только исключительно для нужд казны, но даже не могла полностью выполнять возросший обязательный заказ. Мастерская находилась под строжайшим контролем финансовой администрации, владельцы мастерской не имели права производить в ней переделки без разрешения властей. Сами владельцы писали: ὑπάρχοντος ἡμῶν λινοφαντεῖον (стк. 2), т. е. признавали известную ограниченность их права собственности на мастерскую, хотя расширять ее собирались на свой счет. И действительно, исходя из постановлений Податного Устава и P. Ent. 5, видно, что льняная монополия ограничивала право распоряжения тканями принадлежавшими им ткацкими станками, в чем проявляется тенденция законодательства ограничить деятельность самостоятельно работавших ткачей¹⁷.

Яркая обобщающая картина развития льняной монополии содержится в инструкции эконому — P. Tebt. 703 (стк. 87—117). Она сообщает и ряд новых данных для освещения форм существования и текущей практики льняной монополии в конце III в. до н. э. ὁδοιῆρά в общеегипетском масштабе, так как инструкция была послана диойкетом не в один какой-либо ном, а всем номовым экономам. Инструкция эконому констатирует в конце III в. до н. э. повсеместное распространение на царской земле царских льноткацких эргастериев и царских варилен льна-сырца. Частные же документы предшествовавшего времени указывали на то, что частно работавшие ткачи и мастерские покупали льняное сырье у откупщиков по колеблющимся ценам. А в конце III в. до н. э. распространение царских льноткацких эргастериев и льноварилен, несомненно, сократило возможности для работы частновладельческих мастерских. Усилению ὁδοιῆρά спо-

¹⁷ О низком социальном и тяжелом материальном положении ткачей см. H. Thierfelder, Zur sozialen Lage der Weber im ptolemäisch-römischen Ägypten, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1957, Heft 1, стр. 121.

собствовало постепенное упразднение $\delta\delta\theta\rho\epsilon\alpha\iota$, высокопоставленные владельцы которых, как видно из папирусов архива Зенона, были наименее связаны учрежденной в середине III в. до н. э. $\delta\theta\omicron\nu\eta\rho\acute{\alpha}$. В положении $\delta\theta\omicron\nu\eta\rho\acute{\alpha}$ в конце III в. до н. э. много сходного с положением $\epsilon\lambda\alpha\iota\kappa\eta$ в Податном Уставе и в том же P. Tebt. 703. Упоминание имени эконома в фрагментах Податного Устава, трактующих о текстильной монополии, исчерпывающе разъясняется в P. Tebt. 703. $\delta\theta\omicron\nu\eta\rho\acute{\alpha}$, как и другие отрасли царского хозяйства и вообще финансов, в пределах нома были в ведении экономов. Не только льняное сырье было монополизировано, но и материалы, необходимые для варки льна-сырца, тоже входили в состав монополизированных предметов. Касторовое масло являлось составной частью масляной монополии, анатр—каустическая сода—был объектом другой царской монополии — на соду. То обстоятельство, что все виды сырья, необходимые для производства полотен, были объектами трех царских монополий на сырье, способствовало в течение второй половины III в. до н. э. (со времени издания Податного Устава и до конца III в. до н. э. при активном участии финансовой администрации) укреплению и распространению льняной монополии в производстве и торговле. Распространенные на царской земле в $\chi\acute{\omega}\rho\alpha$ льноткацкие царские эргастерии находились под строжайшим контролем финансовой администрации. Для каждого нома составлялась специальная диаграмма ассортимента тканей, выполнение которой было обязательным. Эта диаграмма для готовой продукции аналогична диаграммам посевов льна для волокна, масленосных растений и упоминающимся в начале P. Tebt. 703 общим номовым расписаниям посевов — $\delta\iota\alpha\gamma\rho\alpha\phi\acute{\eta}$ τοῦ σπόρου (стк. 57—58). Строго контролировались и варильни льна-сырца, которые каждый сезон подлежали регистрации и заносились в особый список.

Государственное снабжение льноварен касторовым маслом и натром осуществлялось под непосредственным руководством самого диойкета. Изъятие и опечатавание бездействующих ткацких станков, тщательный ежемесячный учет продукции и доходов отождествляют положение льноткацких эргастериев с эргастериями по производству растительного масла. Характерно, что диойкет, автор инструкции, сохранившейся в P. Tebt. 703, говоря о маслодельнях, ничем не отличает их по их статусу от льноткацких мастерских. P. Tebt. 703 подтверждает точную регистрацию ткачей, льноткацких мастерских и станков. Ткачи получали официальные задания, которые доводились до их сведения, вероятно, экономом, через подведомственную ему администрацию, и откупщиками. Задания распределялись на основании диаграммы, составленной финансовой администрацией на весь ном. В диаграмме были точно указаны количество и качество льняных тканей и сорта тканей, распределенные для выполнения ежемесячно. Ткачу поручали выткавать в течение месяца определенное количество штук тканей определенных сортов. Если ткач не выполнял месячного задания, то должен был оплачивать недоимку по ценам, установленным в диаграмме для каждого сорта. Хотя ткачи и находились в одной мастерской, но производственный процесс каждого из них протекал индивидуально, разделения труда внутри мастерской не было. Каждый ткач умел изготовлять не один, а несколько сортов материй. Свой заработок ткач получал в форме оплаты по твердым ценам сдаваемой им ежемесячно готовой продукции. В случае недоимки из заработка ткача, очевидно, вычиталась соответствующая сумма. Сдаваемое полотно должно было быть хорошим и иметь плотность, предписанную диаграммой. Об этом особенно должен был позаботиться эконом, так как ткачи, вероятно, не прочь были подсунуть при сдаче несортную продукцию. Как видно из текста инструкции в P. Tebt. 703, в конце III в. до н. э. были случаи и перевыполнения месячной нормы выработки льняных тканей. Перевыполнение записывалось в счет нормы следующего месяца. Очевидно, перевыполняли нормы отдельные ткачи. Что побуждало отдельных ткачей перевыполнять месячную норму? Может быть, возможность ткать некоторое время в частном порядке? Опечатавание бездействующих ткацких станков не может служить достаточным основанием для возражения против возможности такой работы, так как станок ткача, работавшего в свою пользу с разрешения эконома, не бездействовал. Как известно, льняное волокно ткачи, работавшие вне царских эргастериев, покупали на свои средства, обрабатывали его и затем выделывали

вали ткани для продажи в казну. Такая работа могла быть более выгодна для ткачей, обязанных работать в царских льноткацких эргастериях, и они для нее использовали то время, которое] открывалось для них в результате записи перевыполнения данной месячной] нормы в счет нормы следующего месяца.

Из фактов перевыполнения отдельными ткачами месячных норм выработки льняных тканей в царских эргастериях нельзя выводить заключения об общем успешном функционировании льняной монополии. Наоборот, картина, вырисовывающаяся из общего содержания Р. Теbt. 703 и из содержания строчек, посвященных ἄθωνηρά, указывает на обратное. Дийкет в первых же строках инструкции о мероприятиях в области ἄθωνηρά требует от эконома приложить все старания для того, чтобы по возможности наибольшее количество ткацких станков работало и чтобы ткачи изготовляли полностью падающий по диаграмме на ном ассортимент льняных тканей. Работали не все станки, в общем и целом ткачи недовыполняли предписанную диаграммой ному. В особенности] не выполнялось требуемое «разнообразие» (ποικιλία, стк. 93) продукции. Ткачей штрафовали за невыполнение ими своих обязанностей. То обстоятельство, что неработающие ткацкие станки в обязательном порядке перевозились в метропольнома, складывались в кладовые и опечатывались, точно так же как это имело место и в монополиях по производству растительного масла, указывает на то, что они были собственностью царской казны. Так как ткацкие станки не были громоздкими, в отличие от маслодельного оборудования, то их можно было использовать не только в царских эргастериях. Отсюда иначе можно понять и заявление владельцев льноткацкой мастерской в Р. Епт. 5 — документе конца III в. до н. э. — о разрешении владельцам произвести в интересах казны переделку в принадлежавшей им льноткацкой мастерской. Возможно, что они работали не на своих, а на царских ткацких станках. Последние десятилетия III в. до н. э. были периодом наиболее строгой регламентации государства] в производстве льняных тканей, когда учитывалось производство льна не только в царских эргастериях, но даже и в частных мастерских. Постоянные недоимки в получении] готовой продукции и перебои в государственном снабжении льноварилен касторовым маслом и натром при одновременном усилении государственного контроля в конце III в. до н. э. были связаны с общим тяжелым и напряженным положением в Египте вследствие массовых восстаний эксплуатируемого населения после Четвертой Сирийской войны. Не хватало маслоделов, ткачей и других ὑποτελεῖς. Многие из них, недавние повстанцы, вернувшись к станкам, небрежно относились к делу.

Перед тем как перейти к рассмотрению процесса развития ἄθωνηρά во II в. до н. э., сделаем некоторые общие замечания относительно особенностей развития льняной монополии в период от времени издания Податного Устава до времени издания Р. Теbt. 703 включительно.

Правительство] первых Птолемеев произвело мобилизацию наличных материальных ресурсов Египта, используя для этого местную традицию верховной собственности царя на землю, усиленную правом завоевания. Мобилизация материальных ресурсов была первоначально необходима для занятия видного места государством Птолемеев среди других эллинистических государств в период войн диадохов и эпигонов. Это видное место было тесно связано с военным, а в условиях развития товарного производства в IV—III вв. до н. э. и торговым могуществом Египта, прежде всего в восточном Средиземноморье.

Принудительная мобилизация ресурсов была в основном завершена при Птолемеи II Филадельфе. Податный Устав является документом, в котором зафиксированы мероприятия по мобилизации ресурсов в ряде отраслей египетского хозяйства и финансов. Мероприятия эти производились в условиях в основном пассивной враждебности трудящегося и эксплуатируемого населения завоеванной страны.

Обращаясь к текстильному ремесленному производству и торговле текстилем в Податном Уставе и других документах III в. до н. э., следует отметить, что Птолемеи использовали большое количество имевшихся в стране квалифицированных ткачей, работавших при помощи ручных орудий труда. В принудительном порядке был про-

изведен опыт простого кооперирования труда ткачей в царских мастерских. Эта простая кооперация в условиях *δθωικήρά* сначала сосуществовала с производством отдельных ремесленников, число которых сократилось в конце III в. до н. э., а в условиях *ἐλακική* производство отдельных ремесленников было почти вовсе исключено. «Спорадическое применение кооперации в крупном масштабе в античном мире, в средние века и в современных колониях покоится на отношениях непосредственного господства и подчинения, обыкновенно на рабстве»¹⁸. «В колоссальном масштабе действие простой кооперации обнаруживается в тех гигантских сооружениях, которые были воздвигнуты древними азиатскими народами, египтянами, этрусками и т. д.»¹⁹. Но была ли экономическая необходимость в постоянно действующей простой производственной кооперации в рабовладельческом обществе, являлась ли она органической, составной частью производства в рабовладельческом обществе, без которой последнее не могло существовать? На эти вопросы следует ответить отрицательно. И К. Маркс указывает именно и на спорадичность применения кооперации в крупном масштабе в рабовладельческом обществе и на прямое принуждение как на ее внеэкономическую базу.

Рабовладельческое государство Птолемеев, организуя производственные монополии, присваивало орудия производства собственников-ремесленников. Организуя торговую монополию, оно стремилось использовать в условиях развивающегося товарного производства внутреннюю и внешнюю торговлю в интересах государственной казны. Правительство Птолемеев высокими ввозными таможенными пошлинами и прямыми запрещением ввоза монополизированных товаров боролось с заграничной конкуренцией; запрещая частную торговлю монополизированными товарами внутри страны, оно само продавало эти товары по наиболее высоким монопольным ценам с наибольшей выгодой для царской казны при посредстве откупщиков. Запрещение выработки и частной торговли монополизированными товарами являлось мерой борьбы с внутренней конкуренцией, неизбежной в условиях частной торговли. Таким образом, производственная монополия мобилизовала производство отдельных ремесленников в интересах рабовладельческого государства, а монополия торговли ликвидировала возможность конкуренции внутри страны в условиях увеличения товарного производства и усиливала позиции Египта во внешней торговле, позволяя выбрасывать на внешние рынки большие количества товаров по примерно единым ценам. Обе монополии в конечном счете действовали в интересах казны, т. е. имели фискальный характер. Ограбляя массы местного населения, монополии давали большой доход казне, которая употребляла его в основном на непроизводительные цели: на армию и флот и на ведение войны, на содержание двора и чиновников. Монополии не вырастали органически из потребностей ремесла и торговли, а были результатом активности государственной надстройки, и в этом отношении они были «искусственными, т. е. произвольными», по выражению французского экономиста Росси о докапиталистических монополиях, которое цитирует К. Маркс в работе «Нищета философии»²⁰. В этом была слабость птолемеевских царских монополий. Стимулируя производство, основанное на ручном труде, усиливая его товарность, Птолемеи способствовали тем самым объективному развитию экономики, т. е. в данных условиях развитию античной рабовладельческой формы собственности. Поэтому птолемеевские государственные монополии были недолговечны. Отрасли производства с более портативными орудиями и более квалифицированными ремесленниками, например, ткачами, особенно сопротивлялись полной монополизации и за время существования монополий быстрее перешли к частному производству. Особенности, существовавшие в рабовладельческом египетском обществе в виде разного рода зависимых от государства слоев населения, связанного с общинами, способствовали на первых порах созданию монополий, но растущее товарное производство разрушало эти особенности, усиливало имущественное неравен-

¹⁸ К. Маркс, Капитал, I, ГИПЛ, 1955, стр. 341.

¹⁹ К. Маркс, ук. соч., стр. 340.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 166.

ство и создавало новые возможности для частного производства, характерного для античной формы собственности. Хотя средства труда, сырье, находившееся в основном в руках государства, и государственная власть облегчали монополизацию, но ведущими в развитии производительных сил являются не средства, а именно орудия производства, они-то и предопределили упадок ряда монополий вместе с ослаблением и упадком государственной власти Птолемеев. Мелкие производители-ткачи в Египте, которые должны были быть экспропрированы, по Податному Уставу, пассивно сопротивлялись этим мерам более успешно, чем маслоделы, так как последние работали на более громоздком оборудовании, сосредоточенном не в домах, а в мастерских. Храмы и владельцев *δωρεαί* менее всего затронула *δδουηριζή*.

На протяжении второй половины III в. до н. э. процесс усиления *δδουηριζή* продолжался и достиг кульминационной точки при Филопаторе, так как царские льюткацкие мастерские были рассеяны по всей стране, то ткачи и в это время могли ткать и частным образом. Начиная с начала II в. до н. э. *δδουηριζή* постепенно ослабевает. Хотя *δωρεαί* уже в основном не существовало, но возрастает иммунитет храмов, а следовательно, и ремесленного производства на храмовых землях и торговли в обход монополии. В Розеттском декрете (Ditt. or. Gr. 90, стк. 17—18; 29 сл.) правительство Птолемея V Эпифана снизило обязательную сдачу в казну выработанных льняных тканей на две трети.

Важнейшее значение для определения развития *δδουηριζή* имеет P. Tebt. 5 — собрание «Декретов человеколюбия» царя Птолемея VII — Эвергета II и двух царич Клеопатр. Это обобщающий общеегипетский документ, состоящий из ряда указов, в которых излагается тяжелое положение в Египте в 118 г. до н. э. и принимаются меры для его облегчения, прощаются недоимки, предоставляются некоторые льготы и запрещаются замеченные злоупотребления. Ряд мероприятий касается и *δδουηριζή*, выясняет положение различных категорий ткачей, занятых производством льняных изделий (см. стк. 168—177, 231—251). Из P. Tebt. 5, стк. 238—239 видно, что льюткацкие мастерские были в частной собственности отдельных хозяев, так как указ запрещает продавать как льюткацкие мастерские, так и ткань, принадлежавшую ткачам. Интересно, что в этом указе ткачи льняных полотен и ткачи шерстяных тканей оказываются в одинаковом положении, как частные владельцы. Здесь поучительно сравнение с их положением в Податном Уставе, где они объединены вместе, но как работники монополизированных отраслей. Производство шерстяных тканей фактически быстро освободилось от монополии, а льняные ткани оставались монополизированными. Теперь же в конце II в. до н. э. для производства льняных тканей в частных и государственных отраслях характерно распространение частных ткацких мастерских. И в льняном ткачестве усилилось частное производство, хотя этот процесс здесь и произошел позже, чем в шерстяном ткачестве. В этом развитии проявился объективный закон экономического развития рабовладельческого общества, общества, развивавшегося на основе уже достаточно усовершенствованных, но ручных орудий производства.

Несколько остраконов — квитанций об уплате налогов ремесленниками-ткачами, изготовлявшими изделия из льна, как раз относятся ко II в. до н. э. и ко второй половине II в. до н. э., а именно — к 133—117 годам до н. э. (Tait Ostr. Bodl. 77; 85; 127; Wilck. Ostr. II. 1499, 1525) и хорошо конкретизируют общеегипетские постановления «декретов человеколюбия», содержащихся в P. Tebt. 5. На несколько лет старше квитанция Tait. Ostr. I Cambr. 6.

Следовательно, ремесленники — *ὑποτελεῖς* в текстильном ремесле пережили за полтора века существенные изменения в своем социальном положении. Во второй половине III в. до н. э. они были в основном мелкими ремесленниками, владевшими ткацкими станками и производившими текстиль не только для нужд казны, но и для частных заказчиков и покупателей. К концу III в. до н. э. увеличивается значение царских текстильных мастерских, оснащенных станками, полученными от царя. Ремесленники работали в царских мастерских, выполняя определенные задания казны, и получали плату в зависимости от количества, качества и сорта выработанной ткани.

Во II в. до н. э. начинается усиление частной выработки и продажи. Ремесленники в большом количестве становятся хозяевами своих станков и даже владельцами небольших мастерских, что, если не юридически, то фактически ослабляло административную зависимость мелкого ремесленника как *ὑποτέλης*, зависимость, покоившуюся на пережитках общинных отношений, которые стремилось использовать в фискальных интересах рабовладельческое государство Птолемеев, рассматривая эту возможность как большой местный ресурс.

Н. Н. Пикус

ДОКУМЕНТЫ ИЗ ВАДИ-МУРАББА'АТ.

В январе 1952 г. объединенная археологическая экспедиция Департамента древностей Иордании, Французской археологической школы в Иерусалиме и Археологического музея Палестины во главе с известными археологами Хардингом и де Во начала систематические раскопки и археологические обследования в пещерах района Вади-Мурраба'ат, в 25 км к юго-востоку от Иерусалима и 18 км к югу от Хирбет Кумрана, в трех часах ходьбы от Мертвого моря¹. Здесь, как и в случае с знаменитыми находками в Хирбет Кумране, раскопки начались по следам бедуинов, нашедших в конце 1951 г. в пещерах Вади-Мурраба'ат ряд документов. Археологам пришлось преодолеть большие физические трудности и препятствия. Лишь благодаря самоотверженному и хорошо организованному труду работников экспедиции, находчивости, энергии руководителей экспедиции и их основательному знанию местности наука обогатилась рядом важных исторических документов.

Археологическими раскопками обнаружены здесь памятники поселения от эпохи халколита (IV тысячелетие до н. э.) до арабского времени. Особенно богато представлен римский период. Помимо вещественных памятников (орудия, керамика, каменные и деревянные сосуды, ткани и пр.) и монет (от правления Нерона 58/59 г. н. э. до восстания Бар-Кохбы 132—135), в четырех пещерах Вади-Мурраба'ат были обнаружены письменные памятники самого различного характера и времени. Письменные памятники, найденные в Вади-Мурраба'ат, существенно отличаются от кумранских находок. Если для кумранских текстов основным и определяющим являются библейские тексты и документы, касающиеся организации и идеологии общин, то для находок из Вади-Мурраба'ат характерным и определяющим являются деловые документы и фрагменты исторических произведений². Фрагменты библейских текстов из

¹ См. G. Lankester Harding, Khirbet Qumran and Wadi Murab'at. Fresh light on the Dead Sea scrolls and new manuscript discoveries in Jordan, PEQ, 84 (1952), 104—109 (к сожалению, статьи R. de Vaux, Les grottes de Murabba'at et leurs documents и Quelques textes hébreux de Murabba'at, напечатанные в «Revue Biblique» (avr. 1953), остаются мне недоступными); F. M. Cross, The Manuscripts of the Dead Sea caves, «The Biblical Archaeologist», т. XVII (1954), № 1, стр. 8—12; H. Bardtke, Die Funde am Toten Meer, «Das Altertum», т. I (1955), Heft 1, стр. 32—35; Albert Vinent, Les Manuscrits hébreux du Désert de Juda, P., 1955, стр. 59—64; К. Б. Стркова, Рукописи из окрестностей Мертвого моря, ВДИ, 1956, № 1, стр. 96—97; А. П. Каздан, Новые рукописи, открытые на побережье Мертвого моря, «Вопросы истории религии и атеизма», вып. 4, 1956, стр. 284—285.

² Большое количество рукописей дошло в весьма фрагментированном состоянии, а большинство мелких фрагментов обнаружено в крысиных гнездах. Как указывает Хардинг (ук. соч., стр. 107), грызуны использовали папирусы (как и ткани) в качестве подстилки в своих гнездах.

Вади-Мурабба'ат отличаются по сравнению с кумранскими фрагментами большой близостью к Масоретскому изводу. На основании этого делают важный вывод, что в период между 70 и 132 г. н. э. имело место становление канона, близкого к масоретской традиции³. Документы Вади-Мурабба'ат написаны на различных языках: древнееврейском, арамейском, греческом, латинском, арабском.

Из еврейских документов большой интерес представляет папирус-палимпсест написанный еврейским архаическим (финикийско-ханаанским) письмом, близки остракам из Лахиша (VI в. до н. э.). В нижнем слое до сих пор, насколько мне известно разобрано только начало письма. В верхнем слое читается список людей (в их тефорных именах имя Яхве звучит полно:— уаһи, что характерно для раннего времени) и цифровые обозначения. Р. де Во относят этот палимпсест ко времени до вавилонского пленения⁴. Помимо нескольких остраков (чередующихся с греческими), фрагментов различных библейских книг (Gen., Ex., Deut., Jes.) и двух филиактерий, содержащих декалог⁵, здесь были обнаружены (бедами и археологами) документы, относящиеся ко времени антиримского восстания Бар-Кохбы 132—135 г. н. э. Из них большой и вполне понятный интерес вызвали документы, приписываемые самому вождю восстания — Бар-Кохбе: письмо Бен-Косеба, отождествляемого с Бар-Кохбой, к Йешуе бен-Галгола, начальнику лагеря, воззвание Бен-Косеба, два письма к названному Йешуе бен-Галгола, письмо к Шим'ону бен-Косеба.

Обнаружены также деловые документы на арамейском языке. Два из них датированы третьим годом восстания Бар-Кохбы.

Из документов на греческом языке найдены несколько остраков, два брачных контракта, из которых один датирован седьмым годом правления Адриана (124 г. н. э.), долговая расписка от 171 г. н. э., а также два отрывка литературных текстов, один из которых, по мнению де Во, относится ко времени Ирода Великого и является фрагментом труда Николая Дамасского. Кроме того, обнаружена часть греческого текста так называемых малых пророков и ряд новозаветных рукописных фрагментов. Тако

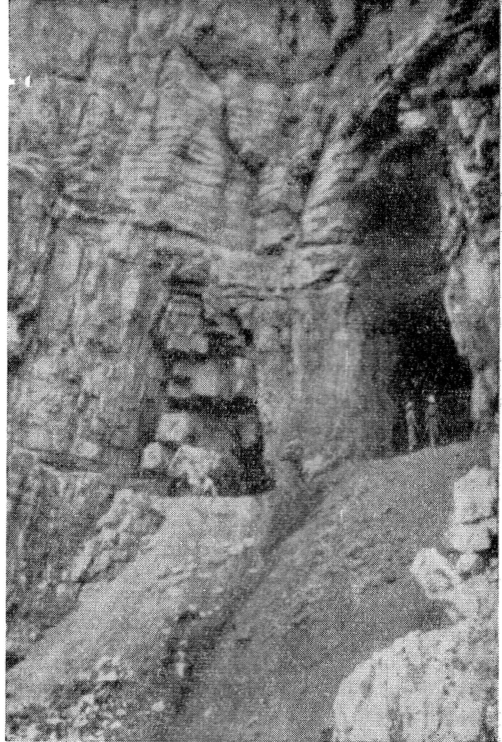

Рис. 1. Пещеры Вади-Мурабба'ат.
I — справа, II — слева

³ J. Allegro (The Dead Sea Scrolls, L., 1956, appendix III, Murabba'at, стр. 177 считает, что библейские фрагменты из Wadi Murabba'at имеют a strictly Massoretic character.

⁴ Некоторое, пока еще не разъясненное, недоумение вызывает столь необычный длительный срок для обычного употребления папируса.

⁵ Библейские тексты в основном совпадают с Масоретским канонам.

далеко не полный перечень документов из Вади-Мурабба'ат⁶. Подавляющее большинство этих находок еще не опубликовано. Все тексты, найденные на побережье Мертвого моря, будут публиковаться в начавшем уже выходить специальном издании «Discoveries in the Judaean Desert», первый том которого содержит тексты пещеры I Кумрана⁷. Из документов так называемого круга Бар-Кохбы до сих пор в периодической печати опубликованы только два письма на еврейском языке и два контракта на арамейском и набатейском языках.

Настоящей статьей мы начинаем знакомить читателей ВДИ в информационном порядке с документами, относящимися к периоду иудейского антиримского восстания 132—135 гг. н. э.

1. ПИСЬМО БЕН-КОСЕБА

Этот написанный на папирусе документ был опубликован и переведен аббатом Миликком в 1953 г.⁸ В том же 1953 г. письмо было переиздано в латинской транслитерации и с переводом Гинсберга⁹. Дальнейшие известные мне издания текста следующие: Бирнбаума (1954)¹⁰, Бардтке (1954)¹¹, Кросса (1956)¹², Морега (1956)¹³ и Лихта (1957)¹⁴. Привожу транслитерацию и перевод письма, сделанные с учетом указанных публикаций¹⁵.

⁶ H a r d i n g (ук. соч., стр. 108) сообщает также о любопытной находке кожаного мешка, сделанного из двух полос, исписанных греческими и, по-видимому, латинскими письменами.

⁷ D. B a r t h e l e m y — J. T. M i l i k, Discoveries in the Judaean Desert. I. Qumran Cave I... Oxf., Clarendon Press, 1955. Из 37 обследованных пещер в 25 обнаружены керамика и остатки полотняной обертки, тождественные находкам в первой, «классической» пещере, а также различной величины фрагменты рукописей.

⁸ J. T. M i l i k, Une lettre de Simeon bar Kokhéba, «Revue Biblique», 60 (avril 1953), стр. 276—294. К сожалению, editio princeps остается мне недоступным. Факсимиле текста письма Бен-Косебы, а также письма из Бет-Машко мне любезно прислал профессор Г. Бардтке (Лейпциг), которому приношу мою сердечную благодарность. Французский перевод, сделанный первоиздателем текста Миликком, известен мне по названной выше книге V i n s e n t'a, Les manuscrits... стр. 62. Недоступными мне остаются пока также статья А. H a b e r m a n n'a в «Haaretz» за 1953 г. и статьи I. L. T e i c h e r, Documents of the Bar-Kochba period, в «The Journal of Jewish Studies», т. IV (1953), 132—134 и т. V (1954), 30—40.

⁹ H. L. G i n s b e r g, Notes on the two published letters to Jeshua ben Galgolah, BASOR, № 131 (oct. 1953), 25—27.

¹⁰ Solomon A. B i r n b a u m, Bar Kokhba and Akiba, PEQ, 86 (1954, Jan.—Apr.), 23—32.

¹¹ H. B a r d t k e, Bemerkungen zu den beiden Texten aus dem Bar-Kochba Aufstand, TLZ, 79 (1954), стб. 295—300. Приношу профессору Бардтке свою глубокую благодарность за его исключительно любезную и великодушную присылку мне корректуры его вышеназванной статьи, а также фотокопии статьи Кросса из «Revue Biblique» за 1956 г.

¹² Frank M. C r o s s, Jr, La lettre de Simon ben Kosba, RB, 1956, № 1, стр. 45—48.

¹³ Š. M o r e g, Lšwn bglwth wbtħyuyth, В «Lešonenu la'am», VII (1956), № 5—6 стр. 5—6.

¹⁴ J. L i c h t, в «The Dead Sea Scrolls», Tel-Aviv, 1957, pl. XVIII.

¹⁵ Настоящая статья находилась уже в печати, когда мне удалось познакомиться со статьей крупного специалиста по истории восстания Бар-Кохбы S. Y e i v i n'a, Some notes on the documents from Wadi Murabba'at dating from the days of Bar-Kokhba, в «Atiqot. Journal of the Israel Department of Antiquities», т. I (1955), стр. 95—108.

<i>Транслитерация</i>	<i>Перевод</i>
1. mšm'wn bn kwsbh lyšw (?) ^с	1. От Шим'она сына Косеба Йешуе
2. bn gl[gl]h wl'nšy hkrk	2. сыну Га[л]голы и людям крепости (укрепления)
3. šl[w]m m'yd 'ny 'ly tšmym (?) <'m>	3. при[вет]. Беру против себя в свидетели небо (?), <если>
4. ypq (?) [d] mn hgl'yum šhšlkm (?)	4. исчез[нет] (?) (не досчитается) из галилеян, которые у вас (?)
5. kl' (?) [d]m š'ny ntn tkblym	5. (хоть) кто-нибудь, то я наложу оковы
6. brglkm kmh š' (?) s [h] [.....]	6. на ваши ноги, как это сд[елал] (?) ...]
7. lbn 'plwl [.....]	7. сыну Афлула [.....]
8. [...] n. [.....]	8. [...] ... н. [.....]

Примечания

Строка 1: BN KWSBH — Гинсберг, Бирнбаум и Бардтке: ben Kosbah. Предпочтительнее, однако, чтение Милика: ben Koseba (ср. также M o r e g, ук. соч., стр. 5). Правомерность отождествления имени Бен-Косеба с именем вождя восстания 132—135 гг. н. э. — Бар-Кохбой доказывается датировкой других документов из Вади-Мурабба'ат временем восстания, найденными вместе с этими документами монетами периода восстания 132—135 гг. н. э., а также самим содержанием письма, говорящим об обстановке военного времени. Следует, однако, отметить, что до сих пор, насколько мне известно, еще недостаточно освещена археологическая обстановка находки документов и монет в пещерах Вади-Мурабба'ат. Вокруг вопроса о формуле обращения в начале письма («от *x* к *y*») возникла дискуссия, вызванная негативным отношением к подлинности и древности всех находок из окрестностей Мертвого моря со стороны американского ученого, проф. С. Цейглина. В ряде своих статей С. Цейтлин (см. JQR, т. XLV (1954), № 1, стр. 2—12; т. XLV (Oct. 1954), № 2, стр. 174—180; т. XLVI (July 1955), № 1, стр. 24—35; т. XLVII, (July 1956), № 1, стр. 17—21) и E. R. L a s e h e m a n n («The so-called Bar-Kokhba letter» в JQR, т. XLIV (1954), № 4, стр. 285—290) пытаются оспорить подлинность и датировку письма указанием на то, что якобы на всем протяжении III в. до н. э. — III в. н. э. нет ни одного примера еврейского, греческого, арамейского или латинского письма, которое начиналось бы предложением «от» с именем автора письма. Формула «от», по мнению Цейтлина, характерна только для средних веков. Однако Ральф Маркус¹⁶ на примере ряда греческих писем, относящихся ко II в. до н. э. — I в. н. э., показал, что формула «игреку от икса» является самой обычной в греческих письмах и, таким образом, принципиального различия между обеими формулами нет. Наличие начальной формулы «от» в арамейской (на пример, известные письма Аршамы) и талмудической эпистолографии убедительно показывают B i r n b a u m и W a r t s k i¹⁷, I. S o n n e и A. H a b e r m a n n¹⁸.

К сожалению, предложения Yeivin'ane пролили света на остающиеся неясными вопросы. Его чтения, однако, по возможности учтены мной в соответствующих примечаниях ad. loc. Yeivin высказывает, между прочим, интересное предположение, что оба документа написаны на папирусах-палимпсестах, на которых можно заметить следы смытого (!) текста.

¹⁶ R. M a r c u s, A note on the Bar Kokeba Letter from Murabba'at, JNES, т. XIII (1954), № 1, стр. 51.

¹⁷ PEQ, 86, 1954, стр. 23.

¹⁸ Z e i t l i n, JQR, XLV, July 1954, № 1, стр. 2—12 и JQR, XLVI, July 1955, № 1, стр. 24—33.

Всего этого Цейтлин опровергнуть не смог¹⁹. Обращает на себя также внимание, что в своих многочисленных статьях, часто повторяющих друг друга, Цейтлин не делает попытки объяснить, почему понадобилась такого рода средневековая подделка письма Бар-Кохбы, которое Цейтлин считает «unintelligible and deplorable», «unintelligible and untranslatable» (JQR, XLV, Oct. 1954, № 2, стр. 175—176)? Если этот документ, как полагает Цейтлин, может быть караитского происхождения²⁰, то следовало, казалось бы, попытаться объяснить его, исходя из конкретных караитских условий. К сожалению, насколько мне известно, Цейтлин до сих пор уклоняется от каких-либо позитивных утверждений. В вопросе о подлинности находок в Вади-Мурабба'ат, как и в Кумране, *onus probandi* лежит на Цейтлине и его сторонниках.

Имя «ben Kōsēbā» позволяет решить загадку имени знаменитого вождя восстания Бар-Кохбы. Имя Bar-Kokheba — «сын звезды», данное еще рабби Акивой, несомненно, имеет мессианское звучание (см. Num. 24, 17: *dārak kōkāb miyu'a' āqōb*, т. е. «восходит звезда от Якова» — намек на царя-мессию) и в таком виде воспринято христианскими источниками (*βαρκοχέβας*, *Barchochebas*, *χοχεβᾶς* и *Chochebas*). В Талмуде и Мидрашах вождь восстания называется Бен гесп. Бар Козива, т. е. «сын обманщика». При этом исходили из такого понимания, что кличка возникла вследствие неудачи восстания, как антоним к имени Бар-Кохбы. Теперь из письма видно, что имя *ben Kōsēbā* либо патронимическое, т. е. «сын Косеба», либо топонимическое, т. е. «уроженец местности Косебы» в Иудее²¹ (ср. 1 Chr. 4,22: *wē'anšē Kōzēbā*, то есть «и люди Косебы») ²². Можно предположить, что бранное имя *Bar Kozība* возникло как толкование, возмущающее по созвучию патро- или топонимический термин *KWSBH* к глаголу *KZB-*

¹⁹ В самом деле, нельзя считать убедительными такие, например, доводы Цейтлина: 1) текст Мидраша «от Иегуды Наси нашему господину царю Антонину» (*mn yhw dh nšy'lmrn mlk' n'w'pwnws*) он отводит (JQR, XLVI, 1955, № 1, стр. 24—26) на том основании, что, во-первых, это не текст самого письма, а лишь известие о нем, во-вторых, что Иегуда Ганаси, умерший около 220 г. н. э., не мог писать Антонину Пию, умершему в 161 г. н. э.; 2) другой текст (из Мидраша *Tanna'im*): «от Шим'она бен Гамлиела и от Йоханана бен Заккая нашим братьям на юге (*mšm' wn bn gml'y' l wšy'hn bn zk'y' řynw šbdgwm*) Цейтлин отводит (JQR, XLV, 1954, № 1, стр. 4—5 и JQR, XLVI, 1955, № 1, стр. 30—31) на том основании, что выше в этом тексте оба автора этого письма названы титулом *Rabban*, в то время как, утверждает Цейтлин, не было такого случая, чтобы два деятеля одновременно носили такой титул. Но ведь совершенно очевидно, что в данном случае дело вовсе не в хронологическом соответствии того или иного текста и не в его исторической достоверности, а лишь в самой формуле обращения, отражающей определенные формы эпистолографической практики. Удивление вызывают также недопустимые в научной полемике оскорбления своих оппонентов, к чему часто прибегает проф. С. Цейтлин.

²⁰ К. Б. Старкова обратила мое внимание на тот примечательный и не учитываемый С. Цейтлиным факт, что к тому времени, к которому С. Цейтлин относит так называемый документ Бар-Кохбы, папирус как писчий материал совершенно вышел из употребления в Передней Азии. Действительно, профессору Цейтлину следовало бы попытаться объяснить такую необычайную «прозорливость» средневекового автора текстов «with trivial matters of no consequence» (Zeitlin, JQR, т. XLVI, oct. 1955, № 2, стр. 119)!

²¹ Такое предположение высказывалось, впрочем, и раньше. См. E. Schüger, *Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi*, I³, 683, прим. 100; J. Juster, *Les Juifs dans l'empire Romain*, т. II, 1914, стр. 192, прим. 5.

²² См. G. Ricciotti, *The history of Israel*, т. II, 1955, 455—56. Ср. R. North, «*Orientalia*», 24 (1955), fasc. 3, стр. 340 (со ссылкой на недоступную мне монографию S. Yeivin'a, «Война Бар Кохбы», 1952, стр. 63 (иврит); см. рецензии в IEJ, т. III (1953), 210; JNES, XIII, 1955, № 2, стр. 135; «*Syria*», т. XXXII, 1955, fasc. 3—4, стр. 343—344).

«лгать», «обманывать». LVSW (?)^c — ed. princers и Бирнбаум транскрибируют: *lyš^c*. По мнению Бирнбаума, вав не только не читается, но для него и места нет (*B i r n b a u m*, ук. соч., стр. 24). Гинсберг (*ad loc.*) полагает, что перед буквой айин читается начало вав. Действительно, в письме из Бет-Машко имя Йешуи бен Галгола написано с вавом (*yšw^c*). Не исключена, однако, возможность, что черточка между шин и айин, принимаемая за начало буквы вав, в действительности является верхним закруглением левой стенки буквы шин.

Строка 2: НКРК — Гинсберг (*ad loc.*) справедливо отмечает графическую невозможность чтения НВРК (ed. princ.: *ta compagnie*, также *Fr. C r o s s*, RB, 1956, стр. 48), вместо НКРК. См. также *V a r d t k e*, TLZ, LXXIX, 5 (1954), стб. 296. Действительно, шесть раз встречающаяся в письме буква бет (сткк. 1, 2, 5, 6, 7) резко отличается от второй буквы слова *hkrk*. Правда, вторая буква в слове несколько отличается от остальных случаев написания «к» в сткк. 1, 5 и 6. В пользу принятого чтения говорит прежде всего и то обстоятельство, что и в письме из Бет-Машко тот же адресат Йешуа бен Галгола назван «главой лагеря» (*rwš hmḥnyh*). КРК (*kēgāk*) — арамейское слово, означающее поселение или город, окруженный стеной или каким-либо заграждением (насыпь и т. п.).

Строка 3: Алеф в слове *M³* (? — *И. А.*) *YD* у Гинсберга — несомненная опечатка. Такая форма клыты засвидетельствована в Библии (*Dt. XXXI, 28: wēā^c idā bām^c ʔet — haššāmayīm*, ср. 4, 26). Согласно остроумному толкованию первоиздателя письма Милика, *TŠMYM* = *ʔ HŠMYM*. Подобное стяжение частицы прямого дополнения *t* и определенного артикля *h*, как свидетельствует Ш. Мопер (*Leshonnenu la ʕam*, VII (1956), стр. 7), наблюдается и в современном разговорном языке иврит. Так, например, говорят *tn ly tspr* (т. е. «дай мне книгу») вместо *tn ly ʔt hsrp*. Стяжение неэкспрессивных слов — известное явление в фонетике различных языков. Сравни, например, в русском языке происхождение «с» из «сударь <су <с», английское «*isnt*» и тому подобные стяжения, у *Lucr., De rerum natura I, 954: item quod inane reperitumst* (= *reperitum est*) и многие другие случаи подобных коллоквиизмов в языках различных народов. Тот же принцип фонетической транскрипции встречается и в арамейских литературных текстах. Так, например, *lēnā* (*lyn³*, т. е. «не я») = *lyt³ n³*; *lēnān* (*lynn*, т. е. «не мы») = *lyt³ nn*.

Строки 4—5: Ввиду того, что наиболее поврежденные и неясные слова строк 4—5 затемняют весь смысл письма, привожу для сравнения переводы этого места на французский, английский, немецкий и чешский языки²³. Столь различное понимание одного и того же места объясняется тем, что из шести слов придаточного предложения ясно читаются только два: *mn hgll³um*. Чтение и понимание остальных слов до сих пор представляют большие трудности. Обратимся к рассмотрению отдельных слов. Милик и Гинсберг придают этому предложению условное значение, восстанавливая *<S³M>* как «что если». Гинсберг полагает, что если пропуск этого слова не обусловлен идиоматикой, он объясняется гаплографией — сходство *š³m* с *tš³um* (последнее слово стк. 3). Так как фигура *š³m... š³nu...* синтаксически слишком громоздка, я ограничиваю условие словом *ʔm*. Наибольшую трудность для понимания всего письма представляет поврежденное слово *YP³ [ʔ]* (первое слово строки 4-й), в котором из предполагаемых четырех букв достоверно читается только вторая буква (*p*), последняя не

²³ *J. T. Milik* (цитирую по книге *V i n c e n t*, *Les manuscrits hébreux*, P., 1955, стр. 62): *si tu ne cesses pas (tes relations) avec les Galiléens, que tu as tous tirés d'affaires*; *Fr. M. C r o s s*, Jr (RB, 1956, 48): «*(si) un seul des Galiléens que tu as protégés (nous) cause des ennuis*»; *H. L. G i n s b e r g* (BASOR, 1953, № 131, стр. 25): «*(that if) a single one of the Galileans whom I rescued is harmed (?)*»; *H. V a r d t k e*, *Die Funde am Toten Meer, «Das Alttertum», т. I (1955), Heft. 1, стр. 34; он же (Bemerkungen etc., TLZ, 79 (1954), стб. 295) «—aber (und) packt euch fort von den Galiläern, die ich unblutig gerettet habe—*»; *Stanislav S e g e r t*, *List Bar Kochbuu, «Nový Orient», № 9, Praha, 1954), стр. 89: «bude—li ublíženo komukoli»* (т. е. «если кому-нибудь будет нанесена обида»).

сохранилась, а чтение остальных двух вызывает ряд сомнений. Так как графически первая буква может быть и йодом (y) и вавом (w), то чтение этой буквы, как мне представляется, должно решаться на основании морфологических и синтаксических позиций всего слова. Как показал Бирнбаум (ук. соч., стр. 25), третьей по счету буквой может быть либо самех (s), либо коф (q). Если второй коренной в данном случае считать самех, то корнями могут быть глаголы: psg, psd, psh, psl, pss, ps^c, psq. Действительно, наиболее подходящие значения из них были приняты рядом ученых. Так, первоиздатель документа Милик (B a r d t k e, Bemerkungen..., стб. 300; G r o s s, ук. соч., 46) понимает это слово как императив от глагола psq — «прерывать» (wps [q] «cesses pas»), а B a r d t k e — как императив от pss — wpsw («verschwindet» oder «aber packt euch fort») ²⁴; G i n s b e r g — как имперфект в породе niph'al от psd resp. psl («ups [d/l]— «is harmed (?)»); такого же понимания psd придерживается и Š. M o r e g, ук. соч., стр. 6: «klwmrg uunzq»); A. H a b e r m a n n (согласно Морегу, там же, примеч. 1) предложил чтение wpsd = hšmd, т. е. «уничтожь». G r o s s принимает то же чтение psd (ypsd), но в каузативной форме (Hiphil/Aphel): «(nous) cause des ennuis».

На основании палеографического сопоставления рассматриваемого нами третьего знака первого слова стк. 4 с бесспорным знаком самех в строке 1 (в слове kwsbh) Бирнбаум (ук. соч.) показал, что наш знак не является самехом, а может читаться как коф с усеченным стержнем. К этому, как мне представляется, можно добавить следующее. В другом документе из Вади-Мурабба'ат, в письме к Йешуе бен-Галгола знак коф в слове qrbwš (стк. 5) отличается от нашего лишь более продолговатым стержнем. Аналогичный коф встречается в кумранских свитках кн. Исаяи (IQIsb), Гимнов (IQH), а также в найденном в Египте папирусе Nash²⁵ (см. сравнительную таблицу знаков «самех» и «коф»). Интересно отметить, что в стк. 5 папируса Nash мы встречаем дважды букву коф с усеченным стержнем (ʔl qnwʔ r[. .]), сходную с рассматриваемым нами знаком, хотя в том же папирусе имеются знаки коф с удлиненным стержнем (стк. 8 и 16)²⁶.

	Документы из Вади-Мурабба'ат		Папирус Nash	Кумранские документы				
	Письмо Бен-Носеба	Документ из Вет. Машно		IQS	IQH	IQM	IQIs ^b	IQrHab
Самех	▷ стк. 1 ▷ стк. 6	▷ стк. 3 ▷ стк. 9	нет	◁ ◁	▷ ▷	▷	▷ ▷	▷
Коф	?▷ стк. 4	▷ стк. 5	▷ стк. 5 ▷ стк. 8	▷	▷ ▷	▷	▷	▷ ▷

Если считать вторую коренную буквой коф, то в этом случае возможны следующие корни: pqr, qrh, qrš, qrs, qr^c, pqr, pqr²⁷. Бирнбаум остановился на глаголе pqr в породе niph'al со значением «to be missing». Это чтение yiprāqād представляется мне наиболее вероятным. В отличие от остальных вариантов чтения этого испорченного слова, форма urqr весьма распространена, часто встречается в библейской литера-

²⁴ Проф. Бардтке («Bemerkungen», стб. 300) считает также графически возможным чтение формы pi'el от pqr.

²⁵ Папирусный отрывок, содержащий декалог и известный под названием папируса Nash, обычно датируется I—II вв. н. э.

²⁶ В то же время наш знак сходен со знаком самех в кумранском свитке комментария на кн. пророка Хабаккука (IQr Hab).

²⁷ Можно было бы думать также о пустом глаголе pwr (yiprbq) или об арамейском глаголе pqr, но они не дают удовлетворительного смысла в данном контексте.

туре и хорошо соответствует всему контексту письма. Особенно показательны библейские параллели. Так, например, в I K 20,39 мы встречаем форму $urqd$ в сочетании с условием: $\mathfrak{š}^c m\bar{o}r \text{ } ^\circ et \text{ } h\bar{a}^{\circ} i\mathfrak{š} \text{ } hazzeh \text{ } ^\circ im \text{ } h\bar{i}r\bar{p}\bar{a}q\bar{e}d \text{ } y\bar{i}r\bar{p}\bar{a}q\bar{e}d \text{ } w^c h\bar{a}y^c t\bar{a}h \text{ } n\bar{a}r\mathfrak{š}^c k\bar{a} \text{ } t\bar{a}h\bar{a}t \text{ } n\bar{a}r\mathfrak{š}^c b\bar{o}$ («стереги этого человека, если он исчезнет, ты помратишься своей жизнью»). В II S 2,30 мы читаем: «из людей Давида не оказалось ($w\bar{a}y\bar{i}r\bar{p}\bar{a}q^c d\bar{u}$) девятнадцати человек». Ср. также Nu 31,49, Ri 21,3, II K 10, 19 и др. места²⁸.

Следует также отметить, что глагол rqd встречается в документах из окрестностей Мертвого моря.

Строка 4: HGLL³YM — вместо $hglyly^3ym$. Как отмечает Гинсберг (ad loc.), окончание — i^3im вместо i^3yim засвидетельствовано в книгах Хроник ($hagr\bar{i}^3im$; I Chr. 5,10,20; $h\bar{a}^c arb\bar{i}^3im$ — II Chr. 17,11) и в кумранском комментарии к Хабакуку²⁹.

$\mathfrak{S}H\mathfrak{S}LKM$ (?) — это слово также читается по-разному: ed. princ. и Cross — $\mathfrak{š}h\mathfrak{š}lt$ («которых ты спас»); Гинсберг и Бардке — $\mathfrak{š}h\mathfrak{š}lty$ («которых я спас»); Бирнбаум — $\mathfrak{š}h\mathfrak{š}lkm$ ($\mathfrak{š}e\mathfrak{h}\mathfrak{e}\mathfrak{š}l^c kem$ — «которые у вас»). От чтения $\mathfrak{š}h\mathfrak{š}lt$ resp. $\mathfrak{š}h\mathfrak{š}lty$ следует, по-видимому, отказаться, так как тав определенно не читается (ср. написание буквы t в словах $n\bar{t}n \text{ } tkbl\bar{y}m$ в стк. 5). Кроме того, при чтении $\mathfrak{š}h\mathfrak{š}lt$ (y) синтаксически были бы невозможны и необъяснимы следующие за ним два слова: $k \text{ } l^3 [d] \text{ } m$ (стк. 5). Окончание рассматриваемого слова — km вполне вероятно, однако чтение Морегом второй буквы как алефа вместо h невозможно, так как эта буква ничего общего не имеет со всеми пятью случаями характерного написания алефа в сткк. 2, 3, 4 и 5. Таким образом, следует, как кажется, исходить из читаемого (на фотографии) $\mathfrak{š}h\mathfrak{š}lkm$ (?). В документе из Бет-Машко (см. ниже) это слово написано орфографически правильно, через *алеф*: $^3\mathfrak{š}lk$ (стк. 7). Такое смешение *алеф* и *he* засвидетельствовано также в кумранских рукописях. Так, в «Уставе» мы встречаем $han\mathfrak{š}ey$ (I QS VIII, 13) вместо $^3an\mathfrak{š}ey$ и, наоборот, 3amrot (I QS VI, 26) вместо $hamrot$. BQIs^a вм. масоретского 3knkh (45,4: $^3akann\bar{e}k\bar{a}$) — $hknkh$. Вряд ли это явление может быть объяснено простой опиской. Более вероятно, что смешение h и *алеф* было обусловлено фонетической близостью обоих гортанных (ср. Birnbaum, стр. 29).

Строка 5: KL³D (?) M — в местоименном значении (наряду с $i^3\mathfrak{š}$) это выражение встречается в ряде мест Библии. См., например, Lv., I, 2; XIII, 2; XVI, 17; Nu. XIX, 14; Ps. XXXIX, 6,12; Hioh. XXXVII, 7. Указанный выше перевод Бардке: «die ich unblutig gerettet habe» предполагает чтение $bl^3 dm$. Мне представляется, что с этим трудно согласиться прежде всего по графическим соображениям.

TKBLYM = $^3t \text{ } hkblym$. Ср. $t\mathfrak{š}myum$ в стк. 3.

Строка 6: $\mathfrak{S}^c(?) \text{ } S \text{ } l \dots$ — Milik, Ginsberg, Bardtke и Cross: $\mathfrak{š}^c st [y]$, Moreg: $\mathfrak{š}^c sy [ty]$. Для объяснения странного присутствия знака *самех* ($\mathfrak{š}h$ вм. $\mathfrak{š}h$) ссылаются на неопубликованное еще воззвание Бар-Кохбы, в котором слово князь — $n\mathfrak{š}y^3$ написано через *самех*: $n\mathfrak{š}y^3$. Как бы то ни было, до опубликования остальных документов из Вадимурабба'ат чтение этого слова нельзя считать сколько-нибудь надежным. В частности, сомнение вызывает также вторая буква, принимаемая всеми за айин. Совершенно необоснованным и надуманным представляется чтение Бирнбаума (ук. соч., стр. 29) $\mathfrak{š}^c qyb [^3]$ и его эмендация: $\mathfrak{š}^c \langle \mathfrak{š}h \rangle \langle qyb [^3] \rangle$, т. е. «как это (сделал) Акиб[а]».

Строка 7. LBN — от ламеда сохранились верхняя прямая вертикальная часть и средняя поперечная черточка.

²⁸ В Библии глагол rqd в породе $n\bar{i}r\bar{h}^c al$ употребляется также и в значении «быть приставленным» к несению какой-либо службы, должности (Neh. 7,1 и 12,44). В этом случае наше место означало бы предупреждение Бар-Кохбы против использования «галилеян» на каких-то службах. Но и при таком понимании не снимается затруднение, пристающее от нежелательного в принципе введения предположительного 3m в качестве условия.

²⁹ S. Segert (Aramäische Studien, II, «Arch. Or.», 25, 1957, № 1, стр. 32) видит в этом написании $hgll^3 ym$ с алефом «по меньшей мере орфографический арамеизм».

Строка 8: На фотографии невозможно увидеть читаемый Миликом и другими авторами ряд знаков подписи: [š] m'wn b[n] kwsbh nsy' y | ·ś [r']? ³⁰. Этот вопрос следует оставить открытым до опубликования всех документов из Вади-Мурабба'ат.

Большой интерес, который вызывают документы из Вади-Мурабба'ат и, в частности, письмо Бар-Кохбы, вполне естественен, так как эти документы относятся к мощному народному антиримскому восстанию, о котором эссе Моммзен писал, что по ожесточенности и продолжительности «с ним не может сравниться ни одно восстание во всей истории Римской империи» ³¹. В то же время это восстание на редкость плохо и односторонне освещено источниками ³², в числе которых, за исключением монет, до сих пор не было ни одного подлинного документа, современного восстанию. Письмо, с которым мы познакомились выше, это первый подлинный документ, исходящий от вождя этого крупнейшего антиримского восстания.

Нельзя, однако, согласиться с проявляющейся тенденцией преувеличивать значение этого документа и спешить с окончательными выводами, так как, взятое изолированно, это письмо сообщает только о каких-то взаимоотношениях между Бар-Кохбой и людьми, названными в письме «галилеянами».

В этой связи необходимо коротко остановиться на вопросе о преследовании Бар-Кохбой иудео-христиан. Вслед за первоиздателем письма Миликом почти все исследователи, касавшиеся этого вопроса ³³, видят в письме Бар-Кохбы подтверждение факта преследования Бар-Кохбой христиан. Отождествляя «галилеян» письма Бар-Кохбы с христианами (иудео-христианами), Милик и следующие за ним ученые ³⁴ считают, что письмо Бар-Кохбы подтверждает сообщение отцов церкви о преследовании Бар-Кохбой христиан. Такое предположение вызывает ряд сомнений. Прежде всего иудео-христиане, насколько мне известно, не называются «галилеянами». В иудейских источниках, в Талмуде и Мидрашах иудейские сектанты, в том числе иудео-христиане I—II вв. н. э., называются термином «миним» (от слова *min* — «род»), а христиане — «ноцрим». У христианских авторов иудео-христиане также не называются «галилеянами», а «эбионитами», «назаряями» или просто «христианами» ³⁵. В известных

³⁰ Проф. Бардтке и другие авторы воспроизводят в стк. 8 всю сигнатуру целиком без всяких оговорок, за исключением одной буквы (конечной *n* в слове *bn*): šm'wn b [n] kwsbh nsy' yśr', основываясь на полном тексте подписи Бен-Косеба из еще неопубликованного документа.

³¹ Т. Моммзен, История Рима, т. V, М., 1949, стр. 486.

³² Ср. утверждение такого знатока материала, как E. Schürer, *Geschichte des Jüdischen Volkes im Zeitalter des Jesu Christi*, I³, 886; «Aber wie unsäglich dürftig sind überhaupt diese Quellen», там же, стр. 487: «Über den Gang des Krieges wissen wir fast nichts». Тем большее значение приобретает упомянутая выше монография S. Yevina (2-е изд. 1952), в которой, судя по рецензиям, собраны воедино все источники (археологические, нумизматические, римские, талмудические, раввинские, патристические и пр.), известные до открытия документов из Вади-Мурабба'ат.

³³ Исключение представляет S. Zetlin, *Antiquity of the Hebrew Scrolls and the Piltown Hoax. A Parallel*, JQR, XLV (1954), № 1, стр. 11—12. Ср. осторожное высказывание H. Bardtke, *Die Funde...* стр. 34 и Fr. Cross'a, RB (1956), стр. 48, прим.

³⁴ Milič, *Une lettre de Simeon bar Kokheba*, RB, 60 (1953), 287—288. (Ср., например, Fr. M. Cross, Jr, *The Manuscripts of the Dead Sea Caves*, BA, т. XVII (1954), № 1, стр. 11); S. A. Vignbaum, *Bar Kohba and Akiba*, PEQ, 86 (1954, Jan.—Apr.), стр. 27, прим. 5; A. Vinent, *ук. соч.*, стр. 62 «...les Galiléens ou Nazaréens, c'est-à-dire les chrétiens». Ср. J. Klausner, *Исследования по истории второго храма*, Jer., 1954, стр. 303 (иврит): (галилеяне) «вероятно, христиане из Галилеи, сопротивлявшиеся еврейскому Мессии, из-за своей верности христианскому Мессии. И он (sc. Бар-Кохба) угрожает тому, кто спас одного из них...».

³⁵ Как справедливо отметил С. Цейтлин (*ук. соч.*), слово «галилеяне» как прозвище для христиан, было употреблено Юлианом Отступником, и раньше поздней

сообщениях Юстина, Евсевия и Орозия о преследованиях Бар-Кохбой христиан последние называются «христианами», а не «галилеянами». Так, Юстин (Apologia, I, 31, ed. G. Krüger, 1891) сообщает: καὶ γὰρ ἐν τῷ νῦν γεγενημένῳ Ἰουδαϊκῷ Πολέμῳ Βαρχοχέβας... χριστιανούς μόνους εἰς τιμωρίας δεινὰς... ἐκέλευεν ἀπάγεσθαι. У Евсевия (Chron. ed. Schoene) под 17 годом Адриана мы читаем... Cochebas plurimos Christianos diversis suppliciiis affecit, eo quod noluisent proficisci cum illo pugnatum contra Romanos. У Орозия по поводу этого же события в одном и том же отрывке мы дважды встречаем противопоставление Iudaei... Christiani³⁶. Укажу еще на один важный текст, не привлекавшийся, насколько мне известно, в связи с нашим документом для выяснения природы «галилеян». Евсевий в «Церковной истории» (IV, 22), перечисляя со слов Гегесиппа еретические течения внутри христианства, не упоминает галилеян; напротив, говоря далее о сектах внутри иудаизма, он наряду с ессеями, фарисеями и др. называет и галилеян. Так, мы читаем: Ἔτι δ'ὁ αὐτὸς (sc. Ἡγήσιππος) καὶ τὰς πάλαι γεγενημένας παρὰ Ἰουδαίους αἰρέσεις ἰστορεῖ λέγων: «Ἦσαν δὲ γινώμαι διάφοροι ἐν τῇ περιτομῇ ἐν οἰοῖς Ἰσραηλιτῶν κατὰ τῆς φυλῆς Ἰούδα καὶ τοῦ Χριστοῦ αὐταί. Ἐσσαῖοι Γαλιλαῖοι Ἰμμεροβαπτισταὶ Μασβωθεοὶ Σαμαρεῖται Σαδδουκαῖοι Φαρισαῖοι» (Hist. Eccl. IV, 22,7), т. е. «Тот же Гегесипп повествует также о ересь (сектах), которые издавна существовали у иудеев, говоря: „у обрезанных, (то есть) среди сынов Израиля, были различные мнения относительно племени Иуды и Христа. Эти (секты) следующие: ессеи, галилеяне, гемеробатисты, масбете, самаряне, саддукеи, фарисеи“». Таким образом, для Гегесиппа и его современников «галилеяне» были одной из иудейских сект.

Во всяком случае, иудеи не называли христиан «галилеянами». Для того чтобы слово «галилеяне» служило в качестве *terminus technicus* для обозначения понятия «христиане», Галилея должна была в начале II в. быть сплошь заселенной христианами. Между тем такого положения в действительности не было. Известно, например, что один из современных Бар-Кохбе видных законоучителей (Таннай второго поколения) рабби Йоси носил кличку «галилеянин» (gby uwsy hglyly)³⁷. В самой Галилее, в городе Уше ('wš') во II веке нашей эры находился иудейский религиозный центр — Синедррион, переместившийся сюда из Ямнии (Ябне) сразу же после падения последнего оплота Бар-Кохбы крепости Бетар³⁸. При наличии таких фактов нельзя, разумеется, допустить, что к этому времени, т. е. в начале II века, термины «галилеянин» и «христианин» были синонимами.

Таким образом, вопрос о природе «галилеян», упоминаемых в письме Бар-Кохбы, следует считать пока неясным, тем более, что отношение автора к галилеянам издатели письма понимают различно: в то время как Милик и др. видят в письме проявление враждебности Бар-Кохбы к галилеянам, Гинсберг и Бардтке, напротив, усматривают здесь проявление какой-то заботы о них³⁹. Надо надеяться, что публикация остальных

античности это прозвище не встречается, за исключением одного упоминания у Эпиктета. См. Adolf Harnack, Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten, I² (1906), стр. 337 сл., прим. 1. Cp. H. Bardtke, Bemerkungen..., стр. 299, прим. 27.

³⁶ Pauli Orosii, Historiarum adversum Paganos, Vindobonae, (1882), VII, 13.

³⁷ См. H. L. Strack, Einleitung in Talmud und Midrash, München, 1921.

³⁸ J. Parkes, A history of Palestine from 135 AD, 2nd impression, L., 1949, стр. 44—45; S. Zeitlin (JQR, т. XLVI, July 1955, № 1, стр. 31, прим. 84) в связи с вопросом о формуле обращения (см. выше) указывает на любопытный текст Тосефты Sanhedrin, в котором сообщается, что знаменитый Раббан Гамлиел, глава Синедрриона, приказал написать письмо «нашим братьям галилеянам» (l'ḥn' bny glyl'). О сложной этнической ситуации, сложившейся в Галилее в I в. н. э., см. G. H. Boole, Galilee and Galileans in St. Mark's Gospel, Bulletin of the John Rylands Library, т. 35 (March 1953), № 2, стр. 337 сл.

³⁹ Bardtke (ук. соч., стр. 300) выдвигает три предположения относительно возможного отождествления «галилеян» письма: 1) с некоей спасенной войнами Бар-

документов так называемого круга Бар-Кохбы и дальнейшая над ними работа позволят со временем выяснить этот вопрос. Однако бесспорное историческое значение этого документа заключается, как было уже указано, в том, что это пока первый и подлинный Бар-Кохбы.

Отчетливо выступает лингвистическое значение письма. Комментируя находки из Вади-Мурабба'ат, Р. де Во отметил, что эти документы являются первыми известными нам нерелигиозными текстами, написанными на относительно чистом мишнитском языке⁴⁰. Это дает новое основание для пересмотра спорного вопроса, до какого времени еврейский язык был языком разговорным⁴¹, в какой мере на этот разговорный язык влиял арамейский и т. п. То, что еврейский язык использовался в письмах и деловых документах, опровергает очень распространенное мнение, что разговорным языком в I—II вв. н. э. был только и исключительно арамейский язык, а язык Мишны был языком искусственным.

Следует, однако, со всей определенностью еще раз подчеркнуть, что какие-либо окончательные выводы неправомерны и невозможны до полного опубликования всех документов из Вади-Мурабба'ат и последующего их изучения.

II. ДОКУМЕНТ ИЗ БЕТ-МАШКО

Текст документа на папирусе впервые издан R. P. de Vaux в 1953 году⁴². И этот папирус не имеет даты, но так как документ адресован тому же Иешуа' бен-Галгола,

Кохбы в Галилее и вывезенной ими оттуда группой иудеев; 2) с группой иудейских священников, осевших в Галилее после разгрома восстания в 70 г. н. э.; 3) с одним из отрядов повстанческой армии. А l l e g g o (ук. соч., стр. 173), опираясь на перевод Кросса (см. выше), предполагает, что «галилеяне» — беглецы (refugiés), которых вождь восстания рассматривал как потенциальную пятую колонну. К сожалению, это предположение не аргументировано.

⁴⁰ R. de V a u x, RB, 60 (1953), стр. 274 (V i n c e n t, ук. соч., стр. 63).

⁴¹ См., например, S. M o r e g, ук. соч., раздел: «До какого времени говорили на еврейском языке? («d 'umty dybrw 'bryt?»). Автор приводит любопытное известие из Вавилонского Талмуда, из которого видно, что мудрецы (хахамим) узнали значение еврейского слова *surwgun* от рабыни (или служанки) Рабби Иегуды Ганаси, говорившей по-еврейски, в то время как сами «хахамим» говорили по-арамейски.

⁴² R. P. de V a u x, Quelques textes hébreux de Murabba'at. III. Un document sur papyrus datant de la Seconde Révolte, «Revue Biblique», LX (1953), стр. 269—275; Edition princeps остается мне недоступным. Мне известны следующие дальнейшие его переиздания: J. R a b i n o w i t z, A hebrew letter of the second century from Beth Mashko, BASOR, № 131 (Oct. 1953), стр. 21—24; H. B a r d t k e, Bemerkungen zu den beiden Texten aus dem Bar-Kochba Aufstand, «Theologische Literaturzeitung», 79, 1954, стр. 300—304; ср. о н ж е, Die Funde am Toten Meer, «Das Altertum», т. I (1955), Heft 1, стр. 34; J. L i c h t, pl. XVIII в «The Dead Sea Scrolls», Tel-Aviv, 1957; S. Y e i v i n, ук. соч., в «Atiqot», т. I (1955), стр. 95—108. Многие для разъяснения текста сделал H. L. G i n s b e r g, в статье «Notes on the two published letters to Jeshua ben Galgolah. B. the Letter from Beth Mashko, BASOR, № 131, 1953, стр. 26—27. Недоступными остаются мне пока работы I. L. T e i c h e r, Documents of the Bar-Kochba period, The Journal of Jewish studies, IV (1953), 132—134 и V (1954), стр. 30—40; O. H. L e h m a n — S. M. S t e r n, A legal certificate from Bar-Kochba's days, «Vetus Testamentum», III (1953), стр. 391—396; S. A. B i r n b a u m (О намеченном опубликовании статьи, посвященной письму из Бет-Машко, автор сообщает в PEQ, 86 (1954), стр. 31, примечание); J. J. R a b i n o w i t c h, «На' āreš», 23.X.1953. Транскрипция текста, сделанная первоиздателем де Во, известна мне по статье S. Z e i t l i n в JQR, XLVI (oct. 1955), № 2, стр. 116, а французский перевод — по книге A. V i n c e n t, Les manuscrits hébreux du désert du Juda, P., 1955, стр. 61—62.

Рис. 2. Письмо Бар-Кохбы (Бен Косеба)

Рис. 3. Письмо из Бет-Машко

к которому обращено и письмо Бен-Косеба, его относят к так называемому кругу документов Бар-Кохбы, большинство которых еще не издано ⁴³.

Ниже приводится транслитерация и перевод текста, сделанные с учетом указанных изданий.

Транслитерация

1. kn hprnsyn šl byt mškw kn yšw^c wkn
'l'zr
2. lyšw^c bn glgw^l rwš/ryš hmḥn(y?)h šlw-
m šyd^c
3. yhy lk šhprh š[ll]qh yhwsp bn 'rštwn
mn y'qb
4. bn yhw^{dh} šywsb 'byt mškw šhy šlw
ḥ[z]bnawt
5. w'p 'lly šhgyum qrbym 'lnw 'zy 'lty
whpš
6. [l]hḥš^tk/[l]h^c š^tk 'l k^okh š^l' thy 'mwr
mn kšrwn/bšrwn
7. l' 'lty 'šlk 'hyh šlw^m wkl byt yšr^l *
8. yšw^c bn 'l'zr ktbh
9. 'l'zr bn yhwsp ktbh
10. y'qwb bn yhw^{dh} 'l npšh
11. š'wl bn 'l'zr 'd
12. yhwsp br (?)yhwsp 'd
13. y'qwb b[n/r] [?] m'yd

Перевод

1. Так (говорят) руководители (общины) Бет-Машко, так (говорит) Иешу'а и так (говорит) 'Эл'азар
2. Иешу'е бен Галгола, главе отряда (лагеря). Мир. Известно
3. да будет тебе, что корова (телка), которую взял (?) Йехосеф (Иосиф) сын Аристана от Иакова
4. сына Йехуды, живущего в Бет-Машко, что она его (принадлежит ему) в силу покупки.
5. И, кроме того (пусть будет тебе известно, что), если бы не чужеземцы, приближающиеся к нам (или: которые находятся близко от нас), я явился бы, чтобы доказать тебе (или: убедить, возразить) относительно этого (дела), дабы не гонимыми (букв. «говорилось»), что умышленно
7. я не прибыл к тебе. Да буду я в мире и весь дом Израиля.
8. Иешу'а сын 'Эл'азара написал это.
9. 'Эл'азар сын Йехосефа написал это.
10. Иаков сын Йехуды за самого себя (подписался).
11. Шаул сын 'Эл'азара, свидетель
12. Йехосеф сын Йехосефа, свидетель
13. Иаков, сын [?] свидетельствует

* Вариант:...l' 'lty. 'šlk 'hyh. | šlw^m <lk> w<l>kl byt yšr^l. См. примечание ad locum.

Примечания

Стр о к а 1: KN...KN...WKN — «так... так... и так» — вместе с Гинсбергом; Рабинович, Бардтке и Ейвин читают: mn... mn... wmn — «от... от... и от», что, правда, согласуется с начальной формулой письма Бен-Косеба (mšm^cwn bn kwsbh), но сомнительно с палеографической точки зрения. В самом деле, трудно себе представить, чтобы левая косая линия знака мем оказалась стертой одновременно во всех трех случаях, да еще в местах, в остальном не испорченных! Непонятным является чтение первоиздателя де Во: W (? — И. А.) kn.. kn.. wkn. Даже следов знака вав в начале первого слова обнаружить, кажется, невозможно. Олбрайт в примечании к статье Рабиновича (BASOR, 1953, № 131, стр. 24) обращает внимание на особый, по его мнению, интерес, который представляет предложенное израильскими учеными чтение: kân... kân... kân — «здесь... здесь...здесь», — что является мишнайтским

⁴³ Cp. J. M. Allegro, *The Dead Sea Scrolls*, Penguin Books, 1956, Appendix III, Murabba'at, стр. 168—176; Ch. T. Fritsch, *The Qumran Community, its History and scrolls*, N. Y., 1956, стр. 50—60.

употреблением арамейского *kn*. HPRNSYN (только первоиздатель де Во читает пятый знак как «син» — *hprnšyn*) — арамейская форма окончания множественного числа, характерная для языка той эпохи. Общепринятое значение этого слова для данного контекста — руководитель общины. BYT MŠKW — местность, пока не отождествленная (ср., например, Is. Press, A Topographical-historical Encyclopaedia of Palestine, т. I, 1946). Allegro (ук. соч., стр. 174), вокализирующий Beth Mashekò, предполагает, что эта местность находилась к югу от пещер и, судя по форме наименования, была под набатейским влиянием. S. Yeivin (ук. соч., стр. 96) пытается читать вместо *mškw* — *ʔSšw*.

YŠW...ʔLZR — имена обоих «парнасин» приводятся здесь без указания отчества, в то время как в сткк. 8—9, где даны их собственноручные подписи, полностью указаны имена и отчества. В подписях, так же как и в начальной формуле документа, они выступают в качестве солидарных авторов этого документа, ибо после подписи каждый из них приписал *ktbh* — т. е. «написал это».

Строка 2: LYŠW^cBN GLGWL^c (первоиздатель читает: *lyš^c*, но *вав* здесь читается совершенно отчетливо) — имя, засвидетельствованное как адресат письма Бен-Косеба (сткк. 2—3: *lyš^c bn g [l] glh*), по-видимому, военачальник некоего повстанческого укрепления (ср. стк. 2 папируса Бен-Косеба: *wlⁿšy hktk*).

RWŠ HMHN (Y?)H — слово *rwš* соответствует написанию, встречающемуся в кумранских текстах: *rwš* и *rw^ʔš*⁴⁴. Однако второй знак можно читать и как йод. В таком случае мы имели бы арамейское написание этого слова — *ruš*. Гинсберг (ук. соч., стр. 26) полагает, что черточка в слове *hmhnh*, принимаемая за «у» (Рабинович, Бардке), является лишь правым верхним окончанием свода *h*. Действительно, в других кумранских текстах это слово встречается без йода. См., например, свиток «Война сыновей света с сыновьями тьмы»⁴⁵. Однако это *scriptio plena* несколько удивляет ввиду явной тенденции к *scriptio defectiva*. S. Yeivin (стр. 96) предлагает перестановку знака *h* и вместо *ruš hmhnyh* читать *rušh mhnyh* = the chief causing (his soldiers) to camp(? — И. А.). Впрочем, сам автор признает, что его чтение дает менее удовлетворительный смысл.

Строка 3: Š [L] QH — «которую взял» *gsp* «отобрал» (?); такое чтение вместо общепринятого *šyqh* — «которую возьмет» представляется мне возможным по следующим соображениям: закругленная черточка, принимаемая в данном случае за знак йод, резко отличается от обычной формы этого знака, характеризующегося прямой, отвесностью и жирным написанием (ср. написание в той же стк. 3 двух знаков йод в слове *uhy* и в слове *uhwsp*); мне представляется, что сохранившуюся закругленную черточку можно принять за правую нижнюю оконечность знака ламед, места для которого, кажется, достаточно, если сравнить, например, со вторым ламедом в слове *glgw^l* (стк. 2) и с ламедом в слове *yš^rl* (последнее слово стк. 7). Преимущество в данном случае перфекта (*šlqh*) перед имперфектом (*šyqh*) в том, что естественнее, по-видимому, засвидетельствовать свершившийся факт перехода коровы во владение Иосифа сына Аристонa, чем факт эвентуальный, предполагаемый. Следует также учесть, что наш документ — не обычная купчая, а, по-видимому, понадобившаяся ад *hos* засвидетельствование факта. Что касается семантики глагола *lqh* (основное значение — «брать»), то он включает также значение насильственного отображения, захвата чего-либо, например, захват чужих земель (Nu, 21, 25—26), насильственный захват чужих предметов, например, захват ковчега (I Sam., 4, 11, 17, 19, 21, 22), захват людей в плен (Jer., 48, 46), захват женщин в царский гарем (Esth., 2,8). При таком понимании этого глагола можно было бы думать о насильственном захвате (реквизиции?) коровы, о которой идет речь. S. Yeivin также читает *šlqh*, но в значении «купил» (*bought*). YHWSP BN 'ARŠTWN — имя нового владельца коровы от-

⁴⁴ См. D. Barthélemy — J. T. Milik, Discoveries in the Judaean Desert, I, Qumran Cave I, Oxf., 1956, I QSa и I QSb, стр. 109 слл.

⁴⁵ Y. Yadin, The scroll of the war of the sons of light against the sons of darkness, Jerus., 1957, стр. 338.

сутствует в строках 8—13, где имеются подписи всех причастных к делу лиц. В таком написании это имя встречается в нашем документе пять раз (сткк. 3, 9, 12, 13), в то время как в Библии такое написание имени Иосифа встречается только один раз (Ps., 81,6). Обращает на себя внимание написание гебраизованного греческого имени 'ar-šṭwn ('Αρίστων), в котором š > σ. Хотя подобное еврейское написание имени 'Αρίστων через š, насколько мне известно, до сих пор не встречалось, однако сам по себе факт передачи греческой сигмы через š (паде) достаточно хорошо засвидетельствован. Ср., например, σπεῖρα < ruḥ; σάπων < špwn; Σεράπης < šrup; πρόσωπον < pṛšwp⁴⁶.

Υ'QB— в сткк. 10 и 13 это имя приводится в scriptio plena: y'qwb. В опубликованных кумранских текстах это имя, так же как в стк. 3, встречается в scriptio defectiva (см., например, еврейский отрывок из «Книги юбилеев» — I Q18, 3—4) и арамейский отрывок из так называемого «Завещания Леви» (I Q21).

ŠYWŠB 'BYT MŠKW — «который проживает в Бет-Машко» — как читают вслед за первоиздателем де Во также Гинсберг и Бардтке. Рабинович предложил чтение šuyšr (с вокализацией y'ašš'rah..., т. е. «что подтверждает (sc. община) Бет-Машко»), однако с его аргументацией вряд ли можно согласиться. 'byt вместо ожидаемого Рабиновичем bbyt является арамейзированной формой 'l < 'l + byt с последующей ассимиляцией⁴⁷. Как показал де Во⁴⁸, в Кумранском мидраше Хабаккука (I Qr, Nab. XI, 6) встречается выражение 'byt glwtw (т. е. «в месте его изгнания») вместо обычной еврейской формы — bbyt. Наконец, чтение знака, находящегося после š, как «реш», не только не обязательно, но, более того, невозможно, так как в этом случае необъяснимым остается наличие нижней правой черты, отходящей от ствола знака вправо, которую следует, кажется, рассматривать как сохранившуюся часть нижней черты знака «бет». Термин uwšb в библейском употреблении означает гражданина, члена гражданской общины, в данном случае — члена общины Бет-Машко. S. Yeivin (стр. 97) вм. 'byt mškw предлагает читать 'byt mšm', т. е. «в тюрьме» (или «на страже», или вообще на гарнизонной службе). Однако чтение третьего знака второго слова как m крайне сомнительно.

С т р о к а 4: ŠHY ŠLW — «что она (т. е. корова; šhy — арамейская форма вм. šhy)ею». šlw, по-видимому, может относиться и к Иосифу, сыну Аристана, и к Иакову, сыну Йехуды. В первом случае это является подтверждением факта покупки коровы Иосифом, сыном Аристана, у Иакова, сына Йехуды; во втором случае можно было бы думать о каком-то насильственном уводе коровы Иосифом, сыном Аристана, что сделало бы вероятнее предложенное выше чтение š [l]qḥ («которую взял») вм. š[y]qḥ («которую возьмет»). Обращает на себя внимание, что в арамейском контракте того же времени из Вади-Мурабба'ат⁴⁹ на покупку дома указаны местожительство как продавца, так и покупателя. Может быть, отсутствие в нашем документе указания на местожительство Иосифа, сына Аристана, говорит о том, что мы имеем здесь не обычную сделку купли-продажи, а только официальное удостоверение факта принадлежности коровы гражданину Бет-Машко Иакову, сыну Йехуды, лишившемуся ее по неизвестным пока причинам. B[Z]BNWT — первоиздатель де Во читает: mn bnwt, т. е. «как все знают» («au su de tous»). В издании «The Dead Sea Scrolls», Tel-Aviv, 1957, pl. XVIII, сохранено это же чтение mn bnwt (min bānōt = mbyt gydwlw) в том смысле, что корова, о которой идет речь, выращена или вскормлена в хозяйстве Иакова, т. е. что она родилась от принадлежащей Иакову коровы. Возможность такого понимания этого вы-

⁴⁶ См. S. Krauss, Griechische und lateinische Lehnwörter im Talmud, Midrasch und Targum, т. I (1898), стр. 9—10, 45 и 64.

⁴⁷ См., например, словари J. Levy, Chaldäisches Wörterbuch über die Targumim, 1876, и он же, Neuhebräisches und Chaldäisches Wörterbuch über die Talmudim und Midraschim, 1876.

⁴⁸ См. Ginsberg, ук. соч., стр. 26.

⁴⁹ J. T. Milik, Un contrat juif de l'an 134 après J. C., RB, 61 (1954), 182—190; ср. текст строк 1—13 у S. Abramson — H. L. Ginsberg, On the Aramaic Deed of Sale of the third year of the second Jewish Revolt, BASOR, 136 (1954), стр. 17,

ражения J. J. Rabinowitch, предложивший это чтение («Hā'areṣ» от 23.X 1953), подкрепляет ссылками на встречающееся в Талмуде выражение: bt prtḡ («дочь его коровы»), bt hmḡrw («дочь его ослицы»). При всем интересе, который представляет это предложение, предпочтения заслуживает, по-видимому, предложенное И. Рабиновичем (BASOR, № 131, 1953, стр. 21—22) чтение: bzbnwt = «посредством покупки» (от арамейского глагола zbn — «покупать»). Этот глагол неоднократно встречается в опубликованном в 1954 году Миликом арамейском контракте (также из района Мертвого моря) на продажу дома, датированном третьим годом восстания Бар-Кохбы, т. е. 134—135 гг. н. э. (сткк. 3, 5, 7, 8, 9, 11, 13). Как предполагает Рабинович, буква Z слитась с опущенным книзу «ну» конечным из слова bn стк. 3. При внимательном рассмотрении нисходящей линии можно, кажется, заметить след верхнего закругления вправо, характерного для знака z в этом документе в словах 'zy (стк. 5) и 'l'zr (стк. 1). S. Yeivin (стр. 97) предлагает вместо bnwt чтение knwt (= kēnūt — производное от прилагательного kēn; ср. Gn., 42, 11; kēnīm 'ā'naḡnū, т. е. «мы (люди) честные») в том смысле, что корова действительно принадлежит ему на законном основании («that she is his in very truth»). Однако в прим. 12 к стр. 97 сам автор считает это чтение весьма проблематичным и, по существу, склоняется к чтению bnwt...

Стр о к а 5: W'P — соединительный союз, означающий: «кроме того» или «а также»; при этом подразумевается продолжение: «пусть будет тебе известно» — ср. ṣyd^c в стк. 2.

ṢHGYYM = ṣḡwuyum, т. е. «чужеземцы». 'LLY... 'ZY — условные частицы, означающие: «если бы не... то...». Де Во и Бардтке читают вм. 'zy—'ny (т. е. местоимение «я»), однако можно согласиться с Рабиновичем и Гинсбергом, что знак z читается отчетливо; обе частицы составляют хорошо известную синтаксическую фигуру (ср. Ps., 124, 1—5: «...lwy... lw'...'zy... 'zy... 'zy...»). 'ly — дефективное написание мишнаитского 'lūlē = библ. lūlē. Де Во читает 'al'ēlay (c'est malheur). QRBYM, как справедливо отметил Гинсберг, здесь возможны две вокализации: qḡbīm, т. е. «близки» (де Во и Бардтке) и qḡbīm — т. е. «приближаются» (Рабинович).

'LNW — вм. scriptio plena 'lynw.

'LTY (ср. стк. 7) — scriptio defectiva вм. 'lyty. Начиная со стк. 5 и по стк. 8 изложение ведется в единственном числе от имени одного из «парнасин», так как обоим, очевидно, незачем было являться к начальнику лагеря по интересовавшему их вопросу.

WHPṢ — одна из неразрешимых пока загадок этого документа. Первоиздатель де Во и вслед за ним Гинсберг весьма логично принимают эти четыре знака, из которых последний ṣ — не конечный, как custos следующего слова, которое ими читается как whpṣtyk. Однако трудность заключается в правомерности такого именно чтения первого знака стк. 6 (об этом ниже). Рабинович понимает эти четыре знака как императив hiph'il от глагола pḡṣ («so disperse» — «рассей», подразумевается «врагов»), но очень сомнительно, чтобы один из «парнасин», т. е. гражданских руководителей общины, находившейся в период восстания под контролем воинской части, имел даже формальное право отдавать приказание начальнику лагеря, перед которым он тут же вынужден оправдываться. Как мне представляется, не дает удовлетворительного смысла попытка Бардтке видеть в этих четырех знаках Inf. absol. от pḡṣ, заменяющий личную форму глагола. Это весьма искусственное образование находится у Бардтке в тесной связи с его попыткой читать следующее слово (т. е. первое слово стк. 6) как khpṣyḡk, с чем, на мой взгляд, трудно согласиться. Бесспорно, что методически правильно стремление придерживаться рукописного чтения и его по возможности толковать, но, к сожалению, в данном случае в этой группе четырех знаков невозможно видеть законченное слово. Это невозможно прежде всего потому, что последний знак ṣ не является конечным знаком. Ссылки на то, что в обоих папирусах (т. е. в рассматриваемом документе и письме Бен-Косеба) нет знака конечного ṣ и поэтому можно попытаться принять эти знаки за законченное слово, не имеют доказательной силы, так как в названных документах широко используются конечные знаки. Так, в рассматриваемом нами документе мы находим конечные знаки для знаков «ну» (сткк. 1, 3, 6, 8, 9, 10, 11), «каф» (сткк. 3, 6, 7) и «пе» (сткк. 3, 5, 9, 12, 13). Трудно себе представить, что наряду с употреблением особых конечных знаков для п, к и р знак ṣ составил бы исклю-

чение. Отсутствие конечного ξ в наших маленьких текстах надо рассматривать, очевидно, как результат чистой случайности — в этом знаке не было надобности. Следует отметить, что в кумранских текстах, списки которых датируются не позднее 70 г. н. э., конечные знаки для ξ встречаются (см., например, слова $q\bar{s}$, ξ , $\bar{h}w\bar{s}$, $\bar{t}q$ в текстах Qumran cave I, Discoveries...). С другой стороны, как было уже отмечено, предложенные толкования этих четырех знаков не дают удовлетворительного смысла, соответствующего всему контексту. Следовательно, приходится предположить, что группа знаков $whp\bar{s}$ не образует слова, а является результатом диттографии (пример диттографии в Кумранских рукописях см. IQS, III, 26).

S. Yeivin (стр. 98—102) вм. общепринятого чтения $\bar{z}u \bar{t}y whp\bar{s}$ предлагает чтение $\bar{z}b \bar{t}y h p\bar{s}$ («then its (former) owner would have liked» или «would have wished»), т. е. что если бы не близость чужеземцев, прежний владелец коровы желал бы $h p\bar{s}w yk$ (to clear you), как читает Ейвин следующее, первое слово стк. 6. Однако с такой искусственной конструкцией трудно согласиться прежде всего по палеографическим соображениям.

Строка 6: $\bar{L}\bar{H} [P/\xi] \bar{S}TK (?)$ — это первое слово стк. 6, наряду с последним словом стк. 5, представляет собой камень преткновения для понимания смысла второй части документа (сткк. 5—7). Трудность чтения и понимания этого слова обусловлена тем, что из шести предполагаемых знаков этого слова определенно читаются только два: ξ (в середине) и k (в конце). Для того чтобы был ясен характер расхождений по поводу этого места, приведем переводы сткк. 5—7 (начиная от последнего слова стк. 5 до первых трех слов стк. 7 включительно): R. de Vaux: «...⁶et je t'aurais dégage (whpsty \bar{k}). Étant donné que tu ne me dis que de bonnes nouvelles, ⁷je ne suis pas monté auprès de toi». J. Rabinowitz: ⁵«So disperse (whp \bar{s}). ⁶And I have advised thee (wh \bar{s} ty \bar{k}) concerning this, that it may not be said (it is) because of disrespect⁷ (that) I have not gone up to thee». H. Bardtke: ⁵«und hätte aufgelöst (whp \bar{s}) ⁶(das Lager) ⁶deinem strengen diesbezüglichen Befehl gemäss (khp \bar{s} yrk), damit du nicht sagen kannst, aus mangelnder Achtung ⁷sei ich nicht zu dir heraufgekommen».

Обратимся к рассмотрению предложенных чтений и толкований этого загадочного слова. Решающее значение для установления корня этого глагола имеет определение третьего знака \bar{h} , который читается различными исследователями либо как «пе», либо как «айин». Де Во читает этот знак как «пе», а все слово — $whp\bar{s}tyk$. Серьезные фонетические и лингвистические соображения в пользу такого чтения высказал Гинсберг⁵⁰, который понимает это слово как талмудический каузати в ($h p\bar{h} \bar{c}il$) от глагола pys , восходящего к заимствованному из греческого языка инфинитиву $\alpha\rho\rho\rho\sigma\tau\alpha$ от глагола $\pi\epsilon\iota\theta\omega$ — «убеждаю». Так как в словах, заимствованных из греческого, сигма часто переходит в ξ (ср. в нашем документе, стк. 3: $\bar{A}r\bar{i}\bar{s}\bar{t}\bar{o}\bar{n} < \bar{A}r\bar{i}\bar{s}\bar{t}\bar{o}\bar{n}$; см. выше примеч. к стк. 3), то нельзя ли в данном случае думать о равнозначном глаголу pys глаголе $p\bar{s}h$ (в Pa $\bar{c}el$ — $p\bar{s}\bar{s}\bar{e}$)? Ср., например, в талмудическом трактате Baba Bathra 45,1: $dmp\bar{s}y l\bar{y}h$, что трактуется Раши (ad locum): $d\bar{s}r\bar{y}k m\bar{w}k\bar{r} l\bar{p}\bar{s}w\bar{t} l\bar{w}q\bar{h}$. В пользу чтения де Во — Гинсберга можно было бы указать также на то важное обстоятельство, что последние четыре буквы стк. 5 — $whp\bar{s}$, не дающие в контексте никакого смысла, полностью воспроизводились бы при этом чтении в первом слове стк. 6, что в свою очередь свидетельствовало бы о справедливости предположения здесь диттографии. Палеографически такое чтение обосновывается Гинсбергом тем, что наиболее спорный знак \bar{h} читается де Во и Гинсбергом не как «айин», а как «пе» на том основании, что вертикальная линия, опускающаяся к черте основания нашего знака и даже несколько ее пересекающая, является лишь продолжением стертого в середине удлинения «р» конечной из слова $w\bar{p}$ (стк. 4), находящегося как раз над нашим спорным знаком. Следует, однако, отметить, что и при этом допущении сохранившиеся части предполагаемого

⁵⁰ BASOR, № 131, 1953, стр. 26—27, прим. 15.

знака «р» резко отличаются от написания трех бесспорных знаков «р» в словах $\text{hprnsyn} — \text{ר}$ (стк. 1), $\text{šprh} — \text{ר}$ (стк. 3) и $\text{whpš} \text{ר}$ (стк. 5). Большие сомнения вызывают также чтения «вав» в начале слова и tu перед k конечным.

Предложенное Рабиновичем чтение $\text{wh}^{\text{c}}\text{tyk} — \text{hip}^{\text{c}}\text{il}$ от $\text{y}^{\text{c}}\text{š}$ resp. wš «советовать» («and I have caused thee to be advised»), как предлагает переводить Рабинович, усиливая каузативное значение), помимо графических трудностей, касающихся чтения знаков w и tu , вряд ли приемлемо по существу из-за неуместности глагола «советовать» в обращении подчиненного к своему начальнику. Кроме того, такое чтение, не согласуемое с содержанием и смыслом предшествующей части документа, предполагает двойной характер его и два различных контекста, что весьма трудно допустить, а тем более обосновать. Не меньшие трудности графического и смыслового характера вызывает также предложенное Бардтке чтение $\text{khpšyrk} —$ «соответственно твоему приказанию» (Inf. constr. hip. с суффиксом 2-го л. м. р. ед. числа от pšr).

Таким образом, приходится, к сожалению, констатировать, что первое слово стк. 6, а вместе с ним и вся фраза не нашли еще вполне удовлетворительного чтения и истолкования. Предпочтения в смысловом отношении заслуживает, как мне представляется, чтение, предложенное первоиздателем *de Vo*. Однако предложенное им и принятое Рабиновичем и Гинсбергом чтение первого знака как «вав», так же как чтение «каф» (Бардтке), представляется графически неоправданным. Мне представляется, что здесь весьма определенно выступают контуры знака «ламед» с учетом всего разнообразия написания этого знака (ср. l в слове $\text{šlw} —$ стк. 4 и в слове $\text{yšr}^{\text{c}}\text{l} —$ стк. 7; см. также различные написания знака l в одном и том же слове $\text{glgw}^{\text{c}}\text{l} —$ стк. 2).

Если же третий знак этого слова читать как ʿayin (ср. бесспорное написание знака ʿayin в словах: $\text{lyšw}^{\text{c}} — \text{א}$ — стк. 2; ʿty (стк. 7) א), то не исключена возможность, что это слово следует понимать как $\text{hip}^{\text{c}}\text{il}$ от гебраизованного арамейского глагола ʿšh (арам. ʿāšā ; ср. арабское ʿašā), означающего: сдерживать, оказывать сопротивление, добиваться чего-либо. См. *Sir.*, 4,28 (ed. M. Segal, 1953): $\text{ʿad hamāwet}^{\text{c}} \text{hē}^{\text{c}}\text{ʿāšē}^{\text{c}} \text{ʿal haššedeq}$ (LXX: ἀγωνισαί , *Vulg.* *agonizare*). Это значение по закону *paral. membrorum* подчеркивается второй частью стиха: $\text{wyu n}^{\text{c}}\text{lh}^{\text{c}}\text{m lk!}$ Такое толкование употребленного здесь глагола соответствовало бы нашему пониманию еще одного слова, определяющего весь контекст, а именно последнего слова стк. 6 — kšrwn (см. ниже).

Как было отмечено в предыдущем примечании, *S. Yeivin* (стр. 99—100) читает разбираемое слово как lhpršwyk («to relieve you»), рассматривая форму lhpršwy как гибридную еврейско-арамейскую конструкцию, при которой евр. $\text{hip}^{\text{c}}\text{il}$ выступает в арамейской инфинитивной форме с префиксом цели — l и местоименным суффиксом 2-го лица ед. числа. С удовлетворением отмечая совпадение моего чтения первого знака — как знак l с чтением Ейвина, я не могу в то же время согласиться с его предложением в целом, так как, помимо сомнений, которые оно вызывает со стороны графики (чтение wy ?), с лексико-грамматической точки зрения оно является весьма искусственной конструкцией, невероятной для делового письма. В известной мере это относится ко всем вышеприведенным предложениям. Приходится поэтому констатировать, что загадочное первое слово стк. 6 не получило еще своего вполне удовлетворительного чтения и истолкования.

$\text{L K}^{\text{c}}\text{K}^{\text{c}}\text{N}$ — в значении «относительно этого» и т. п. Это выражение засвидетельствовано в *Esth.* 9, 26. TNY — форма 3-го лица ед. ч. ж. р. служит для передачи безличного оборота.

MWR — Бардтке читает: $\text{m}^{\text{c}}\text{w}^{\text{c}}\text{r}$, однако «вав» читается здесь вне всякого сомнения.

Kšrwn — *de Vo* читает mn BšryN («de bonnes nouvelles») как множ. число м. р., равнозначное множ. числу ж. р. слова Bšbrōt — «новости», «вести». Однако, как указал уже И. Рабинович, и в еврейском и в арамейском языках это слово — ж. р. и в обоих числах не может иметь окончания муж. рода. Рабинович, по его словам, пытался понять это слово как множ. ч. от существ. bāšār — «мясо» (в стк. 3 упо-

минается корова), но согласился с возражением Олбрайта, что мясо не могло входить в повседневный рацион повстанцев. Последнее соображение не представляется мне решающим. Однако несмотря на кажущуюся логичность связи «корова — мясо», при этом чтении все предложение в целом не дает удовлетворительного смысла. В свою очередь Рабинович, вслед за Олбрайтом, понимает это слово как гебраизированную форму от арамейского слова *busrânâ* — *b^esîrûtâ* (= сир. *b^esârâ*), т. е. «презрение», «неуважение»: «of disrespect» (Рабинович, Аллего); «aus mangelnder Achtung» (Бардке). Но в отличие от предложенной Олбрайтом вокализации *b^esârîn*, Рабинович читает *bšrwn*, с вокализацией *bišrôn* или *biššârôn*. С таким чтением и пониманием слова согласился и Бардке. Мне представляется, что это слово можно прочесть и как *kšrwn* (*kišrôn*), т. е. «польза», «корысть» (ср. Koh. 5,10: *wmh kšrwn lb^hlyh*), а отсюда и значение преднамеренности, умысла и т. п. Палеографически возможность такого чтения вытекает из сопоставления первой буквы рассматриваемого слова *kšrwn* с первой буквой шестого слова стк. 1, где чтение знака «бет» безусловно исключается. Семантическое же преимущество чтения *kšrwn* заключается, как кажется, в том, что вместо «презрения» к военачальнику, которое в устах подчиненного гражданского лица придает всему предложению искусственный и напряженный характер, мы читаем слово, упрощающее смысл и придающее больше естественности и вероятности контексту.

С. Yeivin (стр. 100) читает: *bšrwn* (-excusably? — И. А.) и понимает это слово как дериват от араб. *šry* (= «позволить», «извинить») с инструментальным *h*, что, на наш взгляд, также является весьма искусственным образованием, не дающим удовлетворительного смысла.

Строка 7: *L³LTY ŠLK* — здесь сомнение вызывает *šlk* вместо более естественного и обычного *š(y)k*? См. примеч. к след. слову.

šhwn — «буду» герср. «да буду»; де Во понимает это слово как императив с простетическим «алефом», т. е.: «будь» («sois en bonne santé»), что, несомненно, дает лучший смысл по сравнению с буквальным значением: «да буду я здоров». Однако в тексте отчетливое и беспорочное написание первого лица ед. числа имперфекта, и приходится поэтому исходить из этой именно формы. Может быть, здесь следует перевести: «да буду я в мире»? Рабинович пытается объяснить это выражение в связи с нависшей над Бет-Машко опасностью от приближающегося неприятеля (ср. Бардке, ук. соч., стр. 302). Если попытаться переставить обычно принятые знаки препинания, то может получиться лучший смысл. Так, если точку поставить не до слова *šyh*, а после него, то стк. 7 можно было бы прочесть так: *...š^hly. šlk šyh. šlwm šlk; w <š>kl byt yšrl.*, т. е.: «... не прибыл. У тебя (же) буду. Мир (тебе) и всему дому Израйля».

Строки 8—9: Начиная со строки 8-й и по стк. 13-ю следуют собственноручные подписи шести лиц: двух «парнасин», бывшего владельца коровы, двух свидетелей (*šd* — стк. 11—12) и одного заверяющего подписи (*m^hyd* — стк. 13). Весьма характерно, что почерки всех шести подписавшихся резко различаются друг от друга, а также от почерка писца. Об идентичности имен подписавшихся в сткк. 8—9 с именами «парнасин» см. примеч. к стк. 1.

КТВН — местоименный суффикс (*h*) этого глагола может означать и еврейское окончание 3-го лица ед. числа ж. р. и арамейское окончание 3-го лица ед. числа как мужского (*šh*), так и женского (*šh*) рода. Де Во (Rabinowitz, ук. соч. 23), по-видимому, видит в этом *h* — евр. местоименный суффикс 3-го лица ед. числа м. р. (*h* вместо *w*). Этому, как отметил Рабинович, противоречит употребление *w* в качестве суффикса 3-го лица м. р. в слове *šlw* (стк. 4). В свою очередь, Рабинович полагает, что это *h* — суффикс ж. р. («написал ее»), обусловленный невыраженным антецедентом ж. р., которым может быть либо «письмо» (*šiggeret*), либо «удостоверение» (*ššārāh*) — слова ж. р. Гинсберг склоняется в пользу арамейской формы муж. р. по аналогии с формой *šlpršh* (стк. 10). В этом случае единственно возможным переводом этого глагола *ktbh* на русский язык представляется — «написал это». Yeivin (стр. 101) полагает, что это слово может быть прочтено либо как *kitbēh* (*pi'el*) = he dictated it (sc. документ), либо как существительное (? — И. А.) *kattābāh* = the one who dictates.

Стр о к а 10: 'L NPŠH — насколько мне известно, это арамейская формула 'al naḫšeh, прибавленная к подписи прежнего владельца коровы Иакова, сына Йехуды, встречается впервые в этом документе, а также в арамейском контракте из Вади-Мурабба'ат (сткк. 15—16)⁵¹ и издателями текста соответственно переводится: pour lui-même (де Во), for himself (Гинсберг, Аллегро), concerning his essence (Рабинович), für sich selbst (Бардтке).

Стр о к и 12—13: Аллегро (ук. соч., стр. 174) читает в обеих строках «baḡ» вместо принятого всеми «ben». Действительно, во всех тех случаях, где встречается слово bn, —конечный нун, как правило, весьма долог и доходит до следующей строки (ср. сткк. 3, 4, 8, 9, 10, 11), в то время как в стк. 12 знак после бет не выходит из пределов строки и имеет характерный для реш остаток левого свода со следами стертости. Что касается соответствующего слова в стк. 13, то определенное чтение здесь затруднено из-за плохого состояния строки. Если чтение Аллегро справедливо, то мы имеем здесь любопытное явление — смешанное употребление еврейской формы «ben» (7 раз — сткк. 2, 3, 4, 8, 9, 10, 11) и арамейской «baḡ» (2? раза: сткк. 12—13) в одном и том же документе. Имя отца подписавшегося в стк. 13 на фотографии не читается. Общепринятое чтение — YHWSP, однако не исключается возможность, что последние два знака можно прочесть как ...MN. Наличие трех свидетелей находится в соответствии с библейским предписанием, согласно которому для присуждения человека к смерти необходимо свидетельство «двух свидетелей или трех свидетелей» (Dt. XVII, 6).

Интерпретация этого документа, как и письма Бен-Косеба, представляет пока огромные трудности. Эти трудности обусловлены скверным состоянием ключевых мест текста⁵², отсутствием опорных палеографических пунктов, особенно для плохо сохранившихся и спорных мест⁵³, трудностью определения природы и характера документа, что в свою очередь связано с трудностью реконструкции ситуации, вызвавшей его к жизни.

Рабинович (ук. соч., стр. 24), исходя из двойного характера документа: контракта на покупку коровы и послания «парнасин», внутренне меж собой не связанных, восстанавливает следующую ситуацию. Иосиф, сын Аристона, купивший в местности (деревне?) Бет-Машко корову, принадлежавшую Иакову, сыну Йехуды, опасается, что по пути его к себе домой корову могут отнять люди военного лагеря Бен-Галгола. В связи с этим руководители общины Бет-Машко юридически оформляют акт купли-продажи коровы и, пользуясь оказией, сообщают начальнику лагеря факт, относящийся к военной ситуации, и причину невозможности личной явки одного из «парнасин». Если вспомнить, что Рабинович понимает whrṣ как императив, то попутно руководители общины Бет-Машко дают начальнику лагеря категорическое указание рассеять приближающихся врагов.

Бардтке (ук. соч., стбб. 303—304), также исходящий из смешанного характера документа («Mischtypus von Rechtsurkunde und Militärbrief»), вместе с тем справедливо, как кажется, предполагает внутреннюю органическую связь между обеими его

⁵¹ В одном из арамейских папирусов от 446 до н. э., изданных А. Н. S a u s e — А. Е. C o w l e y (Aramaic papyri discovered at Assuan, L., 1906), встречается несколько аналогичное выражение: b'ky nḫšh (папирус E, стк. 17—18). Ср. J. J. R a b i n o w i t z, BASOR, № 145 (febr. 1957), стр. 33—34.

⁵² Ср. C. Z e i t l i n, JQR, XLVI, Oct. 1955, № 2, стр. 117; The text in this deplorable Hebrew really is untranslatable; A l l e g r o (ук. соч., стр. 176) замечает по поводу еврейских рукописей из Вади-Мурабба'ат, что они нуждаются в дешифровке, подобно коду.

⁵³ Даже в тех случаях, когда чтение совершенно бесспорное, одни и те же знаки пишутся по-разному. Так, например, ср. написание знака «бет» в словах: bn (стк. 2) ; bn (стк. 4) 'but (стк. 4), ; qrbum (стк. 5). Ср. также первый знак в шестом слове стк. 1 (kn, или, как некоторые читают, —mn), где, однако, чтение беты абсолютно исключается.

частями. Вслед за О. Н. Lehmann — S. M. Stern Бардтке полагает, что военная администрация повстанческой армии присвоила себе нотариальные функции и строго предписала оформлять у нее все торговые сделки. По мнению Бардтке, в этом документе «смешанного типа» руководители общины объясняют причину невыполнения ими соответствующего предписания военных властей ввиду чрезвычайных обстоятельств⁵⁴.

Разумеется, при изолированном характере документа все эти предположения не могут не иметь сугубо гипотетического характера. Бесспорным можно считать лишь то обстоятельство, что этот папирус не является обычным юридическим документом, оформляющим куплю-продажу, так как в нем отсутствуют такие решающие реквизиты, как дата и стоимость продаваемого имущества. Кроме того, иудейская правовая практика не сохранила нам никаких свидетельств существования смешанного типа документов: договора — послания. Поэтому вероятнее всего предположить, что этот документ, составленный *ad hoc*, для засвидетельствования факта законной принадлежности коровы, состоит из внутренне связанных между собой частей. При этом остается совершенно неясным, в пользу кого свидетельствует документ: в пользу Иосифа, сына Аристана, или Иакова, сына Йехуды. Выше мы отметили, что слова текста (стк. 4): «что она (т. е. корова) его» могут в равной мере относиться к обоим контрагентам. Если справедливо наше предположение о возможности чтения §[1] qh (в значении «отобраз»), то в этом случае Иосифа, сына Аристана, следовало бы считать представителем начальника лагеря, насильственно отобравшим корову у одного из общинников, и тогда документ в целом — мотивированная защита интересов одного из сограждан.

Подобно письму Бен-Косеба, и этот папирус представляет большой интерес как памятник разговорного языка эпохи, от которой до нас совершенно не дошли рукописные памятники. Если письмо Бен-Косеба является исключительным документом, как подлинное, может быть, собственноручное письмо Бар-Кохбы, то значение рассматриваемого папируса заключается в том, что он является пока уникальным рукописным деловым документом на разговорном языке эпохи. Орфография его отличается неустойчивостью, что свидетельствует о переходных формах письма. Так, при написании одного и того же имени употребляется и *scriptio defectiva* — y^cqb (стк. 3) и *scriptio plena* y^cqw^b (сткк. 10 и 13). Если для кумранских текстов (например, для «Устава» и «Пешер Хабаккук»), как правило, характерно сплошное употребление *scriptio plena*⁵⁵, то рассматриваемый папирус свидетельствует о более частом употреблении *scriptio defectiva* (ср. šyd^c вместо šydw^c; ʔty вм. ʔyti; ʔly вм. ʔylwly, ʔlnw вм. ʔlnw), как об определенной тенденции. Для неустойчивости письма характерно также употребление в обоих документах различных *matres lectionis* применительно к одному и тому же имени «Гаагола»: gl[lg]h — в письме Бен-Косеба и glgw^l — в папирусе из Бет-Машко. Последнее написание является, впрочем, одним из арамеизмов, которых немало в нашем документе⁵⁶ (см. prnsyn — стк. 1; ʔby^c, šhy, [z]bnwt — стк. 4; ktbh — сткк. 8—9; ʔ pršh — стк. 10; yhwsp — сткк. 3, 9, 12, 13).

⁵⁴ Y e i v i n (стр. 102—103) предлагает следующую реконструкцию ситуации: Иосиф, сын Аристана (в напечатанном тексте статьи явная незамеченная автором описка: вм. «Иосиф, сын Аристана» напечатано «Иаков, сын Йехуды»), что лишает конструкцию автора всякого смысла) по поручению начальника лагеря покупает для нужд лагеря корову и по приводе ее в лагерь обвиняется одним из земляков Иакова, сына Йехуды, в незаконном ее приобретении. Так как бывший хозяин коровы находился в это время в тюрьме (или на гарнизонной службе) и, согласно принятой в то время правовой процедуре, не мог лично явиться в лагерь для засвидетельствования факта продажи законно принадлежавшей ему коровы, Иосиф, сын Аристана, был вынужден в свое оправдание вернуться в Бет-Машко и заручиться соответствующим удостоверением законности его покупки.

⁵⁵ См. A. M. H a b e r m a n n, *Edah we-eduth. Three scrolls from Judaeen desert*, Jerus., 1952, стр. 7. Таковы же наблюдения проф. И. Н. Винникова.

⁵⁶ Ср. St. S e g e r t, *Aramäische Studien. II. Zur Verbreitung des Aramäischen in Palästina zur Zeit Jesu*, «Archiv Orientalni», т. 25 (1957), 1, стр. 32.

Однако несмотря на эти арамеизмы, свидетельствующие о проникновении в разговорный язык арамейской тенденции, оба документа показывают, что разговорным языком первой половины II в. н. э. оставался еврейский язык. Как справедливо отметил Аллегро (ук. соч., стр. 175), деловые письма и документы обычно пишутся на разговорном языке данной эпохи, а не на чуждом корреспондентам искусственном языке.

В заключение мы можем только присоединиться к выводу Аллегро, что «такого рода документы являются мучительно дразнящим напоминанием о том, как мало мы знаем о языке и письменности этого скудно документированного периода в истории чуждества»⁵⁷. Надо надеяться, что дальнейшая публикация текстов из Вади-Мурабба⁵⁸ ат, столь блестяще начатая R. P. de Vaux и J. T. Milik⁵⁹ ом, прольет новый свет на многие неясные еще сейчас вопросы и обогатит науку новыми важными фактами.

И. Д. Амусин

СИНДИКА, БОСПОР И АФИНЫ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ V в. до н. э.

История синдского государства еще мало нам известна из-за скудости источников. Одним из наиболее интересных материалов для этой истории являются монеты Синдики, исследованием которых занимался целый ряд ученых¹. По мнению большинства исследователей, время выпуска этих монет падает на последнюю четверть V в. до н. э. Рассмотрение типов этих монет позволяет сделать ряд интересных выводов.

В число типов синдских монет входит тип с изображением совы, очень близкий к типу афинских монет начала Пелопоннесской войны². А. А. Сибирский высказал в связи с этим сходством предположение, что чеканка этого типа монет связана с активной политикой Афин на Боспоре, увенчавшейся основанием или скорее переименованием какого-то города Синдики в Стратоклею (по имени афинского архонта-эпонима 425—424 года Стратокла)³. В одной из последних работ о синдских монетах Д. Б. Шелов, подробно останавливаясь на сходстве одного из типов синдских монет (голова Геракла) с типами одновременных гераклеийских монет, устанавливает связь синдской чеканки также и с гераклеийской чеканкой⁴. Это сходство типов синдских монет с типами монет Афин и Гераклеи, по мнению Д. Б. Шелова, «говорит о наличии самостоятельной политики синдов, независимой от Спартокидов» (там же, стр. 116—117). В. П. Ши

⁵⁷ J. Allegro, ук. соч., стр. 176: «Such documents are a tantalizing reminder of how little we know about the language and writing of this sparsely documented period of Judaism».

¹ А. А. Сибирский, Боспорский город Стратоклея и новая монета синдов, Тр. III Археол. съезда, т. I, стр. 122 сл.; А. В. Орешников, Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам, Тр. VI Археол. съезда, т. II, стр. 80 сл.; он же, Монеты Синдики и Горгипии, ИРАИМК, II, стр. 121 сл.; он же, Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья, М., 1914, стр. 51; С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, стр. 123, 171; А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, 1951, стр. 168—171; Ю. С. Крушкoл, Золотая монета Синдики, ВДИ, 1946, № 4, стр. 164—165; Д. Б. Шелов, Монеты синдов, КСИИМК, XXX, 1949, стр. 111 сл.; В. П. Шелов, Синдские монеты, СА, XV, 1951, стр. 204; E. H. Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, стр. 632.

² Зограф, ук. соч., стр. 169.

³ Сибирский, ук. соч., стр. 123.

⁴ Шелов, Монеты синдов, стр. 112.

лов подвергает все эти выводы резкой критике, отрицая заимствование синдами афинских и гераклейских типов⁵. Помимо чисто нумизматических доводов, его возражения сводятся к следующему: 1) Афины не могли вести активную политику на Боспоре, так как в 425 г. были уже втянуты в Пелопоннесскую войну и должны были отражать вторжение спартанцев. 2) Синды, давшие Боспору династию Спартокидов, не могли заимствовать типов Гераклея, злейшего врага Спартокидов.

Справедливы ли эти возражения? Первое из них, конечно, нельзя признать существовавшим. 425—424 год до н. э. как раз год наивысших успехов Афин (достаточно назвать одну победу на Сфактерии), год, когда Спарта оказалась вынужденной приступить к мирным переговорам, которые были сорваны только из-за непомерных требований афинян. С точки зрения афинян, «заключение мира для них уже было обеспечено» (Thuc., IV, 21). Поэтому для вмешательства Афин в боспорские дела данный момент был вполне подходящим. Второе возражение, конечно, более существенно, поскольку в подкрепление его можно привести рассказ Полиена о синдском царе Гекатее, верном союзнике Сатира⁶. Но действительно ли невозможно было появление изображений, характерных для типов монет Афин и Гераклея, на синдских монетах? Для того чтобы разобраться в этом, необходимо представить себе всю политическую обстановку, сложившуюся на Боспоре в это время, а она отличалась большой сложностью.

Здесь в первую очередь необходимо выяснить роль, которую играли Афины на Боспоре в последней трети V в. до н. э. До последнего времени мнение, что Спартокиды находились в неизменно дружественных отношениях с Афинами, было господствующим⁷. Для времени Левкона I и позже это безусловно верно и подтверждается целым рядом свидетельств и документов. Но применение этого положения к более раннему времени, ко времени Спартока I и Сатира, подверглось критике со стороны ряда ученых⁸. Рассмотрим вкратце доводы тех и других.

В защиту первой теории свидетельствуют литературные источники: «Банкирская речь» Исократы, речь Лисия за Мантифея, упоминание Ксенофонта о византийских сторонниках Афин, бежавших от спартанцев на Боспор⁹. Все эти свидетельства представляют нам Сатира дружественно настроенным по отношению к Афинам. В защиту второго положения говорят известия древних об измене Гилона, сдавшего афинское владение на Боспоре — Нимфей — Сатиру и вынужденного после этого эмигрировать на Боспор¹⁰, а также ряд косвенных данных, свидетельствующих о враждебном отношении Афин к боспорской династии¹¹. В пользу этого же положения могут быть приведены документальные свидетельства афинской экспансии на Боспоре во второй половине V в. — списки афинского фороса. В списке за 425/424 г., кроме Нимфея, значатся, по-видимому, также Гермонасса, Патрей, Киммерий и другие города Северного Причерноморья¹².

⁵ Ш и л о в, Синдские монеты, стр. 204 сл.

⁶ P o l y a e n., Strateg., VIII, 55.

⁷ В. В. Л а т ы ш е в, История Боспорского царства, *Почтхд.* 1909, стр. 73; С. А. Ж е б е л е в, Афины, Нимфей и измена Гилона (сб. «Северное Причерноморье», М., 1953, стр. 189); он же Основные линии экономического развития Боспорского государства, там же, стр. 128—129; В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, М., 1949, стр. 66, 496, прим. 27.

⁸ В. Д. Б л а в а т с к и й, Киммерийский вопрос и Пантикапей, «Вестник МГУ», 1948, № 8, стр. 17; Д. П. К а л л и с т о в, Измена Гилона, ВДИ, 1950, № 1, стр. 27; М. И. А р т а м о н о в, К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов, ВДИ, 1949, № 1, стр. 29.

⁹ I s o c r., Trapez.; L y s., XVI, 4; X e n o p h., Hell., II, 2, 1.

¹⁰ A e s c h., In Ctes., 171.

¹¹ Эти свидетельства собраны В. Д. Б л а в а т с к и м в его работе «Архаический Боспор», МИА, № 33, 1954, стр. 43, прим. 4.

¹² Б. Н. Г р а к о в, Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии, ВДИ, 1939, № 3, стр. 238.

Вообще все, что мы знаем о политике Афин в Северном Причерноморье во второй половине V в., указывает на стремление Афин установить здесь свою гегемонию. Спартокиды же со своей стороны стремились к установлению мощного централизованного государства на базе объединения греческих колоний и местных племен. Естественно, что интересы этих государств не могли не столкнуться. Все это дало основание полагать, что отношения Спартокидов и Афин в V в. были враждебными. С другой стороны, доводы в пользу противоположного мнения на первый взгляд также представляются весьма вескими, так как свидетельствуют о дружественных отношениях Афин с Сатиrom. Однако противоречия между этими свидетельствами источников только кажущиеся.

Действительно, в речи Исократa, произнесенной в 392—391 г., описываются события, очень близкие во времени. Речь Мантифея, указывающего, что во время событий 405—403 гг. он проживал у Сатира на Боспоре, была произнесена 15 лет спустя, когда поездка к Сатиру в глазах афинян уже могла из подозрительного обстоятельства превратиться в прочное алиби. Прибавив к этим свидетельствам указание Ксенофонта, что византийцы, сдавшие свой город афинянам, после захвата Византия Спартой в 405 г., бежали на Понт (то есть в Боспор), мы получим 405 г., как самую раннюю дату, когда можно говорить о дружественных отношениях между Афинами и Сатиrom. Известно также, что нет никаких свидетельств, которые бы утверждали обратное положение для времени после 405 г. Таким образом, мы видим, что противоречие между источниками только кажущееся. Выяснив это обстоятельство, вернемся на 20—30 лет назад от этой даты и посмотрим на состояние Боспора в это время.

На рубеже третьей и четвертой четвертей V в. только что установившаяся власть Спартокидов, конечно, не отличалась такой прочностью, как в IV в. Прежде всего Спартокидам приходилось бороться со значительной внутренней оппозицией—сторонниками свергнутых Археанактидов. Одни из Археанактидов бежали в Феодосию¹³, другие, видимо, как показали дальнейшие события, оставались на Боспоре. Действительно, обращает на себя внимание тот факт, что все города Боспора, кроме Нимфея, перечисленные в списке форося за 425—424 г., находятся на азиатском берегу. А как доказал В. Д. Блаватский в своей работе «Архаический Боспор», главной опорой Археанактидов являлся как раз Азиатский Боспор, и Гермонасса была, по-видимому, их столицей¹⁴. Естественно, что именно эти города из оппозиции к Спартокидам скорее всего должны были перейти на сторону Афин. Положение осложнялось тем, что приход Спартокидов к власти знаменовал собой переход к новой политике — политике тесного сотрудничества и слияния с местными племенами (разумеется, в первую очередь речь идет о племенной знати). Сами Спартокиды, возможно, вышли из рядов синд-меотской знати¹⁵ и их курс на тесный союз с верхушкой туземной знати (особенно синдской) совершенно очевиден¹⁶. Такой поворот едва ли мог быть принят в греческих городах всеми безоговорочно. До образования державы Александра Македонского и начала эпохи эллинизма оставалось еще более 100 лет, и у государства нового типа, конечно, не было недостатка в противниках. Сторонники чисто «полисной» политики, объединившись со сторонниками свергнутой династии, могли составить значительную силу.

Помимо борьбы с внутренней оппозицией, Сатиру приходилось еще бороться с Феодосией, своей торговой соперницей, укрывавшей и поддерживавшей боспорских эмигрантов, и с ее союзницей Гераклеей¹⁷.

¹³ А н о н., *Peripl. Pont Eux.*, 77.

¹⁴ МИА, № 33, 1954, стр. 38.

¹⁵ Блаватский, Киммерийский вопрос и Пантикапей, стр. 17; М. И. Артамонов, *ук. соч.*, стр. 29 сл.

¹⁶ Достаточно вспомнить Гекатея Сопея, который, по мнению С. А. Жебелева, также был синдом (см. «Образование Боспорского государства», сб. «Северное Причерноморье», стр. 174).

¹⁷ Д. Б. Шелов, Феодосия, Гераклея и Спартокиды, ВДИ, 1950, № 3, стр. 168.

Наконец, в самой Синдикке положение едва ли было таким простым, как кажется на первый взгляд. Синдикка, как показали раскопки, проведенные в последние годы В. Д. Блаватским и Н. В. Авфимовым¹⁸, была страной с высоким уровнем культуры и в очень большой мере эллинизированной. Существование там государства, и притом довольно развитого, не может уже вызывать никакого сомнения. В Синдикке, как и во всяком государстве, внутри правящей верхушки могли иметься различные политические группировки. Так, среди синдской знати едва ли было полное единодушие в вопросе о слиянии Синдикки с Боспором (даже полвека спустя Синдикка оставалась самостоятельной). Наряду с преданными сторонниками Спартокидов, такими, как царь Гекатей, несомненно, имелись сторонники проведения синдским государством самостоятельной, независимой от Боспора политики. В пользу этого говорит знаменательное свидетельство Поиена, что синдский царь Гекатей был лишен престола, но вновь восстановлен Сатиром¹⁹. Кто и когда лишил его престола, на этот вопрос как раз отвечают синдские монеты с эмблемами врагов Боспора. Время чеканки этих немногочисленных монет — последняя четверть V в. — совпадает со временем афинского влияния на Боспоре, в IV же век, период упадка Афин, эти монеты не заходят²⁰. В свете всего вышесказанного ясно, что монеты были выпущены после свержения Гекатея новым правительством, резко враждебным Спартокидам. Афинская дипломатия, безусловно, мастерски использовала создавшуюся ситуацию и объединила все разрозненные и оппозиционные Спартокидам силы²¹. На синдских монетах мы видим эмблемы Гераклеи²², Афин, самой Синдикки (лошадь?) и, по-видимому, Фанагории (грифон²³), возможно, представлявшей в данном случае города Азиатского Боспора. Таким образом, здесь представлены все члены антиспартокидской коалиции, духовным организатором и вдохновителем которой, конечно, были Афины.

К сожалению, Фукидид, наш главный источник по истории Греции этого времени, ничего не сообщает о боспорских событиях. Но является ли это молчание доказательством того, что там действительно не происходило никаких важных событий, связанных с Афинами? Как сообщает Фукидид, летом 424 года (то есть в последние месяцы «года Стратокла»), афинский полководец Ламах с 10 кораблями отправился в Понт, но, потеряв в Гераклеийской области свои суда из-за сильных дождей, вынужден был вернуться по суше (Thuc., IV, 75). Сообщение Диодора (Diod., XII, 72,4) об этой экспедиции почти ничем не отличается от сообщения Фукидида. Гораздо более пространный рассказ Юстина: «Когда афиняне распределили между государствами Греции

¹⁸ В. Д. Блаватский, Первый год работы Синдской экспедиции, КСИИМК, 48, стр. 71; он же, Второй год работ Синдской экспедиции, КСИИМК, 51, 1953, стр. 149; он же, Третий год работ в Синдикке, КСИИМК, 58, 1955, стр. 88; Н. В. Авфимов, Новые данные к истории Азиатского Боспора, СА, VII, 1941, стр. 258; он же, Раскопки Семибратнего городища, КСИИМК, 37, 1951, стр. 238; он же, Исследования Семибратнего городища, КСИИМК, 51, стр. 99.

¹⁹ P o l y a e n., Strateg., VIII, 55.

²⁰ Шелов, Монеты синдов, КСИИМК, 1949, стр. 117, замечает, что прекращение синдской чеканки в самом конце V в. вызывает недоумение, поскольку присоединение Синдикки к Боспору произошло лишь при Левконе I (389—349). Это недоумение легко разрешается, если принять, что ни Гекатей, ни его преемник монеты не чеканили.

²¹ Гибкость афинской дипломатии и готовность в случае надобности вступить в союз с «варварами» против эллинов мы видим на примере Сицилийской экспедиции, когда Афинам удалось привлечь на свою сторону большую часть сикулов (Thuc., VI, 88, 4).

²² Характерно, что монеты Фанагории и Феодосии, выпущенные несколько позже, также носят гераклеийские типы (Шелов, Монеты синдов, стр. 118); он же Феодосия, Гераклея и Спартокиды, стр. 176.

²³ З о г р а ф., ук. соч., стр. 169.

и Азии взносы на содержание флота,... только гераклейцы, дружившие с персидским царем, отказались от взносов. Тогда афиняне послали Ламаха с войском, чтобы вынудить силой то, в чем было отказано. Пока он, оставив у берега суда, опустошал поля гераклейцев, он потерял с большей частью войска свой флот... вследствие внезапной бури. Лишившись судов, он не мог вернуться обратно морем и не отважился также с небольшим (оставшимся у него) отрядом следовать через земли стольких диких народов²⁴. Однако гераклейцы, полагая более достойным в данном случае оказать поддержку, чем мстить, отослали афинян, дав им съестные припасы и вспомогательный отряд. Они полагали при этом, что хорошо вознаградят себя за опустошение полей, если врагов превратят в друзей»²⁵.

А. А. Тюменев, рассматривая этот рассказ в связи с вопросом об основании Херсонеса, приходит к выводу, что такое странное поведение гераклейцев могло быть вызвано лишь демократическим переворотом в Гераклее²⁶. Ламах, как известно, являлся одним из наиболее выдающихся афинских стратегов этого времени²⁷, неоднократно занимавшим в течение Пелопоннесской войны важнейшие военные и дипломатические посты²⁸. В биографии Ламаха для нас особенно важно то обстоятельство, что он являлся активным участником еще Понтийской экспедиции Перикла (440-е гг.)²⁹. О стратегии Ламаха в 425—424 гг. из письменных источников, к сожалению, больше ничего не известно. Однако, исходя из того, что мы уже знаем о положении на Боспоре в это время, можно с уверенностью предположить, что дипломатические и военные успехи Ламаха на Понте не ограничились инспирацией демократического переворота в Гераклее. Поручение понтийских дел именно Ламаху, безусловно, прекрасно знавшему местную обстановку, представляется вполне естественным. Поэтому, как нам кажется, такие события в Синдике, как свержение Гекатея, выпуск синдской монеты и появление в Синдике города Стратоклея, а также образование союза антиспартокидских сил Боспора с Афинами и Гераклеей³⁰, явились как раз результатом военной и дипломатической деятельности Ламаха на посту стратега в «год Стратокла».

Коалиция эта, конечно, не могла просуществовать сколько-нибудь долго. Боспорские сепаратисты едва ли доверяли синдским, гераклеоты тяготились гнетом Афин и при первом удобном случае подняли против них восстание³¹. Все это значительно облегчало победу Сатира. Только значительный авторитет Афин мог удержать вместе всех союзников. Как только этот авторитет пошатнулся, союз неминуемо должен был распасться. Первой от союза должна была отпасть Синдика, в которой антиспартокидские настроения не могли быть сколько-нибудь прочными. Действительно, синдские монеты очень немногочисленны. Сатиру удалось вернуть Гекатея на царство едва ли через много лет после сицилийской катастрофы, когда Афины уже не могли оказывать эффективную поддержку своим сторонникам на Боспоре. По-видимому, еще до сражения при Эгоспотамах Сатиру удалось разгромить и внутреннюю оппозицию и укрепить настолько, что Афинам пришлось отказаться от враждебной политики по отношению

²⁴ 10 000 греков, возвращавшихся из Персии под командованием Ксенофонта, 20 лет спустя едва не погибли в этом же районе (X e n o p h., Anab., VI, 3).

²⁵ I u s t i n., XVI, 3. Вхождение Гераклея в Афинский морской союз в 425—424 г. подтверждается и эпиграфическими данными (В. M e r r i t, W a d e-G e r y, M e G r e g o r, The Athenian Tribute Lists, I, Camb., 1939, стр. 279).

²⁶ А. А. Т ю м е н е в, Херсонесские этюды, ВДИ, 1938, № 2, стр. 257.

²⁷ P l u t., Nic., 15; Alc., 18, 21; A r i s t o p h., Ran., 1039; Thesm., 841.

²⁸ A r i s t o p h., Acharn, 595 сл.; T h u c., VI, 8,2.

²⁹ P l u t., Pericl., 20.

³⁰ Гераклея, и впоследствии неоднократно вмешивавшаяся в боспорские дела, несомненно, имела собственные интересы на Боспоре (Ш е л о в, Феодосия, Гераклея и Спартокиды, стр. 171 сл.).

³¹ Б л а в а т с к и й, Архаический Боспор, стр. 40.

к нему и купить примирение ценой уступки Нимфея³². Примирение с Сатиром было необходимо для Афин, поскольку после Сицилийской катастрофы Афины особенно остро стали нуждаться в боспорском хлебе³³. Непосредственному участнику этого соглашения — Гилону, как известно, пришлось заплатить за уступку Нимфея. Доводы в пользу того, что Гилон не был приговорен к смерти за государственную измену³⁴, убедительны, однако дело Гилона следует скорее сравнивать не с процессом о государственной измене, а с делом афинских стратегов, заключивших мир в Сицилии в 424 г., двое из которых были изгнаны, а на третьего наложен штраф. (Действительно, сам Демосфен признавал, что его дед Гилон был должником государства). Из всех союзников наиболее упорную борьбу продолжала Феодосия, которая была завоевана Левконом лишь в 80-х гг. IV в.³⁵ После присоединения Феодосии и вскоре вслед за ней Синдики и ряда других местностей государство Спартокидов из небольшого объединения греческих городов превращается в мощную черноморскую державу, объединяющую греческое население с местными племенами, и вступает в стадию своего наивысшего расцвета.

Э. Берзин

ТОРГОВЫЕ ПОШЛИНЫ И ПРАВО БЕСПОШЛИНОСТИ НА БОСПОРЕ (IV век до н. э.)

Торговым сношениям Боспора с различными центрами античного мира в литературе уделено заслуженно большое внимание. Если до недавнего времени в центре внимания исследователей по вполне понятным причинам — сравнительному обилию материала письменных источников — стояла боспорско-афинская торговля, то за последние годы благодаря успешным археологическим исследованиям большое внимание стало уделяться и торговле Боспора с различными другими центрами, в частности с городами южного Причерноморья.

Но если многое достигнуто в изучении развития торговых сношений Боспорского государства, то очень мало до сих пор сделано в исследовании организации торговли на Боспоре. До сих пор нет работы, в которой вопросы организации торговли на Боспоре были бы подвергнуты специальному рассмотрению¹.

³² Мир был заключен не позже весны 405 г., так как Мантифей уехал на Боспор еще до Эгоспотамского сражения, и не раньше 410 г., поскольку к этому времени относятся декреты IX книги Кратера, из которых Гарпократион почерпнул сведения об уплате Нимфеем дани афинянам (Merritt, Wade-Gery, Mc Gregor, ук. соч., стр. 203).

³³ Начиная с 411 г. и до конца войны черноморские проливы, дорога на Боспор, становятся с небольшими перерывами основным театром военных действий. «Агис, видя из Декелии, что в Пирей прибывает много кораблей с хлебом, объявил, что нет никакой пользы в том, что его войско столько времени подряд не дает афинянам собирать урожай, если только не удастся завладеть и тем пунктом, через который к ним приходит хлеб по морю» (Xenoph., Hell., I, 1, 35). Только прочно захватив проливы, спартанцы могли взять Афины измором. Именно здесь и произошло сражение при Эгоспотамах, решившее исход войны, между Лисандром, направившимся к Геллеспонту «для надзора за подплывающими грузовыми судами» (Xenoph., Hell., II, 1, 17), и преследовавшими его афинянами.

³⁴ С. А. Жебелев, Боспорские этюды, Сб. «Северное Причерноморье», 1953, стр. 187 сл.

³⁵ Шелов, Феодосия, Гераклея и Спартокиды, стр. 171.

¹ Некоторые вопросы, связанные с организацией торговли на Боспоре, были рассмотрены С. А. Жебелевым в статье «Основные линии экономического развития Боспорского государства» (ИОН, 1934, № 8, стр. 589 слл. и № 9, стр. 661 слл. = СП, стр. 116 слл.)

К сожалению, состояние источников таково, что составить ясное и полное представление об организации торговли в Боспорском государстве можно только относительно некоторых периодов его истории, в частности о времени расцвета Боспора в IV в. до н. э. Более обильные для этого времени источники (главным образом афинские) позволяют выяснить некоторые черты, которыми отличалась организация торговли при Спартокидах. В этой статье делается попытка по-новому осмыслить материалы по некоторым вопросам организации торговли на Боспоре периода первых Спартокидов, главным образом на основании данных о боспорско-афинской торговле. При этом автор, разумеется, далек от мысли, что ему удалось окончательно решить поставленные вопросы. Сама же их постановка представляется своевременной и необходимой.

Прежде всего остановимся на вопросе о торговых пошлинах и праве беспошлинности (ателии) на Боспоре. При той первостепенной роли, которую играла торговля в экономике Боспорского государства, вполне естественно большое значение торговых пошлин в качестве одной из важнейших статей дохода Спартокидов.

Обычной пошлиной, взимавшейся Спартокидами при вывозе хлеба из их владений, была, как известно, так называемая «тридцатая» (τριακοστή). Она, как сообщает Демосфен (XX, 31), взималась с вывозящих хлеб из владений Левкона I (τοὺς παρ' αὐτοῦ σῆτον ἐξάγοντας)². Однако не эта пошлина, как нам представляется, была наиболее важной в системе таможенных сборов Боспорского государства. Хорошо известно, что со стоимости основной массы вывозимого хлеба, а именно хлеба, вывозившегося в Афины, «тридцатая» не взималась. В других случаях с целью поощрения крупных покупателей Спартокиды шли на прогрессивное снижение этой пошлины — размер ее стоял в обратно пропорциональной зависимости от суммы стоимости вывозимого хлеба.

Так, известно, что Левкон I снизил вывозную пошлину («тридцатую») вывозящим хлеб в Митилену на Лесбосе (или жителям Митилены), наполовину заменив ее «шестидесятой» (ἑξήκοστή), с суммы же, превышавшей десять талантов, взималась еще более пониженная пошлина — «двухсотая» (ἐννεηκοστή)³. Трудно сказать, преследовало ли установление Левконом I льготного таможенного тарифа митиленянам лишь цель поощрения крупного, а следовательно, и выгодного покупателя, или же оно преследовало и политические цели или было следствием тесных взаимоотношений Боспорского государства с Митиленой⁴.

Итак, подавляющая масса вывозившегося из Боспорского государства хлеба либо вовсе не облагалась вывозной пошлиной, либо ее размер был сильно сокращен. Было бы в высшей степени странным, если бы Спартокиды лишали себя основной массы таможенных доходов⁵. Учитывая размеры и значение торговли

² К. М. Колубова в статье «Политическое положение городов в Боспорском государстве» (ВДИ, 1953, № 4, стр. 57, прим. 6) указывает на то, что при глаголах со значением «давать», «предоставлять что-либо», т. е. при глаголах типа ἐξίγειν, παρ' αὐτοῦ значит «от себя», «из своих личных средств».

³ IG, XII, 2,3 = SIG³, 212. Подробный комментарий к надписи см. Жебелев, ук. соч., стр. 604, прим. 1 = СП, стр. 133, прим. 2.

⁴ Напомним в этой связи, что, согласно сообщению Фукидиды (III, 2,2), митиленяне, готовясь к отпадению от Афин в 428 г. до н. э., ожидали лучников и припасов из Понта. Не следует ли здесь под Понтом понимать Боспор и не указывает ли это на какие-то политические связи Митилены со Спартокидами? Нам кажется, что такое предположение является весьма реальным.

⁵ Жебелев (ук. соч. стр. 606 = СП, стр. 136) полагал, что для Спартокидов не имело смысла брать пошлину с хлеба, вывозившегося в Афины, так как хлеб этот принадлежал им самим, а пошлины от него также поступали бы в их распоряжение. Этот взгляд представляется нам ошибочным. Именно потому, что Спартокиды являлись собственниками подавляющей массы покупаемого афинянами на Боспоре хлеба, они и теряли ту сумму, которая поступала бы к ним в виде пошлины сверх того, что они получали в качестве продавцов. Надо полагать, что пошлина увеличивалась не про-

на Боспоре, они должны были быть весьма существенной статьёй царских доходов⁶.

Как нам представляется, вывозная пошлина — «тридцатая» — не играла определяющей роли в системе торговых пошлин Боспора. Эту роль играла другая пошлина, на существование и значение которой на Боспоре до сих пор не обращено должного внимания.

Из приписываемой Демосфену речи против Формиона (XXXIV, 34) явствует, что на Боспоре существовал институт эллименистов (ἐλλιμενισταί) — сборщиков портовой пошлины (или пошлин в портах). Истец, изболочив ответчика во лжи, говорит в речи: «После того, как ему предстояло быть изболоченным в том, что он лжет, со стороны многих из таможенного списка у эллименистов на Боспоре и со стороны про-

давцом, а покупателем. Недаром Демосфен (XX, 31) подчеркивает, что из 400 000 медимнов хлеба, поступавших ежегодно в Афины от Левкона I, царь как бы дарил афинянам 13 300 медимнов, т. е. одну тридцатую часть.

⁶ В этой связи уместным будет коснуться попытки В. Д. Блаватского вычислить размеры государственного бюджета Боспора периода Спартокидов (см. В. Д. Блаватский, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953, Приложение № 1—«О бюджете Боспорского государства», стр. 201—204). Вычисления В. Д. Блаватского нельзя признать убедительными. Прежде всего подобного рода попытки вычисления размеров боспорского государственного бюджета обречены на неудачу из-за скудости и фрагментарности источников. Автор может воспользоваться лишь разрозненными и случайными свидетельствами, которые далеко не всегда дают возможность составить представление о действительном положении вещей. Уже по одному тому, что исходные цифры, привлекаемые В. Д. Блаватским, являются случайными и поэтому неубедительными, нельзя признать убедительными и те выводы, к которым он приходит. Так, например, справедливо полагая, что основной статьёй дохода Спартокидов был доход от хлебной торговли, В. Д. Блаватский считает, что вывоз хлеба ежегодно составлял 400 тысяч медимнов. Однако совершенно очевидно, что эта цифра отражает лишь часть и, может быть, даже меньшую часть вывозившегося из Боспора хлеба. Демосфен (XX, 31) называет цифру 400 тысяч медимнов, говоря о привозе в Афины беспшольного хлеба от Левкона I. Далее он говорит, что после переоборудования феодосийского порта, что имело место вслед за присоединением Феодосии к Боспорскому государству, Левкон распространил ателию для афинян и на этот порт. Это сообщение дало основание ряду исследователей справедливо предположить, что 400 тысяч медимнов — это лишь часть боспорского экспорта в Афины, а именно та часть, которая шла через пантикапейский порт. После же ввода в действие переоборудованного феодосийского порта боспорский экспорт в Афины приблизительно удвоился и, возможно, достигал 800 тысяч и даже больше медимнов в год (ср. В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 499, прим. 7). Далее, В. Д. Блаватский совершенно игнорирует боспорский хлебный экспорт в другие центры, помимо Афин, который, надо полагать, также был весьма значительным (вспомним хотя бы упоминавшиеся выше льготы, предоставленные Левконом митиленянам, которые, следует думать, не были единственными, кроме Афин, крупными контрагентами Спартокидов в хлебной торговле) и часть которого, безусловно, также принадлежала Спартокидам. Поэтому цифру доходов от хлебной торговли, которую В. Д. Блаватский принимает за 260—270 талантов в год, следует признать маловероятной, сильно заниженной. То же самое нужно сказать и относительно вычисления В. Д. Блаватским суммы доходов от торговых пошлин. Их сумму не представляется возможным определить хотя бы приблизительно, но, по всей вероятности, она была весьма значительной. Известно, что по словам Демосфена (XXIII, 110), Керсobleпт извлекал из торговых гаваней (ἐκ τῶν ἐμπορίων) более 300 талантов дохода. Исходя из всего сказанного, общую сумму доходов Спартокидов, которую В. Д. Блаватский принимает за 300—350 талантов, нельзя признать сколько-нибудь убедительной.

живавших в то время в эмпории, он сталкивался...» и т. д. ⁷ Из приведенного отрывка следует, что: 1) на Боспоре (т. е. в Пантикапее) существовал институт эллименистов и 2) они вели в особых таможенных списках (ἀπογραφαί) учет товаров, вывозившихся через пантикапейский порт ⁸.

Возникает вопрос, сборщиками какой или каких пошлин были эллименисты на Боспоре? В словаре Поллукса (VIII, 132) им дается весьма общее определение: эллименисты — сборщики пошлин в гаванях ⁹. Однако некоторые соображения позволяют, как нам кажется, конкретизировать их обязанности на Боспоре. Если в обязанности эллименистов на Боспоре и входил сбор экспортно-импортных пошлин (τριακοστή и соответственно ἑξακοστή, ἐνενηκοστή, то их функции этим не ограничивались. Как уже отмечалось выше, эллименисты вели в таможенных списках (ἀπογραφαί) учет товаров, вывозившихся из Боспора (Пантикапея). При этом в списки вносились, по-видимому, все товары, проходившие через порт, в том числе и товары, не облагавшиеся обычными вывозными пошлинами. На это указывает тот факт, что из таможенных списков можно было получить сведения и о количестве хлеба, вывозившегося в Афины, хлеба, который не облагается вывозной пошлиной. Нет сомнения в том, что этот учет велся не в статистических, но в фискальных целях.

Если с этим согласиться, то следует согласиться и с тем, что купцы, везшие хлеб в Афины и пользовавшиеся ателией, также были обязаны уплачивать таможенным властям в Пантикапее какие-то пошлины. Но какие? Наиболее вероятно, что эллименисты на Боспоре вели сбор так называемого ἐλλιμένιον[τέλος]. Ἐλλιμένιον — портовый сбор, по всей вероятности, был пошлиной, взимавшейся со всех судов за право стоянки в порту и пользование портовыми сооружениями ¹⁰. Величина его, по-видимому, зависела от количества и качества вывозимых или ввозимых товаров. В пользу этого свидетельствует самый факт ведения эллименистами таможенных списков, в которые заносилось наименование товаров и их количество ¹¹.

Нам ничего не известно о величине портового сбора на Боспоре. Не знаем мы также того, взимался ли он во всех боспорских портах или же только в одном Пантикапее (первое кажется более вероятным). Во всяком случае имеются все основания полагать, что на Боспоре в IV веке до н. э., помимо вывозной пошлины, существовала также торговая, которая была пошлиной за право стоянки в порту и пользование его сооружениями.

Те сведения, которые позволяют судить о существовании на Боспоре портового сбора, дают возможность внести и некоторые уточнения в понимание ателии, предоставлявшейся Спартокидами купцам, везшим хлеб в Афины. Очевидно, ателия не освобождала от уплаты всех пошлин, а лишь от уплаты экспортно-импортных пошлин, может быть, также и от уплаты налога на заключение торговой сделки и т. п. Во всяком случае, купцы, везшие хлеб в Афины, пользуясь ателией, не были свободны от уплаты портового сбора ¹². При относительно больших торговых оборотах боспорских портов,

⁷ ἔπειδὴ δὲ τοῦτο ἐκ πολλῶν ἑμελλεν ἐλεγχθῆσθαι ψευδόμενος, ἐκ τε τῆς ἀπογραφῆς τῆς ἐν Βοσπόρῳ παρὰ τοῖς ἐλλιμενισταῖς καὶ ὑπὸ τῶν ἐν τῷ ἐμπορίῳ ἐπιδημούντων κατὰ τὸν αὐτὸν χρόνον...

⁸ Эллименисты заносили в таможенные списки количество и качество товаров. Ср. A e n. T a c t., 29,5: Ὡς ἱματίων ἐνότων καὶ ἄλλων ἀγωγίμων, ἅπερ οἱ ἐλλιμενισταὶ ἀνοίξαντες...

⁹ ἐλλιμενισταὶ — οἱ ἐν τοῖς λιμέσι τελῶναι.

¹⁰ Об ἐλλιμένιον см. B o e r n e r, s. v., RE, V, стб. 2437.

¹¹ Ср U. W i l c k e n, Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien, Lpz.—B., 1899, I, стр. 273, где говорится о портовом сборе ἐνὸρμιον в Египте римского времени. Вилькен указывает, что эту пошлину, так же как и эллименион, следует отличать от экспортно-импортных пошлин. Ср. также A. B o e c k h, Die Staatshaushaltung der Athener, 1³, стр. 388 сл.

¹² Освобождение от портового сбора, вывозных и других пошлин регулировалось путем индивидуальных декретов (см. D a r e m b e r g e t S a g l i o, s. v. Ateleia). Не

прежде всего пантикашейского и феодосийского, в IV в. до н. э. следует полагать, что портовый сбор был важной статьёй дохода Спартокидов¹³.

Обычно принято считать, что ателиа афинян на Боспоре касалась освобождения от пошлин на все товары, вывозившиеся в Афины на территории всего Боспорского государства. При этом предполагается, что ателиа была взаимной для афинян на Боспоре и боспорцев в Афинах¹⁴. Нам представляется, что подобное понимание ателиа афинян в Боспорском государстве грешит рядом неточностей.

Следует полагать, что афиняне пользовались правом беспошлинного вывоза хлеба (а не всех товаров) только из царской гавани—Пантикапея. После завоевания Левконом I Феодосии и переоборудования им феодосийского порта это право было распространено и на Феодосию (Dem., XX, 33). Высказанная точка зрения, как нам кажется, находит подтверждение в том, что боспорский архонт — царь, в данном случае Левкон I, распространяя право беспошлинности на новый порт, делает об этом специальное объявление. Демосфен указывает, что Левкон после завершения оборудования порта в Феодосии *κἀνταυτῷ ἔδωκε τῆν ἀτέλειαν ἡμῖν*. Отсюда можно заключить, что ателиа афинян не распространялась на пределы всего Боспорского государства, так как в этом случае не требовалось бы предоставления ателиа в отдельном пункте, она бы автоматически распространялась на каждый пункт государства. В тех случаях, когда ателиа предоставлялась на территории всего Боспорского государства и притом на все товары, а не только на хлеб, это вполне определенно оговаривалось в каждом отдельном случае в специальном царском декрете. До нас дошли проксенические декреты Перисада I в честь жителя афинской колонии Пирея (Амиса) и каких-то халкедонян (PE, II, 1 и 2). В первом из них указывается, что Перисад и его сыновья дали проксению и ателию всех товаров во всем Боспоре некоему пирейцу, его сыновьям и слугам (*ἔδωσαν προξενίαν καὶ ἀτέλειαν πάντων χρημάτων ἐν παντί Βοσπόρωι*)¹⁵.

Ателиа, предоставлявшаяся везущим хлеб в Афины, распространялась, по-видимому, только на царский хлеб¹⁶ и, возможно, на хлеб, принадлежавший тем высшим

имеет ли распространенная формула *καὶ εἴσπλου καὶ ἐκπλου* в проксенических декретах отношения к освобождению от портового сбора?

¹³ Известно, что одним из главных источников процветания Родоса в эллинистический период были доходы от портового сбора. Полибий (XXXI, 7,12) указывает, что до объявления римлянами Делоса свободным портом *ἑλληνιμένιον* на Родосе приносил ежегодно один миллион драхм (=166,6 талантов) дохода. Автор Псевдо-аристотелевой «Экономики» (P s.-A r i s t o, Oec., II, 2,22) отмечает, что афинский финансовый деятель Каллистрат увеличил доходы одной из македонских гаваней от портового сбора с 20 до 40 талантов. Обычно *ἑλληνιμένιον* отождествляется с *πεντηκοστή* — 2% пошлиной, взимавшейся на Делосе (см. J. A. O. L a r s e n, Roman Greece — в Tenney F r a n k, Economic Survey of ancient Rome, Baltimore, 1938, т. IV, стр. 365. Ф р а н к о т т (F r a n c o t t e, Les finances des cités Grecques, Liège—Paris, 1909, стр. 58) указывает на возможность соответствия *ἑλληνιμένιον* Делосской пошлине *λιμήν*.

¹⁴ См. Ж е б е л е в, ук. соч., стр. 602 = СП, стр. 131. Утверждение Е. С. Г о л у б ц о в о й (Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры, М., 1951, стр. 22), будто бы размер пошлины для афинян на Боспоре был снижен на 30%, основано, по-видимому, на недоразумении.

¹⁵ К о л о б о в а (ук. соч., стр. 64, прим. 2) высказывает предположение, что ателию на все товары (*ἀτέλεια πάντων*), предоставлявшуюся Перисадом и его сыновьями, не следует понимать как сосредоточение этого права только в руках царей. По мнению К. М. Колобовой, вероятнее всего, что это право касалось только вывозимых товаров, то есть освобождения от гаванских пошлин, так как последние находились под контролем царя. Однако данные источников указывают на то, что право предоставления льгот в торговле было исключительно прерогативой царя.

¹⁶ Ср. К о л о б о в а, ук. соч., стр. 57.

царским чиновникам, которые, подобно известному Сопею, получали от царя в пользование обширные земельные угодья из царской $\chi\omega\rho\alpha$ ¹⁷.

Предлагаемое толкование ателии афинян на Боспоре находит подтверждение в том, что в ответ афиняне предоставляют право беспощлиности в Афинах не всем боспорцам, а только боспорским царям и членам их семьи ¹⁸. Это указывает на большую заинтересованность Афин именно в царской торговле и на отсутствие или малую заинтересованность в торговле с частными боспорскими купцами ¹⁹. Характерно в этом отношении, что на всем протяжении IV в. до н. э. мы не встречаем в Афинах ни одного проксенического декрета в честь боспорца при общем обилии подобного рода декретов. Трудно представить, что отсутствие в Афинах проксенов-боспорцев является простой случайностью, особенно, если принять во внимание роль и значение боспорского хлебного рынка для Афин в указанное время. И Демосфен в речи против Лептина (XX, 31) подчеркивает, что бесперебойное снабжение Афин боспорским хлебом является следствием не только плодородия боспорской почвы, но и того, что Левкон является его хозяином ($\delta\iota\alpha\ \tau\omicron\ \chi\omicron\rho\iota\omicron\nu\ \delta\upsilon\tau\alpha\ \tau\omicron\nu\ \Lambda\epsilon\upsilon\kappa\omega\nu'$ αὐτοῦ).

Остается еще рассмотреть вопрос, были ли привилегии афинян (ателия и право первоочередной погрузки), которыми они пользовались на основании торгового договора (названного Демосфеном $\sigma\upsilon\delta\eta\rho\kappa\alpha\iota$ — XX, 37) со Спартокидами, постоянно действующими или же они действовали лишь на протяжении определенного времени.

Существует мнение ²⁰, что ателия афинян на Боспоре не была постоянной. При этом ссылаются на то, что Перисад I вновь объявил о ее предоставлении ([Dem.], XXXIV, 36). Думается, что нет оснований усматривать в этом свидетельстве указание на возобновление утраченной ателии. Скорее дело может быть в другом. Время, к которому относится свидетельство из речи против Формиона, приписываемой Демосфену, — 327/6 год до н. э. ²¹, — это время страшного голода в Афинах. В это же время и Боспор из-за войны Перисада I со скифами испытывал серьезные затруднения со снабжением хлебом и, очевидно, не мог полностью удовлетворить всего спроса на хлеб ²². Желая показать, что, несмотря на подобное затруднительное положение, все привилегии афинян остаются в силе, и подчеркивая свое благорасположение к голодающим Афинам, Перисад I вновь объявляет через глашатаев ($\kappa\upsilon\rho\upsilon\rho\upsilon\mu\alpha\ \pi\omicron\iota\upsilon\sigma\alpha\varsigma$), что всякий желающий везти хлеб в Афины, в аттический эмпорий, то есть в Пирей, может это сделать беспощлино.

Таким образом, как нам представляется, нет оснований полагать, что ателия, предоставленная Спартокидами везущим хлеб в Афины, не была постоянной. Объявление Перисада I было подтверждением существующей ателии.

¹⁷ См. Ж е б е л е в, ук. соч., стр. 606 = СП, стр. 135.

¹⁸ IG, II², 212. Ср. D e m., XX, 34, 36, 38. В источниках нет указаний, позволяющих согласиться с точкой зрения С. А. Ж е б е л е в а (ук. соч., стр. 602 = СП, стр. 134), которую принимает и Д. П. К а л л и с т о в (Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи, Л., 1949, стр. 234), что в Афинах ателией пользовались все боспорцы.

¹⁹ К о л о б о в а (ук. соч., стр. 64) указывает на «сосредоточение хлебной торговли с Афинами в руках царей». Ср. Г а й д у к е в и ч, ук. соч., стр. 67, который отмечает, что «значение Спартокидов в хлебной торговле было столь значительно, что они как бы заслонили собой всех прочих купцов-экспортеров».

²⁰ А. К о с е в а l o v, Die Einfuhr von Getreide nach Athen, RM, LXXXI (1932), стр. 321.

²¹ Датировка речи не является твердо установленной. Б л а с с (F. B l a s s, Die attische Beredsamkeit, Lpz, 1877, III, стр. 578) относит речь к 327/6 г. Ш е ф е р (A. S c h a e f e r, Demosthenes und Seine Zeit, Lpz, 1887, т. III², стр. 400) к 327 г., Ж е б е л е в (ук. соч., стр. 601 = СП, стр. 130) к 328/7 году.

²² Известно, что и ранее бывали случаи, когда Боспор не мог полностью удовлетворять спроса на хлеб и навклеры — неафиняне бывали вынуждены возвращаться из Боспора порожняком (I s o c r., XVII, 57).

Нет достаточных оснований для сомнения и в том, что другие привилегии, предоставленные боспорскими правителями афинянам в хлебной торговле, как, например, право первоочередной погрузки судов, не были привилегиями постоянными, а предоставлялись время от времени²³. Напротив, свидетельства источников позволяют утверждать, что право первоочередной погрузки было постоянной привилегией купцов, везших хлеб в Афины на протяжении всего IV в. до н. э. Исократ (XVII, 57) сообщает о предоставлении этой привилегии Сатиром I; Демосфен (XX, 32) указывает, что Левконом I было обнародовано постановление, по которому афинянам разрешалось грузить свои суда первыми. Спарток II и Перисад I, сыновья Левкона и внуки Сатира подтвердили сохранение за афинянами всех привилегий, дарованных их предками, в число которых, несомненно, входило и право первоочередной погрузки (IG, II², 212). О сохранении всех привилегий, которыми афиняне пользовались еще со времен Сатира и Левкона, говорится и в афинском декрете 288 г. до н. э. в честь Спартока III (IG, II², 653)²⁴.

Для беспошлинного вывоза хлеба из Боспора в каждом отдельном случае требовалось получение соответствующего разрешения у боспорских властей (Dem., XXXIV, 36). По-видимому, при этом необходимо было предъявление какого-то письменного удостоверения того, что хлеб действительно закупается для Афин и везется в афинский эмпорий. Может быть, такие удостоверения выдавались афинскими магистратами, скорее же они могли выдаваться афинскими представителями на Боспоре. Может быть, именно такого представителя афинского государства и следует усматривать в Гилоне, деде Демосфена²⁵.

В речи против Формиона (Dem., XXXIV, 36) истец обвиняет навклера Лампида в том, что тот взял разрешение на вывоз хлеба из Боспора и на беспошлинность, прикрываясь именем Афин (ἐλάβε τὴν ἐξαγωγὴν τοῦ σίτου καὶ τὴν ἀτέλειαν ἐπὶ τῷ τῆς πόλεως ὄνοματι). Если бы для беспошлинного вывоза не требовалось никакого документального подтверждения правильного его использования, то Спартокиды могли бы лишиться вывозных пошлин полностью, так как любой мог бы заявить, что хлеб закуплен им для Афин²⁶.

Тем не менее предприимчивые афинские купцы ухитрялись обманывать боспорские власти и злоупотреблять правом ателии. Из той же речи против Формиона (XXXIV, 35) явствует, что вышеупомянутый Лампид, взявший разрешение на вывоз хлеба в Афины и беспошлинность, прикрываясь именем Афин, повез его не в Афины, но в Аканф, где и продал с большой выгодой для себя. Эта спекуляция была тем более выгодной, что Боспор, испытывавший в то время затруднения со снабжением хлебом, не имел возможности полностью удовлетворять всего спроса на хлеб, и Перисад I, очевидно, разрешал его вывоз только в Афины, с которыми он был связан торговыми обязательствами.

Спартокиды имели в Афинах постоянных агентов²⁷, в функции которых, вероятно, входило наблюдение за производством торговых операций боспорских царей и заключение торговых сделок по их поручению²⁸.

Подобных торговых агентов имели и крупные афинские купцы на Боспоре. Так, некий Хрисипп, крупный афинский купец, ведший с Боспором очень значительные

²³ См. M. R o s t o v t z e f f, САН, VIII, стр. 567.

²⁴ Утверждение К о л о б о в о й (ук. соч., стр. 64) о том, что экономические ограничения пантикапейцев, выражавшиеся в предоставлении боспорскими царями различных привилегий Афинам в хлебной торговле, начались «во всяком случае с Перисада I», ошибочно.

²⁵ См. И. Б. Б р а ш и н с к и й, К вопросу о положении Нимфея во второй половине V века до н. э., ВДИ, 1955, № 2, стр. 158.

²⁶ Ср. W. S c h w a h n, Schiffspapiere, RM, LXXXI, 1 (1932), стр. 41.

²⁷ τοὺς ὑπὲρ Σατύρου πράττοντας — дословно: «взыскивающих за Сатира» (I s o c r., XVII, 38).

²⁸ См. Б р а ш и н с к и й, ук. соч., стр. 157.

торговые операции (достаточно сказать, что он привез в Афины во время дороговизны в начале голода 330—326 гг. десять тысяч медимнов хлеба, которые продал по обычной цене [Dem.], XXXIV, 39), имел там доверенного раба (οἰκέτης), который зимовал на Боспоре и вел дела своего господина ([Dem.], XXXIV, 8 и 28). Прежде всего в его задачу входило наблюдение за должниками хозяина²⁹. При этом раб Хрисиппа вел дела не один. Вместе с ним действовал и компаньон Хрисиппа (κοινωνός)³⁰. Возможно, что он должен был вести наблюдение за деятельностью раба. То, что раб Хрисиппа зимует на Боспоре, то есть находится там в то время, когда морская торговля из-за неблагоприятных условий для плавания по Черному морю прерывалась, свидетельствует о том, что и здесь мы имеем дело с постоянным представителем крупного купца.

По-видимому, покупателями боспорского хлеба для Афин были не только частные афинские (а также и неафинские) купцы, но и Афинское государство³¹. Кроме того, боспорские правители были заинтересованы в том, чтобы привилегии, предоставленные ими везущим хлеб в Афины, были использованы по назначению. Гарантировать это хотя бы в какой-то мере могли бы представители Афинского государства на Боспоре. Поэтому можно предполагать, что на Боспоре находилось торговое представительство Афин, которое выполняло те же функции, что и агенты Спартокидов в Афинах.

На Боспоре всегда находилось много афинян. Это были либо представители крупных афинских купцов и, вероятно, представители Афинского государства, либо капитаны афинских судов, либо афинские купцы, которые иногда задерживались на Боспоре в течение длительного времени. В речи против Формиона истец указывает, что из-за невозможности сбыть мелочные товары (ῥάπτοι) на Боспоре по причине войны Перисада I со скифами Формион остался в Пантикапее до продажи привезенного им товара ([Dem.], XXXIV, 9). Там же (XXXIV, 2 и 34) указывается, что в это же время в Пантикапейском эмпории проживали многие другие купцы. Хорошо известно, наконец, что во время Пелопонесской войны «на жительство к Сатиру» на Боспор были отправлены Мантифей и его брат, сыновья богатого афинянина (L u s., XVI, 4)³². Очевидно, этот случай не был исключительным явлением.

Для заботы о приезжавших на Боспор иноземных (и в первую очередь афинских) купцах Спартокиды имели, по-видимому, особую администрацию. Руководителей этой администрации мы усматриваем в послых Спартока II и Перисада I—Сосии и Феодосии, направленных боспорскими правителями в Афины и упоминаемых в афинском декрете в честь сыновей Левкона I (IG, II², 212). Афинский народ постановляет: «Восхвалить послов Сосия и Феодосия за то, что они заботятся о прибывающих из Афин на Боспор» (сткк. 49—50: ὅτι ἐπιμελοῦνται τῶν ἀφινομένων Ἀθῆνηθεν εἰς Βόσπορον).

В связи с этим большой интерес представляет афинский почетный декрет 323/2 г. до н. э., от которого, к сожалению, сохранились лишь небольшие фрагменты³³. В одном из фрагментов надписи упомянут Боспор. Не входя в данной статье в подробное обсуждение восстановления и значения надписи, что является предметом особого исследования, отметим лишь, что, согласно весьма убедительному восстановлению первоиздателя надписи Ю. Шуайгерта, в одном из фрагментов речь идет о восхвалении афинским народным собранием лица, которое заботилось о тех, «кто приезжал на Боспор» (стк. 8 сл. τοῖς τε ἀφινομένοις εἰς Βόσπορον)³⁴.

²⁹ Ср. J. N a s e b r o e k, Betriebsformen des Griechischen Handels, «Hermes», т. 58 (1923), стр. 409.

³⁰ В статье «К вопросу о положении Нимфея...», ВДИ, 1955, № 2, стр. 158, мною допущена ошибка. Слово κοινωνός ошибочно отнесено не к Хрисиппу, а к его рабу.

³¹ Там же, стр. 158; ср. Н. Н о в о с а д с к и й, Борьба с повышением цен в древней Греции, ЖМНП, февр. 1917, стр. 80, 83, 92.

³² См. Ж е б е л е в, СП, стр. 193.

³³ См. E. S c h w e i g e r t, «Hesperia», VIII (1939), стр. 27 слл., № 7.

³⁴ Ср. M. R o s t o v t z e f f, SEHNV, III, стр. 1627, прим. 189; см. также афинский почетный декрет 288 г. до н. э. в честь Спартока III (IG, II², 653).

Часть торговых операций по закупке боспорского хлеба производилась Афинами в кредит. Об этом свидетельствует Демосфен в речи против Лептина (XX, 40), отмечая, что у афинян всегда имеются деньги Левкона I. Разумеется, это могли быть только деньги, причитавшиеся ему за хлеб, проданный афинянам³⁵. Это же явствует из упомянутого выше афинского декрета 346 г., где говорится о том, чтобы сыновьям Левкона были возмещены причитающиеся им деньги, дабы они «не упрекали афинский народ» (стк. 53, сл.: μή ἐγκαλῶσι τῶι δῆμῳι τῶι Ἀθηναίων). Здесь любопытно то, что должниками Левкона выступают не частные афинские купцы, с которыми, очевидно, торговля в кредит не производилась, а «афинский народ», то есть Афинское государство. Деньги должны быть возмещены из государственной казны; проэдрам предписывается провести дело в первую очередь, сразу после религиозных вопросов (πρῶτον μετὰ τὰ ἱερά), так как Афинам было чрезвычайно важно сохранить доверие и кредит у сыновей Левкона ввиду того, что своим экспортом они не имели возможности покрывать всех расходов по закупке боспорского хлеба³⁶.

Итак, даже тот скудный материал, которым мы располагаем, позволяет судить о сравнительно развитой организации торговли на Боспоре в IV в. до н. э. Главенствующее положение в торговле занимали Спартокиды, которые и стремились к подчинению торговых установлений своим интересам. В настоящей статье рассмотрены лишь некоторые стороны организации торговли на Боспоре. Разумеется, этим ограничиться нельзя. Лишь детальное изучение всего комплекса вопросов, связанных с боспорской торговлей, позволит получить сколько-нибудь отчетливое представление об организации торговли в боспорском государстве, где роль и значение ее были столь велики.

И. Б. Брашинский

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К БОСПОРСКИМ МАНУМИССИЯМ

Греческие надписи Боспорского царства, сохранившиеся в количестве свыше 1250, сравнительно небогаты по содержанию. Это надгробные надписи, списки граждан и членов религиозных обществ (т. н. каталоги), представляющие интерес главным образом для ономастологии¹ и этнографии Боспора, а также немногочисленные шаблонные посвящения, почетные декреты и строительные надписи, содержащие кое-какие сведения по политической и общественно-экономической истории².

Вполне понятно поэтому, что особенную ценность среди этих надписей имеют такие, которые отражают определенные институты рабовладельческого общества, определенные социально-экономические, юридические и культурные отношения. В этом смысле вряд ли какие-нибудь античные документы могут сравниться с манумиссиями (документами об освобождении рабов на волю), тем более, что они единственные или почти единственные частноправовые акты Боспорского государства, дошедшие до нас.

Подробное изучение боспорских манумиссий представляет значительный интерес для истории права, религии и общественно-экономических отношений на Боспоре в римское время.

³⁵ Ср. Ж е б е л е в, ук. соч., стр. 603=СП, стр. 132; Б р а ш и н с к и й, ук. соч., стр. 158.

³⁶ См. А. Л. Б е р т ь е-Д е л а г а р д, Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене, «Нумизматический сборник», I (1911), стр. 7 сл. и 17; ср. J. V e l o s c h, Zur Finanzgeschichte Athens, RM, XXXIX (1884), стр. 40.

¹ L. Z g u s t a, Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955 (ср. также нашу рецензию в ВДИ, 1956, № 3).

² Ср. С. А. Ж е б е л е в, Основные линии экономического развития Боспорского государства, ИАН, ООИ, № 8, 1934, стр. 590, прим. 2 (на стр. 591) = «Северное Причерноморье», М.—Л., 1953, стр. 118.

Только в последнее время были сделаны попытки использовать данные манумиссий для разрешения темных вопросов внутренней истории Боспора³, хотя эти документы были введены в научный оборот свыше ста лет тому назад⁴. Следует также отметить, что боспорские манумиссии, найденные в течение последних пятидесяти лет, остались почти неизвестными в западноевропейской научной литературе⁵, чему до некоторой степени содействовало также и то обстоятельство, что они напечатаны в различных периодических изданиях.

Переходим к анализу наших надписей.

1. *IOSPE, II, 52 = IGR, I 881 = RIJG, II, 2—3, p. 299, № 34 = CIJ, I. Пантикапей 8 февраля 79 г.*

Строки 2—3: Φιλοκαίσαρ καὶ φίλορώμαιος — калька латинского⁶ титула *amicus Caesaris populi Romani* ⁶.

Строка 5—6: γυνὴ πρότερον Δρούσου. Артикль при косвенных падежах имен собственных, как правило, отсутствует в боспорских манумиссиях, как и в других надписях римского времени⁷.

Строки 5—7: χρῆστη...ἀφείμι...θρεπτόν μου; личное местоимение употреблено вместо возвратного⁸.

Строка 6: ἐπὶ τῆς [προσ]ευχῆς. Ср. ниже № 112. Предлог ἐπὶ с род. пад. служит иногда для определения места. Так, например, Monum. Ancyr. Graef.: quae su[n]t Romae positae = ἄς ἀνέλιπεν ἐπὶ Ῥώμης (= IGR, III, 159)⁹. Поскольку здесь могут возникнуть сомнения насчет того, где происходило освобождение, в молебне или при ней, лучше переводить «при»¹⁰.

³ Мы имеем в виду обстоятельный труд В. Ф. Гайдукевича, Боспорское царство, М.—Л., АН СССР, 1949, стр. 363—365 и статью В. Д. Блаватского, Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья, СА, XX, особенно стр. 51—62. Ср. также В. И. Шевченко, Восстания рабов и варварские войны в Тавриде, ИЖ, 1939, № 8, стр. 104.

⁴ Fr. G r a e f e, Inscriptiones aliquot Graecae nuper repertae Petropoli, 1841 (Mémoires de l'Acad. St. Pétersbourg, VI). Первые манумиссии были найдены в 1828 г. («Одесский Вестник», № 100 от 15 декабря) и 1832 г. (там же, № 52, от 29 июня). См. также E. C u r t i u s, Anecdota Delphica, 1843, стр. 26 и рец. Мейера в «Hall. Alg. Literaturzeitung», 1843, № 232. Довольно часто боспорские манумиссии привлекались к решению вопросов, связанных преимущественно с историей местных евреев, так как подавляющее большинство этих актов составлены иудеями и иудействующими. Литература по этому вопросу приведена в нашей заметке в ВДИ, 1948, № 1, стр. 203, прим. 2.

⁵ Ср., например, S. K r a u s s, Synagoge, RE (1932), особенно стб. 1301—1302, и P. I.-B. F r e y, Corpus inscriptionum Judaicarum, Recueil des inscriptions juives qui vont du III-e siècle av. J. Chr. au VII-e siècle de notre ère, I, Europe, Città del Vaticano, 1936.

⁶ Подробнее об этой формуле см. в нашей статье «Боспорская надпись IOSPE, II, 33», ВДИ, 1948, № 3, стр. 212 сл.

⁷ См. ниже № 3₅, 4₅, 5₇, 6₁₀, 7₄, 10₅₋₆; A. K o s e w a l o w, Syntaxis inscriptionum antiquarum coloniarum Graecarum orae septentrionalis Ponti Euxini, Leopoli, 1935 (Evs, Suppl. 12), стр. 37. Одновременно (см. ниже № 2₅₋₆ и 10₅₋₆) мы видим, что также и в приложении артикль может отсутствовать.

⁸ Ср. ниже № 6₁₃, K o s e w a l o w, ук. соч., стр. 47 (§ 81).

⁹ См. H. V a n H e r w a r d e n, Lexicon Graecum suppletorium et dialecticum, s. v. Другие примеры у E. S c h ü r e r, SPAW, 1897, стр. 201; K o s e w a l o w, ук. соч., стр. 80 (§ 75).

¹⁰ На это обратил наше внимание покойный акад. Ив. Ив. Толстой. Перевод Ж. Фрея «ради молебни» (en faveur de la prosequue) необоснован, так как ἐπὶ с род. пад. в значении «ради» не встречается. Ср. также L. R o b e r t, Hellenica, III, P., 1946, стр. 107.

Строка 7: $\theta\rho\epsilon\pi\tau\acute{o}\varsigma$ μου. Термин $\theta\rho\epsilon\pi\tau\acute{o}\varsigma$ («воспитанник, вскормленник») подтверждает известное положение, что отпускались на волю обычно домашние рабы, особенно те, которые воспитывались в доме господина.

Строка 8: $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}$ $\epsilon\upsilon\chi\eta$ [v]. Отсутствие артикля встречается также тогда, когда при существительном стоит предлог¹¹.

Строки 9—10: $\acute{\alpha}\nu\epsilon\pi\iota\lambda\eta\pi\tau\omicron\nu$ $\kappa\alpha\iota$ $\acute{\alpha}\nu\alpha$ [ρ] $\epsilon\nu\acute{\epsilon}\chi\lambda\eta\tau\omicron\nu$ $\acute{\alpha}\nu\omicron$ $\pi\alpha\nu\tau\acute{o}\varsigma$ $\kappa\lambda\eta\rho\nu\acute{\omicron}\mu$ [ου] — ограждение от попыток незаконного захвата в рабство наследниками рабовладельца¹².

В дельфийских манумиссиях защита от возможного незаконного захвата в рабство является одним из двух признаков свободы, которую получал вольноотпущенник¹³. Отличается боспорская форма этой гарантии от дельфийской тем, что она носит не всеобщий характер, а ограниченный, так как она направлена только против рабовладельца и его наследников.

Десанктис (Monumenti antichi publicati per cura dell'Accademia dei Lincei, VIII, стр. 20) отметил, что объявление вольноотпущенника свободным от посягательств со стороны наследников рабовладельца в надписях № 3 и 5 имеет некоторое сходство с отпуском на волю $\xi\nu\nu\kappa\acute{\iota}$ $\lambda\acute{\upsilon}\sigma\epsilon\iota$, при котором, по-видимому, шла речь о вольноотпущенниках, избавившихся от какой-то зависимости от хозяина¹⁴.

Строки 11—12: [τ]ρέτες(θ)αι αὐτὸν ἔπου ἂν βούλη[η]ται ἀνεπιχωλύτως — оговорка о свободе передвижения (имеется также в № 2 и 3).

В дельфийских манумиссиях она имеет более широкий характер, так как состоит из двух свобод: 1) свободы передвижения и 2) свободы выбора занятия. Можно, конечно, вслед за У. Л. Уестерманом, считать эти два преимущества дополнительными признаками свободы, которую получает вольноотпущенник. Во всяком случае, лучше называть их не привилегиями, как делает Уестерман, а дополнительными признаками состояния свободы. Так же неудачно название П. Кошакера (оговорка о полной свободе)¹⁵, так как фактически эта оговорка ограничивается лишь свободой передвижения. Правда, в манумиссии № 2 она встречается для выражения состояния неограниченной свободы, которую получит вольноотпущенник после истечения срока $\pi\alpha\rho\alpha\mu\omicron\nu\eta$, но в нашей манумиссии она встречается вне зависимости от этого условия. Оговорка о свободе передвижения отсутствует в других манумиссиях (№ 5, 10, 11), в которых вольноотпущенник также получал полную свободу, хотя специально не подчеркивалось его право свободного передвижения.

Строки 14—15: $\chi\omega\rho\acute{\iota}\varsigma$ $\iota\varsigma$ $\tau\eta$ [ν] $\pi\rho\sigma\epsilon\nu\chi\eta$ ν $\theta\omega\pi\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$ ¹⁶ $\tau\epsilon$ $\kappa\alpha\iota$ $\pi\rho\sigma\kappa\alpha$ [ρ]τερ[ύ]σεως. Об этой формуле мы писали ранее¹⁷. Напомним только, что $\pi\rho\sigma\kappa\alpha\rho\tau\acute{\epsilon}\rho\eta\sigma\iota\varsigma$ ($\pi\rho\sigma\kappa\alpha\rho$

¹¹ Ср. ниже № 6₁₂; К о с е w a l o w, ук. соч., стр. 65 (§ 59а).

¹² Подобно документу № 11. В других боспорских манумиссиях (№ 3—8 и, вероятно, № 2) эта оговорка относится не только к наследникам, но и к самому рабовладельцу.

¹³ М. L. W e s t e r m a n n Two studies in Athenian manumission, JNES, 1946, № 1, стр. 92. Первым признаком, характеризующим новое состояние вольноотпущенника, является его личная свобода (т. е. сам факт отпуска на волю).

¹⁴ Цит. по А. С a l d e r i n i, La manomissione e la condizione dei liberti in Grecia, Milano. 1908, стр. 274—275. Смысл акта манумиссии $\xi\nu\nu\kappa\acute{\iota}$ $\lambda\acute{\upsilon}\sigma\epsilon\iota$ весьма неясен; ср. также А. D r a c h m a n n в «Nordisk Tidskrift for Filologer», т. VIII (1887/8), стр. 12 и D a r e s t e — H a u s s o u l l i e r — R e i n a c h, RIJG, II, 2—3, P., 1904, стр. 315.

¹⁵ P. K o s c h a k e r, Ueber einige griechische Rechtskundeg aus dep östlichen Randgebieten des Hellenismus («Abh. d. Sächs Akad.», XLII.), Lpz, 1931, стр. 25. Ср. также С. Bradford Welles, Manumission and adoption. «Revue internationale des droits de l'antiquité», т. 3, 1949 (Mélanges F. de Visscher, II), стр. 514 слл.

¹⁶ Уже А. Бёк (ClG, II, 2114bb) и Ж. Д е р а u б у р г (JA, 1868, стр. 537) допускали, что в речи боспорских евреев слово $\theta\omega\pi\epsilon\acute{\iota}\alpha$ изменило свой смысл на противоположный обычно греческому («лесть», «почитание»).

¹⁷ См. ВДИ, 1948, № 1, стр. 203 слл.

терεῖν — № 11₈₋₉) имеет здесь значение «служение», так как προσκαρτερεῖν с дат. пад. имеет не только значение «пребывать» или «выдерживать» при ком или при чем¹⁸, но также «служить» (Dem., 59, 120), и что выражение προσκαρτερεῖν τῇ προσευχῇ, вероятно, возникло по аналогии с оборотом προσκαρτερεῖν τινί, взятым из фразеологии деловых документов¹⁹.

Для правильного понимания значения слова προσκαρτέρησις в юридических памятниках Боспорского царства нужно обратить внимание на следующую стилистическую особенность акта манумиссии. Фраза (условие) относительно προσκαρτέρησις встречается после фразы (условия) о предоставлении свободы, в том числе и свободы передвижения. Такое противоречивое построение акта манумиссии имеет свою ближайшую аналогию в многочисленных греческих манумиссиях с оговорками, где сначала говорится, что раб получает полную свободу, а затем приводится какое-нибудь условие (например, παραμονή), фактически откладывающее на определенное время наступление этой свободы (обыкновенно до смерти хозяина) или чувствительно ограничивающее свободу, предоставленную вольноотпущеннику²⁰.

Так, боспорские манумиссии № 1 и 2 сначала говорят о немедленном и полном освобождении раба (ἰφίημι φρετῶν μου. — ἐλεύθερον καθάπαξ — № 2), а затем накладывают обязанность по отношению к молельне (χωρίς εἰς τὴν προσευχὴν θωπείας τε καὶ προσκαρτερήσεως № 1, 2). Это может свидетельствовать лишь о том, что προσκαρτέρησις во всех боспорских манумиссиях имеет значение «служить» («служение»), причем подразумевается, несомненно, пребывание вольноотпущенников при молельне.

Уже А. Коцевалов²¹ указал, что все боспорские манумиссии с оговоркой προσκαρτέρησις накладывают на вольноотпущенников обязанность пребывать при молельне. В нашей заметке в ВДИ, 1948, № 1, стр. 204, мы не обратили достаточного внимания на стилистический анализ акта манумиссии и утверждали, что только в двух манумиссиях (№ 1 и 2—IOSPE, II, 52 и 53), в которых имеется формула о свободе передвижения, «не может быть речи о пребывании вольноотпущенника при самом храме».

Не учитывая нашей оговорки относительно этих двух манумиссий, В. Ф. Гайдукевич²² в полемике с нашим толкованием προσκαρτέρησις как «служение» (храму), т. е. «пребывание» (при нем), ссылается «прежде всего на то обстоятельство, что одновременно с требованием προσκαρτερεῖν вольноотпущеннику вполне определенно предоставлялось право свободного передвижения. . .». Нам представляется, что при данном построении акта манумиссии фраза о προσκαρτέρησις фактически сводит на нет обещание полной свободы (в том числе свободы передвижения), хотя это и кажется логически невозможным («бессмысленным») В. Ф. Гайдукевичу.

¹⁸ Schüger (ук. соч., стр. 202) дает подробный перечень мест, где в новозаветных текстах встречается глагол προσκαρτερεῖν с учетом особенно конструкций εἰς (напр., Rom., 13,6) и τινί (τῇ προσευχῇ — Act., I, 14; 6,4; Rom., 12, 12 и др.), считая, очевидно, что в еврейско-боспорских манумиссиях этот глагол имеет такое же значение, как и в Новом завете.

¹⁹ А. Дейсманн на многих примерах отчетливо показал, как много в терминологии новозаветных текстов почерпнуто из народного языка. Так, например, ἐπ'ἐλευθερίᾳ ἐκλήθητε, μενέτω παρά θεῶν и другие выражения в речах Павла, несомненно, заимствованы из фразеологии манумиссий под видом продажи богу (А. Deissmann, Licht vom Osten³, Tübingen, 1909, стр. 244 сл.). Для нас особенно интересно, что выражение τὸ εὐσχημὸν καὶ εὐπάρεδρον τῷ κυρίῳ ἀπερισπάστως (I Кор., 7,35), по мнению А. Дейсманна, соответствует формуле χωρὶς εἰς τὴν προσευχὴν κτλ боспорских манумиссий (там же, стр. 245).

²⁰ L. Mitteis, Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs, Lpz, 1893, стр. 387 слл; Koschaker, ук. соч., стр. 40—41.

²¹ Наук. зап. ИМК АН УРСР, 1947, т. 2, стр. 111.

²² Боспорское царство, стр. 545—546.

Наконец, не обоснована, на наш взгляд, и мысль о том, что требование *προσκαρτέρησις* «являлось лишь дополнением к основному требованию идеологического характера «почитать бога» (Гайдукевич, ук. место). Ведь если бы «пресбывать при молебных» и «почитать бога» было одним и тем же, как же объяснить, что в манумиссиях всегда сначала названа *θεωπεία*, а на втором лишь месте — *προσκαρτέρησις*? Хотя понятие «почитание бога» включает в себя понятие «посещение храма», но в манумиссии № 11 составители почему-то нашли нужным добавить оговорку о «почитании бога» (*θεῶν σέβων*) в самом конце надписи, несмотря на то, что уже раньше было вписано требование относительно *προσκαρτερεῖν*. Итак, мы думаем, что попытки разъяснить оборот с *προσκαρτέρησις*, рассматривая его как гендиадис²³, должны быть отклонены.

Оспаривает наше толкование *προσκαρτέρησις* также И. Фаленцяк²⁴, который видит в этой оговорке только обязанность для вольноотпущенника участвовать в культе. Поскольку И. Фаленцяк ограничивается лишь историко-юридическим анализом, не касаясь филологической стороны дела, полностью остается в силе то, что мы говорили в нашей заметке по поводу замечаний В. Ф. Гайдукевича.

В отношении юридических параллелей к оговорке *προσκαρτέρησις*, приводимых И. Фаленцяком, следует заметить, что *ἔρεπτοι* — это не всегда «приемыши» (англ. *findings* — по выражению И. Фаленцяка). *ἔρεπτοι* могли быть и приемами, и воспитанниками, и доморожденными рабами. Эпиграфические памятники Малой Азии эпохи империи красноречиво свидетельствуют о том, что не все *ἔρεπτοι* были рабами²⁵. Для Веспора у нас нет таких свидетельств, но в некоторых надписях (например, IOSPE, II, 170 и IV, 392) встречается обозначение *τράφιμος*, которое в сочетании с отчеством безусловно свидетельствует о свободном состоянии воспитанника.

Строки 18 — 19: *συνε[πιτ]ροπε(υ)ούσης τῆ [ς] συναγωγῆ [ς]* (gen. abs) можно понимать двояко: 1) в том смысле, что сам акт манумиссии сделан под контролем (с ведома) общины, 2) что община будет наблюдать за исполнением условий этого акта (так переводит, например, Э. Миннс)²⁶.

Последнее обстоятельство в свою очередь можно рассматривать как следствие того, что община наблюдала за совершением акта²⁷. Однако оговорка относительно общины, на наш взгляд, скорее результат того, что отпущение совершено при молебных и раб, отпущенный на волю, имеет определенные обязанности по отношению к ней (*χωρίς ἰς τὴν προεὐχὴν κτλ.*), юридическим же хозяином молебных выступает, конечно, община. Отсюда указание на опеку над вольноотпущенником — частично (№ 1, 2 и 9) или полностью (№ 11) — со стороны общины.

2. IOSPE, II, 53 = CIJ, I, 684. Пантикапей.

Ж. Фрей вслед за В. В. Латышевым дополняет слова *ἔτους* (3 строка) и *μηνός* (4 строка). Учитывая тот факт, что во всех боспорских манумиссиях в начальных строках имеется указание правящего лица, его обычных титулов и точная датировка (*βασιλευόντος βασιλέως... φιλοκαίσαρος καὶ φιλωρμαίου... εὐσεβοῦς, ἔτους... μηνός...*), можно эти строки дополнить указанным образом, что и думал сделать С. А. Жебелев в новом издании II тома сборника Латышева²⁸. В строках 6 — 7 дополнение В. В. Латышева [*ἐλευθέρουσ καθάπαξ?*] не может быть принято безоговорочно, тем более, что глагол *ἀφίεμαι* встречается также без предикатива *ἐλεύθερον* (№ 11₂).

²³ Ср. также Deissmann, ук. соч., стр. 69, прим. 3.

²⁴ J. Falenciak, The Journal of Juristic Papyrology, III, Warsaw, 1949, стр. 196.

²⁵ A. Cameron, *ἔρεπτος* and related terms in the inscriptions of Asia Minor, сб. «Anatolian Studies presented to W. H. Buckler», Manchester, 1939, стр. 27 слл.

²⁶ E. H. Minns, *Scythians and Greeks in South Russia*, Cambridge, 1913, стр. 622, прим. 1: «члены которой (общины — В. Н.) несут ответственность за сделку».

²⁷ J. Juster, *Les Juifs dans l'empire romain*, P., 1914, т. II, стр. 83, прим. 1.

²⁸ Архив АН СССР, ф. 729, оп. 1, № 34. Тетрадь с оглавлением «Panticapea et vicinia», гл. V «Servorum manumissiones», № 69.

Из-за отсутствия сравнительного материала восстановление середины нашей надписи может быть только приблизительным, как это отметил еще В. В. Латышев. Дополнения акад. Латышева, хотя в общем более осторожные и правдоподобные, чем дополнения А. Бёка²⁹, все же не всегда убедительны. В 9 строке нет нужды в исправлении [πα]ρ(ε)νοχλήτ[ους], так как прилагательное могло быть образовано не от глагола ἐνοχλέω, а от глагола ἀνοχλέω³⁰.

Строки 10 — 11: παραμονή — «пребывание» (при рабовладельце определенный срок после отпуска на волю), особое правовое положение полусвободы³¹. В боспорских манумиссиях с этой оговоркой место пребывания раба только подразумевается, но прямо не указано³², в отличие, например, от дельфийских документов, в которых всегда указывается: παραμεινάτω δε (имя вольноотпущенника) παρὰ (имя рабовладельца). В нашей надписи речь идет о пребывании при родственнице (?) рабовладельца, пока патрон не умер³³; явление хорошо известное из греческих манумиссий.

Любопытно, что на Боспоре παραμονή обозначается только существительным с предлогом (ἐπι παραμονή)³⁴, которое зависит от глаголов ἀφιέναι («отпускать» — наша надпись) и ἀνατιθέναι («посвящать» — № 3). Это явление заметил в свое время А. Кальдерини, но не остановился на нем³⁵. П. Кошакер в результате детального юридического анализа аналогичных мест пришел к выводу, что термин παραμονή употреблен здесь для обозначения особого положения полусвободы или ограниченной свободы, которая после окончания срока παραμονή превратится в полную³⁶. Вполне допуская мысль о том, что παραμονή имеет много специфических черт своеобразного промежуточного положения между рабством и свободой, не вижу необходимости считать, что παραμονή не могла быть условием отпущения рабов на волю, как это утверждает П. Кошакер. Предлог ἐπι допускает переход «под условием», так же как и перевод «с целью». Поскольку здесь речь идет о состоянии, довольно спорном с точки зрения современной историко-правовой науки, то в переводе лучше оставить греческий юридический термин и переводить: «[под условием] παραμονή».

Строка 11: ἄχρι τῆς ζωῆς μου = μέχρι τελευτῆς τῆς ὥης μου (Koscewalow, ук. соч., стр. 84, § 79).

Строки 12 — 13: В. В. Латышев читает εὐαρεστοῖ τῇ μητρὶ μου....]τάδι. Надо заметить, что в общем контексте надписи непонятным остается optativus εὐαρεστοῖ³⁷. Поэтому надо предпочесть исправление А. Бёка [συν]εὐαρεστο[ύσ]ῃ.

²⁹ CIG, II, Add., № 2114b, стк. 10—16.

³⁰ Liddel-Scott-Jones, A greek-english lexicon, Oxf., 1925 сл., стр. 148, s. v.

³¹ Drachmann, ук. соч., стр. 58 сл.; Calderini, ук. соч., стр. 277; M. L. Strack, Historische Zeitschrift, стр. 26, 112; Koschaker, ук. соч., т. XLII стр. 24—49.

³² Calderini, ук. соч., стр. 287, прим. 5.

³³ Там же, прим. 8.

³⁴ Аналогичный оборот встречается в некоторых дельфийских манумиссиях: ἐπὶ τοῖσδε ἀπέδοτο ἐπὶ παραμονῇ, Collin, BCH, 22 (1898), 40, 43.

³⁵ Calderini, ук. соч., стр. 445.

³⁶ Koschaker, ук. соч., стр. 42, 45. П. Кошакер держится того мнения, что состояние παραμονή значительно ближе к свободе, чем к рабству. Иначе думает W. L. Westermann, «Bulletin of the Polish Institut of Arts and Sciences», 1943 (нам известно по книге R. Taubenschlag, The law of Greco-Roman Egypt in light of the papyri, N. Y., 1944, стр. 218, прим. 77). О значении термина παραμονή см. также нашу рецензию на книгу R. Taubenschlag, The law of Greco-Roman Egypt... (ВДИ, 1948, № 2, стр. 113—114).

³⁷ Наречие εὐαρεστως встречается, например, в манумиссии из острова Калимос, опубликованной в 1938 г. Ср. Bradford Welles, ук. соч., стр. 508, прим. 6.

С. Я. Лурье³⁸ дополняет: [τὰρ ἐμοὶ καὶ συν]εὐαρεστο[ύσ]η μ[οι].... вместо μ[ητρ:] (Бёк, Латышев), в связи с чем отпадает необходимость предполагать, что в надписи идет речь о матери, которая обеспечивается услугами раба на случай преждевременной смерти сына (только так можно понять дополнения В. В. Латышева), а³⁹ остается возможность, что в ней говорилось о согласии дочери, сестры или какой-нибудь другой женщины.

Далее (13 строка) С. Я. Лурье дополняет τὰ δίκαι(α) πάντα ὡς вместо.... τὰδι, καὶ πάντα ὡς[περ....] у В. В. Латышева, который ... τὰδι рассматривал, по-видимому, как окончание (дат. пад.) собственного имени. Строка 18: [ἀμφισ]βήτης — «право предъявлять иск о наследстве» (ср. Исэй, 6, 4). В переводе лучше оставить этот юридический термин и переводить «без всякого права ἀμφισβήτης», чем «без всякого сомнения», как у В. В. Латышева. Строка 19: βο[ύ]λον[τα]ι — изъявительное наклонение вместо сослагательного в условном придаточном предложении³⁹.

Дополнения В. В. Латышева были приняты Ж. Фреем, который лишь в строках 20—21 читает по-своему: [χωρίς καρ]τερήσεως. Однако слово καρτέρης не встречается в боспорских манумиссиях, которые знают только существительное προσκαρτέρης⁴⁰ и глагол προσκαρτερεῖν⁴¹.

3. IOSPE, II, 54 = IGR, 1,892 = RIJG, II, 2—3, p. 298, № 33 = CIJ, 1, App. 6S. Пантикапей.

Строки 1—2: [Σαυ]ρομάτης — Савромат III. Эта датировка базируется на палеографических данных и принадлежит Ньютону (Greek Inscriptions in the British Museum, II, № 183). Непонятно, почему А. Кальдерини (ук. соч., стр. 145) и Ж. Фрей (CIJ, I, стр. 569) относят надпись к Савромату II.

В строках 4—5: Παρθένου — является примером неправильного употребления падежей (ср. IOSPE, II, 430, 6 и 431, 3, где вместо дат. встречается род. пад.).

Строка 16: Χεματαέρια? — Ньютон. Χημ[άτα]ΕΡΙΑ — В. Латышев. ΕΡΙΑ — может быть, ошибка резчика — вместо (ι)έρ(ε)ια, как думал акад. В. В. Латышев (Архив АН СССР, ф. 729, оп. 1, № 34, тетрадь № V, № 70), или вместо ἱεράν (Дарест и др.). Строка 7: ἡμῶν вместо ἐαυτῶν. Это — характерная особенность народного языка: переход от косвенной речи к прямой⁴².

Строки 7—8: ΝΑΙΟΥΡΙCΑΝ. Ньютон считал ναίουσαν, что было принято В. В. Латышевым. Можно, однако, думать, что пропущено еще одно — σα и следует читать ναιουρίσασαν от *ναιουρίζω, глагол, который очень легко мог возникнуть из ναίω по аналогии с οἰχοῦρέω из οἰκέω.

Строка 10: ὑπὸ Δία Γῆν Ἥλιον. Раб ставится под охрану эллинской троицы: Зевса, Земли и Солнца (ср. также № 5)⁴³.

Клятва Зевсом, Землей и Солнцем встречается в некоторых публично-правовых документах из соседних с Боспором греческих колоний⁴⁴.

³⁸ Приношу глубокую благодарность проф. С. Я. Лурье за разрешение публиковать его дополнения к боспорским надписям, подготовленные им в 1947—1948 гг. для нового издания IOSPE, II.

³⁹ Ср. ниже № 14.

⁴⁰ № 115—16 и 419—20.

⁴¹ № 115—6.

⁴² Должно было быть: ἀνέθεμεν Θάλλουσαν θρεπτήν ἡμῶν αὐτῶν или ἀνέθηκαν Θάλλουσαν θρεπτήν ἐαυτῶν; ср. Косеуалов, ук. соч., стр. 47 (§ 4).

⁴³ RIJG, II, 2—3, стр. 297, № 32; места из папирусов у Taubenschlag, ук. соч., стр. 73, прим. 150.

⁴⁴ См. гражданскую присягу херсонесцев (IOSPE, I², 401, строки 1 слл. и 50 слл.) и договор Херсонеса с Фарнаком I Понтийским (IOSPE, I², 402, стр. 12), а также И. И. Толстой, Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте, Птг., 1918, стр. 92.

Строки 10 — 11: ἀνεπίφην καὶ [ἀ]νεπηρέαστην — пример имен прилагательных с приставкой, которые имеют не 2, а 3 родовых окончания.

4. IOSPE, II, 400 = CIJ, I, 690 = ВДИ, 1954, № 1, стр. 168 сл. Горгиппия октябрь — ноябрь 39 г. н. э.

Строки 1 — 2: Торжественное обращение θεῶν ὑψίστων παντοκράτορι εὐλογητῶν, т. е. к еврейскому богу (см. также № 6), надо⁴⁵ рассматривать как воззвание (invocatio). Такое толкование подтверждается самим формуляром этих актов, где вслед за этими словами находится датировка, а лишь после нее заявление об отпущении на волю. Поэтому вряд ли есть смысл относить заявление об отпущении к «всевышнему» и говорить об отпущении «ради бога», что, по-видимому, и лежит в основе рассуждения Э. Парча, когда он боспорскую форму отпущения на волю с посвящением «всевышнему»⁴⁶ сравнивает с отпущением на волю рабов «ради бога», встречающимся в сборнике церковного права несторианского патриарха Есубарнумы (820—824 гг. н. э.)⁴⁶.

Известно, что и другие частноправовые акты из Боспора и прилегающих земель знают такую инвокацию.

Так, в надписи Сога (ИАК, вып. 10, стр. 26) читаем: θεῶν ὑψίστων ἐπιτρόφῃ εὐχῆν⁴⁷. Почти половина протоколов танаисских сходов [начинается обращением θεῶν ὑψίστων εὐχῆν (IOSPE, II, 437, 438, 450, 452, 453, 454, 455)]. В двух надписях в обращении к θεῶν ὑψίστων слово εὐχῆν отсутствует (IOSPE, II, 439 и 449). Думается, что на этом основании можно и в манумиссиях № 5 и 6 усматривать пропуск слова εὐχῆν. Это может служить также добавочным аргументом в пользу того взгляда, что мы имеем здесь дело именно с воззванием.

Строка 4. Следы букв как будто говорят за чтение Л. Э. Стефани [Μιθρα]δατοῦ, которое принимает Э. Миннз (ук. соч., стр. 653, № 43, прим.). Ж. Фрей вслед за В. В. Латышевым читает [Πολέμωνος].

Попытку А. И. Болтуновой (ВДИ, 1954, № 1, стр. 168—176) восстановить первоначальный текст первых строк надписи с помощью сохранившейся копии А. В. Орешникова, списанной им в 1889 г. в имени Рыбницах кн. Сибирского со второго, очевидно, экземпляра данной надписи, нельзя считать безупречной.

1. Ни эрмитажный камень, который был нами осмотрен весной 1954 года, ни его фотография не дают оснований отнести соскобленные имена и эпитеты прежнего царя за счет работы «неантичного мастера».

2. Эпитет φιλοσύμμαχος не имеет параллелей в боспорской титулатуре и, поскольку на камне в начале 5-й строки не находим ни малейших следов сигмы, йоты и второго М, то это чтение не может считаться обоснованным.

3. Методически более правильно считать исходным материалом для восстановления текста IOSPE, II, 400 камень из эрмитажного собрания, несмотря на его плохую сохранность, чем копию исчезнувшего экземпляра, каким бы совершенным он ни казался.

Строки 7 — 8. В. В. Латышев считал, что здесь налицо не элизия, как думал Л. Стефани, а ошибка резчика, пропустившего второй раз буквы EN, и поэтому он добавляет [έν]. Уже Э. Шюрер (SPAW, 1897, 204) обратил внимание на то, что копия самого В. В. Латышева не оставляет места для такого дополнения.

⁴⁵ Calderini, ук. соч., стр. 418. См. также наш доклад «К вопросу о культе всевышнего Бога на Боспоре» (ср. Научный Бюллетень ЛГУ, № 15, 1947, стр. 56).

⁴⁶ E. Partsch, Neue Rechtsquellen der Nestorianischen Kirche, Ztschr. d. Sav. Stiftung, Rom. Abt. 30 (1909), стр. 368; E. Weiss, Griechisches Privatrecht, I, Lpz, 1923, стр. 308, прим. 309.

⁴⁷ Вин. пад. εὐχῆν объясняется здесь пропущенным словом ἀνεθήκων; ср. В. В. Латышев, комментарий к ук. месту в ИАК, вып. 10, стр. 27.

Строка 11: ἐφ'ῶ ἦ. Сослагательное наклонение вместо изъявительного (буд. время), которое обычно употребляется в придаточных предложениях следствия, начинающихся союзами ἐφ'ῶ, ἐφ'ῶτε.

5. *IOSPE, II, 401 = IGR, I, 911 = CIJ, I, App. 78.* Горгиппия.

Строка 10: σύν ἀδελφῆς. В классическую эпоху σύν с род. пад. не встречается. На Боспоре такая конструкция засвидетельствована в нескольких надписях (см. *IOSPE, II, 297 и 301*). Вероятно, это стоит в связи с начавшимся исчезновением dat. в греческом языке римской эпохи⁴⁸.

Строки 10 слл.: Τεμόθεος... σύν ἀδελφῆς Ἑλιδος... ἀφείομεν — пример обычного в народно-разговорном языке согласования по смыслу (construtio ad sensum): подлежащее в ед. числе, сказуемое во множ. ⁴⁹. Строка 15: ἀφείομεν вместо ἀφίεμεν — пример спряжения глагола на -μι по типу глаголов на -ω⁵⁰.

6. *ИАК, вып. 27, 33, 34. Издал и дополнил В. В. Латышев.*

Строки 5—6: [συνευαρεσθησα] μένης — С. Я. Лурье. Строка 8. ἀφί [ασι] вместо ἀφί [ησι] В. В. Латышева. Таким образом, получается связный текст для строк 3—7, который даем в переводе: «[Филот] им, сын Гада [с (имя — рек) женою (своей)], с которой [соглас] илась (имя — рек) ее (сестра?) и жена (такого-то) Калисф[он]ения, отпускают раба, ...»

7. *ИАК, вып. 37, 74, 8. Издал и дополнил В. В. Латышев.* Горгиппия.

Строка 2: сослагательное наклонение вместо изъявительного в придат. предложениях следствия; ср. выше № 5₁₁.

Строка 4: эмфатическая форма ἐμοῦ стоит перед существительным, с которым местоимение связано союзом καί, что противоречит правилу Аполлония⁵¹.

8. *ИАК, вып. 49, 64, 2. Издал и дополнил В. В. Шкорпил.* Пантикапей.

Сохранившийся фрагмент особых объяснений не требует.

9. *ДАН-В, 1930, 224. Издал и дополнил Н. И. Новосадский.* Темрюк 28 ноября 103 г. н. э.

Особенности орфографии (или ошибки резчика): М вместо Ν (συμπενευσάντων, κληρομόμων); ω вместо ω (ΗΡΑΚΥΛΕΙΔΟΝ, ΑΠΟΛΛΟΝΙΟΥ)⁵².

Строка 6: ἀνατίθει — Н. И. Новосадский. Это Praes. Ind. Act. вместо ἀνατίθησι⁵³.

Строки 7—8: Ἑρα(ι) Κυλιδῶν — Н. И. Новосадский, который считает κυλιδῶν названием боспорского рода⁵⁴.

10. *ИГАИМК, вып. 104, 66, 5. Издал и дополнил Ю. Ю. Марти.* Пантикапей.

Строка 3: ἐμ|α|υ|τῆς — С. Я. Лурье. Артикль не обязателен при θερετόν; ср. выше № 1, 3, 5 (без артикля) и 2, 4, 6 (с артиклем). Ю. Ю. Марти читает: Ἐπιάν. Α... ΤΗΣΘΕΡΕΠΤ, предпологая, что раб Эпий, по-видимому, сын вскормленницы. Строка 4: ὅπως ἐστίν — изъявительное наклонение вместо ожидаемого сослагательного; ср. также № 2₁₉. Строка 10: καὶ θεὸν σέβων, как указывалось выше, имеет то же значение, что θεωρεία в надписях № 1, 2, 4.

⁴⁸ J. Humbert, La disparition du datif en grec (du I-er au X-me siècle). Coll. linguistique, publ. par la Soc. de linguistique de Paris, XXXIII, P., 1930, об элементах κοινῆ в северочерноморских надписях ср. A. Kotsvalov, Koine syntax of Greek colonies on the Black Sea, «Studies Presented to David M. Robinson», v. II, Saint Louis, 1953, стр. 434—442.

⁴⁹ A. Kosewallow, Syntaxis, стр. 8 (§ 4).

⁵⁰ Ср. A. Voesk, ук. соч., стр. 1008 (комментарий к № 2114 b).

⁵¹ A. Kosewallow, ук. соч., стр. 47 (§ 2).

⁵² О смешении о и ω в римское время см., например К. Meisterhans-Schwyzer, Grammatik der attischen Inschriften³, В., 1900, стр. 24 (§ 18).

⁵³ В наших манускриптах для выражения факта отпущения на волю глагол стоит в Praes. пять раз (№ 1, 2, 4, 6 и 11) и в Aor. два раза (№ 3 и 5).

⁵⁴ Трудно сказать, встречается ли это название, но с другим суффиксом (= αμιος) в надписи *IOSPE, IV, 407* (κυλιάνιος), так как надпись эта датируется IV в. до н. э.

Произведенный выше филологический и дипломатический разбор одиннадцати боспорских манумиссий⁵⁵ имеет целью создать прочную основу для исторических и юридических выводов. Это тем более необходимо, что историко-юридический анализ манумиссий юга СССР строился до сих пор в отрыве от анализа их редакции⁵⁶. Поэтому мы встречаемся в науке с целым рядом неточных рассуждений о характере акта манумиссии на Боспоре, о его происхождении и т. д. Однако разбор этих положений (например, о «примитивизме» редакции боспорских манумиссий)⁵⁷, а также характеристика боспорских актов об отпущении рабов на волю в свете данных греческого и древнееврейского права выходит за рамки данной статьи и требует отдельного изложения.

Б. И. Надель

К ЭПИГРАФИКЕ ГАРНИ И АПАРАНА

1. Найденная в 1945 г. в Гарни (Армения) древнегреческая фрагментированная надпись была предметом внимания многих ученых. Имеется не менее пяти публикаций, различно воссоставляющих ее текст и толкующих надпись по-разному¹. Это объясняется отчасти тем, что текст надписи имеет некоторые грамматические особенности (впрочем не столь редкие в малоазийских и сирийских надписях позднего времени), а также и тем, что, хотя надпись и принадлежит к разряду «строительных», следовавших обычно более или менее определенному трафарету, все же она не имеет близких эпиграфических параллелей. Вследствие огромного значения Гарни как памятника античной архитектуры и древнеармянской истории понятен и интерес к этой надписи и стремление восстановить ее подлинное содержание.

Ниже мы предлагаем еще одну попытку чтения гарнийской надписи, стремясь осуществить ее с наименьшим насилием над сохранившимся текстом и исходя в предлагаемых восстановлениях лишь из греческого языка.

Ἡλιος [Τρι]δά [της¹
 μεγάλης Ἀρμενίας ἀνά]πλε—
 ως² δεσπότης ἀΐκτισε³ Να[ί]αδι
 βασιλίσ(σ)α⁴ τὸν ἀνίκητον κάσ[τελλον⁵
 αἴτους αἰ τῆς βασιλεί[ας εὐ—
 μένειας (sic)]. Ὑπὸ ἐξουσιαστῆ⁶ ἀρ[γ]ρει
 λι <θ>ουργός⁷ τῷ μεγάλῳ σ[πουδαί—
 μετὰ μακροῦ — φ καὶ εὐχάριστῳ
 τοῦ μαρτυρίου.

⁵⁵ Надписи IOSPE, IV, 204 и ИАК, вып. 45, 10, 2 настолько фрагментарны, что считать их манумиссиями нет достаточных оснований, хотя по характеру вступительных формул они и напоминают акты об отпуске рабов на волю.

⁵⁶ Caldeirini, Ук. соч., стр. 435—452 (Прил. гл. X «Формулы акта манумиссий») упоминает лишь некоторые особенности боспорских манумиссий в отношении датировки (стр. 437), заявления об отпущении на волю (стр. 438) и условия παραμονή (стр. 445).

⁵⁷ Caldeirini, ук. соч., стр. 257.

¹ Чтения этой надписи, принадлежащие С. Д. Лисициану, А. Г. Абрамянцу, Я. А. Манандяну, К. В. Треверу и Б. Н. Аракеляну, читатель найдет в книгах К. В. Тр е в е р, Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953, стр. 174 сл. и Б. Н. А р а к е л я н а, Гарни, 1952, стр. 59 слл.

Перевод

«Элий Тиридат, великой Армении неограниченный владыка, основал Наяде царице непобедимую крепость в год одиннадцатый милостивого царствования. Под началом правителя — ему, великому, ревностному и благосклонному, сложил каменщик по ученому указанию».

1. Эпитет ὁ μέγας, сопровождающий имя Тиридата в апаранской надписи², восстанавливаемый также и в гарнийской надписи почти всеми издателями, по нашему мнению, не уместается удовлетворительным образом на резервированном для этого слова пространстве.

2. С. Д. Лисициан читает ἀνα[ξί] | ὡς («недостойный»). Однако в такой форме это слово должно быть истолковано не как прилагательное, а как наречие. Подобный эпитет представляется мало вероятным, если отнести надпись и ко времени после принятия Тиридатом III христианства. Можно было бы читать ἀνά[ρχ]ῶς, в том же почти смысле, что и ἀνά[πλε]ῶς, причем последнее слово как будто лучше укладывается в лагуну.

3. Употребление дифтонга αι вместо ε (это относится также и к слову αἵτους в строке пятой) учащается в III и IV веках н. э.

4. Хотя βασίλισσα как будто нигде прямо не засвидетельствовано в качестве эпитета Наяды, но есть много весьма близких, а в латинской эпиграфике и идентичных эпитетов: *déspotina* (Aisch., fr 324 N), *κώρα* (CCH, XXI, 125 сл., № 10), *domina CIL*, II, 1164), *regina* (CIL, III, 1395).

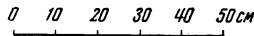
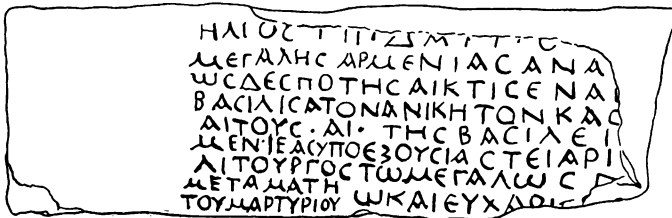

Рис. 1

5. Слово это представляется предпочтительным перед *κάστρον*, поскольку оно прямо соответствует понятию «крепость», тем более, что и Тацит называет крепость Гарни *castellum*. Свидетельство Тацита подтверждает существование крепости в Гарни в значительно более раннее время, чем это следовало бы из надписи. Текст нашей надписи следует понимать таким образом, что речь здесь идет, видимо, не об основании крепости, а лишь о ее ремонте.

6. Ἐξουσιαστὴς в смысле «владелец», «управитель» (ср. Par. Gen., 53,2) употребляется неоднократно (у Константина Багрянородного, Saerim., p. 392, Dind.) именно применительно к царям абазгов и лазов.

7. Замена θ на τ здесь, так же как и ниже, в слове *ματῆτος*, не должна особенно удивлять в столь позднее время на Востоке³.

Что касается времени, к которому должна быть приурочена гарнийская надпись, то на этот счет как будто бы не должно возникать больших колебаний, поскольку она

² М. И. Ростовцев, Греческая надпись из Апарана, 1911.

³ Ср. E. Schweizer, Grammatik der Pergamenisch. Inschriften, 1898, стр. 114, прим. 2; *τηγάτηρ* и др. в надписях позднеимперского времени из М. Азии и Сирии.

по своему шрифту весьма близка к упомянутой надписи царя Тиридата из Апарана, датируемой В. В. Латышевым 610 или 620 г. селевкидской эры, соответствующим 298 и 308 гг. н. э. Если принять последнюю из этих двух возможных дат, то гарнийская и апаранская надписи должны быть отнесены к одному и тому же одиннадцатому году царствования Тиридата III. Те же, кому восстановление Латышевым даты апаранской надписи представляется неубедительным (ср. К. В. Тревер, ук. соч., стр. 276), могли бы сравнить шрифт обеих надписей с весьма близкой им по письму надписью из Апамеи в Сирии, содержащей в своем тексте титулатуру императора Каракаллы и, таким образом, бесспорно относящейся к III в. н. э.⁴

К сожалению, текст апаранской надписи представляет еще больше затруднений для чтения, чем текст надписи из Гарни, и не дает для их сопоставления пока что ничего, кроме имени Тиридата, его титула и даты. Вместе с тем мы имеем несколько греческих имен, читающихся на мозаике гарнийских терм и относящихся, видимо, ко времени, достаточно близкому гарнийской надписи, написание которых подчинено отмеченным выше грамматическим особенностям. На мозаичной композиции, где в центре представлены персонифицированные ᾽Ωκεανός и Θάλασσα в сопровождении эвфемистически звучащего утверждения, что они не посягают на созданное человеческими руками ($\mu\gamma\delta\epsilon\nu \lambda\alpha\beta\acute{o}\nu\tau\epsilon\varsigma \eta\rho\gamma\alpha\sigma\acute{\alpha}\mu\epsilon\theta\alpha$), и в окружении связанных с ними мифических персонажей и персонифицированных понятий, мы читаем Θάλασσα с выпадением одного σ (как в слове βασιλισσα гарнийской надписи); Ἐπιγάλας вместо Ἀπιγάλας , Πειθῶ вместо Πειθῶ — то есть наблюдаем явления, отмеченные Б. Н. Аракелянцем в его публикации гарнийской мозаики⁵, как характерные для греческого языка соответственно времени и месту его распространения и соответствующие, добавим мы от себя, тому, что являет собою в этом отношении надпись Тиридата.

II. Найденная в 1908 г. в Апаране (Армения) греческая надпись, прочтенная и опубликованная в 1911 г. с пространным комментарием М. И. Ростовцевым⁶, представила, однако, значительные затруднения при ее чтении и истолковании, несмотря на всемерную поддержку, полученную автором публикации со стороны В. В. Латышева, Н. Я. Марра, Я. И. Смирнова и В. В. Бартольда. Не добившись удовлетворительного чтения пятой строки надписи, исходя из греческого языка, М. И. Ростовцев, по указанию Н. Я. Марра, предположительно прочел в ней (в дательном падеже) личное и родовое имя $\text{Γε.τζόνη(?) Γυντ[ουνη]}$ как имя одного из представителей засвидетельствованного для средневекового Апарана владетельного рода Гентуни. В следующей строке Ростовцев читал имя собственное Ῥοδομιστου или Ῥοδομιθρου , сопоставляя его с засвидетельствованным у Тацита (Tacit., Ann., XII, 45) именем древнегерманского царька Радамиста. В седьмой строке, несмотря на как будто бы ясно читающееся ΕΙΣ ΑΡΤΑΣ. |Α , он, по догадке Я. И. Смирнова, склонен был, по-видимому, принять чтение εἰς ἀρτάρια . В. В. Латышев восстановил дату надписи по остаткам букв ΚΧ , достаточно вероятно, как 308 г. н. э. (620 г. селевкидской эры.) Надпись в таком ее чтении и понимании гласила: «Тиридат великий, царь Великой Армении, дал Гентунию (?) Гитуни, сыну Родомиста (или Родомитра), „на сапоги“ город Ниг, февраля 308 г. н. э.», совпадающего с годом 11 царствования Тиридата III. Ссылаясь на Геродота (II, 98), Ксенофонта (Anab., I, 4, 9) и на Платона (Alcib. 1, 123, В—С), указывающих на имевший место в древнеперсидском царстве обычай дарения городов и областей для «кормления», Ростовцев выражение «на сапоги» (εἰς ἀρτάρια) истолковывал по более поздним иранским аналогиям, указанным ему Смирновым и Бартольдом, как определенную форму феодального лена, налагавшую на вассала некоторые натуральные повинности (в данном случае повинность поставлять для царя или вообще ко двору

⁴ R. Moutier et L. Jalabert, Inscriptions grecques et latines de la Syrie, IV, 1955, № 1346.

⁵ См. ВДИ, 1956, № 1, стр. 154.

⁶ М. И. Ростовцев, Апаранская греческая надпись царя Тиридата, СПб., 1911.

обувь). Ростовцев, подчеркивая условность принятых им восстановлений, в особенности ввиду отсутствия каких-либо параллельных текстов, которыми можно было бы подкрепить предложенное чтение, не сомневался, впрочем, в правильности понимания им общего смысла надписи как дарственного акта. Впоследствии надпись эта была переиздана К. В. Тревер⁷, принявшей чтение Ростовцева с той лишь оговоркой, что личное имя Γετζώνη, ввиду его неполноты и гадательности, следует лучше опустить вовсе. Она не приняла также прочтения даты надписи в ее последней строке ввиду того, что камень как раз на этой строке обломан и мог иметь на себе ниже еще какой-либо текст, который позволил бы истолковать всю последнюю строку иначе.

Со времени публикации Ростовцевым апаранской надписи эпиграфические памятники древней Армении умножились; в особенности необходимо иметь в виду гарийские и армавирские надписи. Из последних одна (табл. II, рис. 1 в изд. А. И. Болтуновой)⁸ содержит имена собственные, помогающие уточнению чтения апаранской надписи. Возможность использования этих данных при чтении текста апаранской надписи позволяет также отказаться от попыток прочтения в ней имен собственных лишь по одним средневековым аналогиям, тем более, что эти аналогии, при всей их соблазнительности для Ростовцева, все же не дали ему удовлетворительного чтения. Кроме того, в строке пятой апаранской надписи, по-видимому, имеется лигатура, не принятая прежними ее издателями во внимание, что опять-таки заставляет пересмотреть ее чтение. Принимая все вышесказанное во внимание и стараясь держаться возможно строже текстуальных данных, представляемых фотографией надписи, получаем следующее ее чтение:

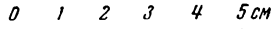

Рис. 2

Τιριδάτης ὁ
 μέγας, μεγάλ[ης]—
 Ἀρμενίας βασι—
 λεύς ἔδ(ω)κεν¹
 Ξ[ε]ν[ου]² τῆ³ ἡγυ[ν]α[ι-
 κ]ι Ἡροδομίου⁴
 υἱῶ εἰς Ἀρτάσι—
 ἀ⁵ πόλιν Νίγη⁶
 Φ]εβράρις[ου]⁷

«Тиридат великий, царь Великой Армении, подарил жене Геродомитра, на сына Артаксия, город Ниг, февраля 620 (=309 г. н. э.).»

1. Нередкость замены «омеги» на «омикрон» свидетельствуется, в частности, гарийскими надписями на мозаике терм (см. ВДИ, 1956, № 1, стр. 154).

2. Это слово как юридический термин засвидетельствовано рядом папирологиче-

⁷ Тревер, ук. соч., стр. 271 слл.

⁸ А. И. Болтунова, Греческие надписи Армавира. Известия Армянского филиала АН СССР, 1942, № 1—2, стр. 44.

ческих документов⁹ и в нашем случае скорее всего соответствует понятию «безвозмездного дарения».

3. Читается в лигатуре **Н**. Частое употребление лигатур отмечается в известной надписи из Тигранокерта¹⁰.

4. В армавирской надписи¹¹ читаются имена Μίθρας и Ἐρόντης, чем свидетельствуется наличие их в числе древнеармянских царских имен. Соответствующее сочетание этих имен дало бы чтение, достаточно близкое к имени Ἐροδοῖθρα.

5. Σ вместо ξ в написании этого имени не должна особенно удивлять. Сравни у Диона Кассия, LIV, 9; Ἀρτάζην вместо Ἀρτάξην. Нередкость замены Σ на ζ и наоборот в именах собственных свидетельствуется многократно керамической эпиграфикой.

6. Πόλις Νίγη указан Птолемеем (Geogr., V, 11, 3) для соседней с Арменией Албании, чем во всяком случае подтверждается бытование этого наименования на Кавказе в римское время. Следует принять во внимание, что вследствие картографических aberrаций часть албанской топонимики очутилась у Птолемея в Мидии, поэтому надо иметь в виду возможность подобных же перемещений и из Армении в Албанию. Наличие имени Ниг для средневекового Апарана свидетельствуется Мойсеем Хоренским¹².

7. Слово Φεβράρις, достаточно несомненно читающееся в последней строке, подтверждает, мне кажется, то, что мы имеем здесь дело именно с датой, чем и определяется правомочность восстановления, предложенного В. В. Латышевым. О том, что эта строка была и первоначально последней строкой надписи, свидетельствует, быть может, ее укороченность с обеих сторон по сравнению с другими строками. Камень, на котором нанесена надпись, представлял собой первоначально, вероятней всего, довольно высокий столб, мыслимый в качестве пограничного или межевого знака.

Некоторые изменения, внесенные нами в чтение апаранской надписи, подтверждают то ее понимание, которое было установлено в свое время М. И. Ростовцевым с помощью его ученых коллег как надписи дарственной. Однако дарение это следует понимать не в смысле предоставления средневекового лена, ставившего получавшего лен в вассальные отношения к дарителю с наложением на него определенных обязательств, засвидетельствованных в Армении для более позднего времени. Здесь мы имеем пример безвозмездного «кормления» того ахеменидского образца, который свидетельствуется Геродотом и Ксенофонтom.

Л. А. Ельницкий

ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ В ДРЕВНОСТИ И РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

I. ВВЕДЕНИЕ

В данной статье автор стремился собрать и систематизировать наиболее важные вопросы, касающиеся контактов между племенами, которые жили на польских землях в первые века нашей эры, и Римской империей. Критические и дополнительные замечания делаются здесь лишь по ходу изложения. Однако даже систематизация отдель-

⁹ F. Preiskke, Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden, II, 1925, стр. 144, s. v.

¹⁰ Тревер, ук. соч., табл. 89.

¹¹ Болтунова, ук. соч., стр. 44.

¹² «География», в изд. Пятканова, 1877, стр. 53; Тревер, ук. соч., стр. 279 сл.

ных положений, включающая в себя момент их оценки, неизбежно ведет к выдвижению новых вопросов и к более четкой формулировке выводов, сделанных раньше другими исследователями или автором этих строк.

II. ТРАДИЦИОННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

В трудах, опубликованных на протяжении последнего десятилетия, особенно в первые его годы, мы отмечали, что вопрос об отношении племен, живших на территории Польши в первые века нашей эры, к Римской империи рассматривался в «проримском аспекте». Этими словами я пытался охарактеризовать такую исследовательскую позицию в рецензии на книгу К. Тыменецкого «Польские земли в древности»¹, где автор книги говорит о «культурном покорении венетско-славянских земель Римом»², ссылаясь при этом на близкую точку зрения проф. Ю. Костржевского³.

Этот «проримский аспект» должен быть подвергнут критике в наших исследованиях античного мира и его контактов со славянскими племенами. Общеизвестно, что он представлял собой орудие политической борьбы в концепции Моммзена, которая явным образом была прислужницей прусского империализма. На это обстоятельство правильно обратил внимание и его резко осудил великий польский гуманист и знаток античности К. Моравский⁴.

Разумеется, критическая оценка «проримского аспекта» предыдущих исследователей не должна вести к другой крайности в изучении исторического значения римско-славянских контактов. Но об этом несколько ниже.

III. ПОВОРОТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ

Исследование начальных периодов польского государства, которое, как мы иногда говорили на наших конференциях, имело своей целью «вскрыть корни польской государственности», было отодвинуто вглубь до так называемого римского периода, что означало, в первую очередь, усиление раскопок поселений того времени. В этих условиях возникла необходимость продумать вопрос об археологических исследованиях римского периода на польских землях; прежде всего следовало наметить конкретные задачи, которые были определены следующим образом:

А. Углубление наших знаний об экономике и культуре племен, проживавших на территории Польши в конце латенского и в римский период, путем: 1) организации в значительных масштабах раскопок и публикации источников; 2) подготовки монографий по отдельным отраслям производственной и художественной деятельности местного населения того времени.

В. Исследование исторического значения контактов этих племен с римскими, в частности придунайскими, провинциями путем: 1) методологически правильной оценки предметов римского импорта в качестве исторических источников; 2) полного использования античных литературных источников; 3) организации исследования истории (следовательно, не только археологии) римских провинций в связи с соседними территориями, например Маркоманией; 4) разработки методики исследования предметов римского импорта.

Несколько замечаний об этих проблемах.

¹ «Kwartalnik Historyczny», LXI (1953), стр. 202—240.

² К. Т y m i e n i e s k i, *Ziemia polskie w starożytności*, Познань, 1951, стр. 462. Аналогичные взгляды высказывали ученые, по крайней мере, с начала XIX в. Равным образом и в археологической литературе междувоенных лет вопрос о контактах наших земель с Римской империей рассматривался под углом зрения влияния и экспансии римской цивилизации.

³ J. K o s t r z e w s k i, *Od mezolitu do okresu wędrówek ludów*, Краков, 1939, стр. 312.

⁴ К. М o r a w s k i, *Rzym i narody*, Краков, 1924, стр. 8.

А. В последние годы можно отметить начало исследований в указанных направлениях и даже появление первых печатных трудов. 1) Создана хорошая организационная и материальная база для широких исследований в Иголомии, где организована археологическая станция. Работы в районе Калиша и его окрестностей преобразованы в стационарные. 2) Началось исследование гончарного дела и металлургии латенского и римского периодов на польских территориях; ведутся также работы по изучению производства и общественного строя в южной Польше в первые века нашей эры.

В. В области исследования исторического значения контактов обитателей наших земель с римскими провинциями относительно много сделано в следующих направлениях: 1) Методологическая перестройка археологии, ее частных методов и техники исследования дает археологам возможность значительно шире использовать предметы римского импорта для исторических выводов. На это обстоятельство я обращаю особенное внимание, так как археологи-античники, прежде всего буржуазные, все еще недооценивают в своих исследованиях источниковедческие вопросы. Они все еще обращают слишком мало внимания на научную критику археологических памятников в плане их максимального использования для восстановления процесса исторического развития. Советская историческая наука дала громадное число примеров, как следует использовать археологические источники для исторических исследований и, оценивая любую археологическую работу, она правильно ставит основной вопрос, подошел ли автор по-марксистски к использованию археологических и прочих литературных, иконографических и т. п. источников. С особенной силой этот источниковедческий постулат подчеркивается редакцией ВДИ в ее прекрасно редактируемом отделе критики и библиографии⁵.

Применение этого исследовательского метода позволило обогатить содержание предметов импорта как исторических источников и дало возможность попытаться использовать их для изучения новых и существенных вопросов процесса развития племен, находившихся в контакте с Римской империей. Ныне мы понимаем, что предметы римского импорта могут служить в качестве определителей для таких вопросов, как: торговые пути, абсолютная хронология, инфильтрация римской культуры, места скопления жителей и центры власти предводителей племенных союзов. При этом мы ограничиваемся перечислением лишь наиболее важных моментов.

В порядке иллюстраций несколько слов о некоторых из этих вопросов:

а) Предметы римского импорта в качестве определителей этнических границ

В статье «Территория западнославянских земель в свете предметов римского импорта»⁶ я пытался поставить появление или исчезновение некоторых видов римского импорта на территории Европы в связь с этническими районами, иногда устанавливаемыми с большой долей вероятности на основании распространения определенных археологических культур. Таким образом, мне, по-видимому, удалось установить границу распространения некоторых предметов ввоза из восточных и западных распределительных центров римских провинций; эта граница более или менее совпадает с границей различных археологических культур от энеолита до первых веков нашей эры в бассейнах верхнего Прута, Днестра и Припяти.

Я пытался также связать восточную границу густого распространения бронзовых ведерок типа Немшоог и соответствующих им археологических культур с восточной границей германской территории, которая, как кажется, стабилизировалась в III и IV вв. н. э. на линии Эльбы и Заале (?). Это положение в общем было положительно

⁵ Здесь не будет лишним указать на одну из последних рецензий Я. А. Л е н ц м а н а на книгу П. Оливы, ВДИ, 1955, № 1, стр. 87, ср. также T. Z a w a d z k i, O niektórych aspektach historycznego spożytkowania materialnych zabytków przeszłości, «Archeologia», VI, 1954, стр. 1 слл.

⁶ «Archeologia» 1, 1947, стр. 185 слл.

принято рецензентами моего труда. Также Г. Ю. Эггерс⁷ на основании предметов римского импорта пытается подтвердить уже раньше выдвинутую археологами гипотезу, что река Парсента (?) была этнической границей между германскими и балтийскими племенами. Он также устанавливает на Двине границу между балтийскими и угро-финскими племенами. К сожалению, меня не полностью убеждают его аргументы. Особенно сомнительным представляется утверждение автора, что помещение в могилах бронзовых римских сосудов было немецким похоронным обычаем.

Автор новейшей статьи по этому вопросу — Р. Фишер⁸ правильно заявляет, что невозможно четко определить границу между поселениями славянских и германских племен в первые века нашей эры. Возможно, говорит он, что как славянские, так и германские племена переходили в те времена реку Заале(?). Не исключено также, что некоторые славянские и германские племена могли временами создавать один племенной союз под руководством «князей» и совместно бороться с другими племенами.

Надо отметить, что эта формулировка намечает направление исследований, которое, вероятно, позволит в будущем методологически правильно поставить и решить проблему славяно-германских пограничных земель в первые века нашей эры, отказавшись от расистских концепций.

б) Предметы римского импорта в качестве определителей путей торговли с Римской империей

В работе о предметах римского импорта на славянских землях я занял критическую позицию в отношении возможности установления торговых дорог вне границ империи. Вместе с тем я полагаю, что можно с большой долей вероятности попытаться определить торговые пути на основании археологических источников, следовательно, и при помощи предметов римского импорта. Подобным образом высказывается по этому вопросу и проф. К. Тыменецкий (ук. соч., стр. 464), а за ним и Эггерс (ук. соч., стр. 64 сл.). Эггерс выделяет в качестве «отправных пунктов» для торговли на дальнее расстояние только немногие центры распределения, а именно: Фектио (ныне Vechten), Могунтиак (ныне Майнц), Ветеру (ныне Ксантен), Карнунт и Ольвию (ук. соч., стр. 67 и 69: карта торговых путей). К аналогичным выводам на основании распространения римских монет уже раньше пришел Стуре Болин⁹.

Можно было бы, пожалуй, попытаться найти и другие центры распространения римских ремесленных изделий примерно такого же значения. Тем более возможно определить менее значительные центры, из которых вывоз направлялся далеко на север.

Так, например, мне кажется, что Бригедий посылал товары через Дунай в поселение, расположенное вблизи кастелла в Целемантии (Леаньвар(?) под Комарно). Оттуда они направлялись долиной Вага и, возможно, через Яблунковский перевал достигали Малой Польши. Можно полагать, что в I и II в. н. э. здесь проходил торговый путь по территории, отличающейся значительной густотой населения и захоронениями знатных племенных вождей. Это доказывают «княжеские погребения» в местности Страже около Пьештин. Кроме того, надписи в Тренчине и другие исторические источники свидетельствуют о существовании в это время военной дороги из Бригедия в Тренчин.

Возможно, что центром распределения изделий, вывозимых на север, являлся также и Аквинк. Относительно керамики terra sigillata следует заметить, что до сих пор мы обращали слишком мало внимания на то, что центром распространения и про-

⁷ H. J. Eggers, Der römische Import im freien Germanien (Atlas der Urgeschichte, т. I), Гамбург, 1951, стр. 60.

⁸ R. Fischer, Zur Erforschung des westlichen Slawentums, «Forschungen und Fortschritte», XXIX (1955), вып. 1, стр. 17—19.

⁹ Sture Bolin, Berichte der römisch-germanischen Kommission, XIX, 1929, стр. 142 сл.

изводства этих сосудов был именно Аквинк. Раскопками здесь был обнаружен большой гончарный квартал¹⁰, в котором во второй половине II в. производились не только сосуды типа *terra sigillata*, но и другие виды сосудов, а также светильники, терракоты, черепица и кирпичи¹¹. В Аквинк привозились также сосуды *terra sigillata* из мастерских в Галлии и Рейнской области. Там, вероятно, находились склады, откуда эти товары вывозились в различные части Паннонии и, быть может, за границы империи¹². Поэтому не исключена возможность, что центром распространения сосудов *terra sigillata*, которые производились в разных мастерских Галлии или Рейнской области, но были обнаружены в южной Польше, был также Аквинк. Они могли проникать на север через Моравские Ворота или Яблунковский перевал.

в) Предметы римского импорта как источник сведений о центрах власти племенных вождей

Большие скопления сокровищ и предметов импорта из империи в некоторой степени могут указывать на центры власти вождей племенных союзов, которые брали под свою опеку купцов, торговцев и странствующих ремесленников. Напомню сообщение Тацита («Анналы», II, 62) о богатом торговом центре при дворе царя маркоманов Маробода.

1. ПОЛНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТИЧНЫХ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В этом отношении мы можем указать на три труда проф. Б. Билиньского: о путях античного мира к славянским землям в свете литературных источников, о западной границе славянских земель, согласно Помпонию Меле, и о Птолемеевой Калисии¹³. Необходимо упомянуть здесь и о работе доц. А. Наша «Венеды у Тацита и Птолемея», а также о весьма эрудированном с филологической стороны, но гиперкритическом реферате проф. JI. Пиотровича на VII Съезде польских историков в 1948 г. «Этнические сдвиги на польских землях в древности»¹⁴.

Одним из важных достижений последнего десятилетия в области анализируемой проблематики является установление сотрудничества наших археологов с историками древнего мира.

¹⁰ L. N a g u («Germania», XV, 1931, стр. 260 слл.; XVI, 1932 стр. 288 слл.) опубликовал ряд надписей, свидетельствующих о присутствии кельских купцов в Аквинке. На основании известных ему источников он пришел к выводу, что с начала II в. в Паннонию привозилось много изделий из западных римских провинций, среди которых преобладали изделия из Кельна. Из этого большого производственного центра, как, впрочем, из всей Рейнской области, во II и III вв. в Паннонию привозились стеклянные сосуды *terra sigillata*, глиняные сосуды с надписями и терракотовые изделия. См. F. Fremersdorf, Rheinischer Export nach dem Donaauraum. Ein Beitrag zur Wirtschaftsgeschichte der römischen Kaiserzeit, «Laureae Aquincenses», I' Будапешт, 1938, стр. 168 слл.

¹¹ V. K u z s i n s z k y, Das grosse römische Töpferviertel in Aquincum dei Budapest, Будапешт, 1932.

¹² D. I v a n y i, Die pannonischen Lampen. Eine typologisch-chronologische Uebersicht (Dissertationes Pannonicae), Будапешт, 1935; RE, Suppl., VII (1940), стб. 1342; K i s s, «Laureae Aquincenses», I (Dissertationes Pannonicae, 2-я сер., № 10), Будапешт, 1938.

¹³ B. B i l i n s k i, «Archeologia», I, 1947, стр. 139—168, 359—361; II, 1948, стр. 129—138, 493—495; V, 1952—1953 (1955).

¹⁴ A. N a s z, «Archeologia», II, 1948, стр. 177 слл.; L. P i o t r o w i c z, в «Pamiętnik VII Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich we Wrocławiu 1948» Варшава, 1948, т. I, рефераты, стр. 173—183.

2. ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ РИМСКИХ ПРОВИНЦИЙ

Работу над этой проблематикой требовалось организовать с самого начала. В междувоенный период не было почти никакого сотрудничества между исследователями, занимавшимися «предисторией», и археологами-классиками. Интерес археологов-классиков к так называемому большому искусству или к раскопкам на отдаленных участках древнего мира оставал в тени, возможно, не столь эффективные, но тем не менее, несомненно, очень важные вопросы, которыми тогда, ввиду недостаточной подготовки, не могли в исследовательском плане заниматься «предисторики», но которые ныне должны разрабатывать польские археологи-античники. Однако даже в течение последнего десятилетия некоторые «предисторики» сопротивлялись этому необходимому повороту в области античной археологии.

В течение ряда последних лет мною выдвигалось требование тесного сотрудничества археологов-специалистов по истории Польши с исследователями античного мира (археологами Средиземноморья, историками древности и филологами-классиками). Такое сотрудничество особенно необходимо при изучении истории древней Польши в первые века нашей эры, при исследовании проблематики контактов обитателей польских земель с римскими провинциями¹⁵. Также и проф. Тыменецкий (ук. соч., *passim*) со всей силой подчеркивает необходимость совместного исследования истории славянских земель и античного мира. Аналогичным образом высказываются и некоторые более молодые историки, например Т. Завадский (ук. соч.).

3. РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ РИМСКОГО ИМПОРТА

В дополнение к предшествовавшим попыткам¹⁶ определить наметки исследования предметов римского импорта на территории Польши их можно ныне сформулировать в расширенном виде. После составления каталога предметов римского импорта (вместе с местными изделиями, среди которых они были найдены) и разработки карты поздне-латенского и римского периодов с особым учетом предметов римского импорта мы сможем приступить к методическому изучению нашей проблематики, чтобы дать максимально исчерпывающие ответы на следующие вопросы:

а) Количество местонахождений предметов импорта по географическим районам (Малая Польша, Силезия, Мазовше, бассейн Вислы, Одера и т. д.).

б) Качество поселений с предметами импорта, в частности, их плотность на определенных участках раскопок, комплексы сопутствующих предметов (например, в инвентаре внутри жилищ, вне жилищ, вне поселений, в ямных могилах, в курганах, в сокровищах, случайные находки и т. д.).

в) Центры производства (мастерские) и датировка предметов импорта.

г) Центры распределения (торговые фактории); очень существенный вопрос для наших исследований, из какого именно распределительного центра (например, из Карнунта или из Аквинка) попали те или иные римские изделия на нашу территорию. Это, пожалуй, важнее, чем ответ на вопрос, где были произведены соответствующие изделия¹⁷.

¹⁵ K. M a j e w s k i, Przed konferencją archeologów polskich, «Archeologia», II, 1948, стр. 432; о н ж е, Archeologia Klasyczna w Polsce, «Archeologia», III, 1949, стр. 261; о н ж е, Projekt planu badań w zakresie archeologii Polski i archeologii klasycznej, «Kwartalnik historyczny», LVIII, 1950—1951, стр. 347.

¹⁶ K. M a j e w s k i, Problematyka badań nad importami rzymskimi na ziemiach Polski, «Archeologia», III, 1949, стр. 211 сл.; см. St. G ą s i o r o w s k i, «Archeologia», V, 1952—1953 (1955), стр. 238.

¹⁷ С тезисом о распределительных центрах, выдвинутым в указанной в предыдущем примечании статье, согласился Ю. А н т о н е в и ч в статье «Z badań nad produkcją antycznych wader brązowych, znalezionych w Polsce», «Wiadomości archeologiczne»,

д) Пути, которыми предметы импорта проникали из центра распределения на нашу территорию.

е) Время проникновения предметов импорта. Установление очередности проникновения отдельных видов римского импорта имеет большое значение для подтверждения или опровержения тезиса о наиболее ранней в принципе инфильтрации предметов роскоши из центров более высокой цивилизации к первобытным племенам.

ж) Как и кем использовались предметы импорта (в частности, какой социальной группой: например, вождями, странствующими ремесленниками и т. д.).

з) Ремонтировались ли или перерабатывались данные предметы импорта, где и когда?

и) Время вложения предмета импорта в погребение, когда было закопано сокровище, когда перестали пользоваться предметом, или когда он подвергся порче.

к) Повлияла ли данная группа предметов импорта на местное производство, или же она играла роль «экзотического импорта» (например, фигурки из бронзы, вотивные предметы), который мог попасть даже в качестве военной добычи, или быть оставленным грабителями или же являться подарками племенным вождям (например, золотые медальоны).

л) Могла ли данная группа предметов импорта воздействовать на производство местных племен, вызывая: 1) подражание, 2) усвоение.

Все эти вопросы необходимо рассматривать в широких территориальных рамках (например, западнославянские земли или даже вообще славянские земли) и базируясь на возможно широком использовании источников (сравнительные археологические материалы).

IV. ПОПЫТКА МАРКСИСТСКОЙ ТРАКТОВКИ ВОПРОСА

Советские археологи уже давно высказывают мнение, что проблема воздействия одной культуры на другую является неизмеримо сложной. Исследования буржуазных археологов, которые очень часто механистически трактуют эти вопросы, заявляя, что «более высокая» культура по своей природе должна воздействовать на «более низкую», мало чем содействуют выяснению исторической истины. Понятно, некоторые из буржуазных ученых могли иногда по-иному взглянуть и на этот вопрос.

Однако только в советской археологической и исторической науке эти исследования приобрели должное направление. Прежде всего было выдвинуто требование изучать развитие культур первобытных обществ, которые могли находиться под влиянием цивилизованных народов. В частности, обращалось внимание на вопрос о воздействии греческой культуры на скифские племена.

В отличие от традиционной трактовки греческой колонизации на северном побережье Черного моря, так сказать, с «греческой стороны», основное направление исследований было обращено на объективные исторические условия развития местных племен (главным образом скифов), подходя к вопросу как бы со «скифской стороны».

Такое направление представляет книга А. А. Иессена «Греческая колонизация Северного Причерноморья»¹⁸, в которой сильно подчеркивается, что вопрос об основании греческих колоний решался в последней инстанции не географическим положением, а уровнем социально-экономического развития местных племен. А. А. Иессену важно было рассмотрение греческо-скифских контактов как двустороннего процесса. В этом же направлении в принципе идет интерпретация явлений в серии «Причерноморье в античную эпоху», с таких же позиций написана работа Д. П. Каллистова «Северное Причерноморье в античную эпоху» и другие аналогичные труды.

Эта методологическая основа, требующая рассмотрения контактов между народами в плане двустороннего воздействия и прежде всего исследования уровня исторического

XIX, 1953, вып. 2—4, стр. 207 сл. Автор обсуждает требования, предъявляемые к изучению предметов римского импорта, найденных в Польше.

¹⁸ Рецензию см. в «Archaeologia», II, 1948, стр. 210 слл.

развития тех народов, которые раньше считались пассивными получателями материальных благ от более цивилизованных обществ, стала отправной точкой моих трудов в этой области.

В книге «Предметы римского импорта на славянских землях» я писал (стр. 27 сл.): «Активность была, следовательно, двусторонней. Поэтому, желая понять подлинные причины и тенденции развития римской экономической экспансии на славянских территориях, следует в равной мере исследовать социально-экономические отношения как в Римской империи, так и среди славянских племен...». Понятно, здесь дано неполное определение (так как надо исследовать полный исторический процесс, следовательно, и производительные силы и всю духовную культуру), но тем не менее оно указывает правильное направление работ¹⁹.

В нашей исследовательской работе необходимо особенно внимательно изучать уровень развития первобытных племен не только потому, что их роль недооценивалась в буржуазной историографии, но и потому, что угнетенные народы и их предки внесли большой вклад в общечеловеческую культуру.

Марксистская историография полностью оценивает влияния более развитых обществ на менее продвинувшиеся в своем развитии племена и народы. Однако она настаивает на необходимости исследовать в первую очередь «собственное» развитие, «собственный» исторический процесс и «собственные» традиции любого общества. Лишь на этом фоне следует изучать влияния и воздействия чужих обществ.

Контакты польских земель с Римской империей лучше всего прослеживаются в предметах римского импорта, найденных на территории Польши. В этой проблеме можно выделить следующий вопрос: 1) Каким образом предметы римского импорта проникали в области, расположенные вне границ империи, следовательно, и на польские земли?

V. ИНФИЛЬТРАЦИЯ РИМСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ В ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Раньше в археологической литературе высказывалось мнение, что римские изделия попадали на эти территории главным образом в качестве военной добычи. Позже обращалось большое внимание на торговые отношения. Ныне мы, пожалуй, склонны предполагать, что некоторая часть римских изделий попадала на наши земли в качестве военной добычи и даров племенным вождям, но что главная часть шла путем товарного обмена²⁰.

2) Кто приобретал наиболее ценные римские изделия? Мы полагаем, что их приобретали «князьки», племенные вожди, главари военных дружин, родовые старейшины и наиболее зажиточная родовая верхушка. Наиболее ценные предметы римского художественного производства часто клались в погребения (изделия из бронзы, стекла, серебра, керамики). Это были большие, обычно обложенные камнем и отличающиеся богатым инвентарем погребения — так называемые «княжеские погребения» (например, в Закржове, Ленге Пекарском и т. д.). Эти погребения, отличающиеся ценными римскими изделиями, вероятно, принадлежали представителям наиболее знатной племенной верхушки славян. Такое предположение, выска-

¹⁹ В качестве работы, определяющей направление исследований, моя книга была положительно оценена как польскими (проф. Костржевский, проф. Тыменецкий), так и советскими (Ф. В. Гайдукевич, О. В. Кудрявцев) учеными. См. сопоставление рецензий и обзоров в «Archeologia», V, 1952—1953 (1955), стр. 197 сл. (Ю. Зиомецкий).

²⁰ K. M a j e w s k i, «Archeologia», III, 1952, стр. 24 слл. Высказывания проф. Тыменецкого (ук. соч., стр. 463 и passim) дают основание полагать, что и по его мнению большая часть римских изделий попала на наши земли путем товарообмена. См. A. G i e y s z t o r, «Kwartalnik Historyczny», LXI, 1954, вып. 1, стр. 114, № 74.

занное мной на VII съезде польских историков²¹, было признано убедительным²². Позже оно было повторено на основании археологических данных в моей монографии.

Здесь стоит отметить, что Альмгрен, Ян и многие другие объясняли разницу между «бедными» и «богатыми» погребениями этническими различиями. Но уже Эггерс замечает, что такое объяснение бросающейся в глаза разницы недостаточно (особенно в отношении к погребениям с римскими изделиями, представляющими значительную материальную и художественную ценность). Он правильно заявляет, что в «богатых» погребениях были захоронены местные жители из высших слоев населения²³. Очевидно, он считает эту элиту германской так же, как и все население тех земель в первые века нашей эры. С этим тенденциозным утверждением я не буду здесь полемизировать, так как в моих выводах речь не идет об этнических вопросах. К тому же они должны стать предметом специального исследования в связи с нашими археологическими работами по этногенезу славян.

Однако в данной связи стоит напомнить об аналогичных «княжеских погребениях» на территории Словакии. В Цейкове найдено богатое погребение с сосудами из бронзы, стеклянной миской, серебряным перстнем, золотым наплечьем и золотым ожерельем²⁴. В Страже Пьештянского района найдены «княжеские погребения» с бронзовыми ведрами, серебряным педилом, серебряной миской весом около 3 кг, сосудами terra sigillata и другими ценными импортными предметами²⁵. Также в Островянах Сабиновского района обнаружено много ценных предметов римского происхождения, среди них золотой кубок, четыре золотых фибулы и бронзовый треножник²⁶. Таких примеров можно было бы привести больше как из славянских, так и из германских земель вне границ империи.

Итак, появление «княжеских погребений» свидетельствует об определенной закономерности исторического развития населения этих территорий в первые века нашей эры, а именно о существовании племенных союзов во главе с «князьями», которых хоронили в богатых погребениях.

Что в обмен вывозилось из польских земель в Римскую империю?

По этому вопросу нельзя дать ответ, надлежащим образом подтвержденный источниками. Можно только высказать предположения на основании аналогий с другими странами, расположенными вблизи Римской империи. Давно уже принято полагать, что из наших земель вывозили меха, кожи, мед, перья птиц, скот, железо, янтарь, хлеб и рабов²⁷. Выдвигалось соображение, что ввиду трудностей транспорта малове-

²¹ K. M a j e w s k i, Ziemie polskie w starożytności. Uwagi nad referatem prof. J. Kostrzewskiego, «Pamiętnik VII zjazdu...», стр. 185 сл.; см. отчет в «Kwartalnik Historyczny», LVII, 1949, стр. 414; ВИ, 1949, № 2, стр. 110 сл.

²² Вероятно, так следует понимать слова проф. А. Гейштора, ук. соч., стр. 117, прим. 90.

²³ Эггерс (ук. соч., стр. 50) пишет: «Местные представители высшего общественного слоя (знатные, князья, цари), похоронный обычай которых отличается от ритуала похорон рядовых свободных и в значительной степени был обусловлен „международно-общегерманскими обычаями“». О так называемых «княжеских погребениях» он говорит: «следовательно, появление „княжеских погребений“ надо интерпретировать социологически, а не этнически». При этом он все же не упоминает, что не он впервые дал такое толкование. Близкую «социологическую» интерпретацию «княжеских погребений» из Лойны под Мерзебургом дает W. S c h u l z, Leuna. Ein germanischer Bestattungsplatz der spätrömischen Kaiserzeit, Берлин, 1953, стр. 69 сл.

²⁴ J. Filip, Praveke Československo, Прага, 1948, стр. 307 сл.

²⁵ Z o t z, Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit, XVI, 1940, стр. 154 слл.; см. Eggers, ук. соч., № 1978—1980.

²⁶ Filip, ук. соч., стр. 307 сл., рис. 86.

²⁷ См. K. T u m i e n i e c k i, ук. соч., стр. 497; ср. P r e i d e l, Handel und Verkehr in den Sudetenländern während der ersten Hälfte des I. Jhd. n. Chr., «Südost-

роятной является гипотеза о вывозе хлеба из западнославянских земель, несмотря на то, что она подтверждается источниками для восточнославянских территорий. Заявлялось, что «умолчание римских источников о рабах также, пожалуй, соответствует действительности»²⁸. Думаю, что теми же средствами сообщения, что меха, кожи и янтарь, по тем же путям можно было перевозить и хлеб, используя в качестве носильщиков и извозчиков именно рабов, которые покупались в славянских странах.

Другие вопросы.

Ученые занимались также вопросом о том, какие технические усовершенствования были заимствованы из Римской империи. Касались они и вопроса об улучшении организации труда (считалось, например, что, возможно, организация труда в мастерских Иголомии восходила к паннонским образцам) и т. д. Об этом очень сжато говорилось в моей монографии и убедительно высказывался проф. Тыменецкий в вышеуказанном труде.

VI. РИМСКИЕ МОНЕТЫ

Многие ученые, как Садовский, Гумовский, Пиотрович и другие, занимались у нас исследованием римских монет. В данной статье невозможно даже в самой общей форме обсудить проблемы, связанные с римскими монетами. Поэтому я ограничусь только теми вопросами, которые имеют большое значение для оценки роли римских монет в экономике племен, обитавших на наших землях в первые века нашей эры, и которые ныне горячо обсуждаются и у нас, и в советской археологии.

Речь идет о том, использовались ли римские монеты на западнославянских землях и, в частности, в Польше в качестве сокровищ или как средство обмена. По мнению проф. Тыменецкого (ук. соч., стр. 485), они были средством обмена, аналогично тому, как это считают Б. А. Рыбаков, В. Ф. Гайдукевич, М. Ю. Брайчевский и ...Фенин, для населения восточной Европы (главным образом юга СССР) в первые века нашей эры.

По моему мнению, римские монеты в самом деле обладали обменной стоимостью у племен польских земель того времени, не только в обмене между римскими купцами и родовой верхушкой, а также и внутри этой верхушки, да и то, пожалуй, это имело место лишь в непосредственной близости к торговым путям и вблизи границ империи²⁹. Однако среди рядового населения, на землях, расположенных вдали от империи, римские монеты могли обладать только стоимостью металла.

VII. ПРОБЛЕМА НАЧАТКОВ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО УКЛАДА

Стремясь использовать в наших исследованиях все доступные археологические источники также и для проблематики производственных отношений, мы обращали осо-

Forschungen», IX—X, 1942—1945, стр. 46. Прейдель высказывает догадку, что германцы, проживавшие на территории Чехии и Моравии, торговали с римлянами, доставляя им, кроме хлеба, скота, кож и т. д., также рабов.

²⁸ A. G i e y s z t o r, Geneza Państwa Polskiego, «Kwartalnik Historyczny», LXI, 1954, № 1, стр. 114.

²⁹ В. В. К р о п о т к и н (ВДИ, 1951, № 4, стр. 244 слл.) правильно, на наш взгляд, полагает, что римские монеты, находимые на территории Украины, свидетельствуют о денежном обмене между римскими купцами и верхушкой местных племен. Не убедили меня все же соображения М. Ю. Б р а й ч е в с к о г о, высказанные в расширенном виде в статье «О распространении римских монет у древних восточных славян», ВДИ, 1954, № 1, стр. 119—134 (см. рецензию Ю. В е л о в е й с к о г о в «Archeologia», VII, 1955, вып. 1), что римские монеты представляли собой средство уплаты при внутреннем обмене у антских племен. Если не ошибаюсь, в последней своей статье В. В. К р о п о т к и н (ВДИ, 1954, № 3, стр. 152—180) уже утверждает, что римские монеты имели среди восточных славян только металлическую стоимость. К сожалению, не могу согласиться и с этим мнением.

бое внимание на археологический центр в районе Иголомии. Наличие в этом районе больших групп гончарных и плавильных печей дало основание полагать, что в иголомийских керамических мастерских применялся труд рабов. Отсюда же возникло предположение, что в первые века нашей эры в южной Польше существовали начатки рабовладельческого уклада.

На конференциях в связи с тысячелетием существования Польского государства, обсуждая вопросы периодизации истории древней Польши, мы говорили о разложении первобытно-общинного строя, о военной демократии и об элементах феодального уклада.

В докладе на конференции в Калише в 1950 г. мною была предложена попытка периодизации последнего этапа истории древней и раннесредневековой Польши. В журнале «Kwartalnik Historyczny», LXI, 1955, стр. 209 я дал следующую несколько измененную формулировку: «Историю Польши с I по V в. н. э. можно охарактеризовать как период племенных союзов (военная демократия) с разлагающимся строем первобытной общины и с сосуществованием нарастающих феодальных элементов и недоразвитых элементов рабовладельческого уклада. В свете последних открытий в районе Новой Гуты и в Иголомии кажется более правдоподобным тезис, что славянские племена на юге Малой Польши были экономически наиболее развитыми и что направление их развития шло от первобытной общины к рабовладельческой формации. Римское влияние ускорило процесс разложения первобытной общины в техническом отношении, но одновременно загнивающая рабовладельческая формация Римской империи тормозила этот процесс в социально-экономическом отношении, не допуская возникновения рабовладельческой формации на наших землях. Такая диалектика исторического процесса привела к тому, что элементы рабовладельческого уклада оказались задержанными, не развились рабовладельческие отношения у племен, проживавших на польских землях, они сразу перешли к возникавшей тогда в Европе более высокой социально-экономической формации — к феодализму».

Цитируемый тезис о возможности существования у племен южной Польши недоразвитого рабовладельческого уклада был впервые мной сформулирован на конференции историков в Москве в 1950 г.³⁰ Он был принят, пожалуй, положительно, — понятно, в качестве отправной точки для обсуждения³¹.

VIII. ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ В ДРЕВНОСТИ

В процессе изучения так называемого римского периода на польских землях польские археологи и историки обращали внимание также на проблему роли древних славян в падении Римской империи.

³⁰ Это была конференция советских и польских историков, организованная Институтом славяноведения АН СССР в Москве. См. КС ИС, 1951, № 4—5, стр. 68.

³¹ Проф. Генсель в «Przegląd Zachodni», 1953, № 6—8, стр. 59, прим. 15, и в «Slavia antiqua», II, 1949—1950, стр. 290. Также проф. Гейштор (ук. соч., стр. 114 сл.) прямо говорит: «Следует принять, что рабство выступало у нас в патриархальной форме в рамках родовой общины, однако кое-где, как, например, в южной Польше, могли существовать начатки рабовладельческого уклада». В пользу существования рабовладельческого уклада на землях Польши высказывается также проф. Ю. Бардах. В обработке его лекций по курсу «История польского государства и права» (Лодзь — Варшава, 1955, стр. 13) мы читаем: «Под Краковом, в местности Иголомия недавно открыты были два комплекса больших плавильных печей и многочисленные гончарные печи, происходящие от IV—V вв. н. э. и свидетельствующие о том, что в этом районе существовало производство на продажу. Столь значительные размеры производства подтверждают предположение, что в это время на польских землях могли иметь достаточно серьезное значение рабы, принадлежавшие племенной знати и эксплуатируемые ею».

Этот круг вопросов весьма интересует советских ученых, которые за последние годы неоднократно высказывались на эту тему. Эта проблема имеет общее значение для всех славянских земель, и ее нельзя рассматривать, ограничиваясь предками польских или даже вообще западных славян. Поэтому здесь необходимо учитывать взгляды всех ученых, занимающихся как западными, так и восточными славянами, принимая во внимание и сближения, и расхождения во взглядах.

В области этой проблемы выдвигались два следующих вопроса:

1. Был ли уровень производительных сил у славян в период падения Римской империи выше, чем у древних племен, переходящих от первобытно-общинной формации к рабовладельческой? В связи с этим уместно напомнить о дискуссионном тезисе В. Д. Королюка, разделяемом многими советскими исследователями. В. Д. Королюк считает (КС ИС, там же, стр. 74), что первыми классами в Польше были рабы и рабовладельцы. Однако рабовладение в Польше никогда не существовало как социально-экономическая формация, и польским славянам рабовладение было известно только в его патриархальной форме. Иначе и быть не могло, потому что, во-первых, начало процесса образования классов у польских славян проходило на базе более высокого уровня развития производительных сил, чем, допустим, в рабовладельческих обществах древнего Востока или античного Средиземноморья; во-вторых, потому что сами польские славяне активно участвовали в ликвидации очагов рабовладельческого способа производства в Европе и в строительстве феодального общества в Восточной Европе.

Приведенное мнение некоторые исследователи считают правильным; к ним принадлежат П. Н. Третьяков³², К. Н. Тарновский (ВИ, 1954, № 4, стр. 84), Ю. Бардах (ук. соч., стр. 14). По моему мнению, это высказывание правильно в своей первой части, но дискуссионно во второй³³. Доступные нам исторические источники не дают оснований для категорического утверждения о том, что уровень развития производительных сил у польских славян в период возникновения классового общества был выше, чем у племен древности в период зарождения у них рабовладельческого строя.

2. «Антиримский аспект». Отрицательно оценивая «проримский аспект» в изучении «римских влияний» на народы, проживавшие вблизи Римской империи, не следует впадать в противоположную крайность, как это сделал М. Ю. Брайчевский в статье, посвященной вопросу о «римских влияниях» на культуру восточных славян в древности³⁴. М. Ю. Брайчевский категорически утверждает, что экономические и культурные связи древних славян с Римской империей не имели прогрессивного характера, рекомендует отказаться от терминов «римский период» и «период римского влияния», предлагая называть время от I по VII вв. н. э. в истории восточных славян «антским периодом». Не считаясь с убедительными свидетельствами археологических источников, М. Ю. Брайчевский подвергает ревизии принятые в историографии взгляды на значение торговли славянских племен с Римской империей.

Концепция М. Ю. Брайчевского вполне правильно была подвергнута убедительной критике В. В. Кропоткиным и Н. Я. Мерпертом³⁵.

В связи с упомянутыми расхождениями в оценке римских влияний на развитие культуры славянских племен нельзя умолчать и о формулировках П. Н. Третьякова, которые, по-видимому, также являются дискуссионными. Он отрицательно оценивает римское влияние, заявляя (ук. соч., стр. 269), что «в окончательном итоге римское влияние пауперизировало славянские земли и племена; оно задерживало их социальное и в особенности экономическое развитие». Несколько ниже П. Н. Третьяков добавляет,

³² См. его статью в коллективном издании «Pierwsza Konferencja metodologiczna historyków polskich», Варшава, 1953, т. I, стр. 269.

³³ Дискуссионным считает этот тезис также и А. Гейтлер «Kwartalnik Historii Kultury Materialnej», II, 1954, вып. 4, стр. 607.

³⁴ «Археологія» V (Киев), 1951.

³⁵ См. их рецензию в ВДИ, 1952, № 2, стр. 144 сл.; ср. СА, XVII (1953), стр. 255.

что на Украине римское влияние было отрицательным. По его мнению, лишь с V века там начинается развитие металлургии и гончарного дела, «как бы возрождаются многие старые местные традиции», а «культура после V века развивалась интенсивно именно потому, что население этой территории освободилось от римской экспансии». Он констатирует, что раскопки в Иголмии, свидетельствующие «о небывалом развитии ремесленного гончарного и металлургического производства именно в V и VI вв.», доказывают, что аналогично Украине развитие польских земель начинается после исчезновения римского влияния. Дальше П. Н. Третьяков полагает, что произошло падение римской духовной культуры (искусство, литература), следовательно, надстройки, представляющей собственность небольшой части римского общества, но что культура народных масс в границах Римской империи продолжала развиваться после падения Рима и что «одновременно быстро продвигалось развитие производительных сил».

Оба эти важных вопроса требуют дальнейшего всестороннего обсуждения.

IX. НЕДОСТАТКИ, ЗАДАЧИ И ТРЕБОВАНИЯ

Одним из недостатков истекшего десятилетия является слабое внимание к археологии римских провинций и археологии позднелатенского и римского периодов в районах, смежных с Польшей. Речь идет прежде всего об европейской части СССР, придунайских областях и о Чехословакии.

Определенное значение имело бы сравнение уровня культуры племен южной Польши с культурой племен Паннонии до римского завоевания³⁶. В частности, интересны сведения о племенном кельтско-иллирийском союзе эрависков, или арависков, обитавших в изгибе Дуная в районе Бригедия и Аквинка. Эти племена обладали не только высокой культурой, специализированным и сконцентрированным территориально ремеслом, богатой родовой аристократией, но, вероятно, и сильной «государственно-племенной» организацией. Известно, что до покорения их римлянами эрависки чеканили серебряную монету по образцу римского денария. Их «князь», вероятно, признал при Августе верховную власть Рима. Кажется, что после покорения этот племенной союз был «признан» римлянами, а старое территориальное деление у эрависков еще долго существовало и под римской оккупацией. Надпись CIL, III, 10418 свидетельствует, что еще в III в. н. э. недалеко от Аквинка существовала «civit[as] Eravisc[orum]»³⁷. Весьма правдоподобно, что племена эрависков и под римской оккупацией сохранили свою хозяйственную систему; основой их экономики продолжало оставаться земледелие и коневодство. На римских надгробиях из этой территории часто встречаются изображения лошадей, мулов и повозок³⁸. В римское время на землях этих племен, наряду с другими местными божествами, продолжали почитать также божество Седата, аналогичное Вулкану³⁹.

Подлинный расцвет торговли между племенами южной Польши и римскими провинциями начался после установления римской границы вдоль Дуная и после того, как был построен ряд кастеллов севернее Дуная. Наиболее продвинутым на север был Мушов. Кастеллы, группировавшие вокруг себя торговцев, купцов, маркитантов

³⁶ C. G r o s s, Skizzen zur vorrömischen Culturgeschichte der mittleren Donaugenden,..... стр. 480, 493, и passim.

³⁷ A. B e t z, Illyrisch-keltisches aus dem Ager Carnuntinus «Laureae Aquincenses memoriae Valentini Kuzsinszky dicatae», т. 1, Будапешт, 1938, стр. 4; см. RE, VI (1909), стб. 389 слл.

³⁸ «Oesterreichische Jahreshfte», II, Beiblatt, стр. 65 сл., рис. 28 сл.; P. Bieńkowski, Ueber skythische Wagen, «Festschrift zu Ehren von E. Bormann», XXIV, 1902, стр. 162—165, табл. 1

³⁹ A. D o m a s z e w s k i, Die Religion des römischen Heeres, «Westdeutsche Zeitschrift», XIV, 1895, 1, стр. 55.

(*capabae*), были центрами не только местного обмена. А пограничные римские города, развивавшиеся из кельтских *oppida* (например, Карнунт, Аквинк), превратились в центры внешней торговли, центры распределения римских изделий, которые, несомненно, достигали и польских земель.

Здесь стоит упомянуть о глиняных сосудах, которые привозились в Силезию из придунайских районов. В местностях Лигота Велька Козленского района и Закшув Олесницкого района найдены глиняные небольшие кубки, орнаментированные вертикальными углублениями и датированные IV веком н. э. Сосуды такого типа, возникшие под влиянием изделий из стекла, производились в таких придунайских местностях, как Карнунт, Виндобона, Лавриак⁴⁰. Возможно, что упомянутые силезские предметы происходят из каких-то этих мастерских⁴¹. Местом их распространения мог быть Карнунт, откуда путем, ведущим через Моравские ворота, они, вероятно, достигали силезских племен.

Мы также должны хорошо ориентироваться в исследовательских достижениях по истории племен, проживавших в интересующий нас период на территории Чехословакии. Ибо правильно восстановить социально-экономические и политико-этнические отношения на территории южной Польши можно будет при условии не только полного использования археологических источников, но и путем привлечения аналогичного исторического материала. Особенную помощь окажут нам сведения по истории маркоманов и квадов, в частности об их борьбе с римлянами и об их отношении к покоренным кельтским племенам.

Существование на территории Моравии и западной Словакии племенного маркоманского царства Маробода, а позже квадского племенного царства римского вассала Ванния (*regnum Vannianum*), затем борьба германских племен — маркоманов, гермундуров, квадов и херусков — между собой и с римлянами не могли не найти каких-либо отзвуков среди смежных с ними племен. Вероятно, более спокойные времена содействовали торговым контактам и импорту кельтских и римских изделий, а в военное время, быть может, через Карпаты на наши земли пробирались военные отряды, следы которых сохранились здесь в виде римских изделий.

Насколько лучше можно будет оценить роль контактов наших племен, особенно из южной Польши, с провинцией Паннонией, если мы будем помнить [о большой вероятности культурных связей между племенами бассейна Вага и населения, проживавшего на территории юго-западной Малой Польши⁴²! Исследования польских

⁴⁰ Глиняные сосуды с вертикальными углублениями были распространены по всей территории империи. Такие же типы сосудов характерны для территории Рейнской области и придунайских провинций. E. B o n i s [«Die Kaiserzeitliche Keramik von Pannonien (Ausser der Sigillaten). I Die Materialien der frühen Kaiserzeit» (*Dissertationes Pannonicae*, 2-я серия, № 20), Будапешт, 1942, стр. 42 сл., табл. XVII] дает обзор наиболее важных вариантов этого типа глиняных сосудов, находимых во многих местах раскопок на территории Паннонии (ср. табл. XXXV, 15, 10, 18). Сосуды этого типа встречаются в Британии и, как пишет Э. Бонис, производились в германских гончарных мастерских. Они около 400 г. н. э. появляются даже на территории Силезии, (A. A l f ö l d i, *Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung...* стр. 53). См. S. P a u l o v i c s, *Funde und Forschungen in Brigetio (Szöny)*, «*Laureae Aquincenses*», II, Будапешт, 1941, стр. 163, табл. XXVII, 9; A. S c h ö r g e n d o r f e r, *Die römerzeitliche Keramik der Ostalpenländer*, Брно — Мюнхен — Вена, 1942, стр. 193.

⁴¹ E. K o n i k, *Śląsk starożytny a imperium rzymskie*, «*Biblioteka Archeologiczna*», стр. 36, прим. 32.

⁴² Источники к этой проблеме опубликованы в ценных работах чехословацких археологов. См, например, J. D o b r á š, *Archeologické nálezy jako prameny pro dějiny stávků Říma z uzemín dnešního Slovenska*, «*Obzor Praehistorický*», I, 1922 стр. 65—90; о н ж е, *Les Romains dans le territoire de la Tchécoslovaquie actuelle d'après les fouilles récentes*, *Extrait du V-me Congrès Internationale d'Archéologie*,

(проф. Ямка), чешских и словацких археологов подтверждают, что в I и II вв. н. э. так называемая пуховская культура (Скала под Пуховом в бассейне Вага) имела общие черты с культурой некоторых племен, обитавших на север от Карпат вблизи Кракова, Тарнува и вплоть до границы Силезии⁴³. Некоторые исследователи, в частности, Я. Филип (ук. соч., стр. 361), связывают с янтарным путем даже воздействие наших земель на Моравию. Количество таких примеров можно легко увеличить.

Совершенно необходимо установить максимально тесную связь с исследователями той же проблематики в соседних странах. В частности, мы считаем абсолютно необходимым, чтобы наши молодые археологи работали над проблемой так называемых полей погребений на Украине и вообще на южных территориях СССР. Это связано с предоставлением им возможности участвовать в раскопках и пользоваться музеями в СССР. Без сотрудничества с советскими археологами невозможно надлежащим образом изучить контакты населения Польши с восточными римскими провинциями. Равным образом необходимо установление более тесного сотрудничества с чехословацкими, немецкими, венгерскими, а также с болгарскими и румынскими археологами.

Казимир Маевский

(Варшава, 1955 год)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РИМСКОЙ ДОРОГЕ ФИЛИППОПОЛЬ—ЭСК—ДАКИЯ

В результате ряда продолжительных войн, которые вели римляне, восточная часть Балканского полуострова была окончательно включена в состав римской империи и на ее территории были созданы две римские провинции: в начале I в. — Мезия¹ и в 46 г. — Фракия. Для окончательного закрепления своего владычества во вновь присоединенных землях полуострова, а также для осуществления политики дальнейшего расширения своих владений римская рабовладельческая держава позаботилась в первую очередь о постройке в чисто стратегических целях необходимых дорог. Помимо этого возводились необходимые *mutationes* и *mansiones*² для регулярной и удобной транспортировки государственного имущества, лиц и пр.³. По этим же дорогам для подавления вспыхнувших восстаний, отражения внешних нападений и т. п. перебрасывались римские легионы во внутренние и периферийные части империи.

О мерах, принимаемых по усовершенствованию таких дорог, свидетельствуют дошедшие до нас две мраморные надписи, одна из которых была найдена в местечке Балач, около села Бучино Софийской околии⁴, другая — в местечке Стенице

Алжир, 1933; он же, *Le strade romane nel territorio cecoslovacco, Le grandi strade del mondo romano*, V, Рим, 1937, стр. 5; G r o b, *Les restes du Limes Romain en Tchécoslovaquie*, «Eos», 1929, стр. 665, и слл.; E. Šimek, *Čechy a Morava za doby římské*, Прага, 1923.

⁴³ J. Filip, *Pradzieje Czechosłowacji*, Познань, 1951, стр. 359.

¹ Т. Д. З л а т к о в с к а я, Мезия в I и II веках нашей эры, М., 1951, стр. 44.

² Такого вида станции создавались на центральных римских дорогах еще во времена Августа, см., G. H u m b e r t, *DA, cursus publicus*, стр. 1655.

³ О римских дорогах, их строительстве, организации, месторасположении, а также расположенных на них станциях см. RE, *Mansio*, т. XIV, стб. 1231 слл., дополнительный т. VI, *Miliarium*, стб. 395 слл.; *DA, cursus publicus*, стр. 1645 слл.; *DA, via*, стр. 777 слл.

⁴ Антични паметници в Народния музей, ИАД, 1912, т. III, стр. 16, рис. 13.

на территории села Михилци Левскиградской околии⁵. Первая из надписей относится к римской дороге Singidunum--Constantinopolis, а вторая приводит данные о дороге Philippopolis — Oescus. Содержание первой надписи следующее⁶.

[Ner]o C[la]udius divi Claudi f(ilius),
 Germ(anici) Caesaris n(epos), Ti(beri)
 Caesaris Aug(usti) pron(epos), divi
 Aug(usti) abn(epos), Caesar Aug(ustus)
 Germ(anicus), pontif(ex) max(imus),
 trib(uniciae) pot(estate) VIII, 61 год
 co(n)s(ul) III, p(ater) p(atriciae), tabernas et
 praetoria per vias militaris fieri iussit
 per T(itum) Iulium Ustum pro(curatorem)
 provinciae Thrac(iae)

Из текста надписи явствует, что в западной части Фракии в период правления Нерона, вероятнее всего в 61 г., были сооружены две государственные военные дороги Наместником провинции в это время являлся прокуратор Тит Юлий Юст. На этих дорогах были построены tabernae (постоялые дворы, гостиницы, корчмы для неофициальных, частных лиц) и praetoria (дома, квартиры, постоянные дворы для официальных высокопоставленных гражданских и военных лиц)⁷. По дороге Philippopolis — Oescus располагалась также часть станций, о чем свидетельствует Tabula Peutingeriana⁸.

После победы Траяна над даками эта дорога была продолжена за Дунай на территорию Дакия⁹. Эта дорога от Филиппополя шла на север через земли, в которых расположены теперь села Труд, Гр. Игнатъево, Колояново, Дълго поле, Чернозем, Долна и Горна Махала, и далее по территории ряда местечек, преимущественно по соседству с нынешним шоссе и железнодорожной линией, идущими в Левскиграду. Отсюда она проходила через земли села Иван Вазова, где пересекалась с другой римской дорогой — Constantinopolis — Ranihum — Augustae (Хисаря)¹⁰. Следы этой дороги хорошо сохранились на территории сел Песнопой и Михилци. Они встречаются последовательно в следующих местностях: Карагыол, восточной части с. Песнопой, Старые лозы, Циганский источник, Кантона¹¹, Велково болото, Турецкое кладбище, Османица (Ушпите), Божков источник, Преките нивы, Воденичния верх или Шеовица, Маривно

⁵ Мсб, 1900, т. XVI—XVII, стр. 97, рис. 50; CIL, III, 6123, 14207³⁴; RA, XXXVI, 1900, стр. 306 сл., № 18; Dumont-Homolle, Mélanges d'archéologie et d'épigraphie, P., 1892, 326, № 13^b; E. Kalinka, Antike Denkmäler in Bulgarien, Wien, 1906, стр. 19.

⁶ Здесь мы приводим лучше сохранившуюся надпись из с. Михилци, дополнив отсутствующее данными из надписи, найденной в с. Бучино.

⁷ О толковании выражений tabernae и praetoria в смысле построек на римских дорогах см., DA, taberna, стр. 11; saupona, стр. 974; praetorium, стр. 642.

⁸ Konrad Miller, Die Peutingerische Tafel, Ratensburg, 1888, Seg. VIII.

⁹ Как известно, по этому вопросу существует несколько мнений, в большей своей части этот вопрос был разрешен в работе В. А в р а м о в, Траяновият път от Карпатите за Пловдив, ИАД, 1915, т. IV, стр. 226 сл.

¹⁰ Дим. Ц о н ч е в, Римският път Philippopolis — Carassura и разклоненията му при Ranihum, ГПНБМ, 1942, стр. 56—57.

¹¹ 300—400 м восточнее данной дороги в нынешней местности Дерезлии, засаженной виноградом, находятся следы фракийского поселения римской эпохи. Из этого поселения ведет свое происхождение один из римских военных дипломов времени Александра Севера от 224 года. См. Dim. Z o n t s c h e w, Zwei neuentdeckte römische Militärdiplome, Öjh, т. 31, 1939, стр. 139 слл.

болото, Калдарыма и Стениците. Местечко Стениците находится недалеко от правого берега реки Стряма, в древности *Surgus*, на территории Михилско в 47—48 км от Пловдива, а не 52 км (35 римских миль), как это считал В. Аврамов¹². Часть этой территории, расположенной влево от дороги за селом Войнягово, называется Горните Стеницы, а вправо от него — Долните Стеницы. Окружающие его земли изобилуют подпочвенными водами.

Сохранившиеся следы стен жилых строений, куски кирпичной черепицы, монеты и т. п. наглядно свидетельствуют о том, что здесь в прошлом находилось поселение, существование которого было связано с проходившей здесь римской дорогой. Название и месторасположение данного поселения не указаны в *Tabula Peutingeriana*. В. Аврамов предполагает, что эта станция называлась *Viamata*¹³. Однако трудно принять это предположение, не располагая в настоящее время достаточным количеством подкрепляющих его исторических и археологических данных. Могилы этого поселения, открытые несколько лет тому назад при извлечении камня, находились на юго-востоке и тянулись до северо-восточной скалы. В скале на юго-востоке, непосредственно около поселения, находились римские каменоломни, как об этом свидетельствуют высеченные в естественной скале *in situ* колонны диаметром около 1 м. Среди этих памятников прошлого и была найдена надпись времени Нерона. В январе 1955 г. при вспашке земли в с. Горните Стеницы почти непосредственно около шоссе на глубине 0,3—0,4 м крестьянин Иван Христов Лютов из Михилци наткнулся на вторую мраморную доску, которая передана в музей г. Левскиграда. Найденная здесь латинская надпись начертана на прямоугольной мраморной плите, грубо обтесанной с обратной стороны. Высота плиты достигает 1,11 м, ширина 0,625 м, толщина 0,14 м. Рамка имеет ширину 0,11 м, обрамленное поле плиты достигает 0,41 м ширины и 0,89 м высоты. Надпись состоит из 18 рядов высеченных букв, размером от 0,03 м до 0,037 м (рис. 1).

Надпись эта следующего содержания¹⁴

Imp(erator) Caesar,
 divi Veri frater,
 divi Antonini Pii
 filius, divi Hadri —
 ani pronepos, di —
 vi Nervae abne —
 pos, M(arcus) Aurelius
 Antoninus, Augu
 stus, Germanicus,
 Sarmaticus, Pon- 175 год
 tificus Maximus,
 tribuniciae pot(estatae),
 co(n)s(ul), III, p(ater) pat(riae)
 stabula vetusta —
 te dilapsa a solo
 sua pecunia resti —
 tuit.

Перед гравировкой надписи, для того чтобы буквы были одинаковой высоты, один ряд от другого отделялся неглубоко выдолбленными линиями, находящимися на расстоянии 0,35 м друг от друга, линии эти хорошо сохранились. Такого рода ли-

¹² Аврамов, ук. соч., стр. 236.

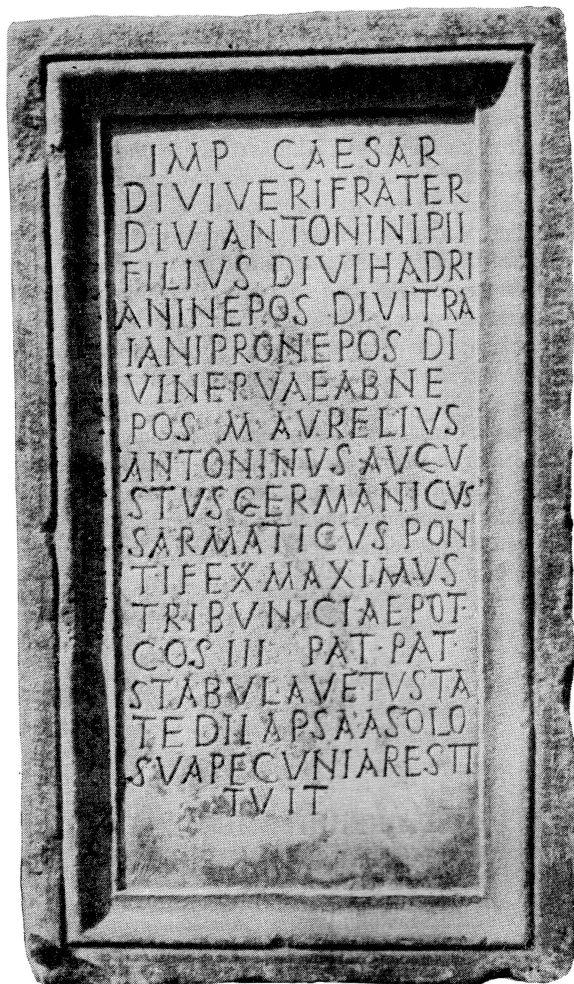
¹³ Аврамов, ук. соч., стр. 235.

¹⁴ Краткое сообщение об этой надписи мы встречаем у Николы Шотилова в его статье «Новооткрыт ценен латински надпис», «Новини», София, от 4. III. 1955 г., 6 р. 53 (V).

нии не сохранились на всех рядах надписи. Другой особенностью этой надписи является то, что не всегда сокращение слова обозначается точкой. Так, например, после слов IMP и COS точка отсутствует. Точки находятся только в конце сокращений M., POT., PAT. и PAT. В глаголе *restituit* буквы T и I не отделены одна от другой, а соединены сверху с горизонтальной частью буквы T и выгравированы, как греческая буква П. В нижней части плиты под хорошо выгравированной надписью заметны следы дополнительной слабой гравировки, похожей на более позднюю надпись в обратном направлении, однако слабые следы ее не дают возможности точно решить вопрос, является это действительно надписью или простыми трещинами позднейшего происхождения.

Эта надпись относится ко времени царствования Марка Аврелия (161—180 гг.), в ней содержится полный, хорошо известный титул последнего. Так, в ней он упоминается под титулом *sarmaticus*, полученным им в 175 г.¹⁵, следовательно, эта надпись могла быть сделана немного позднее данного года.

Наиболее важной частью надписи, дающей, действительно, новые сведения о данной дороге, являются ее последние четыре строки. Согласно им, император на свои средства восстановил находившиеся на этой дороге и пришедшие в ветхость *stabula*. Как понимать в этой надписи выражение *stabulum* (по-гречески *σταβμός*)? О каких строениях на дороге упоминает эта надпись? Lammert (RE, III, A₂ стб. 1926), первоначально рассматривавший в узком смысле значение слова *stabulum* (*stallung*, откуда происходит и французское слово *écurie*) как обозначение хлева, конюшни, в дальнейшем указывал, что под этим словом скрывается еще и *Wirtshaus, Gasthaus mit Ausspann, Quartierhaus*. G. Lafayer (DA, *stabulum*, стр. 1448) придерживается указанного выше толкования этого слова в смысле «конюшни», которое можно понимать также, как постоянный двор, гостиница. G. Humbert (DA, *cursus publicus*, стр. 1645), подробно рассматривая организацию государственной службы по наблюдению за разъездами по дорогам официальных лиц и за транспортировкой грузов, принадлежавших госу-

Латинская надпись на мраморной плите из села Михилци Левскиградской околии

¹⁵ R. C a g n a t, *Cours d'épigraphie latine*, P., 1914⁴, стр. 199 сл.

дарству, считал, что под словом *stabula* следует понимать различного вида помещения для скота, включая и те, которые располагались по римским дорогам около постоянных дворов. G. Humbert пишет (стр. 1656) о них следующее: «Рядом с перекладными пунктами сооружались также часто постоянные дворы или гостиницы, называемые *stabula* или *tabernae*, где путешествующие частные лица, пешие или конные, находили себе приют для отдыха. Это были преимущественно извозчики, вольноотпущенники или рабы и вообще путешественники из низших сословий, которые являлись частыми посетителями этих харчевен. Хозяин постоянного двора (*stabularius*) помещал сверху над входом вывеску, иногда с изображением слова, петуха, журавля. Некоторые императоры, как, например, Адриан, распорядились соорудить лучшие постоянные дворы на определенных участках дорог». Если слово *stabula* в нашей надписи рассматривать в том смысле, как это трактуется у G. Humbert¹⁶, где оно обозначает также и загоны для скота и домашней птицы¹⁶ независимо от того, где эти загоны были возведены, то возможно понимать под *stabula* постоянные дворы, отели, корчмы, гостиницы с хлевами и мелким хозяйством, где могли бы отдохнуть, перекусить, переночевать и развлечься неофициальные частные лица, пешие и конные, верхом или на телегах. Такого рода постоянные дворы воздвигались отдельно от государственных *mutationes* и *mansiones*, но, как правило, недалеко от них, где-нибудь по соседству. Пользование этими гостиницами представляло известное удобство для путешествующих. Со временем такие постоянные дворы разрастались и превращались в государственные станции: *mutationes* и *mansiones*.

Итак, открытая надпись даёт нам следующие новые данные. Марк Аврелий к 175 г. или немного позднее полностью восстановил на свои средства по дороге Филиппополь — Эск — Дакия все обветшалые постоянные дворы. Можно считать, что речь здесь идет не только о восстановлении хозяйственных помещений, имевшихся в большем или меньшем числе при всякого рода станциях, но также и о восстановлении полностью самих постоянных дворов.

Дим. Цончев (Болгария)
(Перевела И. А. Калоева)

ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ ЭМБЛЕМЫ КОЛЛЕГИИ КВИНДЕЦИМВИРОВ НА МОНЕТАХ РИМСКОГО ИМПЕРАТОРА ВИТЕЛЛИЯ

Монеты Римской империи, как известно, представляют собой интереснейшие памятники античности. Разнообразные изображения, чеканившиеся на них, дают нам возможность судить о направленности социальной или религиозной политики того или иного императора, а следовательно, в известной мере и об идеологии римского рабовладельческого общества.

Среди изображений, встречающихся на оборотных сторонах монет Авла Вителлия (69 г. н. э.), обращает на себя внимание тип, не являющийся традиционным для римской императорской чеканки: треножник с шаровидным котлом; на нижнем кольце треножника, скрепляющем его ножки, сидит ворон; на крышке котла — дельфин; по сторонам всего изображения надпись полукругом: *XVVIR — SACRFAC* (*Quindecimvir Sacris faciundis* — «один из 15 мужей для выполнения священных обрядов»).

¹⁶ В таком смысле употребляется это слово в одной надписи из Прийеполе в Южной Югославии. См. Н. Вулч, Антични споменици наше земље, Београд. Српска краљ. академија, 1931, № 332, стр. 138.

Изображение треножника, ворона и дельфина на монетах императора Вителлия дано не случайно. В античной мифологии треножник, ворон и дельфин являлись главным образом атрибутами бога-прорицателя Аполлона Дельфийского. Так, о треножнике как атрибуте Аполлона античные авторы передают нам легенды, согласно которым в давние времена один греческий рыбак вытащил из моря золотой треножник, который, будучи отправлен в Дельфы и посвящен Аполлону (Plut. Sol., 4; ср. Pausan., III, 21, 7, IX, X, 13, 4), якобы сам получил таинственные способности прорицания (Verg., Aen., III, 144—146; Ovid., Met., XV, 635—636). Сообщаемый Овидием миф о борьбе между богами и гигантами, согласно которому боги, спасаясь от сторукого гиганта Тифея, приняли образы различных животных, птиц и рыб, а Аполлон превратился в ворона (Ovid., Met., V, 329), указывает на тесную связь между Аполлоном и вороном, которого, как вещую птицу, античные авторы называли дельфийской птицей (Petron., 122), спутником таинственного треножника (Stat., Theb., III, 506); эта связь, по-видимому, восходит к древнейшим представлениям. Наконец, в гимне Аполлону, приписываемом еще Гомеру, рассказывается, как однажды, приняв вид дельфина, Аполлон привел в Криссейскую гавань торговый корабль и приказал его экипажу воздвигнуть на берегу моря жертвенник под названием «Дельфы» для поклонения ему, Аполлону (Ad Apoll. Pyth., 216—368).

Эллинизирующее влияние на различные стороны жизни римского общества привело к официальному признанию римской религией греческого олимпийского пантеона, ряда греческих культов. В частности, идеи культа дельфийского Аполлона и, как внешнее выражение этих идей, атрибуты последнего — треножник, ворон и дельфин — были приняты жреческой коллегией квиндецимвиров, 15 членом которой, по постановлению сената, хранили пророческие, так называемые сивиллины книги.

Несмотря на то обстоятельство, что римские источники ничего не сообщают о причинах, побудивших Вителлия чеканить на своих монетах изображение треножника, ворона и дельфина как эмблему квиндецимвиров, сами условия, в которых протекало правление Вителлия, подсказывают возможный ответ: для упрочения авторитета его власти.

Являясь по своим личным качествам полным ничтожеством, чревоугодником и мотом, Вителлий, однако, не мог не учитывать всей сложности правления в обстановке гражданской войны. Волнения низших слоев общества — сельского населения провинций и рабов, недовольство имущих классов бесчинствами вителлианских солдат, напряженное положение в самой армии, отдельные представители и даже соединения которой понесли наказание за верность предшественнику Вителлия — Отону, наконец, низменные личные качества самого императора — все это отнюдь не содействовало авторитету и популярности Вителлия среди широких кругов населения Римской империи¹. В то же время в условиях войны не могло не возрасти значение жреческой коллегии квиндецимвиров². Этим обстоятельством, весьма вероятно, и воспользовался Вителлий.

Денарий Вителлия
(69 г. н. э.) (Собрание Гос. Эрмитажа)

¹ А. Г. Бокшанин, Социальный кризис Римской империи в I веке н. э., М., 1954, стр. 214—220.

² Деятельность этой коллегии заключалась, как известно, главным образом в том, что в период каких-либо бедствий или затруднений в государстве сенат поручал квиндецимирам вопросить сивиллины книги, как умиловить богов, чтобы оградить государство сейчас и на будущее от возможных злоключений. Ответ жрецов предписывал, как и каких богов почтить, а в некоторых случаях учредить новый культ неизвестным до тех пор в Риме богам. Сивиллины книги, как и вообще оракулы древности, являлись в известной мере орудием власти в руках жрецов.

Поскольку римский император как верховный жрец состоял членом важнейших жреческих коллегий, то он являлся и одним из квиндецимвиров. Вителлий же первый и единственный из всех римских императоров отметил свое членство в данной коллегии чеканкой целого монетного типа — треножника, ворона и дельфина, снабдив эту эмблему надписью: «Один из 15 мужей для выполнения священных обрядов». «Легко себе представить, как естественно могла притти мысль, при отсутствии печатного слова, к использованию... легко подвергавшихся размножению и широко распространенных в практическом обиходе металлических памятников (монет. — В. Б.) для целей пропаганды популярности императора и его деяний»³. Именно такой характер носили монеты Вителлия с изображением треножника, ворона и дельфина, которые должны были популяризовать императора как квиндецимвира — предсказателя судеб государства.

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что эмблема квиндецимвиров чеканилась Вителлием только на золотых и серебряных монетах. Известно, что право выпуска золотой и серебряной монеты принадлежало императору, сенат же распоряжался выпуском только медной монеты, именно поэтому Вителлий, по-видимому, не решился предписать сенату чеканку эмблемы квиндецимвиров и на медных монетах. Несмотря на утрату сенатом своего авторитета в террористической обстановке междоусобной войны, Вителлий мог встретить оппозицию со стороны части сенаторов, хотя бы потому, что он, император, настолько оказался невеждой в гражданском и религиозном праве, что сан верховного жреца принял в траурную для Рима годовщину битвы при р. Аллии

Чеканка эмблемы квиндецимвиров только на золотых и серебряных монетах, конечно, ограничивала сферу распространения этого типа монет, поскольку среди большинства римского населения обращались в основном медные монеты. В известной мере это ставило предел достижению цели, преследуемой императором выпуском этой серии. Но в то же время следует иметь в виду, что на общем фоне недовольства Вителлием городские низы (составлявшие большинство населения Рима) лояльно относились к нему благодаря обычной для римских императоров политике подачек.

Говоря о причинах, вызвавших чеканку Вителлием на своих монетах эмблемы квиндецимвиров, следует заметить, что существует и иное мнение по этому вопросу. Так, английские нумизматы Г. Маттингли и Э. Сиденгэм высказали предположение, что для Вителлия авторитет коллегии квиндецимвиров заключался в тех пиршествах, которыми была знаменита эта коллегия⁴. Однако подобное объяснение причин чеканки эмблемы квиндецимвиров, на наш взгляд, представляется недостаточным, так как основывается оно лишь на субъективных качествах Вителлия и не учитывает условий его правления.

Наконец, говоря о самих треножнике, вороне и дельфине, изображавшихся на монетах Вителлия, нельзя не остановиться вкратце на одном курьезном истолковании данного типа. Несмотря на то, что тип «треножник, ворон и дельфин» специально не исследовался, все нумизматы считали и продолжают считать, что Вителлий чеканил на своих монетах этот тип в качестве эмблемы квиндецимвиров. Однако в 1914 г. была опубликована статья В. В. Голубцова «Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1908 гг.» (ИАК, вып. 51, стр. 67—118). В данной статье Голубцов, анализируя, между прочим, типы ольвийских монет и, в частности, тип «орел и дельфин» (там же, стр. 85—90), пришел к выводу, что последний тип представляет собой созвездия «Орла» и «Дельфина», разгадкой чему является изображение небесной сферы и двух ее созвездий — «Орла» и «Дельфина» на одной из монет римского императора Вителлия (там же, стр. 86—87). Ошибка Голубцова заключается прежде всего в том, что он, не разобравшись доста-

³ А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, вып. 16 (1951), стр. 74.

⁴ H. Mattingly and E. Sydenham, *The Roman imperial coinage* т. I, L., 1923, стр. 222 (ср. H. Mattingly, *Coins of the Roman empire in the British Museum*, т. I, L., 1923, стр. CCX XIV).

точно в сопровождающей монетный тип надписи XVVIRSACR FAS, лишил свое предположение исторического основания. По' свидетельствам источников, Вителлий, став императором, издал эдикт о высылке всех астрологов за пределы Италии (вероятно, за весьма неблагоприятный гороскоп, возвещенный астрологами при рождении Вителлия) и вообще столь сильно ненавидел астрологов, что при каждом доносе на занимавшегося астрологией казнил его без суда (Suet., Vitell., 3, 14; ср. Tac. Hist., II, 62). Отсюда совершенно очевидно, во-первых, что Вителлий не мог чеканить на своих монетах типов, в какой бы то ни было степени связанных с астрологией; во-вторых, поскольку Вителлий не чеканил на своих монетах изображений созвездий, тип, рассматривавшийся Голубцовым, не может служить ключом к объяснению изображения орла и дельфина на ольвийских монетах.

В. М. Брабич

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НОВЫЕ РАБОТЫ ГРУЗИНСКИХ ИСТОРИКОВ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОСТИ

Л. Д. САНИКИДЗЕ, Понтийское царство (на грузинском языке), Тбилиси, 1956, 220 стр.

Рецензируемая монография Л. Д. Саникидзе состоит из предисловия, введения и шести глав («Понтийское царство до Митридата VI», «Понтийское царство при Митридате VI Эвпаторе», «Первая Митридатова война», «Вторая Митридатова война», «Третья Митридатова война», «Последние дни Понта»). В работе подробно освещается деятельность Митридата VI и излагается политическая и военная история Понта.

Автор использует сообщения античных историков Аппиана, Плутарха, Диона Кассия, Мемнона, Страбона, Цицерона, Саллюстия и других, которые преимущественно освещают военно-политическую историю. В рецензируемой работе сказывается именно эта тенденция источников: увлечение военно-политической историей Понта и недостаточное внимание к социально-экономической и культурной истории. Экономика, культура Понта, а также социальная борьба в Понте представляют первостепенный интерес для советского читателя, и в работе нужно было эти вопросы осветить более подробно. Нельзя в этом отношении считать достаточным указание на богатство Северного Причерноморья и греческих торговых городов.

Автор указывает, что значительная часть населения основной территории Понтийского царства вместе с греками состояла из картвельских племен. Некоторые картвельские племена в эпоху создания Понтийского царства жили на территории Понта. «По единогласному утверждению античных источников,— говорит автор,— на этой территории с давних времен жили халибы, тибарены, колхи, моссиники, макроны и другие картвельские племена» (стр. 10). Заслуживает внимания утверждение автора, основанное на сообщениях Геродота, Ликофрона и Помпония Мелы, что территория, занятая халибами, тянулась от р. Термодонта вплоть до Синопских равнин, т. е. охватывала оба берега Галиса, и известные греческие города Аμισ и Синопа вклинивались в эту территорию.

В работе правильно оценивается важное значение торговых путей в экономическом усилении и политической консолидации Понта, но недостаточно указано на то, что торговые пути из стран средиземноморского бассейна и Крыма в направлении Азии пересекали территорию Понта; нужно было более подробно осветить этот вопрос и указать отдельные пункты этих путей. В работе выявлены политическая роль Армении и взаимоотношения Митридата VI с Тиграном II. Слишком бегло и отрывочно освещены в книге социальная борьба в Понте и социальная политика Тиграна.

Автор рассматривает завоевательную политику римлян, подробно описывает походы Суллы, Лукулла, Помпея как в Понт, так и в сопредельные страны: в Армению, Иберию, Колхиду и Албанию. При изучении вторжения римлян в Закавказье автор использует также грузинские источники.

В работе уточняются этнографические и политические границы Колхиды, Иберии, Албании и Армении ко времени вторжения римлян.

Центральное место в рецензируемой монографии уделяется войнам Митридата VI с Римом. Эти войны велись с большим ожесточением, и в продолжение почти сорока лет Митридат VI успешно боролся с римлянами. Автор показывает, что в этой продолжительной и кровопролитной борьбе Понт опирался как на собственные ресурсы, черпавшиеся с территории обширного политического объединения, охватывающего почти весь бассейн Черного моря, так и на союзников — Иберию, Мидию и Великую Армению. Экономическая эксплуатация и политическое порабощение Римом Востока способствовали объединительным действиям восточных политических образований. Ненависть к римлянам и италикам выразилась в массовых убийствах римлян и италиков в Малой Азии.

В работе дается правильная оценка причин вторжения Помпея в Закавказье: оно было вызвано не столько стремлением захватить побежденного Митридата VI, сколько заинтересованностью в расширении римского мира, в захвате новых рынков, новых густо населенных территорий и важных торговых путей. Новые правители Рима — всадники, публиканы — стремились к захвату новых стран в целях эксплуатации их населения.

Автор подробно и тщательно описывает отдельные столкновения враждующих армий, приводит их численный состав, пользуясь при этом значительно раздутыми цифрами первоисточников. Необходимо было дать критическую оценку этих сведений и попытаться приблизительно выяснить действительный количественный состав изучаемых армий.

Книга снабжена иллюстрациями, что является достоинством, но отсутствие детально разработанной исторической карты нужно признать большим пробелом. Необходимо было снабдить книгу такой исторической картой Понта и Востока, на которой были бы указаны отдельные политические образования, государства, города, торговые пути и пути передвижения войск.

Работа Л. Д. Саникидзе знакомит с историей Понта на основе первоисточников, а также выдвигает некоторые важные проблемы истории стран Востока в связи с римской экспансией и является заслуживающим внимания научно-популярным трудом.

Ш. В. Абрамидзе

Т. С. КАУХЧИШВИЛИ, География Страбона, сведения о Грузии, Изд-во АН Груз. ССР, 1957, 301 стр., тираж 1000 экз., цена 15 руб., (на грузинском языке)

«География» Страбона является одним из самых значительных источников по истории древней Грузии. Все без исключения исследователи истории Грузии античной эпохи в основном опирались на сведения Страбона, придавая им решающее значение. Однако в нашей историографии до сих пор не было значительного исследования, посвященного специально страбоновой «Географии», интерпретации ее данных, выяснению источников и терминологии Страбона¹. Не было до сих пор и перевода на грузинский язык «Географии» или хотя бы избранных мест, касающихся Грузии. Этот пробел в нашем источниковедении в значительной мере заполняется работой доктора филологических наук Т. С. Каухчишвили.

Работа Т. С. Каухчишвили состоит из трех основных частей: I. Введение: «Страбон и его сведения о Грузии». II. Текст избранных мест «Географии», относящихся к Гру-

¹ Мы не имеем в данном случае в виду работы историков, внесших, несомненно, значительный вклад в дело изучения отдельных сведений Страбона (напр., С. Н. Джанашиа, А. И. Болтунова и др.).

зии с параллельным грузинским переводом. III. Указатели основных вариантов, встречающихся в рукописях, и именных, этнических и географических наименований.

Особое значение, на наш взгляд, имеет та работа, которую Т. С. Каухчишвили проделала над переводом сведений Страбона. Из 17 книг «Географии» целиком переведена XI книга, которая содержит наиболее значительные известия о Грузии, из остальных же книг автором выбраны лишь те места, которые прямо или косвенно относятся к Грузии.

В XI книге имеется и такой материал, который не может быть непосредственно использован для истории Грузии, однако автор поступил вполне правильно, дав, ввиду отсутствия грузинского перевода «Географии», полный перевод одной, самой значительной главы.

Совершенно правильным представляется нам также включение в книгу таких отрывков, где нет непосредственного упоминания о Грузии, но которые касаются или ближайших соседей, или отдельных мифологических лиц, так или иначе связанных с Грузией. Это создает более полную картину и дает больше возможностей исследователям. Т. С. Каухчишвили дает перевод многих отрывков, которые до этого не были использованы историками (см. например, I, 2, 35; II, 1, 3; I, 5; I, 11; IV, 1, 7; V, 1, 9 и др.). Эти отрывки не были внесены также в сборник В. В. Латышева «Scythica et Caucasia».

Однако считаем нужным здесь же оговориться, что в некоторых случаях Т. С. Каухчишвили дает перевод таких мест, которые никак не могут быть использованы при изучении истории Грузии (I, 3, 4—6; I 3, 9, 12; II, 1, 17; V, 3, 6; VI, 2, 4 и др.).

Текст «Географии» перепечатан с издания А. Meineke (1860—1866) и новейшего английского издания Н. Jones'a (Лондон, 1917—1932), что особенно ценно, так как имеющиеся русские переводы основывались на старых публикациях. Следует приветствовать включение в книгу параллельного греческого текста.

Автор не ставил своей задачей самостоятельное исследование греческого текста, этим, возможно, и объясняется, что существующие разночтения Т. С. Каухчишвили помещает в конце, причем без указания, в каких именно рукописях встречаются те или иные варианты. Общее указание, что в рукописях или вариантах имеются такие-то разночтения (стр. 220—233), нам кажется недостаточным, было бы целесообразнее снабдить текст более подробным критическим аппаратом с точным указанием рукописных вариантов, при этом, не в конце текста, а в сносках. Это повысило бы научное значение издания текста.

Сам перевод не вызывает у нас никаких возражений², он сделан, на наш взгляд, довольно успешно, причем Т. С. Каухчишвили достигла одновременно и точности перевода и сохранения основных норм грузинского языка. Автором проделана, несомненно, большая работа, и даже одна эта часть книги является ценным подарком для наших историков, получивших в свое распоряжение вполне научный, точный перевод источника.

В введении Т. С. Каухчишвили, после краткого очерка биографии Страбона, исследует основные источники его труда, дает общую характеристику его сведений о Грузии и разбирает значение и смысл некоторых терминов, употребляемых Страбоном. Эта часть работы имеет значительный научный интерес.

Исходя в основном из работ исследователей, специально изучавших данную проблему, автор дает краткий, но вполне исчерпывающий очерк источниковедения страбовной «Географии». Специально и сравнительно подробнее останавливается Т. С. Каухчишвили на источниках XI книги. Здесь она не ограничивается изложением взглядов других ученых, но высказывает и собственные соображения. В частности, Т. С. Каухчишвили убедительно доказывает, что среди источников XI книги труда Страбона был Посидоний, хотя Страбон использовал его критически (стр. 11—13).

При описании Иберии, по мнению Т. С. Каухчишвили, Страбон базируется в ос-

² Исключение составляет лишь одно место из XI, 3, 6 «Географии», о чем см. ниже.

новном на двух различных источниках: география Иверии (как и всего Кавказа) составлена по источникам I в. до н. э., а описание общественного строя Иберии восходит к 40—30-м гг. II в. до н. э. В данном случае Т. С. Каухчишвили исходит в основном из соответствующих выводов А. И. Болтуновой, которая предполагает, что §§ 1—5 III главы XI книги базируются на сочинениях Феофана Митилепского, с использованием Эратосфена, а § 6 восходит к «Истории» Посидания³.

Датировка автором (а также А. И. Болтуновой) источников географического описания Кавказа у Страбона не вызывает возражений; что же касается датировки источников, к которым восходит описание общественного строя Иберии (XI, 3, 6), мы придерживаемся несколько иного мнения и поэтому остановимся на этом вопросе более подробно.

Еще в 1938 г. Н. А. Бердзенишвили в своей рецензии на докторскую работу акад. С. А. Джанашиа («Грузия на пути ранней феодализации»)⁴ обратил внимания на то, что данные Страбона относительно общественного строя Иберии не соответствуют указаниям других античных авторов (Дион Кассий, Тацит, Аммиан Марцеллин), а также эпиграфических памятников (напр., «Monumentum Ansuhanum»). В частности, у Страбона царь иберов фактически лишен прав главнокомандующего и верховного судьи — обе эти функции сосредоточены в руках второго после царя лица; по данным же других источников⁵, царь Иберии выступает в I в. до н. э. как неограниченный, полновластный монарх. Это несоответствие привело Н. А. Бердзенишвили к предположению, что «или Страбон передает положение, существовавшее задолго до него, или он был введен в заблуждение устными источниками» (ук. соч., стр. 294).

Недавно этого вопроса коснулся О. Д. Лордкипанидзе, который, на наш взгляд, совершенно правильно отметил, что общественный строй Иберии, описанный Страбонам, носит определенные черты архаичности и отражает ранний этап формирования государственности в Иберии⁶.

Архаичность политического строя видна, по мнению О. Д. Лордкипанидзе, в первую очередь в описании царской власти, при этом он предлагает совершенно новый перевод того места из § 6, где речь идет о царе Иберии. *Τέτταρα δὲ κχ' γένη τῶν ἀνθρώπων οἰκεῖ τὴν χώραν ἔν μὲν καὶ πρῶτον, ἐξ οὗ τοὺς βασιλέας καθιστᾶσι κατ' ἀρχιστείαν τε καὶ ἡλικίαν τὸν πρεσβύτατον, ὁ δὲ δεύτερος δικαιοδοτεῖ καὶ στρατῆλατε...*

До сих пор выражение «ὁ δὲ δεύτερος», встречающееся в этом отрывке, понимали как «второе после царя лицо»⁷. Так же понимает это место и Т. С. Каухчишвили (стр. 130). О. Д. Лордкипанидзе путем анализа текста Страбона показал, что такой перевод неправилен: в тех случаях, когда Страбон хочет сказать «второе после царя лицо», он прибавляет к слову *δεύτερος* выражение «*μετὰ τὸν βασιλέα*» (XI, 4, 7; XII, 2, 3 и др.). Исходя из этого, О. Д. Лордкипанидзе предлагает понимать «ὁ δὲ δεύτερος» как «другой царь», который, в отличие от первого (избираемого по признаку старшинства в роде), является судьей и главнокомандующим (ук. соч., стр. 371—372). Такой перевод подтверждается, по нашему мнению, и множественным числом «*τοὺς βασιλέας*»: речь идет не об одном царе, а о нескольких — в данном случае — двух.

³ А. И. Болтунова, Описание Иберии в «Географии» Страбона, ВДИ 1947, № 4, стр. 159.

⁴ «Труды Института истории АН ГрузССР», 1953, № 3, стр. 287—305.

⁵ См., например, Г. В. Церетели, Эпиграфические находки в Мцхета — древней столице Грузии, ВДИ, 1948, № 2, стр. 52 сл.

⁶ О. Д. Лордкипанидзе, Известия Страбона о первом геносе населения Иберии, «Сообщения АН ГрузССР», т. XVIII (1957), № 3, стр. 369—376.

⁷ См. например, В. В. Латышев, *Scythica et Caucasica*; остальные переводы (И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа и др.) в основном идентичны с переводом В. В. Латышева. Следует отметить, что А. И. Болтунова (ВДИ, 1947, № 4, стр. 152) дает несколько иной перевод. Однако в дальнейшем и она всегда подразумевает под «ὁ δεύτερος» второе после царя лицо, а не второго царя (см. там же, стр. 155).

Далее, ссылаясь на аналогии из других стран (Ассирия, Микены, Спарта), О. Д. Лордкипанидзе делает вполне убедительный вывод (ук. соч., стр. 372—375), что подобное разделение функций верховной власти между двумя царями, так же, как и засвидетельствованный у Страбона порядок престолонаследия, указывает на архаичность государственного строя Иберии и восходит к эпохе, когда государственная организация в Иберии только лишь оформлялась.

Как ныне установлено в историографии, возникновение государственной организации в Иберии падает на конец IV и начало III в. до н. э.⁸, следовательно, именно этой ранней эпохе становления государства в Иберии должно соответствовать описание, сохранившееся у Страбона. Источником же, отображающим эту эпоху, вряд ли можно считать «Историю» Посидония. Более правильным кажется нам взгляд О. Д. Лордкипанидзе, считающего, что источником для XI, 3, 6 «Географии» служит Патрокл, цитируемый Страбоном (XI, 2, 15). Патрокл, как известно, управлял при Селевке Никаторе и его сыне — Антиохе прикаспийскими областями государства Селевкидов и в 90-х гг. III в. до н. э. специально исследовал эти и соседние им области⁹, причем можно полагать, что он собрал сведения и о закавказских странах, в частности об Иберии¹⁰.

Все изложенное выше не может, конечно, служить упреком Т. С. Каухчишвили, так как статья О. Д. Лордкипанидзе была опубликована позже ее книги, однако объективно нам кажутся более правильными и предложенный О. Д. Лордкипанидзе перевод и решение вопроса об источнике XI, 3, 6 «Географии».

Специальный интерес представляет разбор терминов. Автор исследует шесть терминов: 1) γένος, 2) βασιλεύς, 3) λαός, 4) δοῦλος, 5) συγγένεια, 6) ἀρχιστεία.

Т. С. Каухчишвили проделала, несомненно, большую и кропотливую работу для выявления всех случаев употребления перечисленных терминов в труде Страбона и объяснения их значения в различных контекстах. Так, например, Т. С. Каухчишвили весьма убедительно показала, что в XI, 3, 6 «Географии» термин γένος не имеет социального значения, а употребляется в смысле «вид», «категория» (стр. 26—37). Далее, автор приходит к выводу, что термин βασιλεύς, который употребляется в «Географии» в различных значениях (царь-монарх, вождь, старейший), в контексте, касающемся Иберии, обозначает «царя-монарха» (стр. 37—48).

Такое исследование этих терминов лишний раз доказывает несостоятельность того взгляда, что общество Иберии в описании Страбона — это родовое общество (см., например, весьма тенденциозную статью Г. К. Соселиа в «Вопросах истории», 1956, № 10). Вполне убедительно также объяснение Т. С. Каухчишвили терминов δοῦλος, συγγένεια и ἀρχιστεία. Можно лишь пожелать, чтобы если не вся терминология Страбона, то хотя бы та, которая относится к описанию Грузии, была изучена подобным же образом.

Исключение составляет, на наш взгляд, лишь объяснение термина «λαός».

По мнению Т. С. Каухчишвили, у Страбона это слово встречается в значении «войско», «вооруженный народ», а также в значении «переселенцы» (стр. 48—50).

Думаем, что приведенные самим автором цитаты никак не могут подтвердить подобное заключение. Во всех случаях, приведенных Т. С. Каухчишвили, слово λαός обозначает не что иное, как «народ», «люди». Например, ссылаясь на Геродота, Страбон пишет, что «памфилцы принадлежат к одному из тех смешанных народов (λαῶν), которые были вместе с Амфилохом и Колхантом и сопровождали их от Трои» (XIV, 4, 3). Согласно рассуждению Т. С. Каухчишвили, под Троей находились войны, и следовательно, λαός означает здесь войско (см. стр. 48—49).

⁸ Г. А. Меликишвили, К вопросу о возникновении классового общества и государства в Грузии, Тбилиси, 1955 (на груз. яз.); А. И. Болтунова, Возникновение классового общества и государственной власти в Иберии, ВДИ, 1956, № 2, стр. 28—43.

⁹ W. Neumann, Die Fahrt des Patrokles auf dem Kaspischen Meere, «Hermes», 19 (1884), стр. 165—185; G. Gisinger, Πατροκλής, RE, XVIII, стб. 2263—2264.

¹⁰ О. Д. Лордкипанидзе, ук. соч., стр. 371.

Если даже в этом и в других приведенных Т. С. Каухчишвили местах подразумевать под λαοί воинов, то это еще не значит, что слово λαός специально употребляется в значении «войско». Несомненно, что во всех приведенных ею местах слово это обозначает просто «народ», без всякого специального значения.

То же самое относится и ко второму значению данного слова: «переселенцы». Так, например, в «Географии», XIV, 1, 3: «Потом же Филота привел народ (λαόν) из Фив» (стр. 49), а также в ряде других случаев речь идет о переселенцах, и поэтому, по мнению Т. С. Каухчишвили, второе значение слова λαός есть именно «переселенцы».

Думаем, что это не так. Возьмем такое произвольное русское предложение: «На берегу жил народ, переселившийся с островов». Здесь речь идет о переселении, однако мы же не можем по смысловому значению фразы утверждать, что по-русски слово «народ» имеет значение термина «переселенцы».

Поэтому мы не можем согласиться с автором и в понимании четвертого «геноса» населения Иберии как переселенцев. По мнению Т. С. Каухчишвили, в интересующем нас месте (XI, 3, 6) слово λαός имеет именно это значение (стр. 50).

Поскольку в описании Иберии Страбон дает характеристику определенных категорий населения, слово λαός, выражающее обычно общее понятие «народ», должно служить здесь определенным техническим термином, содержащим специальный смысл. Нам кажется, что Страбон под четвертым «геносом» подразумевает ту категорию населения Иберии, которая по своему правовому и экономическому положению напоминала ему «лаой» эллинистической Малой Азии, т. е. полузависимых земледельцев-общинников. Этим и следует объяснить применение этого термина в данном контексте. Таким образом, под «λαός» в Иберии следует понимать свободных (или полусвободных) земледельцев-общинников, обрабатывающих, по всей вероятности, царские земли. Какова в действительности степень их сходства с малоазийскими «лаой», следует еще выяснять, но видеть в них «переселенцев» мы не имеем никакого основания.

Указатели (именной, этнический и географический), которыми Т. С. Каухчишвили снабдила свою работу, являются фактически комментариями к тексту и имеют, несомненно, большую ценность. Более подробно автор комментирует сведения, касающиеся непосредственно Грузии или ее ближайших соседей. Остальные сведения объясняются лишь вкратце. Большинство статей, которые касаются сведений Страбона о Грузии, содержат краткое, но в основном исчерпывающее объяснение. Хочется лишь отметить, что автор не всегда указывает исследования, имеющие действительное значение для выяснения того или иного вопроса, и называет второстепенные работы (например, работу П. Ингорква «Георгий Мерчуле — грузинский историк X в.», которая в части, касающейся сведений античных авторов о Западной Грузии, не может считаться сколько-нибудь серьезным исследованием, содержит множество искажений источников и несомненных ошибок).

Указанные в нашей рецензии недостатки не могут серьезно умалить значения работы Т. С. Каухчишвили, которая, несомненно, станет одним из самых нужных пособий при изучении истории древней Грузии. Остается лишь пожелать появления подобных исследований о других античных авторах, писавших о Грузии.

Н. Ломоури

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ГРЕЦИИ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ В УЧЕНЫХ ЗАПИСКАХ УНИВЕРСИТЕТОВ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

За последние годы в Ученых записках и трудах различных педагогических институтов и университетов появился ряд статей, разрабатывающих вопросы истории Греции и эллинистических государств. Проблематика этих статей отражает в какой-то мере развитие исследований по истории Греции и эллинизма в ВУЗ'ах нашей страны.

Больше всего статей посвящено классическому периоду истории Греции, но не только Афинам, история которых исследована наиболее полно, а и менее изученным областям античного мира (Македония, Сицилия). Были опубликованы также статьи, касающиеся истории минойско-микенского периода, ранней Греции, эллинизма, историографии античности, работы по классической филологии. Усиление интереса к областям и периодам, прежде недостаточно исследовавшимся, является благоприятным фактором в развитии нашей науки об античности, и нужно надеяться, что в дальнейшем статьи, трактующие эти вопросы, будут представлены еще более широко.

Основное внимание авторы большинства статей уделяют политической истории и — хотя и в меньшей степени — социальной борьбе. Отдельные статьи, о которых будет сказано ниже, освещают вопросы экономического развития, но их, к сожалению, еще очень мало. Все еще недостаточно разрабатываются проблемы, связанные с особенностями рабовладения и землевладения, положением рабов и различных групп зависимого населения в Греции и эллинистических государствах.

Проблемы минойско-микенской эпохи трактует интересная статья К. М. Колобова: «К вопросу о минойско-микенском Родосе и проблема „переходного“ периода в Эгееде (1110—900 гг. до н. э.)»¹. Статья состоит из двух частей. В первой части на основании данных последних раскопок характеризуется минойско-микенская эпоха на Родосе; во второй, большей по размеру, части статьи разбираются особенности так называемого «переходного» периода, наступившего вследствие завоевания дорийцев. Родос был важным пунктом на торговом пути, ведшем с Крита и из Пелопоннеса в Малую и Переднюю Азию. Во II тысячелетии Родос был не только торговым посредником, но и центром местного ремесленного производства. К. М. Колобова специально рассматривает памятники минойско-микенского Родоса. Она предполагает, что после вторжения ок. 1500 г. ахейцев на Крит часть населения кносского дворца переселилась на Родос, с чем связана постройка в Ялисе первого дворца (всего в Ялисе открыто три дворца) минойского типа (стр. 25). Около 1400 г. на Родос вторгаются ахейцы. Ялис, по мнению автора, был центром административного правления острова. К. М. Колобова отмечает очень интересный факт: третий ялиский дворец был оставлен его обитателями еще до вторжения дорийцев. «По-видимому, — пишет автор, — приближение дорийских военных дружин было известно местному населению заранее» (стр. 28). Единственным местом, куда могли выселиться обитатели дворца, был остров Кипр.

В начале второй части статьи рассматриваются условия завоевания Крита дорийцами, поскольку постановка вопроса о Крите может пролить свет и на завоевание тех островов, с которыми у Крита существовала тесная экономическая и политическая связь. В качестве конкретного примера К. М. Колобова характеризует поселение в Карфи, как раз относящееся к переходному периоду (1110—900 гг. до н. э.). Карфи представляло собой военно-земледельческое поселение местного населения. По мнению К. М. Колобовой, создание крепости в Карфи свидетельствует о состоянии войны с дорийцами (стр. 38). На рубеже X—IX вв. население Карфи добровольно покинуло свое убежище. К. М. Колобова останавливается на двух существенных проблемах переходного периода: сосуществовании кремации и захоронений и проблеме скрещивания языков. По мнению К. М. Колобовой, кремация связана с дорийцами. Случаи же кремации на Родосе и Крите до дорийского завоевания можно объяснить заимствованием из Малой Азии (стр. 41). Интересное объяснение дает К. М. Колобова распространению кремации в переходный период: дорийцы во время вторжения вынуждены были сжигать своих покойников, чтобы не оставлять их тела на территории, захваченной врагом. Когда же длительная борьба дорийцев с местным населением была закончена, завоеватели смогли вернуться к старому обычаю труположения, которого они придерживались на старой родине (стр. 42).

Подробно останавливается К. М. Колобова на различных сторонах ассимиляции дорийцев с местным населением. Ряд данных говорит о совместной жизни дорийцев и местного населения в переходный период (в укрепленные районы бежала, в основ-

¹ УЗ ЛГУ, № 192, серия исторических наук, вып. 21, 1956, стр. 21 сл.

ном, знать — стр. 46). В «переходный» период происходят изменения в экономической жизни Крита. К. М. Колобова рассматривает развитие новой техники, подчеркивая распространение обработки железа (стр. 49).

Подводя итоги характеристики «переходного» периода, К. М. Колобова пишет: «Как нам кажется, экономическое и социальное содержание „переходного“ периода на Крите и заключалось в переходе от форм примитивного рабовладения к формам рабовладения более развитого (полисного), при сохранении на довольно долгий период черт более древней системы рабства» (стр. 50).

Важному и малоисследованному вопросу посвящена статья Л. М. Глускиной², раскрывающая новые стороны развития рабовладельческой экономики и характеризующая особенности одной из крупнейших храмовых общин античной Греции. В статье дается анализ экономической роли Дельф и причин создания Дельфийской амфикистии. Экономическое значение Дельф определялось тем, что Дельфы являлись центром кредитно-ссудных операций. Одной из важнейших причин создания амфикистии была необходимость обеспечения интересов торговли и обмена, потребность в наличии безопасного центра торговли, а затем и денежных операций (для безопасности торговли торговая площадь объявлялась под защитой бога, т. е. помещалась на территории храма). Удобное положение Дельф, которые были достаточно удалены от моря, чтобы быть недоступными для пиратских нападений, но все-таки не настолько далеко, чтобы туда нельзя было попадать людям, прибывшим морским путем, — способствовало тому, что Дельфы стали центром торговли. Автор статьи останавливается на ярмарках, которые происходили во время дельфийских празднеств. В VI — V вв. в Дельфийском храме развиваются крупные ссудные операции; Дельфы хранили вклады, причем, как показывает автор, дельфийское жречество было заинтересовано в привлечении вкладов и всячески этому способствовало. Л. М. Глускина разбирает взаимоотношения Дельфийского храма и членов амфикистии. В религиозных вопросах жречество было вполне самостоятельно, но в хозяйственных делах храма амфикисты выступали на первый план (стр. 160). Интересную характеристику дает автор городской общине Дельф (стр. 162—163). Эту общину трудно отделить от храма. Городская казна была тесно связана с храмовой. Жители Дельф были или непосредственно служителями храма, или занимались деятельностью, так или иначе с ним связанной (изготавливали священные предметы, были владельцами гостиниц для приезжающих в Дельфийский храм, арендовали храмовую землю).

Особенностями дельфийской экономики, по мнению автора, являлись замкнутый узкими рамками характер торговли, отсутствие в самих Дельфах развитого товарного производства, примитивный характер кредитно-ссудных операций, накопление больших сокровищ, лежавших мертвым капиталом и не пускавшихся в оборот. «Дельфийская экономика отражает, таким образом,— пишет в заключении своей статьи Л. М. Глускина,— ряд черт, типичных для рабовладельческого хозяйства древней Греции, сочетавшего товарное производство со значительными элементами натурального хозяйства» (стр. 165).

Роль ранней тирании в процессе формирования рабовладельческого государства рассматривает Р. А. Никольская в статье «Раннегреческая тирания»³. Первый раздел статьи посвящен разбору основных положений классиков марксизма-ленинизма о происхождении государства и его сущности. В конце этого раздела дается характеристика положения в Аттике после реформы Солона. Во втором разделе статьи автор останавливается на тирании Писистрата. Период тирании Писистрата Р. А. Никольская оценивает как переломный этап в развитии афинского государства в том смысле, что он обеспечил «окончательный перевес сил на сторону демоса и новой аристократии рабовладельческого типа» (стр. 473). Самого Писистрата Р. А. Никольская рассматри-

² Л. М. Г л у с к и н а, Дельфы как экономический центр древней Греции, УЗ Ленингр. гос. пед. ин-та, т. XVI, Историч. ф-т, вып. 2, 1956, стр. 146 сл.

³ УЗ Белорусского гос. ун-та им. В. И. Ленина, вып. 16, серия исторических наук, 1953, стр. 460 сл.

вает как представителя торгово-ремесленного слоя и в том факте, что Писистрат возглавил крестьянскую партию, видит свидетельство союза на данном этапе борьбы афинского демоса с новой аристократией (стр. 467). Мероприятия Писистрата после прихода его к власти, направленные на улучшение положения крестьян, Р. А. Никольская характеризует как мероприятия, вызванные общегосударственными интересами (вместе с общим повышением благосостояния народа богатели и крепло само государство).

Нам кажется, что в статье Р. А. Никольской недостаточно раскрыта роль крестьянства в возникновении тирании и не подчеркнуты противоречия между диакриями и паралиями. Это связано с тем, что Р. А. Никольская рассматривает всех свободных жителей Афин как один класс рабовладельцев. Она пишет, что после реформы Солона «...афинский демос превратился в часть рабовладельческого класса. Аттическое крестьянство начинало вести свое хозяйство при помощи рабов и, участвуя в народном собрании, принимало решения, исходя из интересов всего класса рабовладельцев». Между тем, кажется необходимым выделять в рабовладельческом обществе класс мелких свободных производителей (основную массу которого составляло крестьянство), без чего останется неясной вся острота социальной борьбы рабовладельческого общества и, в частности, античной Греции⁴.

Две статьи того же автора посвящены Афинам классического периода. В одной из них характеризуется государственное устройство Афин V—IV вв. до н. э.⁵ Целью статьи является исследование вопроса о классовом характере государственного устройства Афин; кроме того, автор касается также вопроса о прогрессивности афинской формы государства как наиболее передовой из всех существовавших в древности форм государственного устройства (стр. 5—6). Статья по существу представляет собой анализ второй части «Афинской политики» Аристотеля. Автор подробно описывает, привлекая некоторые дополнительные источники (Плутарх, Фукидид, Эсхин), функции органов государственного управления афинской республики: народного собрания, булэ, гелизи, различных коллегий. Однако это описание не всегда связано с основной целью статьи — с выяснением классового характера афинского государственного аппарата: перечисление функций тех или иных коллегий не сопровождается определенными историческими выводами. Мало использованы в статье речи афинских ораторов, в которых можно найти интересный материал по государственному устройству Афин. Почти не использован эпиграфический материал. В работе имеются некоторые неточности: на стр. 18 автор, разбирая роль булэ, пишет: «В связи с этим (т. е. с ролью Совета) существовала даже формула: „Совет и народ решили“, которой начинается текст некоторых дошедших в надписях постановлений народного собрания. Но, по-видимому, наиболее важные постановления принимались только от имени народа». Между тем, формулой «Совет и народ решили» начинаются не «некоторые» надписи, а большинство дошедших до нас декретов не только Афин, но и всех греческих городов, имевших полисное устройство. Среди афинских декретов действительно есть такие, в которых решения принимаются только от имени народа (ἔδοξε τῷ δήμῳ или δήμου Ψηφίσματα); было бы интересно проследить, есть ли какое-нибудь принципиальное различие в содержании постановлений, начинающихся той или иной формулой (обе эти формулы применялись и в эллинистический период). Без такого анализа говорить, что наиболее важные постановления принимались только от имени народа, нет оснований. Не отмечено в статье, что булэ в некоторых случаях также могло принимать псефизмы⁶.

В другой, более ранней статье Р. А. Никольской освещается социально-политическая борьба в Афинах в конце V в. до н. э.⁷ Эта борьба, по мнению автора, являлась

⁴ Ср. С. Л. У т ч е н к о, О классах и классовой структуре античного рабовладельческого общества, ВДИ, 1951, № 4, стр. 15—21.

⁵ Р. А. Н и к о л ь с к а я, Государственное устройство Афинской демократии, УЗ БГУ им. В. И. Ленина, вып. 30, серия исторических наук, 1956, стр. 3 сл.

⁶ См., например, A n d o s i d e s, De mysteriis, 15.

⁷ Р. А. Н и к о л ь с к а я, Социально-политическая борьба в Афинах в конце V в. до н. э., УЗ БГУ им. В. И. Ленина, вып. 23, серия исторических наук, 1955, стр. 185 сл.

проявлением несоответствия производственных отношений характеру производительных сил. Основное внимание уделено в статье политической обстановке установления тирании 411 г. и характеру этой тирании. Целью тирании автор считает лишение политической власти той части афинского гражданства, которая не была в состоянии участвовать в расходах, связанных с войной и управлением государства, но сама нуждалась в материальной помощи государства. Лишение афинского демоса политических прав означало для него также и потерю материальной помощи со стороны государства (стр. 193).

Однако, как и в предыдущей работе, основной тезис статьи не раскрыт на конкретном материале. Остается неясным, какие именно моменты в развитии производственных отношений и производительных сил вызвали к жизни эту тиранию и каким образом тирания 411 г., возникшая, как правильно отмечает автор, в условиях тяжелого военного и материального положения Афин, отражает именно несоответствие производственных отношений характеру производительных сил. Экономическое положение Афин и расстановка классовых сил обрисованы очень бегло. Может создаться впечатление, что тирания 411 г. была установлена только благодаря террору: «При помощи подобных террористических методов (г. е. убийства несогласных с ними), — пишет автор, — заговорщикам удалось настолько деморализовать и дезорганизовать афинский демос, что ни о каком отпоре заговору в Афинах и речи быть не могло» (стр. 194). Статья кончается обзором событий сентября 411 г., когда власть была передана пяти тысячам афинских граждан.

Одной из немногих источниковедческих работ по истории Афин, вышедших за последние годы, является статья Э. Д. Фролова, посвященная анализу трактата Ксенофонта об управлении хозяйством⁸. На основании этого анализа выясняются экономические взгляды Ксенофонта, которые, по мнению автора, служат «отражением тех существенных социальных изменений, которые претерпевало греческое общество во второй половине V — первой половине IV в.» (стр. 87). Э. Д. Фролов приходит к выводу, что взгляды Ксенофонта выражали исключительно интересы социальной группы частных земельных собственников. Отрицательное отношение Ксенофонта к занятию ремеслом и торговлей отражает существенные противоречия, которые имели место между двумя различными группами крупнособственных слоев греческого общества — землевладельческой и торгово-промышленной (стр. 80). Следует отметить, что не все формулировки автора достаточно четки. Так, он пишет, что в условиях концентрации земельной собственности и разорения мелких производителей открывался все больший простор для частной предпринимательской деятельности, «активность которой вырастала по мере того, как отмирали ограничения, накладывавшиеся на нее полисом» (стр. 57). Неясно, какие именно ограничения, накладываемые полисом на предпринимательскую деятельность землевладельцев (ведь Ксенофонт имеет в виду именно этот слой, как подчеркивает сам автор), отмирали во времена Ксенофонта, тем более, что в области сельского хозяйства п р е д п р и и м а т е л ь с к а я деятельность в античной Греции проявлялась меньше всего.

Помимо анализа экономических взглядов Ксенофонта, автор рассматривает также применение им различных социальных терминов. В этом отношении интересны наблюдения над применением Ксенофонтом терминов, обозначавших рабов, и слова *ἐργάται* (стр. 76—79).

Ряд статей в Ученых записках посвящен истории Македонии. В трех статьях А. С. Шофмана рассматриваются вопросы политической истории Македонии на протяжении V в. до н. э. В одной из них автор характеризует позицию Македонии во время греко-персидских войн⁹. Статья начинается с краткого очерка истории Македонии до V в. до н. э. и процесса ее объединения. Нижнемакедонские племена, как указывает автор, стремившиеся к объединению, прибегали к помощи внешней силы. Такой внеш-

⁸ Э. Д. Фролов, Экономические взгляды Ксенофонта, УЗ ЛГУ, № 192, серия исторических наук, вып. 21, 1956, стр. 53 сл.

⁹ А. С. Шофман, Греко-персидские войны и Македония, УЗ Казанского гос. университета им. В. И. Ульянова-Ленина, т. 116, кн. 1, 1956, стр. 273 сл.

ней силой была для них Персия. Разбирая данные Геродота, А. С. Шофман приходит к выводу об известной заинтересованности самих македонских царей в персидском господстве на севере (стр. 274), так как македонские цари использовали связь с Персией во вновь присоединенных областях. Кажется очевидным, что Македония использовала в своих целях борьбу Персии и греческих полисов, но, по-видимому, ее позиция была более противоречивой, чем представляется А. С. Шофману. Нельзя так легко, как это делает автор, отметить свидетельство Геродота об избииении персов Александром I как легенду, выдуманную для того, чтобы показать, что македоняне и по происхождению и по духу — настоящие греки. Вряд ли подобные мотивы могли проникнуть в произведение Геродота. Плутарх даже упрекает его в персифильстве. Освещение политики Александра I требует более тщательного анализа источников.

В статье «Македония в Пелопоннесской войне»¹⁰ А. С. Шофман характеризует внешнюю политику Македонии в первый период войны. Македония пыталась использовать противоречия между греческими полисами в своих интересах. А. С. Шофман подробно прослеживает политику Пердикки по отношению к Афинам и отмечает, что, даже будучи в союзе с ними, Пердикка продолжал интриговать против Афин (стр. 279). Статья «Греко-македонские отношения в конце V в. до н. э.»¹¹, затрагивает целый ряд вопросов: отношения Македонии с Афинами после сицилийской катастрофы, привлечение царем Архелаем деятелей культуры Греции, положение македонских племен. Сделаны также беглые замечания об экономическом развитии Македонии (например, указывается на расширение торговых связей Македонии с Грецией). Статья выиграла бы, если бы в ней был разработан более узкий круг вопросов, особенно, если бы более детально была дана характеристика экономического развития Македонии.

Это развитие затрагивается частично в статье Т. В. Прушакевич «Договор македонского царя Аминты с городами Халкидского союза»¹², в которой на основании анализа текста договора делаются выводы о некоторых сторонах экономического развития Македонии в первой четверти IV в. до н. э.

Т. В. Прушакевич разбирает содержание договора, который представлял собой договор о союзе и торговле (из Македонии разрешался вывоз смолы, леса, а также провоз товаров за определенные пошлины), и вопрос об его датировке. Автор предлагает датировать договор 376 г. до н. э., подкрепляя свою точку зрения соображениями исторического порядка. Разбираемый договор был заключен в интересах обеих сторон. Македония была заинтересована в транзитной торговле; в частности, этот договор способствовал оживлению торговых отношений Македонии с Афинами. И сам факт торгового соглашения, и существование твердо установленных торговых пошлин может свидетельствовать, как показывает Т. В. Прушакевич, о значительном развитии торговых отношений в Македонии в начале IV в. до н. э.

Характеристику экономического развития Сиракуз V в. до н. э. дает в своей статье Т. Ф. Новикова¹³. Статья состоит из нескольких параграфов, в которых разбираются данные о различных отраслях хозяйства Сиракуз (сельское хозяйство, ремесло, торговля; в последнем параграфе рассматриваются противоречия в экономической жизни Сиракуз в связи с внедрением рабства). В целом Т. Ф. Новикова дает правильную картину высокого экономического развития Сиракуз V в. до н. э. Но, к сожалению, в статье встречается ряд голословных утверждений, не подкрепленных ссылками на источники. Так, на стр. 155 автор говорит, что «в V в. земледелие получило стимул для дальнейшего развития, т. к. в начале века в Сиракузах произошел переход от илотизма к классическому рабовладению. Поработенное первыми переселенцами туземное население превратилось в свободных крестьян-земледельцев». Подобный процесс осво-

¹⁰ УЗ Казанского гос. университета им. В. И. Ульянова-Ленина, т. 116, кн. 5, 1956, стр. 279 сл.

¹¹ Там же, стр. 285 сл.

¹² УЗ ЛГУ, № 192, серия исторических наук, вып. 21, 1956, стр. 81 сл.

¹³ Т. Ф. Новикова, Экономическое развитие Сиракуз, УЗ Башкирского гос. пед. ин-та, вып. VII, серия исторических наук, № 1, 1956, стр. 152 сл.

бождения туземного зависимого населения, если он действительно имел место, настолько интересен, что на нем следовало бы специально остановиться. Однако Т. Ф. Новикова не приводит данных источников, на основании которых можно судить об изменении в положении зависимого населения. Также не подтверждено ссылками на источники положение о существовании в Сиракузах аренды земли (стр. 164). Небрежное отношение к анализу источников, недостаточная аргументированность положений, характерная и для некоторых других рецензируемых статей, снижает ценность работы Т. Ф. Новиковой, посвященной интересному вопросу.

Немногочисленные статьи по истории эллинизма трактуют, по большей части, проблемы социальной и народно-освободительной борьбы этого периода.

Так, в статье П. Н. Таркова изучается социальная борьба в Спарте в конце III в. до н. э.¹⁴ Автор подробно останавливается на движении в период реформ Агиса и Клеомена, а также на положении в Спарте после разгрома последнего. Целью своей статьи П. Н. Тарков ставит отделение фактической ткани повествования источников от выводов и оценок, продиктованных классовыми умонастроениями античных историков (стр. 81). Автор пытается отделить деятельность народных масс от деятельности царей в ходе реформ. Он высказывает интересную мысль о том, что в то время, как широкие массы боролись за социальное переустройство общества, царь Клеомен стремился превратить Спарту в эллинистическую монархию. Однако целый ряд положений автора вызывает серьезные сомнения. Работа, по признанию самого автора (стр. 80), написана на ограниченном круге источников (Полибий, Плутарх), но некоторые выводы и утверждения статьи не подкрепляются данными использованных источников. Характеризуя положение в Спарте накануне реформ, П. Н. Тарков пишет: «Массы илотского земледельческого населения были согнаны с земель и лишены каких бы то ни было средств существования» (стр. 67). Источники не дают основания для подобного утверждения. Наоборот, Страбон пишет, что институт илотии существовал вплоть до завоевания Лаконии римлянами (Strabo, VIII, 5,4).

Характеризуя последствия тирании Набиса, П. Н. Тарков говорит, что во время этой тирании был взят курс на полное искоренение рабовладельческих порядков и полную перестройку социальных отношений в стране. Но Полибий, на которого ссылается автор, не дает возможности утверждать сколько-нибудь определенно о каких-то новых социальных отношениях. Он говорит о пределах имущества, об изгнании противников тирании, но в то же время он рассказывает о способах, которыми Набис выманивал деньги у богатых людей (см. Polyb., XIII, 7). Следовательно, продолжала сохраняться и частная собственность и имущественное неравенство.

Вызывают возражения в статье П. Н. Таркова не только некоторые интерпретации источников, но и отдельные общие положения. В начале статьи, разбирая причины кризиса, автор пишет, что «отныне (т. е. в период эллинизма. — И. С.) греческий мир был лишен возможности избавляться от избыточного населения путем принудительной эмиграции в колонии, как это было в доклассическую эпоху» (стр. 65). Но он ничего не говорит о формах «избавления от избыточного населения», характерных для первых веков эллинистического периода: наемничество, многочисленные катекки по всему эллинистическому Востоку. Следовало бы более глубоко и дифференцированно проанализировать социально-экономическую обстановку в Греции, чтобы выяснить причины кризиса, который был характерен не для всех греческих областей. Рассматривая расстановку классовых сил в Спарте, П. Н. Тарков утверждает, что у немущего спартиата было больше общих интересов с бесправным бедняком-илотом, чем с олигархом-спартиатом (стр. 67). Это утверждение кажется нам неверным. Нельзя забывать о той огромной разнице, которая отделяла в сознании людей античного общества свободных от рабов. Интересы обедневших спартиатов и илотов были различны. Первые боролись за возрождение общины равных, за право участвовать в эксплуатации илотов, последние же боролись за свое освобождение. Именно разница в интересах различных

¹⁴ П. Н. Т а р к о в, Социальные движения в Пелопоннесе в конце III в. до н. э., УЗ Моск. гос. библиотечного ин-та, № 2, 1956, стр. 64 сл.

борющихся групп и определяла многие особенности движения в Спарте III в. до н. э. Таким образом, автор статьи не только прослеживает фактическую ткань повествования античных историков, но и дополняет ее своими соображениями, не всегда достаточно убедительными.

М. И. Гусева посвящает свою работу борьбе фракийских племен против македонян¹⁵. В статье наиболее подробно охарактеризована борьба фракийских племен против Лисимаха, в частности борьба его с фракийскими городами. Поражения фракийцев в этой борьбе были обусловлены, по мнению автора, их раздробленностью (стр. 99). Специально останавливается М. И. Гусева на войне македонян с гетами, которая закончилась победой последних. Автор дает краткую характеристику общественного строя гетов. По ее мнению, у них наблюдаются зачатки государственной организации.

Два небольших сообщения о народно-освободительной борьбе в Мидии в период эллинизма опубликовал З. И. Ямпольский в «Докладах Азербайджанской Академии наук»¹⁶. В первом сообщении З. И. Ямпольский разбирает вопрос о сопротивлении мидян нашествию Александра. Он приводит слова Страбона (XI, 13, 1) о том, что Атропат воспрепятствовал подчинению Мидии македонянам. На основании этого свидетельства и косвенных данных Якута Хамави автор делает вывод о том, что «мидяне в соответствии с условиями (соотношение сил) вели патриотическую борьбу против македонских завоевателей». Однако приведенные данные представляются совершенно недостаточными для суждения о характере сопротивления мидян Александру.

Во втором сообщении З. И. Ямпольский рассматривает восстание Молона, селевкидского наместника Мидии. Автор считает, что это движение было не верхушечным столкновением, а освободительным движением мидян против иноземных захватчиков (стр. 766). Данные Полибия, на которого ссылается автор, не говорят достаточно убедительно в пользу такого утверждения. Сам З. И. Ямпольский приводит описание военного совета у Антиоха III, где высказывалось предположение, что при появлении царя Молон будет схвачен самим народом. В другом месте Полибий рассказывает, что Молон подготовил население своей сатрапии к сопротивлению, частично соблазнив его надеждой на добычу, частично запугиванием, так как он предъявлял вождям подложные письма от царя. Из этого отрывка видно, что Молон опирался на вождей племен; о широком же народном движении Полибий не говорит ничего.

Среди статей, посвященных истории эллинизма, выделяется статья И. А. Шишовой «Дура-Европос — крепость Парфянского царства»¹⁷. Статья ставит своей целью дать представление о типичном городе-крепости Парфянского царства на основании материалов, полученных благодаря археологическим раскопкам. Статья начинается с характеристики города в селевкидский период. Дура-Европос под властью Селевкидов должен был контролировать и управлять прилегающими землями, а также контролировать Евфрат и дорогу вдоль него, связывающую Антиохию на Оронте с Селевкией на Тигре. С приходом парфян назначение города не изменилось. Для парфянского периода характерна ориентализация города. Разбирая данные ономастики, автор приходит к выводу, что местное богатое население входило в гражданский коллектив города. Касаясь положения города в системе Парфянского царства, И. А. Шишова, основываясь на факте застройки агоры, высказывает предположение, что роль народного собрания была сведена на нет (стр. 122). Во главе города стояли чиновники, назначавшиеся парфянскими царями. Статья заканчивается краткой характеристикой

¹⁵ М. И. Гусева, Борьба фракийских племен против македонского владычества в конце IV и начале III в. до н. э., УЗ Ивановского гос. пед. ин-та, т. XI, Кафедра всеобщей истории, 1957, стр. 89 сл.

¹⁶ З. И. Ямпольский, Несколько слов о борьбе мидян против Александра Македонского и его преемников, «Доклады АН АзССР», т. X, № 5, 1954, стр. 370 сл.; о н же, К истории Атропатены, «Доклады АН АзССР», т. XII, № 10, стр. 763 сл., резюме на русск. яз., стр. 766.

¹⁷ УЗ ЛГУ, № 192, серия исторических наук, вып. 21, 1956, стр. 107 сл.

судьбы города в римское время (главное назначение Дуры при римлянах — военная крепость) вплоть до разрушения персами в III в. н. э.

А. С. Шофман опубликовал большую статью, посвященную историографии Македонии¹⁸. Статья делится на три главы: «Буржуазная историография о древней Македонии», «Русская историография о древней Македонии» и «Советские историки о древней Македонии». Разбирая работы буржуазных историков, автор отмечает, что у них не нашел разрешения вопрос о македонском этногенезе, о возникновении македонского государства. Завоевания Филиппа и политика Демосфена рассматривались вне связи с рождением македонской государственности; эпоха Александра освещалась только с двух точек зрения: психологической и военной. Существенным недостатком этой главы является то, что в ней совсем не выделены прогрессивные тенденции в западноевропейской историографии. А. С. Шофман совершенно не затрагивает работ западноевропейских историков последних лет. Во 2-й главе подчеркиваются преимущественно положительные черты русской дореволюционной историографии, хотя автор указывает также и на буржуазную ограниченность взглядов русских историков. В этой главе разбираются произведения Грановского, Бабста, Кудрявцева, Ешевского, Цыха, Куторги, Стасюлевича, Астафьева, Васильевского, Мищенко, Бузескула, Хвостова. В третьей главе дается характеристика работ советских историков, касающихся Македонии, в хронологическом порядке (рассматриваются работы Жебелева, Бергера, Сергеева, Удальцова, Шмидт, Тюменева, Баженова, Ковалева, Мишулина). В конце статьи А. С. Шофман дает краткую характеристику взглядов современных болгарских историков.

В статье Ю. Мадиссона «Молодой Куторга»¹⁹, написанной на основании изучения архивных материалов, дается характеристика развития молодого Куторги как ученого в период пребывания его в Профессорском институте в Тарту и заграничной командировке. Статья эта интересна тем, что в ней не только прослеживается формирование Куторги как ученого, но и тем, что в статье широко характеризуется обстановка в Профессорском институте при Дерптском университете перед поступлением туда Куторги в 1828 г. и состояние преподавания классической филологии (стр. 11 сл.). В статье выявляются новые данные биографии Куторги. В частности, автор точно устанавливает, где именно работал и жил Куторга во время заграничной командировки.

Разбор эпиграфических работ С. А. Жебелева делает Н. П. Шкляев²⁰. В его статье дается общая характеристика работ академика Жебелева и рассматриваются следующие его статьи: «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре», «Херсонесская присяга», «Ольвия и Митридат Евпатор», «Что понимать под Борисфеном». В статье, в основном, анализируется метод С. А. Жебелева как эпиграфиста.

В ученых записках Ярославского педагогического института помещены отчеты А. С. Башкирова о раскопках Патрэя в 1949—1951 гг.²¹ Отчеты даются по годам. Среди открытого в Патрэе материала есть относящийся к классическому и эллинистическому периодам. В отчете о раскопках 1950 г. А. С. Башкиров описывает памятники акрополя, в том числе «большую стену», которая, вероятно, была стеной какого-то общественного сооружения; автор датирует ее V—IV вв. до н. э. (стр. 357). Интересно описание пожара акрополя, бывшего в I в. до н. э. Этот пожар А. С. Башкиров связывает с военными действиями карательных отрядов Фарнака, пытавшегося установить свою власть на Боспоре Киммерийском. Нам кажется, что статья значительно выигра-

¹⁸ А. С. Ш о ф м а н, Основные проблемы истории античной Македонии в историографии, УЗ Казанского гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина, т. 114, кн. 5, 1954, стр. 149 сл.

¹⁹ Ю. М а д и с с о н, Молодой Куторга (к вопросу о возникновении русской исторической науки об античности), «Труды историко-филологического ф-та Тартуского гос. ун-та», вып. 43, 1956, стр. 3 сл.

²⁰ Н. П. Ш к л я е в, Академик С. А. Жебелев как эпиграфист в трудах по истории Северного Причерноморья, УЗ Казанского гос. ун-та, т. 114, кн. 5, 1954, стр. 219 сл.

²¹ А. С. Б а ш к и р о в, Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове 1949—1951 гг., УЗ Ярославского пед. ун-та, вып. XXII, 1957, стр. 311 сл.

ла бы, если бы описание велось не по годам, а по комплексам памятников, с выделением определенных хронологических периодов. В этом случае можно было бы составить более определенное представление о Патрэе и сделать более широкие исторические выводы.

В изданиях педагогических институтов и университетов за последние годы появился ряд статей по классической филологии. В Ученых записках Моск. гос. пед. института им. В. И. Ленина опубликована большая работа А. Ф. Лосева «Эстетическая терминология ранней греческой литературы»²², которая, по существу, является монографией и требует специальной рецензии. В том же томе помещена еще одна работа А. Ф. Лосева «Гесиод и мифология» (стр. 263 сл.), где разбираются основные черты мифологической картины, которую изображает Гесиод, мифологический метод его мышления и способы изложения мифологии. Там же (стр. 3 сл.) напечатана статья Н. А. Тимофеевой «Пушкин и античность», в которой автор рассматривает отношение Пушкина к античной литературе на разных этапах его творчества, использование им образов, связанных с античной культурой, отдельные переводы греческих и римских поэтов.

В интересной статье Б. В. Казанского характеризуется общественно-историческая обстановка возникновения драмы²³. Статья начинается с анализа происхождения культа Диониса. Б. В. Казанский подчеркивает демократичность этого культа. По его мнению, культовые содружества — фисы имели большое общественно-политическое значение для сплочения прогрессивных сил в период борьбы против родового строя (стр. 8). Рассматривая обстановку учреждения культа Диониса в Афинах, автор приходит к выводу, что все мероприятия Писистрата, касающиеся этого культа, были чисто политическими и должны были снискать ему популярность у народа. Автор подробно останавливается на путях возникновения трагедии из Дионисий. По его мнению, она возникла из сатирического действия (стр. 14 сл.). Первоначальные выступления трагедов носили веселый характер. Само это слово, вероятно, было культовым названием участников дионисовского хоровода. Б. В. Казанский предполагает, что слово «козел» в этом словосочетании означает название пляски-игры. Оформление же трагедии как жанра связано со становлением демократической республики. По словам автора, «драматические представления надо было поднять на высоту всенародного патристического зрелища, больше того — на уровень общественного сознания новых Афин» (стр. 18).

Н. С. Гринбаум в небольшой статье «К оценке творчества Алкея»²⁴ ставит вопрос о политической направленности стихов Алкея. Он утверждает, что стихи Алкея — «явление политической жизни и политической жизнью они рождены» (стр. 232). Творчество Алкея, по мнению автора, отражает борьбу лесбосской аристократии VI в. до н. э. против поднимающегося к власти городского демоса.

В другой статье Н. С. Гринбаум разбирает высказывания Маркса и Энгельса об античной культуре²⁵.

Статья Н. Л. Сахарного «Искусство Гомера»²⁶ посвящена анализу художественных приемов последнего. Автор разбирает гомеровское искусство изображения личности, останавливается на том, какими средствами достигается верность характеристик, каким путем проявляется в поэмах заинтересованность автора.

Подводя итог нашему обзору, мы можем отметить появление в Ученых записках университетов и пединститутов ряда интересных, ценных исследований по различным вопросам истории Греции и эллинизма. Однако, наряду с глубокими исследовательскими работами, встречаются статьи поверхностные, не вносящие ничего нового в науку.

²² УЗ Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, т. XXXIII, кафедра классической филологии, вып. 4, 1954, стр. 37 сл.

²³ Б. В. К а з а н с к и й, Общественно-историческая обстановка возникновения драмы, УЗ ЛГУ, № 192, серия исторических наук, вып. 21, 1956, стр. 3 сл.

²⁴ УЗ Кишиневского гос. пед. ин-та, т. IV, 1955, стр. 227 сл.

²⁵ Н. С. Г р и н б а у м, К вопросу об отношении Маркса и Энгельса к античной культуре, там же, стр. 47 сл.

²⁶ «Сб. трудов Архангельского гос. пед. ин-та», вып. 1, 1956, стр. 85 сл.

Характерными недостатками многих работ, опубликованных в изданиях периферийных ВУЗ'ов, являются слабое использование новой исторической литературы и ограниченность круга источников, на которые опираются авторы. В частности, мало используются эпиграфические и папирологические материалы.

И. С. Свенцицкая

П. КАРЫШКОВСКИЙ, Восстание Спартака, Госполитиздат, 1956, 63 стр., тираж 100 000 экз., цена 70 коп.

Создание популярных работ по наиболее важным проблемам древней истории, несомненно, является одной из актуальных задач советских историков античности. В этой связи представляет интерес брошюра П. Карышковского «Восстание Спартака», посвященная одному из наиболее ярких событий в истории древнего мира.

Рецензируемая работа состоит из четырех частей: введения, обзора социально-экономического строя Римской республики I в. до н. э., изложения основных этапов восстания рабов и заключения. Такой план научно-популярной брошюры, объемом менее трех печатных листов, рассчитанной на широкий круг читателей, по нашему мнению, является вполне оправданным.

Автор поступил правильно, познакомив вначале читателя с экономикой Римской республики, политическим строем, классовым составом общества, агрессивными войнами, которые вел Рим на западе и на востоке.

Вторую главу П. Карышковский, за исключением первых пяти страниц, где он рассматривает историю и характер гладиаторских боев в Риме, посвящает изложению основных этапов спартаковского восстания. Работа завершается заключением, в котором автор кратко говорит об историческом значении спартаковского восстания.

Автор убедительно показал своеобразие восстания рабов под руководством Спартака, его отличие от массовых восстаний рабов в Сицилии. В брошюре правильно отмечено, что после поражения восстания сложились более благоприятные условия для возникновения и распространения среди угнетенных масс, в частности среди рабов, новой религии — христианства. Автор широко использовал высказывания К. Маркса и В. И. Ленина о восстании рабов и о личности их руководителя. Брошюра написана хорошим языком, в отдельных местах очень ярким и эмоциональным. Оживляют текст многочисленные иллюстрации, помещенные в книгу.

К сожалению, в рецензируемой брошюре имеются, по нашему мнению, серьезные недостатки и ряд мелких упущений. Прежде всего, вызывает возражение распределение материала между отдельными главами. Основному вопросу — восстанию рабов под предводительством Спартака — автор отводит лишь 21 страницу из 63, то есть третью часть. Автору следовало бы хоть вкратце дать критику реакционной буржуазной историографии и отметить заслуги советских ученых в изучении спартаковского восстания. Ничего не сказано о кризисе римской демократии и о люмпен-пролетариате, игравшем в то время большую роль среди городского плебса.

На стр. 24 автор замечает, что: «очень трудно было преодолеть противоречия интересов между самими рабами...». Однако этот вопрос не рассмотрен в брошюре всесторонне. Вряд ли можно сводить дело лишь к разногласиям, возникшим на почве этнической разобщенности. Возможность возникновения разногласий была обусловлена прежде всего самим характером восстания рабов, его стихийностью и крайне слабой организованностью. Были разногласия и среди различных категорий рабов, например, между домашней челядью крупных рабовладельцев и рабами, работавшими в производстве. Между рабами интеллигентных профессий и рабами-чернорабочими.

В брошюре также неоднократно подчеркивается отсутствие союза между рабами и свободной беднотой. Этот вопрос следовало бы осветить глубже, показав, что союза

между ними в условиях рабовладельческого строя быть не могло, ибо свободные и рабы принадлежали к различным классам, а поэтому между ними существовали антагонистические противоречия, исключавшие такой союз.

Напрасно автор, тем более в научно-популярном издании, вводит новую транскрипцию для слов, написание которых твердо вошло в научный обиход. Например, вместо общепринятых «Фурии», «Пиценская» П. Карышковский пишет «Турии» (стр. 48, 57 и др.), «Пицентийская» (стр. 46, 47).

Хорошо, что в брошюре имеются иллюстрации, но вряд ли один из всадников (роспись из Помпей) был вождем восставших. Совершенно недопустимо отсутствие в научно-популярной книге карты Римской республики и схемы походов спартаковцев. Отсутствие схемы не дает возможности читателю наглядно представить как движение спартаковцев по Италии, так и места главных сражений.

Учитывая небольшой объем брошюры, следовало бы в конце ее дать список общедоступной литературы, чтобы читатель, заинтересовавшись каким-либо вопросом, мог бы обратиться к другим книгам.

Автор, по нашему мнению, излишне часто подчеркивает, что спартаковцы занимались грабежом, насилиями, убийствами и поджогами (стр. 40, 42) и в то же время лишь мельком говорит о наличии в армии Спартака элементов организованности и дисциплины (ср. Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, 1956, стр. 268).

Напрасно П. Карышковский умолчал о том, что добычу восставшие делили между собой поровну, а если продавали ее скупщикам, то только за медь и железо, так как Спартак запретил рабам приобретать золото и серебро. План трех походов восставших в брошюре изложен слишком кратко, а главное — нечетко, и поэтому неподготовленный читатель вряд ли самостоятельно в нем разберется.

В заключение отметим постранично несколько мелких погрешностей.

На стр. 11 автор утверждает, что «Трибун...мог приостановить своей властью выполнение любого распоряжения других должностных лиц...». В действительности это не так. Народный трибун не мог приостановить распоряжение диктатора, в подчинении которого находились все должностные лица.

Из Капуанской школы Лентула Батиата бежало не около семидесяти гладиаторов, как напечатано в брошюре (стр. 35), а 78 человек.

Отмеченные недостатки несколько снижают общий уровень рассматриваемой брошюры. Между тем при более тщательной работе издательства над книгой многие пробелы могли быть легко устранены.

С. Н. Бенклев

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ В ЖУРНАЛЕ «STUDII ŞI CERCETĂRI DE ISTORIE VECHĂ» за 1954—1956 гг.¹

Журнал «Studii şI cercetări de istorie veche» издается с 1950 г. в Бухаресте Национальным музеем древностей Академии наук Румынской Народной Республики и выходит ежегодно двумя полутомами. С самого начала журнал уделял большое внимание вопросам истории материальной культуры и опубликованию отчетов об археологических раскопках, которые в РНР приобрели особый размах после установления народно-демократического строя, особенно с 1949 г. За истекшее время в РНР были произведены многочисленные археологические раскопки, позволившие глубже ознакомиться с первобытным обществом на различных этапах его развития, причем впервые было приступлено к систематическому исследованию палеолита; чрезвычайную

¹ «Studii şI cercetări de istorie veche» («Труды и исследования по древней истории»), т. V, 1954; т. VI, 1955; т. VII, 1956, Бухарест.

важность представляют собой раскопки дакийских крепостей в горах Орэштие, главным образом в Грэдидшти Мунчелулуй, предпринятые с целью изучения материальной культуры дакийцев и их социально-экономического развития и показавшие, вопреки существовавшему мнению, высокий уровень дакийской культуры накануне завоевания этой страны Римом. Результаты этих раскопок представляют особый интерес для решения вопроса об этногенезе румынского народа и для научного разрешения вопроса о раннем дакийском рабовладельческом государстве; они позволили широко обсудить вопрос о дакийском государстве на научной сессии V секции Академии наук РНР в декабре 1953 г. Раскопки в Истрии позволили более подробно ознакомиться с длительной жизнью этого греческого причерноморского города и его связями с автохтонным гетским населением северной Добруджи. В небольшой мере археологические раскопки дали новый материал для изучения жизни на территории РНР в III—IV вв. н. э., однако этот период пока что остается слабо освещенным. Значительный вклад внесли раскопки в изучение эпохи раннего феодализма.

Для того чтобы исследования в области древней истории плодотворно развивались, редакция журнала считает, что ближайшей задачей историков древнего мира является перенесение центра тяжести на использование накопленных материалов для разработки крупных исторических проблем и составления капитального труда по древней истории страны, причем исследователям следует обратить внимание в первую очередь на изучение вопросов, требующих скорейшего разрешения, и на наименее изученные периоды древней истории РНР.

Основными проблемами, требующими быстрее разрешения, являются более углубленное изучение первобытного общества на территории РНР, выяснение характера раннего дакийского государства и изучение развития рабовладельческого общества на территории РНР, выяснение вопроса об образовании румынского народа и румынского языка, а также вопрос об условиях возникновения феодализма и феодальных государственных образованиях на территории страны.

В соответствии с поставленными задачами в номерах журнала за 1956 г. опубликован целый ряд статей, посвященных изучению наиболее важных вопросов древней истории РНР.

Статьи, опубликованные в журнале за 1954—1956 гг., по их проблематике можно разделить на пять основных групп:

1) Исследования о развитии первобытного общества на территории РНР. 2) Исследования о дакийском государстве до его завоевания римлянами. 3) Исследования по истории Дакии в период римского владычества. 4) Исследования, посвященные изучению истории греческих городов западного Причерноморья и их связей с автохтонным гетским населением северной Добруджи. 5) Исследования по истории феодализма.

В настоящем обзоре будут, в основном, рассмотрены статьи, посвященные истории дакийского государства и античному периоду в истории Румынии.

1. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ДАКИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА ДО ЕГО ЗАВОЕВАНИЯ РИМЛЯНАМИ

В статье акад. К. Дайковичиу «Новое в вопросе о дакийском государстве» (1955, № 1-2) автор продолжает развивать ранее выдвинутый им тезис о существовании во времена Биребисты и Децебала раннего дакийского рабовладельческого государства и приводит новые данные относительно времени его существования. Автор анализирует состояние дакийского общества начала I в. до н. э. в юго-западной Трансильвании на основе результатов археологических раскопок 1950—1954 гг. дакийских поселений в Мунций Орэштией и дает новое толкование известной надписи Акорниона из Дионисополя (Sylloge³, 762), учитывая при этом чтения, предложенные М. Олло и А. Вильгельмом, а также упоминание в прологе к 32 книге «Истории» Помпея Трога о росте могущества дакийцев при царе Rubobostes во II в. до н. э. (автор считает необоснованными попытки рассматривать это имя как испорченное в рукопи-

сях имя Биребисты). В результате К. Дайковичу приходит к выводу, что начало государственного устройства трансильванских дакийцев относится к началу I в. до н. э. и датируется первыми годами царствования Биребисты или даже временем царствования его отца.

Второй вопрос, рассматриваемый автором, касается судеб дакийского государства после гибели Биребисты. Автор оспаривает мнение, будто бы в этот период дакийское государство вовсе исчезает. Литературные источники по этому поводу говорят лишь о распаде дакийского государства на несколько частей; их сопоставление с археологическими раскопками на Дялул Грэдештей в горах Орэштие неоспоримо доказывает, что в период от гибели Биребисты до воцарения Децебала в юго-западной части Трансильвании существовало дакийское государство с меньшей территорией, чем во время царствования Биребисты.

В статье того же автора «О гето-дакийской общине» (1955, № 1-2) указывается на необоснованность использования стихов Горация (Od., III, 24, 10—16) для доказательства наличия у гето-дакийцев общинного землевладения с совместной обработкой земли и пользованием урожаем. Картина, нарисованная Горацием в указанных стихах, соответствует общественной организации свевов к середине I в. до н. э. (Caes., *Comm. de b. G.*, IV, 1) и находится в противоречии с тем, что нам известно о гето-дакийцах из других литературных источников и по археологическим данным.

В статье К. Махря «Биребиста и кельты на Среднем Дунае» (1956, № 1-2) подвергается пересмотру вопрос о датировке разгрома Биребистой боев и таврисков, руководимых Крестасиром. В историографии с конца XIX в. укрепилось мнение, что сражение это имело место около 60 г. до н. э., в начале царствования Биребисты; однако позднее нумизматом Р. Паульсенем и историком А. Альфельди была сделана попытка доказать, что событие это произошло около 40 г. до н. э., и в связи с этим отодвинуть почти на целое десятилетие год смерти Биребисты.

Поскольку от уточнения хронологии указанного события зависит правильное понимание политики Биребисты в целом, автор заново рассматривает все данные о сражениях дакийцев с боями и таврисками. В результате сопоставления литературных источников с археологическими, нумизматическими данными автор приходит к выводу, что разгром Биребистой боев и таврисков произошел в начале его царствования, около 60 г. до н. э. Этот разгром устранил опасность нападения на западные границы Дакии и развязал Биребисте руки для последовавшей борьбы с римлянами и греческими причерноморскими городами. Что касается аргументации Р. Паульсена и А. Альфельди, то она не выдерживает критики; в частности, правильна датировка бойских монет 80—60 гг. до н. э. (а не 60—40 гг.), так как с 60 г. до н. э. начинается выпуск монет эрависков. К тому же, все античные источники сходятся на том, что Биребиста погиб в 44 г. до н. э., вскоре после убийства Цезаря. Автор считает, что в последние годы своего царствования, после победы Цезаря над Помпеем, Биребиста, в основном занимался организацией обороны против ставшей уже вероятной римской угрозы. Археологические раскопки и находки монет свидетельствуют о том, что к этому времени относятся мощные каменные укрепления, воздвигнутые Биребистой в горах Орэштие с помощью ремесленников из греческих причерноморских городов.

В статье «К вопросу о земледелии в Дакии до покорения ее Римом. Вопрос о дакийской общине» (1956, № 3-4) А. Бодор ставит себе задачу исследовать формы земледелия у дакийцев и на основе этих данных прийти к выводам о характере общественных отношений в Дакии до римского завоевания. Автор, на том же основании, что и К. Дайковичу, считает, что упомянутая ода Горация (Od., III, 24, 10—16) не может быть признана историческим источником по рассматриваемому вопросу. На основании литературных источников, археологических и нумизматических данных он защищает то положение, что дакийцы в I в. до н. э., в отличие от свевов, вели оседлый образ жизни и их основным занятием являлось земледелие. У них уже существовал внутренний рынок, и они вели оживленную торговлю с греческими причерноморскими городами. К тому же в рассматриваемый период у дакийцев религия уже являлась государствен-

ным учреждением с установленной иерархией, официально оказывающей поддержку царю и руководящим слоям, а царская власть являлась наследственной. А. Бодор приходит к выводу, что в оде Горация соответствующим исторической правде является лишь указание на общинный характер дакийского землевладения, что подтверждается сообщением Иосифа Флавия, писавшего в период правления Тита и Домициана, когда в Риме должны были уже располагать достоверными сведениями о жизни дакийцев.

В статье К. Преда «Гето-дакийские племена и обращение монет Филиппа II на севере Дуная» (1956, № 3—4) рассматривается вопрос о причинах распространения на территории к северу от Дуная большого количества македонских монет, отчеканенных в царствование Филиппа II. Автор считает, что произошло это не только в результате экономической и политической экспансии македонского государства времен Филиппа II и Александра, но в определенной мере было обусловлено и уровнем социально-экономического развития гето-дакийских племен во второй половине IV в. до н. э., у которых к этому времени возникает товарное производство. Распространение монет Филиппа II приводит к установлению более тесных связей между греко-македонцами и населением, живущим к северу от Дуная, и ослабляет в определенной мере связи этого последнего с греческими городами западного Причерноморья. Монеты Филиппа II послужили прототипом для дакийской местной монеты, которая засвидетельствована в большом количестве для III—I вв. до н. э. Начало чеканки дакийских монет относится, скорее всего, к середине III в. до н. э., а прекращение чеканки примерно к 100 г. до н. э., когда в Дакию проникает римская республиканская монета.

II. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ДАКИИ В ПЕРИОД РИМСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

К этой группе относятся исследования Б. Митря «Вклад нумизматики в освещение вопроса о борьбе против римского владычества в Дакии» (1954, № 3—4) и «К вопросу об истории гетских племен в Молдове во второй половине II в. н. э. в свете новых нумизматических данных» (1956, № 1—2). В первой статье, учитывая скудость литературных источников, касающихся истории Римской империи этого периода, в том числе и провинции Дакии, автор привлекает для изучения вопроса о борьбе дакийского автохтонного населения против римского владычества данные нумизматики. Он подвергает анализу нумизматический материал как с точки зрения изучения типа на обороте монет, так и с точки зрения изучения хронологии захоронения кладов. Данные нумизматики подтверждают наличие восстаний в 117—119, 139, 143, 156—157 и 167 гг. н. э. и позволяют внести некоторые уточнения в определение этих дат; так, в частности, они уточняют датировку восстания конца пятидесятых годов 156—157 гг. (а не 157—158 гг., как предполагают некоторые историки). Во второй статье автор использует нумизматические данные для выдвижения ряда гипотез о гето-дакийском населении Молдовы и его взаимоотношениях с римской империей. Географическое распределение захоронений кладов подтверждает мнение В. В. Кропоткина (ВДИ, 1951, № 4, стр. 243—252) о том, что в районе центрального плоскогорья, холмов и соприкасающихся с ними зон обитала оседлая народность, которая, по мнению Б. Митря, может быть только гето-дакийской; появление же римской монеты в верхнем бассейне Прута и Серета,³ возможно, связано с проживанием в этой местности гето-дакийского племени костобоков. Даты захоронения кладов совпадают с нашествиями «варваров» на гето-дакийскую территорию Молдовы; особенно большое количество захоронений во время царствования Коммода, как считает Б. Митря, связано с движением готов из района Вислы в район Черного моря, приведшим к переселению многочисленных племен. Отсутствие монетных кладов, относящихся к 170 г. н. э., по мнению автора, опровергает выдвинутую О. В. Кудрявцевым (ВДИ, 1950, № 3, стр. 56—80) гипотезу о пути следования костобоков и о месте их проникновения на территорию Римской империи.

На основании изучения нумизматических данных Б. Митря приходит к выводу,

что в течение второй половины II и первых десятилетий III в. н. э. не произошло никаких существенных изменений в этнографической структуре рассматриваемой территории. То обстоятельство, что в биографии Марка Аврелия (22, 1) среди варваров, напавших на империю, не упоминаются карпы, дает возможность автору отождествить карпов с автохтонным гето-дакийским населением молдавского плоскогорья, которое, согласно нумизматическим данным, находилось в мирных отношениях с Римом и само страдало от нашествий, которым подвергалась в это время империя.

III. ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКИХ ГОРОДОВ ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ИХ СВЯЗЕЙ С АВТОХТОННЫМ ГЕТСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ СЕВЕРНОЙ ДОБРУДЖИ

Д. М. Пиппиди в статье «Новые сведения о внутренней организации города Истрии в годы автономии» (1954, № 3-4) отмечает, что эпиграфические материалы, добытые при археологических раскопках послевоенных лет, позволяют дополнить имеющиеся данные о государственной организации Истрии в IV—I вв. до н. э. Эти материалы содержат дополнительные данные о ранее известных магистратурах или же указывают впервые на существование магистратов и учреждений, не известных в этом городе до настоящего времени. На основании ряда надписей можно сделать вывод о брожениях социального характера, вызванных концентрацией имущества и обнищанием широких народных масс в течение эллинистического периода.

Э. Попеску в статье «Неопубликованный эпиграфический документ из Истрии и культ Кибелы» (1954, № 3-4), изучая обнаруженную в 1955 г. надпись, представляющую собой почетный декрет в честь жрицы Кибелы, некоей Абы, датируемый серединой или третьей четвертью II в. н. э., отмечает, что надпись эта является первым достоверным письменным источником о существовании в Истрии культа Кибелы, наличие которого, однако, засвидетельствовано и до этого другими данными, в частности, статуэтками. В римскую эпоху этот культ становится все более интенсивным и отправляется в Истрии с необычайной пышностью, как это доказывают многочисленные нумизматические, эпиграфические и пластические документы.

И. Стоян в статье «Декреты г. Томи относительно охраны города» (1954, № 3-4) указывает, что толкование этих декретов, обнаруженных и опубликованных впервые в 1891 г., еще не получило полного признания всех исследователей, возможно, в связи с тем, что до настоящего времени издание их не носило подлинно научного характера. В частности, автор не согласен с теми исследователями, которые ставят события, упоминаемые в декретах, в связь с действиями Биребисты около 50 г. до н. э., направленными на покорение греческих припонтийских городов. И. Стоян считает необоснованной столь позднюю датировку рассматриваемых эпиграфических документов и высказывает мнение, что речь идет, возможно, об угрозе со стороны кочующего племени бастарнов или, скорее всего, о длительном периоде нападений со стороны местных племен, причем эти нападения сочетались, по всей вероятности, с внутренним брожением (именно так следует понимать выражение *λοικιή περίστασις*) и массовым бегством населения из города.

Статья Д. М. Пиппиди «Истрийская надпись об агонах» (1955, № 1-2) посвящена изучению посвященной надписи ассоциации *ἑμιφδοὶ πρεσβύτεροι περὶ τὸν μέγα θεὸν Διὸς*, обнаруженной в Истрии во время раскопок 1953 г. и датируемой 222—225 гг. н. э. Автор подчеркивает интерес, который представляет упоминание об *ἀγῶνες*, происходивших в начале III в. н. э. в Истрии, поэтический и музыкальный характер которых полностью подтверждается рассматриваемым документом. Эти агоны, по всей вероятности, устраивались в театре, местонахождение которого при раскопках еще не обнаружено.

В статье того же автора «Поправки к некоторым истрийским надписям, опубликованным В. Пырваном» (1955, № 3-4) вносится ряд поправок к тексту истрийского

декрета в честь грека-метэка, впервые опубликованного в 1925 г. В. Пырваном; затем отмечается, что декрет этот может пролить новый свет на особенности финансовой и административной организации Истрии.

В. Канарак в статье «Новое о топографии Истрии» (1956, № 3-4) рассматривает вопрос о том, являлась ли Истрия в древности островом, полуостровом или же была расположена на материке. Опираясь на данные археологических раскопок, он приходит к выводу, что наиболее правдоподобной является последняя гипотеза, причем ряд различных причин вызывал, с одной стороны, отрыв и исчезновение участка северной части крепости, а, с другой, скопление наносных отложений в южном заливе.

В статье Э. Попеску «О воспитании молодежи в Истрии» (1956, № 3-4) привлекается ряд надписей, обнаруженных при раскопках последних лет, для решения вопроса об организации эфебии в Истрии, в частности, для изучения способов воспитания эфебов. Доказательством того, что воспитание эфебов не ограничивалось лишь их физической подготовкой, а включало и заботу об их образовании, является, например, почетный декрет первой половины III в. до н. э. в честь врача из Кизика, упоминающий о лекции, *ἀκρόασις*, прочитанной им, вероятно, в истрийском гимнасии. В этом декрете отмечается, что проводились также *ἀκρόασις* риторического, поэтического и философского характера.

Данные о существовании гимнасии в римскую эпоху содержатся в двух декретах II и III вв. н. э.; в первом из них говорится о коллегии преподавателей и врачей, находящихся, как считает автор, на службе народного просвещения.

В статье Э. Бужора «К вопросу о гето-дакийском населении северо-восточной Добруджи» (1956, № 3-4) отмечается, что наличие эллинистической керамики во вскрытых в Муригьоле могилах, принадлежащих местному гетскому населению III в. до н. э. и относящихся к раннему железному веку, доказывает тесную связь местного населения с греческими городами западного Причерноморья.

В статье И. Руссу «Спорный вопрос об установлении границ земельной собственности в Малой Скифии» (1955, № 1-2) изучаются надписи на двух межевых знаках, датированных 192—201 гг. н. э. и отделявших крупное имение Мезии Пудентиллы от владений жителей автохтонного гетского поселения *vicus Buteridava*, расположенного недалеко от Истрии. Автор приходит к выводу, что данные эпиграфические документы могут служить новым доказательством существования крупной земельной собственности в Малой Скифии, где большие участки лучшей земли были захвачены привилегированными слоями римских завоевателей (представителями административной иерархии, ветеранами, дельцами и т. п.), причем в течение II—III вв. н. э. владения эти непрерывно расширялись в ущерб автохтонному гетскому населению. Одновременно, отмечает автор, в Малой Скифии, как и в других областях, захваченных римлянами, шла ожесточенная борьба за владение землей между агентами римской экспансии, в числе которых фигурируют и фракийские группы (*bessi*, *lai*), и покоренным гетским автохтонным населением (*dediticii*), эксплуатировавшимся римскими завоевателями.

Д. М. Пиппиди, работающий над подготовкой материала для *Corpus*'а истрийских надписей, в статье «*Ὁρθέσια Λαβερίου Μαξίμου* (к сорокалетию со дня открытия)» (1956, № 1-2) пересматривает ряд вопросов, затронутых в комментарии к надписи ее первым издателем В. Пырваном. В статье рассматриваются такие вопросы, как подлинность документа, датировка дошедших до нас двух экземпляров, территориальные границы Истрии, хронология наместников Мезии при Клавдии и Нероне, вопрос о наместнике Эмилиане, учреждение известного *portorium Illyrici*, организация и расширение *portorium girae Thraciae*, вопрос о присоединении римлянами греческих городов в Добрудже и дата учреждения в этой местности *praefecturae orae maritimae*. Автор разделяет мнение, что в Мезии никогда не было наместника по имени Эмилиан, и предлагает для наместничества Плавтия Элиана период 57—67 гг. н. э. Он придерживается мнения, что *portorium girae Thraciae* не мог быть учрежден до присоединения Фракии (46 г. н. э.) и что во время появления декрета Лаберия Максима (время Траяна)

он еще не был включен в таможенный округ, называемый *publicum portorii Illyrici utriusque*. Относительно присоединения греческих городов в Добрудже и учреждения *praefecturae orae maritimae* Д. М. Пиппиди присоединяется к мнению историков, полагающих, что оба эти события относятся ко времени правления Августа.

Статья Р. Флореску «Земледелие в Добрудже в начале римского владычества» (1956, № 3-4) посвящена рассмотрению положения в области земледелия, с которым встретились здесь римляне, и вопроса о том, как они сочли целесообразным включить его в свою юридическую и экономическую систему. Исследование охватывает период с 72 г. до н. э. (разгром Митридата и появление римлян на Левом Понте) до 100 г. н. э. (к этому времени относятся *орбесца* истрийцев и, как думает автор, административная организация Малой Скифии в рамках провинции). Задача затрудняется тем, что литературные и эпиграфические источники, за исключением межевых камней, дают только косвенные сведения, а археологические источники почти полностью отсутствуют. Автор приходит к выводу, что в рассматриваемый период земледелие не представляло сколько-нибудь значительного явления в Добрудже севернее долины Карасу. Лишь в южной части территории, принадлежавшей г. Томи, земледелие начинает приобретать большое значение, однако роль крупного экспортера зерна, которую играл этот город, обеспечивалась не производством зерна на южной части его территории, а тем, что зерно для экспорта поступало с куда более обширной территории, охватывающей добруджскую степь южнее долины Карасу и оба берега Дуная. Существенное значение имело земледелие на территории расположенного южнее Томи греческого города Каллатис, в связи с чем автор ставит вопрос о характере землевладения и рабочей силы в этом городе. В свете используемых источников автор приходит к выводу, что земельная собственность здесь была частной, причем число мелких земельных собственников, обрабатывающих землю своими силами, было довольно велико. Что касается средних земельных владений, по всей вероятности самых распространенных, и крупных, то они обрабатывались рабами. В юго-западной части Добруджи имелись все условия для процветания земледелия, однако, не имеется никаких сведений по этому вопросу.

* * *

Для историка древнего мира представляют также интерес статьи Д. М. Пиппиди «Тиберий Плавт Элиан и граница Нижнего Дуная в I в. н. э.», П. Настурел «*Торца, торца, фротре* Феофилакта Симокатты» и П. Александреску «Греческие источники об отступлении Дария во время скифского похода».

В статье Д. М. Пиппиди подвергается новому рассмотрению деятельность Тиберия Плавта Сильвана Элиана в Мезии на основании изучения эпиграфических, литературных и более свежих археологических источников. Автор считает, что временем правления Элиана были 57—67 гг. н. э. и подвергает подробному анализу каждую фразу эпитафии, установленной в семейном мавзолее Плавтиев в Понте Лукано, недалеко от Тибура, в которой описывается деятельность Элиана на рубежах Нижнего Дуная. Выражение *per quem pacem pacem provinciae et confirmavit et protulit* истолковывается автором не в смысле завоевания территории, якобы расширившего границы Мезии до вала «Бразда луй Новак» (пересекающего Большую и Малую Валахию от Островул Корбулуй, вблизи города Турну Северин, до окрестностей города Брэилы), а в смысле примирения соседних областей с провинцией, находившейся под управлением Элиана. Автор указывает, что против мнения о якобы происшедшем в I в. н. э. распространении римского владычества на области, расположенные к северу от Дуная, свидетельствует в первую очередь то, что упомянутый вал датируется в действительности IV в. н. э., а вал, расположенный на юге Молдовы, был воздвигнут не для защиты Большой Валахии от врага, нападающего из Молдовы, а для защиты Молдовы от нападений из Большой Валахии. По мнению автора, следует окончательно отказаться от укоренившегося мнения, что город Тирас был присоединен к империи в 56—57 гг. н. э., так как в опубликованном в 1925 г. папирусе Гунта говорится о том, что город

этот еще в начале II в. н. э. оставался *extra provinciam*. Д. М. Пиппиди отстаивает также точку зрения, что экспедиция Элиана против сарматов имела место не в 56—57 гг., а в 62 г. н. э., когда V Македонский легион был послан в Армению для подкрепления войск Цезенния Пэта. Последний вопрос, затронутый в статье, касается смысла и характера мер, предпринятых Элианом в интересах жителей Херсонеса Таврического, подвергшихся нападению со стороны скифов. Автор склонен полагать, что «экспедиция» ограничилась дипломатическими переговорами, поддержанными выступлением флота. Причина же этого вмешательства в дела области, столь отдаленной от границ провинции, находившейся под управлением Элиана, кроется, по его мнению, в планах экспансионистской политики Нерона на Востоке.

II. Нестурел в статье, представляющей не меньший интерес для филолога, чем для историка, подвергает новому рассмотрению отрывок из Феофилакта Симокатты с целью уточнить вопрос, следует ли рассматривать приведенные там слова в качестве древнейших следов румынского языка. Указанный историк (изд. де Бора, т. I, стр. 99—101) рассказывает об инциденте, имевшем место в рядах византийской армии во время войны с аварами в 586 г.: седло одного вьючного мула сдвинулось с места и заметившие это закричали погонщику животного «*тёрва, тёрва*», что было понято византийскими воинами как команда «налево кругом», вызванная нападением врага; они начали ее повторять, крича во все горло, и бросились бежать. Этот же инцидент кратко излагается и у Феофана Исповедника (изд. де Бора, т. I, стр. 257—258): один человек крикнул погонщику мула «*тёрва, тёрва, фрётре*», а воины, думая, что враг нападает, побежали, крича: «*тёрва, тёрва*», т. е. «налево кругом». Некоторые ученые (Рёслер, Хашдэу, Йорга, Филиппиде, Вульпе, Попа-Лиссяну и др.) видят в словах *торна* и *фратре* древнейшие свидетельства проявления румынского языка в его становлении. Другие (Жиречек, Денсушяну, Мутафчиев, Колиас, Дьони, Лота и др.) считают, что слово *торна* являлось в византийской армии военным термином романского происхождения, что засвидетельствовано «Стратегиконом» императора Маврикия и не имеет никакого отношения к образованию румынского языка.

Автор статьи, основываясь на греческом тексте Феофилакта, показывает, что слово, которое кричали погонщику мула, принадлежало языку этого человека и его товарищей, но оно прозвучало в ушах солдат п о ч т и одинаково (*παρεχέται, παράστρον* ήν τὸ λεγόμενον) с командой «*тёрва*», к которой они привыкли, что и явилось причиной их бегства. Он считает, что вариант *фрётре* следует предпочесть варианту *фрётер*, встречающемуся в некоторых рукописях, так как этот первый представляет собой переходную форму от латинского к румынскому языку (*fratrem > frate > frate*), а заметки, сохранившиеся на полях некоторых рукописей, помогают понять причину разночтений. Автор приходит к выводу, что слово *торна* (где конечный гласный, возможно, звучал скорее как «э») и *фратре* принадлежат языку «восточной Романии», а инцидент с мулом показывает, что первое из приведенных слов было почти созвучно с командой, означающей «налево кругом».

Статья II. Александреску посвящена вопросу о последствиях скифской экспедиции Дария I в 514 г. до н. э. для балканских областей. Автор не согласен с теми историками, которые считают, что в результате этой экспедиции, с одной стороны, была покорена вся Фракия и граница Персидской державы была установлена по нижнему течению Дуная, а, с другой, был положен конец скифской экспансии на юг от Дуная. Автор отмечает, что относительно покорения Фракии литературные источники с абсолютной очевидностью показывают, что покорена была только территория, простирающаяся между Эгейским морем и Родопскими горами; а что касается прекращения скифских нашествий на территорию к югу от Дуная, то это объясняется образованием и укреплением в начале V в. до н. э. фракийского одрисского государства, северная граница которого пролегла по нижнему течению Дуная.

В. В. Каракулаков

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА О РУКОПИСЯХ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ МЕРТВОГО МОРЯ

В 1958 г. исполняется десять лет со дня публикации сведений о пещере-тайнике на побережье Мертвого моря. Огромный интерес не только ученого мира, но и широкой публики к найденным здесь древнееврейским и арамейским рукописям и их фрагментам обеспечил успех организации археологических поисков, за истекшие годы обследовавших местность систематически. Теперь история Ближнего Востока в эпоху эллинизма и Римской империи получила новые источники¹. Обследовано несколько десятков пещер, а найденные в них фрагменты исчисляются тысячами. Найденные материалы поступили в Палестинский археологический музей в Иерусалиме, где они должны храниться на все время описания и исследования. Для планомерного их изучения была образована международная комиссия из восьми человек, в числе которых представлены специалисты Англии, Франции, Америки, Германии и Польши. Члены комиссии периодически работают в Иерусалиме несколько месяцев в году. Недостаток материальных средств вынудил правительство Иордании разрешить иностранным научным учреждениям и частным лицам приобретать открытые материалы с тем условием, что до конца работы по исследованию и публикации их они останутся на месте в Археологическом музее. Несмотря на это условие, нет гарантии, что в дальнейшем при этой системе не пострадает целостность научного исследования и не будет затруднений в разработке многих частных вопросов для будущих поколений семитологов. Группа материалов со свитками и их фрагментами из 1-й Кумранской пещеры хранится в музее Иерусалимского университета, куда ее поместило правительство Израиля, купившее их².

К настоящему времени выяснилось, что в библиотеке пещер хранились все части библейского канона, даже такие, которым, казалось бы, не должно быть отклика в строгом мировоззрении сектантов (например, кн. Экклесиаста, Иова, Песни Песней). Пока еще не представлена список кн. Эсфири. Более всего были популярны Второзаконие, книга Исаяи, Псалмы и так называемые «Малые пророки». При помощи сличения разных списков³ ученые установили, что кумранские переписчики не имели перед собой единого текстологического канона и списывали с рукописей, изобилующих мелкими и крупными вариантами библейского текста. Все найденные и исследованные фрагменты Библии в общих чертах можно свести к трем основным группам версий. Первая из них очень близка масоретскому канону, как показал уже 1-й список Исаяи из Пещеры Q 1⁴. Вторая группа родственна редакции самаританского Пятикнижия. Это доказывает, что расхождение иудейского и самаританского канонов сравнительно позднее и к началу эры еще не имело места. Последняя группа фрагментов восходит к спискам, положенным в основу древнееврейского оригинала Библии, с которого были сделаны переводы Септуагинты. Вполне четкое разграничение всех трех групп невозможно, так как налицо много фрагментов смешанного типа, сближающих одну версию с другой. Во всяком случае ясно, что традиция единой древнееврейской версии

¹ Общие сведения о начальной стадии работы, об открытиях и посвященных им изданиях см. в моем обзоре, ВДИ, 1956, № 1, стр. 87—102; А. П. К а ж д а н, Новые рукописи, открытые на побережье Мертвого моря, «Вопросы истории религии и атеизма», 4, 1956, стр. 280—313.

² «Biblical Archaeologist», XVIII, № 2 (1955), стр. 45.

³ Представление о сложности и физической трудности этой работы дает яркий очерк Аллегро о свитках Мертвого моря: J. M. A l l e g r o, The Dead Sea Scrolls. The Story of recent manuscript discoveries and their momentous significance for students of Bible, Harmondsworth, Middlesex, 1956.

⁴ В специальной литературе последних лет принята унифицированная система обозначения материалов кумранской группы по месту происхождения номером пещеры с предшествующей буквой Q (Q=Qumran).

в эту пору еще не сложилась, и Ямнийскому синедриону (рубеж I—II вв. н. э.) предстояла большая работа по отбору и унификации текста, впоследствии окончательно закрепленного масоретами (VII—IX вв. н. э.)⁵.

Дальнейшие поступления небиблейских текстов выявили среди них несколько комментариев на книги Библии, схожих с найденным ранее комментарием на кн. Хабаккука (Аввакума). Следует отметить, что и «Апокалипсис Ламеха», единственный свиток из 1-й пещеры на арамейском языке, после того как реставраторам удалось подготовить его к прочтению⁶, оказался комментарием на главы 5—15 книги Бытия. Кроме того, теперь известны комментарии на книги Михи (Михея), Цефании (Софонии), Наухма (Наума) и на книгу Псалмов. К апокрифической литературе принадлежат фрагменты «Книги Ноя», один из источников известного апокрифа «Книга Эноха», «Книга Тайн» и апокалиптическое описание «Нового Иерусалима» на арамейском языке.

Из сочинений, известных прежде только по греческой Библии, Септуагинте, в пещерах Кумрана открылась новая версия книги Сираха⁷ (Бен Сиры), книга Товита, которая нашлась и в еврейском и в арамейском изводах текста. Апокрифическая книга Юбилеев, популярная у кумранцев, отыскалась в пяти списках (один из них на папирусе), тогда как раньше ее знали лишь из латинского и эфиопского переводов. Находка оригиналов открывает широкие перспективы для изучения подлинника. Еще многочисленнее новые списки книги Эноха — восемь экземпляров, все на арамейском языке. В известных до сих пор греческой и эфиопской версиях отсутствуют некоторые части вновь найденного текста, например письмо Эноха к Шамазии и его товарищам, известное только из кумранских списков. С другой стороны, здесь отсутствуют некоторые места апокрифа, попавшие позднее в текст переводов⁸. Отдельные части книги Эноха, по-видимому, обращались в литературе как самостоятельные произведения. Вновь найденный отрывок псевдоэпиграфа «Завещание Двенадцати патриархов» особенно интересен для истории христианской литературы, так как христианское происхождение некоторых мест издавна служило предметом научной дискуссии. Находка «Завещания Леви» в Кумране по-новому разрешает вопрос о христианской интерполяции, так как найденный фрагмент показал наличие 14-й главы, одной из тех, которые считались добавленными христианами.

Наибольшая сенсация вызвана медным свитком, найденным в марте 1952 г. в пещере Q3. Лист тонкой меди длиной в 2 м 40 см и шириной в 30 см был склепан из нескольких меньших листов и при скатке разломился в местах слепки на две части. Изнутри свиток был покрыт письмом: квадратным шрифтом в столбец; характер письма и материала давал повод думать, что содержание свитка имело особое значение для кумранской общины, быть может, передавало регламент, тарифную сеть, расписание или что-нибудь подобное. Однако медь настолько подверглась коррозии, что невозможно было развернуть ее и прочесть текст. Куски были покрыты парафином и осторожно переправлены в Палестинский археологический музей, где несколько лет иска-

⁵ P. Kahle, *The Cairo Geniza* (Schweich-Lectures), L., 1942.

⁶ Первая специальная работа о нем могла выйти только в конце 1956 г.: N. Avigad and Y. Yadin, *A Genesis Apocryphon*, Jerusalem, 1956. Сообщение в статье H. E. Del Medico, *L'État des manuscrits de Qumran*, «*Vetus Testamentum*», VII, 2 (1957), стр. 138.

⁷ Еврейский оригинал, или версия Бен Сиры, был обнаружен в Каирской Генизе в конце прошлого века, так же как «Дамасский документ». См. издания H. Strack, *Jesus, der Sohn Sirachs*, Lpz., 1903, стр. III—VI; R. Smend, *Die Weisheit des Jesus Sirach*, B., 1906, стр. LVI—LXII и VI—VIII.

⁸ См. Allegro, ук. соч., стр. 119. Cp. R. Meyer, *Der gegenwärtige Stand der Bearbeitung der Texte von Chirbet Qumrân*, «*Forschungen und Fortschritte*», Jg. 30 (1956), H. 10, стр. 305—308.

ли способ развернуть их без вреда для содержания⁹. Весной 1955 г. Д. Аллегро предложил иорданскому правительству передать на время свиток Технологическому институту в Манчестере для очистки металла и раскрытия содержания. Так как свиток в художественном отношении не представлял ценности, то поступило предложение вскрыть его, разрезав на отдельные полоски. В июле того же года меньшая часть свитка уже была в Манчестере, где, под руководством ректора Технологического института доктора Баудена и профессора Райта Бейкера, ее распилили специально сконструированным прибором на полоски. Для предупреждения трещин и коррозии металла поверхность медного листа была покрыта аральдитовой мастикой. Разрезанные полоски меди очищались от пыли и патины с помощью бормашины, оборудованной вилонowymi щеточками, так что слипшиеся пласти металла разъединялись. Присутствовавший при этом Д. Аллегро прочитывал текст пластинок по мере его проявления, колонка за колонкой. Значение свитка, по словам Аллегро, превзошло все ожидания. Текст был нанесен на медь стилосом, но писец не имел опыта в работе с неподатливым материалом: вначале он писал крупными четкими буквами, затем сбивался на более мелкий и менее четкий почерк. Для того чтобы запутать непосвященного читателя, он нарочно делал ошибки. После того как одна часть свитка была открыта и прочитана, Аллегро составил транскрипцию, предварительный перевод и примечания и в конце ноября того же года переслал их Хардингу в Амман. В январе 1956 г. в Манчестер прибыла и была обработана таким же образом вторая часть свитка. Текст полного документа состоял из 12 колонн, начало которых находилось в глубине свитка. В апреле медный свиток вернулся обратно в Иорданию, и в печати широко распространилось известие о его расшифровке.

Свиток содержал, по определению Аллегро, опись имущества секты, укрытого в тайниках. Такое предположение высказывал ранее на основании немногих слов, прочитанных по выпуклостям букв, проф. К. Г. Куи¹⁰. Дальнейшая информация должна последовать за публикацией, которую подготавливает Ж. Т. Милик, сотрудник Французского археологического института в Иерусалиме.

К специфическому кругу литературы кумранской есеевской общины принадлежат новые экземпляры списков «Благодарственных гимнов», «Войны Сынов света с Сынами тьмы» (обнаружена в четырех экземплярах в пещере Q4) и «Устава», который теперь насчитывается в 11 списках. Правда, они представлены, за исключением первого, фрагментами (см. Аллегро, стр. 120—121). Сюда же относится фрагмент так называемых «Двух колонок», недавно опубликованный Бартеlemi (см. ниже). «Дамасский», или «Садокидский документ» найден теперь в семи списках, один из них — на папирусе¹¹. Некоторые части текста отсутствовали в известных ранее рукописях (см. ВДИ, 1956, № 1, стр. 92).

Для истории религии особенно важна группа документов, показывающая роль жрецов в секте, календарь жреческой службы и папирус с перечнем вечерних и утренних молитв на дни месяца.

Археологические раскопки в Хирбет Кумран, проведенные в 1954 и 1955 гг. Французским археологическим институтом совместно с Департаментом древностей Иордании, подтвердили полную достоверность показаний прежних поисков, расширив и дополнив сведения об истории поселения и о хозяйстве общины. Выяснилось, что жилым местом городище стало еще до VIII в. до н. э. Это доказано остатками стен и керамикой; среди черепков был найден остракон с древнееврейским текстом староханаанского письма. К сожалению, границ и очертаний древнейшего жилища установить не уда-

⁹ История свитка рассказана в приложении IV к очерку Аллегро (см. ниже). Здесь мы излагаем только основные факты.

¹⁰ Не все согласны с толкованием Куи — Аллегро. В частности, по сообщению И. Д. Амусина, иного мнения по этому поводу держится известный немецкий семитолог Бардтке.

¹¹ Количество списков и материал одного из них, казалось бы, должны устранить окончательно подозрения С. Цейтлина в подделке, чего, однако, не произошло.

лось, так как оно было перекрыто постройками Хирбет Кумрана. Непрерывной преемственности в поселении нет. Судя по монетам, группа зданий общежития Хирбет Кумран была выстроена в конце II в. до н. э., в годы правления Иоанна Гиркана (135—104). На первых порах колония отличалась скромными размерами, но быстро расширилась и приняла форму двух больших зданий, разделенных площадкой, где помещались кухни, хлебопекарня, мельница, ямы для зерна. Жилой массив пересекал акведук, который снабжал водой систему цистерн и бассейнов. К северу от домов простирался широкий двор, на юг открытая площадка доходила до начала мергельной террасы. Вдоль восточной границы участка тянулась длинная стена, и за ней открытое пространство отделяло жилое место от обширного кладбища¹².

На основании найденных монет и сообщений Иосифа Флавия руководитель раскопок, французский археолог Р. де Во, точно определил дату землетрясения, разрушившего здание и положившего конец первому периоду его существования, 31 г. до н. э. Поселение оставалось разоренным до конца царствования Ирода Великого (4 г. до н. э.)¹³. Оно вновь отстроилось и расширилось при его сыне Архелаве и существовало до I Иудейской войны (66—70 гг. н. э.). Остатки римских осадных насыпей и наконецники стрел в полутораметровом культурном слое показали, что Хирбет Кумран послужил пунктом активной обороны против X легиона римских войск, методически опустошавшего местность между Иерихоном и Мертвым морем (Jos. Flav., Bell. Jud., IV, 8). Сопротивление оказывали, по-видимому, войска zelotim, действовавшие в этом районе, но вполне возможно, что их поддерживала известная часть сектантов. Подавив сопротивление и разрушив здание, римляне оставили в развалинах гарнизон, который приспособил их к своим нуждам. Гарнизон простоял здесь до II Иудейской войны (132—135 гг. н. э.), когда повстанцы снова завладели Хирбет Кумраном и использовали укрепление для прикрытия коммуникаций в районе Иерихон — Энгади. После их разгрома кумранское поселение было разрушено навсегда.

Весь вид открытого жилищного ансамбля свидетельствует, что он предназначался для жизни коллектива, число членов которого могло достигать до 500 человек. Комнаты необыкновенно велики для того времени: они служили залами собрания, складами и кухней. Имелась своя гончарная мастерская, кузница (?), несколько мельниц. Маленькие жилые помещения служили для охраны здания и как помещения для администрации. Основная масса общинников жила неподалеку от здания в искусственных и естественных пещерах, в хижинах и в шатрах. Археологам удалось найти кольца для шатров, запрятанные в пещерах, столбы каркаса хижин, следы которых обнаружены в грунте. Пещеры тянутся в горной гряде цепью в 6 км длины. Здесь-то и были обнаружены основные массы рукописных фрагментов, письмом и содержанием тождественные найденным ранее. Одна из находок 1955 г. заставила предположить обряд ритуальной трапезы: вдоль внешней стены поселения в глиняных сосудах были обнаружены кости мелких домашних животных, остатки вареного и жареного мяса. Все данные говорят за то, что население Хирбет Кумрана устроило свою жизнь на началах примитивного коммунизма, и это заставляет видеть в нем одну из ессейских общин.

Задача раскопок 1956 г. заключалась в проверке на месте составленных прежде планов помещения и предполагала провести новые вскрытия грунта. Дополнительные раскопки намечались на кладбище с целью получения более точных сведений о поле и возрасте членов общины. Кроме того, открытые следы сооружений у источника Айн-Фешха и между источником и главным зданием нуждаются в дополнительном изучении, для того чтобы установить, входили ли они в общий комплекс жилых и служебных помещений¹⁴.

¹² Делъ Медико, ук. соч. (см. прим. 6), стр. 128—138, считает, что наличие кладбища исключает возможность еврейского поселения рядом. В здании он видит некрополь с помещением для заупокойных трапез.

¹³ Jos. Flav., Bell. Jud., I, 19; Antiquit., XV, 15.

¹⁴ R. de Vaux, Les fouilles de Knirbet Qumran, CRAI, 1955, стр. 378—386 с 4-мя фотоиллюстрациями. См. также Allegro, ук. соч., стр. 86—90.

Обилие новых материалов и постепенное раскрытие их содержания делает неизбежным появление все новых обзорных очерков, начиная с коротких статей в научно-популярных журналах и кончая большими исчерпывающими монографиями.

Не имея возможности рассмотреть все достижения в этой области, отмечаем здесь несколько наиболее важных монографий, авторы которых принадлежат к видным исследователям кумранской библиотеки, приступившим к работе над источниками с начала их открытия. До сих пор в центре обзоров стоит первичная находка, которая к настоящему времени опубликована целиком¹⁵ и, таким образом, дает почву для систематических исследований. Это же характерно для рассматриваемых здесь монографий, которые помещают новые поступления в виде суммарных обзоров.

Исчерпывающую сводку сделанного до 1955 г. приводит книга профессора Иэльского университета М. Барроуса, издателя текста книги Исаяи (пространного списка), Комментария на книгу Хабаккука и «Устава общины»¹⁶. Монография, по словам автора (стр. XV), рассчитана на любознательного читателя, желающего подробно ознакомиться с «величайшим открытием нашего времени». В то же время полнота сообщаемых сведений делает работу важным справочником для специалиста.

Необходимые для специалиста указатели отсутствуют, так же как точные ссылки на литературу. Этот недочет частично восполняется обстоятельным библиографическим списком на 16 страницах (стр. 419—435), пополняющим более раннюю библиографию Роули¹⁷. Помимо обзорных частей, книга содержит английские переводы некоторых текстов (Дамасский документ, Комментарий к Хабаккуку, Устав, избранные места из «Войны Сынов света с Сынами тьмы» и избранные места из «Благодарственных гимнов»), а также 10 таблиц с превосходными фотографиями места находки—Хирбет Кумрана, археологических материалов и рукописей. Одна таблица воспроизводит карту местности. Автор ставит себе задачу прежде всего показать возникновение проблем, их взаимосвязь и способы разрешения с их сильными и слабыми сторонами. Лишь после этого он подводит итог, стараясь извлечь из исследования определенный положительный результат. В своих выводах Барроус чрезвычайно осторожен и предпочитает оставить спорный вопрос открытым, нежели дать ему разрешение на основе субъективной оценки фактов. Но так как в монографии он должен сообщить читателю уже достигнутые результаты, то иногда ему приходится принять определенную сторону, заявив свое мнение. Первая часть обстоятельно излагает всю историю открытия, в котором сам автор сыграл заметную роль, будучи одним из первых специалистов, приглашенных в монастырь св. Марка для экспертизы рукописей. Его рассказ, имея значение показаний очевидца, дополняет наблюдения проф. Сукеника¹⁸. Как известно, история находки настолько своеобразна, что может дать материал для беллетристического произведения. Во второй части ставится вопрос о датировке рукописей, исходя в первую очередь из данных археологии и палеографии, затем из содержания и языка текстов. В этом разделе работа Барроуса скорее реферативна. Фрагменты Кумранских пещер он считает остатками большой библиотеки, открытой при бегстве из общегития, и, возражая против теории «генизы»¹⁹, справедливо указывает, что факт нахождения в пещерах медного свитка лучше всего опровергает эту теорию, так как медь не могла быть в таком обветшалом состоянии, чтобы возникла потребность хранить ее в генизе. В части датировки наиболее убедительны показания археологии. Писчий материал, кожа и папирус, указывает на древность (ранее IV в. н. э.). По сумме признаков дати-

¹⁵ Последним подготовлен к изданию текст комментария на главы Бытия, табл. II, XIX—XXII: N. Avigad and Y. Yadin, A Genesis Apocryphon. A Scroll from the Wilderness of Judaea, Jerusalem, 1956.

¹⁶ M. Barrows, The Dead Sea Scrolls, N. Y., 1955.

¹⁷ H. H. Rowley, The Zadokite Fragments and the Dead Sea Scrolls, Oxf., 1952, стр. 88—125.

¹⁸ Э. Л. Сукеник, Oṣar ha-mēgillōt ha-gēnuzōt (см. ниже), введение и выдержки из дневника.

¹⁹ Кладовая-кладбище для обветшалых рукописей и книг при синагогах.

ровка письменных памятников растягивается на период 300 г. до н. э.— 70 г. н. э. Рассмотрев текстологические варианты, Барроус приходит к выводу, что некоторые из них по значению превосходят и масоретский канон и Септуагинту. Интересно замечание о том, что масоретский текст в книге Исаяи сохранил языковую форму, близкую к иерусалимскому диалекту, тогда как кумранские списки показывают влияние провинциальных говоров. Естественно, что среди кумранцев могли сохраняться списки, бытовавшие в народной еврейской среде, а масоретский канон был обработан в духе жреческой традиции. Все тексты написаны ранее 70 г. н. э., но между ними могут быть промежутки. По предположению Барроуса, Апокалипсис Ламеха ²⁰, «Война Сынов света...», свиток Исаяи из Иерусалимского университета списаны в первой половине I в. н. э. Очень многие мелкие фрагменты следует датировать между 100 г. до н. э. и 70 г. н. э. Документы из ВадИ Муррабб'ат позднейшего происхождения (некоторые из них точно датируются первой четвертью II в.). В следующей части обзора Барроус старается определить возраст произведений из их содержания. Большое внимание он уделяет Комментарию к Хабаккуку, перечислив основные гипотезы с их аргументацией. Народ *китт'им* он считает римлянами, в согласии с Дюпон-Коммером, Фандер Плугом, Эллигером и др. Специфический признак он также усматривает в словах комментария о том, что завоеватели поклоняются своему оружию и «значкам» ²¹. Слово «bēhēšā» — скот, животные, — при помощи которых *китт'им* побеждают своих врагов, — это не слоны, как обычно думают, а вьючные животные в войске, — для слонов евреи знали видовое название — *pil*. На это можно возразить, что вообще все лица и явления, обозначаемые намеками в комментарии, в действительности имели свои наименования, однако автор не хотел их употреблять. К тому же домашний скот обозначал ли мог быть одним из грозных признаков войсковой мощи: ассирийские, вавилонские, персидские и др. войска, описываемые Библией, не являлись на завоевание страны без обоза, но библейские авторы оставляли его без внимания, а слову красноречия сосредоточивали на описании боевых коней противника. Упоминание слонов важно тем, что оно позволяет видеть в народе *китт'им* македонян-селевкидов (мнение Михеля и др.). Лошади, называемые в комментарии, также особенно характерны для селевкидской кавалерии, о которой не раз говорится в книге Маккавеев.

Изложив драматическую ситуацию, обрисованную в комментарии: гибель Праведного Учителя от рук Нечестивого Жреца при попустительстве «дома Авессалома», Барроус показывает возможность подстановки разных исторических лиц под эти условные обозначения действующих персонажей. Здесь он осторожно взвешивает все «за» и «против» и приходит к выводу, что все теории недостаточно убедительны при нашем слабом знании исторической обстановки, тем более, что речь могла бы идти и о вовсе не известных истории людях. При всем том факты, иносказательно переданные комментарием, уводят нас в хасмонейскую эпоху незадолго до римского завоевания 63 года, лет на 100—150 ранее того, как пещеры и Хирбет Кумран были покинуты окончательно. Барроус прослеживает связь комментария с Дамасским документом и Уставом. По мнению некоторых ученых, Дамасский документ возник позднее, чем Устав, и М. Готштейн объясняет это тем, что секта вначале была замкнутой группой со строгой дисциплиной, но затем ослабила свои требования и превратилась в более широкую общину. Барроус полагает, что «социологическое обобщение не может заменить исторического свидетельства» (стр. 92). Здесь с ним нельзя согласиться: если нет прямого доказательства, то самым убедительным доводом может служить анализ общественных отношений, а такой анализ, на наш взгляд, показывает, что в Дамасском документе мы имеем дело с идеологическим объединением, допускающим частную собственность, член которого владеет семьей, домом, имуществом, в том числе и рабами. Организация опирается на политическую власть и вершит правосудие, в число карательных мер

²⁰ Комментарий на кн. Бытия. Барроус еще не знает позднейшего определения.

²¹ Еврейское слово *ʾōtōt* «знаки», «знамения» вполне соответствует латинскому *signa*.

входит смертная казнь. В противоположность этому, Устав кумранской общины объединяет членов средствами общности труда, имущества и совета. Высшая карательная мера — отлучение, т. е. изгнание из общины на срок или навсегда. Все это доказывает развитие процесса в обратном направлении, т. е. по мере отхода от светских основ начального объединения оно сужало рамки своей организации и превращалось в закрытую коммуну со строгим уставом и аскетическим образом жизни.

Нельзя не согласиться с Барроусом в том, что и в Уставе, и в Дамасском документе можно выделить разные источники, образующие сложную компиляцию (стр. 193). Это подтверждает также текст «Двух колонок» (см. ниже). В вопросе об историчности «Войны Сынов света с Сынами тьмы» Барроус придерживается взгляда, что в ней скорее отражены эсхатологические чаяния, нежели действительные события. В конечных выводах Барроус считает временем возникновения небиблейских книг период от воцарения Антиоха IV Эпифана (175 г. до н. э.) до 40 г. до н. э., т. е. время маккавейского восстания и хасмонейской династии.

Наиболее интересна 4-я часть — история кумранской общины. Лучшим термином для обозначения организации автор считает слово «секта», которое подразумевает организованную группу с определенными верованиями и уставом, осуждающую официальный культ иудаизма с главенством жречества (стр. 227). Интересны объяснения некоторых терминов документов. Так «gabbīm» (мн. ч. от ед. ч. gab) — наименование полноправных членов общины («Устав»), которое переводится двояким образом: «многие», «многочисленные» и «старшие», «господа», «начальники», — он переводит английским словом «masters». Древнееврейское слово «toḥag» — «чистота» он переводит менее удачно — «sacred food», предполагая, что ритуальная чистота, обозначаемая словом «toḥag», относится прежде всего к еде. Казалось бы, скорее должны иметься в виду пользование совместными омовениями с их приспособлениями и все сопряженные с этим обряды, потому лучше переводить слово буквально. Английское слово «purity», которое Барроус привлекает для объяснения термина, точно передает его содержание. Специальный экскурс посвящен календарю кумранцев, который многие ученые считают совпадающим с календарем «Книги Юбилеев», где год состоит из 364 дней, что дает ровно 52 недели. Месяц насчитывает 30 дней, но в каждом сезоне добавляется один день (по 91 дню) к последнему месяцу. Такой счет времени обеспечивал повторение дней недели и с ними праздников в одни и те же числа, но годичный цикл из 364 дней неизменно накапливал возрастающее расхождение с действительным астрономическим годом, от которого отставал на сутки с четвертью²². Вопрос об общности имущества Барроус разбирает далеко не так подробно, как он того заслуживает. В требовании Устава получить возмещение имущества общины, потерпевшей ущерб по вине кого-нибудь из сочленов, от самого виновника он видит намек на сохранение частной собственности у общинников. Сам по себе этот факт не вполне убедителен: возмещение могло иметь место за счет дополнительного труда в хозяйстве общины.

Суммируя наши сведения о догматах и верованиях секты, Барроус соглашается с формулировкой Броунли: «секта нашла свое рождение в интерпретации Библии» (стр. 247). Основой мировоззрения сектантов, по мнению автора, была борьба с нововведениями в понимании Моисеева закона (имеются в виду новшества внутри самой секты или в развитии традиции устного предания у фарисеев — стр. 251), стремление к соблюдению в условиях эллинистического мира старых юридических и догматических норм, выраженных в Пятикнижии. Здесь невольно возникает вопрос, когда и где эти «старые традиции» соблюдались в такой полноте и чистоте, которая могла бы служить идеалом для позднейшего времени. На наш взгляд, такого периода в истории иудейства не было вообще, и представление о нем возникло уже тогда, когда существовал единый библейский канон, когда теократич-

²² О календаре «Кн. Юбилеев» и его отношении к кумранцам см. библиографию Барроуса и Аллерго, а также A. J a u b e r t, Le calendrier des Jubilés et les jours liturgiques de la semaine, «Vetus Testamentum», VII, 1 (1957), стр. 35—61.

ческая власть синедриона должна была подчиниться требованиям чужой государственности и борьба за сохранение религии получила значение борьбы за сохранение народности. Ни во времена персидского владычества, ни при господстве и борьбе Селевкидов и Птолемеев в Палестине, ни в период хасмонейской династии не существовало полной и всеобъемлющей власти закона Моисеева и только его одного. Такая власть могла быть идеалом известной части теократически настроенных элементов, но не подлинной исторической действительностью для всей массы иудейства в Палестине и за ее пределами. Поэтому, на наш взгляд, говорить о «консерватизме» сектантов не приходится. Стремление замкнутой организации устроить свою жизнь исключительно на нормах Пятикнижия, дополненных — о чем часто забывают западные исследователи — новыми правилами, по существу, является борьбой за новое устройство общества, но принявшей, в силу исторических условий, религиозную оболочку. Несмотря на влияние иранских религий, учение кумранцев в основе — одно из течений иудаизма (стр. 271—272) хотя кумранцы считали себя божьими избранными, не как сыны «избранного народа», а как «сыны света», «люди божьего жребия».

В итоге Барроус считает возможным признать, что кумранцы причастны к ессеи-скому движению, как оно описано Филоном и Иосифом Флавием (стр. 273—298), понимая термин «ессеи» в самом широком значении. Начало их существованию положено группировкой хасидеев в домаккавейский и маккавейский периоды (стр. 298). В пользу отождествления с ессеями говорят главным образом географические соображения: в ограниченном пространстве обитаемой части Иудейской пустыни вряд ли могли действовать две разные организации. К единству пространства и времени следует также добавить единство принципов организации на началах общности труда и имущества. Именно эти два принципа являются определяющими как в учении ессеев, так и в учении кумранцев.

Для изучения связи христианства с иудаизмом рукописные материалы побережья Мертвого моря открывают новые, более широкие возможности (гл. 15). Настроения дохристианского иудейства были известны из описаний историков, теперь к ним прибавляется свидетельство прямых источников. В то же время Барроус заверяет своего читателя, что новооткрытые памятники не могут поколебать устоев христианской религии, так как ни в чем не противоречат текстам Евангелия. Автор считает, что влияние Кумранской секты на раннехристианскую церковь менее вероятно, чем параллельное развитие в условиях единой исторической обстановки (стр. 328). По его мнению, можно найти сходство и параллели и с другими религиозными культурами, как зороастризм или языческие орфические культы.

На наш взгляд, сходство между основной идеей зороастризма и кумранским учением о борьбе двух начал вряд ли можно объяснить только параллельным развитием идеологии, здесь естественнее видеть прямое заимствование через иранскую среду. За время, истекшее с опубликования текстов Устава и Комментария к Хабаккуку, западные исследователи нашли много мелких и крупных точек соприкосновения в их содержании и форме с кругом идей новозаветной литературы. Характерно, что кумранские сектанты называли свое учение «Новым Заветом». Однако эти исследователи видят твердое принципиальное различие обоих вероучений в том, что христианство обращает свою проповедь и новую систему отношений ко всему человечеству, тогда как «высокая мораль» кумранцев целиком стоит на почве библейских воззрений и обращена на ограниченную узкую группу (стр. 331 сл.). Кумранские документы проливают также новый свет на историю Евангелия от Иоанна, которое вряд ли возможно считать теперь наиболее поздним из всех четырех Евангелий, поскольку в нем явно ощущается наибольшее соприкосновение с кругом ессеи-ских идей и настроений и даже с той же географической средой (стр. 338—340)²³. Сам Барроус черты, общие кумранской и «иоаннитской» литературе, объясняет влиянием иранских культов в иудаизме

²³ См. также L. M o r g y, *The Dead Sea Scrolls and the Background for the Gospel of John*, «The Biblical Archaeologist», XVII (1954), № 4, стр. 78—97.

и в других религиях Западной Азии (стр. 339). Еще больше сходства намечается между писаниями кумранских сектантов и такими произведениями раннехристианской литературы, как апокрифическое «Учение 12-ти апостолов», «Послание Варнавы», «Пастырь Гермы» (стр. 343—344). Не вдаваясь в подробности, необходимо отметить, что известные теперь материалы ставят под сомнение некоторые положения, высказанные ранее Р. Ю. Виппером относительно истории христианства и его литературы. Кумранские документы ясно показали, что нет надобности передвигать период возникновения христианства во II—III вв. н. э. Ко времени легендарной жизни Христа уже существовало на почве Палестины предание о Праведном Учителе, объединившем вокруг себя группу верующих и принявшем мученическую смерть от руки гонителей. Новые сведения расширяют наши представления о сложной обстановке кануна иудейского восстания против римлян и дают твердую почву для материалистического изучения монотеистических религий.

Переводы Барроуса рассчитаны на широкого читателя и открывают содержание кумранских памятников в связном изложении на английском языке, без примечаний и толкования терминов. Некоторые объяснения приведены выше в тексте исследования. Гладкость перевода не дает читателю представления о трудности понимания отдельных мест оригинала и возможности по-разному толковать значение некоторых слов и выражений. Переводчик добавляет нужные для связи слова, заменяет местоимения подразумеваемыми существительными, опускает иногда неясные места без специальных знаков и оговорок. Текст разделен им на главы и абзацы, чего нет в оригинале. Для общего знакомства с содержанием этого достаточно, но для более глубокого изучения нужен перевод, снабженный текстологическим комментарием.

Другой научно-популярный очерк, написанный приблизительно годом позднее, ставит ту же цель дать общее представление о значении рукописей Мертвого моря, в первую очередь для истории новозаветной литературы (см. прим. 3). Автор — английский семитолог Дж. М. Аллегро с 1952 г. является членом международной комиссии по изданию и изучению фрагментов из Иудейской пустыни. Книга Аллегро отличается живостью и яркостью изложения; она много меньше по объему, чем работа Барроуса, и издана в научно-популярной английской серии «Penguin Books».

Книга состоит из 13 коротких глав, рассказывающих историю находки, ее изучения, достигнутые результаты и их значение для современной науки. Кроме того, в приложении даны четыре специальных экскурса: I. Иоанн Креститель; II. Открытия в других пещерах, их значение для истории Кумранской секты; III. Мурабабат; IV. Медный свиток²⁴ (стр. 162—184). К очерку приложена библиография (стр. 185—197) и указатели: предметный и использованных библейских текстов.

История находки и продажи рукописей рассказана подробно и с раскрытием собственных имен. Очень интересно описание научно-технической обработки фрагментов рукописей и подготовки их к изданию. Читатель получает наглядное представление о том напряженном и сложном труде, ценой которого добываются новые источники интереснейших сведений.

Переходя к характеристике рукописей, Аллегро прежде всего выделяет среди них библейские. Здесь его наблюдения и выводы в общем совпадают с выводами Барроуса. Историю масоретской версии и историю греческих переводов он излагает более подробно и популярно. Для наглядности он предлагает читателю таблицу сравнения кумранского библейского текста с Септуагинтой и каноническим текстом английского перевода (Revised Biblia). На нескольких примерах Аллегро показывает совпадение текста некоторых кумранских свитков с самаританской версией. Все эти сопоставления подводят к вопросу о возможности установить единый подлинник библейского текста и создать новые научные переводы Библии, не искаженные субъективным толкованием их текста переводчиками. Для буржуазной науки, находящейся под влиянием теологии, этот вопрос весьма актуален, так как затрагивает принцип подлинности «божествен-

²⁴ Материалы этого очерка изложены выше.

ного слова». В связи с этим Аллегро, вопреки всякой очевидности, вынужден утверждать, что научные выводы не в силах поколебать церковной догмы и сущность теологического учения о Библии как слове божьем остается неизменной. Разумеется, для советского читателя такие рассуждения не затемняют сути дела, заключающейся в том, что кумранские тексты дают нам древнейшие образцы неканонического текста Библии и, следовательно, освещают историю канонизации.

В очерке археологических работ Аллегро дает описание открытий в пещерах и раскопов Хирбет Кумрана ²⁵. По его предположению, сектанты покинули свое местожительство, заблаговременно укрыв свою библиотеку, а оборону места вели одни зелоты.

Рассматривая вопрос о происхождении секты, Аллегро относит начало ее организации к идеологическим движениям, которые сопутствовали восстанию Маккавеев, но были оппозиционны Маккавеем после их прихода к власти. Община вышла из той среды, где основной целью считали не борьбу за политическую власть и освобождение от чужеземного ига, но создание теократической общины под властью благочестивого жреца (стр. 97). По этому поводу следует заметить, что одно не исключает другого. Те же слои народа, которые тяготились господством сирийцев и египтян и освободились от них ценой огромного напряжения, впоследствии могли отнестись оппозиционно к политике самих Маккавеев и их преемников.

В *хасйдым* Аллегро видит родоначальников и ессеяского и фарисейского течения (стр. 97—100). Основание кумранской секты он считает результатом деятельности Праведного Учителя (Комментарий к Хабаккуку), современника и антагониста Александра Янная, жертвой которого он погиб. Кухонные сосуды, обнаруженные при раскопках возле стен общезития, в сочетании с некоторыми намеками сектанской литературы дают основание думать, что в Кумране было воздвигнуто новое временное святилище, где приносились жертвы «чистыми руками Учителя, который теперь считался истинным первосвященником Израиля» (стр. 98). Этот далеко идущий вывод может быть принят только после подтверждения дополненными данными археологии и литературы, так как в дальнейшем сам автор объясняет происхождение сосудов и остатков пищи в них ритуальными трапезами с участием всей общины в торжественные дни (стр. 116). События, изложенные в Комментарий к Хабаккуку, подтверждаются фрагментом комментария к Нахуму (Науму), в котором фигурирует Яростный Лев, отождествляемый Аллегро с тем же Александром Яннаем.

В описании образа жизни и учения Кумранской общины Аллегро следует текстам Устава, большие отрывки которого он цитирует в своем переводе. Общество Кумрана он определяет как жрецкое, организованное жрецом-учителем и возглавляемое жрецами, но на демократической основе, несмотря на иерархию (стр. 112). Для характеристики организации он использует также тексты «Двух колонок» и «Дамасского документа». В числе вступительных обрядов Аллегро называет крещение, хотя в Уставе об этом не сказано. По его мнению, жизнь в общине была настолько трудна, что действительными членами становились очень немногие (стр. 108). Предполагается развитие астрономо-астрологических познаний и наблюдений в общине, откуда и идет евангельская легенда о поклонении волхвов. Узловым моментом сакральных обрядов кумранцев Аллегро считает «мессиянское ширшество» и усматривает в этом параллель обрядам христианской церкви. Прямое влияние кумранцев в обрядах и календаре наблюдается в учении средневековых караимов и секты Магарийа («пещерники»), которые, предположительно, возникли на рубеже IX в. в том же районе Иудейской пустыни ²⁶.

В анализе доктрины секты (стр. 124—133) Аллегро не сообщает ничего нового. Сопоставление мелких явлений с отдельными текстами и эпизодами Евангелия не ка-

²⁵ См. выше на материалах отчета де В о.

²⁶ См. P. Kahle, Die Gemeinde des Neuen Bundes und die hebräischen Handschriften aus der Höhle, WZML, II (1952/53), 3, стр. 147—148; ВДИ, 1956, № 1, стр. 101.

жется убедительным и, на наш взгляд, более прав Барроус, усматривающий общие источники в литературе эпохи. Более интересна 10-я глава, которая сравнивает библейские тексты цитат в свитках Мертвого моря с такими же цитатами в Евангелии. Известно, что составители Четвероевангелия, как правило, держатся версии Септуагинты рано ставшей официальной Библией христианской церкви. В то же время они иногда приводят тексты, не сохранившиеся ни в греческой, ни в масоретской редакциях (например, Math., II, 6; XIII, 35; XXI, 5) и выражающие оттенки мысли, свойственные самим евангельским авторам. Ту же манеру парафразы и интерпретации Библии Аллегро отмечает для кумранских памятников (стр. 137—140). Черты сходства он прослеживает также в терминологии и фразеологии раннехристианской и кумранской литературы. Здесь замечателен прежде всего термин «Новый Завет», приводимый в Уставе и Дамасском документе. Термин «gabbim» (см. выше) Аллегро переводит словом «множество», «многие» (the Many, стр. 144 и др.) и в этом также видит влияние на новозаветную литературу (Деяния апостолов, VI, 2,5; XV, 12; 30, описание совета в Иерусалиме и собраний верующих). Даже такие частные эпизоды легенды, как спор учеников Христа за тайной вечерей, кто из них должен почитаться большим (Лука, XXII, 24), Аллегро сопоставляет с требованием иерархического распорядка в заседаниях Кумранской общины. При таком подходе можно найти достаточно точек сближения, но в большинстве они мало убедительны. Особенно это касается выводов в части мессиянских чаяний кумранской секты и иудеохристианства. Так, долину 'Акора, упомянутую в книге Осии, II, 16—17²⁷, Аллегро отождествляет с современной местностью Бугей'а между Кумраном и Иерусалимом, а так как в новооткрытом комментарии на книгу Исаяи сказано, что победное шествие Мессии в Иерусалим начнется от долины 'Акора, то он думает, что основоположники поселения Хирбет Кумран избрали его для местожительства именно на этом основании, считая местность «дверью надежды» (Нос., там же). Аллегро объясняет точки соприкосновения евангельского предания с кумранскими текстами тем, что Христос испытал в своих странствиях воздействие городских есейских общин, живших менее замкнутой жизнью и допускавших брачные связи и семью для приобретения потомства. Учение, приписываемое Христу, и учение кумранцев он считает элементами одного и того же религиозного движения (стр. 161). Сюда же относится иудеохристианская церковь. Всякий раз, когда Аллегро касается вопросов, имеющих отношение к устоям христианской догматики, его изложение теряет научный характер.

Автор видит в христианстве новую, более высокую ступень развития, воспринявшую идею богочеловека, созданную эллинистической культурой, идею, оставшуюся чуждой и неприемлемой для иудаизма в любой его отрасли. В одном случае (стр. 100) Аллегро доходит даже до предположения, что среди свидетелей столкновения между Нечестивым Жрецом и Праведным Учителем в день Очищения (Комм. к Хабаккуку) могли находиться евангелисты Марк или Лука (!).

Обстоятельный очерк идеологии памятников из окрестностей Мертвого моря содержит работа проф. Г. Молина²⁸. Поместив в своей книге, как делают и другие, подробную характеристику материалов, автор хочет показать несостоятельность преждевременных обобщений и скороспелых выводов, которые с помощью западной прессы легко проникли в широкую публику. Молин смотрит на новые источники взглядом протестантского теолога и сознательно стремится к тому, чтобы сенсационная находка не поколебала религиозных убеждений читателя, обнаружив корни христианского учения в среде и эпохе его возникновения. Тем не менее, его монография содержит серьезную попытку научной классификации достигнутых результатов, преимущественно в области идеологии. Особенность обзора состоит в том, что в начале его помещен немецкий перевод небиблейских текстов первой находки, изданных в 1952 г. Перевод не сопровождается примечаниями, но, в противовес переводам Барроуса и Аллегро,

²⁷ У Аллегро ошибка или опечатка: указаны стихи 14—15.

²⁸ G. M o l i n, Die Söhne des Lichtes. Zeit und Stellung der Handschriften vom To'en Meer, Wien — München, 1954.

в тексте обозначены спорные, трудные, поврежденные и уничтоженные временем места, и это облегчает читателю понимание характера работы переводчика. Опубликованный ранее перевод Бардтке в аналогичном очерке²⁹ не удовлетворил Молина. Среди основных текстов помещен маленький фрагмент комментария на книгу Михи и фрагмент «неизвестного сочинения», в издании Бартельми и Милика названного «Книга тайн»³⁰. В извлечениях даны также образцы «Благодарственных гимнов» и «Войны сынов света...».

Вторую часть книги составляет исследование. Время возникновения памятников пещеры К 1 Молин определяет следующим образом: Книга Левит, написанная староханаанским шрифтом, относится к IV—III вв. до н. э., затем идут «Война Сынов света с Сынами тьмы», Правовой свиток³¹, Устав, Книга Исаяи, список А (между 150 и 75 гг. до н. э.), Комментарий к Хабаккуку и Дамасский документ (самый поздний — ок. 64 г. до н. э.). В этой периодизации трудно согласиться с определением места «Устава» и «Юридического документа» в одном конце временного ряда, а Дамасского документа — в другом, так как по внутреннему содержанию Дамасский документ и «Правовой документ» отражают приблизительно один и тот же период. События Комментария к Хабаккуку автор также относит ко времени и личности Александра Янная (103—76 гг.), уточняя дату до четырехлетия 94—91 гг. Лжец — кто-нибудь из вождей фарисеев, возможно, Симон бен Шетах, тесть Янная. Что такое «дом Авессалома», пока определить нельзя, некоторые полагают, что это ессеи, но автор не согласен с таким мнением (стр. 90). «Устав» Молин справедливо считает самым интересным из документов. Он отчетливо определяет уравнительные принципы, объединявшие секту. Тем не менее, в требовании «Устава» от виновного в ущербе возместить порчу общественного имущества он также видит признак наличия имущественного неравенства среди членов секты (стр. 99—100). Молин считает, что «Устав» сложился под заметным влиянием Второзакония и книги Исаяи, на ранней стадии существования секты, так как он еще не знает конфликта между сектой и государственной властью (гибель Праведного Учителя), которая отражена в позднее возникшем Комментарий к Хабаккуку (стр. 100). «Война Сынов света...» описывает исторические события, предшествующие и сопутствующие восстанию Маккавеев, их можно проследить точно вплоть до победоносного вступления маккавейского войска в Иерусалим (163 г. до н. э.). Несмотря на условность повествования, оно изображает действительную борьбу (стр. 106). Народ *киттим* — греко-македонцы государств Селевкидов и Птолемеев. Весь процесс борьбы с чужеземными завоевателями нарисован как эсхатологическая битва между добром и злом на земле и в потустороннем мире, где сражаются ангелы и демоны (стр. 107).

Дамасский документ показывает особый статут существования секты в период ее эмиграции в Дамаск. Называемая в тексте дата возникновения организации благочестивых остатков Израиля — 390 лет после разрушения первого храма — объясняется, по мнению автора, из условного обозначения: 400—10, по соответствию с 40—1, т. е. с максимальным числом ударов, полагающихся преступнику по уголовному кодексу Пятикнижия. Видеть в нем реальную дату из этих соображений невозможно.

Наиболее существенная часть исследования рассматривает теологическую систему сектантов, которую можно с осторожностью сопоставить с учением ессеев, насколько оно известно из сообщений античных авторов (стр. 118). Эту систему Молин рассматривает по пунктам: 1) учение о божестве и ангелах; 2) космология (здесь интересны параллели, отыскиваемые в древневосточных литературах, в частности, в угаритской мифологии); 3) антропология, под которой Молин понимает роль человека в мироздании, согласно Библии и согласно учению кумранцев; 4) экклезиология, учение об образую-

²⁹ H. B a r d t k e, Die Handschriftenfunde am Toten Meer, B., 1953.

³⁰ D. B a r t h é l e m y and J. T. M i l i k, Discoveries in the Judaean Desert, I, № 27.

³¹ «Rechtsrolle» = «Две колонки», B a r t h é l e m y and M i l i k, ук. соч., № 28.

пейся из общины церкви, в центре которого стоит представление о божьих избранниках; 5) сотериология — учение о Мессиях, об искуплении, наличие которого у кумранцев автор, впрочем, ставит под сомнение; 6) эсхатология (стр. 119—157). Таким образом, здесь мы видим законченный обзор религиозных воззрений кумранцев.

В конце своего исследования Молин также обстоятельно разбирает связь кумранской литературы с другими идеологическими течениями близкой ей эпохи возникновения христианства: движение Иоанна Крестителя, секта эбйонитов (иудеохристиан), мандейство, раннехристианская церковь. Особое внимание уделяется истории Евангелия от Иоанна. Молин прослеживает все линии соприкосновения как в форме, так и в содержании, отмечает влияние иудейских источников на христианские, но, также как и другие буржуазные исследователи, отказывается признать какие-нибудь из этих учений тождественными организации кумранских ессеев. По его мнению, христианское учение — качественно новое явление, которое переработало возникшие до него и наряду с ним идеологические течения, поэтому памятники кумранцев лишь расширяют наше представление о той почве, из которой оно выросло. Критически используя работу Молина, советский читатель может извлечь из нее много интересного для изучения идеологии Ближнего Востока того времени, и, кроме того, легче поймет систему осмысления новооткрытых материалов, усвоенную современной идеалистической историографией.

По сравнению с обзорами подобного типа бóльший интерес для специалиста представляют новые издания самих первоисточников. Значительное событие в этом плане составляет выпуск I тома полного свода всех текстов, открытых в районе Иудейской пустыни. Это издание осуществляется силами Иорданской службы древностей, Французского археологического института в Иерусалиме и Палестинского археологического музея³². Помимо издателей Д. Бартелеми и Ж. Т. Милика отдельные вводные статьи написаны другими специалистами, в числе которых де Во и Хардинг. Вводная часть дает исчерпывающий обзор всех найденных материалов, в том числе анализ керамики, иллюстрированный чертежами сосудов, и каталог всех сохранившихся фрагментов тканей, обнаруженных при рукописях, с их описанием и технологическим анализом. Последний устанавливает местное происхождение тканей и их специальное назначение для покровов свитков. Датируются они радиесуглеродным методом. К каталогу приложено воспроизведение фрагментов ткани в чертежах. Специальная заметка касается техники разворачивания слежавшихся рукописных фрагментов.

Вторая, основная, часть книги публикует тексты в транскрипции квадратным шрифтом с французским переводом и комментариями и параллельно в таблицах факсимиле. Введение к этой части характеризует найденный материал и прежние его публикации. К технике чтения относится раздел, посвященный применению инфракрасных лучей для проявления текста, потерявшего четкость. Таблица условных знаков указывает обозначения сомнительных и других мест в чтении и переводе. Цель издания собрать и опубликовать вместе все мелкие фрагменты из 1-й Кумранской пещеры (Айн-Фешха), которые отпали от найденных полных рукописей или представляют дополнительный новый материал. Иные из фрагментов сохранили лишь несколько слов или даже несколько букв. Все тексты по содержанию делятся на две группы: библейские и небиблейские. Из книг Библии мы видим здесь части Пятикнижия: Бытие, Исход, Левит, Второзаконие. Из «пророков»: кн. Судей, Самуила, Исаяи (части списка В из Иерусалимского университета). Из агиографов опубликованы отрывки книги Псалмов. В число библейских текстов попал кожаный филактерий, присутствие

³² Discoveries in the Judaean Desert, I, Qumran Cave I, by D. Barthelmy and J. T. Milik with contribution by R. de Vaux, H. J. Plenderleith, G. M. Crowfoot, G. L. Harding (Jordan Department of Antiquities. École Biblique et Archéologique Française. Palestine Archaeological Museum), Oxf., Clarendon Press, 1955, reprinted 1956, 165 стр., 37 табл. Текст на англ. и франц. языках.

которого в пещере, по мнению Цейтлина, доказывает позднее происхождение найденных рукописей. Высказывалось предположение, что филактерий мог попасть в пещеру при первом ее вскрытии, ок. 800 г., упоминаемом в письме патриарха Тимофея (см. ВДИ, 1956, № 1, стр. 101).

Вторая часть, небиблейские тексты, делится на несколько разделов: А — комментарии к книгам Библии: Михи (Михея), Цефании (Софонии), Псалмов; В — апокрифы: Книга Юбилеев (два фрагмента), книга Ноя. Ошибочно причислен сюда «Апокалипсис Ламеха», который на самом деле является комментарием на главы 5—15 книги Бытия (см. выше) и должен был бы войти в предшествующий раздел. Затем следуют отрывки из «Завещания Леви» и «Слова Моисея» (довольно большие фрагменты) и три фрагмента неизвестных апокрифов, из них два на арамейском языке. Отдел апокрифов заканчивается отрывком из «Книги тайн», до сих пор неизвестной (№ 27). В раздел С вошли тексты литургического и юридического содержания. Из них интереснее всего дополнительные части свитка «Устава», которые были проданы отдельно от основной рукописи и попали в 1950 г. в Палестинский археологический музей³³. О принадлежности к списку «Устава» свидетельствуют палеографические признаки, разрезы кожи в местах соединений и остатки заглавия на месте сшива с 1-й колонкой «Устава». В содержании текста полного сходства с «Уставом» тем не менее нет: предписания дополнительной части упоминают женщин и малых детей (*taf*), определяют брачный возраст, обязанности военной службы. Из текста видно наличие первосвященника и «Мессии Израиля» (светского правителя из дома Давида?). Этих особенностей достаточно, чтобы предположить в отрывке отражение норм другой группировки внутри ессеяского(?) движения или другого этапа в истории развития секты. Решить этот вопрос может только специальное исследование. Во всяком случае, издатели поступили правильно, выделив дополнительный текст особым заголовком «Règle de la Congrégation» («Устав Конгрегации») и обозначением 1 Q Sa³⁴ в отличие от «Устава», озаглавленного «Règle de la Communauté (Устав Общины)-IQS. Помимо «Двух колонок», дополнительные части свитка «Устава» заключали еще шесть столбцов текста специальных благословений для всех членов организации, для жрецов и для первосвященника. Характер повреждений кожи свитка показывает, что эти его части при сворачивании оказались внешними, они пострадали сильнее других от атмосферных изменений и грызунов.

Содержание благословений сближает их, с одной стороны, с текстом «Двух колонок», с другой — с таким произведением, как «Война Сынов света с Сынами тьмы». Интересно благословение «князя» (*nāsi*) Израиля, который выполняет функции военного вождя. Несмотря на плохое состояние фрагментов, текст читается довольно связно. За этим следуют небольшие куски отрывка, названного издателями «Литургией трех огненных языков», два неизвестных литургических текста (№№ 32—33), описания Нового Иерусалима и маленькие кусочки свитка «Войны Сынов света с Сынами тьмы». Эти произведения могли бы, пожалуй, находиться в одном отделе с апокрифами, которым они близки по содержанию. Последняя группа фрагментов (№№ 34—39) относится к благодарственным гимнам и в заключение идут неопознанные тексты на древнееврейском и арамейском языках (№№ 41—69). Отдельно напечатан текст фрагмента папируса. Последними, в виде приложения, помещены фрагменты двух списков книги Даниила. В конце тома приложен указатель использованных библейских текстов и список еврейских и арамейских слов, который может служить конкордансом к тексту и одним из источников будущего сводного словаря к документам Мертвого моря. Таблицы факсимиле охватывают весь текст, за исключением двух последних фрагментов книги Даниила.

Издание I тома свода знаменует собой крупнейшее достижение в изучении новых материалов.

Годом раньше было опубликовано сводное издание рукописей, принадлежащих Ие-

³³ Упоминавшиеся уже «Две колонки».

³⁴ S означает Serek — «Устав» (по-древнееврейски).

русалимскому университету³⁵. К ним относится 2-й, неполный список Исаяи (Исайя В), «Война Сынов света...» и «Благодарственные гимны». Издание подготовил к печати известный израильский археолог Э. Л. Сукеник. но смерть помешала ему довершить начатое, и книга вышла трудами специального комитета под руководством Н. Авигада. Состояние найденных рукописей, по мнению Сукеника, подтверждает его гипотезу относительно того, что пещеры служили «генизой» — кладовой для изъятых из обращения рукописей. Массовое укрытие рукописей было вызвано, быть может, бегством сектантов в Дамаск (стр. 22—24). Основное значение находки Сукеник видит в том, что она увеличивает скудный материал по истории древнееврейского языка и литературы, в частности, доказывает древнее происхождение литературы «мидрашей» (толкований на книги Библии). Для библеистики открытие неизмеримо ценно прежде всего в области истории масоретского текста и греческих переводов Библии (стр. 27). Общество, которому принадлежали свитки, Сукеник также считает ессеи-ским (стр. 29).

Издание текстов сопровождается их характеристикой. К списку Исаяи приложена таблица разночтений по обоим кумранским свиткам и масоретскому (древнееврейскому каноническому) тексту. К «Войне Сынов света...» присоединены мелкие фрагменты, найденные в пещере отдельно. Временем ее создания Сукеник считает дохасмонейский период, а временем записи — последние десятилетия перед Иудейским восстанием. Народ *киттйм* — Птолемеи и Селевкиды. К «Благодарственным гимнам» также добавлены их отпавшие части. Их автора Сукеник предположительно отождествляет с «Праведным Учителем», так как в тексте гимнов упоминается чашие избавления, вместо которого певца постигли гонения (стр. 39). Трудно думать все же, что настроения такого рода были присущи лично легендарному главе секты. Вероятно, у рядовых членов общества для них было не меньше оснований.

Иллюстрации к изданию воспроизводят виды местности и снимки со свитков. Полезна для читателя сравнительная таблица письма. Недостаток издания составляет отсутствие филологического комментария к тексту и указателей. Библиография дана в подстрочных примечаниях.

Продоланная к этому времени работа способствовала появлению в последние годы и монографических изданий отдельных текстов в сопровождении исследования. И. Ядин выпустил капитальное издание «Войны Сынов света с Сынами тьмы»³⁶.

Монография распадается на две части: обширное введение (стр. 3—243), цель которого дать полную сводку и классификацию материала и критическое издание текста с подробным филологическим комментарием (стр. 246—368). Введение состоит из 12 глав, большинство которых занято реалиями и техникой ведения войны. В последних главах подводится общий итог и приведена сводка лексикографического материала «Войны...», сближающая ее с другими кумранскими памятниками. Сводки сравнительного и иллюстративного характера встречаются в монографии повсюду. В конце приложены индексы: отдельных слов и выражений, именные указатели по языкам, указатели использованных источников и предметный указатель (стр. 371—397). Библиография дана в подстрочных примечаниях, но список сокращений называет важнейшие из использованных пособий (стр. 16—17). Весь текст на древнееврейском языке, но к нему приложены титульный лист, оглавление и перечень содержания глав по-английски (стр. III—VI). Таблицы содержат факсимиле оригинального текста. Несмотря на значительный объем монографии, в ней отсутствует удовлетворительный анализ полити-

³⁵ The Dead Sea Scrolls of the Hebrew University, ed. by E. L. S u k e n i k, Jerusalem, 1955, 44 стр., 58 таблиц, транскрипция текста, 10 табл. илл., 58 табл. факсимиле текста. Текст введения и примечаний на английском языке. Такое же издание целиком на древнееврейском языке под заглавием 'Ošar hamēgillōt haḡenūzōt вышло там же в 1954 г.

³⁶ Y. Y a d i n, Mēgillat milḡamat bēnē 'ōr biḡenē ḡošek mimmēgillōt midbar Jēhūdā. The Scroll of the war of the Sons of Light against the Sons of Darkness, edited with an introduction, emendations and a commentary..., Jerusalem, 1955.

ческой обстановки и социальных условий в Палестине, отражением которых является «Война Сынов света...». Этим объясняется, надо думать, неуверенно выраженная и вряд ли верная датировка сочинения: автор относит его к периоду перед разрушением II храма, т. е. незадолго до 70 г. н. э. «Война Сынов света...» скорее всего близка маккавейским войнам последнего периода (возникла позднее книги Даниила). Несмотря на общие черты с текстом «Устава», главным образом, в лексикографии, «Война...» относится к начальному периоду деятельности секты и знаменует собою движение хасиде-ев, тогда как «Устав» отражает последнюю ступень развития секты, оформившуюся в замкнутую примитивно-коммунистическую общину, действующую средствами идеологической борьбы. В идеологии иудаизма Ядина интересует только религия. Поэтому его монография не разрешила кардинальных вопросов, связанных с памятником, и значение ее главным образом в том фактическом материале, который она предлагает исследователю.

Другой пример специального изучения одного только памятника мы видим в монографии немецкого специалиста К. Эллигера, посвященной кумранскому комментарию на книгу Хабакука с критическим изданием текста³⁷. Наши библиотеки не располагают еще этой работой, и приходится судить о ней на основании рецензий³⁸. Исследование Эллигера отличается тем, что он пытается разрешить проблемы, выдвигаемые памятником, исходя исключительно из собственного текста рукописи, отвлекаясь от его несомненной связи с остальными. Он делает это умышленно с целью избежать преждевременных выводов, построенных на гипотезах, вытекающих из недостаточно выверенного материала. Сам по себе этот метод вряд ли правилен, поскольку понимание одного из произведений эссеистского круга без сопоставления с другими и со всем комплексом в целом невозможно. Автор старался охватить исследованием все пункты, связанные с содержанием комментария. Памятник возник либо в первые десятилетия владычества римлян, либо в первые годы правления Ирода Великого. Нечеткий вывод Эллигера и Человекджи — одно и то же лицо. Основная идея Комментария, по мнению автора, выражается в пророческом предсказании конца света и одновременно в сознании того, что современная действительность уже переживает этот конец. Работа Эллигера написана в очень короткий срок, если учесть, что текст Комментария появился впервые в 1950 г., а в 1952 г. исследование было уже написано. В начале работы автор еще не имел возможности пользоваться трудами других специалистов, в частности, их переводами того же памятника. Позднее он привлек появившиеся переводы и толкования других, но воспринял и переработал их критически. По точности исследования и полноте привлеченных данных рецензент К. Шуберт считает эту работу лучшей из того, что к этому времени было написано о рукописях 1-й Кумранской пещеры.

Подводя общий итог, можно прийти к заключению, что изучение рукописей из пещер Иудейской пустыни вступает в новый период, когда общие обзоры материалов не могут принести чего-либо существенно нового для подготовленного читателя, помимо дополнений и уточнений к отдельным вопросам. Особое значение приобретает система издания всех археологических и литературных источников, появление очередных томов которых каждый раз будет крупным событием для заинтересованных. На базе материалов следует ожидать публикации крупных монографических исследований отдельных проблем. Число специальных статей достигло такого объема, который выходит уже за пределы общего обзора. Важнейшие из них можно найти в библиографических приложениях к трудам Аллегро, Барроуса и в других очерках того же типа.

К. Б. Старкова:

³⁷ K. Elliger, Studien zum Habakuk-Kommentar vom Toten Meer («Beiträge zur historischen Theologie», hrsg. von Gerhard Ebeling, Bd. 15), Tübingen, 1953.

³⁸ K. Schurt, «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd. 52, Heft 3-4 (1955), стр. 406—408; I. Van der Ploeg, «Bibl. Orient.», XI (1954), стр. 128—131.

ПО СТРАНИЦАМ НОВЫХ ПУБЛИКАЦИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

*Древнейшие итало-эгейские связи.— Новые данные о начале Рима.—
Находка в Вуксе и пути этрусской торговли с северными странами.—
Археологические находки на дне Средиземного моря.— Tabula Hebana.—
Политический строй на о. Цейлоне в изображении Плиния и Луца, раб
Анния Плокама.— Res gestae divi Saporis.*

ДРЕВНЕЙШИЕ ИТАЛО-ЭГЕЙСКИЕ СВЯЗИ

Попытки относить проникновение в Италию япигов и мессапов, с именем которых связывается возникновение Тарента, Метапонта и некоторых других пунктов на Салентинском полуострове, ко II тысячелетию до н.э. (M. M a u e r, *Apulien vor und während der Hellenisierung*, 1914, стр. 353) не встречали широкой поддержки в науке. Настолько глубоко во времени элладийский элемент не прослеживался в Италии археологически. Эпиграфические же следы мессапийского языка и письменности в Италии относились лишь к позднеэллинистическому времени. Легендарная традиция, повествующая о погоне критского Миноса за Дедалом на о. Сицилию (Diod., IV, 79, 1; XVI, 9, 4), не получала до сих пор сколько-нибудь убедительного эквивалента в каких-либо объективных данных. Не было их и для подтверждения древности обстоятельств, послуживших реальным основанием для присутствия в XXIV песне Одиссеи (Odys., XXIV, 211) сикульской рабыни в числе прислуги Лаэрта.

Давно уже, впрочем, привлекала внимание известная общность форм и орнаментов керамики, в том числе расписной, в Сицилии (культура Стентинелло и Матрензы), на юге Италии (в Мольфетте, Матере и др. пунктах), на Балканском полуострове (в Фессалии) и на о-вах Эгейского моря. Однако эта общность относится к эпохе энеолита и ранней бронзы и поэтому никак не могла свидетельствовать о подобной же общности в более поздние периоды, которые еще недавно, ввиду господствовавших в науке «длинных» хронологий, представлялись далеко отстоящими от не предшествующих им непосредственно. До самого последнего времени все сообщения о находках предметов минойской культуры на о. Сицилии или в Италии оказывались, в конце концов, или вовсе не соответствующими действительности, или имевшими в виду факты единичные и мало характерные, допускавшие возможность случайного сходства и местного происхождения.

Понадобилась значительная активность итальянских археологов и многочисленные новые раскопки для того, чтобы этот материал наконец действительно появился на свет в количествах, не позволяющих более сомневаться в реальности итало-эгейских культурных связей, начиная, по крайней мере, с середины II тысячелетия до н. э. Имеются в виду раскопки, производившиеся в конце 40-х и в начале 50-х годов в Милаццо (на сев. берегу Сицилии, близ Мессины, см. «Fasti archeologici», VIII (1954), № 2034; JDAI, 69(1954), 3-4, стр. 545), на о. Панареа и на о. Липари (Липарские о-ва, JDAI 69(1954), 3-4, стр. 505 сл. и 515 сл.), а также в Скольо дель Тонно (близ Тарента, в Италии, «Relazioni», II, стр. 49). В названных пунктах среди инвентарей погребений некрополей местного населения эпохи развитой бронзы в опутимых количествах обнаружены микенские сосуды и их фрагменты, принадлежащие к разряду позднеэллад. III A и B (XVI—XIV вв. до н. э.). В особенности интересны находки на Липарских островах, где микенская керамика связана с местной италийской («апенинской») культурой, микенское влияние на которую оказалось настолько глубоким, что граффити в стиле критского линейного письма А были многократно обнаружены на стенках не только привезенных из Эгейды, но и местных сосудов (см. «Minos», II(1952), стр. 5 сл.). В Милаццо же и в Скольо дель Тонно микенская керамика фигурирует в могилах значительных по размеру некрополей с трупосожжениями, близких по погребальному обряду и по инвентарю некрополю Тиммари (близ Тарента) и Пьявелло (в Умбрии), которые считались среди ученых, придерживавшихся миграционной тео-

рии возникновения культуры североиталийских террамар, ее наиболее южными фор- постами. Благодаря же обнаружению некрополей Милаццо и Скольо дель-Тонно, защитники теории северного происхождения «трупосжигающих» италиков вынуждены теперь пересмотреть свои позиции и допустить возможность проникновения обряда трупосожжения с юга, из эгейского бассейна, вместе с микенской керамикой (см. L. Bernabò Brea, «Rivista di scienze preistoriche», VI (1951), 3—4, стр. 205 сл.; M. Pallottino, «Relazioni», II, стр. 3 сл.). Как бы то ни было, необходимо признать что находки эгейской керамики в Италии и Сицилии являются в культурно-историческом отношении наиболее ценными из всех, сделанных в западном Средиземноморье в послевоенное время, так как они значительно обогащают науку не только в области истории древнейшей Италии, но также и в области истории Крита и Микенской Греции. Вместе с тем они снова показывают, что мифологическая традиция никогда не бывает беспочвенной, но всегда отображает в более или менее завуалированной форме реальные исторические явления. И если после этих находок экспедиция Миноса в Сицилию не стала все же действительным историческим фактом, то совершенно непреложной сделалась связь этих легенд с реальным критским мореплаванием в западных водах и с проникновением через его посредство элементов эгейской культуры.

В этой же связи не менее любопытен факт, привнесенный в науку раскопками середины 30-х годов в Герайоне на Силаре близ Пестума («Notizie degli scavi di Antichità», 1937, стр. 205 сл.), обнаружившими древние вотивы с изображением птиц с женскими головами. В этих изображениях издатели материалов раскопок не без основания усматривают прототип гомеровских сирен, эпическая локализация которых близ италийских берегов вполне соответствует данному археологическому факту. Из такого любопытного совпадения эпических и археологических данных следует, между прочим, и то, что мифическая локализация также не может быть ни случайной, ни произвольной, но имеет в своей основе определенную историческую реальность.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О НАЧАЛЕ РИМА

Древнеримская традиция помещала начало древнего Рима на Палатинском холме, где, по преданию, помещалась и Roma quadrata — предположительно, древнейшее укрепленное поселение, и знаменитая casa Romuli. Этим преданиям не противоречили археологические находки, дававшие, однако, фрагментированный и более или менее случайный материал, не древнее рубежа VIII—VII вв. до н. э.

Лишь в послевоенные годы, в результате археологических исследований, принятых в порядке ликвидации последствий разрушений, причиненных во время второй мировой войны, на северной оконечности Палатинского холма, на так называемом Гермале, обнаружены вырубленные в материковой скале основания древних хижин овальной формы, с углублениями для очагов и деревянных столбов, поддерживавших соломенные кровли¹. В результате обнаружения следов этого поселения можно со значительно большей, нежели прежде, определенностью говорить о связи с древнейшим Палатином того некрополя, который был обнаружен в начале нынешнего столетия на территории форума. Как известно, среди этих могил имелись трупоположения в деревянных колодах — способ погребения, по традиции считавшийся древнесабинским и рассматривавшийся как археологическое свидетельство присутствия древнесабинского элемента на территории древнейшего римского поселения. В связи с этим небезынтересны наблюдения Кромера², устанавливающие, что подобные захоронения в колодах (или подражающих им глиняных гробах) наиболее многочисленны на территории, принадлежавшей племени фалисков. И хотя автор допускает,

¹ S. Puglisi, Gli abitatori primitivi del Palatino attraverso le testimonianze archeologiche e le nuove indagini stratigrafiche sul Germale, «Monumenti antichi», XLI (1951), стр. 2 сл.; ср. M. Floriani, «Studi Romani», II (1954), № 6, стр. 701.

² K. Kromer, Zu Frühgeschichte Roms, «Mitteilungen der Prähistorischen Kommission Österreichisch. Akademie d. Wissensch.», VI (1952—1953), стр. 119 сл.

что фалиски лишь позднее вытеснили с этой территории сабинян, однако, несомненно, что в связи с этим обстоятельством вопрос об археологической аттестации сабинского элемента в границах древнейшей общины Рима повисает в воздухе. К тому же Кромер констатирует на Эсквилине, где традиция помещает древнейшую резиденцию сабинского царя Тита Тация, наличие некрополя столь же смешанного характера, как и в других местах древнего Лация и южной Этрурии, в особенности, где трупосожжения и труположения часто расположены рядом, а иногда и взаимно перекрывают друг друга. Высказывавшееся раньше мнение о значительном преобладании на некрополе Эсквилина обряда труположения Кромер опровергает детальным анализом состава погребальных инвентарей, археологические обстоятельства нахождения которых были недостаточно точно отмечены и зафиксированы в первоначальных публикациях (в «*Notizie degli scavi*», начиная с 1903 г.). Из этого факта, опять-таки не позволяющего более фиксировать с помощью археологических данных древнейший сабинский компонент на территории Рима, все же не следует делать вывода о полном единообразии культурных явлений эпохи Вилланова на территории Лация. Известные культурные различия наблюдаются как в пределах определенного обряда погребения (могилы с трупосожжениями, при всей их близости к содержимому могил с труположениями, разнятся от них в отдельных характерных предметах инвентаря), а также и от места к месту. Так, для древнего Лациума, при всем сходстве его культуры с культурой южной Этрурии VIII—VII вв. до н. э., должны быть отмечены известные отличия — в частности, присутствие своеобразной керамической орнаментики (так наз. «*reticulato*»), широко представленной в Альбанских могильниках, встречающейся и на территории Рима, а в древнейших образцах фигурирующей в археологическом комплексе, относящемся к эпохе поздней бронзы, найденном в Берторине, близ Фори в Кампании (G. M e g - h a g t, «*Bonner Jahrbücher*», 1942, стр. 52 сл.). Эта керамическая орнаментика отсутствует в южной Этрурии, чем, в частности, и определяется по археологическим данным древнейшее культурное различие между двумя наиболее значительными среднеиталийскими племенами. А находка этого характерного для древнелатинской культуры орнамента на кампанской территории подтверждает еще раз ту глубокую, древнюю связь, которую традиция устанавливает между Лациумом и Кампанией.

НАХОДКА В ВИКСЕ И ПУТИ ЭТРУССКОЙ ТОРГОВЛИ С ЗААЛЬПЬИНСКИМИ СТРАНАМИ

В 1953 г. близ холма Лассуа (Mont Lassois, Lavisco в древности), знаменитого своими остатками кельтского опшидума гальштатской эпохи, в 5 км от Шатийона раскопками Р. Жоффруа было вскрыто курганное погребение (курганная насыпь, как выяснилось при раскопках, была скрыта еще в римское время и, может быть, именно поэтому его содержимое уцелело), представившее комплекс, названный «кладом из Викаса». Погребальная камера, имевшая более 9 м² (диаметр кургана равнялся 42 м), содержала весьма богатое женское захоронение с чрезвычайно интересными приношениями. Костяк женщины (по остеолого-анатомическим данным, — лет 30) имел на голове массивную своеобразной формы золотую диадему с разомкнутыми концами в виде лап хищника, держащих грушевидной формы сосуды, на филигранных крышках которых помещены в качестве наверший фигурки пегасов. Костяк покоился на четырехколесной колеснице с бронзовыми втулками и железными ободьями. Бортики колесницы, производившей впечатление повозки ритуального назначения, были украшены бронзовыми ажурными аппликациями. Жоффруа в своей публикации этого погребения³ отмечает наличие на незначительной периферии Викаса еще нескольких (п. по-видимому, всякий раз, без исключения, женских) погребений в колесницах (Сент Колумб, Гарени, Ла Бютт и др.), что наталкивает на мысль о ритуальных захоронениях жриц верховного женского божества, в какой-то степени, может быть, аналогичных ритуальным захоронениям скифо-сарматских жриц из причерноморских степей.

³ R. J o f f r o y, *Le Trésor de Vix*, P., 1954.

Перечисленные выше аналогичные найденному в Виксе погребения также были, вероятно, связаны с поселением на холме Лассуа.

Однако наиболее ценным и необычным атрибутом погребения в Виксе является огромный бронзовый кратер, высотой в 1 м 65 см, вместимостью более 1000 литров. Волютообразные ручки кратера украшены змееногими фигурами горгон, на горле под венчиком расположен фриз из групп воинов на квадригах, перемежающихся фигурами пеших гоплитов. Крышка кратера увенчана бронзовой фигурой, представляющей женское божество типа Артемиды. На крышке кратера найдено еще несколько металлических и глиняных сосудов — в том числе очень характерная этруская бронзовая ойнохоя, две этрусских же бронзовых миски с вертикальными ручками и аттический чернофигурный килик так назыв. стиля Друп. Помимо этих, несомненно, импортированных вещей, найдены также целый ряд предметов местного производства: бронзовые фибулы с длинными спиральными перекрестьями, железные фибулы с золотыми аппликациями, сланцевый, янтарный и бронзовые браслеты и другие украшения.

Таким образом, инвентарь распадается на две категории: предметы импортные и предметы местного происхождения, к которым принадлежат преимущественно мелкие поделки из бронзы и железа. Импортными же являются бронзовые и драгоценные сосуды, золотая диадема и, может быть, также колесница. Если в отношении некоторых предметов несомненно их этрусское происхождение (ойнохоя, бронзовые миски с прямыми ручками, принимаемые обычно за произведения мастерских Вульчи), то в отношении других предметов, и прежде всего в отношении кратера, дело обстоит далеко не так просто. Вообще, металлические изделия из Викса представляются довольно разнообразными в стилистическом отношении; не является стилистически единым также и самый кратер, воспринимающийся как довольно сложный художественный комплекс. Так, в частности, если рельефные аппликации на горле обнаруживают чисто греческую работу (Жоффрау склоняется, вслед за Ш. Пикаром, к Коринфу, как к наиболее вероятному месту изготовления кратера), то горгоны на волютах ручек, так же как и женская фигура на крышке кратера, более всего напоминают этрусскую работу; фигурка в особенности напоминает некоторые образцы архаической кьюзинской пластики. Весьма любопытной технической подробностью изготовления кратера являются греческие литеры и численные знаки (черточки), начертанные мастерами на венчике и горле кратера, а также на тыльной стороне рельефных аппликаций, видимо, с целью их наиболее точного размещения; эти литеры, по их несомненной принадлежности к западно-греческим алфавитам, указывают опять-таки на итальянское или на великогреческое (сицилийское) происхождение кратера ⁴.

Погребение в Виксе датируется точнее всего по наличию в нем аттической чернофигурной и чернолаковой керамики, приурочиваемой ко времени между 530 и 520 гг. до н. э. Этой же дате примерно соответствуют и другие предметы. Принимая во внимание относительную кратковременность бытования керамики, дата самого погребения не может быть отнесена очень далеко от даты аттических сосудов — не далее рубежа VI—V вв. до н. э.

Специфически ритуальный характер инвентаря погребения в Виксе, его богатство и стилистическое разнообразие поднимают целый ряд вопросов культурно-исторического характера, на которые и пытается дать ответы Ж. Каркопино в серии своих статей о находке в Виксе, помещенных в «Revue de deux mondes» (1955, № 2, стр. 208 сл.; № 3, стр. 412 сл. и № 4, стр. 627 сл.). Одним из существенных вопросов является проблема торгового пути, по которому все эти импортные предметы были доставлены на Монт Лассуа. Каркопино полагает, что этот путь лежал через Марсель по р. Роне, и связывает находку в Виксе с находкой клада из более чем 2000 греческих монет в Ориоле, в 25 км к северу от Марселя, происходящих из различных малоазийских центров. Однако подобное предположение вряд ли вероятно: как показывают продолжи-

⁴ Ср. R. Bloch et R. Joffroy, L'alphabet du cratère de Vix, RdPh, 1953, № 2, стр. 175 сл.

тельные археологические исследования на юге Франции, влияние Марселя и его торговая экспансия не проникли далеко в глубь материка, вплоть до самого римского завоевания⁵. Берега Роны на некотором расстоянии от моря лишены находок итало-греческого происхождения, относящихся к архаическому и классическому времени. Кроме того, если в VI в. этруски еще конкурировали успешно с фокейцами и вытесняли их из тирренских вод, то в начале V в. и в особенности после морского сражения при Кумах, наоборот, этруски были полностью вытеснены с моря. В этот период их торговля с северными странами приняла континентальное (трансальпийское) направление, чему имеются многочисленные доказательства в виде находок этруских бронзовых изделий в юго-восточной Франции, Швейцарии и других центральноевропейских странах⁶. Монт Лассуа находится как раз в сфере этой континентальной этруской торговли, о чем свидетельствует, помимо его географического положения, частота находок в могилах вокруг Монт Лассуа и вообще на востоке Франции бронзовых предметов этруского происхождения⁷. Несомненно, к этому же кругу явлений относится и сама находка в Виксе. Следует думать, что большая часть импортных предметов этого комплекса, в том числе и громадный кратер, были доставлены именно трансальпийским путем. Этим же путем попала в Виск, вероятно, и массивная золотая диадема, которой Жоффруа, ввиду некоторой грубости ее стили, готов, вслед за Ш. Пикаром, приписать чуть ли не причерноморское происхождение. Следует думать все же, что это если и не чисто этрусская работа, что отнюдь не исключено, несмотря на тяжесть ее форм, то какое-либо североиталийское подражание этруским образцам.

Не менее существенна и другая проблема, также экономического порядка: наличие столь ценных предметов италийского ввоза свидетельствует об интенсивной торговле между Италией и заальпийскими странами уже в VI—V вв. до н. э., при этом в обмен Италия должна была получать нечто равноценное своему золоту и своей художественной бронзе. Одним из таких ценных продуктов торговли, доставлявшимся из приальпийских стран, вероятней всего, могли быть рабы.

Находка в Виксе привлекла к себе внимание многих исследователей и уже породила значительную литературу. Не прекращаются споры относительно места изготовления кратера, вызываемые его (по мнению некоторых исследователей, лишь кажущейся) разностильностью и характером начертанных на нем литер. Ш. Пикар (RA, XLIII (1954), № 1, стр. 71 сл.) настаивает на коринфском происхождении кратера, сравнивая его с кратером из Требенице, который связывается искусствоведами именно с этим центром производства художественных бронзовых изделий. Он же указал на возможность северопонтийского происхождения золотой диадемы с пегасами, ввиду подчеркнутой волосатости тела у последних. Нет сомнения, что пегасы диадемы из Вискса несколько напоминают лошадь Пржевальского, но, во-первых, изображения скифских лошадей на Чертомлыцкой вазе, на сосудах и гребне из кургана Солоха, лишены каких бы то ни было признаков волосатости, во-вторых, — волосаты ли действительно пегасы диадемы из Вискса, тело и крылья которых покрыты некоего условного значения насечкой, еще вопрос. P. A m a n d r u, *Autour du cratère de Vix* (RA, XLIII (1954), 2, стр. 125 сл.), допускает, что кратер, изготовленный в Греции, был демонтирован где-либо в Италии (может быть, именно в Этрурии) и оттуда проник в раздвоенном виде вместе с другими греческими и этрускими товарами в Виск. Хочется все же указать, во-первых, на то, что греческие архаические кратеры (Требенице, из Мюнхенского музея, из Эрмитажа) при всей их индивидуальности и при всем их сходстве с кратером из Вискса все же от него весьма отличаются. Нет сомнения в том, что его крышка, увенчанная изображением богини, придает ему бесспорно-

⁵ J. J a n n o r a y, *Ensérune. Contribution à l'étude des civilisations préromaines de la Gaule méridionale*, 1955, стр. 296 сл.

⁶ См. J. G. S z i l á g y j, *Zur Frage des etruskischen Handels nach dem Norden*, «Acta Antiqua Acad. Scient. Hungaricae», I (1952), 3-4, стр. 419 сл.

⁷ J o f f r o u, *ук. соч.*, стр. 33 и 35.

этрuscoский вид. Что же касается чисто греческих и, может быть, именно коринфских аппликаций с квадригами и гоплитами, то мало ли на почве Этрурии производилось образцов чисто греческого искусства (даже если оставаться в пределах торевтики), бесспорно этрусское происхождение которых засвидетельствовано этрусскими надписями.

Как известно, многие архаические этрусские памятники, например, каменный саркофаг из Перуджийского музея (G. Gilioli, «Archeologia classica», II (1952), 1, стр. 81 сл.), имеют в стиле своих рельефных изображений сиро-ассирийские черты. К. Р. Максвелл-Гислоп («Igaq», XVIII (1956), II, стр. 150 сл.) устанавливает на основании чисто стилистических соображений урартийское происхождение целого ряда этрусских архаических бронзовых изделий, настаивая при этом на непосредственных итало-урартийских связях и заставляя урартийских мастеров-металлургов переселиться в Тоскану в составе малоазийских тирренов. Помимо того, что все это весьма маловероятно исторически, в подобных искусственных построениях нет никакой нужды, поскольку греческое, а через его посредство и этрусское искусство имело в VII—VI вв. до н. э. резко ориентализирующие черты. Переселения же греческих мастеров в Этрурию и, в частности, именно из Коринфа, документируются римской исторической традицией (Liv., I, 34, 2; Dion. Hal., III, 46, 3 сл.) о коринфянине Демарате, переселившемся в Тарквинию и обучившем этрусков терракотовой пластике.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ СО ДНА СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ

В 1952—1953 гг. руководитель французского водолазного предприятия Ж. Кусто производил разведки и раскопки древнеэллинистического судна, груженного керамикой и затонувшего недалеко от входа в гавань Марселя (древней Массалии), точнее у о. Риу. Судно было обнаружено одним из местных водолазов-любителей. Поскольку расследования производились на глубине 150 м, что, видимо, и для опытных водолазов является нелегкой задачей, судя хотя бы по тому, что один из них поплатился при этом жизнью, — участие археологов было исключено, и «раскопками» руководил названный выше капитан водолазного отряда. И хотя, как видно из его публикаций (см. J. I. Cousteau, Fish Men discover a 2200 Year-old Greek Ship, «The National Geographic Magazine», CV (1954), № 1, стр. 1 сл.), он пользовался консультацией археологов и даже называет некоторые имена, в печати фигурируют пока что только его собственные сообщения, если не считать небольшой предостерегающей заметки (RA, XLI (1953), № 2, стр. 204), подписанной Р. Л[антье], протестующей против применения при расчистке древнего судна средств и механизмов, грозящих уничтожением античной керамики. Все это тем более досадно, что находка, по-видимому, представляет собой огромную научную ценность. Не говоря уже о самом корабле, который, будучи извлечен на поверхность, явил бы собой совершенно уникальный памятник древности, весьма интересен также и его груз, состоявший из большого количества остродонных амфор двух типов: 1) узкая, с длинным горлом, удлиненными ручками и ножкой; 2) с широким туловом, короткими дугообразными ручками и слабо выраженной ножкой. Амфоры, судя по нескольким экземплярам, сохранившим содержимое, были наполнены вином. На венчиках некоторых амфор первого типа имеется клеймо SESIII, что позволяет читать его как Ses(tius). Значительную часть груза составляла также чернолаковая керамика (миски, килики и т. п.), датируемая по штампованному орнаменту, имеющемуся на некоторых сосудах, второй половиной III в. до н. э. Амфорные клейма с именем Сестия известны по находкам в Италии и южной Франции, кроме того это имя фигурирует на черепицах, а также нередко (в различных сокращениях) на образцах terra sigillata раннеимператорского времени. Речь может идти, следовательно, по крайней мере, о нескольких поколениях носителей этого имени, связанных с керамическим производством. Известен кроме того М. Сестий из Фрегелл, назначенный в 190 г. до н. э. проксемом на о. Делос (IG, XI, 4, 757), может быть, идентичный носителю этого же имени (M. Sextius Fregellanus), упомянутому у Ливия (XXVII, 10, 3) под 209 г. до н. э.

TABULA NEBANA

Находка в 1947 г. в Мольяно, на месте древней Гебы (Италия) фрагментированной латинской надписи с длинным текстом из 62 строк явилась значительным событием в области латинской эпиграфики, тем более, что ее содержание не лишено и непосредственно исторического интереса.

Она представляет собою предписание (без начала и конца, в ст. 14 именуемое *rogatio*), содержащее перечисление гражданских и религиозных мероприятий, предпринимаемых для оказания посмертных почестей Германику Цезарю, и датированное 19 г. н. э. Предписание предусматривает проведение похоронной церемонии, на которой обязательно присутствие детей лиц сенаторского сословия, причисленных до вступления их в сенаторский ранг к сословию всадников, а также лиц собственно всаднического звания, закрытие во время церемонии всех храмов в пределах города. Мероприятие это должно было повторяться также и в годовщину смерти Германика.

Из числа других мероприятий с исторической точки зрения особенно интересно предписание о проведении церемонии *destinatio magistratum* (т. е. утверждения кандидатов) на должности консулов и преторов, под знаком прославления памяти Германика, как бы призванного патронировать этот политический акт. *Tabula Nebana* весьма детально регламентирует всю процедуру церемонии *destinatio*, совершаемой посредством вотума, приносимого пятнадцатью центуриями, в составе членов сенаторского и всаднического сословия, приписанных к 33 городским трибам (за исключением эквилинской и субуранской, как того требовал республиканский обычай), так что каждая центурия представляла две или три трибы. При этом из текста *Tab. Nebana* выясняется, что церемония *destinatio*, весьма напоминающая республиканские центуриатные комитии для выбора высших магистратов, является лишь некоторым изменением той процедуры, какая была установлена с аналогичной целью в 5 г. н. э. специальным законом, изданным в консульство Гнея Корнелия Цинны Магна и Люция Валерия Мессалы Волеза, для увековечения памяти Гая и Люция Цезарей, для чего тогда было создано 10 центурий их имени. По предписанию же, зафиксированному на *Tab. Nebana*, к этим десяти центуриям прибавляется еще пять имени Германика, которые должны принимать участие в процедуре, предусмотренной законом Цинны и Волеза. Вместе с тем после опубликования *Tab. Nebana* стало ясно, что найденная в 1903 г. в Эльхе (Испания) в двух незначительных фрагментах так называемая *Tabula Picitana* (Eph. epigraphica, IX, 1903, № 349), принимавшаяся ранее за обрывки некоего муниципального закона, представляет собой остатки текста, весьма близкого по содержанию и назначению к *Tab. Nebana* и изданного в 23 г. н. э. для совершения почестей памяти Друза. Все эти обстоятельства не могли не привлечь к содержанию *Tab. Nebana* внимание многих ученых, что породило значительную литературу, посвященную восстановлению текста⁸ и его истолкованию. Разумеется, наибольший интерес представляет описание церемонии *destinatio magistratum*, существование и политический смысл которой как будто противоречит данным авторов, а также и эпиграфическим известиям, свидетельствующим о том, что назначение высших магистратов во времена Тиберия перешло окончательно из ведения народного собрания в стены сената, производившего лишь утверждение кандидатов, выдвигавшихся с ведома принцепса (T a s i t., Ann., I, 14). Подтверждением этого сообщения Тацита является пассаж из *Res gestae divi Augusti* (14, 1), свидетельствующий о подобной практике в отношении Гая и Люция Цезарей, а также почетная надпись в честь некоего лица, выдвинутого на должность (*destinatus*) консула по представлению (*commendatio*) императора Тиберия (CIL, IX, 2342).

Противоречие, возникающее между текстом *Tab. Nebana* и приведенными свидетельствами, вызвало к жизни попытки тех или иных его объяснений. А поскольку точ-

⁸ См. текст: U. C o l i, «Notizie degli scavi di Antichità», I (72), 1947, стр. 49 сл.; F. d e V i s c h e r, F. d e l l a C o r t e и др., «La Parola del Passato», XIV (1950), стр. 98 сл.; J. H. O l i v e r and R. E. A. P a l m e r, «Journal of Philology», LXXV (1954), № 3, стр. 225 сл.

чных данных о технике назначения высших магистратов не имеется, а известно лишь, что со времен триумvirата комиции фактически обходились, разные авторы толкуют сообщаемые в Tab. Hebana факты по-разному. Так, Фернан де Висер в статье «Le Destinatio» («La Parola del Passato», XIV (1950), стр. 118 сл.) пытается согласовать данные Гебанской надписи со свидетельствами Res gestae в том смысле, что если де представить себе, будто всадники почему-либо не участвовали в церемонии destinatio, то поскольку она оказывалась сведенной к участию в ней представителей одного лишь сенатского сословия, голосование по центуриям теряло свой смысл и процедура переносилась непосредственно в сенат, как об этом и сообщает Тацит. М. А. Леви («La Tabula Hebana e il suo valore storico», там же, стр. 158 сл.) считает, что закон Цинны и Волеза, о котором сообщает Tab. Hebana, представляет собой известный компромисс между принцепсом и нобилитетом, стремившимся к поддержанию республиканских традиций. Увеличение числа голосующих центурий в связи с оказанием почестей Германику в 19 г. и подобные же мероприятия в честь Друза в 23 г. являются подтверждением и расширением этого компромисса. Альдо дель'Оро, в статье «Rogatio e riforma dei comizi centuriati» (там же, стр. 132 сл.) видит в законе Цинны и Волеза попытку реформировать древние центуриатные комиции посредством отнятия у них права выбора магистратов и замены его церемонией destinatio, которую он сопоставляет по ее значению с действиями centuria praerogativa республиканских центуриатных комиций, оказывавшими значительное влияние на исход выборов. Основной же смысл утверждения кандидатов центуриатным голосованием он видит опять-таки в сохранении политической видимости активных центуриатных комиций. Быть может, однако, более правы те, которые не упускают из виду также и религиозный аспект (т. е., в сущности, тот же агитационно-политический) этой процедуры⁹, поскольку деятельность центуриатных комиций поставлена в тексте Tab. Hebana в прямую связь с заупокойным культом дома Цезарей. При этом обращает на себя внимание архаический характер религиозных церемоний, совершаемых в память Германика, уходящих корнями своими к дореспубликанским религиозным установлениям. Тут и введение имени Германика в текст гимнов коллегии салиев (стк. 5) и ludi Augustales (стк. 50), празднества sodales Augustales — корпорации, организованной, по свидетельству Тацита (Ann., I, 54), по образцу древнейших sodales Titii. Следует думать, что введение обряда destinatio magistratuum для ограниченного числа центурий, с допущением в них лишь представителей знатных родов, имело своей целью возрождение mores maiorum, политический смысл которого совершенно прозрачен и более широк, нежели полагают упомянутые выше толкователи текста Tab. Hebana. Это мероприятие имело в виду не только нобилей, участие которых в церемонии предполагало подтверждение определенного к ним доверия, но и широкие слои римского общества, которым импонировал монархический характер древнего ритуала.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ НА ОСТРОВЕ ЦЕЙЛОНЕ В ИЗОБРАЖЕНИИ: ПЛИНИЯ И ЛЙСА, РАБ АННИЯ ПЛОКАМА

Сообщая о природе о. Тапробана (Цейлона), Плиний впадает в ряд несообразностей (остров имеет 1250 миль длины, луна на острове светит только на протяжении одной недели в течение месяца и т. п.). Отсюда следует, что римляне его времени имели еще довольно смутное представление о географии и этнографии стран Индийского океана, по сравнению с тем, чем располагал на сотню лет позже Птолемей, хотя на Цейлоне и были найдены римские монеты эпохи Нерона и Веспасиана¹⁰, свидетельствующие отчасти о вовлечении этого острова в ареал римской торговли.

⁹ См. C. G a t t i, Gli honores postumi a Germanico nella Tabula Hebana, «La Parola del Passato», XIV (1950), стр. 151 сл.; W. S e s t o n, Germanicus héros fondateur, там же, стр. 171 сл.

¹⁰ См. R. W h e e l e r, Roman Contact with India in Aspect of Archaeology in Britain and Beyond, «Essays presented to O. Crawford», L., 1950, стр. 370 сл.

Наряду с этими физико-географическими сведениями, Плиний сообщает ряд данных относительно государственного устройства Тапробана, изложенных в духе эвгемера рассказа об острове Панхайя или ямбулова Солнечного острова и других подобных рассказов-утопий об отдаленных и первобытных народах, выдержанных в стиле легенды о золотом веке. На Тапробане нет рабов, цены на хлеб никогда не повышаются, нет ни суда, ни наказаний, люди, как правило, живут по сто лет, царь у них — выборный бездетный старец, смещаемый с престола, если у него рождаются дети, во избежание установления наследственной монархии (Plin., NH, VI, 184 сл.). Легендарность и политическая тенденциозность рассказа Плиния очевидна. В этой связи он сделался предметом внимания Х. Г. Старра («The Roman Emperor and The King of Ceylon», CPh, LI (1956), № 1, стр. 27 сл.), усмотревшего в нем аристократическую реакцию на римские политические порядки времен императора Клавдия или эпохи раннего принципата вообще. Весьма возможно, что Плиний, действительно отражавший в своем сочинении тенденции сенаторского сословия, воспользовался этим легендарным рассказом, прозвучавшим у него примерно так же, как он прозвучал бы у Сенеки, т. е. в чисто аристократическом и реакционном плане. Однако происхождение этой легенды о Тапробане было в действительности, может быть, и вовсе не таково, и черты легенды о золотом веке были ей приданы в связи с политическими тенденциями, исходившими из совершенно иного лагеря. Определить все это, впрочем, не так-то просто. Дело в том, что Плиний при описании Тапробана ссылается на два рода источников: с одной стороны, это — описания сподвижников и биографов Александра Македонского — Онесикрита, Мегасфена, а также основывавшегося в значительной степени на их же трудах Эратосфена. Не было бы, в общем, ничего удивительного, если бы рассказ о политическом устройстве о. Тапробана принял соответствующие легендарные черты уже под пером первых двух из названных Плинием авторов — легенда о золотом веке интенсивно использовалась идеологами завоевательной и объединительной политики Александра, апеллировавшими к простонародным представлениям в стремлении утвердить и оправдать всемирную «общенародную монархию». Однако Плиний сообщает и об источнике совершенно другого рода: по его словам, вольноотпущенник Анния Плокама — откупщика пошлин, взявшихся в пользу римского фиска на берегах Красного моря, бурей был занесен на Цейлон, где, прожив полгода, научился местному языку и прибыл оттуда в Рим в сопровождении четырех туземцев, посланных цейлонским царем Хобрией к императору Клавдию. Две краткие и аналогичные надписи, обнаруженные в 1937 г. близ Береники (на скале у Вади Мених) у берегов Баб эль Мандеба, позволяют нам познакомиться, может быть, с этим лицом немного поближе.

Надписи, судя по их датам (июль 6 г. н. э.), высечены на протяжении трех дней одна после другой и сообщают о пребывании в данном месте Лисаса или Лйса — раба Публия Анния Плокама. Правда, от 6 г. н. э. до начала царствования Клавдия прошло 35 лет; это обстоятельство заставило Старра (ук. соч., стр. 28) допустить, что Анний Плокам береникских надписей — отец того Анния Плокама, о котором упоминает Плиний. Однако приводятся примеры и весьма продолжительных сроков подобных откупов, позволяющие допустить и то, что мы имеем в обоих случаях дело с одним и тем же Аннием Плокамом, известным также и из других древних источников в качестве активного предпринимателя (CIL, XV, 798). В этом случае Лисас — автор надписи на греческом и на латинском языках, воздвигнутой на скале близ Береники, идентичен тому вольноотпущеннику, которого не называет Плиний, но на которого он фактически ссылается, как на источник своей осведомленности о Тапробане. Судя по имени, Лисас мог происходить из одноименного пункта (Λίσσα) древней Аравии (P t o l e m., Geogr., V, 16, 4) — рабы в древности нередко получали имена соответственно племени или месту своего происхождения. В рассказе Плиния о Тапробане мы наталкиваемся на подробность, связывающую еще одним звеном этот рассказ с арабом Лисасом или Лисой: источник Плиния усмотрел сходство в одежде (в тексте Плиния *cultus*, что могло бы быть понято и несколько шире) жителей Тапробана и Аравии. Весьма возможно, что Лисас, человек, владеющий греческим и латинским языками,

в результате своих путешествий явился автором полуфантастического романа в духе романа Ямбула, которым и воспользовался Плиний, не сообщая об этом более подробно. Последнее могло объясняться тем, что задачей Плиния было придать повествованию о Тапробане патриархально-реакционный характер, тогда как в интерпретации Лисаса, — отпущенника или раба — легенда о золотом веке и о счастливых, не знающих рабства народах, имела другое социальное назначение и поэтому могла содержать какие-либо подробности, опущенные или скомканные Плинием. Это заставляет подозревать не совсем вынятый рассказ о праве апелляции осужденного к народу и о семидесяти народных судьях, являющихся высшей судебной инстанцией. Эти и некоторые другие подробности заставляют думать, что повествование Лисаса о Тапробане представляло собою утопию, разработавшую не только политические, но и религиозно-моральные проблемы. В соответствующем смысле может быть понято указание на то, что главным божеством жителей Тапробана был Геракл — одно из наиболее демократических божеств эпохи позднего эллинизма, пользовавшийся огромной популярностью в среде рабов и угнетенных слоев населения вообще, судя по многочисленным votivным надписям. Соперничать с ним в этом отношении мог бы только Сильван или Дионис, в его наиболее демократической ипостаси — Либер Патер, в облике которого и представляет источник Плиния тапробанского царя. Герман (RE, VIII, 2, стб. 2269) полагает, что реальной почвой для подобных сопоставлений явились элементы буддизма в религии древних сингалезов. Так или иначе, в рассказе, который по изложенным выше основаниям, возможно, следует связывать с именем Лисаса, раба Анния Плоама, явно видны — даже в интерпретации Плиния — морально-религиозные черты, нашедшие свое выражение также и в первоначальном христианстве.

RES GESTAE DIVI SAVORIS

В 1936 г. Э. Шмидт при расчистке в Накш и Рустеме близ Персеполя нижних горизонтов архитектурного сооружения ахеменидской эпохи, известного под названием Каабы Зороастра, обнаружил на его стенах пехлевийский текст (в двух версиях — аршакидской и сасанидской) большой надписи царя Шапора I. Дальнейшая археологическая расчистка привела в 1939 г. к открытию также и греческой версии текста этой надписи. В 1940 г. надпись была опубликована М. Шпренглингом¹¹. Издание это, сопровождающееся обширным филологическим комментарием, содержало в себе пехлевийские версии, а также греческий текст, однако в латинской транслитерации. Эта публикация, позволившая ознакомиться с содержанием надписи, состоящей (в греческой версии) из 70 строк, и оценить ее историческое значение, вызвала вскоре же многочисленные отклики в научной литературе, из которых в первую очередь должна быть названа большая статья Ростовцева «Res gestae divi Saporis and Dura» («Vegyptus»), VIII (1943), № 1, стр. 17 сл.).

Ростовцев рассматривал надпись преимущественно с точки зрения ее значения для хронологии военных событий на Востоке в 50-е и 60-е гг. III в., а также для исторической географии Сирии и Месопотамии. Он предложил обширный комментарий географических наименований, фигурирующих в надписи. Однако пользование латинской транслитерацией столь большой греческой надписи представляло значительные неудобства, и так как обещанное Шпренглингом окончательное издание текста все не появлялось (насколько нам известно, оно не появилось до сих пор, по поводу чего не раз уже в литературе высказывалось удивление, см. L. Robert, REG, LXII (1949). Bull. épigr., стр. 149; он же, там же, LXVII (1954), стр. 178), Д. Пульезе Карателли счел нужным опубликовать обратную транслитерацию (т. е. с латинского алфавита на греческий: «La Parola del Passato», 1947, V и VI, стр. 209 сл. и 356 сл.), в сопровождении комментария, в значительной степени суммирующего проделанную до него работу

¹¹ M. Sprengling, From Kartir to Shahpuhr; он же, Shahpuhr I The Great on the Kaaba of Zoroaster, AJSL, LVII (1940), стр. 330 сл. и 341 сл.

над изучением надписи. Этим-то текстом, который, однако, ни в какой мере не может считаться окончательным (из-за обилия новых собственных имен он мог при двукратной транслитерации подвергнуться некоторым искажениям), пользуются повсеместно и воспроизводят его все работающие над этой надписью ученые.

Текст надписи Шапора может быть разделен на несколько логически обособленных частей, трактующих: 1) о генеалогии Шапора (стк. 1—2); 2) о границах его царства (стк. 2—6); 3) о его войнах с римлянами; этот раздел также распадается на три самостоятельные части, посвященные военным событиям эпохи Гордиана III (стк. 6—10), Филиппа Араба (стк. 10—19) и Валериана I (стк. 19—36); 4) заключительная часть, занимающая около половины текста, где речь идет о религиозных установлениях (учреждениях алтарей или храмов огня), торжественных и поминальных жертвоприношениях в честь членов царского дома в связи с одержанными Шапором победами. Значение разделов надписи Шапора, сообщающих о войнах с римлянами, не может быть переоценено, в особенности ввиду недостаточности и фрагментарности источников для истории Рима и Ирана середины III в. н. э., состоящих преимущественно из позднейших конспективных пересказов более полных, но утраченных хроник. К одной из таких современных иранских хроник восходит, может быть, и соответствующая часть надписи Шапора, поскольку текст ее в общих чертах довольно близок к тому, что сообщает иранский средневековый историк Табари и что мы находим у позднейших византийских авторов Зосима (1, 19), Синкелла (683) и Зонара (XII, 19).

Надпись Шапора имеет существенное значение для хронологии римско-парфянской войны середины III в. и для некоторых других событий, происшедших в это время на Востоке, в частности, для установления времени захвата Шапором Армении (см. упоминание в стк. 41 об учреждении храма огня в честь сына Шапора — великого царя Армении), а также времени подчинения им Кушанского царства (вскоре по воцелении Шапора на престол, если верно чтение, предложенное в стк. 4: καὶ Κοσσανοῦ Ἰνδῶν ἔθνος, в связь с чем должны быть поставлены результаты раскопок Гиршмана в Бергаме («Mémoires de l'Institut français d'Archéologie Orientale du Caire», LXXXIX (1946), стр. 99 сл.), разрушенном при Васудаве I.

Рассмотрению хронологических, топонимических и некоторых других вопросов, связанных с толкованием надписи Шапора, посвящено большое исследование Э. Гонигмана и А. Марика¹², также воспроизводящее греческую версию текста надписи в транскрипции Пульезе Карателли. Первая часть этой книги посвящена в значительной части рассмотрению вопроса о влиянии на внутреннюю и внешнюю политику Шапора манихейства, приверженцем которого он обычно считается и что опровергается, однако, в какой-то степени данной надписью, ибо в первой же ее строке он называет себя безоговорочно маздеистом и «богом из рода богов».

Много внимания надписи Шапора (частично воспроизводя ее греческую версию) уделяет также В. Энслин¹³. Этот исследователь стремится доказать «преувеличение» Шапором своих побед над римлянами и в этой связи сопоставляет — далеко не без основания — его надпись с соответствующими ахеменидскими текстами. Однако в смысле близости к исторической истине текст надписи Шапора точнее современных ей римских данных (в частности, SHA). Поражает также хорошая осведомленность штаба Шапора в отношении воинских соединений (легионов и вспомогательных частей) армии Валериана, поименованных в надписи в стк. 20—23 по местностям, в которых они стационарировали до войны. Аутентичность надписи Шапора и ее значение для подтверждения ряда спорных фактов римско-парфянской истории середины III в. отмечает также и Ж. Гей (REA, LVIII (1955), № 1—2, стр. 112 сл.) в статье критического характера, посвященной преимущественно разбору исследования Гонигмана и Марика.

¹² E. H o n i g m a n n et A. M a r i c q, Recherches sur les «Res gestae divi Saporis», «Mémoires de l'Académie royale de Belgique. Cl. des lettres», XLVII (1953), 4.

¹³ W. E n s s l i n, Zu den Kriegen des sassaniden Schapur I, 1949 («Sitzungsberichte d. Bayerischen Akademie v. Wissenschaften, Phil.-histor. Kl.», 1947, 5).

Автор предпринимает попытку перевода на французский язык значительных и наиболее существенных в историческом отношении отрывков надписи.

Надпись Шапора ценна еще и тем, что она дает широкую политико-географическую картину стран Передней и Средней Азии, а также Кавказа середины III в.— времени, весьма темного и в историко-географическом отношении. Следует особенно отметить значение надписи Шапора для исторической географии Кавказа. Упомянутая Кавказ в числе своих владений (стк. 2—3), Шапор называет следующие области: Ὄρμενίαν, Ὄβερίαν, Μαχελονίαν, Ὄλβανίαν. [...ἕως ἔμπροσθεν] Καπ ὄρους καὶ Ὄλανῶν [τοῦν]. Неожиданно как обозначение западного Кавказа выступает здесь Махелония — наименование, засвидетельствованное в качестве племенного для II в. н. э. у Арриана, в PPE, 15 и у Лукиана (Tox., 44), встречающееся также и у более поздних авторов и происхождением своим, вероятно, обязанное более древнему племенному имени макронов (ср. ВДИ, 1948, № 3, стр. 270). Гора Кап, вероятно, соответствует горе Каспию — наименованию, прилагавшемуся к части, а может быть, когда-либо и ко всему Кавказу (ср. Strabo, II, 1, 39; ВДИ, 1947, № 4, стр. 185). Аланские ворота, вероятно всего, идентичны Каспийским воротам, или Дербентскому проходу.

Однако более детальное изучение географических и этнических имен, встречающихся в надписи Шапора, будет возможно лишь после выхода в свет ее публикации, выполненной с необходимой точностью и достоверностью.

Сохранилось пять высеченных на скалах рельефов с изображением побед Шапора I над римлянами. Один из них находится в непосредственной близости от надписи Шапора в Накш и Рустеме, ниже ахеменидских гробниц; другие в Бишапоре и Дарабгирде. Они различаются между собой тем, что на одних представлены два, на других три римлянина перед Шапором, причем в последнем случае один изображен павшим под коном Шапора, другой коленапреклоненным перед ним, а третьего Шапор ведет за руку. Пересматривающий различные толкования изображений на этих рельефах Макдермонт¹⁴ приходит к заключению, что рельефы иллюстрируют рассказ о войнах Шапора с Римом и о судьбах Гордиана, Филиппа и Валериана, изложенный в рассмотренной нами надписи Шапора I на Каабе Зороастра.

Л. Е.

ИЗ НОВЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ (В ГОС. БИБЛИОТЕКУ ИМ. ЛЕНИНА И В ФБОН АН СССР) ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

КНИГИ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

- Histoire universelle. I. Des Origines à l'Islam. Publ. sous la direction de R. Grousset et E. G. L é o n a r d, Paris, 1956, 730 стр., ФБОН.
- A. B r a n c a n i e G. O l i v a t i, Il mondo antico. I. Oriente e Grecia, Roma, 1956, VII, 394 стр., с илл.
- K. H e y e r, Von der Atlantis bis Rom, 2-e Aufl, Ravensburg, 1955, 306 стр.
- P. S e t h e, Epochen der Weltgeschichte. Von Hammurabi bis Kolumbus, Frankfurt a/M., 1955, 336 стр., 16 стр. илл.
- G. L. S e i d l e r, Mysl polityczna starożytności, Wyd. 2-e popr. i uzupełn, Kraków, 1956, 309 стр., с илл.
- M. A. L e v i, La lotta politica nel mondo antico, Verona, 1955, 250 стр., ФБОН.
- R. H. B a i n t o n, L. B u l l. M. B u r r o w s, The Idea of History in the Ancient Near East, New Haven, 1955, IX, 376 стр.

¹⁴ В. С. М а c d e r m o n t, Roman Emperors in the Sassanian Reliefs, JRS, XLIV (1954), стр. 76 сл.

- J. A. Wilson, E. A. Speiser, H. G. Gütebrock, *Authority and Law in the Ancient Orient*, Baltimore, 1954, 55 стр.
- Ch. Th. Seltman, *Women in Antiquity*, London, 1956, 134 стр., с илл.
- W. Durant, *Das Vermächtnis des Ostens, Aegypten und Vordere Orient bis zum Tode Alexanders. Indien, China und Japan von Anfängen bis in die Gegenwart*, Bern, 1956, 862 стр., 16 стр. илл.
- P. Meier, *The Chronology of Ancient Western Asia and Egypt*. Leiden, 1955, 95 стр.
- H. Mode, *Das Altertum in Bildern*, Berlin, 1955, 200 стр., с илл.
- Histoire générale des sciences. I. La science antique et médiévale (des origines à 1450)*, par R. Arnaldez и др. Préface générale par R. Taton, 1957, VIII, 627 стр., ФБОН.
- R. J. Forbes, *Studies in Ancient Technology*, Leiden, 1955, I, VIII, 194 стр.; II, VI, 215 стр.; III, VI, 268 стр., с илл.
- A History of Technology*. Edited by Ch. Singer и др. I. *From early Times to Fall of ancient Empires*, Oxford, 1956, XLIX, 827 стр. 36 табл. II. *The Mediterranean Civilizations and the Middle Ages*, 1956, I, 802 стр. 44 табл. ФБОН.
- H. und G. Schreiber, *Versunkene Städte (города древнего мира)*, Wien, 1955, 320 стр., с илл.

ЕГИПЕТ

- H. Kees, *Das alte Ägypten. Eine kleine Landeskunde*, Berlin, 1955, 199 стр., с илл. и картами.
- M. Lambrino, *L'Égypte*, Paris, 1955, 64 стр., с илл.
- J. Dorese, *Regards sur l'Égypte*, Paris, 1956, XVI, 25 стр. (о древнеегипетской архитектуре).
- O. Firschow, *Ägyptologische Studien*, Berlin, 1955, XIV, 425 стр.
- H. Grapow, *Die Erforschung der altägyptischen Kultur im Ramen der Akademie*, Berlin, 1954, 32 стр.
- W. Helck und E. Otto, *Kleines Wörterbuch der Ägyptologie*, Wiesbaden, 1956, 418 стр., с илл.
- G. Rudnitzky, *Die Aussage über «Das Auge des Horus». Eine altägyptische Art geistiger Äusserung nach dem Zeugnis des alten Reiches*, Kopenhagen, 1956, 60 стр.
- H. Kees, *Göttinger Totenbuchstudien. Totenbuch, Kapitel 69 und 70*, Berlin, 1954, 39 стр.
- A. Massart, *The Leiden Magical Papyrus 1343—1345*, Leiden, 1954, XV, 143 стр. и 13 л. факсим. воспроизведений.
- S. A. B. Mercer, *Literary criticism of the Pyramid Texts*, London, 1956, IX, 124 стр.
- A Papyrus of the Late Middle Kingdom in the Brooklyn Museum (Pap. Br. 35. 1446)*, ed. with Translation and Comment. by W. C. Hayes, Brooklyn (New York), 1955, 165 стр., с илл.
- J. Garnot, *L'hommage aux dieux sous l'ancien Empire égyptien d'après les textes des pyramides*, Paris, 1954, XII, 333 стр., с илл.
- W. Helck, *Urkunden der 18 Dynastie*, Berlin, 1956, ФБОН.
- A. Alt, *Die Herkunft der Hyksos in Neuer Sicht (Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Ph.-hist. Kl., B. 101, H. 6)*, Berlin, 1954, 40 стр., ФБОН.
- Z. Maiani, *Les Hyksos et le monde de la Bible*, Paris, 1956, 270 стр., 29 рис. в тексте, ФБОН.
- H. Kees, *Der Götterglaube im Alten Aegypten*, Leipzig, 1956, 479 стр., ФБОН.
- G. Posener, *Littérature et politique dans l'Égypte de XII-e dynastie*, Paris, 1956, XI, 170 стр.
- J. Bonwick, *Egyptian Belief and Modern Thought*, Indian Hills, 1956, XVIII, 454 стр.
- H. Kees, *Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der alten Aegypter. Grundlagen und Entwicklung bis zum Ende des Mittleren Reiches*, 2-e Neubearb. Aufl., Berlin, 1956, 315 стр., с илл.

- P. M o n t e t, La vie quotidienne en Égypte au temps des Ramsès (XIII—XII siècles avant J. C.), Paris, 1956, 348 стр.
- N. R i a d, La Médecine au temps des pharaons, Paris, 1955, XIX, 319 стр., с илл.
- L. L e c l a n t, Enquêtes sur les sacerdoces et les sanctuaires égyptiennes à l'époque dite «éthiopienne» (XXV dynastie), Le Caire, 1954, XVI, 120 стр.
- H. C a z e l l e s, Nouveaux documents araméens d'Égypte, Paris, 1955, 26 стр.
- H. H i c k m a n n, Musicologie pharaonique. Études sur l'évolution de l'art musical dans l'Égypte ancienne, Kehl, 1956, 165 стр., с илл.
- B. A a f j e s, Egyptische brieven, Amsterdam, 1956, 63 стр., с илл.
- E. B r u n n e r - T r a u t, Die altägyptische Scherbenbilder (Bildostraka) der deutschen Museum und Sammlungen, Wiesbaden, 1956, 146 стр., с илл.
- L. C o t t r e l l, The Mountains of Pharaohs. The Exciting Drama of Pyramid Exploration, New York, 1956, XIII, 285 стр.
- A. G a r d i n e r et N. D a v i e s, La Peinture égyptienne ancienne. Préface et adaptation de A. Champdor, I—V, 1953—1954.
- H. L e a c r o f t and R. L e a c r o f t, The Building of Ancient Egypt, Harmondsworth (Middelsex), 1954, 31 стр., с илл.
- H. E. W i n l o c k, Models of Daily Life in Ancient Egypt from the Tomb of Meket-Res of Thebes, Cambridge (Mass.), 1955, XV, 106 стр., с илл.
- M. Z. G o n e i m, The Buried Pyramid, London, 1956, XIX, 155 стр., с илл.
- Les grandes découvertes archéologiques de 1954 (о раскопках в Египте), Le Caire, 1955, XVIII, 154 стр.
- U. H ö l s c h e r, Post-Ramessid Remains, Chicago, 1954, XVIII, 81 стр.
- J. Ph. L a u e r et Ch. P i c a r d, Les statues ptolémaïques du Sarapeion de Memphis, Paris, 1955, 271 стр., с илл.

МЕСОПОТАМИЯ

- S. L l o y d, Foundations in the Dust. A Story of Mesopotamia Exploration, Middelsex, 1955, 256 стр.
- S. A. P a l l i s, Early Exploration in Mesopotamia. With a List of Assyro-Babylonian cuneiform texts published before 1851, Kobenhaven, 1954, 58 стр.
- H. S c h m ö k e l, Ur, Assur, Babylon. Drei Jahrtausende im Zweistromlandes, Zürich, 1955, 301 стр.
- M. A. B e e k, A an Babylons Stomen. Hoofdmomenten uit de cultuurgeschiedenis van Mesopotamie in het out-testamische tijdvak. 3-de en bijgew. druk., Amsterdam—Antwerpen, 1955, 260 стр.
- V. E. K r a w f o r d, Sumerian Economic Texts from the Dynasty of Isin, New Haven, 1954, 75 стр.
- A. P o e b e l, The Second Dynasty of Isin according to a New King-List Tablet. Chicago, 1955, VIII, 41 стр. ФБОИ.
- S. N. K r a m e r, From the Tablets of Sumer. Twenty-five firsts in Man's recorded History, Indian Hills, 1956, XXV, 293 стр., с илл.
- M. C i g, Die Puzris-Dagan Texte der Istambuler Archäologischen Museen, Helsinki, 1954, 311 стр.
- Zakony Chammurapiho. Preložil a vykladem opatril dr. J. K l i m a, Praha, 1954, 215 стр. с илл.
- J. R. K u p p e r, Correspondance de Bahdi-Lim (Archives royales de Mari, VI), Paris, 1954, 125 стр., ФБОИ.
- E. E b e l i n g, Stiftungen und Vorschriften für Assyrische Tempel, Berlin, 1954, 32 стр.
- D. J. W i s e m a n, Chronicles of Chaldaean Kings (626—556 B. C.) in the British Museum, London, 1956, XII, 99 стр., с илл.
- A. L. O p r e n h e i m, The Interpretation of Dreams in the Ancient Near East. With a translation of an Assyrian Dream-book, Philadelphia, 1956, 176 стр., с илл.

СИРИЯ И ПАЛЕСТИНА

- R. D u s s a u d, La pénétration des Arabes en Syrie avant l'Islam, Paris, 1955, 234 стр.
- G. S a a d e, Ras Shamra. Ruines d'Ugarit, guide, 1954, 130 стр.
- S. M o s c a t i, I predecessori d'Israele, Roma, 1956, 140 стр., ФБОН.
- O. E i s s f e l d t, Einleitung in das Alte Testament unter Einfluss der Apokryphen und Pseudepigraphen sowie der Apokryphen und pseudopigr. Qumran-Schriften. Entstehungsgeschichte des Alten Testaments. 2-е völlig Neubearb. Auflage, Tübingen, 1956, XVII, 955 стр., ФБОН.
- A. B e n t z e n, Introduction to the Old Testament, I, II, with a Suppl., Copenhagen, 1957, 268, 300, 30 стр.
- A. J i k u, Die Welt des Bibel. Fünf Jahrtausende in Palästina-Syrien (Grosse Kulturen d. Frühzeit, h-gaben v. h. Th. Bossert), Stuttg., 1957, 126 стр., 112 табл., ФБОН.
- E. H ä u s l e r, Sklaven und Personen minderen Rechts im Alten Testament, Köln, 1956, 186 стр.
- H. H. R o w l e y, Prophecy and Religion in Ancient China and Israel, London, 1956, 154 стр.
- The Chronicler's History of Israel. Chronicles-Ezra-Nehemiah restored to its original form, by Ch. C. T o r r e y, New Haven, 1954, XXXIV, 207 стр.
- The Sadokide Documents. I. The Administration. II. The Laws. Ed. with a Translation and Notes by Ch. R a b i n, Oxford, 1954, XVI, 95 стр.
- A. B ü c h e l e r, Studies in Jewish history, London, 1956, XXX, 279 стр.
- E. E b n e r, Elementary Education in Ancient Israel during the Tannaitic Period, New York, 1956, 128 стр.
- H. J. S c h o n f i e l d, Secrets of the Dead Sea Scrolls. Studies towards their solution, London, 1956, 164 стр.
- C h. T. F r i t s c h, The Qumran Community. Its History and Scrolls, New York, 1956, VII, 147 стр., с илл.
- L. H. G r o l l e n b e r g, Atlas of the Bible, London, 1956, 165 стр., с илл.
- E. W i l s o n, The Scrolls from the Dead Sea, New York — Oxford, 1956, 121 стр.

МАЛАЯ АЗИЯ И ИРАН

- S. L l o y d, Early Anatolia. The Archaeology of Asia Minor before the Greeks, Harmondsworth, 1956, 231 стр., с илл.
- F. S o k o l o w s k i, Lois sacrées de l'Asie Mineure, Paris, 1955, 215 стр.
- H. H. v. d. O s t e n, Die Welt der Perser, Zürich, 1956, 299 стр.
- H. J a n i c h e n, Bildzeichen der königlichen Hoheit bei der iranischen Völkern, Bonn, 1956.

ЭГЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА

- The Knossos Tablets. A revised Transliteration of all the Texts in Mycenaean Greek recoverable from Evans' Excavations of 1900—1904 based on independent Examination. By E. L. B e n n e t, J. C h a d w i c k, M. V e n t r i s, London, 1957, IV, 185 стр.
- G. Th. M a l t e s o, Das alte Kreta, Kaiserslauten, 1956, 40 стр., с илл.
- F. M a t z, Kreta, Mykene, Troja. Die minoische und homerische Welt, Zürich, 1956, 281 стр., с илл.
- Chr. Z e r v o s, L'art de la Crète néolithique et minoenne, Paris, 1956, 523 стр.
- H. A. S t o l l, Der Traum von Troja, Leipzig, 1956, 519 стр.
- F. S c h a c h e r m e y r, Die ältesten Kulturen Griechenlands, Stuttgart, 1955.
- I. F o r s d y k e, Greece before Homer. Ancient Chronology and Mythology, London, 1956, 175 стр. с илл., ФБОН.
- G. N o v a k, Prehistorijski Hvar, Grapijeva spilja, Zagreb, 1955.

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

- R. G. Hoegler, Griechenland. Vorwort v. K. Kerényi, Zürich, 1956, 25 стр., 56 стр. илл.
- G. W. Botsford and Ch. A. Robinson, Hellenic History, 4th ed., New York, 1956, XXIII, 519 стр., 56 листов илл. и карт.
- L. B. Palmer, Achaeans and Indo-Europeans, Oxford, 1955, 22 стр.
- The Pylos Tablets of the Inscriptions found 1939—1954, ed. E. L. Bennett. With a Foreword by C. W. Blegen, Princeton, 1955, XXXII, 252 стр., с илл.
- Corpus fabularum aespicarum. Vol. I, fasc. 1, 2, ed. A. Hausrath, Lipsiae, 1957, ФБОН.
- Pompeius Trogus, Fragmenta. Collegit O. Seel, Lipsiae, 1956, XXIII, 208 стр.
- O. Seel, Die Prefatio des Pompeius Trogus, Erlangen, 1955, 86 стр.
- Athénée, Les Deipnosophistes. Livre I et II. Text établi et traduit par A. M. Desrousseau, Paris, 1956.
- G. Mihailov, Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae, Serdicae, 1956.
- M. I. Finley, The World of Odysseus, London, 1956, 190 стр.
- K. Kubler, Die Nekropole des 10. bis 8. Jahrhunderts (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen), Berlin, 1954, 310 стр., с илл.
- F. Jacobsthal, Greek Pins and their Connections with Europe and Asia, Oxford, 1956, XVI, 250 стр., с илл.
- E. Mireaux, La vie quotidienne au temps d'Homère, Paris, 1954, 266 стр., ФБОН.
- F. Dornseiff, Antike und der Alte Orient. Interpretationen, Leipzig, 1956, VIII, 444 стр., ФБОН.
- E. Will, Korinthiaka. Recherches sur l'histoire et la civilisation de Corinth des origines aux guerres médiques, Paris, 1955, 719 стр.
- J. Brunnaker, The Tyrant-Slayers of Kritios and Nesiotes, Lund, 1955, 174 стр., 12 стр. илл.
- H. J. Diesner, Wirtschaft und Gesellschaft bei Thucydides, Halle, 1956, 198 стр., 5 стр. илл.
- J. de Romilly, Histoire et Raison chez Thucydide, Paris, 1956, 314 стр.
- A. W. Gomme, A historical commentary on Thucydides, I—III, Oxford, 1945—1956, 480, 336 и 378 стр.
- C. Meyer, Die Urkunden im Geschichtswerk des Thukydides, München, 1955, 102 стр., ФБОН.
- H. Wentner, Sizilien und Athen. Die Begegnung der attischen Macht mit den Westgriechen, Heidelberg, 1956, 197 стр.
- O. Gigon, Kommentar zum zweiten Buch von Xenophons Memorabilien, Basel, 1956, 208 стр.
- P. Meloni, Il valore storico e le fonti del libro macedonico di Appiano, Roma, 1955, VIII, 255 стр.
- G. Cary, The medieval Alexander, Cambridge, 1956, XVI, 415 стр.
- F. Pflister, Alexander der Grosse in den Offenbarung der Griechen, Juden, Mohamedaner und Christen, Berlin, 1955, 55 стр.
- W. W. Tarn, Alexander the Great, Boston, 1956, 160 стр.
- Quintus Curtius Rufus, History of Alexander. With an english Translation by J. C. Rolf, I: Books I—V, Cambridge (Mass.), 1956, 420 стр.
- S. Lauffer, Die Bergwerkssklaven von Laureion, I, Mainz, 1956, 117 стр.
- G. Schwab, Die schönsten Sagen des klassischen Altertums, Stuttgart, 1956, 715 стр.
- Th. v. Scheffler, Die Kultur der Griechen, Köln, 1955, 572 стр.
- M. P. Nilsson, Geschichte der griechischen Religion, I, 2-e Aufl., München, 1955, 872 стр., 52 таблицы иллюстраций.
- B. H. Stricker, De brief van Aristeas. De hellenistisch codificaties der praehellense godsdiensten, Amsterdam, 1956, 163 стр.

- J. Defradas, Les thèmes de la propagande Delphique, Paris, 1954, 296 стр.
 W. Otto, Theophania. Der Geist der altgriechischen Religion, Hamburg, 1956, 136 стр.
 Der Hellenismus in der deutschen Forschung 1938—1948, herausgegeben von E. Kissling, Wiesbaden, 1956, IX, 171 стр.
 G. Klaffenbach, Griechische Epigraphik, Göttingen, 1957, 108 стр.
 W. Peek, Attische Grabschriften. Eine Nachlese zum letzten Band der IG II/III, Berlin, 1954, 34 стр.

ДРЕВНИЙ РИМ

- L. Pareti, Storia di Roma, I, II, III, IV, Roma, 1952—1955.
 W. Durant, Caesar und Christes. Eine Kulturgeschichte Roms und des Christentums von den Anfängen bis zum Jahre 325 n. Chr., Bern, 1956, 811 стр., 19 стр. илл.
 H. Wagenvoort, Studies in Roman Literature, Culture and Religion, Leiden, 1956, VIII, 315 стр., с илл.
 From Alexander to Constantine, Passages and Documents illustrating the History of social and political Ideas 336 B. C.—A. D. 337. Transl. with introduct. Notes and Essays by Ernest Barker, Oxford, 1956, XXIV, 505 стр.
 Origènes, Extraits des livres I et II du Contre Celse d'Origène d'après le papyrus № 88747 du Musée du Caire, par J. Scherer, Le Caire, 1956, XI, 132 стр., 2 стр. илл.
 F. Klinger, Römische Geisteswelt, 3-e verm. Aufl., München, 1956, 693 стр.
 C. V. Wedwood, Edward Gibbon, London, 1955, 36 стр.
 R. Zanievski, L'origine du Proletariat romain et contemporain. Faits et théories, Paris, 1957, 352 стр.
 J. A. L. Larsen, Representative Government in Greek and Roman History, Los Angeles, 1955, VI, 249 стр.
 W. L. Westermann, The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity, Philadelphia, 1955, XII, 180 стр.
 C. W. Westrup, Same Notes on the Roman Slaves in early times. A comparative sociological study, Copenhagen, 1956, 25 стр.
 B. Gronbeck, Etruskerna. Ett försvunnet folk, Stockholm, 1956, 174 стр., 12 стр. илл.
 O. W. v. Vacano, Die Etrusker, Stuttgart, 1955, 467 стр., с илл.
 R. Gostrowski, Pompeje, Lublin, 1954, 380 стр., с илл.
 A. Maiuri, Pompei, Novara, 1955, 83 стр., 64 стр. илл.
 J. Bleicken, Das Volkstribunat der klassischen Republik. Studien zu seiner Entwicklung zwischen 287 und 133 v. Chr., München, 1955, 166 стр.
 P. Oliva, Spartacus. Povstani obroku v rimske risi, Praha, 1954, 30 стр., с илл.
 F. R. Cowell, Cicero and the Roman Republic, Garmonworth (Middlesex), 1956, XVII, 398 стр., 16 стр. илл. и карт.
 F. Della Corte, Varrone il terzo gran lume romano, Genova, 1954, 402 стр.
 R. E. Smith, The Failure of the Roman Republic. Cambridge, 1955, 201 стр., ФБОИ.
 G. Walser, Caesar und die Germanen. Studien zur politischen Tendenz römischer Feldzugsgeschichte, Wiesbaden, 1956, XI, 104 стр.
 J. Cerny, Rimsky principat a jeho historické poslání, Praha, 1954, 103 стр.
 M. Tullius Cicero, De natura deorum, ed. A. S. Pease, Coloniae, 1955.
 F. E. Adcock, Caesar as Man of Letters, Cambridge, 1956, 110 стр., ФБОИ.
 A. E. Gordon, Potitius Valerius Messala consul suffectus 29 B. C., Los Angeles, 1954, VII, 30 стр., с илл.
 B. Lapićki, Poglady prawne niewolnikow i proletariuszzy rzymskich. Studium historyczne na tle bazy gospodarskiej i antagonizmow klasowych, Lodz, 1955, 241 стр.
 D. Sabbatucci, L'edilità romana: magistrature e sacerdozio, Roma, 1954, 78 стр.
 G. Maranon, Tiberius. A Study in Resentment, London, 1956, XII, 234 стр.
 L. Polacco, Il volto di Tiberio. Saggio di critiche iconografica, Roma, 1955, XIII, 207 стр., 43 стр. илл.

- Th. F. Carrata, *Il regno di Marco Aurelio*, Torino, 1954, 170 стр.
- W. Görlitz, *Marc Aurel. Kaiser und Philosoph*, Stuttgart, 1954, 290 стр., ФБОН.
- S. Dille, *Roman Society from Nero to Marcus Aurelius*. N. Y., 1957, 639 стр., ФБОН.
- Ch. G. Starr, *Civilization and the Caesars*, Itaca, N. Y., 1954, 413 стр., ФБОН.
- G. Giannelli, S. Mazzarino, *Trattato di Storia Romana*, v. II. *L'Impero Romano*. A cura di S. Mazzarino, Roma, 1956, 606 стр., ФБОН.
- F. Klinger, *Römische Geisteswelt*, München, 1956, 603 стр., ФБОН.
- E. Hohl, *Kaiser Commodus und Herodian*, Berlin, 1954, 46 стр.
- B. Horak, *Geograficky a ethnograficky obraz ceskych zemi v dobe rimskeho cisarstvi*, Praha, 1955, 41 стр., 2 л. карт.
- Estrabón, *Geografia de Iberia*. Edición, traducción y comentario por A. Schulten, Barcelona, 1952, 321 стр., ФБОН.
- A. Mocsy, *Pannonia lakossaganak története a markomann haboruk előtt*, Budapest, 1956, 7 стр.
- S. J. Ost, *Roman Policy in Epirus and Acarnania in the Age of the Roman Conquest of Greece*, Dallas, 1954, VI, 138 стр., ФБОН.
- J. Szilágyi, *Aquincum*, Budapest, 1956, 166 стр., с илл.
- A. Schöber, *Die Römer in Oesterreich und in den angrenzenden Gebieten v. Slovenien*, Wien, 1955, 194 стр., с илл.
- A. Betz, *Aus Österreichs Römischer Vergangenheit*, Wien, 1956, 51 стр., ФБОН.
- O. Floca, *Contributi la cunoasterea tezaurilor de argint dacice. Tezaurul de la sarasana si seikamica*, Bucuresti, 1956, 36 стр., 26 л. илл.
- A. Radnoti, *A romaiak Pannoniában*, Budapest, 1956, 20 стр., с илл.
- R. Fellmann, *Basel in römischer Zeit*, Basel, 1955, 141 стр., с илл.
- B. Tesche, *Zur Geschichte der Germanen. Materialsammlung*, Berlin, 1956, 128 стр., с илл.
- J. Wiseman, *Roman Spain. An Introduction to the Roman Antiquities of Spain and Portugal*, 1956, V, 232 стр., 8 стр. илл. и карт.
- A. Machado, *As origens da cidade do Porto. O problema de Portucale*, Porto, 1956, 191 стр., 3 л. илл.
- J. Lindsay, *The Roman were here. The Roman Period in Britain and its place in our History*, London, 1956, 416 стр., с илл.
- I. D. Margary, *Roman Roads in Britain. I. South of the Fosseway-Bristol Channel*, London, 1955, 255 стр. с илл. и картами, ФБОН.
- D. Young, *Romanisation in Scotland. An Essay in Perspective*, Makarsfield, 1956, 72 стр.
- Ch. P. Th. Naudé, *Ammianus Marcellinus in die lig van die antieke geskiedskrywing*, Leiden, 1956, 144 стр.
- F. Altheim, R. Stiehl, *Finanzgeschichte der Spätantike*, Frankf. a. M., 1957, 428 стр., ФБОН.
- F. G. Maier, *Augustin und das antike Rom*, Stuttgart, 1955, 221 стр.
- A. Rostagni, *Storia della letteratura latina*, Torino, 1954, ФБОН.
- F. Altheim und R. Stiel, *Ein Asiatischer Staat. Feudalismus unter Sasaniden und ihren Nachbarn. Mit einem Beitrag von R. Göbl*, B. I, Wiesbaden, 1954, 298 стр., с илл.

Х Р О Н И К А

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ АНТИЧНИКОВ В ЛИБЛИЦЕ

(Чехословакия)

24—26 апреля 1957 г. в Либлице под Прагой состоялась конференция, посвященная изучению античности, в которой приняли участие 21 иностранный и 33 чехословацких ученых. Конференция, созванная по инициативе проф. Дж. Томсона, была организована Чехословацкой Академией наук. В ее подготовке принимали участие сотрудники Кабинета по изучению Греции и Рима Чехословацкой Академии наук и Кафедры античности Карлова университета в Праге под руководством академика А. Салача. Советский Союз на конференции был представлен С. Л. Утченко и Е. М. Штаерман, Англия — Дж. Томсоном и Р. Ф. Уиллетсом (Бирмингам); от ГДР на конференции присутствовало 4 делегата, от Польши — 7, от Венгрии — 2, от Болгарии — 5 и от Румынии — 1. Чехословакия была представлена сотрудниками Чехословацкой Академии наук и сотрудниками Пражского, Братиславского, Брненского и Оломоуцкого университетов.

В порядке дня конференции стояли два основных вопроса: 1) возникновение и характерные черты греческого полиса и 2) кризис римского государства и общества в поздней империи. Третьим пунктом повестки дня были сообщения о состоянии изучения античности в странах — участниках конференции, а также заключение соглашения о международном сотрудничестве в дальнейшем. 26 апреля в Праге состоялось закрытие конференции в присутствии более широкого круга специалистов, где Дж. Томсон, Е. М. Штаерман и А. Салач выступили с сообщениями о результатах конференции.

Открывая конференцию, академик А. С а л а ч обратился с приветствием к ее участникам. В кратком вступительном слове он подчеркнул важность исторического понимания всех областей науки об античности, а также необходимость вести исследование, руководствуясь методом исторического материализма. Настоящая конференция должна положить начало международному сотрудничеству в решении этой важной задачи.

По первому вопросу с докладом выступил Дж. Т о м с о н (Бирмингам). С докладом «Рабство в период возникновения полиса» прислал Я. А. Л е н ц м а н (Москва), к сожалению, не имевший возможности принять участие в конференции.

Дж. Томсон, опираясь на свою последнюю работу «The First Philosophers» (Studies in Ancient Greek Society, II, L., 1955), а также используя анализ товара, данный К. Марксом в первом томе «Капитала» и примененный Ф. Энгельсом по отношению к античному обществу в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», посвятил свой доклад прежде всего значению товарного производства для возникновения греческого полиса и его идеологии. Докладчик указал, что Энгельс считал развитие товарного производства решающим фактором возникновения цивилизации. Только так, по мнению докладчика, можно понять то новое, что было в греческом полисе по сравнению с восточными цивилизациями. Мало говорить о восточном патриархальном рабстве и рабстве античном, так как

разница между ними заключается именно в том, что «патриархальный раб использовался как потребительная стоимость, в то время как раб классической эпохи рассматривался как меновая стоимость, т. е. как товар; другими словами, переход от первой стадии ко второй, слившийся воедино с возникновением полиса, был обусловлен ростом товарного производства».

В древнейших классовых обществах бронзового века, в Месопотамии и Египте, недостаток металла привел к оживленному обмену товарами с соседними областями, что вызвало к жизни сословие торговцев. Однако господствующему классу, владельцам земли, с помощью религии удалось удержаться у власти. В их интересах было все время ограничивать рост товарного производства. Хотя технические успехи этих цивилизаций были огромны, они не смогли все же покончить с примитивностью мышления людей того времени. «Короче говоря, люди оставались нецивилизованными».

Рост производительности труда при появлении железа вел к индивидуализации производства и присвоения продуктов производства. Сельская община превращается в коллектив индивидуальных собственников, производящих независимо друг от друга товары для продажи. Так, по завершении эгейского переселения развивается греческий полис. Его отличительные черты таковы: 1) он основывается на новых производственных отношениях, вызванных к жизни применением железа; 2) имеет выгодное географическое положение для ведения морской торговли, что способствует накоплению торгового капитала, торговле рабами, а значит, и возникновению античного рабства; 3) употребляет чеканную монету. Мы изучаем полис как «форму организации, характерную для цивилизованного общества».

В развитии полиса Томсон усматривает следующие фазы:

1) *Родовой период*. На основе греческого, а также сравнительного материала Дж. Томсон рисует основные черты места поселения племени и его постепенное превращение в полис путем концентрации ремесленного производства и сосредоточения старейшин в центральном поселке, который в конце концов — обычно при помощи синойкизма — становится городом и центром возникающего государства.

Переходным периодом является эпоха так называемой «военной демократии» (Томсон отвергает этот термин, ссылаясь на ленинское определение демократии как формы государства), эпоха разложения родового строя (конец II тысячелетия), когда греческие вожди племен путем войн и грабежей получают богатство и власть.

2) Государство, даже в рудиментарной форме, возникает в эпоху «*олигархии, или господства земельной аристократии*»; эта эпоха «соответствует стадии патриархального рабства» (до конца VI в.). Основные классовые противоречия — между знатью и мелкими крестьянами (Энгельс). После реформ Солона, которые не совершили революции, но способствовали развитию денежного обращения, торговле рабами и увеличению числа торговцев, на сцену выходят два новых класса — торговцы и рабы. Экономическое развитие завершается тиранией, которая составляет (в отличие от точки зрения Энгельса) важное и универсальное явление для данной эпохи, усиливает класс торговцев и ослабляет земельную аристократию. Так готовится почва для демократической революции, несущей с собой, разумеется, также свержение тирании.

3) *Клисфенова революция* (Дж. Томсон защищает термин «демократическая революция») привела к власти «демократию, основанную на господстве класса торговцев и соответствующую стадии античного рабства (commercial slavery)». Основным классовым противоречием в этот период становятся противоречия между свободными и рабами и между гражданами и неполноправными жителями (Энгельс). Рабство находится в значительной степени овладевать производством (Маркс). Продолжается борьба среди свободных, она приобретает новые формы, обусловленные наличием основного классового противоречия, которое ослабляет ее напряженность.

Демократическая революция в Афинах была проведена так, что она вызвала в народных массах иллюзию воскрешения родовых свобод (создание демов, тритгий и фил). Уничтожившей все разногласия внутри народа представлялась она и Эсхилу, поэту демократии. В действительности же демократическая революция ликвидировала все остатки родовых отношений и установила «равенство» людей на рынке.

«Античная демократия установила независимость собственников товара, это означало, что они включились в сеть отношений, лежащих вне их контроля. Это было первое общество, полностью приспособленное к товарообмену». Понимание этого противоречия между содержанием и формой античной демократии является условием понимания ее существа.

Дж. Томсон кратко обрисовал развитие от примитивного мышления, бывшего конкретным, субъективным и мистическим, к мышлению эпохи цивилизации, становившемуся все более абстрактным, объективным и рационалистическим и нашедшему свое выражение в сочинениях ионийских философов; докладчик показал также зависимость развития мышления от развития товарного производства. Вершиной примитивного материалистического мышления является философия Гераклита, намечающая, однако, пути развития идеалистической философии. Пармениду достаточно было огонь Гераклита как «всеобщий эквивалент» путем дальнейшего абстрагирования превратить в неизменное «единое», чтобы создать основную категорию идеалистической философии — субстанцию, «понятие-фетиш, отражающее сущность меновой стоимости». Здесь целесообразно отослать читателя к обстоятельному изложению этих сложных проблем в книге Дж. Томсона «The First Philosophers».

В заключение Томсон остановился на актуальности изучения античности сейчас, когда основной задачей марксистской науки является борьба за ликвидацию «понятий-фетишей», иллюзий, имеющих классовую основу. Классическим выражением этих понятий является знаменитый «товарный фетишизм», подменяющий отношения между людьми отношениями вещей. Анализ причин появления «понятий-фетишей» в античности под влиянием развитого товарного производства облегчит нам борьбу против его абсолютизации в буржуазной науке.

В добавление к докладу, который был разослан заранее, Дж. Томсон подчеркнул, что в докладе он не упомянул о линейном письме «В», поскольку результаты его расшифровки он не считает надежной основой для исторических выводов.

Я. А. Ленцман (Москва) в своем содокладе высказал мнение, что профессор Дж. Томсон переоценил роль товарного производства как решающего фактора при возникновении полиса и не попытался определить его характерные черты с точки зрения истории рабовладельческой формации. Так, из его поля зрения выпала, например, Спарта, где товарное производство не было развито.

Я. А. Ленцман предлагает иную, чем у Дж. Томсона, периодизацию возникновения полиса: 1) разложение первобытного общества — до начала VIII в., 2) возникновение аристократического (не олигархического!) полиса — до начала второй половины VII в., 3) переход к античному классическому полису — конец VII—VI в.

Я. А. Ленцман для изучения рабовладения в первый период прибег к сравнению данных из поэм Гомера и пиловских табличек. В VIII и VII вв. не встречается следов крупных хозяйств, использующих труд значительного числа рабов и рабынь, о которых мы знаем из поэм Гомера. Не существует также преемственности между наименованиями рабов в поэмах Гомера и в классическую эпоху. Очевидно, сообщения Гомера в данном случае не только не соответствуют эпохе возникновения поэм, но их далекую основу надо искать в микенской эпохе.

В следующий период возникает аристократический полис, специфические черты которого объясняются тем, что он «возник и существовал на базе античной формы собственности». VIII и особенно VII века дали значительный рост рабовладения. Роль труда рабов в земледелии и особенно в ремесле невелика; но так как труд рабов был основной богатства родовой аристократии, рабство явилось основой социальной и классовой дифференциации греческого общества, а значит, и базой для возникновения полиса.

В период перехода к классическому полису (конец VII и VI в.) происходят решающие изменения в экономике ведущих полисов (но не во второй половине VIII в., как думает П. Олива). Для социальной структуры полиса огромное значение имел технический прогресс, развитие и дифференциация ремесла, рост внутренней и внешней торговли. Вторая половина VII в. является началом бурного развития классического рабства (Коринф и Афины). Это время было периодом утверждения рабовладель-

ческого способа производства. Главным источником приобретения рабов является война, затем начинает расти роль покупки рабов (ярмарка в Кизике). Но труд рабов еще не вытеснил свободное производство в ремесле и главным образом в земледелии.

Начиная с Солона наблюдаем следующую фазу в развитии афинского полиса: в борьбу включаются торгово-ремесленные круги. Образуется «античный полис, где господствующим классом-сословием является община всех граждан». Главным классовым противоречием теперь является противоречие между рабами и рабовладельцами. Рабы рекрутируются из чужестранцев, а рабство постепенно овладевает основными отраслями производства.

По докладу и содокладу развернулись оживленные прения.

На примере кипрского письма акад. А. С а л а ч показал трудности чтения греческих текстов, написанных слоговым письмом.

Д. М. П и п п и д и (Бухарест) обратил внимание на то, что проф. Томсон рассматривает полис как государство, считая в то же время его первой стадией родовое общество. Это затрудняет датировку возникновения полиса. Учитывая, что существовали полисы демократические и олигархические, торговые и земледельческие, необходимо дать более широкое, чем в докладе, их определение.

Ряд критических замечаний, но без каких-либо предложений для решения проблемы, сделал И. Б о р ж а к (Будапешт). Соглашаясь с методом Дж. Томсона и рядом его частных выводов, И. Боржак считает, что местами доклад очень абстрактен, местами упрощен, в нем слишком много цитат из трудов классиков марксизма, а иногда встречаются и неточности. Преувеличена роль товарного производства: приведенные докладчиком черты полиса правильны, но они мало говорят о его специфике и т. д. Периодом демократической революции нужно считать весь VI век, необходимо рассмотреть роль мелких крестьян.

П. О л и в а (Прага) согласился с содокладчиком, что VII—VI вв. нужно считать эпохой становления, а не расцвета рабовладельческого способа производства. Однако он думает, что начало решающих изменений в экономике нужно отнести к последней четверти VIII в. (экспорт керамики, колонизация).

Небольшая группа замечаний касалась некоторых гипотез относительно возникновения полиса. Р. Ф. У и л л е т с (Бирмингам) остановился в связи с выводами своей книги «Aristocratic Society in Ancient Crete» (Лондон, 1955) на вопросе о родовых корнях некоторых институтов дорических полисов на Крите. В их возникновении большую роль — наряду с использованием железа — сыграли древние урбанистические традиции Крита. Необходимость удерживать господство и установившиеся связи разбросанных дорических поселений привела к превращению дорических родовых институтов в государственные. Из минойского прошлого идут корни системы воспитания, организация труда мальчиков, так называемой «agela». Критские «andreia» и «koimeteria» имеют много родственных черт с примитивными «домами мужчин». Подготовка продуктов для сисситий является очевидным пережитком прежних «geras» и «klaros». Критская «hetairaia» имеет одинаковые черты с афинской фратрией, в Гортинских законах встречаются филы, существует род — «startos». В Гортинских законах найдем и «oikos» — хозяйственную единицу, возникающую и постепенно становящуюся самостоятельной внутри рода, тесно связанную с историей появления собственности на землю («klaros»). В Гортинских законах нет следов свободного завещания земли. Отчуждение земли вследствие развития денежного хозяйства стало обычным только в эллинистическую эпоху.

На археологических данных, свидетельствующих о предпосылках для возникновения греческого полиса, остановился в своем выступлении Й. Г е й н и ц (Прага). Хотя, по мнению Гейница, имеется много точек соприкосновения между древнейшими поселениями Греции и Ближнего Востока, истоки греческого полиса все же надо искать в соответствующей исторической эпохе. Изучение греческих поселений и торговых связей с неолита до поздней бронзы показывает, что «средняя и поздняя бронза не были благоприятны для возникновения классического полиса, который не мог развиваться в тени экономически мощных и влиятельных микенских властителей».

Земельным отношениям в древнем Пилосе посвятил свое выступление А. Бартонек (Брно). Анализируя данные об «общественной» и «частной» земле, он показал, что в Пилосе существовали отношения, кое в чем напоминающие восточные цивилизации (хеттские законы). Корни этих древнерабладельческих или раннерабладельческих форм общественных отношений кроются в эпохе разлагающегося родового строя. Происхождение тех черт в пилосской экономике, которые часто характеризуются в литературе как «феодалные», надо искать в связях ахейцев и хеттов с Востоком, но нельзя рассматривать их как явления, свойственные индоевропейской этнической общности, как это делают некоторые западноевропейские ученые.

Наибольшее число замечаний относилось к проблеме сущности и специфики полиса, проявившихся в его экономике и идеологии.

С. Л. Утченко (Москва) в своем выступлении обратил внимание прежде всего на противоречия в приведенной Томсоном периодизации развития полиса, где родовая организация рассматривается как фаза развития полиса, т. е. государства. Говоря о существовании полиса, С. Л. Утченко подчеркнул, что, несмотря на огромное значение товарного производства в процессе возникновения полиса, нельзя понять эту форму государства, не исследовав, в первую очередь, античной формы собственности на землю. Полис недостаточно определить как «город-государство». Как явствует из античных определений (Платон, Аристотель, «Экономика» Псевдо-Аристотеля, Цицерон), древние понимали полис прежде всего как «общность граждан и совокупность духовных и материальных ценностей, создающих эту общность». Материальной основой полиса является античная форма собственности, и, в первую очередь, собственность на землю как основное средство производства; специфична двойственная форма этой собственности. Частная собственность на землю осуществлялась всегда посредством коллективной (государственной) собственности, принадлежность к полису является условием собственности на землю. Таким образом, полис — это «организация, устроенная так, чтобы в данных условиях лучше всего гарантировать владение землей членам коллектива полноправных граждан». С этим связаны сравнительно небольшая территория полиса, охрана права собственности граждан (мероприятия Перикла, указания Платона в «Законах»), запрещение эндогенного рабства, ликвидация родовых фил и т. д. Собственность на землю и рабочую силу прочнее всего была гарантирована в Спарте, но в Афинах и Риме она также была обусловлена наличием гражданства. И если мы хотим постичь существо полиса, мы прежде всего должны изучить его материальную основу — форму собственности на землю.

Э. Ш. Вельскопф (Берлин) присоединилась к критике С. Л. Утченко периодизации развития полиса, приведенной в докладе Томсона. Она обратила внимание на то, что Энгельс считал революционными не только реформы Клифена, но и экономическую часть реформ Солона, открывших дорогу для развития товарного производства, денежного обращения и рабства как формы производственных отношений. Тирация Пизистрата, экономическое значение которой Энгельс признавал, гарантировала реформы Солона, Клифен же завершил все развитие политически. В вопросе о роли товарного производства Э. Ш. Вельскопф также выразила согласие с точкой зрения С. Л. Утченко. Существует особая связь между меновой стоимостью и рабством, а значит, и специфические условия развития собственности в полисе. Выражением этого является именно античная форма собственности на землю, обусловившая и особую политическую форму полиса, который нашел свое выражение в лозунге «*isonomia*» (в отличие от аристократического «*eunomia*»). В данном случае можно говорить о первой республиканской форме классового государства. При изучении греческого полиса мы сталкиваемся с вопросом, чрезвычайно важным для истории всего человечества, с вопросом развития общественной рабочей силы. В определенный исторический момент чисто человеческая особенность делать свои способности полезными для других развивается в форме товарного производства, основой которого является частная собственность. На стадии греческого полиса происходит развитие не только физических (как на древнем Востоке), но и умственных сил человека.

На некоторых проблемах экономики города-государства Афин остановился Я. П е-

ч и р к а (Прага). Экономическое развитие полиса надо понимать, как это делают советские историки, как развитие противоречия между античной формой собственности на землю и античным рабством, порождающего товарные отношения. Специфические черты античной собственности на землю можно определить следующим образом: 1) государство (коллектив) допускает собственность на землю только для полноправных граждан и, наоборот, всех их рассматривает как потенциальных собственников земли; 2) земля свободно не отчуждается и в отличие от движимого имущества не вступает в товарооборот. Конкретный материал из Афин свидетельствует, что вплоть до последней четверти V в. не допускалось, чтобы землей и домами владели люди, не имеющие афинского гражданства; некоторые исследователи (Hignett) считают, что до Солона действительное гражданское права охватывало только владельцев земли; Клерухим V в. указывают на прочную связь между гражданством и владением землей. Анализ ипотечных «ногой» и литературных данных позволяет сделать вывод, что земля в Афинах в V в. не была вовлечена в товарооборот (Finley), или даже, что вплоть до Пелопоннесской войны земля вообще не отчуждалась (Fine). Следовательно, то обстоятельство, что земля еще не была товаром, является одной из специфических черт товарного производства в период расцвета полиса. Около середины V в. труд рабов начинает серьезно угрожать свободным афинским ремесленникам, а развивающееся товарное производство способствует углублению имущественных различий между гражданами. Разорение Афин в Пелопоннесской войне означало конец искусственного поддержания внутреннего единства полиса в ущерб эксплуатируемым «союзникам». Кризис полиса становится явственным. Ослабление прочной связи между гражданством и правом собственности на землю и постепенное втягивание земли в товарооборот в конце V и в IV в. являются лишь симптомами кризиса, свидетельствующими о том, что античное рабство и порожденные им товарно-земельные отношения подорвали античную собственность на землю.

Во втором выступлении Э. Ш. Вельскопф обратила внимание на то, что против гипотезы о неотчуждаемости земли в Аттике до конца V в. говорят сообщения Солона (и Гесиода), свидетельствующие о том, что земледельцы могли быть лишены земли. К тому же связь между неотчуждаемостью земли и товарным производством нельзя понимать слишком узко. Прежде чем земля стала товаром, товаром стали ее продукты, и это включило земледельца в круг действия законов товарного производства. Посредством так называемой апофоры была предпринята интересная попытка перевести рабовладельческие производственные отношения в отношения товарные для того, чтобы рабовладелец превратился в рантье.

Далее Э. Ш. Вельскопф предостерегала относительно упрощенного понимания преобладания труда рабов в V—IV вв. Нужно всегда говорить о сосуществовании и конкуренции труда свободных и труда рабов и изучать их взаимовлияние, например, на оплату свободных (Glotz, Heichelheim). На примере Спарты можно проследить только косвенным образом влияние товарного производства. Спартяне, опасаясь появления неравенства среди граждан, стремились воспрепятствовать втягиванию продуктов земледелия и земли в товарооборот. Но это привело к застою в культурном развитии спартянцев, а также илотов.

Отражению господствующих в полисе отношений собственности в теории государства Платона посвятил свое выступление Б. Борецкий (Прага). Основой идеального государства Платона является его единство. Это не случайно: единство и сила привилегированного коллектива граждан, резко отделенного от неграждан и рабов, более всего соответствовали интересам всякого полиса. Само собою разумеется, что это единство было единством классовым, оборотной стороной главной противоречия полиса, но вместе с этим и его внутренним демократическим принципом, независимо от политического устройства. Экономический кризис полиса ведет к его разрушению. У Платона единство общины также вытекает из исключительного положения граждан, которое очень усердно охраняется. Не только Спарта была образцом для построения Платона. Попытки сохранить социальное равенство граждан можно встретить и в самом развитом полисе, в Афинах, но в другой, более сложной форме. В конце

концов, перед Пелопоннесской войной все афинские граждане в самых разнообразных формах участвовали в эксплуатации рабов, союзников, чужеземцев и менее развитых народов. Но так как экономическая и политическая экспансия приводит, как это было в Афинах, к обострению социальных противоречий в развитом торгово-ремесленном полисе, попытки сохранить равенство граждан могут быть лишь временными. Платон же этой характерной черте полиса придал идеальный вид и устранил в своем государстве все, что могло бы нарушить его единство. Построения Платона, как и Фалеса из Халкедона и Аристотеля, не являются «социалистическими», они выведены из реально существовавших полисов.

И. Фрел (Прага) в своем выступлении остановился на вопросе развития греческого портрета в связи с развитием полиса и его идеологии. В вопросе о времени появления портрета в Греции до сих пор не достигнуто согласия. Портрет как явление историческое мог существовать, если: 1) данное общество признает индивидуальность и 2) художественная техника может выразить индивидуальные черты. В искусстве VI в. мы не встречаем индивидуальных черт, они появляются в начале V в., в богатую событиями эпоху греко-персидских войн, когда выявились яркие индивидуальности, в изображениях сатиров, кентавров, варваров и рабов на вазах. То же самое было и в монументальной скульптуре (Вальдгауэр). К этому времени относятся первые портреты, например, портрет Фемистокла, но вместе с этим существует сильная оппозиция против изображения индивидуальных черт («Персы» Эсхила, картина, изображающая Марафонскую битву). В эпоху победы демократии — в соответствии со стремлением укрепить единство коллектива граждан — существовало «запрещение» изображать индивидуальные черты. Портрет Перикла и другие портреты являются портретами идеальными, приближающимися к идеалам Олимпа. Индивидуальные черты в эту эпоху придаются только кентаврам на Парфенове и т. п.; нарушения этого правила строго наказываются (процесс Фидия). Индивидуальный портрет, несмотря на это, существует, но только как неофициальное течение, которое, как, например, софистика, во всю силу проявится в конце V в., в период кризиса полиса. Дальнейшее развитие индивидуальный портрет получает в IV в.; он одерживает победу в эпоху Лисиппа, приобретаая в это время новые социальные функции (Алексаандр).

О роли религии в развитии греческого общества и в возникновении полиса говорил в своем выступлении Р. Г о ш е к (Брно). Данные линейного письма «В» свидетельствуют о том, что религия господствовала в жизни греческого поселения той эпохи. В период разложения родового строя растет влияние басилевсов и их «контакт с божествами», воля богов отождествляется с волей басилевсов. Религия становится орудием аристократии, и аристократические культы приобретают значение государственных, оставаясь все же в руках аристократии.

М. О к а л (Братислава) на многочисленных примерах из комедий Аристофана и данных других авторов показал, что Аристофана надо считать, как это делает В. Н. Ярхо, защитником и певцом афинских земледельцев, но что Ярхо неправильно затушевывает антидемократический характер его комедий. «Отношение (Аристофана) к демократии и демократам определялось положительным или отрицательным отношением афинских земледельцев к афинской демократии». Земледельцы отрицательно относились к Периклу, Клеонту и Гиперболу из-за их военной политики. Аристофан нападает на сикофантов, торговцев, промышленников и фетов, проявляя свое отрицательное отношение и к демократическим институтам (совет, общее собрание граждан). Вопреки действительности, Аристофан преуменьшает важные заслуги фетов и преувеличивает заслуги всадников и пехоты. Напротив, Аристофан относится положительно к вождю аристократий Фукидиду и к всадникам, а вначале и к богачам, которые во время Пелопоннесской войны имели общие с земледельцами интересы; позже земледельцы должны были защищаться от скупки ими земли. Положительное отношение Аристофана к аристократии видно и из его отношения к Спарте.

Итоги первого дня конференции и в Либлице и на расширенном заседании в Праге подвел Дж. Т о м с о н. Он отметил, что в его периодизации был недосмотр. Совершенно верно, формулировка, что корни полиса — в родовом обществе. Это очень важно отметить

потому, что в Греции, в отличие от Востока, развитие полиса из родовой организации общества было настолько быстрым, что сохранилось гораздо больше элементов родового строя. Это — следствие неравномерного развития, обусловленного, что видел уже Энгельс, развитием товарного производства. В вопросе сравнительной оценки Афин и Спарты Томсон считает правильным выделить, в первую очередь, различия в их развитии и выражает свое согласие с точкой зрения Вельскопф. После обсуждения он считает необходимым изменить формулировку о значении реформ Солона и Клисфена. Все развитие от Солона до Клисфена нужно рассматривать как единый процесс, начавшийся экономической революцией Солона и завершившийся политической революцией Клисфена, когда появилась новая форма государства и власть перешла в руки нового класса.

Из обсуждения явствует, что в решении проблемы сущности полиса необходимо избегать односторонности: как чрезмерного выдвижения роли товарного производства, так и чрезмерного выдвижения роли собственности на землю. Одной из черт развитого полиса является конфликт между развитием товарного производства и системой собственности на землю. Из обсуждения следует, что развитие экономики полиса определяется взаимозависимостью античной формы собственности на землю, античного рабовладения и товарного производства. Античная форма собственности на землю сделала возможным создание сомкнутого коллектива граждан, но не она была главной причиной его возникновения. Причиной явилось основное противоречие рабовладельческого полиса. Единство коллектива граждан было единством классовым, направленным против всех тех, кто был вне этого коллектива, против рабов в первую очередь. У колыхбели античного рабовладения, а значит, и полиса, стояло товарное производство, неустанно расширяемое и углубляемое этим же самым рабовладением. В конце концов, товарное производство, постоянно углубляя противоречия между трудом рабов и и трудом свободных, между богатыми и бедными, между рабовладельцами и свободными производителями, привело к кризису полиса. Было уничтожено единство коллектива граждан полиса. В идеологии развитие экономических отношений проявляется вначале в зависимости отдельного человека от интересов коллектива (*sofgrosyné*); в период же начала кризиса полиса — в конце V в. — в росте индивидуализма, наглядным примером чего являются личность Алкивиада и движение софистов.

Я. Печирка

* * *

Вторым вопросом, рассматривавшимся на Международной конференции в Либлице, был вопрос о кризисе Римской империи. На эту тему были представлены доклад Е. М. Штаерман и содоклад Л. Варцла.

Е. М. Штаерман (Москва) считает, что важнейшую проблему перехода от рабовладения к феодализму можно решить только общими усилиями исследователей, занимающихся изучением истории отдельных областей древнего мира. К настоящему времени лучше всего исследована история Римской империи. Но даже и здесь, как показала недавно развернувшаяся на страницах «Вестника древней истории» дискуссия, имеется много нерешенных проблем, например, вопрос о степени развития элементов феодализма в недрах рабовладельческого общества, характер основных противоречий и классовый борьба в период упадка империи, причины различия в ходе кризиса в Западной и Восточной частях Римской империи и т. д.

В рамках доклада невозможно заниматься всеми нерешенными вопросами. Е. М. Штаерман поэтому остановилась на вопросе о формах собственности и роли связанных с ними общественных групп.

Ученые, отказывающиеся признать, что рабовладельческие отношения были основой экономики Римской империи, часто приводят данные о том, что число рабов все время уменьшалось, что роль свободного труда росла. Здесь надо отметить, что все попытки определить процент рабов в населении Римской империи весьма ненадежны.

ны. Главное заключается в том, что рабство создало античную фамилию и античный город; положение рабов определяло положение свободных и колонов. Все это дает право говорить о ведущей роли рабовладельческих отношений в Римской империи.

Попытка определить основные формы собственности может объяснить перипетии политической борьбы в III—V вв. н. э. Можно считать, что в принципе это была борьба между группами, связанными с рабовладельческими и зачаточными феодальными формами собственности. Против городских групп рабовладельцев и близкой к ним армии выступали владельцы экзимирированных сальтусов, одержавшие в III в. победу, что определило дальнейшее развитие империи в период домината. Анализ форм собственности дает возможность изучить особенности развития отдельных частей империи.

В заключение Е. М. Штаерман отметила, что некоторые положения ее доклада спорны, и выразила пожелание, чтобы они явились предметом обсуждения исследователей.

Л. В а р ц л (Прага) в своем выступлении выразил согласие с основными положениями доклада Е. М. Штаерман и сказал, что он исходил из этих положений в своем содокладе. Его задачей было показать некоторые формы общественного сознания в период империи. Автор несколько сузил свою задачу, остановившись только на тех формах общественного сознания, которые нашли отражение в письменных памятниках. Уже в период так называемого серебряного века в некоторых литературных произведениях появляются признаки того, что традиционные ценности римского общественного сознания начинают переоцениваться. Но эти признаки имели переходный характер. Полная же смена общественного сознания могла произойти лишь тогда, когда рабовладельческие производственные отношения были заменены новыми.

Христианство, которому автор уделил наибольшее внимание, в определенной фазе своего развития играло, по его мнению, прогрессивную общественную роль, заключающуюся прежде всего в том, что оно разбивало идеологию старого социального строя. Борясь против языческих богов, христианство способствовало подрыву веры в вечность римского рабовладельческого общества. Но прогрессивная роль христианства проявилась не только в этом. Христианство вернуло трудящимся веру в смысл их труда, оно избавило труд от того презрения, с которым к нему относились в рабовладельческом обществе. Кроме того, христианство провозгласило равенство всех людей. Правда, это равенство понималось в ограниченном смысле, как равенство всех членов христианской общины перед богом. Новые связи, которыми христианство заменяло прежние родовые или территориальные, имели двойственный характер. Были образованы местные общины, руководимые выборными органами, но наряду с ними создавалось и экуменическое целое, представляемое митрополитами и папами. Таким образом, в христианство проникали элементы, свидетельствующие об отклонении от первоначальной простоты и о стремлении господствовать над миром, стремлении быть выше светской власти.

В прениях по обоим докладом высказалось 15 человек, темы выступлений которых можно разделить на три группы: проблемы общественно-экономического кризиса империи, конкретные вопросы развития отдельных римских провинций и, наконец, проблемы кризиса в области идеологии.

С рядом критических замечаний по докладу Е. М. Штаерман, который он рассматривает как основу для дискуссии, выступил И. Б о р ж а к (Будапешт). Он указал, что, по его мнению, мероприятия государства, направленные к более мягкому обращению с рабами, едва ли можно рассматривать как симптомы кризиса, так как с такими явлениями мы встречались еще в Греции и даже на Древнем Востоке. Нужно точнее определить характер земледельческой общины. Не подтверждено, что общинная собственность на землю была распространена повсюду (кроме некоторых областей, Германии, например). Едва ли можно также согласиться с тем, что развитие сальтусов прервало развитие городов: еще во времена тетрархии возникли, например, Флавия Констанс, Констанция, Константина и др.

И. Б и ж у н ь с к а - М а л о в и с т (Варшава) выразила свое согласие с тем

тезисом Е. М. Штаерман (ВДИ, 1953, № 2), что характер восстаний рабов периода конца республики коренным образом отличался от восстаний, имевших место в поздней империи, являвшихся уже выражением кризиса рабовладельческого общества. Очень важным является высказанный в докладе тезис о том, что новые производственные отношения развились из элементов, которые существовали в предшествующий рабовладельческому строю период. Этим можно объяснить экономический и идеологический регресс в период перехода от древности к средневековью.

И. Бижуньска, однако, высказывает несогласие с утверждением докладчицы о том, что одной из основных закономерностей античности было противоречие между ограниченными возможностями повышения производительности труда и все растущими потребностями свободной части общества. Основное противоречие рабовладельческого, а равно и феодального общества оратор видит в том, что возможности расширения производства ограничивались слабой покупательной способностью или полным отсутствием таковой у значительной части непосредственных производителей. В период, когда рабовладельческий способ производства достиг определенного уровня производительности труда, появилась необходимость расширения территории, в противном случае возникали экономические трудности (в Греции в конце классической эпохи, а также и в эпоху Римской империи). Малой покупательной способностью населения можно объяснить и упадок ремесленного производства, наступивший в экономически передовых областях в связи с развитием ремесла в новых районах.

И. Бижуньска полемизировала и с концепцией Л. Варцла, согласно которой кризис сенатской аристократии был уже проявлением кризиса рабовладельческого общества. Она отметила, что в работе «Poglądy nobilitas okresu Nerona» («Мировоззрение нобилитета при Нероне», Варшава, 1951) она стремилась показать, что малая активность сенатской аристократии в борьбе за сохранение своих позиций вытекала из того, что ее противником была муниципальная аристократия, и, значит, речь шла о борьбе между двумя группами господствующего класса.

Касаясь положений Л. Варцла о раннем христианстве, И. Бижуньска заметила, что он переоценивает объединяющую силу христианства и его универсализм.

На проблематике начала кризиса остановился П. Олива (Прага). Важнейшим симптомом кризиса, который можно проследить уже с конца II в. н. э., он считает прежде всего изменения в производственных отношениях: ослабление рабовладельческих отношений, развитие колоната, поселение «варваров» на территории империй и возникновение нового деления общества на *honestiores* и *humiliores*. Последующими признаками кризиса было быстрое обесценение серебряной монеты, обострение классово-войсковой борьбы, что проявилось особенно в увеличении числа «разбойников» и в мероприятиях государства против антиримского движения; неизбежное проявление кризиса было ускорено нападением соседних «варварских» племен, начало которого положили войны с маркоманнами.

Далее П. Олива обратился к изменениям в отношениях между господином и рабом, которые можно проследить по юридическим памятникам с конца II — начала III в.

Вместе с ослаблением рабовладельческих отношений развивается колонат и является стремление прикрепить колонов к земле. Именно с конца II — начала III в. нам известны первые жалобы колонов императорских владений на плохое обращение.

В заключение П. Олива подчеркнул, что по юридическим источникам можно проследить только общую тенденцию. Для детального изучения рабовладельческих отношений в отдельных провинциях потребуются подвергнуть анализу эпиграфический материал, как на это указал венгерский ученый А. Мочи в своей работе о рабовладельческих отношениях в Римской Паннонии.

Римскому законодательству, направленному на защиту рабов, посвятил свое выступление И. Чешка (Брно). Нас не могут удовлетворить работы, авторы которых издание этих законов пытаются объяснить просвещенностью римских императоров. Целью этих законов было не увеличение прав рабов, а укрепление рабовладельческого общества и обеспечение большей безопасности. Кроме того, существенным

стимулом для издания подобных законов было общественное мнение. В эпоху принципата, когда наряду с рабами в производстве было занято много свободных и когда все росло число рабов, рожденных в неволе, общественное мнение широких слоев свободных граждан стояло на стороне рабов, против слишком жестоких хозяев, как об этом свидетельствуют некоторые данные Сенеки и Тацита. Корни общественного мнения надо искать не только в воздействии сочинений римских моралистов и сатириков, но и в тогдашней действительности.

Л. В и д м а н (Прага) остановился на централизме и партикуляризме в Римской империи. Из переписки Плиния Младшего с императором Траяном видно, как упорно защищали греческие города в восточной части империи свои привилегии от посягательств императорской власти. В это время в города начинают назначать императорских кураторов и корректоров; правители провинций не имели полномочий для контроля над самоуправлением городов, хотя это было бы для центрального правления проще. Особенности местного самоуправления сохранились и после издания *Constitutio Antoniniana*, привилегии граждан некоторых греческих городов горячо защищались и в дальнейшем.

В эпоху домината греческий партикуляризм проявлялся уже не в политике, а в сфере идей, конкретно в христианстве. Сохраняются старые культы, наряду с греческим языком — языком богослужения — сохраняются сирийский, армянский и коптский языки, что ведет к образованию самостоятельных церквей, не зависимых ни от Рима, ни от Константинополя. Можно сказать, что партикуляризм греческих полисов действовал и после ликвидации самостоятельности Греции и противостоял римскому централизму.

Несколько выступающих обсуждали проблемы развития отдельных областей Римской империи в эпоху ее кризиса и упадка.

О политических и экономических признаках социального кризиса в Африке в I в. н. э. говорил Я. Б у р и а н (Прага). Уже в начальную эпоху империи земледелие в Африке развивалось на основе колоната, а не рабовладельческих отношений. В эпоху Траяна и Адриана в Африке проявлялись сильный недостаток рабочих рук в земледелии и связанное с ним запустение земли. С другой же стороны, «варварское» население, жившее по соседству с римскими провинциями — проконсульской Африкой и Нумидией, — страдало от недостатка земли, уже в начале принципата толкнуло эти племена на антиримские выступления. Замечательно, что на их сторону вставали и неимущие слои населения провинций. Уже в I в. н. э. в Африке проявляются признаки политического кризиса, который римские императоры стремились ликвидировать посредством суровых мер против местной аристократии, в особенности путем конфискации земли. Тогда же стало ясно, что армия, важнейшая опора императорской власти, может подняться против императора. Однако с помощью ряда мероприятий римлянам удалось преодолеть в Африке в I в. н. э. некоторые признаки экономического и особенно политического кризиса, а в III в. возникли уже серьезные факторы, приведшие к обострению классовой борьбы, к усилению антиримского движения и сепаратизму и способствовавшие распаду Римской империи.

Г. Г е р е м к о в а (Варшава) посвятила свое выступление проблемам общественно-экономического развития Египта в конце Римской империи. Классические рабовладельческие отношения не были основой сельского хозяйства, игравшего главенствующую роль в египетской экономике. Существовали различные формы общинного владения землей, что проявлялось в коллективной ответственности за выплату налогов и в обязанности коллективного поддержания оросительной системы. Основной формой производственных отношений в египетском сельском хозяйстве была аренда государственных земель непосредственными производителями. Именно потому, что в Египте мелкие крестьяне были заинтересованы в продуктивности своего труда, египетское сельское хозяйство находилось на высоком уровне развития. Однако в эпоху Римской империи в Египте растет число частных владений и идет процесс концентрации земли. С другой стороны, имеется ряд данных, свидетельствующих о постепенном ограничении свободы мелких держателей земли. В III в. и в Египте ясно проявляется глубокий

кризис. Наемники бегут с государственных земель. Частные владения подверглись кризису в значительно меньшей степени. Кризис государственных владений и развитие частных являются двумя сторонами процесса, создавшего основу для развития феодальных отношений в Египте.

А. М о ч и (Будапешт) подчеркнул, что при исследовании кризиса Римской империи нельзя ограничиваться изучением лишь литературных источников и юридических документов. Процесс реценции римского права в некоторых провинциях протекал постепенно, следовательно, упомянутые источники не могут а priori относиться ко всей территории империи. Особенности развития отдельных провинций проявились в процессе кризиса рабовладельческого общества. Степень развития рабовладельческих отношений нужно изучать на основе анализа сохранившихся памятников, прежде всего эпиграфических. А. Мочи обработал эпиграфический материал о рабах и вольноотпущенниках в Паннонии, то же самое для Дакии делает Л. Балл (Дебрецен, Венгрия). для Норика — Л. Видман (Прага). Таким же образом должен быть обработан материал и для других провинций. Для изучения экономики отдельных областей империи большое значение имеет археологический материал.

К положению в провинции Ахайе обратился в своем выступлении Т. З а в а д с к и й (Познань). Одним из значительных достижений советской дискуссии о кризисе и падении Римской империи нужно считать четкое установление нескольких типов земельной собственности, как то сделала Е. М. Штаерман. То, что она отделила землевладение муниципального типа от латифундиального, поможет избежать многих неясностей. По мнению У. Карштедта (*Das wirtschaftliche Gesicht Griechenlands in der Kaiserzeit*, Bern, 1954), в Греции в начале империи преобладало землевладение латифундиального типа. Это подтверждает предположение, что кризис проявился уже в начале принципата. Но при детальном изучении мы видим, что во многих случаях земля принадлежала представителям муниципальной аристократии, и, значит, нельзя говорить только о хозяйствах латифундиального типа. Выяснение изменений характера сельскохозяйственных хозяйств в отдельных провинциях является одной из задач при дальнейшем изучении вопроса.

О нижнедунайских провинциях в период кризиса империи говорил В. В е л к о в (София). В эпоху принципата романизация подверглась прежде всего городская аристократия северной Болгарии и Добруджи. В эпоху домината выросло значение диоцеза Фракии, лежавшей на границе обеих частей империи и вместе с тем на границе империи с нижнедунайскими «варварами».

Несмотря на развитие рабовладения и колоната, свободное сельскохозяйственное население не утратило здесь значения. Но положение земледельцев в эпоху домината и в ранневизантийский период было очень тяжелым, так что нередко они искали пропитания, нанимаясь на военную службу. Фракийские крестьяне часто использовали нападения «варварских» племен и внутреннюю борьбу за трон, поднимая восстания против своих угнетателей. В период непрерывающихся войн и набегов было уничтожено много фракийских деревень. Но, несмотря на это, часть свободного фракийского крестьянства сохранилась до прихода славян.

Отношения на «варварской» территории в период перехода от рабовладения к феодализму посетил свое выступление Б. С о б о д а (Прага). Регресс империи отразился и в археологическом материале соседних с Римской империей «варварских» областей. В районах, лежащих по Дунаю, обнаружены одиночные погребения, видимо, представителей аристократии. В этих погребениях найдена не только роскошная римская керамика (*terra sigillata*, *terra nigra*), но и керамика, изготовленная посредством новой техники по местным мотивам.

О проблеме кризиса в области идеологии говорила И. Н о в а к о в а (Оломоуц, Чехословакия). Она присоединилась к утверждению Л. Варцла, что отрицательные настроения так называемой сенатской оппозиции отразились в литературе, но вместе с этим она высказала несколько критических замечаний. По ее мнению, освобождение «Фарсалий» Лукана от мифологии обычно переоценивается. Это сочинение необходимо связать с другими литературными произведениями времени империи. В «Аргонавтиках»

Валерия Флакка еще появляются олимпийские боги, но они трактуются отрицательно; главным положительным героем становится Медея. В эпосе отражается протест против социального строя. В лирическом сборнике «Silvae», автором которого был Статий, боги стали только украшением. Свое завершение этот процесс нашел в сочинении поэта Клавдиана, где задачей богов является охранять императора и его семью. Развитие мифологической линии у поэтов эпохи империи протекало таким образом, что вначале боги упоминались как добрые существа, затем рисовались отрицательно и, наконец, опять как добрые, но уже в официальном смысле. В народных слоях с помощью распространяющегося христианства продолжается их демонизация.

Римской поэзии эпохи падения Западной Римской империи и возникновения варварских государств посвятил свое выступление К. С в о б д а (Прага). Уменьшается число поэтов и их произведений. Поэтические образы заменены риторикой и ученостью, проявляется бедность мысли и сухость чувств. Характерным для этой эпохи является недостаток новых поэтических форм, зато все внимание уделяется внешней, формальной стороне стиха (рифмам, тропам, внешнему виду). Сокращение числа поэтов К. Свобода объясняет экономическим и общественным разложением и прогрессирующей варваризацией. Упадок искусства связан с духовным упадком, которому способствовало ослабление морали. Забота же о внешней форме литературных произведений была следствием развития грамматики и риторики, нужных государству и церкви.

Несколько замечаний по идеологическим проблемам, связанным с вопросом о кризисе империи, сделал М. Б р о ж е к (Краков).

Некоторые проблемы в предложенных участникам конференции докладах за недостатком времени могли быть лишь намечены. Так, например, Л. Варцл, говоря о прогрессивности христианства, не отметил, что уже с самого начала новая религия провозглашала эсхатологическое решение вопроса и не стремилась улучшить удел людей на земле. Е. М. Штаерман хорошо использовала юридические и эпиграфические источники, однако литературные источники требуют надлежащих комментариев. Так, например, упоминания Плиния или Сенеки о рабах часто были вызваны лишь традицией стоиков или же касались конкретных отношений в доме или в имении автора, и едва ли их можно обобщать.

И. Г р у б ы й (Брно) остановился на императорской мистерии и ее проявлении в изобразительном искусстве. Искусственно воскрешенная в начале принципата религия старых римских богов осталась лишь мертвой декорацией. В народных слоях приобретали все большую популярность восточные эсхатологические культы, особенно митраизм и христианство. Эсхатологические тенденции с конца I — начала II в. проявлялись и в идеологических течениях среди представителей господствующих слоев, т. е. в стоицизме посидониева типа, в новопифагоризме и в позднем платонизме. Но вместе с этим выкристаллизовывалась идеология культа императора, императорская мистерия. Для римских императоров провозглашалось не только посмертное существование, но и существование в качестве богов. Свидетельства об императорской мистерии сохранились прежде всего в произведениях изобразительного искусства.

В заключение дискуссии выступили оба докладчика. Е. М. Штаерман отметила, что не сможет ответить на все поставленные выступающими вопросы. Что касается форм собственности на землю, о чем говорили И. Боржак и Т. Завадский, то нужно подчеркнуть, что всегда надлежит исследовать конкретные отношения. Критерием для определения различий между муниципальной и частной собственностью до некоторой степени может служить принадлежность владельца к городскому курии, а также характер хозяйства, основанного преимущественно на труде рабов или колонов. Проблеме общины и в дальнейшем нужно уделять внимание, в особенности же изучать конкретный материал из отдельных провинций. Критически докладчица отнеслась к утверждению М. Брожека, что в отношениях к рабам играла большую роль философская традиция. Очень важную проблему положения рабов нельзя изучать на основании абстрактных рассуждений. Идеология обязательно и всегда возникает на базе реальных условий и

общественных противоречий жизни. Е. М. Штаерман согласилась с точкой зрения о прогрессивной роли раннего христианства как идеологии трудящихся. Однако нужно иметь в виду, что в результате изменения состава христианских общин изменилась и идеология их руководителей, так что элементы прогрессивной идеологии сохранились главным образом в еретических сектах.

Л. Варцл констатировал, что по теме его содоклада выступило мало участников обсуждения. Он выразил свое согласие с выступлением И. Новаковой, кроме ее утверждения, что эпос Валерия Флакка является протестом против общественного строя. Он считает это утверждение спорным или даже неверным. Пассивная позиция христианства еще не служит доказательством его прогрессивности, как считает М. Брожек. О прогрессивности раннего христианства говорит объективная оценка его роли.

Дискуссия о кризисе и падении Римской империи показала, что решение этого важного вопроса развития древнего общества может быть достигнуто только на основе детального монографического исследования отдельных проблем при одновременном обмене опытом между исследователями. Но широкий круг тем, с другой стороны, ведет к определенной расплывчатости, так, некоторые из выступлений лишь косвенно относились к теме. Только посредством детального исследования как можно более широкого круга проблем, связанных с вопросом кризиса и падения империи, и взаимной критики опубликованных работ прогрессивная историография может добиться удовлетворительных результатов.

На конференции были прочитаны также доклады трех болгарских ученых. Л. О г н е н о в а рассказала об одной предположительно иллирийской надписи на кладбище в Комане, которую она интерпретирует как старохристианскую греческую надпись. Д. Д и м и т р о в познакомил участников конференции с интересными новыми раскопками во фракийском городе Севфополи. Т. И в а н о в сделал сообщение о вновь обнаруженной мозаике из Ульпия Эскус в Мезии, изображающей, согласно надписи, сцену из неизвестной комедии Менандра «Achaioi».

П. Олива

* * *

Третий пункт повестки дня совещания был посвящен вопросу о состоянии обучения классическим языкам и развитии науки об античности в отдельных странах. От СССР сообщение сделал профессор С. Л. У т ч е н к о. От ГДР с докладом выступил ректор университета им. Гумбольдта в Берлине профессор В. Х а р т к е. Сообщение о Польше сделал профессор Варшавского университета К. К у м а н е ц к и й, о Болгарии — профессор Софийского университета Д. Д и м и т р о в. С докладом о Венгрии выступил профессор Будапештского университета И. Б о р ж а к, о Румынии — профессор Бухарестского университета Д. М. П и п п и д и. С сообщением от Чехословакии выступил академик А. С а л а ч.

На заключительном расширенном заседании в Праге академик А. Салач подвел итоги совещания в Либлице. В результате работы совещания было решено образовать постоянный Международный комитет античников. Основные задачи этого комитета были определены следующим образом: забота об изучении античности в средней и высшей школе, а также в академиях наук, организация обмена опытом на этом поприще; издание международного научного журнала, отражающего все стороны античности и ее влияние на позднейшие эпохи; предоставление возможностей для научных командировок в страны античной культуры и организация обмена научными сотрудниками.

Председателем Комитета был избран академик А. Салач, секретарем — доцент Л. Варцл (Прага). От СССР в состав Международного комитета античников избраны проф. С. Л. Утченко и проф. Н. Ф. Дератани.

Обсуждение всех трех вопросов на конференции в Либлице показало полезность и необходимость организованного международного сотрудничества в нашей области знаний. Античное общество следует изучать как органическое целое, используя данные о всех сторонах его жизни. Для достижения этой цели, подчеркнул в своем заклю-

чительном слове в Праге проф. Дж. Томсон, необходимо как можно более широкое плановое сотрудничество ученых на основе марксистско-ленинского учения. «Если посмотреть с этой точки зрения на нашу конференцию, — сказал профессор Дж. Томсон, — то, бесспорно, она была успешной, так как ознаменовала собой существенный шаг вперед в организации такого коллективного сотрудничества в международном масштабе — между СССР и странами народной демократии прежде всего, но с перспективой сотрудничества с прогрессивными учеными Запада. Именно в этом направлении мы должны объединить наши усилия не только для развития науки, но и во имя мира во всем мире».

А. Шмидтова, Э. Свободова

НАУЧНЫЕ СЕССИИ КАФЕДР КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ МОСКОВСКОГО И ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТОВ

С 20 по 25 мая 1957 г. в Москве происходило расширенное заседание кафедры классической филологии с участием специалистов из вузов Москвы и периферии. Приняли участие в сессии 52 человека. На сессию приехали из Ленинграда зав. кафедрой проф. Казанский, проф. Тронский, доценты Доватур, Боровский и др., из Львова проф. Лурье, из Тбилиси проф. Берадзе, научные работники Казанского, Киевского, Харьковского, Черновицкого и Латвийского университетов, а также специалисты из педагогических вузов.

Сессия открылась вступительным докладом зав. московской кафедрой проф. Н. Ф. Дератани «Классическая филология в системе вузовской науки и организационные вопросы». Докладчик констатировал, что классическая филология все еще не заняла подобающее ей место в системе вузовской историко-филологической науки: недостаточное количество часов отводится на латинский язык и античную литературу на неклассических отделениях, где необходим и краткий курс по истории Греции и Рима. Докладчик указывал на необходимость преподавания греческого и латинского языков аспирантам разных специальностей, на трудность печатания работ по классической филологии, на необходимость специального журнала для этой науки.

Проф. И. М. Тронский (Ленинград) прочел доклад «Задачи советского языкознания в области классических языков». По мнению докладчика, работа по изучению классических языков в СССР должна развиваться в тесном контакте с общими задачами советского языкознания, поставленными Академией наук СССР; в частности, изучение синтаксиса греческого и латинского языков должно происходить на основе применения методов русской синтаксической школы (А. А. Потебни, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова); теперь сильно оживляется изучение греческого языка и его диалектов в связи с дешифровкой крито-микенского линейного письма «В». Доцент Кишиневского педагогического института Гринбаум в своем содокладе хорошо показал известное родство крито-микенских текстов с более поздними греческими диалектами. Проф. С. Я. Лурье (Львов) посвятил свой доклад склонению имен в греческом языке крито-микенских текстов. Проф. С. И. Радциг в докладе «Проблемы изучения истории греческой литературы» остановился главным образом на спорном вопросе об античном реализме, наличие которого он доказывает, несмотря на мифологические сюжеты эпоса и трагедии. Другой важной проблемой, по мнению проф. Радцига, является изучение восточного влияния в греческой литературе.

Проф. Н. Ф. Дератани поставил ряд задач изучения римской литературы: ее периодизацию, более углубленное исследование демократических жанров и писателей, закономерность развития жанров, вопрос о самобытности римской литературы, проблемы реализма и типизации, традиция и новаторство, фольклорные основы, художественные изобразительные средства, соотношение литературного языка и языка писате-

ля, вопросы теории и практики ораторского искусства и др. Проф. Б. В. К а з а н с к и й (Ленинград) в докладе «Об идейных задачах изучения античной литературы» обратил внимание на значение изучения античной литературы для литературоведения вообще. Остальные доклады (проф. С. Я. Лурье, доц. А. Н. Попова, доц. Я. М. Боровского) были посвящены методике преподавания классических языков, которые, как правильно подчеркивали проф. Лурье и доц. Боровский, должны преподаваться на сравнительно-лингвистической основе, с элементами историзма. В прениях выступили 25 человек.

В заключение конференции принята развернутые решения, касающиеся поднятия на более высокий уровень преподавания античной литературы и классических языков в университетах и педагогических институтах.

Вслед за московской сессией была проведена с 28 по 31 мая научная конференция по классической филологии в Ленинградском университете. Был заслушан и обсужден ряд докладов на различные темы по античной литературе и отчасти языкознанию. Проф. Б. В. К а з а н с к и й посвятил свой доклад современному положению гомеровского вопроса; он поставил проблему синтетического анализа «Илиады» и «Одиссеи» как цельных поэтических произведений, говорил о необходимости изучения поэтики Гомера. Проф. И. М. Т р о н с к и й дал анализ образований на $\phi\iota$ в языке гомеровского эпоса и показал, что многообразие падежных значений в образованиях на $\phi\iota$ — не признак искусственности эпического языка, а исконное явление, подтверждающееся данными крито-микенских надписей. Проф. С. Я. Л у р ь е прочел доклад о крито-микенском государстве по данным крито-микенских архивов. Доц. А. И. Д о в а т у р, анализируя взаимосвязь между исторической и синтетической частями «Афинской политики» Аристотеля, высказал предположение о построении других не дошедших до нас «Политий». Доц. Я. М. Б о р о в с к и й на примере некоторых философских терминов у Лукреция рассмотрел общий вопрос об изучении языка писателя. Доц. В. Г. Б о р у х о в с к и й в своем докладе предполагает, что комедия Аристофана «Облака» может быть истолкована как выпад против афинской аристократии, которая составляла кружок Сократа и увлекалась его доктриной. Асс. Б. Л. Г а л е р к и н а в докладе «Скифские новеллы Лукиана», исходя из факта столкновения скифов и сарматов с Римом в Северном Причерноморье во II в. н. э., а отсюда из переоценки отношения к варварам, доказывает, что во всех произведениях Лукиана, героями которых являются скифы, проводится идея дружбы между варварами и цивилизованной империей. Доц. В. Н. Я р х о доказывал, что структура ранних трагедий Эсхила может быть охарактеризована, по аналогии с современным ему изобразительным искусством, как композиция «фронтонного типа», которая проявляется в симметрично расположенных элементах трагедии. Кроме указанных, были заслушаны доклады асс. Н. А. Ч и с т я к о в о й «К вопросу об образах трагических героев в драмах Софокла», доц. Н. В. В у л и х «К вопросу о художественном своеобразии поэмы Овидия «Метаморфозы» и др.

Эти научные сессии, несомненно, послужат стимулом к развитию классической филологии в нашей стране.

Проф. Н. Ф. Дератани

ПАМЯТИ Н. Ф. ДЕРАТАНИ

Вся советская наука и прежде всего классическая филология понесли тяжелую утрату — 13 января 1958 г. после тяжелой болезни скончался заслуженный деятель науки РСФСР, доктор филологических наук, член КПСС, профессор Николай Федорович Дератани. Особенно тяжела эта утрата для Московского университета, где он начал и кончил свою научно-педагогическую деятельность, и для журнала «Вестник древней истории», членом редколлегии которого он состоял многие годы.

Н. Ф. Дератани прожил долгую и содержательную жизнь. Родился он в Москве 5 августа 1884 г. в семье служащего. В 1903 г. окончил с золотой медалью 7-ю московскую классическую гимназию, а в 1908 г. историко-филологический факультет Московского университета с дипломом I степени. Еще будучи студентом II курса, за свое сочинение «Риторические элементы в «Героидах» Овидия» он получил золотую медаль.

После окончания университета Н. Ф. Дератани был оставлен в нем для подготовки к профессорскому званию по кафедре классической филологии. Его учителями в Московском университете были видные ученые-филологи: акад. М. М. Покровский, чл.-корр. АН СССР С. И. Соболевский, проф. А. А. Грушка и др. В 1912 г., после сдачи магистерских экзаменов, Николай Федорович был утвержден приват-доцентом и начал чтение лекций по античной литературе и стихосложению.

В 1913 г. Министерством народного просвещения Николай Федорович был командирован в Германию для работы над магистерской диссертацией. Здесь он слушал лекции крупных немецких ученых-классиков Нордена, Лео, Вакернагеля и др. В начале первой мировой войны вернулся в Москву. В 1916 г. Николай Федорович опубликовал и защитил магистерскую диссертацию на латинском языке «О риторике в ранних произведениях Овидия». До 1921 г., вплоть до закрытия филологического факультета, он продолжал свою научную и педагогическую деятельность в стенах Московского университета. С этого времени по 1929 г. Н. Ф. Дератани был действительным членом Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), а с 1929 по 1937 г. работал в Государственной Академии искусствознания (ГАИС).

В течение всей своей жизни Н. Ф. Дератани много сил и внимания уделял педагогической работе. С 1932 по 1949 г. он работал в МГПИ им. В. И. Ленина, где читал лекции по античной литературе, вел занятия по древним языкам как со студентами, так и с аспирантами. Здесь он организовал кафедру классической филологии и классическое отделение, единственные в системе педагогических вузов СССР. Кроме того, в этом институте Н. Ф. Дератани продолжительное время был деканом факультета, заведующим кафедрой классической филологии и зам. директора по научной работе. Одновременно читал лекции и вел занятия с аспирантами в Институте красной профессуры, Театральном институте, Литературном институте, Академии общественных наук при ЦК КПСС и других московских вузах.

В 1949 г. Н. Ф. Дератани по конкурсу был избран заведующим кафедрой классической филологии МГУ, где работал до конца своей жизни. Он многое сделал для повышения уровня ее теоретической и учебно-педагогической работы, для подготовки полноценных советских специалистов-филологов. Большой популярностью среди студентов пользовались его лекции по истории римской литературы, истории латинского языка, спецкурсы по народной латыни, Плавту и Лукрецию, которые он читал на высоком научно-теоретическом уровне.

Проф. Н. Ф. Дератани был крупнейшим знатоком классических языков и античной литературы, главным образом истории римской литературы. Его перу принадлежат много ценных научных исследований в этой области; особенно его интересовали вопросы реторики и ее роль в ораторском искусстве и античной поэзии. Даже в студенческие годы он пишет работу на эту тему. Этому же вопросу посвящена магистерская диссертация и ряд статей: «Из области реторики Овидия», «К вопросу о взаимоотношении реторики и римской поэзии», «О происхождении „Больших декламаций“ Квинтилиана», «Речи в „Историях“ Тацита» и др. Эти работы опубликованы в русских и зарубежных журналах в 1912—1925 гг.

Одним из первых среди ученых старой школы Николай Федорович встал на позиции марксизма-ленинизма, которые он защищал в своих трудах, борясь против буржуазной идеологии и формализма. После Великой Октябрьской революции научный кругозор Н. Ф. Дератани расширился — его стали интересовать более общие проблемы античной литературы, закономерности ее развития, связанные с социально-экономической жизнью античного рабовладельческого общества. Среди наиболее значительных работ такого характера нужно указать на «Историю римской литературы» (М., 1954), «Античную литературу» (М., 1940), написанные под его редакцией и при его участии. Им написано много серьезных и содержательных статей по вопросам античной литературы как римской, так и греческой. Среди них заслуживают особого внимания следующие: «Образ тирана в трагедии Эсхила „Прометей Прикованный“» (1929), «Пушкин и античность» (1938), «Эсхил и греко-персидская война» (1945), «Борьба за свободу и патриотизм в поэме Лукана „О гражданской войне“» (1945), «Вергилий и Август» (1946), «Проблемы изучения Лукреция» и «К вопросу об исторической концепции в поэме Лукреция» (1950—1951), «Классическая филология в СССР за сорок лет» (1957). Н. Ф. Дератани занимался не только вопросами литературы, но также исследованиями в области древних языков (см. его статьи: «Проблема языка „производителей материальных благ“ в древнем Риме» (1952), «Научные проблемы в области классических языков» (1951) и др.).

Кроме того, им написаны многочисленные статьи для энциклопедий, введения к отдельным изданиям античных писателей (Сенека, Плавт, Вергилий, Марциал), рецензии на новые книги по античности.

Особое место в деятельности Н. Ф. Дератани занимала учебно-методическая и преподавательская работа, которую он постоянно совмещал с научно-исследовательской. В результате многолетних трудов им созданы пособия, без которых нельзя обойтись при изучении античных литератур. К их числу относится прежде всего «Хрестоматия по греческой и римской литературе», выдержавшая шесть изданий (последнее издание — 1958 г.), обзор античной литературы в «Книге о лучших книгах» (1940), программы

по античной литературе для педвузов и университетов, методические указания для заочников и др.

Много сил и внимания Николай Федорович уделял воспитанию научной смены — аспирантов, выросших под его руководством и в настоящее время успешно работающих в различных вузах и научных учреждениях страны. Его учениками являются доценты Н. А. Тимофеева, Г. А. Сонкина, Г. Б. Пузис, М. И. Новикова, М. Н. Чернявский и др. Он создал школу классиков, которые продолжают его работу в плане марксистско-ленинского анализа античного наследия.

Научный авторитет Н. Ф. Дератани получил заслуженное признание и за рубежом нашей страны. На Либлицкой конференции античников в апреле 1957 г. он был избран членом Международного комитета античников.

Николай Федорович был энергичным организатором научных сил. Он явился инициатором и организатором двух конференций филологов-классиков Советского Союза (1946 и 1957 гг.). Эти конференции вместе со статьей «В защиту забытой науки», опубликованной в «Литературной газете» (10 ноября 1955 года), сыграли видную роль в развитии советской классической филологии. Николай Федорович был одним из наиболее активных членов редакционной коллегии «Вестника древней истории», вплоть до последних дней своей жизни принимал горячее участие в работе журнала.

Н. Ф. Дератани представлял собой тип настоящего советского ученого-общественника, коммуниста, до конца преданного делу партии и своей Родине. Общественной работе он уделял не меньше сил и внимания, чем своей научно-педагогической деятельности. В течение многих лет был членом секции народного просвещения Моссовета, избирался не раз членом и председателем профбюро, членом партбюро в МГПИ и МГУ, принимал активное участие в выборах, был пропагандистом и агитатором. До последних дней своей жизни он неустанно работал над изучением марксистско-ленинской теории. Даже будучи уже тяжело больным, принимал участие в работе семинара по изучению политэкономии.

Все знавшие Николая Федоровича ценили в нем необычную скромность, добросовестное отношение к своим многочисленным обязанностям, высоко развитое чувство долга, чуткое отношение к окружающим, особенно к своим товарищам по работе и ученикам.

Вся жизнь Н. Ф. Дератани являет собой пример благородного служения науке и Родине, образец, достойный подражания для всех и в первую очередь для научной молодежи.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

SCRIPTORES
HISTORIAE AUGUSTAE

АВТОРЫ
ЖИЗНЕОПИСАНИЙ
АВГУСТОВ

П Р О Д О Л Ж Е Н И Е

SCRIPTORES HISTORIAE AUGUSTAE

Перевод С. П. Кондратьева
под ред. А. И. Доватура
Примечания С. П. Кондратьева

Х. Элий Спартиан

СЕВЕР

I. (1) После того, как был убит Дидий Юлиан, императорскую власть получил Север, который был родом из Африки. (2) Место его рождения — город Лептис; отец его назывался Гетой, предки были римскими всадниками раньше, чем право гражданства было дано всем; матерью его была Фульвия Пия, двоюродными дедами со стороны отца — консуляры Апер и Север, дедом со стороны матери — Мацер, дедом со стороны отца — Фульвий Пий. (3) Сам он родился в консульство Эруция Клара (вторичное) и Севера¹ за пять дней до апрельских ид. (4) В раннем детстве, когда он еще не приступил к изучению греческой и латинской литературы, в которых он впоследствии был особенно сведущ, он играл с мальчиками только в одну игру — в судьи: тут перед ним носили связки с топорами, он восседал, окруженный отрядом мальчиков, и творил суд. (5) На восемнадцатом году он публично выступил с речью. Впоследствии он прибыл в Рим для прохождения образования. Он попросил у божественного Марка разрешения носить широкую пурпурную полосу и получил его благодаря покровительству своего родственника Септимия Севера, который был уже дважды консуляром. (6) В день своего прибытия в Рим он застал человека, у которого он остановился, за чтением жизнеописания императора Адриана, что Север отметил как благоприятное знамение своих будущих успехов. (7) Он получил и другое знамение, предвещавшее ему императорскую власть: приглашенный к императорскому столу, он явился в греческом плаще, тогда как должен был прийти в тоге, и ему дали наместническую тогу, принадлежавшую самому императору. (8) В ту же ночь он видел во сне, что он сосет вымя волчицы, как Рем или Ромул. (9) Он сел на неправильно поставленное служителем императорское кресло, не зная, что этого делать нельзя. (10) Когда он спал в своем помещении, змея обвилась вокруг его головы; близкие его, проснувшись, подняли крик, и она уползла, не причинив ему вреда.

II. (1) Молодость его была полна безумств, а подчас — и преступлений. (2) Он был обвинен в прелюбодеянии и оправдан проконсулом Юлианом, преемником которого он был в проконсульстве, сотоварищем по консульству и опять-таки преемником по императорской власти. (3) В должности квестора он проявил старательность, должность военного трибуна он миновал. После квесторства он получил по жребью Бетику, а оттуда уехал в Африку, чтобы после смерти отца устроить свои домашние дела. (4) Пока он находился в Африке, вместо Бетики ему была назначена Сардиния, так как Бетику опустошали мавры. (5) Закончив свое квесторство в Сардинии, он получил назначение быть легатом при проконсуле Африки. (6) Когда он был там легатом, один

¹ 146 г. н. э.

лептинец, простой человек из одного с ним муниципия, обнял его, как старого товарища, в то время, как перед ним несли связки. Север наказал его розгами, причем глашатай объявил решение: «Не смей, простой человек, дерзко обнимать легата римского народа». (7) Этот случай повел к тому, что легаты, ходившие прежде пешком, стали ездить в повозках. (8) Тогда же, беспокоясь о своем будущем, он обратился к астрологу и под данным часом увидел великие дела; астролог сказал ему: (9) «Дай мне сведения о своем, а не о чужом рождении» — и, после того как Север поклялся, что это — его собственные данные, тот предсказал ему все, что впоследствии сбылось.

III. (1) Он удостоился должности народного трибуна по назначению императора Марка и, исполняя ее, обнаружил исключительную строгость и энергию. (2) Тогда же он женился на Марции, о которой он ничего не сказал в истории своей частной жизни. Впоследствии, став императором, он поставил ей статуи. (3) На тридцать втором году он был назначен в преторы императором Марком — не из числа одетых в белую тогу, а из толпы соискателей. (4) Посланный после этого в Испанию, он увидел во сне, во-первых, что ему сказано восстановить храм Августа в Тарраконе, который начал разрушаться; (5) затем, будто с вершины очень высокой горы он видит весь круг земель и Рим, причем все провинции играют на лире и флейте или поют. Он устроил игры в свое отсутствие. (6) Затем он был поставлен во главе четвертого скифского легиона, стоявшего близ Массилии. (7) После этого он поехал в Афины ради науки, святынь, сооружений и древностей. Но так как афиняне нанесли ему какие-то обиды, то он стал их врагом и, сделавшись императором, отомстил им, уменьшив их привилегии. (8) Затем он получил — в качестве легата — Лугдунскую провинцию. (9) Потеряв свою первую жену и пожелав взять вторую, он внимательно исследовал гороскоп невест, будучи сам очень опытным в астрологии. Узнав о том, что в Сирии есть некая девушка, в гороскопе которой значится, что она соединится с царем, он посватался к ней, то есть к Юлии, и благодаря содействию друзей получил ее; в скором времени он стал от нее отцом.

IV. (1) За свою строгость, внимательность и бескорыстие он был любим галлами больше, чем кто бы то ни было другой. (2) Затем он управлял с проконсульской властью Паннониями. После этого ему досталась по жребию проконсульская Сицилия. В Риме у него родился второй сын. (3) Он был обвинен в том, что во время своего пребывания в Сицилии он спрашивал предсказателей или халдеев, будет ли он императором. Однако префекты претория, которым было поручено слушать это дело, оправдали его, так как Коммод уже начал вызывать к себе ненависть; клеветник был распят на кресте. (4) Консульскую должность он в первый раз² исполнял вместе с Апулеем Руфином, причем Коммод наметил его из очень большого числа соискателей. После консульства он почти год оставался без должности; затем, по ходатайству Лета, он был поставлен во главе германского войска. (5) Отправляясь к германским войскам, он купил обширные сады; до тех пор у него был очень тесный дом в Риме и одна небольшая усадьба в Венетской области. (6) Как-то раз он лежал в этих садах на земле и скромно обедал со своими сыновьями. Когда его старший сын, которому было пять лет, стал слишком щедро наделять поданными фруктами других мальчиков, своих товарищей по играм, Север с упреком сказал ему: «Раздавай не так щедро, ведь у тебя нет царских богатств». В ответ на это пятилетний мальчик сказал: «Но они у меня будут». (7) Отправившись в Германию, Север так вел себя на этом посту, что еще более увеличил свою — уже и раньше большую — славу.

V. (1) До сих пор он командовал войском не как император. Когда же до германских легионов дошел слух о том, что Коммод убит, а правит Юлиан, вызывая к себе всеобщую ненависть, они в Карнунте в августовские иды провозгласили императором Севера, хотя он, несмотря на уговоры многих, отказывался. (2) Он дал воинам ... се-стердиев, сколько никогда не давал ни один государь. (3) Затем, упрочив за собой провинции, которые он оставлял в тылу, он направил свой путь в Рим. Повсюду, где он проходил, все подчинялись ему; иллирийские и галльские войска под давлением своих

² 189 г. н. э.

начальников присягнули ему. (4) Все принимали его как мстителя за Пертинакса. (5) В то же время сенат, по предложению Юлиана, объявил Септимию Севера врагом, а к его войску были от имени сената отправлены послы, чтобы приказать воинам покинуть Севера согласно предписанию сената. (6) Услыхав, что послы отправлены по единодушному решению сената, Север сначала испугался, но затем, подкупив послов, добился того, что они говорили перед войском в его пользу и перешли на его сторону. (7) Узнав об этом, Юлиан заставил сенат вынести постановление о разделе власти между ним и Севером. (8) Неизвестно, сделал ли он это искренне или с коварной целью, так как он уже раньше подослал нескольких лиц, известных тем, что они убивали вождей, — чтобы они умертвили Севера, подобно тому, как он еще раньше подослал убийц к Песценнию Нигру, который также, став против него, принял императорскую власть по почину сирийских войск. (9) Северу, однако, удалось спастись от рук тех, кого Юлиан послал для его убийства. Он отправил письмо преторианцам и дал им приказ либо покинуть, либо убить Юлиана, и они немедленно послушались его: (10) Юлиан был убит в Палатинском дворце, а Север приглашен в Рим. (11) Итак, Север — что никогда еще никому не удавалось — в одно мгновение ока оказался победителем и с оружием в руках направился в Рим.

VI. (1) После убийства Юлиана, пока Север продолжал оставаться в лагере, в палатках, как бы двигаясь по вражеской земле, сенат направил к нему сто сенаторов в качестве послов для передачи поздравлений и приглашения. (2) Они встретили его в Интерамне, и он принял их приветствия, вооруженный и окруженный вооруженными людьми; предварительно они подверглись обыску, — нет ли при них какого-нибудь оружия. (3) На следующий день, когда его встретила вся дворцовая челядь, он дал каждому послу по семьсотдвадцать золотых (4) и отправил их вперед, разрешив желающим остаться и вернуться в Рим вместе с ним. (5) Он также немедленно сделал префектом Флавия Ювенала, которого еще Юлиан взял себе в качестве третьего префекта. (6) Между тем в Риме как среди воинов, так и среди граждан царил великий страх, так как они видели, что Север с оружием в руках идет на них, которые признали его врагом. (7) К тому же Север узнал, что сирийские легионы провозгласили императором Песценния Нигра. (8) Эдикты и письма последнего народу и сенату он перехватил с помощью тех лиц, которые были посланы, — и тем предотвратил объявление их народу и чтение их в курии. (9) В то же время он думал о назначении себе преемником Клодия Альбина, относительно которого, как казалось, существовало постановление, наделявшее его цезарской [или коммодовой] властью. (10) Однако опасаясь этих самых людей — а он правильно судил о них, — он послал Гераклита завладеть обеими Британиями, а Плавдиана — захватить детей Нигра. (11) Прибыв в Рим, Север приказал преторианцам выйти к нему навстречу в одних подпанцырных одеждах, без оружия. В таком же виде он вызвал их к трибуне, окружив со всех сторон вооруженными людьми.

VII. (1) Вступив в Рим, он, сам вооруженный, поднялся с вооруженными воинами на Капитолий. Оттуда он в таком же виде двинулся дальше в Палатинский дворец, причем перед ним несли отнятые им у преторианцев значки, склоненные вниз, а не поднятые. (2) Затем воины разместились по всему городу — в храмах, в портиках, в здании Палатинского дворца, словно на своих квартирах. (3) Вступление Севера в Рим вызвало чувства ненависти и страха: воины грабили все, ни за что не платя, и грозили городу опустошением. (4) На следующий день он пришел в сенат, окруженный вооруженными людьми — не только воинами, но и друзьями. В курии он дал отчет о причинах, заставивших его принять императорскую власть, и жаловался на то, что Юлиан послал для его убийства людей, известных тем, что они умертвили других вождей. (5) Он принудил сенат вынести постановление, по которому императору запрещалось убивать сенатора, не испросив на то согласия сената. (6) В то время, как он находился в сенате, воины, подняв мятеж, потребовали от сената по десяти тысяч сестерциев на человека — по примеру тех, которые привели в Рим Октавиана Августа и получили такую сумму. (7) Север хотел обуздать их, но не мог этого сделать; успокоил он их щедрой раздачей и отпустил. (8) Затем он устроил торжественные похороны изоб-

ражения Пертинакса, причислив его к богам и дав ему фламины и товарищество жрецов — гельвианцев — тех, которые прежде были маркианцами. (9) Себя он приказал называть также Пертинаксом, но впоследствии пожелал отменить это имя как дурное знамение. Потом он заплатил долги своих друзей.

VIII. (1) Своих дочерей он выдал замуж с хорошим приданым за Проба и Аэция. Когда он предложил своему зятю Пробу должность префекта Рима, тот отказался, сказав, что, по его мнению, быть префектом Рима значит меньше, нежели быть зятем императора. (2) Обоих своих зятев он сразу же сделал консулами и обоих обогатил. (3) На следующий день он пришел в сенат и, выступив с обвинениями против друзей Юлиана, присудил их к конфискации имущества и к смерти. (4) Он разбирал множество судебных дел; судей, обвиненных провинциалами, он — в случае доказанности вины — жестоко наказывал. (5) Хлебные запасы, которые он застал в ничтожном количестве, он пополнил так, что, уходя из жизни, оставил римскому народу запас на семь лет. (6) Он отправился для укрепления положения на Востоке, пока еще ничего не говоря открыто о Нигре. (7) Однако же он послал легионы в Африку, чтобы Нигер — через Ливию и Египет — не занял Африку и не заставил римский народ страдать от недостатка хлеба. (8) Вместо Басса, он оставил префектом Рима Домиция Декстра и выступил через тридцать дней по прибытии в Рим. (9) Выйдя из города, он у Красных скал выдержал крупнейший мятеж войска, поднявшийся из-за места, выбранного для разбивки лагеря. (10) Навстречу ему поспешил его брат Гета, которому он дал приказ управлять порученной ему провинцией, хотя тот ожидал совсем другого. (11) Привезенных к нему детей Нигра он окружил таким же почетом, как и своих. (12) Предварительно он выслал легион для захвата Греции и Фракии, чтобы их не занял Песценний; но Нигер уже держал в своих руках Византий. (13) Желая занять и Перинф, Нигер погубил много народа в войске и поэтому — вместе с Эмилианом — был объявлен врагом. (14) Когда он стал приглашать Севера разделить с ним власть, Север с презрением отверг это предложение. (15) Он предложил Нигру безопасное изгнание, если тот этого захочет, но Эмилиана он не простил. (16) Побежденный полководцами Севера в Геллеспонте, Эмилиан бежал сначала в Кизик, а затем в другой город, где он и был убит по их приказу. (17) Теми же полководцами были рассеяны и войска Нигра.

IX. (1) Услыхав об этом, Север отправил сенату письмо, словно все дело было закончено. Затем он вступил в столкновение с Нигром, убил его в Кизике, а голову его приказал носить на копье. (2) После этого он отправил в ссылку — вместе с их матерью — детей Нигра, которых он раньше воспитывал так же, как и своих детей. (3) О своей победе он уведомил сенат письмом. Из сенаторов, которые стояли на стороне Нигра, он никого, за исключением одного человека, не казнил. (4) Он был разгневан на антиохийцев за то, что они издевались над ним, когда он был правителем на Востоке, и за то, что они помогали Нигру даже после того, как тот был побежден. Словом, он лишил их многого. (5) У жителей Неаполя в Палестине он отнял право считаться городом за то, что они долгое время с оружием в руках стояли за Нигра. (6) Он сурово наказал многих, последовавших за Нигром, — кроме лиц senatorского сословия. (7) Много городов, принадлежавших к той же партии, он подверг притеснениям и штрафам. (8) Он убил тех сенаторов, которые воевали на стороне Нигра в звании военных начальников или трибунов. (9) Затем он многое совершил в Аравии, привел к покорности и парфян, а также адиабенцев, которые все сочувствовали Песценнию. (10) За это ему по возвращении был назначен триумф и он получил прозвания — Аравийский, Адиабенский, Парфянский. (11) От триумфа он, однако, отказался, чтобы не показалось, что он справляет триумф по поводу победы в гражданской войне. Не принял он и имени «Парфянский», чтобы не вызвать раздражения у парфян.

X. (1) Возвращаясь в Рим после гражданской войны с Нигром, он получил сообщение о другой гражданской войне, начатой Клодием Альбином, который поднял восстание в Галлии. Поэтому впоследствии были убиты его дети вместе с матерью. (2) Он немедленно объявил врагом Альбина, а также и тех, кто слишком мягко писал Альбину или отвечал на его письма. (3) Когда он шел против Альбина, то по пути, в Виминации, он объявил своего старшего сына Бассиана Цезарем, добавив ему имя Аврелия Анто-

нина, — чтобы отнять у своего брата Геты появившуюся у того надежду на получение императорской власти. (4) Имя же Антонина он добавил своему сыну потому, что видел во сне, будто ему наследует Антонин. (5) Некоторые думают, что поэтому же и Гета был назван Антонином, чтобы и он унаследовал императорскую власть. (6) Иные думают, что он был назван Антонином потому, что сам Север хотел перейти в семью Марка. (7) Вначале полководцы Севера были побеждены полководцами Альбина. Тогда обеспокоенный Север обратился за советом к гадалкам и от паннонских авгуров узнал, что он будет победителем, а его противник не попадет в его руки, но не избегнет гибели и найдет свой конец у воды. (8) Многие из друзей Альбина, покинув его, немедленно перешли к Северу, многие начальники были взяты в плен — их Север наказал.

XI. (1) Затем, после многих военных действий с переменным успехом, Север сначала очень счастливо сразился с Альбином при Тинурции. (2) Тут он подвергся огромной опасности вследствие падения своего коня, и уже думали, что он умер, пораженный свинцовой пулей, так что войско чуть было не избрало другого императора. (3) В то же время, прочтя протоколы, содержавшие постановление о похвале Клодию Цельзину, который был родом из Гадрумета и родственником Альбина, Север, разгневавшись на сенат, словно сенат сделал это в угоду Альбину, решил причислить к богам Коммода, полагая, что таким образом он сможет отомстить сенату. (4) Сначала он провозгласил среди воинов Коммода божественным, написав об этом сенату и присоединив к этому обращение по поводу победы. (5) Затем он приказал разрезать и разбросать трупы сенаторов, павших на войне. (6) Затем, когда было принесено тело Альбина, он велел отрубить у полумертвого голову и отправить ее в Рим вместе с письмом. (7) Альбин был побежден за десять дней до мартовских календ. Оставшуюся часть его трупа Север велел положить перед его собственным домом, чтобы она долго там лежала. (8) Кроме того, сидя верхом на коне, он направил его на труп Альбина и, когда конь испугался, он так его подстегнул, что тот, хотя был без узды, стал смело топтать труп. (9) Некоторые добавляют, что Север велел бросить труп Альбина в Родан, а вместе с ним и трупы его жены и детей.

XII. (1) Было убито бесчисленное количество сторонников Альбина, среди них много первых лиц в Риме, много знатных женщин; имущество всех их было конфисковано и увеличило средства государственного казначейства. Одновременно было убито много видных испанцев и галлов. (2) Наконец, он выдал воинам столько жалования, сколько не выдавал ни один из государей. (3) Своим сыновьям он в результате этих конфискаций оставил такое состояние, какого не оставлял ни один из императоров, так как большую часть золота, имевшегося в Галлиях, Испаниях и Италии, он сделал императорской собственностью. (4) Тогда было впервые учреждено управление частным имуществом императора. (5) Многие, сохранившие верность Альбину после его смерти, были побеждены оружием Севера. (6) В то же время стало известно, что арабский легион перешел на сторону Альбина. (7) И вот, отомстив за отложение Альбина, убив множество людей, истребив и род Альбина, Север прибыл в Рим, гневаясь на народ и сенат. (8) В сенате и на сходке он произнес хвалебную речь Коммоду, назвал его богом, сказал, что Коммод не нравился только опозоренным людям, — и всем стало совершенно ясно, что он в состоянии бешенства. (9) После этого он распространился о своей мягкости, хотя был в высшей степени жесток и убил нижепоименованных сенаторов.

XIII. (1) Он убил без суда следующих знатных лиц: Муммия Секундина, Азеллия Клавдиана, (2) Клавдия Руфа, Виталия Виктора, Папия Фауста, Элия Цельза, Юлия Руфа, Лоллия Професса, Аврункулея Корнелиана, Антония Бальба, Постумия Севера, (3) Сергия Лустрала, Фабия Паулина, Нония Гракха, Мاستиция Фабиана, Касперия Агриппина, Цейония Альбина, Клавдия Сульпициана, (4) Меммия Руфина, Касперия Эмилиана, Кокцея Вера, Эруция Клара, Луция Стиллона, (5) Клодия Руфина, Эгнатулея Гонората, (6) Петрония Юниора, Песденниев — Феста, Верациана, Аврелиана, Материана, Юлиана и Альбина, Цереллиев — Макрина, Фаустиниана и Юлиана, (7) Геренния Непота, Сульпиция Кана, Валерия Кагуллина, Новия Руфа, Клавдия Арабиана, Марка Азеллиона. (8) И вот убийца стольких столь славных людей — ведь среди них было много консуляров и бывших преторов, а все они вообще занимали вид-

нейшее положение — считается у африканцев чуть ли не богом. (9) Цинция Севера — он оклеветал, будто тот покушался отравить его, и под этим предлогом казнил его.

XIV. (1) Он бросил львам Нарцисса, который задушил Коммода. Кроме того, он лишил жизни множество людей скромного общественного положения, не считая погибших в сражениях. (2) После этого, желая привлечь к себе людей, он переложил почтовую повинность с частных лиц на императорскую казну. (3) Затем он принудил сенат дать Цезарю Бассиану имя Антонина с назначением ему императорских знаков отличия. (4) Тут возник слух о войне с парфянами. Отцу, матери, деду и первой жене он — по собственному почину — поставил статуи. (5) Узнав ближе образ жизни Плавциана, который был его лучшим другом, он до такой степени возненавидел его, что объявил его общественным врагом. Удалил на протяжении всего земного круга его статуи, он нанес Плавциану тяжелую обиду, разгневавшись на него главным образом за то, что среди изображений близких и родственных Северу лиц он поместил и свою статую. (6) Жителей Палестины он освободил от наказания, которое они заслужили в связи с делом Нигра. (7) Потом он опять помирился с Плавцианом, вместе с ним вступил в Рим и — словно получивший оvation — поднялся на Капитолий; впрочем, впоследствии он его убил. (8) Своему младшему сыну Гете он дал мужскую тогу, а старшего сочетал браком с дочерью Плавциана. (9) Те, кто называл Плавциана общественным врагом, были сосланы. Так всегда, как бы по естественному закону, происходит изменение во всем. (10) Затем он наметил в консулы своих сыновей. Своего брата Гету он возвысил. (11) После этого он отправился на войну с парфянами, предварительно устроив гладиаторский бой и произведя раздачу народу. (12) Тем временем он убил многих по действительным или мнимым их винам. (13) Многие были осуждены за то, что подшучивали, другие за то, что молчали, иные за то, что не раз выражались иносказательно, например: «Вот император, действительно оправдывающий свое имя — действительно Пертинакс, действительно Север».

XV. (1) Народная молва утверждала, что Септимий Север стремится к борьбе с парфянами, побуждаемый страстью к славе, а не какой-нибудь необходимостью. (2) Переправив войско из Брундизия, он, нигде не останавливаясь, пришел в Сирию и отогнал парфян. (3) Но затем он опять вернулся в Сирию, чтобы подготовиться и начать войну с парфянами. (4) Тем временем он, по совету Плавциана, преследовал остатки партии Песценния, так что казнил даже некоторых своих друзей под тем предлогом, что они злоумышляют против него с целью лишить его жизни. (5) Кроме того, он погубил многих за то, что они будто бы обращались к халдеям и прорицателям с вопросами относительно его жизни и здоровья; особенно подозрительно относился он ко всякому, кто был способен стать императором, — ввиду того, что его собственные дети были еще малолетними; к тому же он либо верил, либо слышал, что об этом действительно говорят те, кто гадают о своей власти. (6) Однако после убийства некоторых лиц Север пытался оправдываться: после их смерти он утверждал, что не давал приказа сделать то, что было сделано, — Марий Максим рассказывает это главным образом по поводу смерти Лета. (7) Когда к Северу приехала его сестра, уроженка Лептиса, с трудом говорившая по-латыни, и императору пришлось много краснеть за нее, он, даровав ее сыну тогу с широкой пурпурной полосой, а ее самое щедро наделив подарками, приказал женщине вернуться на родину, — притом вместе с сыном, который вскоре умер.

XVI. (1) Таким образом, уже на исходе лета Север вторгся в Парфию и, заставив царя отступить, дошел до Ктезифонта и взял его, почти уже зимой: в этих местностях лучше вести войну зимой, так как воины питаются корнями растений и причиняют себе этим разные болезни и недомогания. (2) Поэтому, хотя он и не мог идти дальше, так как парфяне оказывали сопротивление, а воины — вследствие непривычной пищи страдали поносом, — он все же проявил настойчивость, взял город, обратил в бегство царя, перебил множество врагов и удостоился прозвания «Парфянского». (3) За это и сына его — Бассиана Антонина, уже раньше объявленного Цезарем, которому шел тринадцатый год, воины провозгласили соучастником в управлении империей. (4) Младшего его сына Гету они провозгласили Цезарем, а также Антонином, как об этом пе-

редают многие. (5) По случаю этих провозглашений Север сделал воинам очень щедрый денежный подарок, предоставив им, согласно их просьбе, всю добычу от парфянского города. (6) Оттуда он вернулся в Сирию победителем и со званием «Парфянского». От предложенного ему сенаторами триумфа он отказался, так как не мог стоять в колеснице вследствие болезни суставов. (7) Сыну он разрешил отпраздновать триумф: сенат назначил ему триумф за победу над Иудеей, так как и в Сирии Север действовал с успехом. (8) Затем, перейдя в Антиохию, он наметил в консулы вместе с собою своего старшего сына, которому он дал мужскую тогу и немедленно же, в Сирии, они вступили в должность консулов³. (9) После этого, раздав воинам повышенное жалование, он направился в Александрию.

XVII. (1) Во время этого похода он утвердил много прав за жителями Палестины. Под страхом тяжелого наказания он запретил обращение в иудейство; то же он установил и относительно христиан. (2) Затем он дал александрийцам право иметь свой совет; до тех пор они жили без общественного совета, как и раньше при царях, — довольствуясь одним судьей, которого дал им Цезарь. (3) Кроме того, он внес много изменений в их права. (4) Впоследствии сам Север всегда говорил, что это путешествие было для него приятным — и благодаря поклонению богу Серапису, и благодаря ознакомлению с древностями, и благодаря необычности животного мира и природы этих мест; действительно, он тщательно осмотрел и Мемфис, и статую Мемнона, и пирамиды, и лабиринт. (5) Так как было бы долго перечислять все мелочи, я упомяну о самом великодушном его поступке: после поражения и убийства Юлиана он распустил преторианские когорты, против воли воинов причислил Пертинакса к богам, приказал отменить постановления Сальвия Юлиана, — но последнего он не добился. (6) Наконец, прозвище «Пертинакс» он получил, по-видимому, не столько по своему желанию, сколько из-за бережливого образа жизни. (7) Из-за бесконечного ряда убийств его считали крайне жестоким; когда кто-то из его врагов умолял его о пощаде и сказал: «Что бы ты делал, будь ты на моем месте?», — Север не смягчился от этих разумных слов и велел умертвить его. (8) Кроме того, он очень рьяно уничтожал враждебные ему группировки и почти из всякого столкновения выходил победителем.

XVIII. (1) Он покорила персидского царя Абгара, принял под свою власть арабов, заставил адиабенцев платить дань. (2) Величайшей славой его правления является то, что он укрепил Британию, перегородив ее — поперек всего острова — стеной, доходившей с обеих сторон до Океана. За это он получил прозвание «Британского». (3) Триполитании, откуда он сам был родом, он доставил полную безопасность, разбив весьма воинственные соседние племена, и тем самым обеспечил римскому народу на вечные времена ежедневную обильнейшую даровую раздачу масла. (4) Север отличался не только неумолимостью по отношению к преступлениям, но и особенным умением выдвигать способных людей. (5) Достаточно много времени он отдавал занятиям философией и ораторским искусством и отличался необыкновенным рвением к наукам. (6) Повсюду он был врагом разбойников. Он сам составил добросовестное описание своей частной жизни и общественной деятельности, приводя оправдание только для одного своего порока — жестокости. (7) Сенат судил о нем так: ему не следовало бы либо родиться, либо умирать, так как, с одной стороны, он казался чрезвычайно жестоким, а с другой — чрезвычайно полезным для государства. (8) Однако у себя дома он был менее осмотрительным и удержал при себе свою жену Юлию, прославившуюся своими любовными похождениями и виновную в участии в заговоре. (9) Когда из-за того, что он, страдая болезнью ног, вяло вел войну, воины почувствовали беспокойство и провозгласили Августом его сына Бассиана, который находился при нем, Север велел поднять себя на трибуну, а затем явиться туда всем трибунам, центурионам, военным начальникам и когортам, по почину которых это произошло, и, наконец, стать рядом с собой сыну, принявшему звание Августа. (10) Всех виновников случившегося, кроме своего сына, он приказал наказать, и когда все, пав на землю перед трибуной, просили его о прощении, он, касаясь рукой головы, сказал: (11) «Наконец-то вы понимаете.

³ 202 г. н. э.

что управляет голова, а не ноги». Ему же принадлежит изречение по поводу того, что его, человека незнатного рода, судьба — благодаря его образованию и военным заслугам — привела, по многим ступеням, к императорской власти: «Я был всем, и все это ни к чему».

XIX. (1) Он умер в Эбораке в Британии, покорив племена, которые казались враждебными Британии. — на восемнадцатом году своего правления, от тяжелой болезни, уже стариком. (2) Он оставил своих сыновей, Антонина Бассиана и Гету, которому он в честь Марка присвоил также имя Антонина. (3) Север был похоронен в гробнице Марка Аврелия, которого он так почитал, выделяя его из прочих императоров, что и Коммода признал божественным и считал необходимым добавлять всем императорам имя Антонина, подобно тому, как добавляется имя Августа. (4) Самого его сенат, побуждаемый к тому его детьми, которые устроили ему великолепнейшие похороны, причислил к богам. (5) Из общественных его сооружений главнейшими являются Септизоний и Северовы термы, а также его двери в Затибрском районе у ворот, носящих его имя, устарелую форму которых общественный вкус сразу же не одобрил. (6) После его смерти все высоко оценивали его — главным образом потому, что государство в течение долгого времени не видело ничего хорошего ни от его сыновей, ни после, когда многие устремились к власти и Римское государство стало добычей для грабителей. (7) Он носил очень скромную одежду; даже туника его была слегка окрашена пурпуром, а плечи он покрывал грубошерстной хламидой. (8) Он был очень умерен в еде, жаден до овощей своей родины, иногда проявлял страсть к вину, часто воздерживался от мяса. (9) Он был красив, огромного роста, носил длинную бороду, на голове имел седые курчавые волосы, лицо его внушало уважение, голос он имел звучный, но до самой старости говорил с каким-то африканским акцентом. (10) После его смерти его очень любили, потому что исчезли ненависть к нему и страх перед его жестокостью.

XX. (1) У Элия Мавра, вольноотпущенника Флегонта Адриана, я, помнится, читал о том, что Септимий Север, умирая, неумеренно радовался тому, что он оставляет государству двух Антонинов с равной властью — по примеру Пия, который оставил государству двух усыновленных им сыновей. Вера и Марка Антонина, (2) — но с тем преимуществом, что Пий дал в правители государству усыновленных, а он, Север, родных сыновей, а именно: Антонина Бассиана, родившегося от первого брака, и Гету, которого он имел от Юлии. (3) Однако он сильно ошибся в своих надеждах: одного отняло у государства братоубийство, а другого — его собственные нравы, и это святое имя ни в одном из них не сохранилось на долгое время. (4) Когда я подумаю о прошлом, Диоклетиан Август, мне становится совершенно ясным, что почти никто из великих мужей не оставил после себя ни одного прекрасного и полезного для государства сына. (5) В сущности, эти мужи либо умирали бездетными, либо — в большинстве случаев — имели таких детей, что для человечества было бы лучше, если бы они умерли без потомства.

XXI. (1) Начнем с Ромула — он совсем не оставил детей, не оставил и Нума Помпилий, — а это могло бы быть полезным для государства. Что сказать о Камилле? Разве он имел детей, подобных ему? Что сказать о Сципионе, о Катонах, которые были столь великими? (2) А что мне говорить о Гомере, Демосфене, Вергилии, Криспе и Теренции, о Плавте и прочих? Что — о Цезаре? Что — о Туллии, единственном, для которого было бы лучше не иметь детей? (3) Что — об Августе, который не имел даже хорошего усыновленного сына, хотя у него была возможность выбрать из числа всех граждан? Даже сам Траян ошибся в своем соотечественнике и племяннике, выбрав его своим преемником. (4) Но оставим в стороне усыновленных, чтобы нас не опровергали Антонины, Пий и Марк — эти божества государства; перейдем к родным сыновьям. (5) Что могло быть счастливее Марка, если бы он не оставил наследником Коммода? (6) Что — счастливее Септимия Севера, если бы он не имел сына — Бассиана, который тотчас же ложно обвинил брата в кознях против него и — на основании этой братоубийственной выдумки — лишил его жизни; который свою мачеху — (7), да что я говорю, — мачеху, конечно, мать, на груди которой он убил ее сына Гету, — взял себе в жены; (8) который убил Папиниана, убежище права и сокровищницу правовой науки, — за то, что

тот не хотел оправдать братоубийство. Притом Папиниан был даже префектом, так что у человека, великого своими личными качествами и знаниями, было вдобавок и высокое положение. (9) Наконец, оставляя в стороне все прочее, я считаю нравы Бассиана причиной того, что Север, — человек, во всех случаях проявлявший суровость, даже более того — жестокость, стал считаться праведным и достойным алтарей, как боги. (10) Говорят, что Север, тяжело больной, послал своему старшему сыну замечательную речь из Саллюстия, в которой Миципса убеждает своих сыновей жить в мире. Но тщетно. И ... человека только здоровьем. (11) В сущности, Антонин долго был ненавистен народу, и это чтимое имя стало менее любимым, хотя и он роздал народу одежды, из-за которых он был прозван Каракаллом, и построил великолепные термы. (12) В Риме существует портик Севера, где изображены деяния последнего, — выстроенный, как передает большинство, его сыном.

XXII. (1) Предзнаменования его смерти были следующие. Сам он видел во сне, что его похитили на небо четыре орла, запряженные в колесницу, украшенную драгоценными камнями, причем впереди летела какая-то огромная человеческая фигура. Во время похищения он успел посчитать до восьмидесяти девяти — сверх этого числа лет он не прожил ни одного года, ведь и к власти он пришел стариком. (2) Когда же его поставили на огромный воздушный круг, он долго стоял там один, покинутый; он начал бояться, что упадет вниз, но увидел, что его зовет Юпитер, который и поместил его между Антонинами. (3) В день цирковых игр, когда, по обычаю, были поставлены три гипсовые статуи Победы с пальмовыми ветвями, — средняя, державшая шар, на котором было написано его имя, была свесена с возвышения порывом ветра и упала стоймя на землю; та, на которой было написано имя Геты, рухнула и совсем разбилась; та же, которая имела на себе надпись с именем Бассиана, едва устояла, потеряв в вихре ветра свою пальмовую ветвь. (4) В Британии, возвращаясь после осмотра стены вала, он — после победы и заключения вечного мира — подъезжал к ближайшей остановке и задумался о том, какое знамение он встретит; какой-то эфиоп, принадлежавший к одному воинскому подразделению, пользовавшийся громкой славой среди шутников и чьи шутки всегда имели успех, вышел навстречу ему, надев венок из кипариса. (5) Когда Север, пораженный знаменем, которое заключалось как в цвете его тела, так и в венке, в гневе приказал убрать его с глаз долой, этот воин, говорят, сказал ему в виде шутки: «Ты все поверг, ты все победил; будь же теперь богом, победитель». (6) Когда, возвращаясь в город, Север пожелал совершить жертвоприношение, то, по ошибке деревенского гарусника, его прежде всего привели к храму Беллоны, а затем сюда были приведены черные жертвенные животные. (7) Когда он, отвергнув их, стал удаляться по направлению к двору, то, по недосмотру служителей, черные жертвенные животные последовали за императором до самого порога дворцового здания.

XXIII. (1) В очень многих городах находятся замечательные его сооружения, но великим проявлением его порядочности было то, что он восстановил в Риме все общественные здания, которые стали разрушаться от времени, — почти нигде не выставляя своего имени, сохраняя повсюду надписи их создателей. (2) Умирая, он оставил запас хлеба на семь лет, так что ежедневно можно было расходовать по семидесяти пяти тысяч модиев; масла же он оставил столько, что в течение пятилетия его хватило на нужды не только Рима, но и всей Италии, в которой масла недостаточно. (3) Говорят, последние слова его были следующие: «Я принял государство, со всех сторон раздираемое восстаниями, а оставляю умиротворенным даже в Британии. Старый, с большими ногами, я оставляю моим Антонинам крепкую власть, если они сами окажутся хорошими, но бессильную, если они будут дурными». (4) Затем он велел дать трибуну пароль: «Будем трудиться», тогда как Пертинакс, призванный к власти, дал пароль: «Будем воинами». (5) Затем он решил сделать второй экземпляр статуи царственной Фортуны, которая обычно сопровождала государей и ставилась у них в спальнях, чтобы оставить это священнейшее изображение каждому из своих сыновей; (6) однако, увидя, что час его смерти очень быстро приближается, он, говорят, приказал поставить статую Фортуны поочередно, через день в спальни его сыновей — императоров. (7) Это приказание Бассиан отменил еще раньше, чем совершил братоубийство.

XXIV. (1) Тело Севера было перевезено из Британии в Рим, и провинциалы оказывали ему на пути великие почести; (2) впрочем, некоторые говорят, что в Рим была привезена только небольшая урна, содержащая останки Севера, и что она была помещена в гробнице Антонинов, так как Септимий был сожжен там, где он скончался. (3) Когда он строил Септизоний, он думал только о том, чтобы его сооружение бросалось в глаза тем, кто прибывает из Африки. (4) Если бы — в его отсутствие — префект Рима не поместил в середине его изображение, — он, как говорят, хотел сделать с этой стороны вход в здание Палатинского дворца, то есть в царский атриум. (5) Когда впоследствии Александр пожелал сделать это, то встретил сопротивление со стороны гаруспиков, так как, вопреки об этом, он не получил благоприятного ответа.

XI. Элий Спартиан

ПЕСЦЕННИЙ НИГЕР

I. (1) Редко и неохотно описываются в благоприятном свете деяния тех, кого победа их противников сделала тиранами. Поэтому далеко не все сведения о них имеются полностью в письменных памятниках и анналах. (2) Ведь прежде всего писатели искажают те важные деяния, которые делают им честь; затем — о некоторых умалчивают; наконец, никто не станет требовать большой тщательности в исследовании их происхождения и жизненного пути, так как считается достаточным рассказать об их смелости, о войне, в которой они были побеждены, и о понесенной ими каре. (3) Итак, Песценний Нигер, по словам одних, происходил от родителей, не занимавших высокого положения, а по словам других — от знатных родителей. Отцом его был Анний Фуск, матерью — Лампридия, дедом — попечитель Аквина; такова была семья, из которой он происходил, но и это теперь подвергается сомнению. (4) Образование он получил посредственное, отличался свирепым нравом, несметными богатствами, был бережлив в домашнем быту, необузданно предавался всяким страстям. (5) В течение долгого времени он был центурионом и — через ряд командных постов — дошел до того, что, по приказанию Коммода, был поставлен во главе сирийских войск, главным образом — по ходатайству того атлета, который впоследствии задушил Коммода, — так тогда делалось.

II. (1) Узнав, что Коммод убит, что Юлиан провозглашен императором и тоже убит по приказу Севера и сената, что Альбин в Галлии также принял звание императора, Песценний позволил сирийским войскам, которыми он командовал, провозгласить императором и себя. — скорее из ненависти к Юлиану, нежели из желания соперничать с Севером. (2) Вследствие отвращения к Юлиану еще с первых дней его правления в Риме проявлялось, по крайней мере со стороны сенаторов, которые ненавидели и Севера, такое расположение к Нигру, что среди побиваний камнями и всеобщих проклятий высказывались пожелания счастья, и народ кричал: «Да сохранят, боги его государем, да сохранят его Августом!». (3) Простые граждане ненавидели Юлиана за то, что убили Пертинакса и провозгласили Юлиана войны вопреки желанию народа. В сущности, из-за этого произошли крупнейшие распри. (4) Юлиан послал старшего центуриона, чтобы убить Нигра; это было неумно — подсылать убийцу к тому, в чьих руках было войско и кто мог охранять себя, как будто любой император может быть убит старшим центурионом. (5) Столь же безумно было и то, что Северу, который был уже императором, Юлиан послал преемника. (6) Наконец, он послал еще центуриона Аквиллия, известного убийством вождей, как будто столь великий император может быть убит центурионом. (7) Таким же безрассудством было и то, что он, как говорят, возбудил против Севера судебное дело по поводу императорской власти — на основании интердикта¹, чтобы казалось, что он по праву стал государем раньше Севера.

¹ Имеется в виду «интердикт» как особый административный акт претора, направленный к защите фактического владельца собственности от посягательств на нее со стороны других лиц. Безрассудство Юлиана состояло в том, что он рассчитывал в споре за власть опереться на акт, имевший силу только в области частных правовых отношений.

III. (1) Мнение народа о Песценнии Нигре ясно обнаружилось при следующем случае. Юлиан давал в Риме цирковые игры, и сидения в большом цирке оказались заняты как попало. Народ был чрезвычайно раздражен этой огромной обидой, все единодушно стали кричать, что надо вызвать Песценния Нигра для охраны города — из ненависти, как мы сказали выше, к Юлиану и из любви к убитому Пертинаксу. (2) При этом Юлиан, говорят, сказал, что ни ему, ни Песценнию не придется быть долго императором, что это суждено Северу, которого скорее должны были бы ненавидеть и сенаторы, и воины, и провинциалы, и прочие граждане. Все это впоследствии подтвердилось. (3) В то время как Север управлял Лугдунской провинцией, Песценний был с ним в самых дружеских отношениях; (4) ведь Нигер был послан для поимки дезертиров, которых тогда было очень много в Галлиях, где они производили грабежи. (5) Прекрасным выполнением этого поручения он доставил большое удовольствие Северу, так что Септимий сообщал Коммоду о нем, как о человеке, необходимом для государства. И действительно, в военных делах он проявлял большую энергию. (6) Никогда воин, находившийся под его начальством, не вымогал у провинциала ни дров, ни масла и не требовал услуг. (7) В бытность военным трибуном сам он ничего не брал для себя у воинов и не позволял что-либо у них брать. (8) Будучи уже императором, он приказал отрядам вспомогательных войск побить камнями двух трибунов, которые, как было установлено, получили взятку. (9) Имеется письмо Севера, в котором он пишет Рагонию Цельзу, управлявшему Галлиями: «Достоин сожаления, что мы не можем подражать в военной дисциплине тому, кого мы победили на войне: (10) твои воины бродяжничают, трибуны среди дня моются, вместо столовых у них — трактиры, вместо спален — блудилища; пляшут, пьют, поют, мерой для пиров они называют пить без меры. (11) Могло ли бы это быть, если бы в нас билась хоть одна жилка дисциплины наших предков? Итак, исправь прежде трибунов, а потом уже и воинов. Пока он будет тебя бояться, ты будешь держать его в руках. (12) Но узнай, хотя бы на примере Нигра, что воин не может чувствовать страх, если военные трибуны и начальники сами не будут неподкупными».

IV. (1) Вот что писал о Песценнии Север Август. О нем же, когда он был еще простым воином, Марк Антонин — Корнелию Бальбу: «Ты хвалишь мне Песценния, я с этим согласен; ведь и твой предшественник говорил, что Песценний деятельен, ведет строгий образ жизни и уже тогда был выше, чем обыкновенный воин. (2) Поэтому я отправил письмо, которое должно быть прочитано перед строем; в нем я отдал приказ поставить Песценния во главе трехсот армян, ста сарматов и тысячи наших бойцов. (3) Твое дело объяснить, что этот человек непроисками, — что не соответствует нашим нравам, — но доблестью дошел до такого положения, которое дед мой Адриан и прадед Траян предоставляли только самым испытанным людям». (4) О нем же — Коммод: «Я знаю Песценния как храброго человека; я дал ему уже два трибунства и скоро назначу военным начальником, когда Элий Кордуен по старости лет откажется от службы». Таково было общее мнение о нем. (5) И сам Север часто говорил, что он простит Песценния, если только тот не будет упорствовать. (6) Наконец, Коммод объявил Песценния консулом и поставил его над Севером; последний был раздражен этим, так как, по его словам, Нигер удостоился консульства вследствие рекомендации старших центурионов. (7) В своем жизнеописании Север говорит, что во время своей болезни он имел намерение, если бы с ним случилось что-либо до достижения его сыновьями того возраста, когда они будут способны стать императорами, — передать власть Нигру Песценнию и Клодию Альбину, которые впоследствии оба оказались самыми грозными врагами Севера. (8) Отсюда ясно, какого мнения был и Север о Песценнии.

V. (1) Если верить Северу, Нигер жаждал славы, был двуличен в жизни, отличался постыдными нравами и уже в пожилом возрасте покушался захватить императорскую власть (поэтому он и обвиняет его в служении страстям), как будто сам Север пришел к власти в более молодом возрасте: он преуменьшает свои годы — ведь он пробыв императором восемнадцать лет и умер на восемьдесят девятом году жизни. (2) Север послал Гераклита для занятия Вифинии, а Фульвия — для захвата взрослых сыновей Нигра. (3) Однако в сенате Север ничего не сказал о Нигре, хотя он уже слышал о провозгла-

шении его императором и хотя сам он отправлялся только для того, чтобы привести в порядок дела на Востоке. (4) Отправляясь, он принял меры к посылке легионов в Африку, чтобы Песценний не занял ее и не морил голодом римский народ. (5) Он, казалось, мог это сделать через соседние с Африкой Ливию и Египет, хотя и по трудному сухопутному и морскому пути. (6) В то время как Север шел на Восток, Песценний уже владел Грецией, Фракией и Македонией, лишив жизни многих славных людей, и приглашал Севера разделить с ним власть. (7) Из-за тех, кого он убил, Север объявил его, а вместе с ним и Эмилиана, врагами. Затем его войска под начальством Эмилиана были побеждены полководцами Севера. (8) Хотя Север предлагал ему безопасное изгнание, если он сложит оружие, он, продолжая упорствовать, сразился вторично, был побежден и под Кизиком, во время бегства, ранен у болота; в таком состоянии он был доставлен к Северу и тотчас же умер.

VI. (1) Голова его, которую носили на копье, была послана в Рим, сыновья убиты, жена умерщвлена, имущество конфисковано, весь род истреблен. (2) Все это, однако, совершилось после того, как стало известно о восстании Альбина, первоначально же Север отправил в изгнание и сыновей Нигра и их мать. (3) Но он ожесточился от второй, вернее — уже от третьей гражданской войны и стал много суровее. (4) Тогда же Север и казнил неисчислимое количество сенаторов и получил от одних прозвание пунического Суллы, а от других — Мария. (5) Песценний отличался полнотой, обладал красивой наружностью, волосы изящно зачесывал назад. Голос у него был хриплый, но громкий настолько, что, когда он говорил на поле, его можно было слышать за милью, если этому не мешал ветер. Лицо у него было внушавшее уважение и всегда багровое, шея — до того черная, что, по словам очень многих, из-за этого он и получил прозвание «Нигер». (6) Все прочее тело было белое и скорее тучное. Он был жаден до вина, умерен в еде, а любовные утехы признавал единственно только для рождения детей. (7) С общего согласия он принял на себя в Галлии совершение неких священнодействий, которые поручаются обычно самым непорочным людям. (8) Еще и теперь на мозаичной картине в изогнутом портике в садах Коммода мы видим изображение Песценния, в то время как он носит священные предметы Изиды среди самых близких друзей Коммода. (9) Коммод был настолько предан обрядам Изиды, что и голову брил, и Анубиса носил, и участвовал во всех ритуальных остановах. (10) Итак, Нигер был превосходным воином, необыкновенным трибуном, исключительным военным начальником, весьма строгим легатом, замечательным консулом, человеком выдающимся в своей домашней и общественной жизни, но несчастливым императором. В сущности, он под властью Севера, человека мрачного, мог бы быть полезным для государства, если бы только захотел стать на его сторону.

VII. (1) Но он был введен в заблуждение дурными советами Аврелиана, который, помолвив своих дочерей за его сыновей, заставил его упорно домогаться императорской власти. (2) Авторитет Нигра был настолько велик, что, видя, как страдает провинция от слишком быстрой смены администраторов, он написал сначала Марку, а затем Коммоду, советуя им не сменять ни одного наместника провинции — легата или проконсула — раньше пяти лет, так как им приходится слагать свою власть прежде, чем они научатся управлять. (3) Затем он подал еще мысль назначать администраторами помощников — именно в той отрасли, где они были помощниками, чтобы не привлекать к управлению государством новичков; исключение он сделал для военных управлений. (4) Этого правила впоследствии держался и Север, и многие его преемники, как это доказывают назначения на должность префекта Павла и Ульпиана, которые были членами совета у Папиниана, а впоследствии, побывав один — в должности обслуживающего память, а другой — докладчика по прошениям, были назначены префектами. (5) Он же предложил не назначать никого ни помощником правителя, ни администратором в его родной провинции, за исключением римлянина, то есть уроженца Рима, — в Риме. (6) Кроме того, он определил содержание советникам, чтобы они не обременяли тех, чьими помощниками они были, при этом он говорил, что судья не должен ни давать, ни получать. (7) Он держал воинов в большой строгости; когда пограничные воины в Египте стали требовать у него вина, он ответил: «У вас есть Нил, а вы

просите вина» — и действительно, вода в этой реке настолько вкусна, что местные жители не потребляют вина. (8) Когда воины, побежденные сарацинами, стали волноваться и говорили: «Мы не получаем вина, мы не можем сражаться», — он сказал им: «Стыдитесь, — те, кто побеждают вас, пьют воду». (9) Когда жители Палестины просили облегчить их налоговое бремя на том основании, что оно было слишком тяжелым, он ответил: «Вы хотите облегчить налоговое бремя, лежащее на ваших землях, а я хотел бы обложить еще и ваш воздух».

VIII. (1) Прорицатель дельфийского Аполлона, спрошенный во время величайших воднений в государстве, когда стало известно, что имеются три императора — Септимий Север, Песценний Нигер и Клодий Альбин, — кому из них лучше всего управлять государством, говорят, изрек такой греческий стих:

«Лучший, кто смугл, африканец хорош, наихудший же белый»². (2) Это было понятно так, что в этом прорицании смуглым назван Нигер, Север — африканцем, а белым — Альбин. (3) Любопытство побудило задать и другой вопрос: кто завладеет государством. На это он ответил следующими стихами:

«Черного кровь существа и белого также прольется,
Власть над миром возьмет пришлец из пунийского града»³.

(4) Также, когда был задан вопрос, кто ему наследует, он, говорят, ответил тоже греческим стихом:

«Тот, кому боги дадут Пия прозвание иметь».

(5) Это вообще не было понятно до тех пор, пока Бассиан не принял имя Антонина — в этом и заключался подлинный смысл слова «Пий». (6) Также, когда спросили, сколько времени он будет императором, последовал ответ по-гречески:

«На двадцати кораблях он пройдет Италийское море,
Если только корабль море проедет один»⁴.

Отсюда поняли, что Север пробудет императором двадцать лет.

IX. (1) Вот, величайший из Августов Диоклетриан, все, что я узнал о Песценнии из многих книг. Ведь, как мы сказали в начале этой книги, люди неохотно вносят в свои книги жизнеописания тех, которые либо не были в государстве государями, либо не были сенатом провозглашены императорами, либо были очень скоро убиты, не успев стать предметом молвы. (2) Вот почему не пользуется известностью Виндекс, почему ничего не известно о Пизоне и обо всех тех, которые были только усыновлены или воинами провозглашены императорами, как, например, при Домициане Антоний, или скоро были убиты, так что жизнь их была пресечена одновременно с попыткой захватить власть. (3) Теперь же, по порядку, мне надо рассказать о Клодии Альбине, который считается как бы союзником Нигра, так как они вместе восстали против Севера и были им побеждены и убиты. (4) О нем, однако, не имеется достаточно ясных сведений, так как судьба его была такая же, как и судьба Песценния, хотя жизнь далеко не одинаковая. (5) Но чтобы не казалось, что я пропустил что-либо, относящееся к Песценнию, хотя желающие могут узнать об этом из других книг, я прибавлю, что прорицатели сказали о нем Септимию Северу, что он не попадет в руки Севера ни живой, ни мертвый, но ему суждено погибнуть у воды. (6) Некоторые говорят, что это предсказал сам Север на основании астрологии, в которой он был очень сведущ. Эти ответы оказались правильными, так как Песценний был найден полумертвым у болота.

X. (1) Песценний отличался такой строгостью, что, увидав во время похода, как какие-то воины пьют из серебряного кубка, приказал изъять из употребления на

² В биографиях XI и XII перевод стихов сделан А. И. Доватуром.

³ Подражание Вергилию (Эн., I, 340).

⁴ Подражание Вергилию (Эн., I, 381).

время похода всякое серебро, добавив, что следует пользоваться деревянными сосудами. Это вызвало со стороны воинов озлобление против него. (2) Он говорил, что военный багаж может попасть в руки врагов; не надо давать возможность варварским народам чрезмерно хвастаться нашим серебром — другие воины давали врагам меньше повода хвастаться. (3) Он же приказал, чтобы во время похода никто не пил вина, чтобы все довольствовались винным уксусом. (4) Он запретил во время похода следовать за войском пекарям и велел воинам и всем прочим довольствоваться солдатскими сухарями. (5) За похищение одного петуха он приказал отрубить голову десятерым воинам одного манипула, которые ели вместе этого петуха, похищенного одним, и он привел бы этот приказ в исполнение, если бы не просьба всего войска, которое угрожало чуть ли не мятежом. (6) Поощадив осужденных, он приказал, чтобы те десятеро, которые ели краденого петуха, заплатили за петуха провинциалу в десятикратном размере. Сверх того, он дал приказ, чтобы в течение всего этого похода никто из воинов этого манипула не разводил огня, никогда не ел свежесваренной пищи, питался бы хлебом и холодной едой, и назначил наблюдателей за выполнением этого приказа. (7) Он же приказал, чтобы воины, отправляясь на войну, не носили в поясах золотых и серебряных денег, но сдавали их в казну, — с тем чтобы после битв получить обратно то, что они сдали; при этом он добавил, что деньги эти будут выданы сполна их наследникам, детям и женам, кому полагается это наследство, — для того, чтобы в случае, если судьба пошлет какую-нибудь неудачу, ничего не перешло к врагам в виде добычи. (8) Но все это послужило ему во вред: до того дошла распущенность во времена Коммода. (9) Словом, хотя в его время не было никого, кто казался бы более строгим полководцем, однако это повело скорее к его гибели... после его смерти, когда исчезли и зависть, и ненависть к нему, такие примеры получили большое значение.

XI. (1) Во всех походах он на виду у всех принимал солдатскую пищу и никогда не стремился прятаться под крышей от солнца или от дождей, если такой возможности не было у воинов. (2) Наконец, на войне он отсчитывал на свою долю, на долю своих слуг и ближайших товарищей столько, сколько несли воины, нагружая — после объявления воинам подсчитанного количества — своих рабов продовольствием, чтобы они не шли налегке, а воины — нагруженными и чтобы войско, глядя на это, не испытывало огорчения. (3) Он поклялся на сходке, что как в прошлых походах, так и в будущих он вел и будет вести себя не иначе, чем простой воин, имея перед своими глазами пример Мария и подобных ему полководцев. (4) У него только и было разговору, что о Ганнибале и других таких же полководцах. (5) Когда он стал императором и кто-то захотел прочитать панегирик в его честь, Песценний сказал ему: «Напиши хвалебную речь в честь Мария, Ганнибала или любого превосходного полководца, который уже умер, и скажи, что он совершил, чтобы мы могли подражать ему. (6) Ведь восхвалять живых — сущее издевательство, особенно — восхвалять императоров, от которых чего-то ожидают, которых боятся, которые своим покровительством могут помочь карьере, которые могут убить, могут конфисковать имущество». О себе он говорил, что он хочет, чтобы при жизни его любили, а после смерти — восхваляли.

XII. (1) Из государей он любил Августа, Веспасиана, Тита, Траяна, Пия, Марка, остальных же называл соломенными чучелами или ядовитыми змеями; из древней истории он больше всего любил Мария, Камилла, Квинкция и Марция Кориолана. (2) На вопрос о том, что он думает о Сципионах, он, говорят, сказал, что они были скорее счастливыми, чем храбрыми; это доказывает их домашняя жизнь и годы их молодости, которые были у того и у другого, когда они жили дома, не очень блестящими. (3) Все убеждены в том, что Нигер, если бы он завладел властью, исправил бы все то, что не мог или не хотел поправить Север, — и при этом без применения жестокости, а, наоборот, с мягкостью, но мягкостью военной, не дряблой, нелепой и смешной. (4) Дом его и сейчас еще можно видеть в Риме на Юпитеровом поле; он называется Песценниевым, и в нем, в комнате с тремя отделениями, было поставлено через год изображение из фиваидского мрамора, представляющее собой его портрет, которое он получил от царя фивейцев. (5) Имеется и греческая эпиграмма, которая по-латыни дает такой смысл:

(6) Нигер перед вами стоит, Египта воинов ужас,
 Фивам союзник, — хотел век он вернуть золотой.
 Любят его и цари, и Рим золотой, и народы,
 Он Антонинам и всей Римской империи мил.
 Нигер имя ему, и черным он нами изваян,
 Облик его чтобы был, глыба, в согласьи с тобой.

(7) Эти стихи Север не пожелал стереть, хотя его уговаривали сделать это и префекты, и начальники дворцовых ведомств. Он говорил по этому поводу: (8) «Если он был таким, то пусть все знают, какого мужа мы победили; если же он таким не был, то пусть все думают, что мы победили именно такого. Нет, пусть будет так, ибо он действительно был таким».

ХII. Юлий Капитолин

КЛОДИЙ АЛЬБИН

I. (1) После смерти Пертинакса, который был убит по подстрекательству Альбина, были одновременно провозглашены императорами: Юлиан — сенатом в Риме, Септимий Север — войском в Сирии, Песценний Нигер на Востоке, Клодий Альбин — в Галлии. (2) О Клодии Геродиан говорит, что он был Цезарем у Севера, но так как каждый из них считал другого недостойным быть императором и так как ни галлы, ни германские войска не могли этого потерпеть, — ведь и сами они имели своего особого государя, то все со всех сторон пришло в замешательство. (3) Клодий Альбин происходил из знатной фамилии, но родом был из африканского Гадрумета. (4) Поэтому то предсказание оракула, о котором мы говорили в жизнеописании Песценния, — где воздавалась хвала Северу, он относил к себе, не желая понимать слов «наихудший же белый», которые содержались в том стихе, где было прославление Севера и одобрение Нигру Песценнию. (5) Но прежде чем говорить о его жизни и смерти, надо сказать также и об обстоятельствах, выдвинувших его.

II. (1) Некогда Коммод, смещая Альбина, написал ему письмо, в котором приказывал ему быть Цезарем. Я даю его копию: (2) «Император Коммод Клодию Альбину. В тот раз я официально написал о твоём преемнике и о твоём почетном звании; а это письмо — дружеское и частное, написанное, как ты видишь, моей собственной рукой, я посылаю тебе, чтобы дать возможность, в случае надобности, выступить перед воинами и принять имя Цезаря. (3) До меня доходят слухи, что и Септимий Север и Ноний Мурк дурно отзываются обо мне перед воинами, чтобы этим подготовить себе путь к занятию императорского положения. (4) Кроме того, поступив таким образом, ты будешь иметь полную возможность выдать каждому жалованье — до трех золотых, так как я и по этому поводу отправляю письмо моим прокураторам; ты сам получишь его, на нем печать с изображением амазонки. Когда нужно будет, ты покажешь его счетным чиновникам, чтобы они не ослушались тебя, когда ты пожелаешь затребовать деньги из государственного казначейства. (5) Для того чтобы у тебя были какие-нибудь знаки императорского величия, ты отныне будешь иметь право носить греческий плащ алого цвета даже в моем присутствии и на приеме у меня, и находясь со мною; ты будешь также иметь порфиру, но без золота, так как и прадед мой Вер, умерший в юном возрасте, получил такое право от Адриана, который усыновил его».

III. (1) Получив это письмо, Альбин не пожелал исполнить приказание, понимая, что рано или поздно Коммод — из-за своих нравов, которыми он губил государство и обесславил себя, — будет убит, и боясь, как бы вместе с ним не пришлось бы погибнуть и ему самому. (2) До сих пор сохранилась его речь, произнесенная на солдатской сходке, когда он принял императорскую власть (причем, по словам некоторых, она была закреплена за ним волей Севера), — где он упоминает об этом обстоятельстве. (3) Вот ее копия: «Что я, соратники, против своей воли был вынужден стать императором — доказывается тем, что я отверг пожалованное мне Коммодом звание Цезаря. Но теперь мне следует подчиниться вашей воле и воле Севера Августа, так как я убежден, что под

властью превосходного человека и храброго мужа государство может хорошо управляться». (4) Нельзя отрицать и того, о чем упоминает Марий Максим, а именно: что у Севера было сначала намерение — если с ним что-нибудь случится, назначить своими преемниками Песценния Нигра и Клодия Альбина. (5) Однако потом, забоясь о своих подраставших сыновьях и завидуя любому, которого любил, он переменял свое намерение и сломил их обоих с помощью военной силы, главным образом — под влиянием просьб своей жены. (6) Наконец, Север наметил его в консулы: ведь он, с такой тщательностью выбиравший должностных лиц, во всяком случае не сделал бы этого для человека, который не обладал бы превосходными качествами.

IV. (1) Но чтобы возвратиться к Альбину, — происходил он, как я сказал, из Гадрумета, принадлежал к знати своего города; род его шел от римских фамилий Постумиев, Альбинов и Цейониев. (2) И теперь еще, величайший Константин, эта последняя фамилия является очень знатной: она возвеличена и будет возвеличена тобою, а значение ее возросло больше всего благодаря Галлиену и Гордианам. (3) Альбин, однако, родился в скромном доме от безупречных родителей, которые оставили ему небольшое состояние. Отцом его был Цейоний Постум, матерью — Аврелия Мессалина; он был у них первенцем. (4) При своем появлении на свет он — в противоположность всем младенцам, которые при рождении обычно бывают красными, — оказался очень белым и поэтому был назван Альбином. (5) Что это правда — доказывает письмо его отца Элию Бассиану, бывшему тогда проконсулом Африки, по-видимому, их родственнику. (6) Письмо Цейония Постумия Элию Бассиану: «За шесть дней до декабрьских календ у меня родился сын; все тело его сразу же оказалось таким белым, что оно превосходило белизной то полотно, на котором он был воспринят. (7) Поэтому, приняв его на руки, я отдал его фамилии Альбинов, которая одинаково родственна мне и тебе, и дал ему имя Альбина. Люби, как ты это и делаешь, государство, самого себя и нас».

V. (1) Итак, свое детство он провел в Африке. (2) Познания его в греческой и латинской литературе были посредственными, так как он уже тогда, говорят, отличался воинственным и гордым духом. Передают, что в школе, среди мальчиков, он часто пел стихи:

«Взял я оружие, безумный, но мало в оружии толку»¹,

повторяя: «Взял я оружие, безумный». (3) При его рождении, говорят, было много предзнаменований, указывавших на то, что он будет императором. Родился белый бык, но с рогами совершенно пурпурного цвета, так что все удивлялись и рогам, и окраске быка. (4) В бытность свою трибуном Альбин, говорят, положил эти рога в храм Аполлона в Кумах, и они там долго находились. Когда, вопрошая о своей судьбе, он тянул жребий, ответ, говорят, был дан ему следующими стихами:

«Он-то римскую власть, потрясенную смутой великой,
Утвердит, на коне разобьет он пунов и галлов»².

(5) Известно, что и в Галлии он укротил много племен. Что касается слов «разобьет он пунов», то сам Альбин подозревал, что это предсказание имеет в виду Севера, так как Септимий был африканцем. Было и другое предзнаменование ожидавшей его императорской власти. (6) Дело в том, что в фамилии Цезарей был свой особенный обычай — купать малышей из этого дома в корытах из черепаховой кости. Когда родился младенец Альбин, рыбак принес в подарок его отцу огромную черепаху. (7) Получив такое знамение, он, как человек образованный, охотно принял эту черепаху, велел позаботиться о ней и предназначить ее для купаний младенца в теплой воде, надеясь, что это будет способствовать будущей его славе. (8) Хотя в тех местах, где родился Альбин, редко можно видеть орлов, — в седьмой день его жизни, в час пира, который устраивался в честь ребенка, когда ему давались имена, были принесены из гнезда семеро ма-

¹ Вергилий, Эн., II, 314.

² Вергилий, Эн., 857—858.

леньких орлят и — словно в шутку — поставлены вокруг колыбели мальчика. Отец не отверг и этого знамения: он велел кормить орлов и тщательно о них заботиться. (9) К этому присоединилось еще одно знамение: в этой семье был обычай пеленать детей в розовые пеленки; те, которые были приготовлены матерью перед родами, случайно оказались еще мокрыми после стирки, и его завернули в пурпурную повязку матери, почему кормилица и дала ему в шутку имя Порфирия. (10) Было много и других предзнаменований ожидавшей его императорской власти. Тот, кто желает знать их все, пусть читает Элия Корда, который подробно рассказывает всякие пустяки по поводу такого рода знамений.

VI. (1) Достигнув юношеского возраста, он сразу же посвятил себя военной службе. Благодаря своим родственникам Лоллию Серену, Бебию Мециану и Цейонию Постумиану он стал известен Антонинам. (2) В звании трибуна он командовал далматскими всадниками. Командовал он также четвертым и первым легионом. Во время восстания Авидия он удержал в повиновении вифинские войска. (3) Затем, переведенный Коммодом в Галлию, он разбил зарейнские племена и прославил свое имя как у римлян, так и у варваров. (4) Восхищенный этими успехами, Коммод предложил ему звание Цезаря, право выдавать жалование воинам и носить греческий плащ алого цвета. (5) От всего этого он благоразумно отказался, говоря, что Коммод ищет людей, которые могли бы погибнуть с ним или которых он сам мог бы убить, имея на то достаточное основание. (6) Ему было разрешено пропустить должность квестора. Получив такую милость, он пробыл эдилом не больше десяти дней и спешно был послан к войску. (7) Затем он исполнял должность претора; это преторство было самым замечательным в правление Коммода, так как во время его игр Коммод устроил, как передают, сражение и на форуме, и в театре. (8) Консулом его объявил Север — в то время, когда он готовился назначить Альбина вместе с Песценнием своим преемником.

VII. (1) Он достиг императорской власти уже в преклонных годах, — был он старше Песценния Нигра, как говорит в своем жизнеописании сам Север. (2) После победы над Песценнием Север, желая сохранить власть для своих детей и видя, что сенат относится с необыкновенной любовью к Клодию Альбину как человеку древнего рода, он отправил Альбину через некоторых лиц наполненное уверениями в величайшей приязни и величайшем расположении письмо, в котором убеждал его, раз Песценний Нигер убит, согласиться совместно с ним — на основе доверия — править государством. Корд приводит копию этого письма в таком виде: (3) «Император Север Август Клодию Альбину Цезарю, любимейшему и желаннейшему брату, привет. (4) Победив Песценния, я отправил в Рим письмо, которое сенат, горячо любящий тебя, принял с удовольствием. Я прошу тебя править государством с той же любовью, какую я чувствую к тебе, дорогой брат души моей, мой брат по управлению империей. (5) Бассиан и Гета шлют тебе привет. Наша Юлия шлет привет тебе и сестре. Твоему маленькому сыну Песценнию Принку мы пошлем подарки, достойные его и твоего положения. (6) Прошу тебя, удерживай в своих руках войско ради государства и нас, часть души моей, мой дражайший, мой любимейший».

VIII. (1) Передав это письмо самым верным людям из своей свиты, он поручил им вручить письмо на виду у всех, а потом сказать, что они хотят переговорить наедине о многом — по поводу военных дел, лагерных тайн и верности придворных; когда же они придут в уединенное место, как бы для того, чтобы передать поручение, пятеро самых сильных должны убить Альбина короткими мечами, спрятанными под одеждой. (2) Они не обманули его доверия. Прибыв к Альбину и передав ему письмо, они, после того, как письмо было прочтено, сказали, что им надо кое о чем переговорить совершенно секретно, и потребовали, чтобы было назначено место, где не было бы свидетелей, причем настаивали на том, чтобы вообще никто не шел вместе с Альбином в очень отдаленный портик — под тем предлогом, что содержание письма не должно быть разглашено. Альбин, однако же, разгадал их коварный замысел. (3) Под влиянием своих подзвонников он велел пытать посланных. Сначала они упорно отрицались, но потом, уступая принуждению, признались в том, что поручил им сделать Север. (4) После того как замысел Севера был разглашен и козни его обнаружены, Альбин понял очевидность

того, что он только подозревал, и, собрав огромное войско, двинулся против Севера и его полководцев.

IX. (1) В первом столкновении с полководцами Севера он оказался победителем, но затем Север, добившись от сената объявления Альбина врагом, сам отправился против него и весьма упорно и храбро сражался с ним в Галлии с переменным счастьем. (2) Наконец, он в тревоге обратился к авгурам и получил, как говорит Марий Максим, такой ответ, что Альбин, правда, попадет в его руки, но не живым и не мертвым, что и сбылось. (3) В последнем сражении, когда бесчисленное количество его воинов было убито, большинство бежало, а многие и сдались, сам Альбин обратился в бегство и, по словам многих, сам поразил себя, а по словам других — его поразил мечом его собственный раб; к Северу он был доставлен полумертвым, и таким образом исполнилось раннее данное предсказание. (4) Многие, кроме того, говорят, что он был убит воинами, которые, убивая его, думали снискать этим милость Севера. (5) Некоторые говорят, что у Альбина был один сын; Марий Максим говорит — двое. Сначала Север пощадил их, а потом велел убить их вместе с их матерью и бросить в проточную воду. (6) Его отрубленную голову Север велел носить на копье, а потом отослать ее в Рим с письмом сенату, в котором он издевался над сенаторами по поводу того, что они до такой степени любили Альбина, что осыпали необыкновенными почестями его родственников и особенно его брата. (7) Говорят, что труп Альбина лежал перед палаткой командующего Севера очень много дней, пока не разложился, и, истерзанный собаками, был брошен в проточную воду.

X. (1) О нравах его рассказывают разное, и сам Север говорит подробно — для того, чтобы назвать его мерзким, лукавым, бесчестным, недостойным, алчным, расточительным. (2) Но это он говорил во время войны или после войны, когда ему вообще нельзя было верить, так как он говорил о враге, тогда как раньше и сам он часто посылал ему письма как самому близкому другу, и другие высказывали об Альбине хорошее мнение. (3) Сам Север хотел назвать его своим Цезарем и, думая о своем преемнике, в первую очередь имел в виду его. (4) Имеются также письма Марка Антонина об Альбине, заключающие в себе свидетельство о его доблестях и добрых нравах. (5) Не будет неуместным поместить здесь одно из них, написанное по поводу него префектам: (6) «Марк Аврелий Антонин своим префектам привет. (7) Альбину из рода Цейониев, хотя и африканцу по рождению, но в очень малой степени унаследовавшему нравы этой страны, зятю Плавтилла, я дал командование над двумя конными когортами. Это человек опытный, отличающийся суровым образом жизни и почтенными нравами. Думаю, что он будет полезным в лагере; во всяком случае, я вполне уверен в том, что вреда он не принесет. (8) Я назначил ему двойное содержание, простую военную одежду, а жалование — в четырехкратном размере против того, какое причитается ему по его положению. Ободрите его, чтобы он показал себя перед государством, — в будущем он будет награжден по заслугам». (9) Есть и другое письмо, написанное о нем тем же Марком во время восстания Авидия Кассия. Вот его копия: (10) «Похвальна твердость Альбина, который удержал в повиновении сильно колебавшиеся войска, когда они готовы были перейти на сторону Авидия Кассия. (11) Если бы не он, — все бы отпало. Таким образом, мы имеем в нем человека, достойного консульства; я назначу его на смену Кассию Папирию, о котором мне сообщили, что он едва дышит. (12) Однако пока что я не хочу, чтобы ты разгласил это: как бы это не дошло до самого Папирия или до его близких и не показалось, что мы на место еще живого консула назначили другого».

XI. (1) Что Альбин был человеком твердым — доказывается и приведенными письмами, и особенно тем, что он послал деньги для восстановления городов, разрушенных Нигром, чтобы тем легче привлечь на свою сторону их жителей. (2) Кодр, который в написанных им томах излагает разные мелочи, сообщает, что он был прожорлив и поглотил такое количество фруктов, какое не может охватить человеческий разум. (3) По его словам, он съел натошак пятьсот воробьиных фиг, которые греки называют каллиструтиями, сто кампанских персиков, десять остийских дынь, двадцать фунтов лабиканского винограда, сто фиговых пенок и четыреста устриц. (4) Он же говорит, что Альбин был умерен в употреблении вина, но это отрицает Север, который утверж-

дает, что Альбин пьянствовал даже на войне. (5) Со своими он был всегда в дурных отношениях либо вследствие своей страсти к вину, как говорит Север, либо вследствие крутости своего нрава. (6) Жене он был в высшей степени ненавистен, по отношению к слугам — несправедлив, по отношению к воинам — свиреп. Часто он распинал на кресте даже образцовых центурионов, хотя вина их не требовала такого наказания. Розгами он наказывал очень часто и проступков никогда не прощал. (7) Он носил очень щегольскую одежду, в еде же был крайне неразборчив и заботился только о количестве. Он был одним из первых любителей женщин, но всегда чуждался извращенных любовных утех и преследовал за такие вещи. Он имел большие познания в сельском хозяйстве и даже написал книгу «Георгики». (8) Некоторые приписывают ему «Милетские рассказы», пользующиеся немалой славой, хотя написаны они посредственно.

XII. (1) Сенат любил его как никого из государей, главным образом — из нерасположения к Северу, которого сенаторы сильно ненавидели за его жестокость. (2) Победив Альбина, Север убил очень многих сенаторов, которые либо действительно были, либо казались сторонниками Альбина. (3) Когда Альбин был убит при Лугдуне, Север немедленно приказал отыскать его письма — для того, чтобы узнать, кому он писал и кто ему отвечал, и он заставил сенат признать врагами всех тех, чьи письма он нашел; (4) никого из них он не простил, но самих погубил, а имущество их конфисковал и велел сдать в государственную казну. (5) Имеется письмо этого императора сенату, в котором хорошо отражается его характер. (6) Вот его копия: «Ничего не может быть тяжелее для меня, отцы сенаторы, нежели видеть, что вы благоволите больше к Альбину, чем к Северу. (7) Я доставил хлеб государству, я вел много войн за государство, я доставил римскому народу столько масла, сколько с трудом можно было найти в природе. Убив Песценния Нигра, я освободил вас от бедствий тирании. (8) Вы превосходно вознаградили меня за это, превосходно отблагодарили: какого-то африканца, притом из Гадрумета, выдумавшего, будто он происходит от крови Цейониев, вы так возвеличили, что пожелали иметь его своим государем, в то время как государем являюсь я и живы мои дети. (9) Неужели, спрашиваю я, в составе столь большого сената не нашлось кого-нибудь другого, кого вам следовало бы полюбить, кто любил бы вас. Брата этого человека вы возвеличили, осыпав его почестями, от него вы ждете консульств, от него — преторств, от него — всяких должностей с их знаками отличия. (10) Не такую благодарность проявляете вы по отношению ко мне, какую выказали ваши предки, выступив против приверженцев Пизона, высказавшись за Траяна и, недавно еще, выступив против Авидия Кассия; этого притворщика, готового на всякого рода обман, лживо присвоившего себе знатность, вы предпочли мне. (11) Больше того, — стоило только послушать в сенате Статилия Корфулена, когда он предлагал назначить почести Альбину и его брату: недоставало только одного — чтобы этот знатный муж внес еще предложение о назначении триумфа за победу надо мной. (12) Еще больше огорчило меня то, что большинство из вас считало долгом восхвалять его как образованного человека, тогда как он до самой старости занимался какими-то старушечьими побасенками, вращаясь между милетско-пунийскими рассказами своего Апулея и литературными забавами». (13) Отсюда можно видеть, с какой суровостью Север покарал приверженцев Песценния и приверженцев Клодия. (14) Все это рассказано в жизнеописании Севера. Тот, кто хочет узнать об этом подробнее, пусть прочтет из римских писателей Мария Максима, а из греческих — Геродиана, которые достоверно рассказывали об очень многом.

XIII. (1) Альбин был высокого роста, на своих курчавых волосах он носил повязку, лоб у него был широкий. Кожа его отличалась удивительной белизной, которая приводила всех в изумление; вследствие этого, как думают многие, он и получил свое имя. Голос у него был женский и по звуку приближался к голосу евнухов. Он легко приходил в возбуждение, в гневе был неумолим, в ярости — страшен. В излишествах он был непостоянен: часто проявлял слабость к вину, не раз бывал воздержан. (2) Он хорошо владел оружием. Словом, его очень удачно называли Катгилиной своего времени. (3) Мы считаем излишним изложить причины, по которым Клодий Альбин заслужил любовь сената. (4) Командуя, по приказу Коммода, британскими войсками и получив

ложное — для того времени — известие об убийстве Коммода, он, несмотря на то, что сам Коммод пожаловал ему имя Цезаря, выступил перед войнами на сходке с такой речью: (5) «Если бы сенат римского народа имел свою прежнюю, всем известную власть и столь великое государство не находилось в руках одного человека, то судьбы государства не зависели бы ни от Вителлиев, ни от Неронов, ни от Домицианов. Консульская власть принадлежала бы родам Цейониев, Альбинов, Постумиев, о которых многое узнали ваши отцы, сами слышавшие о них от своих отцов: (6) ведь сенат присоединил к Римской империи Африку, сенат добавил Галлию, сенат покорил Испанию, сенат предписал законы восточным народам, сенат пытался покорить парфян и покорил бы, если бы судьба государства не поставила тогда во главе войска корыстолюбивого вождя. (7) Британию завоевал Цезарь, который был тогда, несомненно, сенатором, но еще не диктатором. И сам этот Коммод, насколько лучше был бы он, если бы чувствовал страх перед сенатом. (8) Авторитет сената имел значение вплоть до времен Нерона: сенат не побоялся осудить этого грязного и мерзкого государя — ведь были высказаны мнения, враждебные тому, кто держал тогда в своих руках жизнь и смерть и имел всю полноту власти. (9) Поэтому, соратники, я не хочу принять имя Цезаря, которое даровал мне Коммод. (10) Да сделают боги так, чтобы и другие также этого не пожелали. Пусть властвует сенат, пусть он распределяет провинции, пусть он делает нас консулами! Но что я говорю — сенат? Нет, вы сами и ваши отцы, так как вы сами будете сенаторами».

XIV. (1) Эта речь была передана в Рим еще при жизни Коммода. Она так сильно восстановила его против Альбина, что он немедленно послал ему преемника — одного из близких своих товарищей Юния Севера. (2) Сенату же речь эта так понравилась, что он приветствовал Альбина, хотя тот и был далеко, удивительными возгласами — как при жизни Коммода, так и потом, когда Коммод был убит. Некоторые даже советовали Пертинаксу принять Альбина в соправители; его авторитет больше всего подействовал на Юлиана, когда последний решил убить Пертинакса. (3) Чтобы стало понятно, что это правда, я помещаю здесь письмо Коммода к своим префектам претория, в котором он выразил свое намерение убить Альбина, (4) «Аврелий Коммод префектам, привет. Вы, думаю, слышали, прежде всего, о том, что был пущен ложный слух, будто я убит по решению моих близких, а затем — и о речи, произнесенной перед моими войнами Клодием Альбином, который очень подслуживается к сенату и притом, насколько мы понимаем, не без успеха. (5) Ведь тот, кто утверждает, что в государстве не должно быть единого государя, кто настаивает на том, что все государство должно управляться сенатом, тот с помощью сената добивается для себя императорской власти. Поэтому тщательнейшим образом следите за ним: вы ведь знаете уже, что это такой человек, которого и вам, и войнам, и народу следует избегать». (6) Когда Пертинакс нашел это письмо, он обнаружил его, чтобы вызвать ненависть к Альбину. Вот почему Альбин и подстрекал Юлиана к убийству Пертинакса.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ

в ВДИ № 1—1958 г.

- АВИИУ — М. И. Дьяконов, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту, ВДИ, 1951, №№ 2—4.
AfO — Archiv für Orientforschung
AJSL — American Journal of semitic languages and literatures
Ann. Serv. — Annales du Service des antiquités de l'Égypte, le Caire
AO — Der Alte Orient (серия), Lpz.
Ar. Or. — Archiv Orientalní, XXII (1954), № 4, стр. 510.
ÄZ — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde, Leipzig
BA — The Biblical Archaeologist
BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
Bib. Or. — «Bibliotheca Orientalis»
ГНМПл — Годичник на Народната археологически музей, Пловдив
ГПНБМ — Годичник на Пловдивския Народен музей и Библиотека
САН — The Cambridge Ancient History
CIA — Corpus Inscriptionum Atticarum
CIE — Corpus Inscriptionum Etruscarum
CIG — Corpus Inscriptionum Graecarum
CIJ — Frey, Corpus Inscriptionum Judaicarum I, Roma 1936
CPh — Classical Philology
CRAI — Comptes rendus de l'académie des inscriptions et des belles lettres
DA — Dictionnaire des antiquités grecques et romaines
GGM — Geographi Graeci Minores, ed. Müller
НАВ — Хеттско-аккадская билингва Хаттусилиса I (по изданию F. Sommer and A. Falkenstein, Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattusilis, München, 1938.
НАВЛ — R. F. Harper, Assyrian and Babylonian Letters, I—XII, L., 1892
HE — Friedrich, Hethitisches Elementarbuch
HT — Hittite text in the cuneiform character, L., 1920
HW — Friedrich, Hethitisches Wörterbuch, I Lief., 1952, Heidelberg, стр. 71
ИАИ — Известия на Археологическия институт, София
IEJ — Israel Exploration Journal
IG — Inscriptiones Graecae
IGR — Cagnat, Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes, I, fasc. 4, Paris, 1906
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИЖ — Исторический журнал
ИАД — Известия на Археологическото дружество, София
JA — Journal Asiatique
JAOS — Journal of the American Oriental Society
JCS — Journal of Cuneiform Studies
JDAI — Jahrbuch des deutschen Archäologischen Instituts
JEA — Journal of Egyptian archaeology
JNES — Journal of Near Eastern Studies
JQR — The Jewish Quarterly Review
JRSt — Journal of Roman Studies
ЗВАХ, II — «Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства», перевод и комментарии под редакцией И. М. Дьяконова, ч. II, ВДИ, 1952, № 4
ЗВОРАО — Записки Восточного отдела Русского археологического общества
КВо — Keilschrifttexte aus Boghazköi, Lpz (серия)
KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköi, В. (серия)

- L e h m a n n - H a u p t, Armenien — C. F. L e h m a n n - H a u p t, Armenien
 einst und jetzt В.— Lpz., I—II (ч. 1—2), 1910—1931.
 LTU — Luvische Texte in Umschrift, von H. O t t e n, В., 1953
 МАК — Материалы по археологии Кавказа
 Мсб — Сборник за народни умотворения на Министерството на Народната просвета
 Нум. Сб.— Нумизматический сборник
 ÖJh — Jahreshefte des Österreichischen archäologischen Instituts
 OLZ — Orientalistische Literaturzeitung
 PCZ — C. C. E d g a r, Zenon Papyri
 PEQ — Palestine Exploration Quarterly
 PSBA — Proceedings of the Society, of Biblical Archaeology, London
 PSI — Papiri greci e latini (Publicazioni della Società italiana)
 RA — Revue archéologique
 RAss — Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale, XLVIII (1954), № 1, стр. 46
 RB — Revue Biblique
 RdPh — Revue de Philologie
 REA — Revue des études anciennes
 REG — Revue des études grecques
 RIJG — D a r e s t e — H a u s s o u l l i e r — R e i n a c h, Recueil des inscriptions juridiques
 grecques, II, fasc. 2—3, Paris, 1904
 RM — Rheinisches Museum für Philologie
 RV — «Rig-Veda» (по изданию Т. A u f r e c h t, Die Hymnen des Rigveda, I—II,
 В., 1955).
 SE — Studi Etruschi
 SEHWW — M. Rostovtzeff, The Social and Economic History of the Hellenistic World
 SIG — W. D i t t e n b e r g e r, Sylloge Inscriptionum Graecarum
 SPAW — Sitzungsberichte der Preuss. Akademie der Wissenschaften
 СП — С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, М.—Л., 1953
 TLZ — Theologische Literaturzeitung
 ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
 УКН — Г. А. М е л и к и ш в и л и, Урартские клинообразные надписи, ВДИ,
 1953, № 1—4, 1954; № 1
 WB — A. E r m a n und H. G r a p o w. Wörterbuch der aegyptischen Sprache, Bd. 1—5,
 Leipzig, 1955.
 VBGAEU — Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie
 und Urgeschichte
 ZA — Zeitschrift für Assyriologie, Neue Folge
 ZE — Zeitschrift für Ethnologie
-

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Вяч. Иванов</i> (Москва) — Происхождение и история хеттского термина ranku— «собрание» (окончание)	3
<i>В. В. Шлегель</i> (Москва) — К истории Ванского царства (Урарту) второй половины VIII— первой половины VII вв. до н. э.	16
<i>Ю. В. Откупщиков</i> (Ленинград) — Внешняя политика Афин 438—431 гг. в свете трагедий Эврипида	35
<i>Н. Н. Залесский</i> (Ленинград) — Этруски в Лигурии	52
<i>Проф. М. А. Индра</i> (<i>Bhargava municipal college, Simla</i>) — Концепция государства общественного благополучия у Ашоки	72

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>И. А. Стучевский</i> (Москва) — К толкованию данных папируса Вильбур о землепользовании и налогообложении в Египте времени Рамессидов	77
<i>Н. Н. Пижус</i> (Москва) — Эволюция <i>ἄνοιησις</i> в эллинистическом Египте в свете P. Rev = SB/Vh. 1 и Pp. Tebt. 703 и 5	93
<i>И. Д. Амузин</i> (Ленинград) — Документы из Вади-Мурабба'ат	104
<i>Э. Берзин</i> (Москва) — Синдика, Боспор и Афины в последней четверти V в. до н. э.	124
<i>И. Б. Брашинский</i> (Ленинград) — Торговые пошлины и право беспощлинности на Боспоре (IV век до н. э.)	129
<i>Б. И. Надель</i> (Польша) — Филологические и дипломатические заметки к Боспорским манумиссиям	137
<i>Л. А. Ельницкий</i> (Москва) — К эпиграфике Гарни и Апарана	146
<i>Казимир Маевский</i> (Польша) — Западнославянские земли в древности и Римская империя	150
<i>Дим. Цончев</i> (Болгария) — Новые данные о римской дороге Филиппополь — Эск — Дакия	164
<i>В. М. Брабич</i> (Ленинград) — Об изображении эмблемы коллегии квиндецимвиров на монетах римского императора Вителлия	168

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Ш. В. Абрамидзе и Н. Ломоури</i> (Тбилиси) — Новые работы грузинских историков по истории античности.	172
<i>И. С. Свенцицкая</i> (Москва) — Проблемы истории Греции и эллинистических государств в «Ученых записках» университетов и педагогических институтов	177
<i>С. Н. Бенклиев</i> (Воронеж) — П. Карышковский. Восстание Спартака	187
<i>В. В. Каракулаков</i> (Сталинабад) — Исследования по древней истории в журнале «Studii și cercetări de istorie veche»	188
<i>К. В. Старкова</i> (Ленинград) — Новая литература о рукописях из окрестностей Мертвого моря	196
<i>Л. Е.</i> (Москва) — По страницам новых публикаций и исследований	212
Из новых поступлений московских библиотек	223

ХРОНИКА

<i>Я. Печирка, П. Олива, А. Шмидтова, Э. Свободова</i> (Прага) — Международная конференция античников в Либлице (Чехословакия)	230
Проф. <i>[Н. Ф. Дератани]</i> (Москва) — Научные сессии кафедр классической филологии Московского и Ленинградского университетов	244
Памяти Н. Ф. Дератани	246

ПРИЛОЖЕНИЕ

Scriptores Historiae Augustae. Перевод С. П. Кондратьева под ред. А. И. Дованяна. Примечания С. П. Кондратьева	251
--	-----

S O M M A I R E

<i>Viatch. Ivanov</i> (Moscou) — L'origine et l'histoire du terme hittite panku — «assemblée» (fin)	3
<i>V. V. Chléev</i> (Moscou) — Sur l'histoire du royaume de Van (Urartu) seconde moitié du VIII — première moitié du VII siècle av. n. ère.	16
<i>J. V. Otkoupchikov</i> (Léningrad) — La politique extérieure d'Athènes 438—431 av. n. ère d'après Euripide	35
<i>N. N. Zaleski</i> (Léningrad) — Etrusques en Ligurie	52
Prof. <i>Indra</i> (<i>Bhargava municipal college, Simla</i>) — La conception de l'état de prospérité sociale chez Ashoki	72

R A P P O R T S E T C O M M U N I C A T I O N S

<i>I. A. Stoutchevski</i> (Moscou) — Sur l'usage de la terre et les impôts en Egypte à l'époque des Ramessides selon le papyrus de Wilbour	77
<i>N. N. Pikous</i> (Moscou) — Evolution d' ἰσονομίᾳ en Egypte hellénistique selon le P. Rev. =SB./Bh. I et PP. Tebt. 703 et 5	93
<i>I. D. Amoussine</i> (Léningrad) — Les documents de Vadi-Mourabba'at	104
<i>E. Berzine</i> (Moscou) — Syndica, Bosphore et Athènes au dernier quart du V-ième siècle av. n. ère	124
<i>I. B. Brachinski</i> (Léningrad) — Les impôts sur le commerce et le droit à la franchise à Bosphore (IV s. av. n. ère)	129
<i>B. I. Nadel</i> (Pologne) — Notes philologiques et diplomatiques sur les manumissions à Bosphore.	137
<i>L. A. Elnitski</i> (Moscou) — Sur l'épigraphie de Garni et d'Aparan	146
<i>Caz. Majeovski</i> (Pologne) — Les terres des slaves occidentaux dans l'antiquité et l'Empire romain	150
<i>D. Tsontchev</i> (Bulgarie) — Nouvelles sur la voie romaine Philippopolis — Oescus — Dacia	164
<i>V. M. Brabitch</i> (Léningrad) — Emblème du collège des quindécimviri sur les monnaies de l'empereur romain Vitellius	168

C R I T I Q U E E T B I B L I O G R A P H I E

<i>Ch. V. Abramidzé, N. Lomoouri</i> (Tbilissi) — L. D. Sanikidzé, Le royaume Pontique. T. S. Kaoukhtchichvili, Géographie de Strabon, renseignements sur la Géorgie	172
<i>I. S. Sventsitskaïa</i> (Moscou) — L'histoire de la Grèce et des états hellénistiques dans les Bulletins des Universités et des Instituts pédagogiques.	177
<i>S. N. Benkliev</i> (Voronège) — P. Karychkovski, L'insurrection de Spartacus	187
<i>V. V. Karakoulakov</i> (Stalinabad) «Studii și cercetări de istorie veche»	188
<i>K. B. Starkova</i> (Léningrad) — Sur les manuscrits des environs de la mer Morte (livres récemment parus)	196
<i>L. E.</i> (Moscou) — Certaines publications nouvelles	212

C H R O N I Q U E

<i>Jan Petchirka, P. Oliva, A. Chmidtova, E. Svobodova</i> (Prague) — Conférence internationale sur l'histoire de l'antiquité à Liblitzé (Tchécoslovaquie)	230
<u>[N. F. Dératani]</u> (Moscou) — Sessions des chaires de philologie classique des universités à Moscou et à Léningrad	244
A la mémoire de N. E. Dératani	246

S U P P L E M E N T

Scriptores Historiae Augustae. Traduction de S. P. Kondratiev, sous la rédaction de A. I. Dovatour. Notes de S. P. Kondratiev	251
---	-----

настоятельно просят авторов ВДИ при подготовке и корректировании их статей
тщательно придерживаться нижеследующих правил:

1. Присылать рукописи обязательно в трех экземплярах, перепечатанными на машинке. Печатать следует на одной стороне листа, через два интервала. 2. Все краткие ссылки давать в тексте статьи, более подробные ссылки — в сносках, через два интервала. 3. Сноски помещать вблизи страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок — постраничная. 4. Имена и названия произведений древних авторов давать в латинской транскрипции; имена и названия трудов зарубежных авторов — на языке оригинала. 5. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), год и место издания, страница. 6. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала (полное название дается в кавычках, сокращенное — без кавычек), том журнала, год издания (в скобках), выпуск или номер (в течение года), страница. 7. Отдельные элементы сноски на одну работу отделяются запятыми; сноски на различные работы отделяются точкой с запятой. 8. Классики марксизма-ленинизма цитируются по новейшему изданию. 9. Цитаты на древних языках должны сопровождаться переводом. 10. К каждой статье прилагается список употребляемых сокращений в двух экземплярах. Просьба сокращения употреблять по образцам предыдущих номеров ВДИ. 11. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото—контрастные и рисунки—тушью); на обороте каждого рисунка следует указывать: название статьи, номер рисунка, текст подписи под рисунком. Все эти данные должны быть указаны и в особом списке иллюстраций, который следует присылать также в 2-х экземплярах. Кроме того, все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского и греческого алфавитов, должны быть также дублированы на кальку для изготовления клише. 12. Оригинал статьи должен быть подписан автором. 13. При правке корректур автор должен опираться на свой экземпляр статьи, совершенно идентичный с посланным в редакцию. 14. Все цитаты, и особенно цитаты на древних языках, должны быть тщательно проверены и ясно написаны. При корректурах автор может исправлять в цитатах только типографские опечатки. 15. При правке корректур следует: а) выносить правку на то поле корректуры, куда обращен корректорский знак, по возможности ближе к исправляемому месту; б) не употреблять одних и тех же корректорских знаков в пределах одной гранки.

Редакция просит также авторов по выходе их работ из печати присылать в редакцию списки замеченных опечаток и редакционных ошибок в их статьях.

* * *

Редакция ВДИ просит все научные учреждения и всех лиц, знающих о существовании неопубликованных переводов источников по истории древнего Востока и античного мира, сообщить в редакцию краткие сведения о переводчике и месте нахождения рукописи.

Henker

Список опечаток, замеченных в ВДИ № 4 за 1957 г.

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
44	3-я сверху	Ed.	Oed. R.
45	1-я сверху	ἄπολις	ἄπολις
47	4-я сверху	ст.	гл.
202	17-я снизу	филология	мифология

Исправления к ВДИ № 4 за 1957 г.

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
65	4-я сверху	об оценке земли 800 драхм за хлеб, на дорогу 80 драхм	об оценке урожая 800 драхм, за хлеб на дорогу—80драхм
68	17-я снизу		

Редакционная коллегия:

проф. *В. И. Авдисе*

проф. *Н. Ф. Дератани*

чл.-корр. АН СССР *С. В. Киселев* (глав-
ный редактор)

к. и. н. *Н. М. Постовская*

к. и. н. *О. И. Савостьянова*

акад. *В. В. Струве*

к. и. н. *З. В. Удальцова*

проф. *С. Л. Утченко* (зам. гл. редактора)

к. и. н. *Г. Г. Димигенский* (отв. секретарь)

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, Институт истории АН СССР
Телефон Б-8-81-42

Подписано к печати 18.III.1958 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 8⁹/₁₆. Печ. л. 23,63 + 1 вкл.
Уч.-изд. 25,9 Тираж 2850 экз. Зак. 2324. Т- 02818

2-я тип. Издательства АН СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

КОНТОРА «АКАДЕМКНИГА»

Имеются в продаже книги:

- Головня В. В.* Аристофан (Институт истории искусств). 1955. 184 стр. с илл. Ц. 4 р. 80 к. в переплете.
- Древняя Греция* (Институт истории). 1956. 613 стр. с илл. и картами. Ц. 34 р. 15 к. в переплете.
- История греческой литературы.* Том II. История, философия, ораторское искусство классического периода (Институт мировой литературы им. Горького). 1955. 309 стр. с илл. Ц. 11 р. 70 к. в переплете.
- Катон Марк Порций.* Земледелие. Перевод и комментарии М. Е. Сергеевко (Серия «Литературные памятники»). 1950. 219 стр. с илл., 4 вкл. Ц. 10 р. 35 к. в переплете.
- Луций Марк Анней.* Фарсалия, или поэма о гражданской войне. Перевод Л. Е. Остроумова. Редакция и комментарии Ф. А. Петровского (Серия «Литературные памятники»). 1951. 348 стр. Ц. 13 р. 95 к. в переплете.
- Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту.* Перевод и комментарии В. О. Горенштейна (Серия «Литературные памятники»):
- Том II. Годы 51—46. 1950. 502 стр. Ц. 18 р. 70 к.
- Том III. Годы 46—43. 1951. 826 стр., 7 вкл. Ц. 30 р. 60 к. в переплете.
- Публий Теренций.* Адельфы. Комедия. Введение и комментарии С. И. Соболевского (Отделение литературы и языка АН СССР). 1954. 462 стр. с илл., 1 вкл. Ц. 18 р. 60 к. в переплете.

Книги продаются в магазинах «Академкнига»: Москва, ул. Горького, 6; Ленинград, Литейный проспект, 57; Свердловск, ул. Белинского, 71-в; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Горьковский пер., 4/6; Ташкент, ул. К. Маркса, 29; Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; Баку ул. Джапаридзе, 13.

Иногородним заказчикам книги высылаются по почте наложенным платежом.

Заказы направлять в контору «Академкнига»: Москва, ул. Куйбышева, 8, а также в ближайший из указанных магазинов.